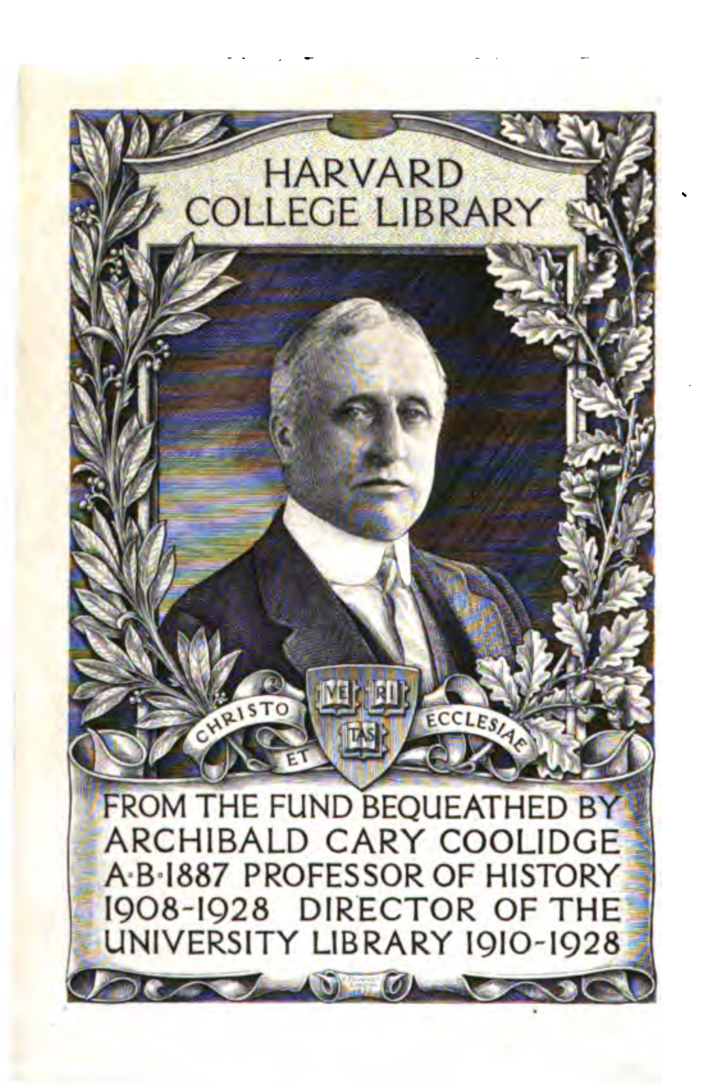

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE
RI
TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

271

ТОМЪ ДВѢСТИ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ШЕСТОЙ)

1901.

ЯНВАРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

		Стр.
I.	ОТЪ СМУТНЫХЪ ДНЕЙ. Глава первая. Романъ **Князя Д. П. Голицына.**	1
II.	FINIS. Очеркъ изъ жизни „подснѣжниковъ". **М. П. Садовскаго.**	57
III.	„ВЪ МОИСЕЙСКУЮ ГУБЕРНІЮ!" Разказъ очевидца. **Р. Л. Маркова.**	81
IV.	ГОРБУНЪ. Разказъ изъ римской жизни. **Антона Андреа.**	103
V.	ПИСЬМА Н. Н. СТРАХОВА КЪ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОМУ. I—VIII. Сообщилъ **И. П. Матченко.**	127
VI.	КУЛЬТУРА МѢСТНЫХЪ РАСТЕНІЙ. Посвящается графинѣ Екатеринѣ Павловнѣ Шереметевой. **С. А. Рачинскаго.**	143
VII.	ИЗЪ ГЕЙНЕ. 1—4. Стихотворенія **О. П. Вейссъ.**	148
VIII.	ДРЕВНѢЙШІЙ ХРИСТІАНСКІЙ ПАМЯТНИКЪ ВЪ КИТАѢ. **С. С. Слуцкаго.**	151
IX.	У ДНѢПРА. Стихотвореніе. **П. В. Быкова.**	166
X.	ЛУИ ПАСТЭРЪ. Критико-біографическій очеркъ. **А. М.**	167
XI.	I. „СКАЖИ ВОЗМОЖНО ЛИ СТРАДАТЬ". II. „ПОСЛѢДНІЕ ЗАМЕРЛИ ЗВУКИ". Стихотворенія. **Е. А. Варженевской.**	182
XII.	ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ ВЪ ЭПОХУ АЛЕКСАНДРА II. 1855—1870 I—II. **А. А. Папкова.**	183
XIII.	СМѢСЬ.	214
XIV.	БИБЛІОГРАФІЯ. *(См. 4-ю стр. обложки)*	224
XV.	НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. *(См. 4-ю стр. обложки)*	260
XVI.	СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. *(См. 4-ю стр. обложки)*	281
XVII.	ПРИЛОЖЕНІЯ. Разказы иностранныхъ писателей:	
	1. Разказы Андре Лихтенбергера.	3
	2. Разказы Анри Лаведана.	36
	3. „Адамово колѣно". Разказъ Янка Веселиновича.	51
	4. Посѣщеніе родителей. Разказъ Іосифа Козарца.	67
	5. По изданіи стихотвореній. Разказъ С. Чеха.	88

Условія подписки на 1901 годъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе **„Русскаго Вѣстника“**, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ: безъ доставки въ конторѣ журнала **15** р. **50** к., съ доставкою въ **Москвѣ** и **С.-Петербургѣ 16** р., съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи **17** р., а **за границу 19** руб.

Принимается также подписка на сроки: на 6 мѣсяцевъ **8** р. **50** к., на 3 мѣсяца **4** р. **25** к. и на 1 мѣсяцъ **1** р. **50** к. съ пересылкою и доставкою.

Для гг. годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ платежѣ денегъ, а именно: при подпискѣ вносится въ контору журнала **9** руб., а остальная сумма уплачивается къ 1-му іюня.

Книжные магазины пользуются уступкою по **50** копѣекъ съ годоваго экземпляра. Подписка на сроки менѣе года отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Подписка на сроки менѣе года, а также въ разсрочку, принимается исключительно въ конторѣ журнала.

Контора журнала покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ имѣть въ виду слѣдующее:

1 При перемѣнѣ адреса гг. подписчики благоволятъ сообщать конторѣ журнала вмѣстѣ съ новымъ адресомъ, по которому желаютъ получать журналъ, и старый адресъ, или же точно обозначать нумеръ бандероли, подъ которою получаютъ журналъ.

2 Согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе о неполученіи книги журнала допускается не позже полученія слѣдующей книги.

3) Контора журнала не отвѣчаетъ за аккуратную доставку книгъ журнала предъ тѣми лицами, которыя подписались помимо конторы журнала; съ жалобами въ такихъ случаяхъ гг. подписчики благоволятъ обращаться въ тѣ мѣста, гдѣ подписались.

4) За перемѣну адреса уплачивается 40 коп., за исключеніемъ перемѣны адресовъ изъ Москвы и С.-Петербурга въ другія мѣста Россіи, за каковую перемѣну доплачивается 1 руб. 50 коп.

За перемѣну адреса изъ Москвы и С.-Петербурга за границу доплачивается 3 руб. 50 коп., а изъ другихъ мѣстъ Россіи за границу 2 руб. 50 коп.

5) Чтобы ближайшая книжка журнала могла быть отправлена по новому адресу,—заявленіе о перемѣнѣ адреса должно быть получено въ конторѣ журнала не позже 25 числа текущаго мѣсяца.

Адресъ конторы и редакціи: Москва, Малая Дмитровка, 29

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.)

ЯНВАРЬ.

1901.

Т-во типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ. Марьина роща, соб. д.

1901.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ОТЪ СМУТНЫХЪ ДНЕЙ.

РОМАНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

— Да вѣдь это Иванъ Сергѣевичъ! вскрикнула Соня и быстро повернула нѣсколько разъ подъ рядъ кнопку каретнаго звонка.—Сеня, посмотри вотъ тамъ, около подъѣзда Бергамаско.

— Какой Иванъ Сергѣевичъ? спросила Ксенія.

— Да Хрустовъ же! Мнѣ надо сказать ему два слова.

Соня опустила раму, высунулась изъ окна и крикнула кучеру:—Петръ, остановите налѣво, тамъ гдѣ фотографъ.

Ея красивое лицо со строгимъ профилемъ и матово-нѣжною кожей сразу зарумянилось отъ мороза. Зеленые глаза сверкали оживленно, а золотисто-рыжій цвѣтъ волосъ придавалъ особую энергичность ея облику.

Когда карета остановилась, Соня позвала:

— Иванъ Сергѣевичъ!

Нѣсколько прохожихъ оглянулись, но не тотъ который былъ ей нуженъ.

— Иванъ Сергѣевичъ! повторила она такъ громко что Ксеніи стало неловко.

— Перестань, на насъ всѣ смотрятъ. На что̀ онъ тебѣ?.. Онъ навѣрно сегодня придетъ.

Хорошенькая блондинка съ голубыми глазами, Ксенія совсѣмъ не походила на свою двоюродную сестру. Въ ней было много спокойствія, мягкости. Ея обычнымъ настроеніемъ была тихая радость, потому что ей жилось хорошо.

Сонѣ тоже было непріятно что на нее всѣ оглядываются, но она настояла на своемъ и крикнула въ третій разъ: — Иванъ Сергѣевичъ!.. А! услышалъ. Ce n'est pas malheureux...

Ксенія сказала:

— Какъ онъ похожъ на медвѣдя!

Эти слова видимо не понравились Сонѣ. Она ничего не отвѣтила, но на мигъ сдвинула брови.

Между тѣмъ Иванъ Сергѣевичъ приближался къ экипажу. Широкоплечій, толстый, съ громадными руками, онъ дѣйствительно походилъ на медвѣдя. Ему минуло не болѣе двадцати восьми лѣтъ, но онъ казался старше. У него было довольно красивое, но грубое лицо съ чрезмѣрно крупными чертами. Глаза смотрѣли рѣзко, нагло.

— Двѣ княжны, и безъ охраны! усмѣхнулся онъ. — Здравствуйте, Софья Васильевна... Ксенія Владиміровна, мое почтеніе... Откуда и куда?

Въ его тонѣ было много дѣланнаго ухарства, словно пріятно было ему хвастнуть неблаговоспитанностью.

— Сеня взяла меня съ собой... Мы ѣдемъ смотрѣть казенную квартиру дяди Володи, объяснила Соня.

— Ахъ, да, казенную квартиру... И вамъ лестно увидѣть ореолъ его новой власти? Какъ же, теперь держись! Захочетъ прихлопнуть и прихлопнетъ. Ему даже городовые отдаютъ честь... а? По нынѣшнимъ временамъ даже князю Могилову-Стольному впору этимъ дорожить.

— А вамъ городовые не кланяются и даже на васъ косятся! съ внезапнымъ задоромъ разсмѣялась Ксенія, — и васъ непремѣнно арестуютъ. Я увѣрена что васъ слѣдуетъ арестовать.

На лицѣ Сони мелькнуло злое выраженіе. Хрустовъ не моргнулъ.

— Арестуютъ? Нѣтъ. Я вчера крестилъ у старшаго дворника. Кто это сдѣлалъ, тому нечего бояться. Теперь не столоначальникъ управляетъ судьбами, а старшій дворникъ.

Онъ захохоталъ гораздо громче нежели произнесъ эти слова.

— Soyez prudent, шепнула Соня. — Мы остановились для того чтобы спросить васъ, будете ли вы у дяди... сегодня воскресенье.

— На казенной квартирѣ? криво усмѣхнулся Иванъ Сергѣевичъ, — успѣю... всѣ тамъ будемъ.

— Не на казенной... дядя переѣзжаетъ только завтра...

Приходите обѣдать на Миліонную... Мнѣ хочется васъ разспросить кое о чемъ. Вѣдь вы были вчера на выносѣ тѣла Достоевскаго? Насъ не пустили.

— Ну, еще бы васъ пустили! Выдумали тоже. Конечно, я былъ. Разкажу. Но вотъ вы меня приглашаете на Миліонную, а мнѣ кажется что должна была бы это сдѣлать и княжна Ксенія Владиміровна. Она также дочь хозяевъ.

— Il faut vous inviter maintenant!.. Вы и такъ приходите каждое воскресенье, сказала Ксенія. — Соня, поѣдемъ, я замерзла.

Хрустовъ поклонился.

— До свиданія. Приду къ обѣду. Люблю обѣдать у генераловъ.

Пока кучеръ сворачивалъ на Малую Морскую, Соня успѣла раза два дружественно кивнуть Ивану Сергѣевичу.

— Мнѣ онъ не нравится, сказала Ксенія.

Ея двоюродная сестра промолчала.

— И не нравится мнѣ что у него одинаковое имя и отчество съ Тургеневымъ... обидно какъ-то...

Соня встрепенулась.

— Что же, по твоему онъ такая ничтожная личность что оскверняетъ даже свое имя и отчество?...

— Не сердись, съ искреннею улыбкой проговорила Ксенія, — я не виновата что онъ мнѣ не по душѣ... У него такая непріятная манера, когда онъ упоминаетъ о папѣ... Папа князь, папа получилъ такую должность... И то и другое оскорбляетъ господина Хрустова. Мнѣ кажется что это глупо.

— Это его убѣжденіе. Убѣжденія свободны.

— Да вѣдь его убѣжденія не помѣшали ему крестить у старшаго дворника... Почему же они ему мѣшаютъ быть вѣжливымъ и не... не препятствуютъ бывать у насъ?

— Ну, есть вещи о которыхъ тебѣ рано говорить. Ты слишкомъ молода.

— Черезъ два года, когда мнѣ будетъ девятнадцать лѣтъ, какъ тебѣ, я тоже буду находить Хрустова симпатичнымъ? со смѣхомъ спросила Ксенія. — Ну, ну, не сердись... Вотъ мы и пріѣхали. Посмотримъ ту казенную квартиру которая приводитъ Ивана Сергѣевича въ такое безпокойство.

II.

Оставшись одинъ, Хрустовъ самодовольно улыбнулся и продолжалъ путь. „Въ сущности, мнѣ больше нравится Ксенія“, подумалъ онъ. „Собственно какъ женщина. Но изъ Сони выйдетъ прокъ. Ишь, какъ ноздри раздуваются. Окликнула чтобы узнать, былъ ли я на выносѣ тѣла Достоевскаго... И хотѣла убѣдиться въ томъ что мы съ ней сегодня увидимся... Слѣдовательно, ей по душѣ все то что̀ я говорю... А, Могиловы-Стольные, аристократы проклятые, наплачетесь съ нею! Соня клиномъ вобьетъ въ вашу среду столько невзгодъ что и вы ослабнете. Не чувствуете сами что пришла пора сдаваться, такъ вамъ покажутъ... И Соня прехорошенькая. Я люблю рыжихъ. Въ рыжихъ есть что-то революціонное... А въ Сонѣ еще говоритъ кровь акушерки Нефедовой“.

На Полицейскомъ мосту, обогнавъ худощаваго брюнета, небольшаго роста, Иванъ Сергѣевичъ оглянулся и сказалъ:

— Здравствуйте, Илліодоръ Ѳедоровичъ... Прогуливаетесь?

Брюнетъ вздрогнулъ, оторванный отъ задумчивости. На его нервномъ молодомъ лицѣ, некрасивомъ, съ безпорядочно торчащими усами, ясно обрисовалось неудовольствіе. Держа подъ правою рукой портфель, онъ небрежно протянулъ Хрустову лѣвую.

— Здравствуйте... Вовсе не прогуливаюсь. Иду къ Мерлону.

— Вотъ кстати! Я тоже. Мы съ нимъ пріятели.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю. А я называю его негодяемъ. Иду къ нему, потому что вчера мы съ нимъ одновременно были у моего двоюроднаго брата, и Мерлонъ укралъ у меня портфель съ нужными бумагами.

Иванъ Сергѣевичъ даже обрадовался:—Укралъ?

Злая усмѣшка перекосила лицо его собесѣдника.

— Можетъ быть и не укралъ, а только нечаянно унесъ мой портфель вмѣсто своего, но тѣмъ Мерлонъ и удобенъ что про него всегда можно подумать: „укралъ“, „обманулъ“, „сдѣлалъ подлость“

Они пошли рядомъ. Хрустовъ старался подладиться подъ быстрые короткіе шаги Илліодора Ѳеодоровича. Ему это было очень трудно. Выраженіе лица сдѣлалось у него почти не

наглое. Видно было что Илліодора Өеодоровича онъ побаивается.

— Послушайте, Рыбовскій, сказалъ онъ,—я радъ что встрѣтился съ вами... Давно мы не видѣлись... Помните, мы когда-то говорили другъ другу „ты", въ технологическомъ...

Илліодоръ Өеодоровичъ оборвалъ:—Говорили. Теперь не говоримъ. Излишне.

Съ дѣланнымъ смѣхомъ Иванъ Сергѣевичъ повторилъ:

— Излишне. Оно, конечно, что и толковать, совершенно излишне, потому что мы рѣдко видимся. Я даже удивляюсь тому что васъ такъ рѣдко встрѣчаешь у Могиловыхъ-Стольныхъ... Вѣдь вашъ двоюродный братъ ведетъ дѣла князя...

— А я тому удивляюсь что вы такъ часто тамъ бываете.

Хрустовъ пожалъ плечами.

— Что же дѣлать! Съ дѣтства бываю въ домѣ, потому что князь Владиміръ Андреевичъ въ былое время поставилъ на ноги моего отца. Я, конечно, наслѣдственной благодарности не признаю и даже не особенно люблю старика-князя который весь завернутъ въ традиціи, какъ мумія въ пелену. И жена его мнѣ противна, и братецъ, жирный дуракъ Василій Андреевичъ, но очень мнѣ нравится Софья Васильевна. Не въ пошломъ смыслѣ, конечно, а какъ типъ. Она человѣкъ новый. Это новое вино которое разорветъ старые мѣхи.

— Нѣтъ, я не про то, сказалъ Илліодоръ Өеодоровичъ.— Я удивляюсь тому что васъ тамъ принимаютъ.

Съ высоты своего огромнаго роста Иванъ Сергѣевичъ гнѣвно посмотрѣлъ на Рыбовскаго.

— Послушайте, это слишкомъ...

Тотъ презрительно разсмѣялся.

— Такъ и отмѣчу что сегодня, перваго февраля 1881 года, Иванъ Хрустовъ на меня обидѣлся. Это вовсе не слишкомъ, не слишкомъ много и не слишкомъ мало, а въ самый разъ. Я удивляюсь тому что васъ принимаютъ Могиловы-Стольные, потому что князь Владиміръ Андреевичъ человѣкъ очень стойкихъ и опредѣленныхъ взглядовъ, и ему не можетъ не быть извѣстно что вы придерживаетесь, такъ сказать, разрушительныхъ убѣжденій.

— Тише! взмолился Хрустовъ и посмотрѣлъ по сторонамъ. Въ сущности ему было пріятно что разговоръ касается его убѣжденій.—Тише. Сами знаете, какія теперь времена.

— Преподлыя времена! согласился Рыбовскій,—когда всякая дрянь забираетъ силу...

— Вотъ, вотъ, засуетился Иванъ Сергѣевичъ.

Илліодоръ Өеодоровичъ его перебилъ:

— Погодите радоваться. Мы, будьте увѣрены, подъ словомъ „дрянь“ разумѣемъ разное. Я говорю о той самой сволочи которая сѣетъ страхъ и преступленіе, о тѣхъ карьеристахъ невзгоды кто добиваются власти для того чтобы ее расшатать, о людяхъ которымъ желательно разодрать Россію на части чтобы выкроить себѣ изъ кусковъ выгоду. Они иногда произносятъ благородныя слова, но только для того чтобы затемнить смыслъ своихъ дѣйствій. Они сбиваютъ съ толка молодежь и, не видя лѣса изъ-за деревьевъ, топчутъ всѣхъ въ болото. И Россія знать ихъ не хочетъ. Вся ваша краснота сыпь на здоровомъ тѣлѣ, сыпь которая пройдетъ когда тѣло будетъ вымыто.

— Точно искреннихъ людей не бываетъ!

— Бываетъ. Какъ же. Но это какіе-то искренніе иностранцы. Чужаки. Простота которая хуже воровства. Да, чертъ знаетъ, чтǒ у насъ дѣлается. Изолгались всѣ. Перепутались. Безъ прошлаго всѣ стали. Какіе-то подкидыши, либо шарлатаны и фальсификаторы настроеній какъ... какъ вы, напримѣръ.

Хрустовъ махнулъ рукой.

— Знаете, Рыбовскій, на васъ и обижаться нельзя.

— Еще бы. Ни мнѣ на васъ, ни вамъ на меня обижаться невозможно. Во мнѣ каждый атомъ долженъ быть для васъ оскорбителенъ. Я для того и существую чтобы давать пощечины душамъ такихъ личностей какъ вы. А одно ваше пребываніе на свѣтѣ есть уже для меня оскорбленіе. Вся Россія теперь состоитъ изъ людей другъ друга оскорбляющихъ. Всѣ ошалѣли въ какомъ-то чаду. Одинъ кричитъ „шпіонъ“, другой кричитъ „убійца“.

— Старыя формы гибнутъ, заявилъ Иванъ Сергѣевичъ,— молодое желаетъ пробить себѣ дорогу.

— И все вы врете. Не молодое и не новое, а просто напросто чужое. Никто никому кланяться не хочетъ, а желаетъ чтобы всѣ передъ нимъ преклонялись. Это называется торжествомъ личности. Какъ же! Иванушка-дурачекъ стремится быть Иваномъ не помнящимъ родства съ прошлымъ. А вы всѣ кругомъ занимаетесь свистопляской и называете это настроеніемъ.

— А вотъ я вамъ объясню чтǒ я называю настроеніемъ, съ усмѣшкой сказалъ Хрустовъ.—Слушайте. Иду я вчера утромъ по Литейной, направляясь въ Кузнечный переулокъ

чтобы попасть на выносъ тѣла Достоевскаго. Останавливаюсь я какъ то у магазина „Забава и Дѣло"... Знаете такой магазинъ, гдѣ всякою чепухой торгуютъ. Рядомъ со мной стоитъ и смотритъ генералъ какой-то. Глаза у него маленькіе, слезливые, а сѣдые усы торчкомъ. Смотритъ глубокомысленно и съ полною очевидностью маловажные предметы въ умѣ перебираетъ. Вдругъ подходитъ къ нему молодой человѣкъ въ пледѣ и съ большимъ чувствомъ ударяетъ его пальчикомъ по носу, сперва снизу вверхъ, и потомъ сверху внизъ, и говоритъ: „вотъ тебѣ забава, вотъ тебѣ дѣло"... Генералъ сконфузился и убѣжалъ, а какая была тутъ публика, та была очень довольна!

Блѣдный, съ рѣзкимъ взглядомъ, Рыбовскій схватилъ лѣвою рукой собесѣдника за локоть.

— Хрустовъ, проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ,—вы знаете что я хотя и маленькаго роста, однако свертываю мѣдный пятакъ въ трубку... Знаете? Помните? Если вы еще разъ осмѣлитесь при мнѣ разказать подобную пошлость, я вамъ кости переломаю...

— Отпустите локоть, съ притворнымъ равнодушіемъ произнесъ Иванъ Сергѣевичъ,—знаю я вашу ultima ratio! Городовой и кулакъ. Одно меня утѣшаетъ: что вашъ бѣшеный характеръ когда-нибудь доведетъ васъ до висѣлицы.

Молча дошли они до Большой Садовой, свернули направо.

— Вотъ мы и пришли, сказалъ Хрустовъ.

Онъ первый вошелъ въ подъѣздъ, Рыбовскій за нимъ. Во второмъ этажѣ Иванъ Сергѣевичъ позвонилъ у двери, гдѣ была надпись: „Меблированныя комнаты".

— Сейчасъ приведемъ старшаго дворника въ безпокойство! съ хихиканьемъ проговорилъ онъ.—Помилуйте, двое пришли въ гости къ третьему... очевидный заговоръ!..

Илліодоръ Өеодоровичъ пожалъ плечами.

— И большой у васъ запасъ такихъ словъ?

Горничная отперла дверь.

— Дома Степанъ Николаевичъ?

— Дома... вотъ тутъ направо.

— Степанъ великолѣпный, прими благосклонно двухъ одиночекъ, парочки ни мало не составляющихъ! шутовски задекламировалъ Хрустовъ, входя въ комнату Мерлона.—Се азъ и спутникъ мой случайный хранилище рукописей тебѣ возвращающій.

Степанъ Николаевичъ Мерлонъ отвѣтилъ дряблымъ теноромъ:—Милости просимъ. Очень пріятно.

Онъ былъ очень красивый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти.

Когда актеры хотятъ загримироваться красавцами, то обыкновенно избираютъ такую наружность: небольшая шелковистая бородка, густые и тщательно расчесанные усы, широкія темныя брови и матовый цвѣтъ лица. Мерлонъ очевидно сознавалъ цѣну своихъ физическихъ качествъ, старался быть изящнымъ, ухаживалъ за собой. Онъ любилъ нравиться и поэтому охотно смотрѣлъ въ сторону отъ собесѣдника чтобы видѣнъ былъ его правильный профиль. Сѣрые глаза его постоянно шмыгали, словно избѣгая прикосновенія чужаго взгляда.

— Я только на минутку, сказалъ Рыбовскій,—вотъ вашъ портфель. Отдайте мой.

— А я на цѣлый часъ. Вмѣстѣ поѣдемъ къ Могиловымъ, объявилъ Иванъ Сергѣевичъ и, сбросивъ пальто въ уголъ, развалился въ креслѣ.

— Что вы такъ торопитесь, Илліодоръ Ѳеодоровичъ? очень ласково произнесъ Мерлонъ.—Вы такой рѣдкій гость!

— Некогда. Давайте портфель. Тамъ бумаги которыя мнѣ нужны.

— Сейчасъ, сейчасъ... А въ моемъ ничего особеннаго, какъ вы могли убѣдиться... служебные черновики.

Внезапно озлившись, Рыбовскій крикнулъ:—Я не смотрѣлъ что̀ у васъ тамъ. Это вы бы посмотрѣли, не будь мой портфель замкнутъ на ключъ. Скорѣй, я тороплюсь.

— Вотъ, вотъ... получите.

И Степанъ Николаевичъ изящнымъ жестомъ подалъ портфель. Онъ спросилъ:

— Вы будете сегодня у Могиловыхъ-Стольныхъ?

— Нѣтъ. Некогда. Я сегодня уѣзжаю. Въ Америку.

Хрустовъ насторожился, удивленный, а Мерлонъ покачалъ головой:

— Скажите... Мнѣ вчера сообщилъ Парменъ Владиміровичъ что вы внезапно рѣшили ѣхать за границу, но я никакъ не думалъ что въ Америку... Это интересно.

— Тѣмъ болѣе что не соотвѣтствуетъ вашему образу мыслей, съ усмѣшкой замѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ.—Вамъ бы слѣдовало въ Китай.

Къ этимъ словамъ Илліодоръ Ѳеодоровичъ отнесся довольно спокойно.

— Моему образу мыслей прежде всего соотвѣтствуетъ уйти какъ можно дальше отъ васъ и вамъ подобныхъ. Вы мнѣ всѣ надоѣли. Мнѣ здѣсь опротивѣло все. Мнѣ противно видѣть какъ шарлатаны баламутятъ и какъ имъ подчасъ вторятъ добросовѣстные люди воображающіе что проповѣдуютъ добро, а въ сущности созидающіе кавардакъ. Мнѣ хочется увидѣть что-нибудь другое. Я уѣзжаю. Америка тѣмъ хороша для меня что она далеко. Я уѣзжаю, но оставляю вамъ свое мнѣніе о васъ. Вы его не забудете. Прощайте.

Не дотрагиваясь рукой до барашковой шапки, Рыбовскій кивнулъ и вышелъ.

— Какой горячій! сказалъ Мерлонъ,—онъ хочетъ перевернуть Россію...

— Я очень радъ его отъѣзду! вырвалось у Хрустова.—Онъ меня изводитъ... Послушай, я хотѣлъ тебя спросить, зацапали?

Онъ кивнулъ по направленію къ коридору.

Степанъ Николаевичъ отвѣтилъ:—Да.

— Сегодня ночью.

— Ночью. Очень спокойно. Я почти ничего не слышалъ.

— Ничего не нашли?

— Ну, этого я не знаю... Право, я въ эти дѣла не вмѣшиваюсь. Еще влопаешься въ исторію.

— Ну, еще бы... Боишься что тебѣ испортятъ прическу.

— Нѣтъ, но у меня другія средства дѣйствія... Читалъ ты въ газетѣ сегодня мою замѣтку о старшихъ дворникахъ?.. И цензурно, и раздражаетъ...

Хрустовъ дополнилъ:

— И гонораръ получаешь.

Мерлонъ захохоталъ:

— Вотъ именно!

III.

— Папа, я тебѣ не помѣшаю? спросилъ Андрюша.

Князь Владиміръ Андреевичъ оторвался отъ работы, посмотрѣлъ на сына, улыбнулся и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, войди... Я люблю, когда ты около меня...

Андрюша вошелъ въ кабинетъ и какъ всегда забрался на диванъ въ тотъ уголъ, откуда ему было хорошо видно какъ

папа сидитъ за письменнымъ столомъ и занимается. Сѣлъ онъ съ илюстрированною книгой Жюля Верна въ рукахъ и задумался. Какой папа красивый, съ такою широкою бѣлою бородой... Какое у папы доброе лицо. Видно что онъ очень умный... Съ самыхъ праздниковъ папа постоянно работаетъ... Иногда онъ такой невеселый, какъ будто горе случилось съ нимъ... Папа; папа, дорогой папа!

И десятилѣтній Андрюша чувствуетъ какъ къ его глазамъ откуда-то изъ горла подходятъ слезы. Ему хочется плакать, но только потому, что ему очень хорошо. „Папа, это то счастіе которое всегда было и всегда будетъ. Когда я былъ совсѣмъ маленькій, думаетъ Андрюша, папа уже былъ, и совсѣмъ такой, бѣлый, красивый, какъ рисуютъ того добраго старика который приноситъ елку... Папа мой добрый, потому что далъ его Богъ... Папа меня любитъ, такъ любитъ! А я-то папу люблю! Господи, я хочу умереть чтобы папѣ было хорошо. Мама тоже добрая, но она иногда сердится и кричитъ. И маму почему-то не жалко, а папу жалко. Смотришь на него, и такъ пріятно сердце болитъ. И пусть болитъ. Это хорошо, пріятно, словно молишься“.

Князь Владиміръ Андреевичъ Могиловъ-Стольный продолжалъ быстро водить перомъ по бумагѣ, изрѣдка поглядывая на сына. Каждый разъ какъ взглядъ его касался Андрюши, особенное чувство овладѣвало имъ. Тепло становилось на душѣ. Передъ собой онъ видѣлъ маленькое хилое существо, которое дороже всего было ему на свѣтѣ. Иногда ему казалось что вся душа его живетъ въ тѣлѣ сына. Вся радость его жизни была въ Андрюшѣ. И ему, семидесятилѣтнему, счастіемъ было видѣть что судьба послала ему большую радость на конецъ жизни, такую радость что все время мучительно боязно ее потерять. Да, десять лѣтъ тому назадъ ему было покойнѣе. А теперь онъ безпокоится какъ бѣднякъ проведшій цѣлую жизнь въ нищетѣ и внезапно получившій миліоны... Постоянно мучимый за свое богатство, боишься его потерять, не смѣешь отойти... Любовь къ сыну живетъ въ его сердцѣ неумолкающимъ вдохновеніемъ. Почему столько печали въ этой любви? Почему подступаютъ слезы, когда видишь ласковый взглядъ Андрюши? Старику нельзя имѣть маленькихъ дѣтей. Отцу маленькихъ дѣтей нужно молодое сердце чтобы выдержать ту новую жизнь которую даютъ дѣти.

— Папа, ты пишешь для службы или для себя? спросилъ Андрюша.

Старикъ улыбнулся и отвѣтилъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Для тебя, мой милый... Когда будешь большой, прочитаешь.

И ему стало невыносимо больно при мысли что когда Андрюша будетъ читать и перечитывать его записки, можетъ быть лѣтъ черезъ пятнадцать, его-то, нынѣ близкаго къ могилѣ, давно уже не будетъ на свѣтѣ. Не потому сдѣлалось ему тяжело что онъ боялся смерти, а оттого что онъ не могъ себѣ безъ страданія представить что сынъ пойдетъ въ жизнь безъ него, будетъ, пожалуй, окруженъ недоброжелательными людьми. Какая еще будетъ жизнь черезъ пятнадцать лѣтъ? До чего дойдутъ къ тому времени разрушители? Чтò останется святаго и чтò тогда будетъ считаться святымъ? Многое увидѣлъ онъ за семьдесятъ лѣтъ, но, конечно, самое страшное еще впереди.

„Однако, я былъ счастливъ!“ подумалъ князь, когда мысль его коснулась прошлаго. „Мнѣ было хорошо“.

Андрюша спросилъ:

— Папа, гдѣ ты жилъ, когда былъ маленькій?

Старикъ съ радостью посмотрѣлъ на сына. Сколько разъ замѣчалъ онъ что ребенокъ точно угадываетъ его мысли. Одна душа, одно сердце.

— Въ Смоленской губерніи, въ деревнѣ, милый.

— Смоленская губернія, это тамъ гдѣ Бородино?

— Да, и мой отецъ, твой дѣдушка, былъ раненъ при Бородинѣ... Мнѣ тогда былъ второй годъ.

Мальчикъ задумался... Бородино, раненый дѣдушка, папа „еще маленькій“, все это казалось ему страннымъ. Но онъ не хотѣлъ разспрашивать. Лучше думать и смотрѣть на папу.

Пришли на память князю первые годы его жизни проведенные въ деревнѣ. Это были свѣтлые годы, какъ бы здоровый фундаментъ дальнѣйшей жизни. Затѣмъ ученье въ Петербургѣ, здѣсь, въ этомъ самомъ домѣ, подъ наблюденіемъ родителей, періодъ духовнаго укрѣпленія, зарожденія вѣры въ силу добра и правды. Ему было двадцать шесть лѣтъ когда умеръ шестидесятилѣтній отецъ черезъ годъ послѣ рожденія брата Васи. Туго развился Вася, потому что получилъ жизнь отъ старика... Господи, неужели и въ Андрюшѣ скажется что жизнь дана ему старостью!.. Черезъ годъ умерла мать. Ему пришлось замѣнить брату родителей. Кажется, онъ ни въ чемъ себя не можетъ упрекнуть. Прежде всего надо было укрѣпить здоровье Васи. Зима въ Соренто. Зима въ Алжирѣ.

Потомъ рядъ образовательныхъ путешествій. Вспомнивъ о нихъ, Владиміръ Андреевичъ не въ первый разъ подумалъ: „а не воспользовался ли я этими поѣздками больше чѣмъ мой братъ? Когда я женился, Васѣ было десять лѣтъ. Бѣдная Анна, какъ она его любила. Первыя дѣти оба умерли совсѣмъ маленькими, и Анна утѣшалась тѣмъ что воспитывала Васю. Ксенія родилась тогда, когда Вася былъ уже женатъ и самъ имѣлъ троихъ дѣтей, родилась на восемнадцатомъ году счастливаго супружества. И два года спустя умерла Анна, подаривъ мнѣ двадцать лѣтъ любви, дружбы, радости“.

Умерла она, и Владиміру Андреевичу казалось что ему больше не жить. Слишкомъ велико было горе. А года черезъ три онъ женился вновь на княжнѣ Гжатской которая дала ему сына. Почему онъ женился? Боязно было одному воспитывать дочь? Было страшно оставаться одному? Хотѣлось заглушить душевную боль? Всего вѣроятнѣе послѣднее. Что жь, жаловаться нельзя. Онъ счастливъ. Но далеко до прежняго. Теперь бодрость дается ему тѣмъ что его вновь призвали къ дѣятельности. Послѣ смерти Анны онъ оставилъ губернаторскій постъ, удалился на покойную должность, а нынѣ вспомнили о немъ. Когда онъ сказалъ: „я старъ“, ему данъ былъ отвѣтъ: „еще министромъ будешь, погоди... силъ въ тебѣ много“. Да, конечно, сила еще не ушла. Онъ не боится предстоящей работы. Сегодня въ послѣдній разъ могъ онъ посвятить часъ своимъ запискамъ, закончить воспоминанія о годахъ Севастопольской кампаніи. Отнынѣ свободной минуты не будетъ. И мало осталось минутъ. Успѣетъ ли онъ хоть что-нибудь спасти?..

— Можно войти? раздался за дверью жирный голосъ князя Василія Андреевича.

— Пожалуйста.

Братъ князя Владиміра Андреевича былъ широкоплечій плотный блондинъ съ тягостно-глупымъ выраженіемъ лица. Его свѣтлые глаза навыкатѣ, медленная рѣчь и угловатыя движенія были смѣшны. Будучи сорока пяти лѣтъ, онъ казался старше, потому что рано облысѣлъ и носилъ очки. Онъ считалъ себя умнымъ и обладалъ порядочнымъ апломбомъ.

— Я къ тебѣ не надолго, сказалъ онъ входя,—хочу съ тобой потолковать. Надо, наконецъ, потолковать.

Владиміръ Андреевичъ отложилъ перо.

— Отлично.

„О чемъ толковать?“ подумалъ онъ. „Бѣдный Вася, такая у него страсть къ разсужденіямъ“.

Сѣвъ въ кресло около письменнаго стола, Василій Андреевичъ началъ:

— Вотъ въ чемъ дѣло. Моя дочь сейчасъ вернулась домой. Она была съ твоею дочерью на твоей казенной квартирѣ и нашла ее совсѣмъ готовою...

— Да, я знаю, я думаю перебраться туда сегодня вечеромъ, а семья переѣдетъ на дняхъ. Это кстати, такъ какъ намъ всѣмъ въ этомъ домѣ становится тѣсно.

Василій Андреевичъ подумалъ и отвѣтилъ:

— Правда. Но вотъ въ чемъ дѣло: значитъ, ты безповоротно рѣшилъ идти на эту должность?

— Милый, что̀ за вопросъ?.. Вотъ уже двѣ недѣли какъ я назначенъ. А казенная квартира мнѣ тѣмъ удобна что находится въ двухъ шагахъ отъ дома министра.

— Въ томъ-то и дѣло... въ двухъ шагахъ...

Младшій князь Могиловъ-Стольный примолкъ. Видно было что онъ старается вспомнить о чемъ собственно ему хотѣлось потолковать. Его братъ смотрѣлъ на него дружелюбно, съ тайнымъ сожалѣніемъ.

— Да, вотъ что̀. Я нахожу что эта должность для тебя слишкомъ незначительная... Въ сущности, въ родѣ директора департамента.

— Вася, милый, ты забываешь что мы уже объ этомъ говорили. Я радъ тому что возвращаюсь къ работѣ, и для меня дѣло не въ томъ, высока ли ступень которую мнѣ отводятъ.

— Да, да, объ этомъ былъ разговоръ, спокойно согласился Василій Андреевичъ,—въ сущности, это по твоей части. Я никогда не служилъ. Но вотъ въ чемъ дѣло: ты не боишься что тебя убьютъ?

Владиміръ Андреевичъ откинулся на спинку кресла.

— Послушай, сдѣлай мнѣ большое удовольствіе, не говори объ этомъ ни со мной, ни съ кѣмъ бы то ни было. Я терпѣть не могу страховъ за себя. Обстоятельствами послѣдняго времени нѣсколько уравнивается пожалуй рискъ гражданской и военной службы. Вотъ и все. Да прибавь къ тому что ты преувеличиваешь опасность до смѣшнаго, что должность моя не изъ тѣхъ которыя обращаютъ на себя вниманіе злоумышленниковъ, и что я, наконецъ, сумѣю въ нужную минуту не потеряться.

Такое обиліе доводовъ нѣсколько утомило Василія Андреевича.

— Въ томъ-то и дѣло, пробормоталъ онъ. И вдругъ вспомнилъ:—Да, я хотѣлъ тебя спросить о Мерлонѣ... Я хочу послать его ко мнѣ въ деревню. Я увѣренъ что управляющій меня обманываетъ. Надо провѣрить.

— Почему именно Мерлона хочешь ты послать?

— Ну, всетаки, знаешь, его отецъ долго служилъ у тебя управляющимъ, ты облагодѣтельствовалъ всю семью...

— Да, но самъ молодой Мерлонъ человѣкъ сомнительной нравственности.

Съ удивленіемъ посмотрѣлъ Василій Андреевичъ на брата и спросилъ:

— Почему же ты его принимаешь?

— Вотъ именно потому что его отецъ долго у меня служилъ, честно велъ дѣло и умеръ бѣднякомъ... Однако, Вася, прости. Я очень занятъ.

— Очень занятъ? Въ томъ - то и дѣло. Ухожу, ухожу, я не люблю мѣшать.

Отошедши нѣсколько шаговъ, Василій Андреевичъ вернулся и толстымъ мягкимъ пальцемъ тронулъ брата между плечъ.

— Вотъ сюда, сказалъ онъ.

Старикъ посмотрѣлъ на него съ безпокойствомъ.

—Чтò съ тобой?

— Вотъ сюда могутъ нанести ударъ, сзади... Сзади всегда могутъ ударить.

— Ахъ, ты опять свое... Оставь пожалуйста.

Съ уходомъ брата князь Владиміръ Андреевичъ снова принялся за работу, углубился въ писаніе и не слышалъ какъ подошелъ Андрюша.

— Папа.

— Чтò, дорогой мой?

Мальчикъ широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на отца. Глубокая, недѣтская тоска была въ его взглядѣ.

„Онъ слышалъ слова Васи, онъ боится за меня!“ съ болью въ сердцѣ угадалъ старикъ.

— Чего ты хочешь, милый?

Заговорить о томъ, о чемъ думалъ сынъ, онъ не рѣшался. Надо загладить, надо чтобы онъ забылъ... Господи! Этотъ проницательный страдальческій взглядъ...

— Что жь ты не отвѣчаешь, славный мой...

„Только бы не заплакалъ! Господи. До чего доводятъ ребенка! Какъ глупъ Вася!“

Но Андрюша не заплакалъ. Блѣдный, онъ спросилъ:

— Папа, ты сегодня пойдешь на новую квартиру?

Принявъ беззаботный видъ, отецъ весело проговорилъ:

— Да... меня очень радуетъ мое новоселье. Тамъ очень хорошо. Очень большія комнаты...

— Папа, мнѣ будетъ скучно безъ тебя... Возьми меня съ собой...

Князь не сразу отвѣтилъ. Онъ боялся что голосъ его дрогнетъ... „Ангелъ мой, я знаю о чемъ ты думаешь“...

Оправившись, онъ сказалъ:

— Взять тебя? Я согласенъ. Очень хорошо... Видишь, я занятъ... Садись, читай.

— Да, хорошо, я пойду читать. Пиши, папа.

Стараясь скрыть свое волненіе, Владиміръ Андреевичъ придвинулъ къ себѣ рукопись. Вдругъ онъ вздрогнулъ, почувствовавъ что Андрюша прикрываетъ рученкой какъ разъ то мѣсто на его спинѣ, котораго коснулся мясистый палецъ Василія.

Быстрымъ движеніемъ старикъ повернулся въ креслѣ, схватилъ сына, посадилъ его къ себѣ на колѣна и тѣсно, тѣсно прижалъ къ груди. Онъ ощущалъ горячіе торопливые поцѣлуи мальчика, его нервное объятіе. Ему одновременно хотѣлось плакать, радоваться и благодарить, какъ во время вдохновенной молитвы. Быть старикомъ и любить своего маленькаго ребенка, который готовъ отдать тебѣ свою молодую жизнь, и которому ты можешь отдать только послѣдніе свои дни, это мучительное счастіе.

Андрюша шепталъ:

— Мой дорогой папа, мой милый папа... Я буду молиться Богу.

IV.

— Все это прекрасно, сказалъ Парменъ Владиміровичъ Рыбовскій, откинувъ голову назадъ и принявъ ораторскую позу передъ своимъ письменнымъ столомъ,—я нисколько не отрицаю что въ лицѣ Достоевскаго русское общество чествуетъ великаго писателя. Но, позвольте, одного ли писателя оно

чествовало, одному ли ему поклонялось, когда, напримѣръ, вчера запрудило толпой весь Кузнечный переулокъ и Владимірскую площадь? Не изливало ли оно свое стремленіе къ протесту противъ отжившихъ порядковъ, въ силу которыхъ иные склонны цѣнить человѣка по соображенію его чиновъ и внѣшнихъ отличій? Не хотѣло ли оно подчеркнуть что мы вступили въ дни торжества мысли, господства идеи, тріумфа общечеловѣческихъ началъ? Изъ принесенныхъ шестидесяти четырехъ вѣнковъ болѣе половины, навѣрно, были преподнесены тому который испыталъ ужасы мертваго дома, пострадалъ и страданіе свое подарилъ человѣчеству, говоря: „поучайся"...

Слушателей у него было двое. По другую сторону письменнаго стола сидѣла жена его, Василиса Антоновна, а поодаль въ темномъ углу молодой князь Николай Васильевичъ Могиловъ-Стольный, стройный въ мундирѣ вольноопредѣляющагося одного изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ.

— Мнѣ тридцать лѣтъ, продолжалъ Парменъ Владиміровичъ,—и на моихъ глазахъ совершилась великая эволюція. Абстрактное одержало верхъ надъ конкретнымъ, выработались формы общественнаго духа, общество приняло обликъ опредѣленнаго организма, здравыя понятія расчистили себѣ почву. Отживающее судорожно бьется и чѣмъ рѣзче отстаиваетъ оно свое право на существованіе, тѣмъ яснѣе становится что оно день ото дня дѣлается все безсильнѣе и безличнѣе. Общество пріобрѣтаетъ мощь и порабощаетъ все своимъ идеаламъ, даже литературу. Мы отошли отъ барскаго отношенія къ ней, мы болѣе не требуемъ искусства для искусства, праздно услаждающаго пѣснопѣнія. Намъ нужна безжалостная правда ведущая за собой правду. Мы хотимъ чтобы насъ вдохновляли на житейскіе подвиги, а не на мечтаніе въ гамакѣ.

Въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго онъ часто говорилъ въ судѣ гладкія и безсодержательныя рѣчи. Это развило въ немъ склонность къ произнесенію многочисленныхъ фразъ по каждому поводу. Наружность у него тоже была какая-то безсодержательная, точно самъ по себѣ онъ не имѣлъ значенія, а только былъ на кого-то похожъ, кому-то подражалъ, подъ кого-то приноравливался. Не то блондинъ, не то брюнетъ, съ неуловимымъ и перемѣнчивымъ выраженіемъ лица, Парменъ Рыбовскій былъ словно созданъ для того чтобы примѣняться къ окружающему.

— А мнѣ дѣла нѣтъ до вашей политики, грубовато от-

рѣзалъ молодой князь,—для меня Достоевскій прежде всего великій писатель, и я думаю что для самого себя онъ былъ болѣе всего писатель, художникъ, мыслитель... И ему теперь должно быть очень противно что его пріурочиваютъ къ тенденціямъ.

Угрюмый, онъ сердито тряхнулъ головою. Его коротко остриженные рыжіе волосы придавали ему злобный видъ. И всетаки онъ былъ красивъ. Въ особенности находила это Василиса Антоновна которая не сводила съ него томнаго взгляда голубыхъ глазъ. Она была хорошенькая блондинка лѣтъ двадцати восьми, задорно-курносая.

— Потому что въ васъ говоритъ барство, возразилъ адвокатъ,—погодите, молодой человѣкъ, оно съ васъ сойдетъ. Нельзя отставать отъ вѣка.

— По вашему барство, а по моему здравый смыслъ.

— Юноша, на княжествѣ нынѣ далеко не уѣдете.

Николай пожалъ плечами.

— И чтò за пошлости вы говорите.

Наступило очень неловкое молчаніе. Видно было что Парменъ Владиміровичъ оскорбился и что онъ хочетъ это скрыть. А Николай покраснѣлъ, съ жесткимъ выраженіемъ темныхъ глазъ. Испуганная Василиса Антоновна смотрѣла то на мужа, то на гостя. У нея было совсѣмъ гадко на душѣ.

— Какая вамъ всегда охота ссориться! проговорила она, стараясь придать своему голосу дѣтскую игривость.

Рыбовскій улыбнулся.

— И то правда. Мы съ княземъ постоянно сцѣпляемся. Это по дружбѣ. Вчера, напримѣръ, изъ-за того что я не одобрилъ Текинской экспедиціи...

— Вы сказали что это преторіанская затѣя! вспылилъ Могиловъ-Стольный и внезапно примолкъ остановленный умоляющимъ взглядомъ Василисы Антоновны.

Ея мужъ замѣтилъ этотъ взглядъ и, повидимому, успокоился окончательно.

— Мнѣ пора ѣхать, объявилъ онъ, посмотрѣвъ на часы.

Жена спросила:

— Засѣданіе по конкурсу?

— Да. А оттуда я проѣду прямо обѣдать... Нашъ гимназическій обѣдъ у Бореля. Человѣкъ пять, не больше...

Желая принять участіе въ разговорѣ, Николай повторилъ:

— Человѣкъ пять, не больше? Тѣ съ которыми вы были въ гимназіи? Каждый годъ собираетесь?

— Нѣтъ, мы завели это теперь... Поводъ къ обмѣну мыслей. Современное настроеніе этого требуетъ...

Онъ обратился къ женѣ: — Я вернусь поздно. Сегодня бенефисъ Вваемъ, и мнѣ нельзя тамъ не быть...

— Поэтому ты въ новомъ фракѣ...

— Да, поэтому... До свиданія, князь... Надѣюсь, мы по прежнему друзья.

Молча Николай кивнулъ. Василиса Антоновна встала, проводила мужа до прихожей. Могиловъ-Стольный угрюмо посмотрѣлъ имъ вслѣдъ.

— Пренепріятный у этого мальчика характеръ, вполголоса сказалъ женѣ Парменъ Владиміровичъ, — не понимаю, зачѣмъ онъ у насъ постоянно торчитъ.

Она ничего не отвѣтила, точно ждала дальнѣйшихъ словъ. Лицо ея было немного блѣдно. Мужъ ея продолжалъ.

— Впрочемъ, я самъ очень нервенъ... Денегъ нѣтъ, а послѣзавтра платить по векселю триста рублей. Ну, до свиданія, возвращайся къ гостю.

Проводивъ мужа, Василиса Антоновна вернулась въ кабинетъ.

— Ахъ, ты мой звѣреночекъ славный! томно проговорила она, цѣлуя Николая, —ты такой красивый когда сердишься. Я такъ тебя люблю.

Николай пересталъ быть мрачнымъ. Энергія и молодость вызывали въ немъ страсть. Съ женою Рыбовскаго сошелся онъ потому что, хорошенькая, она этого захотѣла. И ему въ голову даже не приходило задуматься надъ тѣмъ, можно ли назвать его чувство любовью. Осторожности въ немъ не было никакой. Узнаетъ Рыбовскій... ну, такъ что же. На то и изобрѣтена дуэль.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги и кашель.

— Это сестра, спокойно сказала Василиса Антоновна и отошла отъ Николая, а онъ повернулся къ стѣнѣ, съ большимъ вниманіемъ уставился въ плохенькую гравюру. Снова послышался кашель.

— Оля, это ты? Иди же сюда! весело позвала Рыбовская.

„Нарочно кашляла чтобы не застать врасплохъ!“ съ непріятнымъ чувствомъ подумалъ Николай. „Вотъ это и противно что приходится ломаться“.

Въ кабинетъ вошла недурненькая брюнетка лѣтъ двадцати, Ольга Антоновна Аносьева. Года полтора уже жила она у сестры, послѣ того какъ мужъ на третьемъ мѣсяцѣ супруже-

ства ее бросилъ. И она не сдѣлала драмы изъ этого обстоятельства. Ей было все равно. Бросилъ, такъ бросилъ. Жить свободною даже очень хорошо. Во всякомъ случаѣ лучше чѣмъ обманывать мужа, находила она относясь, однако, съ большимъ снисхожденіемъ къ поведенію сестры. Надо жить такъ чтобы ни о чемъ не думалось.

Въ газетахъ она часто читала имя мужа. Онъ произносилъ красивыя рѣчи въ общественныхъ собраніяхъ, популярничалъ, шумѣлъ. Вовсе не сердило ея что успѣхъ идетъ къ человѣку котораго она считаетъ развратнымъ и даже нечестнымъ.

— А, нашъ милый князь здѣсь! притворно удивилась она,—вотъ весело, вы у насъ обѣдаете?

— Сегодня воскресенье. Вся семья у дяди, мрачно отвѣтилъ Николай.

Ольга Антоновна пожалѣла.

— Какая досада... Парменъ сегодня кутитъ. Мы однѣ. Хоть бы зашелъ неистовый Илліодоръ... Онъ вѣдь только вечеромъ уѣзжаетъ за границу, съ какимъ-то черепашьимъ поѣздомъ.

— Да вѣдь онъ уже простился, напомнила сестра.

— Вѣрно. Какъ это глупо! Васинька, знаешь, будемъ сегодня съ горя пить шампанское.

— Простите, мнѣ пора, сказалъ Николай.

Его хотѣли удержать, но онъ не уступилъ.

— Мнѣ пора, повторилъ онъ суровымъ голосомъ.

— Что жь, Васинька, провожай гостя. А мнѣ лѣнь! разсмѣялась Ольга Антоновна.

Ей самой очень нравилось что она такъ мило покровительствуетъ сестрѣ.

По дорогѣ въ прихожую, въ гостиной, Василиса Антоновна крѣпко поцѣловала Николая. Искренно вырвалось у нея:

— Мнѣ такъ скучно когда тебя нѣтъ.

И тутъ вспомнила. — Коля, мнѣ нужно денегъ... Я тебѣ прямо говорю, мнѣ нужно денегъ.

Не въ первый разъ обращалась она къ нему съ такими словами, и онъ, получавшій безъ счета сторублевки отъ богатаго отца, считалъ подобныя просьбы вполнѣ естественными. Его грубая натура не давала ему возможности видѣть тутъ то-либо неудобное. Онъ просто спросилъ:—Сколько?

— Триста рублей.

Василисѣ Антоновнѣ тоже легко было у него просить. Это

положительно усугубляло для нея впечатлѣніе хорошихъ отношеній.

Николай досталъ изъ боковаго кармана бумажникъ, отсчиталъ триста рублей и сказалъ:

— Я приду завтра, часа въ три, прямо съ ученья. Черезъ мѣсяцъ я покончу съ повинностью, тогда будетъ удобнѣе.

Простившись съ нимъ и возвращаясь въ кабинетъ къ сестрѣ, Рыбовская съ удовольствіемъ думала о томъ что мужъ ея даже не спроситъ откуда деньги. И почему это люди воображаютъ что все сложно, когда все такъ просто? La societé actuelle devient logique, рѣшила она.

V.

Княгиня Лидія Ивановна лѣниво слушала разказъ своей падчерицы о томъ какъ ей понравилась казенная квартира князя Владиміра Андреевича. Много комнатъ? Большія? Ну, и слава Богу. Въ сущности, на чтò имѣть миліоны если живешь въ тѣснотѣ. Конечно въ тѣснотѣ. Beau frère Basile со своими тремя рыжиками и съ отвратительною Глафирой занялъ бòльшую половину дома. Woldémar говоритъ что это родовое гнѣздо. Именно гнѣздо. Есть гдѣ сидѣть и спать, а разойтись негдѣ.

Вообще, княгиня была склонна къ тому чтобы постоянно чувствовать себя недовольною. Это даже вошло у нея въ привычку. Она упрекала себя въ томъ что вышла за старика. Нечего передъ самой собою скрывать, ей было пріятно стать женою одного изъ самыхъ богатыхъ людей въ Петербургѣ. Но, право, за двѣнадцать лѣтъ супружества она ни раза не ощутила себя богатою. Мало того, ici tout est mesquin. Семья Василія придаетъ дурной тонъ. И скучно, скучно, скучно.

Небрежно она произносила:

— Что жь, я очень рада... Мнѣ лѣнь было самой заглянуть... Я не люблю пустыя квартиры. Поскорѣе бы переѣхать.

Голосъ, движенія, взглядъ, все въ ней указывало на то что лѣнь коренная черта ея характера. Свѣтлая блондинка съ большими сѣрыми глазами, она постоянно казалась сонною. Впрочемъ, это къ ней шло, какъ-то соотвѣтствовало ея кла-

сической красотѣ. Въ тридцать лѣтъ, имѣя десятилѣтняго сына, она такъ сохранилась что казалась всего на годъ или на два старше Ксеніи. По цѣлымъ днямъ лежала она на кушеткѣ, читала романы и мечтала. И такъ какъ мечты составляли ея тайну, то она считала возможнымъ согрѣвать ихъ около мысли о томъ что овдовѣетъ и выйдетъ замужъ за молодаго человѣка. За послѣднее время, однако, она стала заглядываться на одного изъ теноровъ италіянской оперы. Она себя считала порядочною женщиной и сожалѣла о томъ что ее окружаютъ непріятные люди.

— Я такъ рада! Мама, я такъ рада! заключила свой разказъ Ксенія.—Въ большой залѣ такъ хорошо будетъ танцовать.

Лидія Ивановна посмотрѣла на нее съ неудовольствіемъ. Она не любила чужой радости и вообще не понимала какъ могутъ другіе быть веселыми, когда ей самой такъ скучно. Ей казалось что жизнерадостность Ксеніи служитъ вѣчнымъ упрекомъ: „вотъ, ты тоскуешь, потому что ты у насъ чужая“. Ну, разумѣется, вторая жена всегда чужая въ семьѣ...

Она пожала плечами.

— А я рада тому что ты выйдешь изъ подъ вліянія Сони. Elle est três mal élevée... Чтò за манера называть тебя Сеней... Сеня c'est un nom d'homme... Siméon... Такъ зовутъ нашего истопника.

Веселое настроеніе Ксеніи погасло. Ея душѣ нужны были радостныя впечатлѣнія. Всякое немного суровое слово вызывало въ ней такое впечатлѣніе, точно она одинока, безпомощна.

— Соня меня любитъ, упавшимъ голосомъ произнесла она, съ большимъ желаніемъ уйти. Но уйти сразу нельзя. Можетъ показаться что она разсердилась. Господи! Развѣ она когда-нибудь сердится! Хоть бы кто-нибудь пришелъ... По воскресеньямъ maman никого днемъ не принимаетъ, считаетъ что надо избѣгать tout ce qui ressemble à une façon de s'endimancher.

Вошелъ Андрюша.

— Мама, я сегодня пойду ночевать на папину квартиру, папа позволилъ чтобы я пошелъ съ нимъ.

„Вотъ, и этотъ чужой!“ подумала Лидія Ивановна. „Et pourtant c'est moi qui l'ai mis au monde... О, какъ здѣсь скучно“.

Сыну она ничего не отвѣтила, покрыла его тяжелымъ равнодушнымъ взглядомъ. Онъ притихъ, потоптался на мѣстѣ и вышелъ.

„Такъ жить невозможно!“ рѣшила княгиня. „Даже Андрюшу у меня отняли. Мнѣ иногда кажется что онъ родился отъ той, отъ первой. Онъ меня любитъ. О! да, я знаю, всѣ любятъ меня... мужъ, Ксенія, Basile et son infecte sage-femme... Но у всѣхъ такъ на лицѣ и написано: „Видишь, какіе мы добрые... мы тебя любимъ, а ты насъ нѣтъ“... А развѣ я имъ дѣлаю непріятности? Кажется, я никого не трогаю и только прошу чтобы меня оставили въ покоѣ“.

Тутъ она замѣтила что осталась одна. Такъ лучше. Ксенія скучнѣе всѣхъ. Хоть бы полчаса никто не приходилъ.

Вдругъ она услышала голосъ своей сестры и нахмурилась, но затѣмъ заставила себя улыбнуться, привстала и быстро придвинула къ себѣ книжку русскаго журнала.

— Здравствуй, Зина, какъ я рада тебя видѣть.

Почти заискивающе звучалъ голосъ княгини. Взглядъ у нея сдѣлался по-дѣтски ласковый. Сразу видно было что она боится своей сестры.

Зинаида Ивановна Кормакова была старше ея на десять лѣтъ. Овдовѣвъ на двадцать второмъ году, она вела строгій образъ жизни и обращала на благотворительность большую часть крупныхъ доходовъ отъ капитала доставшагося ей послѣ смерти мужа. У нея было очень доброе лицо, и она вовсе не походила на Лидію Ивановну которой очень было непріятно что у ея сестры обликъ степенной московской купчихи.

— Здравствуй, сказала Кормакова, — я сегодня пріѣхала пораньше чтобы до обѣда переговорить. Вѣрочку мы пошлемъ къ рыжикамъ. Вѣрочка, иди же.

Двадцатилѣтняя Вѣрочка, дочь Зинаиды Ивановны, порхающею походкой вошла въ комнату. Это была очень миловидная брюнетка съ замѣчательно большими черными глазами. Наивно радостная улыбка не сходила съ ея лица. Съ перваго же взгляда не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ что она глупенькая, но въ этомъ и состояла причина ея большаго успѣха въ свѣтѣ. Уже четыре раза пришлось отказать въ ея рукѣ неподходящимъ искателямъ, въ то время какъ ни Ксенія, ни Соня еще не вызвали опредѣленныхъ домогательствъ.

— Cette charmante Véra! любовно произнесла Лидія Ивановна и горячо поцѣловала племянницу, думая съ безпокойствомъ: „О чемъ Зинѣ надо со мною говорить?“

Вѣра маленькимъ ребенкомъ повисла на шеѣ тетки и съ милою дѣтскою улыбкой сѣла на стулъ.

— Пойди къ рыжикамъ и къ Ксеничкѣ, сказала ей мать.

Рыжиками называли въ семьѣ дѣтей князя Василія Андреевича.

— Маменька, нельзя ли мнѣ остаться, я не помѣшаю, попросила было Вѣра, но строгій взглядъ матери заставилъ ее повиноваться. Она встала съ очаровательно-покорнымъ видомъ, улыбнулась тетѣ и мамѣ и пошла. Внезапно, едва только она отвернулась, лицо ея стало злымъ, оставаясь глупымъ. Притворяя за собой дверь, она снова улыбнулась въ сторону тетиной комнаты.

— Une charmante enfant, заискивающе проговорила княгиня.

— Она не умна и слишкомъ любопытна, но послушна, сказала Зинаида Ивановна. — Но воспользуемся тѣмъ что мы одни чтобы потолковать.

Лидія Ивановна безпомощно вздохнула.

— Хорошо. Что̀ случилось?

Ей всегда было тяжело съ сестрой, словно та ее угнетала. Въ каждомъ разговорѣ съ Зинаидой Ивановной ей слышался какъ бы отголосокъ прежнихъ выговоровъ. Она сама понимала что это безсмысленно. Слава Богу, она теперь самостоятельна. Старшихъ для нея нѣтъ. А всетаки она не можетъ отдѣлаться отъ непріятнаго чувства.

„Того и гляди Зина опять начнетъ упрекать за то что я ничего не дѣлаю, не вожусь съ дѣтьми“.

— Вчера былъ у меня докторъ Морнигъ, начала Кормакова, — онъ очень недоволенъ здоровьемъ твоего мужа.

Княгиня почувствовала большое облегченіе. Совсѣмъ другаго ожидала она.

— Да, онъ лечитъ Владиміра, сказала она и приготовилась слушать. Говоря съ сестрой, она мужа не называла Woldemar.

— Я его пригласила изъ-за своего ревматизма и разговорилась съ нимъ о Владимірѣ Андреевичѣ... И знаешь что̀ онъ мнѣ объявилъ?

„Откуда мнѣ знать!“ подумала Лидія Ивановна и придала своему красивому лицу вопросительное выраженіе.

— Онъ мнѣ объявилъ что твой мужъ не долженъ заниматься, иначе съ нимъ будетъ ударъ. Морнигъ такъ и выразился: „Его назначеніе равносильно смертному приговору“... понимаешь, всякое напряженіе можетъ вызвать разрывъ сосудовъ, а ты сама знаешь что Владиміръ Андреевичъ себя жалѣть не станетъ. Оказывается, Морнигъ его предупреждалъ, онъ и не сталъ слушать.

„Veuve à trente ans!“ мелькнуло въ умѣ княгини. И она поспѣшила сказать:

— Чтò же я могу сдѣлать?

— Уговори его подать въ отставку...

Лидія Ивановна даже рукою замахала.

— Чтò ты! Если Морнигъ не могъ, какъ же я могу. Ты хочешь чтобы я начинала непріятные разговоры.

— Lydie, ma chére, tu es une sotte.

Не любила Зинаида Ивановна говорить по французски, но прибѣгала къ этому языку каждый разъ, когда ей нужно было выбранить сестру.

— Непріятные разговоры! Чтò за отношеніе! А если онъ умретъ или съ нимъ сдѣлается параличъ? Разумѣется, нельзя ему говорить то чтò говорилъ Морнигъ. Онъ же ему отвѣтилъ что радъ отдать жизнь за исполненіе долга. Но укажи хоть ему что онъ, все равно, долго не продержится, что онъ напрасно хочетъ всѣмъ противорѣчить... Замѣтивъ скучающій и безсмысленный взглядъ сестры, Кормакова круто перемѣнила тонъ:—И глупа же я! Нашла съ кѣмъ говорить! У тебя камешекъ вмѣсто сердца. Я помнила только одно что ты его жена, а ближе жены человѣка нѣтъ. Не могу же я соваться. Я для него посторонняя. Василій Андреевичъ слишкомъ глупъ. Съ Глафирой Николаевной у него не ладится.

Тутъ Лидія Ивановна оживилась.

— Глафира Николаевна! Я надѣюсь что ты къ ней и не обратилась бы. Эта бывшая акушерка позоритъ нашу семью..

Кормакова перебила:

— У нея рѣзкія манеры, странные взгляды, но она хорошій человѣкъ и любитъ своихъ дѣтей.

— Это рѣчь идетъ обо мнѣ? Портретъ настоящій! раздался крикливый насмѣшливый голосъ.

Вошла въ комнату княгини Глафира Николаевна Могилова-Стольная, жена князя Василія Андреевича, рыжая женщина лѣтъ сорока трехъ. Она производила впечатлѣніе не просто некрасивой, а сильно подурнѣвшей. Видно было что она когда-то была хороша. На нее очень походила ея хорошенькая дочь Соня. Тѣ же черты были у матери, съ придаткомъ чего-то нарушающаго ласковую гармонію. И княгинѣ Глафирѣ Николаевнѣ значительно вредили ея ухватки, грубость которыхъ она сама любила подчеркивать.

— А? Про меня говорите?

Съ добродушно-насмѣшливою улыбкой она остановилась на порогѣ.

Обѣ сестры ей одновременно сказали:

— Здравствуйте.

При этомъ Кормакова смотрѣла на нее съ удовольствіемъ, а Лидія Ивановна натянуто улыбалась.

— Мнѣ сказали что Зинаида Ивановна здѣсь, я и пришла поздороваться. И кстати, кажется, вошла. Итакъ, княгиня Лидія Ивановна, вы находите что я позорю семью?

Она сѣла на стулъ, закинула ногу на ногу и закурила папиросу.

Ея невѣстка съ видомъ мученицы возвела взглядъ къ потолку. На ея лицѣ было написано: „нѣтъ конца моимъ страданіямъ".

— Ну, охота вамъ начинать объясненія, примирительнымъ тономъ произнесла Зинаида Ивановна.

Глафира Николаевна засмѣялась.

— Да вѣдь это происходитъ каждый день. Лидія Ивановна хочетъ мнѣ внушить что я чужая въ домѣ. Довольно странно. Я вошла въ этотъ домъ на одиннадцать лѣтъ раньше чѣмъ она, и вошла по той же причинѣ: потому что была хорошенькая. И дѣти мои, всѣ трое, явились здѣсь раньше нежели Лидія Ивановна. Въ чемъ же дѣло? Въ томъ что я была не княжна, а акушерка. Но вѣдь я перестала быть акушеркою, такъ же какъ Лидія Ивановна перестала быть княжною. Я сама дала міру двухъ князей и одну княжну. Вы совершенно справедливо сказали, Зинаида Ивановна, я хорошій человѣкъ и люблю своихъ дѣтей. Лучшаго отзыва и желать нельзя. Я воспитала своихъ дѣтей какъ могла. Могло быть хуже. Очень непріятно Лидіи Ивановнѣ что я курю папиросы. Господи, да я вѣроятно и не курила бы еслибы въ тѣ годы, когда стала нуждаться въ дурманѣ, могла вмѣсто папиросъ покупать французскіе романы. Князь Владиміръ Андреевичъ больше насъ всѣхъ князь, а однако все мнѣ прощаетъ и выноситъ меня. А вотъ почему моя дорогая невѣстка притворяется что читаетъ *Историческій Вѣстникъ* которымъ она только прикрываетъ томикъ „La curée"?..

Княгиня Лидія Ивановна заплакала.

———

VI.

— Сегодня я пойду на воскресный обѣдъ къ Могиловымъ-Стольнымъ, робко произнесъ Хрустовъ, Сергѣй Виссаріоновичъ, и посмотрѣлъ на жену чтобы разглядѣть какъ она отнесется къ его словамъ.

Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ былъ такой же нерѣшительный и боязливый какъ въ тѣ года, когда старшіе имѣли право ставить его въ уголъ. Больше всѣхъ боялся онъ жены, можетъ быть потому что она, благодаря своимъ связямъ, помогла ему достигнуть довольно порядочнаго служебнаго положенія.

— Къ Могиловымъ-Стольнымъ, повторилъ онъ, въ упованіи на отвѣтъ. Его худощавое блѣдное лицо съ отвислыми сѣдыми усами и жидкою бородкой приняло тревожное выраженіе. Онъ зналъ что когда Антонида Павловна молчитъ, это очень дурной признакъ.

А она, только передъ тѣмъ войдя въ кабинетъ, имѣла видъ очень строгій. Во дни молодости она была очень хороша, обладая чарами цыганскаго типа, но теперь, на сорокъ восьмомъ году, наружность у нея была зловѣщая, приблизительно такая какая бываетъ у оперныхъ волшебницъ.

— Посмотри что̀ я нашла въ письменномъ столѣ нашего Вани, дрожащимъ отъ злости голосомъ проговорила она и дала мужу нѣсколько листковъ бумаги испещренныхъ печатнымъ шрифтомъ.

— Господи! съ испугомъ пробормоталъ Сергѣй Виссаріоновичъ. Испугался онъ собственно на вѣру, чтобы доставить удовольствіе женѣ, еще не взглянувъ на листки, но едва его взглядъ ихъ коснулся, онъ пришелъ въ ужасъ. — О! И нѣсколько экземпляровъ!

Антонида Павловна пожала плечами.

—Будь одинъ экземпляръ, я бы не обратила вниманія. Мало ли къ кому попадаютъ прокламаціи. Сунетъ тебѣ кто-нибудь, и дѣло съ концомъ. А тутъ ихъ девять штукъ. Значитъ, Ваня взялъ ихъ для раздачи... Онъ хочетъ насъ погубить...

— Можетъ быть случайно, попытался было объяснить Хрустовъ.

Жена перебила:

— Нѣтъ глупости которую бы ты не сказалъ! Точно тебѣ не извѣстны его идеи... Но мы не обращали вниманія, потому что мало ли кто такія вещи говоритъ... Celà ne tire pas à conséquence... Но это уже не идея, а noir sur blanc... Это уже неосторожность... Обыскъ всегда возможенъ... Ты знаешь что я рѣшительно не интересуюсь никакими убѣжденіями. Пусть всякій хочетъ чего онъ хочетъ. И какое намъ дѣло до того кто правъ! Лишь бы самимъ жилось. Я знаю, напримѣръ, что Ваня думаетъ одно, а Алексъ совсѣмъ другое. Лишь бы намъ жилось. Но вѣдь здѣсь не судьба Россіи, а мое спокойствіе которое никто не имѣетъ права нарушать.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ младшій сынъ Хрустовыхъ, Александръ, входя въ кабинетъ. Это былъ двадцатидвухлѣтній черноглазый блондинъ, красивый, стройный. Онъ вовсе не былъ похожъ на своихъ родителей.

Взволнованная мать ему объяснила:

— Я нашла прокламаціи въ столѣ твоего брата. Онъ съ ними, навѣрно, шляется по учащейся молодежи. Алексъ, онъ насъ погубитъ.

Алексъ брезгливо улыбнулся.

— Ну, погубитъ ли онъ васъ, это неизвѣстно, а что вы его погубили, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Онъ могъ быть порядочнымъ человѣкомъ, а между тѣмъ я не вижу основаній скрывать что мой родной братъ проходимецъ.

Сергѣй Виссаріоновичъ слушалъ и мучился.

— Я его погубила! вскрикнула Антонида Павловна.

— Да, вы. Вамъ нравилось что онъ болтаетъ, и онъ доболтался до чепухи. Что же касается до учащейся молодежи, то настоящая учащаяся молодежь учится, и тѣ на нее клевещутъ которые изображаютъ ее какою-то организаціей сплошной преступности. У насъ отпустилъ волосы, накинулъ на плечи пледъ, вотъ и студентъ. Молодежь иногда вѣритъ лжи, но любитъ только правду. Дайте мнѣ эти подлыя бумажки, я ––ъ обезврежу.

Онъ выхватилъ листки изъ рукъ отца и бросилъ ихъ въ ‹инъ.

— Пусть горятъ. Славно. Нѣтъ ли еще чего?

— Ma foi, celà vaut mieux, сказала Антонида Павловна ‹емного успокоенная, но тотчасъ же вновь разстроилась. — ‹лексъ, я тебѣ запрещаю такъ говорить со мной. Я тебѣ ‹ть.

— И ты молчишь! накинулась она на мужа.—Ты возмутительно ничтоженъ.

— Да, вы мнѣ мать, спокойно произнесъ Алексъ,—и вы не должны при мнѣ бранить моего отца.

— Я дѣлаю что̀ я хочу, а ты долженъ молчать. Молчи.

Набравшись храбрости, Сергѣй Виссаріоновичъ тоже крикнулъ:

— Молчи.

Кивнувъ въ сторону двери, Алексъ сказалъ:

— Какъ бы мнѣ хотѣлось чтобы мы всѣ молчали, когда къ нашей бесѣдѣ прислушивается моя родная сестра!

На порогѣ стояла Катя, дочь Хрустова. Равнодушная къ происходившей сценѣ, она обратилась къ матери:

— Voilà mon costume, maman; on vient de l'apporter...

На ней красовался условный нарядъ неаполитанской рыбачки, чрезмѣрно балетный и легкій. Онъ очень къ ней шелъ, хотя она и была бѣлокура.

— Да, для костюмированнаго бала! вспомнила Антонида Павловна.

Алексъ замѣтилъ:

— Мерзость порядочная. Катя почти не одѣта. Можете быть увѣрены что такимъ путемъ добываются не женихи, а одно безобразіе.

И вышелъ.

У Кати отъ злости показались слезы па глазахъ, а Хрустова крикнула ему вслѣдъ:

— Ты горе нашей семьи.

— Сегодня я пойду на воскресный обѣтъ къ Могиловымъ-Стольнымъ, пробормоталъ Сергѣй Виссаріоновичъ. Жена опять не слышала. Она взяла подъ руку свою дочь и увела ее.

„Вотъ и не пойду къ князю Владиміру Андреевичу“, съ тоской подумалъ онъ.

VII.

У рыжиковъ собралось большое общество. На диванѣ сидѣли Соня, Ксенія и Вѣрочка Кормакова. Поодаль, верхомъ на стулѣ, покачивался старшій сынъ князя Василія, недавно отпраздновавшій свое совершеннолѣтіе Володя, такой же рыжій какъ его братъ, и нескладною фигурой очень похожій

на отца отъ котораго онъ унаслѣдовалъ и глаза навыкатѣ, съ туманнымъ выраженіемъ. Плоскогрудый, прихрамывающій, онъ по окончаніи курса въ училищѣ избавился отъ отбыванія воинской повинности и теперь числился по одному изъ министерствъ. Онъ бесѣдовалъ, покачиваясь, съ Мерлономъ и съ братомъ своей матери, Константиномъ Николаевичемъ Нефедовымъ. Николай угрюмо сидѣлъ въ углу, съ выраженіемъ тупой враждебности ко всѣмъ на блѣдномъ лицѣ.

— Чѣмъ лучше, тѣмъ хуже, говорилъ Володя,—я поэтому и недоволенъ назначеніемъ дяди. Больно онъ симпатичный человѣкъ и сумѣетъ вызвать сочувствіе тамъ, гдѣ его не нужно. О! какъ мнѣ все надоѣло. Хоть бы что-нибудь случилось. У насъ на Руси нѣтъ дѣятельности, некуда ее примѣнить. Я говорю, дайте намъ возможность развернуться. Такъ жить нельзя. И въ этомъ домѣ я долженъ молчать.

— Видите ли, князь, вкрадчиво произнесъ Мерлонъ, — ничто не дѣлается сразу. Поторопиться значитъ все погубить. Вы не станете отрицать что эволюція происходитъ несомнѣнная, шагъ за шагомъ, и даже двадцать такихъ личностей какъ князь Владиміръ Андреевичъ ея не остановятъ.

Нефедовъ захохоталъ.

— Философія! Эволюція, скажите пожалуйста. Еслибы время которое мы переживаемъ могло заговорить, оно бы сказало: „Голубчики мои, чего только вы мнѣ не навязываете своимъ глубокомысліемъ“. Надо смотрѣть на вещи просто.

Онъ былъ видный мущина лѣтъ тридцати пяти. Воспитался онъ на средства князя Василія Андреевича, прослужилъ года три въ армейскомъ кавалерійскомъ полку, а затѣмъ сталъ вести въ Петербургѣ праздный образъ жизни. О немъ говорили что онъ много выигрываетъ въ карты.

Володя посмотрѣлъ на него съ озлобленіемъ.—Еще бы, вамъ на все наплевать...

— Люди индиферентные очень полезны, замѣтилъ Мерлонъ,—они составляютъ буферъ между...

Договорить ему не пришлось, потому что его позвала Соня.

— Степанъ Николаевичъ, развѣ вы не съ Иваномъ Сергѣевичемъ пришли?

— Да, съ нимъ. Онъ зашелъ къ князю Владиміру Андреевичу...

„Чтд, интересуешься?“ подумалъ онъ. „Жаль. Ты интереснѣе Ксеніи. Я бы тебя предпочелъ. Но Ксенія тоже полезна.

Еслибы удалось... Мерлоны не плебеи. А денегъ-то за обѣими, денегъ-то!"

Ксенія продолжала споръ.

— Обойдемся и безъ Ивана Сергѣевича. Соня хочетъ чтобы онъ ее поддержалъ, а онъ всегда становится невѣжливъ, когда съ нимъ не соглашаются. Я говорю что каждый имѣетъ свою гордость. Видишь, Соня, если твоя Иванова гордится тѣмъ что ея отецъ былъ хорошимъ докторомъ, то я вполнѣ это понимаю. Но почему она не понимаетъ что я, княжна Могилова-Стольная, могу гордиться тѣмъ что мой дѣдъ былъ раненъ при Бородинѣ, когда одинъ отбивалъ пушку у трехъ Французовъ, что отецъ его при Павлѣ спасъ многихъ отъ бѣды и что Могиловы-Стольные всегда отличались доблестью и благотворительностью. Почему это ее сердитъ?

— Неправда, сказала Соня,—это ее не сердитъ, но только смѣшитъ... Она говоритъ что, можетъ быть, ея прадѣды тоже сдѣлали много хорошаго, но только никто этого не знаетъ, потому что они были мужики. А по твоему мужики, конечно, не люди, и благотворительность у нихъ не процвѣтаетъ, потому что они сами въ ней нуждаются...

Засмѣялась Ксенія.

— Вотъ ты и разсердилась! Удивительно какъ теперь всѣ легко сердятся. Я вотъ ни на кого не сержусь.

— Я тоже, съ улыбкой хорошенькой куклы проговорила Вѣрочка.

— Мы сердимся, потому что все ненормально! раздражительнымъ голосомъ произнесла Соня.—Я чувствую какъ меня душатъ старьемъ. Я не могу довольствоваться этою затхлою жизнью. Дѣятельность нужна.

Подошелъ Нефедовъ:

— А я согласенъ съ Вѣрой Михайловной.

— Она все время молчитъ. Лучше бы со мной, дядя, въ шутку попросила Ксенія.

— Нѣтъ, я потому и согласенъ съ ней что она молчитъ... Это ей очень идетъ.

Вѣрочка посмотрѣла на него съ благодарностью.

— Тебѣ, Соня, нужна дѣятельность? раздался грубоватый голосъ Николая,—ты навѣрно находишь что мы всѣ негодяи, потому что живемъ въ хорошемъ домѣ и носимъ дорогое бѣлье? Такъ вотъ тебѣ дѣятельность: надѣнь большіе сапоги и пойди читать Вольтера судомойкамъ. Это будетъ карикатура, но очень вѣрная карикатура того что̀ мы видимъ.

— Коля! Ты говоришь пошлость! крикнулъ Володя,— какъ тебѣ не стыдно.

— Тише, тише! взмолился Мерлонъ.

Николай всталъ.

— Нѣтъ ничего пошлѣе того чтò говорите вы всѣ. Стоитъ какому-нибудь Ивану Хрустову придти и наболтать чтобы ты и Соня всякую чушь подхватили. Еще немного, и вы станете извиняться въ томъ что вы носите имя князей Могиловыхъ-Стольныхъ и что вы богаты. Вы полагаете что вамъ надо унизиться для того чтобы васъ уважали.

— Дуракъ, неслышно пробормоталъ Володя. Соня нахмурилась.

Лакей вошелъ и доложилъ:

— Просятъ въ столовую.

VIII.

— Итакъ, князь Владиміръ Андреевичъ, сказалъ Иванъ Хрустовъ,—мы съ вами побесѣдовали полчаса, но это не привело насъ къ соглашенію.

Развалившись въ креслѣ, онъ чувствовалъ себя очень хорошо, потому что съ самаго начала разговора принялъ нахальный тонъ. Нѣкоторая наглость была ему необходима. Когда обстоятельства мѣшали ему проявлять ее, онъ предпочиталъ молчать.

Старикъ посмотрѣлъ на него съ тѣмъ выраженіемъ какое бываетъ у натуралиста изучающаго особенности интереснаго гада.

— Признаться, съ едва уловимою усмѣшкой проговорилъ онъ,—не надежда на какое-либо съ вами соглашеніе заставила меня васъ слушать и самому высказываться. Мнѣ пріятно было оказать вамъ, какъ гостю, вниманіе, совершенно безотносительно къ тому какія чувства вызывали во мнѣ ваши слова. Впрочемъ, вы мнѣ не сказали ничего новаго, вашъ образъ мыслей мнѣ давно извѣстенъ. Имъ съ большою точностью опредѣляются настроенія нѣкоторыхъ кружковъ образовавшихся на огрѣхахъ нашей національной нивы.

— Огрѣхи? съ пренебрежительнымъ недоумѣніемъ переспросилъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Вы этого слова не знаете? А еще стремитесь, повидимому, идти въ народъ, не понимая его языка... Я вамъ разъясню. Когда послѣ посѣва всходятъ зеленые ростки, то иногда на зелени поля оказываются какъ бы пятна, гдѣ ничего не растетъ или посѣянное растетъ плохо. Это иногда признакъ того что пахарь тутъ недостаточно глубоко провелъ соху, либо обошелъ неудобное мѣсто. И такія пятна называются огрѣхами... За послѣднія двадцать пять лѣтъ вспахалась Русь. Плугъ проложилъ борозды по отечественному полю. Работа кипѣла и какъ бы стихійно кидалась туда, гдѣ больше всего была необходима. Сдѣлано много, но сдѣлано еще не все. Но не всѣ въ работѣ помогаютъ. Иные кричатъ: „мы сами, сами сдѣлаемъ!“.. Подчасъ это малолѣтнія дѣти желающія казаться большими, подчасъ ничтожества стремящіяся играть роль. Другіе злорадствуютъ: „ага, не все легко дается!“ и, вмѣсто того чтобы помогать, сочиняютъ препятствія. Третьи просто безчинствуютъ.

— И къ нимъ вы причисляете меня? протянулъ Хрустовъ.

— Я со своими гостями вообще вѣжливъ, безстрастно отвѣтилъ князь и продолжалъ:—Иногда мнѣ начинаетъ представляться что въ обществѣ всѣ истинно-русскіе люди заболѣли или куда-то уѣхали. Чужимъ вѣетъ вокругъ... То чтò происходитъ на Руси...

— На Руси! перебилъ Иванъ Сергѣевичъ,—почемъ вы здѣсь всѣ, въ Петербургѣ, можете знать чтò происходитъ на Руси?.. Чтò у Петербурга общаго съ Россіей?

Старикъ улыбнулся.

— Какъ это ни странно, а мнѣ приходится быть вамъ благодарнымъ за то что вы перебили мою рѣчь, тѣмъ самымъ давъ мнѣ поводъ высказаться и въ защиту оклеветаннаго Петербурга. Съ Русью онъ имѣетъ общаго все, потому что вся мыслящая Русь къ нему стягивается, онъ Русью живетъ и на немъ отражаются всѣ болѣзни Руси. На него упадаетъ вся тягость борьбы съ чуждыми русскому духу элементами, и этою борьбой самобытность Москвы отстаивается.

— У васъ имѣется единомышленникъ мнѣ хорошо извѣстный, сказалъ Хрустовъ которому надоѣли слова старика,— Илліодоръ Рыбовскій. Онъ находитъ что у насъ все происходитъ не на русскій ладъ. Но только эта мысль заставляетъ его уѣзжать въ Америку, и я, право, не знаю, служитъ ли отъѣздъ въ Америку признакомъ руссофильства.

— Рыбовскій? Илліодоръ Ѳеодоровичъ? Князь нахмурился.—Ну, да, одинъ изъ тѣхъ котораго закачало. Онъ уѣзжаетъ?

— Сегодня вечеромъ. Онъ вообще внезапный юноша. Горячъ не въ мѣру..

— Онъ не будетъ у меня сегодня?

— Нѣтъ. Я его спрашивалъ. Онъ сказалъ что ему некогда...

— Жаль... Я бы поговорилъ съ нимъ. Я бѣгства не люблю.

— Разумѣется, надо бы вамъ съ нимъ поговорить, протянулъ Хрустовъ,—онъ всетаки вамъ не вовсе чужой.

Насторожился Владиміръ Андреевичъ. Очевидно, Иванъ Сергѣевичъ собирался произнести гнусность. Такъ и случилось.

— Не вовсе чужой онъ вамъ... Вашъ племянникъ, князь Николай Васильевичъ, очень друженъ съ женой его двоюроднаго брата, и я нисколько не удивлюсь, если окажется что это обстоятельство облегчило Илліодору Ѳеодоровичу возможность добыть денегъ на дорогу. Что жь, это даже очень хорошо. Николай Васильевичъ могъ бы тратить деньги на кокотокъ, какъ это дѣлаетъ князь Василій Андреевичъ котораго я также не осуждаю, но...

— Вы сегодня у насъ обѣдаете? рѣзко прервалъ князь Могиловъ-Стольный.

— Да, обѣдаю, отвѣтилъ Хрустовъ, стараясь не показать что неожиданно гнѣвный тонъ старика его смущаетъ. Ну, въ чемъ дѣло? Обидѣлся?

Но князь уже совсѣмъ овладѣлъ собою.

— Отлично. Я надѣюсь что вы не откажетесь меня проводить послѣ обѣда. Я отправлюсь ночевать на казенную квартиру и хотѣлъ бы выйти отсюда вмѣстѣ съ вами.

Иванъ Сергѣевичъ молча поклонился въ знакъ согласія. „Не наболталъ ли я лишняго?“ подумалъ онъ. „Положился на благородство! Знаемъ мы это благородство...“

Онъ былъ смущенъ и притихъ.

Старикъ сказалъ:

— Идемте же обѣдать...

IX.

Вскорѣ послѣ обѣда князь Владиміръ Андреевичъ собрался идти на новую квартиру. Князь Василій Андреевичъ, его сыновья и Нефедовъ выразили желаніе его провожать, но онъ отказался.

— Не нужно. Я беру съ собою Андрюшу... И со мной пойдетъ Иванъ Сергѣевичъ... Я также попрошу Степана Николаевича.

Мерлонъ былъ польщенъ чрезвычайно.

— Никого мнѣ въ провожатые не надо, продолжалъ князь,—тамъ все готово, курьеръ услужитъ, это самая лучшая прислуга.

Чувствуя на себѣ взглядъ сестры, Лидія Ивановна сказала:—Только много не работай. Тебѣ вредно.

Ея слова заставили старика улыбнуться.

— Я много лѣтъ отдыхалъ. Пора и за дѣло. До свиданія.

Жену, Ксенію и Соню онъ поцѣловалъ, а Вѣрочку только мимоходомъ потрепалъ по щекѣ. Онъ ея не любилъ.

— Собственно, я не понимаю, почему вы переселяетесь раньше всѣхъ, пробасилъ Нефедовъ,—подождали бы денька два, а тамъ со всею семьей.

Князь ничего не отвѣтилъ, а Глафира Николаевна объявила брату:

— Это очень хорошо что ты не понимаешь того что̀ тебя и не касается.

Андрюша уцѣпился за локоть отца, тянулъ его.

— Да, да, сейчасъ, мой мальчикъ... Мы пойдемъ пѣшкомъ... Погода хороша.

Онъ вышелъ съ сыномъ, Хрустовъ и Мерлонъ за ними.

Морозный вечеръ былъ сухъ. Шаги прохожихъ звенѣли на панели, и въ этомъ звукѣ было что-то бодрящее.

— Какъ весело! сказалъ Андрюша,—я въ первый разъ гуляю вечеромъ зимой.

И вдругъ вспомнилъ:—Папа, а твои вещи?

— Какія нужны, всѣ уже тамъ.

— Какъ я радъ, князь, что вы предложили мнѣ идти съ вами, произнесъ Мерлонъ съ явнымъ желаніемъ подладиться.—Мнѣ такъ пріятно съ вами бесѣдовать...Не правда ли, Иванъ Сергѣевичъ?

Хрустовъ сочувственно кивнулъ. Онъ не хотѣлъ высказываться. Онъ ждалъ что̀ дальше будетъ. Ждать долго не пришлось.

— Степанъ Николаевичъ, пожалуйста, пойдите немного впередъ съ Андрюшой, попросилъ князь Владиміръ Андреевичъ,—мнѣ нужно сказать два слова вашему пріятелю.

Мерлонъ повиновался. Именно повиновался. Вообще старый князь владѣлъ умѣніемъ придавать своимъ вѣжливымъ просьбамъ характеръ приказаній.

„Ну, начинается", подумалъ Хрустовъ. „Наскажетъ непріятностей. Приготовилъ старикъ рѣчь и пойдетъ чесать".

— Сегодня, будучи передъ обѣдомъ у меня въ кабинетѣ, сказалъ Владиміръ Андреевичъ,—вы произнесли нѣсколько сужденій относительно которыхъ я желаю съ вами объясниться. Всего удобнѣе сдѣлать это теперь, когда насъ никто не слышитъ... и я радъ что у меня явилась возможность высказать свое мнѣніе не въ такую минуту, когда вы находитесь у меня въ гостяхъ.

Иванъ Сергѣевичъ молчалъ. Онъ всегда немного терялся когда имѣлъ дѣло съ благовоспитаннымъ собесѣдникомъ, потому что находилъ въ учтивости нѣчто глубоко оскорбительное для себя. Положительно ему казалась предпочтительною грубость дающая точки опоры его нахальству.

Князь продолжалъ:

— Вы сочли удобнымъ вести со мною сегодня разговоръ въ тонѣ къ которому я за семьдесятъ лѣтъ жизни не привыкъ и къ которому пріучаться не желаю. Я прекрасно понимаю что и у иныхъ невѣжливыхъ людей могутъ быть большія достоинства, но мнѣ почему-то кажется что въ данномъ случаѣ объ этой категоріи личностей мы можемъ упомянуть только мимоходомъ...

„Влетѣло. Разъ", съ озлобленіемъ отмѣтилъ Хрустовъ.

— Вы, между прочимъ, коснулись въ разговорѣ моего брата и моего племянника, и все то что̀ вы о нихъ высказали не соотвѣтствовало требованіямъ которыя я прилагаю къ словамъ умѣстнымъ въ моемъ присутствіи. А начали вы съ того что пришли ко мнѣ излагать свои убѣжденія неимѣющія для меня даже справочной цѣнности, пришли ихъ излагать побуждаемый чувствомъ которое человѣкъ вашего образа выраженія вѣроятно назвалъ бы фанфаронствомъ, я же предпочитаю не опредѣлять.

„Два!“ подумалъ Иванъ Сергѣевичъ и рѣшилъ идти напрямикъ:

— Вы могли меня попросить удалиться.

Старикъ согласился.

— Да, могъ. Но не хотѣлъ. Вы пришли ко мнѣ обѣдать, и такой поступокъ былъ бы съ моей стороны равносиленъ отказу въ гостепріимствѣ по отношенію къ лицу пользовавшемуся имъ до сихъ поръ довольно часто. Коль скоро вы у меня въ гостяхъ, я съ вами ничего подѣлать не могу. На мнѣ, а не на васъ лежитъ отвѣтственность за то что я васъ принялъ. И я васъ прошу избавить меня на будущее время отъ этой отвѣтственности.

— Ха! Ха! притворно засмѣялся Хрустовъ,—вы меня извергаете изъ своей среды...

Но князь Владиміръ Сергѣевичъ взглянулъ на него съ такимъ холоднымъ презрѣніемъ что Иванъ Сергѣевичъ примолкъ, съ громадною злобой въ душѣ.

— Степанъ Николаевичъ, благодарю васъ! крикнулъ старикъ Мерлону ушедшему съ Андрюшей шаговъ на двадцать впередъ,—отдайте мнѣ моего сына. Иванъ Сергѣевичъ дальше со мною не идетъ, и вы, конечно, не лишите его своего общества... До свиданія, Степанъ Николаевичъ... Прощайте, Иванъ Сергѣевичъ. Андрюша, пойдемъ.

Князь Владиміръ Андреевичъ, взявъ сына за руку, бодро пошелъ съ нимъ впередъ по направленію къ Исаакіевской площади.

— Папа, ты сердишься? спросилъ мальчикъ.

— Нѣтъ, милый... а чтò?

— Такъ, я почувствовалъ что ты сердишься...

— Да, ты правъ. Я разсердился на господина Хрустова. Мы его больше не увидимъ.

Андрюша ничего не сказалъ, но отецъ почуялъ его мысль: „какъ это хорошо!“

— О чемъ съ тобой говорилъ Степанъ Николаевичъ?

— О! Папа, онъ все время тебя хвалилъ... Но я чувствую что онъ тебя совсѣмъ не такъ любитъ.

— Да, да, разсѣянно подтвердилъ старикъ и ускорилъ шагъ. Онъ былъ недоволенъ собою. Ему казалось что вообще-то объясняться съ такими личностями, какъ Хрустовъ, ему не слѣдовало бы. Надо было бы просто объявить: прошу васъ больше у меня не бывать... Конечно, разсердило упоминаніе о Васѣ и о Колѣ. Въ особенности то чтò было сказано о

Колѣ. Давно онъ знаетъ что братъ Вася далеко не безупречный семьянинъ. Вася недостаточно уменъ чтобы быть вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ. Потомъ Глафира Николаевна такъ равнодушна къ поведенію своего мужа. Наконецъ, если Вася и содержитъ Француженку, либо Англичанку, то дѣлаетъ это съ полнымъ соблюденіемъ приличій. Но что Коля сошелся съ женою Рыбовскаго, это грязно и подло. Брать чужую жену, хотя бы и плохо оберегаемую, всегда нечестно. И Хрустовъ намекаетъ что Илліодоръ Рыбовскій все знаетъ и воспользовался этимъ чтобы выманить у Коли денегъ на поѣздку... Что̀ за омутъ, что̀ за грязь! Надо поговорить съ Колей. Жаль что Илліодоръ Өеодоровичъ уѣхалъ.

— Вотъ и нашъ подъѣздъ, сказалъ Андрюша.

Швейцаръ, его помощникъ и курьеръ захлопотали.

—Ну, сынокъ, поздравляю съ новосельемъ, весело проговорилъ князь, когда они вошли въ квартиру...—Видишь какъ много у насъ мѣста.

Онъ повелъ сына по всѣмъ комнатамъ. Андрюша смотрѣлъ съ любопытствомъ, но безъ удовольствія. Ему квартира не нравилась. Слишкомъ большая... И незнакомая мебель. Не нравилось ему здѣсь, да и спать хотѣлось.

Владиміръ Андреевичъ это замѣтилъ.

— Да, ты усталъ... Вотъ что̀ значитъ непривычная вечерняя прогулка, да и девятый часъ въ началѣ. Ложись. Вотъ твоя комната рядомъ съ моей. Видишь, все готово. А я пойду заниматься. Замѣтилъ ты сколько бумагъ на моемъ письменномъ столѣ?

— Ты будешь въ кабинетѣ... Это очень далеко, съ грустью произнесъ Андрюша.

Владиміръ Андреевичъ обратился къ курьеру:

— Семеновъ, уложи маленькаго князя и оставайся тутъ рядомъ въ комнатѣ пока не позову... Ну, Андрюша, спокойной ночи.

Онъ перекрестилъ сына, поцѣловалъ его и вышелъ. Проходя черезъ рядъ комнатъ къ себѣ въ кабинетъ, онъ безшумно притворялъ за собою двери. Одиночества хотѣлось ему. Такъ всегда бывало съ нимъ, когда имъ овладѣвало раздраженіе. Недавній разговоръ съ Хрустовымъ и мысль о Николаѣ безпокоили его. Его томило такое чувство, словно откуда-то со стороны на него брызнуло грязью. Посмотрѣлъ онъ на бумаги и увидѣлъ что не можетъ заниматься пока дурное настроеніе не пройдетъ.

— Нѣсколько минутъ работы, и все какъ рукой сниметъ, проговорилъ онъ, прошелся нѣсколько разъ по кабинету и остановился у окна. Вдругъ онъ вздрогнулъ, сталъ всматриваться. При свѣтѣ газоваго рожка по другую сторону улицы онъ увидѣлъ фигуру показавшуюся ему знакомою.

— Его-то мнѣ и надо!

Князь прогянулъ было руку къ кнопкѣ электрическаго зконка, но тутъ же рѣшилъ что не надо никого звать, быстро пошелъ изъ квартиры въ вестибюль. Швейцаръ кинулся къ вѣшалкѣ, подалъ пальто.

— Я сейчасъ вернусь, сказалъ Владиміръ Андреевичъ и поспѣшно вышелъ на улицу.

Андрюша легъ въ новую кровать, слишкомъ для него большую.

— Такъ что я буду тутъ рядомъ въ комнатѣ, объяснилъ курьеръ,—ежели чтò нужно, покличете.

Мальчикъ остался одинъ. Очень нехорошо ему было, непріютно. Хотѣлось ему и плакать, и цѣловать папу. Сердце его шибко стучало въ груди. Онъ думалъ: „Дома лучше... Здѣсь такъ тяжело. Мамы нѣтъ, Ксеніи нѣтъ... Еслибы я не пошелъ съ папой, папа былъ бы одинъ въ этой большой квартирѣ... Дядя Вася говорилъ что папу могутъ убить“.

Эти мысли разогнали въ немъ сонливость. Страхъ объялъ и за себя и за папу. За папу больше. „Господи, сдѣлай чтобы съ папой не случилось никакого несчастія... Господи, ты все можешь!.. И папа тоже одинъ... Пусть курьеръ пойдетъ къ нему. Я пошлю...“

— Семеновъ! нерѣшительно крикнулъ онъ.

Отвѣта не было. Немного погодя мальчикъ позвалъ совсѣмъ робко:

— Семеновъ!

Опять ничего. Тогда онъ всталъ, надѣлъ чулки и въ рубашонкѣ подбѣжалъ къ двери, посмотрѣлъ. Облокотясь на столъ Семеновъ спалъ. Андрюшѣ тотчасъ же стало его жалко. „Бѣдный, у него много работы! Не надо его будить“.

Направился онъ назадъ къ кровати, но внезапно рѣшилъ: „Проберусь къ папѣ, поцѣлую его и попрошу чтобы мнѣ около него спать на диванѣ въ кабинетѣ...“

X.

Когда князь Владиміръ Андреевичъ и Андрюша отошли, Степанъ Николаевичъ спросилъ Хрустова:

— Въ чемъ дѣло? Произошла нѣкоторая неладность?

— О, старый негодяй! вырвалось у Ивана Сергѣевича,— онъ у меня запляшетъ. Покажу я ему какъ мнѣ отказывать отъ дома.

Сказалъ это Хрустовъ и тотчасъ же раскаялся, потому что увидѣлъ на лицѣ Мерлона выраженіе большаго веселья.

— Отказалъ отъ дома? Вотъ такъ штука! Любопытно... Разкажи пожалуйста.

Поневолѣ Иванъ Сергѣевичъ долженъ былъ объяснить:

— Онъ разсердился на то что я ему выразилъ свой образъ мыслей и кромѣ того взглядъ на дурака Василія... Зазнавшаяся скотина! Постой, я тебѣ черезъ Софью Васильевну могу натворить столько непріятностей что ты у меня завертишься.

— Не согласенъ ли ты изрыгать ругательства на ходу? насмѣшливо предложилъ Степанъ Николаевичъ.—Пойдемъ. А куда собственно? Я теперь понимаю что старикъ позвалъ меня съ собой только для того чтобы сдать мнѣ Андрюшу, пока тебѣ придется выслушивать кислыя истины... Въ сущности чтобы кое-какъ заполнить свой вечеръ, я могъ бы вернуться на Миліонную куда входъ мнѣ не возбраняется... Но я не желаю покидать тебя въ тяжелую минуту.

Хрустовъ никогда не сердился на Мерлона, и тотъ любилъ этимъ пользоваться.

— Пойдемъ куда глаза глядятъ, сказалъ Иванъ Сергѣевичъ,—а потомъ видно будетъ.

Они пошли ровнымъ шагомъ людей привыкшихъ ходить вмѣстѣ.

— Ты смотри, Степанъ, у меня не болтай.

— Ну, вотъ еще... Я самъ себѣ разкажу этотъ случай разъ пятнадцать и буду въ этомъ обрѣтать занятность, ласково проговорилъ Мерлонъ.

— Ты скотина, безъ гнѣва проговорилъ Иванъ Сергѣевичъ. Онъ немного успокоился и сталъ излагать свои мысли довольно ровнымъ голосомъ:—Наплевать мнѣ въ высокой степени на то что этотъ старый дуракъ наговорилъ мнѣ всякой трухи. Собственно по отношенію къ самому себѣ наплевать.

Но тутъ дѣло въ принципѣ. Этотъ барствующій старикашка отнесся ко мнѣ свысока, потому что у него титулъ и большой чинъ. А я плюю на титулы и на чины, и непремѣнно хочу заплевать его титулъ и его чинъ. Вотъ что̀, мы съ тобой обмозгуемъ статеечку. Придраться нельзя будетъ, а понять-то онъ пойметъ... и что-нибудь такое про высшіе классы... публика это любитъ...

— Чортъ самъ не разберетъ чего хочетъ публика! со смѣхомъ сказалъ Степанъ Николаевичъ.—Вчера я видѣлъ на Вознесенскомъ какъ толпа радовалась тому что какой-то мастеровой далъ безъ всякой причины въ ухо субъекту закутанному въ пледъ... И многіе кричали: „молодецъ, такъ ему прохвосту и надо!“ А третьяго дня я былъ свидѣтелемъ того какъ какимъ-то не то правовѣдамъ, не то лицеистамъ пришлось укрыться въ подъѣздъ, потому что видъ привилегированныхъ трехуголокъ возбудилъ гнѣвъ двухъ прохожихъ, опять таки къ удовольствію публики... Я думаю, теперь вообще всякій хочетъ кому-то дать въ ухо... Въ этомъ заключается суть настроенія,

— А ты полагаешь что это не такъ? спросилъ Хрустовъ съ большимъ оживленіемъ.—Въ томъ-то и смыслъ теперешняго положенія. Всѣ другъ друга задразнили. А я не люблю когда меня дразнятъ, и потому сталъ на ту сторону которая умѣетъ оскорблять грубѣе. Погоди, погоди, еще натворимъ инцидентовъ...

Мерлонъ пожалъ плечами.

— Точно мы имѣемъ значеніе. Дѣйствуютъ другіе, а мы только образуемъ сферу сочувствія!

— Мало это по твоему? Ты не понимаешь, а я не дуракъ чтобы совать голову волку въ пасть. Вчера мнѣ сунули съ десятокъ прокламацій... Я взялъ, но раздавать не буду. Знаю чѣмъ пахнетъ. А вотъ неуловимое, неопредѣленное, это въ самый разъ. И поговорить на ту или иную тему, и посердить кого-нибудь, поджечь равнодушныхъ, подзадорить горячихъ... Смотришь, а въ концѣ концовъ и будетъ кавардакъ отъ котораго мы можемъ только выиграть..

— Я и самъ такъ думаю, серіознымъ тономъ проговорилъ Мерлонъ.

Они шли по Мойкѣ. Было безлюдно на набережной. Только впереди шагахъ въ сорока быстро шелъ офицеръ, стуча палашемъ по панели.

— Гм... терпѣть не могу гвардіоновъ, сказалъ Хрустовъ,—охотно помялъ бы ему бока... Идетъ, небось, отъ Дюсо

въ игорный домъ и воображаетъ что онъ вѣнецъ созданія... Онъ оглянулся.—Послушай, никого нѣтъ... Что̀ если мнѣ къ нему придраться?.. Моя мускулатура требуетъ примѣненія.

— Жарь, одобрилъ Степанъ Николаевичъ, — но остерегайся протокола.

Иванъ Сергѣевичъ засмѣялся.

— Ну, вотъ еще. Я будто нечаянно.

— Жарь, повторилъ Мерлонъ, но самъ не послѣдовалъ за пріятелемъ, когда тотъ ускорилъ шагъ.

Мощный, широплечій Хрустовъ нагналъ офицера.

Степанъ Николаевичъ думалъ: „Занятно... Хорошо что теперь военные не въ цѣнѣ... Недавно въ Кронштадтѣ городовые едва не побили военныхъ и даже какъ будто не раскаялись. Увидимъ".

— Ну-ка, повеселимся, предвкушалъ торжество Иванъ Сергѣевичъ.

Поровнявшись съ офицеромъ онъ толкнулъ его изо всей силы плечомъ.

— Виноватъ, я не повредилъ вашей красотѣ? со смѣхомъ освѣдомился онъ.

Офицеръ, худощавый брюнетъ съ рѣзкимъ взглядомъ, посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, а потомъ улыбнувшись быстро нанесъ Хрустову ударъ въ лобъ и продолжалъ путь, въ то время какъ Иванъ Сергѣевичъ безпомощно валялся въ снѣжномъ сугробѣ.

— Ну, что̀, не удалось? весело спросилъ Мерлонъ, подбѣжавъ.

Иванъ Сергѣевичъ всталъ, стряхнулъ съ себя снѣгъ и угрюмо отвѣтилъ:

— Боксируетъ, негодяй.

XI.

Парменъ Владиміровичъ Рыбовскій, отпивъ утренній чай, принялся за чтеніе газеты. Прежде всего обратился онъ къ телеграмамъ:

— Что̀ новаго? спросила его жена, придвигая къ себѣ чашку.

— Ничего особеннаго... Въ Варшавѣ покушеніе на гене-

ралъ-губернатора... Какой-то сумашедшій ворвался съ перочиннымъ ножемъ... Въ Парижѣ обсуждается предложеніе Луи Блана объ отмѣнѣ смертной казни... Разъясняется что феніи вовсе не собирались взорвать королевскій дворецъ...

Василиса Антоновна пожала плечами.

— Удивительно скучно. За послѣднее время ровно ничего не происходитъ.

Мужъ согласился съ ней:

— Да, читать нечего...

Онъ былъ очень доволенъ тѣмъ что жена вручила ему триста рублей. И ей было пріятно что она могла избавить его отъ заботъ о векселѣ. Имъ обоимъ жилось очень хорошо, и они рады были согласиться другъ съ другомъ.

Вдругъ, заглянувъ въ хронику, Рыбовскій вскрикнулъ:

— Убили старика Могилова-Стольнаго!

— Могилова-Стольнаго!

— Да, старика убили.

— Не можетъ быть.

— Да вотъ... я тебѣ прочитаю.

Они оба оживились, словно трагическая новость доставила имъ удовольствіе. Конечно, имъ было очень жаль старика, но имъ нравилось что знакомство съ жертвой преступленія какъ бы пріобщаетъ ихъ къ событію.

— Читай же, попросила она.

— Вотъ слушай: „Въ Петербургѣ снова совершено загадочное преступленіе, какъ будто судьбѣ не угодно чтобы мы могли опомниться отъ ужасовъ нарушающихъ правильное теченіе нашей жизни. На этотъ разъ отъ руки убійцы палъ пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ князь Владиміръ Андреевичъ Могиловъ-Стольный, по поводу возвращенія котораго къ служебной дѣятельности мы недавно напечатали у себя нѣсколько біографическихъ данныхъ“.

— Ну, фраза неважная, замѣтилъ Парменъ Владиміровичъ и продолжалъ: „Сегодня вечеромъ, въ десять часовъ, князь найденъ убитымъ въ своемъ служебномъ кабинетѣ. Отлагая, за позднимъ временемъ, подробности до слѣдующаго дня, мы спѣшимъ подѣлиться съ читателями тѣми свѣдѣніями которыя намъ до сихъ поръ удалось добыть и которыя придаютъ преступленію чрезвычайно загадочный характеръ. Князь В. А. Могиловъ-Стольный только сегодня перешелъ на жительство въ казенную квартиру. Отобѣдавъ дома въ кругу семьи и близкихъ друзей, онъ въ половинѣ восьмаго отпра-

вился пѣшкомъ на новую квартиру. Семья князя должна была переѣхать нѣсколько дней спустя. Съ собою князь взялъ только своего десятилѣтняго сына. Кромѣ того, вышли съ нимъ изъ дома обѣдавшіе у него двое знакомыхъ гг. Х. и М. которые очевидно по дорогѣ съ нимъ распростились, такъ какъ князь прибылъ въ отдѣльное зданіе министерства только со своимъ сыномъ Андреемъ. Въ квартирѣ же никакой прислуги кромѣ одного курьера не было. Вскорѣ послѣ прибытія сынъ князя легъ спать, при чемъ ему была отведена одна изъ наиболѣе отдаленныхъ отъ кабинета комнатъ. Князь приказалъ курьеру остаться въ комнатѣ сосѣдней со спальней мальчика, а самъ пошелъ заниматься въ кабинетъ. Уложивъ сына князя въ кровать, курьеръ, отставной унтеръ-офицеръ Семеновъ, согласно приказанію, остался въ смежномъ помѣщеніи и, чувствуя себя утомленнымъ, крѣпко заснулъ. Проснулся онъ около десяти часовъ вечера и, заглянувъ въ спальню мальчика, съ удивленіемъ замѣтилъ что кровать пуста. Не находя нигдѣ маленькаго Андрея, Семеновъ направился къ кабинету князя, и тутъ ему бросилась въ глаза ужасающая картина. У входа въ кабинетъ, около двери, лежалъ раздѣтый мальчикъ съ окровавленною головой, а въ кабинетѣ близь письменнаго стола распростертъ былъ трупъ князя Владиміра Андреевича съ явными признаками удавленія."

— Боже мой, вскрикнула Василиса Антоновна,—оба! Отецъ и сынъ. Бѣдный мальчикъ. Мальчикъ, мальчикъ-то зачѣмъ!

На глазахъ у нея появились слезы.

— Очень странное преступленіе, хладнокровно проговорилъ Рыбовскій,—слушай дальше: „Немедленно прибывшими чинами прокурорскаго надзора и судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ выяснено что князь Могиловъ-Стольный въ 8 ч. 30 м. вечера поспѣшно вышелъ на улицу и тотчасъ же вернулся въ сопровожденіи неизвѣстнаго лица которое, пробывъ въ квартирѣ князя около двадцати минутъ, удалилось, ничѣмъ не вызвавъ подозрѣнія швейцара. Такъ какъ у этого неизвѣстнаго воротникъ теплаго пальто былъ поднятъ, то швейцаръ не можетъ описать его наружности, помнитъ только что это, судя по росту и по фигурѣ, былъ молодой человѣкъ, почти мальчикъ. Врачами установлено что преступникъ убилъ князя посредствомъ удавленія и что смерть наступила почти мгновенно, вслѣдствіе старческой хрупкости шейныхъ сосудовъ. Что же касается несчастнаго мальчика, то со-

стояніе его, внушающее опасенія, однако не безнадежно. Онъ до сихъ поръ не пришелъ въ сознаніе. Рана въ голову нанесена ему тупымъ орудіемъ. Приняты всѣ мѣры къ поимкѣ преступника. Мы будемъ слѣдить за всѣми фазисами розысковъ, а пока считаемъ нужнымъ сообщить что курьеръ Семеновъ состоитъ на службѣ двадцать девять лѣтъ и всегда отличался безупречнымъ поведеніемъ". Вотъ и все... Да, это случай, произнесъ Парменъ Владиміровичъ такимъ голосомъ что нельзя было разобрать, огорченъ ли онъ происшествіемъ или находитъ его просто довольно интереснымъ.

Его жена успокоилась немного.

— Вотъ, если Андрюша придетъ въ себя, мы все узнаемъ. Какъ ты думаешь, это политическое дѣло?

Рыбовскій пожалъ плечами.

— Кто знаетъ? Покойникъ былъ назначенъ на такой постъ что... А, на первой страницѣ объявлено... панихиды въ два часа дня и въ восемь часовъ вечера. Надо будетъ поѣхать.

Василиса Антоновна съ неудовольствіемъ принялась думать о томъ что теперь, пожалуй, она не скоро увидитъ Колю.

XII.

— О-о, о-о! стонала Ксенія, и въ этомъ звукѣ изливалась ея душевная боль. Вся она была стонъ и страданіе. Внезапно поразившее ее несчастіе доводило ее до бреда.

— О-о, о-о, почти безостановочно повторяла она. Она сама съ ужасомъ прислушивалась къ своему голосу, ловила въ немъ отзвукъ предсмертнаго крика убитаго отца, слышала жалобу брата. Представлялось ей что стонъ, ея собственный стонъ, окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ, становится все гуще, гуще, какъ непонятный какой-то и мучительный звуковой туманъ. Воздухъ, свѣтъ, вся жизнь, все существующее, она сама сплошное мученіе, мученіе, мученіе. Папа... Андрюша... убійцы... кровь... Вчера еще было такъ хорошо и вдругъ стало такъ много слезъ... Онѣ были раньше, ждали, сторожили, вдругъ пришли. И убійца ждалъ, злой и счастливый... Папа, добрый папа убитъ... Тамъ, въ той самой комнатѣ которую она вчера видѣла, онъ лежалъ на полу... И Андрюша

лежалъ... О, папа и Андрюша. Господи. Умереть бы. Не знать, не плакать.

— О-о! О-о!

Она вздрагивала всѣмъ тѣломъ, лежа на кровати, съ широко открытыми глазами. Ей нельзя было закрыть глаза, потому что ей тотчасъ же представлялся убитый отецъ... Она видѣла его живымъ, съ ласковымъ взглядомъ и тихою улыбкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ мертвымъ... И взглядъ и улыбки замерли, а около него бьется въ судорогахъ Андрюша, Андрюша безгрѣшный ангелъ никому не сдѣлавшій зла... Темный убійца ходитъ кругомъ и глаза у него радостные...

Ксенія стонала съ такимъ чувствомъ, какъ будто стонетъ не она, а какой-то невидимый хоръ страданія. Бредъ становился все сильнѣе. Иногда ей казалось что рядомъ съ нею лежитъ ея душа плачущая и готовая умереть. Ей мерещилось что кругомъ нея ходятъ люди, и знакомые, и неизвѣстные, смотрятъ на нее равнодушно. Понимала она что это неправда, что это бредъ, и она съ ужасомъ смотрѣла на то что̀ рисуется передъ ея глазами, закрывала ихъ, видѣла отца и брата, снова вглядывалась въ окружающіе предметы которые всѣ стали для нея новыми, не прежними, словно къ составу каждаго изъ нихъ примѣшалось горе. И каждая вещь жила, потому что въ каждой изъ нихъ была боль... „Лежу, плачу, страдаю“, урывками думала Ксенія. Она не знала сколько времени она лежитъ... Вчера вечеромъ съ ней сдѣлался обморокъ, какъ только услышала она страшную вѣсть. Какъ въ туманѣ помнитъ она что ее положили на кровать. Съ тѣхъ поръ прошла ночь... Да, прошла... Было темно, а потомъ свѣтъ показался въ окнахъ... Къ ней приходили... Кто, она не знаетъ... Часто ли приходили, не помнитъ она... Но каждый разъ когда кто-нибудь приходилъ, она металась, потому что это ее мучило, такъ мучило, точно всякій кто къ ней подходилъ грубо задѣвалъ ея душу... Слышала она какъ въ другихъ комнатахъ раздаются голоса и шаги... замѣчала что никто не говоритъ полнымъ голосомъ... Всѣ звуки тусклы, слабы, словно кто-то надавилъ лѣвую педаль жизни...

— О-о, стонала она все время, и голосъ ея становился хриплымъ. Плакать она больше не могла.

Вошла княгиня Лидія Ивановна въ глубокомъ траурѣ. Отъ шляпы ея ниспадали широкія волны крепа. Ксенія застонала громче. Зачѣмъ? Зачѣмъ въ черномъ? Значитъ, они всѣ могли думать, заказывать, распоряжаться...

Княгиня, повидимому, тоже страдала, но совершенно иначе нежели ея падчерица. Лицо у нея было заплаканное, съ немного растерянны́мъ и отчасти злымъ выраженіемъ. Видно было, она пролила слезы, а затѣмъ рѣшила „взять себя въ руки“.

— Бѣдная! сказала она и вспомнила: —nous sommes tous bien malheureux. Мы ѣдемъ на панихиду... Если что̀ будетъ нужно, ты позовешь...

Ксенія посмотрѣла на нее съ мучительною тоской. Она не понимала какъ могутъ другіе ѣхать на панихиду, какъ они будутъ смотрѣть на убитаго папу. Внезапно вздрогнула она и спросила съ искаженнымъ отъ страха лицомъ:

— Андрюша?

— Живъ. Живъ, слава Богу, отвѣтила княгиня,—и доктора говорятъ что его спасутъ, но онъ еще не пришелъ въ себя...

Перекрестилась Ксенія. По всему ея тѣлу прошла холодная дробная дрожь. Андрюша живъ... Свѣтлый ангелъ.

— Такъ я поѣду, до свиданія, быстро проговорила Лидія Ивановна и чуть-чуть дотронулась губами до лба Ксеніи. Та не шелохнулась, безмолвная.

У двери княгиня остановилась.

— Да, вотъ что̀... Доктора говорятъ что Андрюшу ударило въ голову дверною ручкой... когда разбойникъ убѣгалъ, онъ вѣроятно сильно толкнулъ дверь, а тамъ стоялъ Андрюша... Но почему онъ стоялъ?

— О-о! О-о! застонала княжна.

XIII.

— Ну, что̀? спросила Соня, когда въ комнату вошелъ Володя. Лицо ея горѣло, брови были сдвинуты. Она волновалась, и волненіе ея походило на гнѣвъ.

Братъ ея развелъ руками.

— Да ровно ничего. Я послѣ панихиды чуть ли не полчаса толковалъ со слѣдователемъ. Они всѣ увѣрены что это политическое убійство.

— Не можетъ быть. Съ какой стати! Дядя ничего изъ себя не представлялъ.

— Ну, это все равно, со злостью произнесъ Володя,— теперь принято все валить на политику... И всякій, кто не считаетъ городоваго геніемъ, считается способнымъ на преступленіе. Мерлона и Хрустова такъ допрашивали что помнить будутъ.

Соня вскрикнула:

— Какъ, Ивана Сергѣевича?

— А то кого же!

— Неужели его подозрѣваютъ... Убійца маленькаго роста, вѣроятно лѣтъ семнадцати, подростокъ...

— Такъ-то оно такъ... А убѣжденія Хрустова тебѣ извѣстны?

— У меня такія же убѣжденія, возмутилась княжна,— пусть и меня подозрѣваютъ и допрашиваютъ.

Володя посмотрѣлъ на нее съ презрѣніемъ.

— Какъ глупо! Куда лѣзешь? Ты хочешь удивить міръ благородствомъ. „Возьмите меня"... И возьмутъ... Намъ съ тобой нечего соваться. Погоди, придетъ время когда и осторожность зачтутъ въ заслугу.

— Еще бы. Я знаю твои взгляды, я ихъ давно угадала. Знаешь, Володя, ты не искренній человѣкъ. Ты нашего образа мыслей держишься потому что видишь будущность на нашей сторонѣ. Ты подлаживаешься къ будущей силѣ, а знай ты что ничего изъ нашихъ желаній не выйдетъ, ты первый бы насъ отдалъ на расправу.

Молодой князь стукнулъ кулакомъ по стулу.

— Перестань. Я не виноватъ что тебѣ приходятъ въ голову такія пустыя мысли. Ты рада клеветать на меня и восхвалять себя. Чтò за слова: „будущность на нашей сторонѣ"... Скажи пожалуйста, какую сторону ты имѣешь право называть нашей, своей? Чтò ты сдѣлала? Чѣмъ проявила себя? Сидѣть въ богатомъ домѣ и повторять слова Хрустова не велика заслуга. И повторяешь-то ты его слова только потому что ты въ него влюблена.

— Чтò за пошлость, сказала Соня краснѣя.

— И хорошъ же онъ теперь, захохоталъ Володя,—у него громадный синякъ на лбу. Изъ-за этого синяка его и стали допрашивать съ особеннымъ удовольствіемъ... Оказывается, его побилъ офицеръ. И офицера того нашли: „приставалъ", говоритъ, „ко мнѣ какой-то нахалъ на улицѣ, я его и проучилъ". Хоть и терпѣть не могу всей этой военщины, а я радъ тому что хоть одинъ размахнулся кстати.

— Какой ты низкій человѣкъ! произнесла его сестра, сверкнувъ зелеными глазами.

Вошелъ Коля.

— Вы опять бранитесь? На васъ точно проклятіе наложено. Только одна злоба въ васъ и сидитъ.

Онъ похудѣлъ. Глаза его смотрѣли еще болѣе рѣзко чѣмъ обыкновенно.

— Ты съ нравоученіями не лѣзь, разсердился Володя,— я старше тебя и не нуждаюсь въ твоихъ замѣчаніяхъ. Ты что-нибудь узналъ?

Коля угрюмо посмотрѣлъ на него.

— Да, узналъ что Андрюша, вѣроятно, останется на всю жизнь идіотомъ.

— Бѣдненькій! вскрикнула Соня. Володя ничего не сказалъ. Онъ прикусилъ рыжіе усы и уставился мутнымъ взглядомъ въ полъ.

— Ксенія тоже очень больна, продолжалъ Коля и принялся ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ,—у нея жаръ и она бредитъ... Папа все плачетъ и крестится, и мама все ходитъ за нимъ съ бромистымъ каліемъ... Тетя Лида все подбираетъ трауръ себѣ къ лицу... Одна тетя Зина и распоряжается у насъ съ утра... Вы оба сидите и жалите другъ друга... А кто убилъ дядю?! вдругъ вскрикнулъ онъ остановясь,—кто убилъ этого лучшаго въ мірѣ человѣка и кто погубилъ несчастнаго Андрюшу? А?

Слезы звучали въ его голосѣ.

Соня насмѣшливо сказала:

— Я надѣюсь что ты не насъ обвиняешь?

Володя фыркнулъ.

— Чего добраго.

Съ ненавистью посмотрѣлъ на нихъ братъ.

— О! Вы оба никогда ничего такого не сдѣлаете, но злобы, злобы въ васъ столько что ее хватило бы на двадцать преступниковъ. Онъ снова зашагалъ.—Конечно, они преступника не найдутъ. Онъ ничего не унесъ и ничего не оставилъ. Всѣхъ подростковъ не переберешь... Убилъ мальчикъ. Швейцаръ такъ и говоритъ: „въ родѣ барчука"...

— Бываютъ и въ зрѣломъ возрастѣ люди маленькаго роста, пренебрежительно замѣтилъ Володя,—хотя бы Рыбовскій, Илліодоръ Рыбовскій.

— Какъ жаль что онъ уѣхалъ! съ тоской произнесъ Коля,—онъ бы мнѣ помогъ въ моихъ поискахъ. Энергія въ

немъ большая. Чего онъ хочетъ, того хочетъ хорошо. Я сегодня заѣхалъ къ нему, но только узналъ что онъ въ началѣ девятаго вчера отправился на вокзалъ.

— Ты предпринимаешь поиски? удивился Володя,—смѣшно. Слѣдственный доброволецъ. Остается только сдѣлаться шпіономъ.

Внезапно поблѣднѣвъ, Коля надвинулся на брата.

— Ты понимаешь, почему я тебя не бью? прошепталъ онъ задыхаясь,—ты понимаешь? Я боюсь что убью тебя.

Володя струсилъ. Его обычная кривая усмѣшка словно стерлась съ лица. Соня думала: „Я ихъ обоихъ не люблю“.

XIV.

Алексъ терпѣливо выслушалъ разказъ брата о томъ какъ его допрашивали. Повѣствуя, Иванъ Сергѣевичъ старался проявить много юмора. Его очень радовало что у него въ прошломъ имѣется случай окончившійся вполнѣ благополучно и вмѣстѣ съ тѣмъ придающій ему какъ бы ореолъ.

— Вотъ и все, закончилъ онъ,—что̀ ты по этому поводу скажешь?

— По этому поводу? Ровно ничего, отвѣтилъ Алексъ,— но поговорить съ тобой вообще я намѣренъ.

Иванъ Сергѣевичъ посмотрѣлъ на брата съ притворнымъ удивленіемъ.

— Что̀ за тонъ? Никакъ будетъ рацея?

— Молчи. Не балагурь. Мнѣ все это шарлатанство надоѣло, и я хочу чтобы ты услышалъ мое мнѣніе. Мнѣ опротивѣло твое желаніе присвоивать себѣ значеніе. Будь ты одинъ, я просто-на-просто отъ тебя отвернулся бы. Но мнѣ некуда повернуться, потому что вездѣ вокругъ себя я вижу такихъ какъ ты. Со всѣхъ сторонъ выползли вы, машете руками, кричите, пыжитесь. Вы для меня все равно что тѣ карманные воры, которые пользуются пожаромъ чтобы въ суматохѣ поживиться. У насъ теперь на Руси и пожара-то нѣтъ, или, вѣрнѣе, его бы не было, не будь васъ. Что̀ мы видимъ? Иные отстаиваютъ то что̀ по совѣсти считаютъ благомъ Россіи. Мира и порядка желаютъ они, оберегаютъ зданіе отъ потрясеній. Другіе ищутъ новыхъ путей, увлекаются теоріями, отрекаются отъ старины, воображая что старина есть старость.

Происходитъ борьба двухъ началъ. Я стою на сторонѣ перваго, но согласенъ спокойно выслушивать тѣхъ которые по моему мнѣнію ошибаются. Но вотъ третьи идутъ, берущіе доводы новаторовъ, извращающіе ихъ, искажающіе всякую мысль. Идутъ преступники, убійцы, поджигатели. Они хотятъ убить Русь, потому что чужое горе для нихъ счастіе. Это шайка гнусныхъ самоуправцевъ и разбойниковъ. Но противъ нихъ средства есть: ихъ ловятъ и наказываютъ. Они опредѣленное зло съ которымъ общество борется опредѣленными средствами. Ты и тѣ которые на тебя похожи, вы еще хуже, еще гнуснѣй. Вы жалкія ничтожества, паразиты теперешнихъ умственныхъ теченій, мародеры на полѣ сраженія, неуловимые маклера преступныхъ сдѣлокъ. Вы подзадориваете изъ-за угла, исподтишка расшатываете жизнь. Вамъ нуженъ безпорядокъ, потому что вы разчитываете нажиться въ суматохѣ. Ваша цѣль все оплевать, все опаскудить. Вы отбросы совершающагося нынѣ химическаго процеса. Васъ много, но вы не партія. Партіею назвать можно лишь тѣхъ которые сплачиваются во имя принципа хотя бы и ложнаго, а у васъ прежде всего принциповъ нѣтъ. Но вы притворяетесь имѣющими значеніе, вы толкуете о принципахъ, разсуждаете о задачахъ Россіи. Вы стараетесь смѣшаться съ тѣми которые прикосновенны такъ или иначе къ дѣлу. А самое характерное въ васъ вотъ оно: еслибы шахъ персидскій далъ каждому изъ васъ орденъ Льва и Солнца и три тысячи рублей жалованья, всякій изъ васъ постарался бы затмить славу Малюты Скуратова. Лгуны вы, карьеристы смуты... И какъ тѣ къ которымъ вы притворно примыкаете еще не разглядѣли васъ! Вы ихъ давите числомъ, окружаете, дурманите, и они принимаютъ васъ за своихъ.

— Ты кончилъ? спросилъ Иванъ Сергѣевичъ.

Пока братъ говорилъ, онъ съ равнодушнымъ видомъ чистилъ себѣ ногти.

— Да, кончилъ пока. Но вѣдь ты будешь продолжать свои подвиги, отвѣтилъ Алексъ, — потому что презрѣнія ты не боишься.

— Твоего презрѣнія? Ну, еще бы. Ты щенокъ которому я позволяю лаять. Я даже не хочу съ тобой спорить. Годика черезъ три, когда жизнь себя покажетъ, мы потолкуемъ съ тобой и увидимъ кто правъ.

Алексъ вздохнулъ.

— Знаешь что... ты даже не уменъ. Ты не понялъ того что я говорилъ.

Растянувшись на диванѣ, Иванъ Сергѣевичъ старательно зѣвнулъ.

— На томъ и порѣшимъ что мы другъ друга не понимаемъ.

Хвастливымъ тономъ онъ прибавилъ: — А вотъ княжна Софья Васильевна меня понимаетъ отлично.

— Вѣрнѣе, ты ее сбилъ съ толка. И чего тебѣ тамъ нужно?

Иванъ Сергѣевичъ спокойно отвѣтилъ:

— Я женюсь на ней. Тебя это должно радовать. Всетаки свойство съ княжескимъ домомъ.

— Меня больше радуетъ что ты получишь отказъ.

— Ну, это мы еще увидимъ. Теперь, какъ больше нѣтъ Владиміра Андреевича, начнется въ семьѣ кавардакъ. Я увѣренъ что случится много интереснаго. И почему тебѣ нужно чтобы мнѣ отказали? Я люблю Софью Васильевну, а она любитъ меня. Ея деньги помогутъ мнѣ осуществить многое. Деньги это единственное чего мнѣ не хватаетъ.

— А Мерлонъ, тебѣ подобный, подбирается къ Ксеніи?

Иванъ Сергѣевичъ пожалъ плечами.

— Мерлонъ? Мелко плаваетъ. Онъ старается всѣмъ угодить своею безличностью, потому что не увѣренъ въ будущемъ. Поэтому любой гусаръ его затмитъ, любой салонный фатъ. А я постоянно подчеркиваю свою сущность. У меня есть физіономія.

— Такъ думалъ и офицеръ который тебя по ней ударилъ, сказалъ Алексъ.—Я ухожу. Ты слишкомъ противенъ.

XV.

Очень слабая, неувѣренными шагами, Ксенія вышла изъ своей комнаты. Болѣе трехъ недѣль пролежала она въ бреду, близкая къ смерти. Теперь она поправилась. Доктора говорятъ что опасности нѣтъ. То что они называютъ опасностью это смерть. А она-то считаетъ смерть спасеніемъ. Когда она бредила, то видѣла смерть, а можетъ быть не видѣла, но опредѣленно чувствовала ее, гдѣ-то рядомъ съ собой, и ей представлялось что смерть нѣчто притягивающее, полное обѣ-

щаній. „Приди, бери“, шептала тогда Ксенія съ такимъ ощущеніемъ, какъ будто сейчасъ наступитъ конецъ. Но болѣзнь прошла. Осталась слабость въ тѣлѣ и въ душѣ. Не по прежнему она чувствуетъ, а такъ, точно впечатлѣнія достигаютъ до нея черезъ что-то мягкое. Когда она вспоминаетъ что отца ея убили, сердце ея не болитъ, но ясно ей что смерть отца громадное несчастіе. Гораздо тяжелѣе ей думать объ Андрюшѣ, потому что брата она можетъ видѣть...

Вышла Ксенія изъ своей комнаты. Первое лицо которое она встрѣтила была Лидія Ивановна.

— А, это ты... Тебѣ сегодня лучше? Почему ты не вышла къ завтраку?

За четыре недѣли княгиня отлично управилась съ постигшимъ ее несчастіемъ. Отъ дней огорченія остался только трауръ.

— Не хотѣлось, сказала Ксенія,—теперь я иду къ Андрюшѣ.

Лидія Ивановна пожала плечами.

— Зачѣмъ? Только себя разстраивать. Бѣдный мальчикъ навсегда останется идіотомъ.

Эти слова княгиня произнесла такимъ тономъ, точно не вникала въ ихъ смыслъ. Ея падчерица вздрогнула.

— Идіотомъ, почти беззвучно проговорила она, — бѣдный мальчикъ, какъ вы думаете, навсегда останется идіотомъ...

Совершенно неожиданно для самой себя Ксенія улыбнулась. Въ сущности ей хотѣлось плакать, но улыбка сложилась на лицѣ такая отъ которой дрожали губы. „Elle va avoir encore un accès!“ съ испугомъ подумала княгиня и поспѣшила сказать:—Пойди скорѣй къ Андрюшѣ... у него сидитъ Зина.

Переставъ улыбаться, Ксенія пошла. Ей стало очень страшно, потому что она поняла что съ ней дѣлается что-то неладное. Неужели подбирается сумашествіе? Вѣдь сейчасъ была минута, когда она готова была захохотать... Можетъ быть лучше къ Андрюшѣ не ходить? А вдругъ Андрюша ее узнаетъ?

— Тише, услышала она голосъ Кормаковой, едва вошла въ комнату брата.

— Спитъ, шепотомъ объяснила Зинаида Ивановна и показала на мальчика. Онъ лежалъ на спинѣ съ закрытыми глазами и ровно дышалъ.

— Какъ онъ потолстѣлъ, съ тоской замѣтила Ксенія.

— Онъ съ каждымъ днемъ толстѣетъ.

— Давно спитъ? спросила она.

Кормакова съ грустью кивнула.—Почти все время.

— Ѣлъ?

— Да.

— И ничего не понимаетъ?

— Нѣтъ. Не узнаетъ меня. Мнѣ кажется онъ узнаетъ только сидѣлку, то-есть, онъ отъ нея отворачивается.

Ксенія сѣла.—Господи, сколько намъ приходится страдать!

Зинаида Ивановна украдкой въ нее всматривалась. Сама она осунулась и сильно постарѣла.

— Сегодня мѣсяцъ, со вздохомъ проговорила она,—и все еще ничего не нашли.

— Тетя... самое главное давно найдено... найденъ трупъ убитаго моего отца... найденъ трупъ моего живаго брата... Тетя, я съ ума сойду.

Отъ ея шепота дрожь прошла по тѣлу Кормаковой.

— Молись Богу.

— Я молилась. Богъ хочетъ чтобы я съ ума сошла.

Перекрестилась Зинаида Ивановна. Ксенія автоматично послѣдовала ея примѣру. Онѣ продолжали говорить шепотомъ.

— Тетя, зачѣмъ я буду жить когда все пропало.

— У тебя осталась мать.

— Нѣтъ, мачиха. Я рада что она мачиха. Я бы не могла имѣть такую мать. Я теперь никого не люблю. Я даже васъ не люблю, тетя. Я не виновата. Хорошо понимаю я что вы добры, что васъ слѣдуетъ любить, а мнѣ все равно. Я никого не люблю, но я хочу любить всѣхъ. Я жду чтобы они мнѣ перестали мѣшать ихъ любить. Жалость это другое. Вотъ вы жалѣете меня и Андрюшу, но любите только Вѣру. А какъ вы любите Вѣру?

Кормакова вздрогнула. — Вѣру? Я за нее жизнь отдамъ. Я иногда въ ужасѣ думаю: что еслибы вмѣсто Андрюши была Вѣра... И мнѣ кажется что я бы не выжила.

— А я бы выжила... Я уже не могу отдать жизнь за отца, потому что его убили, а я осталась... Я осталась и остался убійца. Вы понимаете: въ то время какъ я дышу, хожу, смотрю, онъ тоже гдѣ-то дышитъ, ходитъ, смотритъ... Я его чувствую такъ, какъ будто бы онъ стоялъ рядомъ со мной. Мнѣ иногда кажется что онъ въ другой комнатѣ. Вотъ теперь я увѣрена что онъ тамъ.

— Ксенія, перестань.

— Да нѣтъ, я съ ума не сошла, я понимаю что его тамъ нѣтъ, но мнѣ пріятно пойти и посмотрѣть. Я пойду. Я часто

вижу то чего нѣтъ, но я также часто угадываю то что̀ будетъ. Увидите. Я предсказываю что княгиня Лидія Ивановна только о томъ и думаетъ чтобы насъ покинуть... До свиданія... я пойду... Господи, еслибы Андрюша могъ никогда не проснуться.

Выйдя изъ комнаты Ксенія поняла что сейчасъ бредила въ разговорѣ съ тетей. „Это оттого что пришлось говорить шепотомъ. Да, да, конечно. Теперь я пойду къ дядѣ Василію и къ тетѣ Глафирѣ. А потомъ къ рыжикамъ. Я всѣхъ обойду. Сегодня воскресенье, воскресенье, а гостей не будетъ... Развѣ Хрустовъ. Онъ бываетъ часто. Онъ человѣкъ злой который не умѣетъ скрывать свою злость."

Князь Василій Андреевичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ одинъ. По справедливости довольно трудно было объяснить зачѣмъ у него имѣлся кабинетъ съ подобающею обстановкой: большимъ письменнымъ столомъ и книжными шкафами. Онъ никогда ничѣмъ не занимался, съ тоской относился къ необходимости написать изрѣдка коротенькое письмо и ничего не читалъ. Но кабинетъ у него былъ подобно тому какъ бываетъ голова у тѣхъ которые не дѣлаютъ изъ нея никакого употребленія. И въ эту комнату онъ всегда удалялся, когда ему становилось не по себѣ. Такъ и теперь. Наканунѣ произошла у него непріятная сцена съ Дашей Скворцомъ которая объявила ему о своемъ желаніи ѣхать за границу, а сегодня жена нашла случайно записку этой же Даши Скворца и объявила ему что ей дѣла нѣтъ до его поведенія, но что она не потерпитъ чтобы онъ разбрасывалъ по столамъ записки доказывающія его невѣрность. Въ заключеніе ему было сказано что онъ смѣшонъ и что Даша Скворецъ навѣрно его обманываетъ. Это болѣе всего подѣйствовало на Василія Андреевича. И онъ удалился въ свой кабинетъ съ глубоко оскорбленнымъ видомъ. Въ такія минуты онъ какъ-то неопредѣленно сожалѣлъ о томъ что женился не на дѣвушкѣ своего круга. Та бы все поняла. Il y aurait eu des accomodements, que diable! Главное, все принимало бы мягкія очертанія. А тутъ что ни шагъ, то непріятности. Дѣти тоже непріятны. Володя грубитъ. Николай смотритъ исподлобья. Соня даже говорить ни съ кѣмъ не хочетъ. Ясно что онъ вынужденъ искать утѣшеній внѣ дома. А кто можетъ сказать что онъ не дорожилъ бы семейнымъ очагомъ?

Недовольный, Василій Андреевичъ внушалъ себѣ что его чувство не что̀ иное, какъ тоска по братѣ. Это было ему

легко, потому что мысли его были слишкомъ слабы чтобы одна другой противорѣчить. Въ сущности ему было очень больно что умеръ братъ, что брата убили. Дня три послѣ того онъ еще плакалъ. Но подчасъ ему начинало казаться что безъ Владиміра свободнѣе будетъ жить. Онъ замѣчалъ что онъ не одинъ такъ думаетъ. Видно было что и Лидія Ивановна стала понемногу другою. Да и Глафира начала говорить громче. Вотъ ему-то свободнѣе, а говорить громче онъ не рѣшается.

Увидѣвъ Ксенію, онъ обрадовался.

— А, миленькая, здравствуй.

И поцѣловалъ ее въ лобъ.

Эта ласка тронула княжну. Она словно согрѣлась душою и сказала:

— Милый дядя... Я соскучилась по васъ и пришла.

— Да, да, миленькая... Въ томъ-то и дѣло... садись.

Тотчасъ же оказалось что имъ не о чемъ говорить. Ксенія перебирала все тѣ же мысли. Да и мыслями нельзя было назвать то что̀ чередовалось въ ея мозгу. Были картины какія-то, очень яркія и вмѣстѣ съ тѣмъ очень неясныя. Представился убитый отецъ, загубленный Андрюша, равнодушная мачиха... Мерещился какой-то неопредѣленный ужасъ. Особенно ужаснымъ сталъ ей представляться тупой взглядъ дяди, словно въ немъ таилась цѣлая бездна отчаянія, безнадежности. Господи! Не будетъ конца тоскѣ... А она-то надѣялась что вся жизнь будетъ хороша. Неужели она своихъ же надеждъ недостойна? Ей сдѣлалось страшно. Она спросила:

— Дядя, который часъ?

Василію Андреевичу тоже было не по себѣ. Онъ радъ былъ прервать молчаніе, посмотрѣлъ на часы и отвѣтилъ:

— Безъ четверти два.

Въ этотъ мигъ раздался глухой звукъ, словно на улицѣ выстрѣлили. Стекла дрогнули.

Ксенія и князь переглянулись.

— Что̀ это? вырвалось у нея. — Опять?

— Что „опять“? недоумѣло спросилъ онъ, и вдругъ имъ овладѣло безпокойство. Онъ всталъ, подошелъ къ окну, ничего особеннаго не замѣтилъ.

— Гдѣ-нибудь дверью хлопнули, проговорилъ онъ.

Едва успѣлъ онъ договорить, какъ раздался вторичный гулъ.

— А! внезапно вскрикнула Ксенія, — убили! Я чувствую что убили. Дядя, кого убили?

— Полно, полно! заволновался Василій Андреевичъ, — мало ли что̀ могло случиться... Можетъ быть въ крѣпости стрѣляютъ.

— Господи! Господи! стонала княжна, — что̀ вы мнѣ говорите, когда я чувствую.

Князь захлопоталъ, поспѣшилъ къ столику, гдѣ стояла вода, налилъ стаканъ племянницѣ. Ему было очень страшно, но онъ не зналъ почему.

— Я пойду, узнаю, предложилъ онъ.

Но Ксенія схватила его за руку. Широко раскрытыми глазами она смотрѣла на него съ ужасомъ...

— Не оставляйте меня. Не оставляйте меня съ мертвецами.

Дверь съ шумомъ растворилась. Вбѣжалъ Николай. Задыхаясь онъ сказалъ:

— Государя убили... на Екатерининскомъ каналѣ... Бомбой.

Ксенія рванулась къ нему.

— Убили! Я знала, я знала что убили... Потому что онъ добрый! Папа былъ добръ, его убили... Надо убивать добрыхъ чтобы злые могли жить. А вы то, вы то всѣ, сколько васъ ни на есть, что̀ вы смотрѣли!.. Вамъ любо было слушать какъ лгутъ и клевещутъ... Вы только слушали... Не уберегли! Не уберегли! Всѣ вы преступники!

Задыхаясь она упала на руки дядѣ.

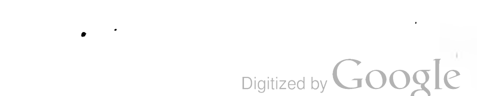
— Надо снести ее на кровать, сказалъ Николай, — я позвоню. Подержите ее.

Позвонивъ онъ сумрачно проговорилъ:

— Конечно, мы всѣ преступники...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кн. Дм. Голицынъ (Муравлинъ).

FINIS.

(Очеркъ изъ жизни „подснѣжниковъ").

Не о первыхъ цвѣточкахъ знаменующихъ вѣяніе весны я хочу говорить, мои „подснѣжники" живые люди; зимой ихъ никто не видитъ, и только когда солнце въ достаточной степени начнетъ пригрѣвать Москву своими животворными лучами, они вылѣзаютъ изъ своихъ невѣдомыхъ жилищъ и расползаются въ разныя стороны; съ наступленіемъ теплой погоды, съ развернувшимися листьями вы ихъ увидите на всѣхъ многочисленныхъ московскихъ бульварахъ, на кладбищахъ и на ближайшихъ подгородныхъ лѣтнихъ гулевыхъ мѣстахъ. „Подснѣжники" народъ все старый, искалѣченный, отставленный отъ всякой общественной дѣятельности, живущій однимъ прошедшимъ, а къ настоящему относящійся смутно, съ недоумѣніемъ и недовѣріемъ. Текущія событія кромѣ самыхъ будничныхъ требованій жизни проходятъ по большей части не замѣченными ими, они живутъ въ самихъ себѣ и всѣ интересы ихъ внутренняго существованія сосредоточиваются въ воспоминаніяхъ о событіяхъ и лицахъ того времени когда еще они жили подобно прочимъ людямъ, когда не наступилъ еще моментъ ихъ перерожденія въ „подснѣжниковъ". Большинство изъ нихъ забываютъ то что̀ свершилось за полчаса и съ необыкновенною отчетливостью помнятъ всякій вздоръ происшедшій десятки лѣтъ назадъ. Я всегда смотрю съ какою-то особенною любовью на эти полуугасшія тѣни, помногу лѣтъ онѣ проходили передо мною постепенно разрушаясь, все болѣе и болѣе покрываясь какимъ-то особеннымъ старческимъ налетомъ какъ древняя монета паутиной и, наконецъ, исчезали не пощаженные всесокрушающею рукой безжалостнаго, хотя до поры и вѣжливаго времени. Мнѣ никогда не случалось наблюдать того процеса по-

средствомъ котораго свершается перерожденіе человѣка въ „подснѣжника“; я ихъ получалъ готовыми, совершенно законченными; на смѣну исчезнувшаго „подснѣжника“ появлялся другой, точно такъ какъ появляется на свѣтъ новорожденный младенецъ. Видишь, бывало, какъ какой-нибудь индивидуумъ изъ этой категоріи сидитъ на излюбленной бульварной скамеечкѣ, лепечетъ всякіе пустяки, шутитъ съ играющими дѣтьми, бесѣдуетъ, а подчасъ даже заигрываетъ съ ихъ няньками; осенній холодъ уберетъ его въ какія-то четыре стѣны; пройдетъ зима, повѣетъ весеннимъ тепломъ, придешь на то мѣсто гдѣ привыкъ видать Ивана Иваныча, и вдругъ вмѣсто него на той же скамейкѣ сидитъ новый „подснѣжникъ“, точно часовой смѣнившій другаго часоваго; онъ или пребываетъ въ неподвижности безо всякой мысли, смотря потускнѣвшими глазами въ пространство, или проявляетъ нѣкоторые признаки жизни и шутитъ подобно своему предшественнику.

Передъ моими глазами прошла длинная вереница этихъ полутѣней; изъ нихъ съ одною парой я хочу познакомить читателя.

Одиннадцать часовъ утра. Удаленный отъ центра бульваръ безлюденъ. На одной изъ скамеекъ на самомъ солнопекѣ сидятъ два старые и различные по наружности человѣка. На одномъ военная фуражка уже давно не существующаго образца и военнаго покроя „урсовое“ пальто, онъ сухощавъ и сгорбленъ, подъ слезящимися глазами большіе мѣшки, все лице въ значительной степени осунулось внизъ, сѣдая рѣдкая бородка непропорціонально мала сравнительно съ усами, совершенно закрывающими верхнюю губу и спускающимися прямо книзу какъ у Китайцевъ на чайныхъ ящикахъ; посреди груди виситъ крестъ и серебряная медаль „за усмиреніе Венгріи и Трансильваніи“. Собесѣдникъ его совсѣмъ другаго склада: у него широкое бритое лицо, лѣвый уголъ рта вслѣдствіе паралича спущенъ внизъ, онъ потянулъ за собой и уголъ глаза который тускло смотрѣлъ изъ-подъ полузакрытой вѣки; за то другой глазъ лукаво прищуренный бѣгалъ изъ стороны въ сторону довольно бойко; лѣвая рука съ согнутыми пальцами неподвижно лежала на ногѣ обутой въ валенокъ; правая рука опиралась на камышевую палку съ пожелтѣвшимъ и обломаннымъ костянымъ набалдашникомъ; длинное однобортное пальто какаго-то своеобразнаго покроя застегнуто подъ самымъ под-

бородкомъ; на головѣ, несмотря на жару, надѣтъ теплый плюшевый картузъ.

— Вы не спорьте, вразумительно говорилъ онъ военному,— у меня память гораздо лучше.

— Я памяти вашей не касаюсь... Чтȯ мнѣ ваша память? откидываясь на спинку скамейки и дѣлая строгое лицо, возражалъ военный.—Говорю вамъ что въ это время я только-что изъ кампаніи вернулся.

— Чтожь изъ этого? тонкимъ, почти женскимъ голосомъ крайне не идущимъ къ его широкому лицу воскликнулъ тотъ.— Вернулись, и слава Богу, а она раньше убѣжала, когда еще Венгерецъ не бунтовалъ.

— Не можетъ этого быть!

— Ахъ, Творецъ милостивый! Этакій спорщикъ! Да ужь коли на то пошло, такъ позвольте васъ спросить: когда свояченица Агнія Ниловна замужъ вышла?

— Весной.

— Какой весной? Чтȯ такое значитъ весной?.. Въ которомъ году? Вы вотъ чтȯ отвѣтьте!

— Отвѣчу! гордо и рѣзко произнесъ военный. — Только напередъ позвольте ужь и мнѣ васъ спросить: гдѣ въ то время жили Пальцевы?

— Въ Ляλиномъ.

— Ой-ли?

— Будьте покойны. Гдѣ Андрея-то Климыча отпѣвали? Ну-те-ка?

— У Никиты мученика.

— Покорно васъ благодарю!..

— Не за чтȯ.

— А не у Покрова?

— Или у Покрова? смирившимся голосомъ словно про себя пробурчалъ военный.

— То-то и оно-то!.. Спорите да хвастаетесь, а какъ до дѣла дойдетъ, тутъ и сбрендите, язвительно прищелкивая языкомъ промолвилъ штатскій.

— Да вы меня спрашиваете-то чортъ знаетъ объ чемъ! вдругъ съ своей стороны вскинулся на него военный.—Гдѣ жилъ, гдѣ хоронили, когда сбѣжала... А ужь если на то пошло, такъ я вамъ такой вопросъ задамъ...

— Задавайте, задавайте, съ ехидной улыбкою произнесъ штатскій,—я не въ васъ, вилять не стану...

— Я никогда не вилялъ, я человѣкъ военный, привыкъ рубить правду-матку...

— Хорошо-о, и мы вамъ отрубимъ! Извольте спрашивать.

— Позвольте узнать когда я овдовѣлъ?

— Неужели ужь и этого не помните?! прыснувъ со смѣха, воскликнулъ штатскій.

— Не бойтесь, я очень хорошо помню, а мнѣ васъ на свѣжую воду вывести хочется.

— Чтò это такое значитъ на свѣжую воду? Я вѣдь не мошенникъ какой-нибудь чтобы меня на свѣжую воду выводить, фыркнувъ носомъ съ оттѣнкомъ обидчивости замѣтилъ штатскій.

— Тутъ не объ мошенничествѣ рѣчь, а объ ехидствѣ, какъ вы любите другихъ поддѣвать.

— Я зря не поддѣваю.

— Ну, ладно, ладно, знаемъ мы васъ не первый годочекъ!

— И мы васъ знаемъ!

— Потрудитесь отвѣтить чтò я спрашиваю?

— Я отвѣчу, а вы меня зря не задѣвайте. Вамъ угодно знать въ которомъ году вы овдовѣли?

— Угодно.

— Сейчасъ мы вамъ доложимъ, разстановисто, нараспѣвъ, видимо что-то соображая, протянулъ штатскій,—вы только не перебивайте! Въ пятьдесятъ второмъ я получилъ Святыя Анны въ петлицу, въ пятьдесятъ четвертомъ... Нѣтъ, въ пятьдесятъ пятомъ въ февралѣ Клавдиньку помолвили, на Красную Горку вѣнчали, ваша покойница Александра Григорьевна посаженой была, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ скончалась отъ арбуза. Пятаго сентября на память св. Елизаветы были похороны... Я это ужь очень хорошо помню, потому въ этотъ день вечеромъ въ Зыковѣ мы были на именинахъ у тетки, у Елизаветы Герасимовны... Еще тогда гость какой-то, межевой, съ качелей упалъ...

— Развѣ мнѣ тогда могли именины на умъ придти? Я былъ убитъ горемъ... Чтò вы говорите-то?

— Я не про васъ; вы горемъ убивались, а мы на именинахъ были.

— То-то!.. Ну, хорошо, это вы вѣрно сказали. Теперь, стало быть, выходитъ что... Да, мы объ чемъ съ вами говорили-то?

— О, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! тонкимъ, пронзительно-ехиднымъ голосомъ взмолился штатскій.—Ну, куда же

вы суетесь разговаривать когда ничего не помните? Нѣтъ, видно Венгерцы-то изъ васъ послѣднюю память выколотили!

— Изъ меня никто ничего не выколачивалъ, съ азартомъ, брызжа слюнями и захлебываясь, возражалъ военный.—Я самъ другихъ билъ, вонъ оно мое отличіе! съ гордостью показывая на грудь и закашливаясь, крикнулъ онъ такъ громко что шедшій мимо замазанный сажей мальчишка съ позеленѣвшимъ самоваромъ за спиной, должно быть большой охотникъ до уличныхъ скандаловъ, остановился передъ ними розиня ротъ и чего-то ждалъ.

— Какое отличіе? Это медаль-то ваша? Такъ ихъ всѣмъ давали, за одну прогулку, а храбрецамъ существуетъ Святой Егорій.

— Много вы понимаете!

— Тутъ нечего понимать, это всякій ребенокъ знаетъ. А если вы такой храбрецъ, крикливо, сразу на три тона поднимая голосъ, вскинулся онъ на военнаго,—такъ почему же на защиту отечества не ополчились, въ Севастополь не пошли? Тамъ герои-то очень требовались!

— Во-первыхъ не вамъ про геройство разсуждать, а во-вторыхъ вы сами очень хорошо знаете что я въ это время страдалъ отъ раны.

— Ха, ха, ха! залился штатскій.—Рана! Ну, ужь и рана! Ха, ха, ха!

— Да вы что же это, надъ моими заслугами хохотать выдумали? трясясь отъ гнѣва и становясь передъ нимъ, закричалъ военный.

— Я геройство уважаю, съ большимъ усиліемъ въ свою очередь поднимаясь на ноги, внушительно отвѣтилъ штатскій,— только геройство-то бываетъ разнаго сорту!

— Ничего вы не понимаете, съ прежнимъ азартомъ около самаго лица собесѣдника кричалъ военный.—Не тому судить о геройствѣ, кто всю жизнь въ чернилахъ купался!

— Чернилами-то умныя книжки пишутъ, еще на два тона возвышая голосъ, возражалъ штатскій,—а изъ-подъ пушекъ гонять лягушекъ наука не хитрая!

— Вы не смѣйте оскорблять моего военнаго званія! грозя пальцемъ и строго сдвигая брови, отрѣзалъ военный.— Сколько лѣтъ даю себѣ заклятіе разговаривать...

— Ну, да ужь и я тоже, тысячу разъ зарекался...

— Тьфу!..

— Тьфу!..

Оба старика пошли въ разныя стороны.

— Приказная строка! Крючекъ подъячій! ворчалъ про себя военный, нервно шагая и тряся отъ гнѣва головою.

— Уланъ-рубака цѣпная собака! бормоталъ штатскій, стараясь заставить свою цѣпляющуюся ногу въ валенкѣ идти какъ слѣдуетъ.

Мальчишка посвисталъ имъ вслѣдъ и отправился своею дорогой.

Военнаго звали Василій Павловичъ Борзовъ, а штатскаго Прохоръ Ивановичъ Гремиславскій. Жили они не далеко отъ бульвара, но въ разныхъ концахъ; первый снималъ комнату съ продовольствіемъ у трехъ сестеръ, пожилыхъ дѣвицъ Полуденскихъ; хотя онѣ были благороднаго происхожденія изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, но образованіе ихъ дальше самой первообразной русской грамоты не пошло; за то двѣ изъ нихъ были великія мастерицы на разнаго рода мелкія, хитрыя и копотливыя рукодѣлья, а третья занималась раскрашиваніемъ картинокъ для кондитерскихъ лавокъ. Всѣ три были въ высшей степени конфузливы, цѣломудренны, религіозны и большія охотницы до всякихъ церковныхъ торжествъ. Между собой онѣ были неописуемо нѣжны и, не смотря на то что младшей было лѣтъ сорокъ, ихъ взаимныя отношенія носили чисто дѣтскій характеръ. Онѣ одинаково одѣвались, дѣлили поровну каждый кусокъ и даже свою любовь къ коту „Мальчику“ старались выразить въ равной мѣрѣ: всякій день сестры повязывали ему на шею поочередно галстучки разныхъ цвѣтовъ. Къ своему жильцу онѣ были проникнуты не только уваженіемъ, но благоговѣли передъ нимъ, передъ его умомъ и геройствомъ; онѣ ухаживали за нимъ какъ за ребенкомъ и исполняли всякіе его капризы.

Гремиславскій жилъ болѣе самостоятельно, онъ снималъ двѣ комнаты и при немъ въ качествѣ bonne à tout faire состояла какая-то очень дальняя родственница, убогая старушка взятая имъ изъ богадѣльни. Она что-то варила, пекла, чистила его платье, мыла бѣлье и даже составляла иногда партію въ карты, но ограничивалась только одними „пьяницами“, такъ какъ другихъ игръ постигнуть по своему убожеству не могла.

Оба старика, какъ видно изъ ихъ разговора на бульварѣ, были давно между собой знакомы; попробовали они какъ-то въ минуту взаимной нѣжности устроить совмѣстное жительство. Первый день прожили въ мирѣ и второй день закончили

благодушною бесѣдой за чаемъ и клюквенною пастилой, но на утро Гремиславскій замѣтилъ что пастилы за ночь значительно убыло и не приминулъ объ этой убыли сдѣлать колкое и ехидное замѣчаніе. Борзовъ обидѣлся, отвѣтилъ рѣзкостью, возгорѣлась брань, и въ то же утро они разъѣхались. Ихъ разговоры очень часто переходили въ ссору; они расходились и долго, иногда по цѣлымъ днямъ, вслухъ бранили заочно другъ друга. Но гнѣвъ стихалъ, являлось не то раскаяніе, не то тоска другъ о другѣ; съ разными тонкостями заключался миръ и продолжался до новой стычки. Такъ было и на этотъ разъ.

Первымъ пришелъ на бульваръ Гремиславскій; онъ прошмыгалъ мимо излюбленной скамейки, сѣлъ на другую и искоса сталъ смотрѣть съ недовольнымъ лицомъ въ ту сторону, откуда долженъ былъ показаться Борзовъ; время отъ времени онъ что-то ворчалъ про себя. Скоро въ другомъ концѣ бульвара показалась медленно движущаяся фигура врага; онъ остановился, сдѣлалъ отъ солнца изъ руки зонтъ и осмотрѣлъ бульваръ; увидавъ въ отдаленіи знакомую фигуру Гремиславскаго, онъ сейчасъ же сѣлъ на ближайшую скамейку, отвернулся въ сторону и проворчалъ про себя:

— Притащился, толстый чортъ!.. Ишь сидитъ, рыломъ-то точно котъ изъ стороны въ сторону водитъ!..

А тотъ, дѣйствительно похожій на кота, щурился, косилъ глаза по направленію къ своему врагу и, стараясь на своемъ благодушномъ лицѣ состроить злобную улыбку, лепеталъ:

— Триполозъ, другъ сердечный, таракан запечный!.. Храбрый воинъ, Еруслань Лазаревичъ!.. Никому, братъ, только ты не страшенъ, вотъ чтò!.. Думаетъ, небось, что я къ нему подойду!.. Нѣтъ, братъ, этой чести ты отъ меня не дождешься!.. гордо откидываясь на спинку скамейки и нисколько не стѣсняясь присутствіемъ прохожихъ, громко говорилъ Гремиславскій.

— Унижаться болѣе передъ тобой я не намѣренъ, словно отвѣчая на его слова, шипѣлъ Борзовъ. — Подковыра-клещъ!

Прохожіе съ недоумѣніемъ посматривали на стариковъ которые продолжали сидѣть на своихъ мѣстахъ, косились другъ на друга и говорили про себя разныя ехидства. Но время шло, и запасъ гнѣвнаго раздраженія сталъ понемногу истощаться; начинала чувствоваться потребность сближенія, и каждый втайнѣ троилъ комбинаціи, при посредствѣ которыхъ, не нарушая

чувства собственнаго достоинства, можно было бы возстановить прежнія отношенія. Въ этомъ случаѣ большую изобрѣтательность проявилъ Гремиславскій: онъ подозвалъ къ себѣ проходившаго мимо мальчишку-разнощика съ крыжовникомъ. Прежде чѣмъ приступить къ покупкѣ, онъ принялся разспрашивать мальчишку какой онъ губерніи, есть ли у него отецъ съ матерью, чѣмъ они въ деревнѣ занимаются и проч. Очевидно Гремиславскій вызывалъ большое уваженіе къ своей особѣ, такъ какъ малолѣтній торгашъ своимъ крѣпкимъ владимірскимъ говоромъ покорно отвѣчалъ на всѣ праздные вопросы. Удовлетворивъ свое любопытство, баринъ, наконецъ, купилъ фунтъ ягодъ за четыре копѣйки. Получивъ съ пятачка копѣйку сдачи, онъ показалъ мальчишкѣ на сидѣвшаго въ отдаленіи Борзова и сказалъ:

— Ступай вонъ къ тому барину и скажи что у тебя крыжовникъ очень хорошъ, что я его хвалилъ... Понимаешь?.. Онъ охотникъ до ягодъ, онъ у тебя сейчасъ купитъ. Скажи что я твой крыжовникъ очень похвалилъ.

Мальчишка внимательно его выслушалъ, поднялъ лотокъ на голову и зашагалъ къ Борзову. Гремиславскій выбиралъ изъ свертка по ягодкѣ и искоса поглядывалъ то на своего врага, то на разнощика который остановился передъ Борзовымъ и, широко улыбаясь, бойко произнесъ:

— Кружовникъ, господинъ, очення хорошъ!

— Чтò? строго насупливая брови, спросилъ его тотъ.

Мальчишка немного оробѣлъ и заговорилъ въ болѣе умѣренномъ тонѣ:

— Меня, вонъ, тотъ баринъ послалъ; „скажи, говоритъ, что я у тебя кружовникъ хорошій купилъ“.

Борзовъ метнулъ взоромъ въ сторону своего врага съ самымъ невиннымъ видомъ высасывавшаго изъ ягодъ сердцевину и выплевывавшаго кожуру, потомъ съ прежнею строгостью обратился къ мальчишкѣ:

— Почемъ?

— Какъ съ нихъ бралъ четыре копѣйки, такъ все одно и съ васъ.

— Свѣшай мнѣ одинъ фунтъ, продолжая смотрѣть въ сторону Гремиславскаго, сказалъ Борзовъ.

Мальчишка опустилъ лотокъ на скамейку, вытащилъ сзади изъ-за кушака бумажный мѣшокъ и отвѣсилъ фунтъ ягодъ; покупатель досталъ изъ жилетнаго кармана пятачекъ, отдалъ его торговцу и гордо сказалъ:

— Сдачи не надо!

— Спасибо, сказалъ мальчишка, взялъ лотокъ и ушелъ.

Оба „подснѣжника“ медленно ѣли крыжовникъ, исподтишка посматривали другъ на друга, но ни одинъ не трогался съ мѣста. Когда ягодъ было съѣдено ужь больше половины, Гремиславскій пріостановился, почавкалъ что-то губами, съ трудомъ поднялся на ноги, нерѣшительно потоптался около скамейки и, наконецъ, тихо поплелся по тому направленію гдѣ сидѣлъ Борзовъ. Тотъ все время наблюдалъ за его движеніями, но показать этого не хотѣлъ и наклонился надъ мѣшкомъ съ ягодами. Когда изъ-подъ опущеннаго козырька фуражки онъ увидалъ что знакомыя ноги уже были противъ него, старикъ точно невзначай поднялъ голову и, какъ ни въ чемъ не бывало, обратился къ Гремиславскому:

— А вѣдь крыжовничекъ-то хорошъ!

— Удивительный! протянулъ тотъ и сейчасъ же опустился рядомъ съ недавнимъ врагомъ на скамейку.—Совершенно подобенъ синему винограду... Жалѣю что не купилъ еще.

— Отъ него вреда нѣтъ, не глядя на собесѣдника и высасывая ягоду за ягодой, говорилъ Борзовъ,—его можно много... Вотъ малина тяжела... Отъ малиноваго зерна несвареніе бываетъ...

Произошло минутное молчаніе; оба чувствовали взаимную неловкость и продолжали ѣсть крыжовникъ; первымъ началъ Борзовъ:

— Въ Бесарабіи много винограду, да при насъ еще зеленый былъ; а въ Венгріи поспѣлъ, да мы до него не дошли... За то сливы мы тогда очень много съѣли.

— А крыжовнику у нихъ нѣтъ?

— Не помню. У покойницы Клеопатры, какъ ее по батюшкѣ-то?

— Вы про которую?

— Ну, вотъ, про которую!.. Вы должны ее помнить, она еще дочь несчастливо выдала за почтамскаго, рыжій такой...

— О-о! Это вы про Клеопатру Семеновну, про Порохонцеву?

— Такъ вотъ у ней въ саду росъ крыжовникъ заграничный... Ну, право, съ хорошую сливу ростомъ будетъ и весь въ иголкахъ, точно ежъ!.. Ха... ха... ха!..

— Ха, ха, ха! разсмѣялся и Гремиславскій забавному сравненію.—Ежъ!.. Какъ же его ѣсть, этого ежа-то?

— Нельзя ѣсть, весь ротъ изъязвитъ; онъ только для по-

тѣхи существовалъ... Она бывало шутитъ: „Не хотите ли крыжовничку?“ А онъ весь какъ ежъ!.. Ха, ха, ха!

Посмѣялись еще и доѣли ягоды.

— Вы не замѣчаете что нынче какъ будто паритъ? началъ Гремиславскій.—Какъ бы гроза не собралась...

— Не будетъ, поднявъ голову кверху и посмотрѣвъ на небо, авторитетно отвѣтилъ Борзовъ.—Передъ грозою у меня всегда въ ногѣ ломъ стоитъ.

— И я не зря говорю, и у меня тоже лѣвую ногу помазживаетъ.

— Ну, ваша нога и моя большая разница! горделиво возразилъ Борзовъ. — Моя нога прострѣленная, она всякую перемѣну чувствуетъ.

— Стрѣленная-то она дѣйствительно должна чувствовать, подтвердилъ Гремиславскій, стараясь быть благоразумнымъ и не раздражать своего собесѣдника противорѣчіями.

— А кромѣ того у меня еще колъ, не безъ достоинства замѣтилъ Борзовъ.

— Чтò вы говорите? не разслышавъ его, спросилъ Гремиславскій.

— Колъ, говорю, у меня въ поясницѣ стоитъ, вразумительно отвѣтилъ Борзовъ.—Давно ужь онъ, послѣ похода засѣлъ.... Онъ все смирно сидитъ, а чуть чтò, сейчасъ даетъ себя знать!

— Я это знаю, согласился Гремиславскій,—у меня у самого былъ такой колъ, да мнѣ его лекарь Иванъ Ѳедоровичъ банками вывелъ...

— Ну, моего вывесть нельзя, не то съ грустью, не то съ гордостью промолвилъ Борзовъ,—моего кола клещами не вытянешь.

Наступило короткое молчаніе; Гремиславскій, словоохотливый больше своего собесѣдника, торопливо подыскивалъ въ умѣ новую тему для пріятельской бесѣды и, наконецъ, придавъ предварительно своему лицу умильное выраженіе, произнесъ:

— Не знаю, гдѣ бы мнѣ найти эту книжку...

— Какую?

— Заглавія-то я не помню, только очень хорошая книжка. Матерія идетъ объ одной мусульманской дѣвицѣ... не помн какъ ее зовутъ, имя мудреное... Ужь очень хорошо описан Кавказъ, сраженія тамъ, геройства всякія...

— Не знаю этой книжки. Я про военное много читалъ. У меня дивная была книга „Походы Суворова“, я ее кажд

день читалъ... Пропала куда-то, никакъ найти не могу. Должно-быть укралъ кто-нибудь.

— Великій былъ Суворовъ полководецъ! съ чувствомъ произнесъ Гремиславскій.

— Объ этомъ не вамъ судить...

— Почему же? съ сдержанною обидчивостью произнесъ тотъ.—Героевъ своего отечества всякій обязанъ уважать. Я патріотъ, всѣхъ героевъ уважаю. Вотъ, напримѣръ, былъ Сперанскій...

— Кто-о-о? презрительно сморщивъ лицо, протянулъ Борзовъ.

— Сперанскій, изобразитель Свода законовъ, вразумительнымъ тономъ пояснилъ Гремиславскій.

— Подъячій! отрѣзалъ Борзовъ.

Гремиславскій безпокойно повернулся на скамейкѣ, нервно откашлялся и въ значительно повышенномъ тонѣ, чтò у него служило несомнѣннымъ признакомъ раздраженія, возразилъ:

— Не подъячій, а министръ, государственный мужъ, свѣтильникъ мудрости, украшеніе...

— Мало ли ихъ было, чернильныхъ кутейниковъ! фыркнувъ, перебилъ тотъ.

— Чтò такое за глупое слово кутейники, уже приближаясь къ писку, возгласилъ Гремиславскій.—Существуютъ люди изъ духовнаго званія... Я самъ...

— Бросьте, бросьте! слегка помахивая рукой, перебилъ Борзовъ.—Отъ этого разговора добра не ждать.

Гремиславскій, стараясь заглушить поднимавшееся въ немъ волненіе, усиленно пыхтѣлъ нѣсколько времени и, наконецъ, съ передышками произнесъ:

— Изо всего можно исторію сдѣлать... ежели задѣвать уважаемыя сословія...

— Я военный человѣкъ, горячо заговорилъ Борзовъ,—я не могу генералисимуса Александра Васильевича ставить на одну доску съ приказной строкой.

Гремиславскій опять сдѣлалъ безпокойное движеніе, опять попыхтѣлъ, но благоразуміе взяло верхъ, и онъ отъ возраженій удержался, но въ собесѣдникѣ его видимо зашевелился червякъ раздражительности и придирчивости. Съ трясущеюся головой, съ подпрыгивающею нижнею челюстью онъ продолжалъ вызывающимъ тономъ заступаться за Суворова и приписывать ему такія дѣянія какихъ геніальный фельдмаршалъ никогда и не совершалъ.

— Суворовъ былъ гроза! молонья! отрывисто бросалъ онъ. — Орелъ.. Прилетѣлъ и растерзалъ!.. Онъ Бонапарта за виски отодралъ!.. Шелепами накормилъ!.. Пуля дура, штыкъ молодецъ!.. Выше облаковъ ходилъ!.. При самой императрицѣ пѣтухомъ пѣлъ!.. Гофъ-кригс-рату въ рыло плюнулъ!..

Онъ закашлялся. Подъ напоромъ воинственныхъ, восторженныхъ рѣчей Гремиславскій притихъ и покорно ждалъ когда тотъ откашляется. Когда долгая процедура отхаркиканія кончилась, и изъ старческой груди на дорожку бульвара вылетѣлъ большой кусокъ мокроты, Борзовъ нѣсколько времени тяжело дышалъ и потомъ тихимъ голосомъ прерывисто произнесъ:

— Меня нельзя растраивать... Какъ можно задѣвать?... Мнѣ отъ разстройства вредъ... Я за Суворова на ножи пойду!..

Гремиславскій должно быть почувствовалъ жалость къ задохшемуся старику и не только воздержался отъ возраженій, но поспѣшилъ успокоительнымъ тономъ произнесть:

— Да вѣдь я понимаю, какъ дорогъ для васъ Суворовъ...

— То-то! буркнулъ военный и обтеръ синимъ ситцевымъ платкомъ мокрые усы.

Посидѣли нѣсколько времени молча и мирно разошлись по домамъ съ тѣмъ чтобы, свершивъ послѣобѣденный отдыхъ, сойтись снова.

Прошло недѣли три хотя и не безъ стычекъ, но до ссоры не доходило. Столкновенія возникали главнымъ образомъ на почвѣ взаимнаго неразумѣнія и экскурсій въ невѣдомыя области знаній. Такъ, однажды Гремиславскій сообщилъ что слышалъ отъ какого-то хозяйскаго племянника будто изобрѣтены пушки изъ которыхъ будутъ стрѣлять посредствомъ электричества. Борзовъ не только отрицалъ возможность такой стрѣльбы, но и самое электричество почиталъ мошенническою выдумкой; онъ утверждалъ что стрѣлять можно только порохомъ и что всѣ плутовскія выдумки клонятся къ тому чтобы погубить Россію. Когда Гремиславскій въ отпоръ вздумалъ сказать что опыты надъ новымъ изобрѣтеніемъ дѣлались въ присутствіи какихъ-то нѣмецкихъ принцевъ и другихъ высокопоставленныхъ особъ, то Борзовъ пришелъ въ полное негодованіе и объявилъ что всѣ высокопоставленныя нѣмецкія особы жиды, и что если Гремиславскій будетъ распространять злонамѣренные слухи, такъ онъ его станетъ считать измѣнникомъ. Гремиславскій струсилъ и замолчалъ. Другой разъ онъ, разказывая какое-то происшествіе, упомянулъ имя своего знакомаго Роха Викентьевича. Борзовъ сейчасъ же его оборвалъ и объ-

явилъ что такого имени не существуетъ. Первый пробовалъ растолковать опоненту что у католиковъ есть св. Рохъ, но опонентъ не внималъ никакимъ доводамъ и увѣрялъ что этого знакомаго звали Прохоръ. Препреканія были готовы перейти въ ссору, но она была устранена благоразуміемъ Гремиславскаго, уступившаго упрямцу и согласившагося что Рохъ и Прохоръ одно и то же. Въ третій разъ яблокомъ раздора явился было страусъ. Почему эта почтенная птица взбрела на умъ Гремиславскому, неизвѣстно; но онъ съ увлеченіемъ принялся разказывать о качествахъ и образѣ жизни огромнаго пернатаго. Старый воинъ пресѣкъ повѣствованіе и объявилъ что страусы живутъ не въ пустыняхъ, а на крышахъ домовъ и что въ Бесарабіи онъ ихъ видѣлъ великое множество. Возникъ жесточайшій споръ съ пискомъ, кашлемъ, плеваніемъ, но кончился къ обоюдному удовольствію тѣмъ что видѣнные въ Бесарабіи страусы оказались аистами.

Однажды они въ послѣобѣденное время засѣдали на своей скамейкѣ. Борзовъ былъ задумчивъ и сосредоточенъ и задумчиво трубилъ губами; очевидно въ немъ шевелилась какая-то мысль. Довольно долгое молчаніе онъ прервалъ неожиданнымъ вопросомъ:

— До какихъ лѣтъ вѣнчаютъ?

— Кого? въ свою очередь спросилъ Гремиславскій.

— Кого, кого! передразнилъ тотъ. —Разумѣется, людей!..

— На что̀ это понадобилось знать?

— Это не ваше дѣло, вы отвѣтьте.

— Въ консисторіи знаютъ... Насъ съ вами, я думаю, ни одинъ попъ вѣнчать не станетъ!

Гремиславскій благодушно разсмѣялся, а Борзовъ насупился и опять затрубилъ. Послѣ небольшаго молчанія онъ искоса посмотрѣлъ на широкое лицо своего сосѣда и спросилъ:

— Вы не помните, сколько было лѣтъ Ильѣ Марковичу, когда онъ женился въ послѣдній разъ?

— Про котораго вы говорите?

— Про котораго, про котораго! опять раздраженно передразнилъ его Борзовъ.—Ну, Илья Марковичъ... Какъ вы не знаете?.. Онъ служилъ прежде въ этой... Какъ ее?.. Ну, чортъ съ ней совсѣмъ!.. Еще у его жены было шляпное заведеніе...

— Шляпное заведеніе? стараясь припомнить, переспросилъ Гремиславскій,—когда я жилъ въ домѣ Волкова, тамъ мадамъ Зоя шляпки дѣлала...

— Вовсе я васъ не про Зою спрашиваю!.. Удивляться

надо вашей памяти!.. Какъ вы это не помните Илью Маркыча? Сколько разъ вмѣстѣ бывали... у этого... Какъ его?.. Ну, у приказнаго... что ли?.. Въ думѣ онъ служилъ... Ахъ, какая у васъ память скверная!..

— Нѣтъ, я все довольно хорошо помню... началъ было Гремиславскій.

— Скверная, скверная память! рѣзко перебилъ его Борзовъ.—И какъ это вы съ такой памятью существуете?

Гремиславскій сейчасъ же обидчиво надулъ губы и хотѣлъ было что-то возразить, но тотъ продолжалъ:

— Вѣдь это курамъ на смѣхъ, забыть Илью Маркыча!.. Рябое рыло, въ зеленой шинели ходилъ...

— Рябое рыло въ зеленой шинели? громко воскликнулъ Гремиславскій.—Ну, такъ я вамъ скажу что сами-то вы ничего не помните, а еще другихъ язвите.

— Нельзя не язвить, когда вы...

— Да вы очувствуйтесь! горячо и съ достоинствомъ перебилъ его Гремиславскій.—Развѣ рябое рыло въ зеленой шинели Илья Маркычъ? Вѣдь это Василій Прохоровичъ!

— Ну, Маркычъ, Прохорычъ, чортъ ихъ возьми!.. Не все равно?.. не теряя достоинства и не желая смущаться, рѣзко возразилъ Борзовъ.—Я у васъ спрашиваю...

— Н-н-нѣтъ, извините! ехидно поджимая губы, опять перебилъ его Гремиславскій.—Вы меня за живое задѣли!.. Память мою поруганію предали!..

— Ну, что̀ тутъ удивительнаго?.. Ну, спуталъ... оправдывался Борзовъ.—И я путаю, и вы путаете... Теперь вы знаете о комъ я хотѣлъ сказать... Сколько лѣтъ было этому рябому Прохорычу, когда онъ послѣдній разъ женился?

Удовлетворенный его сознаніемъ, Гремиславскій погрозилъ ему пальцемъ и уже безгнѣвно произнесъ:

— Спорить то вы больно горячи!.. Вамъ угодно знать, когда Василій Прохорычъ женился на Матренѣ... Или ее не Матреной звали?.. Вру, вру? На Прасковьѣ!.. Нѣтъ, вѣрно, на Матренѣ, вотъ только какъ ее по отчеству-то?..

— Да мнѣ нѣтъ никакой надобности...

— Погодите, погодите, не мѣшайте!..

Гремиславскій, зажмуривъ глаза, шепотомъ перебиралъ про себя разныя женскія имена, потомъ вдругъ воспрянулъ, для чего-то хлопнулъ себя по ногѣ и торжественно объявилъ:

— Степанида Герасимовна! Вотъ какъ ее звали!..

— Да хоть бы чортомъ ее звали, мнѣ все равно! съ не-

довольною гримасой перебилъ Борзовъ.—Я хочу знать сколько ему было лѣтъ?

— Старъ былъ, очень старъ!.. Еле ноги таскалъ... Я помню, какъ онъ тогда хлопоталъ, ко владыкѣ ѣздилъ.

— Ѣздилъ? насупивъ брови, спросилъ Борзовъ.—Къ самому владыкѣ?

— Къ самому. Іереемъ у насъ тогда былъ отецъ Минервинъ... Вру, вру, Минервинъ ушелъ на покой, священствовалъ тогда отецъ Конфидентовъ... Весельчакъ былъ!.. Вотъ это самое рябое рыло, Прохорычъ, явился къ нему, такъ и такъ... Батюшка сначала его къ зеркалу подвелъ, а потомъ говоритъ: „изыдите, вы одержимы бѣсами!" А Прохорычъ, не будь плохъ, кинулся къ владыкѣ, палъ ему въ ноги и вымолилъ.

— А всетаки онъ осчастливилъ эту Прасковью? задумчиво спросилъ Борзовъ.

— Степаниду Герасимовну, поправилъ его Гремиславскій.

— Все равно; я васъ спрашиваю, осчастливилъ онъ ее, или нѣтъ?

— Въ какомъ смыслѣ?

— Въ смыслѣ пенсіона.

— Это вѣрно. Онъ такъ и владыкѣ объяснилъ что изъ-за пенсіи женится. Владыка только и разрѣшилъ потому что пенсія, а то бы ни-ни! И Степаниду собой онъ не долго безпокоилъ, не больше мѣсяца съ ней прожилъ, собрался въ баню, шинель надѣлъ свою зеленую, вдругъ грохнулся...

— Ну, пускай его! брезгливо махнувъ рукою, сказалъ Борзовъ.—А пенсію Прасковья получила?

— Какъ же! Только, кажется, не полную... Да вамъ что̀ вздумалось про все это спрашивать?

Борзовъ зашевелилъ усами, меланхолически потрубилъ и глухо буркнулъ:

— Я самъ думаю въ бракъ вступить.

— Что̀ вы сказали? не вѣря своимъ ушамъ, спросилъ Гремиславскій.

— Жениться намѣренъ! уже громко и отважно выпалилъ тотъ.

— Кто намѣренъ? Ничего не понимая, продолжалъ спрашивать Гремиславскій.

Борзовъ безпокойно завозился, испустилъ губами короткій трубный звукъ и потомъ, нагнувшись къ уху сосѣда, вразумительно, отчеканивая каждое слово, произнесъ:

— Я намѣренъ вступить въ бракъ.

— Владыко милостивый! всплеснулъ руками и откачнувшись на спинку скамейки визгливо воскликнулъ Гремиславскій.—Не пришелъ ли конецъ свѣту?

Онъ разразился мелкимъ, разсыпистымъ смѣхомъ.

— Перестаньте! строго и серіозно замѣтилъ ему Борзовъ.—Тутъ смѣяться нечему!..

— Нельзя...не могу... удержаться!.. пищалъ Гремиславскій, отирая пальцами текущія отъ хохота слезы.—Ой, батюшки!.. Ой, родимые!.. Со мной что-нибудь сдѣлается!.. Ой, въ бока закололо!..

— Перестаньте! еще строже и рѣзче замѣтилъ ему Борзовъ.—Я съ вами разговариваю солидно, по-дружески.

Но тотъ захваченный припадкомъ хохота ничего не могъ сказать, а только пищалъ и тыкалъ пальцемъ по направленію къ лицу своего собесѣдника. Борзовъ гнѣвно сверкнулъ на него глазами, съ усиленною торопливостью поднялся на ноги и, стуча палкой о дорожку, хриплымъ, задыхающимся голосомъ крикнулъ:

— Замолчите!.. Цыцъ!.. Оскорбленія не потерплю!.. На барьеръ поставлю!..

Но Гремиславскій не понималъ ужаса этихъ словъ, съ хохотомъ и кашлемъ онъ махалъ на него руками и плаксиво повторялъ:

— Вотъ такъ женишокъ!.. Вотъ такъ молодой!..

Борзовъ съ негодованіемъ плюнулъ и, круто повернувшись, зашагалъ отъ него прочь такъ скоро, какъ только позволяли его слабыя ноги. Отойдя шаговъ съ десять, онъ остановился, обернулся къ продолжавшему хохотать Гремиславскому, поднялъ кверху палку и прокричалъ:

— Не смѣйте со мной больше кланяться!.. Кончено знакомство!..

Но Гремиславскій, повалившись въ изнеможеніи на скамейку, продолжалъ хохотать и вмѣсто словъ произносилъ визгливые звуки. Мимо проходила какая-то толстая женщина съ узломъ за плечами; она долго глядѣла на одержимаго припадкомъ хохота старика, сначала со страхомъ, потомъ съ недоумѣніемъ и, наконецъ, сама расхохоталась, причемъ ея большой животъ трепеталъ и подпрыгивалъ какъ резиновый мячъ.

Борзовъ возвращался домой страшно разстроенный. Онъ задыхался и бормоталъ про себя отрывочныя, несвязныя слова. Сойдя съ бульвара и повернувъ въ свой переулокъ, онъ нѣ-

сколько разъ останавливался, повертывался назадъ и грозилъ палкою уже невидимому врагу. Распаленный гнѣвомъ, онъ прошелъ мимо своего дома и замѣтилъ это только тогда, когда снова остановился чтобы погрозить палкою по направленію къ бульвару: это обстоятельство его до нѣкоторой степени отрезвило; онъ постоялъ на мѣстѣ, отдышался и уже болѣе степенною походкой направился къ своему обиталищу. Когда онъ проходилъ по двору, къ низенькому, покосившемуся крылечку, одностворчатая дверь обитая потрескавшеюся клеенкой предупредительно отворилась, и за ней показалась фигура младшей изъ хозяекъ. Жилецъ пристально посмотрѣлъ на нее исподлобья, что-то прошепталъ про себя и прошелъ въ свою комнату. Она была въ одно окно на которомъ стояло нѣсколько большихъ пузырьковъ съ разноцвѣтными жидкостями и рюмка. Единственнымъ украшеніемъ этой кельи служилъ криво повѣшенный на стѣнѣ небольшой, потемнѣвшій масляный портретъ безъ рамы изображавшій мущину съ очень длиннымъ лицомъ въ военномъ мундирѣ Павловскаго времени. Съ одной стороны довольно опрятная простая деревянная кровать, съ другой столъ на которомъ лежала потрепанная замасленная книга; сбоку отъ стола на стѣнѣ тикали дешевенькіе, засиженные мухами часы; передъ столомъ и у окна стояло два мягкихъ кресла очень старыхъ, изъ нихъ одно было обито зеленою клеенкой, а другое ситцемъ съ крупнымъ узоромъ. Въ одномъ углу надъ скважиной въ полу стояла открытая мышеловка уже нѣсколько мѣсяцевъ терпѣливо и тщетно ждавшая посѣщенія мыши.

Войдя въ свой апартаментъ Борзовъ бросилъ на кровать палку, подошелъ къ окну, взялъ дрожавшею рукой пузырекъ съ темно-красною жидкостью, осторожно налилъ полрюмки, выпилъ и не снимая фуражки опустился въ кресло. Онъ коротко, прерывисто дышалъ и долго сидѣлъ неподвижно, какъ истуканъ, смотря въ одну точку. Изъ этого положенія его вызвалъ легкій стукъ въ дверь. Не повертывая головы, онъ скосилъ глаза къ двери и отрывисто произнесъ:

— Можно.

Дверь немного пріотворилась, и въ нее просунулась голова второй сестры.

— Чайку не прикажите ли? У насъ самоваръ поданъ, съ умильною улыбкой проговорила она.

Борзовъ уставился на нее упорнымъ, тусклымъ взглядомъ и не мѣняя выраженія лица спросилъ:

— Съ чѣмъ?

— Сестрица Глашинька монпансе купила.

— Кислое? Продолжалъ по-прежнему глядѣть на нее и опять послѣ длинной паузы спросилъ онъ.

— Очень хорошее монпансе, даже рѣшительно всѣхъ сортовъ, съ дѣтскою восторженностью отвѣтила хозяйка.—Вамъ сюда подать прикажите или къ намъ пожалуете?

Онъ подумалъ, пощелкалъ нижнею челюстью и отрывисто, громко объявилъ:

— Иду самъ.

Онъ съ какимъ-то особеннымъ ухорствомъ всталъ на ноги, но сейчасъ же шатнулся въ сторону и чтобы не упасть долженъ былъ придержаться за столъ; найдя надлежащій балансъ, онъ двинулся впередъ. Хозяйка бѣжала впереди и съ восторгомъ возвѣщала сестрамъ:

— Сами идутъ, сами идутъ!

Встрѣченный хозяйками съ благоговѣйнымъ почетомъ и предупредительностью, онъ усѣлся въ большое кресло заботливо пододвинутое младшею сестрой, откинулся на спинку и съ серіознымъ, почти съ свирѣпымъ видомъ долго переводилъ глаза, то на какую-нибудь изъ хозяекъ, то на ярко вычищенный самоваръ, то на жестяную коробочку съ разноцвѣтнымъ монпансье, то на большую чашку съ жидкимъ чаемъ. Сестры сидѣли со скромно поджатыми губами и вопросительно поглядывали или на жильца, или одна на другую. Эта нѣмая сцена длилась довольно долго, наконецъ, Борзовъ набралъ въ себя духу, значительно крякнулъ, насупилъ брови и произнесъ:

— Опять разругался.

Всѣ три сестры, словно по командѣ, ахнули, всплеснули руками и застыли въ этомъ положеніи, точно съ нихъ снимали фотографію. Всѣ онѣ очень хорошо знали, о комъ шла рѣчь. Первая изъ своей позы вышла старшая сестра и, съ состраданіемъ смотря на жильца, мягко проговорила:

— И охота вамъ продолжать знакомство съ такимъ непріятнымъ господиномъ!.. Сколько вы черезъ нихъ имѣете себѣ разстройства.

— Ужь именно, что... поддержала вторая.

— У нихъ завсегда такой непріятный характеръ... добавила третья.

— Я больше съ нимъ не стану разговаривать и на бульваръ перестану ходить... Чортъ съ нимъ! рѣзко и раздражительно отвѣтилъ жилецъ.

Сестры заговорили:

— Конечно!.. Что̀ вамъ за охота себя разстраивать...

— При вашемъ здоровьѣ...

— И при ихнемъ тяжеломъ характерѣ...

— Я съ нимъ завелъ серіозную матерію, перебилъ ихъ жилецъ, — я думалъ что онъ будетъ со мной разговаривать какъ слѣдуетъ... а онъ вдругъ меня на смѣхъ... Чортъ!..

Жилецъ злобно фыркнулъ, закорузлымъ ногтемъ дрожащаго пальца выковырнулъ изъ жестянки самую большую, окрашенную въ разные цвѣта конфекту и принялся ее сосать. Хозяйки съ умилительнымъ состраданіемъ смотрѣли какъ онъ переваливалъ ее языкомъ съ одной стороны на другую и чавкалъ губами. Когда для нихъ стало очевидно что процесъ сосанія приходитъ къ концу, старшая рѣшилась нарушить молчаніе и спросила:

— Какой же промежду васъ вышелъ разговоръ?

Борзовъ, прежде чѣмъ отвѣтить, крякнулъ, при чемъ получился звукъ подобный короткому бреху, недососанный тонкій кусокъ монпансье выскочилъ изо рта и упалъ на срединѣ стола. Сидѣвшая напротивъ младшая сестра сейчасъ же подцѣпила обсосокъ ложечкой и бросила въ полоскательную чашку.

— Я завелъ матерію объ жизни, серіозно со строгимъ лицомъ началъ жилецъ,— какъ долженъ поступить благородный человѣкъ... Говорю ему: „я имѣю за свои заслуги большую пенсію... и ежели меня пристигнетъ конецъ"...

— Что̀ вы, что̀ вы!.. Господи!.. Можно ли это?!. разомъ воскликнули сестры и по своему обычаю всплеснули руками.

Жилецъ видимо былъ доволенъ произведеннымъ имъ эфектомъ и съ горделивымъ достоинствомъ продолжалъ:

— Я человѣкъ военный, я слыхалъ какъ пули-то свистятъ!.. Ого-го!..

— Еще бы!... Какихъ страстей не навидались. Въ разныхъ земляхъ бывали! Всякихъ враговъ и супостатовъ видѣли!... вперебой проговорили сестры.

— Пуля меня не убила, а умирать когда-нибудь придется, въ прежнемъ тонѣ резонерствовалъ жилецъ, залѣзая ложкою въ блюдечко съ какимъ-то чернымъ вареньемъ покрытымъ сизымъ налетомъ.—Помру, и пенсія пропала... Что̀ тутъ хорошаго?

Онъ остановился и переводилъ взглядъ съ одной сестры на другую, которыя въ свою очередь упорно смотрѣли на него; опять лизнулъ съ ложки варенья и продолжалъ:

— Я говорю что могу осчастливить... Какъ другіе!.. Помните этого... Рябаго?.. Ну, который въ зеленой шинели ходилъ?.. А?

Сестры пожали плечами и недоумѣвающе переглянулись.

Жилецъ подцѣпилъ еще на ложку варенья и опять заговорилъ непонятныя для его слушательницъ слова:

— Какое такое рябое рыло?.. Дуракъ!.. Шляпочница... Ну, была шляпочница Зоя, чтожь изъ этого!.. Матрена, Прасковья, все равно... Онъ осчастливилъ!.. У всякаго своя память... Хотите я сейчасъ могу разказать, какъ мы во Фратештахъ стояли?

Онъ откинулся назадъ и обвелъ слушательницъ побѣдоноснымъ взглядомъ. Тѣ молчали. Онъ попыхтѣлъ, почавкалъ губами, потрубилъ и, протянувъ дрожащую руку къ жестянкѣ съ монпансье, принялся отковыривать пальцемъ слипшіяся конфекты. Младшая хозяйка поспѣшила оказать ему помощь и ножомъ отдѣлила нѣсколько штукъ. Борзовъ сопѣлъ и сосалъ нѣсколько времени молча, потомъ вдругъ ударилъ по столу рукою и возгласилъ:

— Какъ смѣла эта чернильница смѣяться надъ моимъ благородствомъ?

Хозяйки пришли въ движеніе, произнесли какія-то междометія, испустили нѣсколько вздоховъ, но заговорить не рѣшались и ждали пока жилецъ успокоится. Но Борзовъ продолжалъ пыхтѣть, трубить и грозно поводилъ очами; послѣ довольно продолжительнаго томительнаго молчанія, насупивъ брови, онъ спросилъ:

— Вы его помните?

— Кого-съ? почти одновременно спросили всѣ три сестры.

— Ну, вотъ этого... рябое рыло?

Сестры вопросительно переглянулись и слегка пожали плечами; старшая, Глафира, собралась кое-какъ съ духомъ и несмѣло спросила:

— Кто же они были, эти самые рябые-съ?

— Какъ, кто? строго произнесъ Борзовъ.—Приказный онъ былъ, служилъ гдѣ-то... Чортъ его знаетъ!.. Въ зеленой шинели ходилъ.

— Что же они сдѣлали-съ? отважилась спросить вторая сестра, Александра...

— Осчастливилъ Матрену... самую простую женщину... или Прасковью?.. Нѣтъ, Матрену!.. Шляпки потомъ она дѣлала...

— Скажите, какіе добродѣтельные! воскликнула Глафира.

— Чѣмъ же они ее такъ? спросила Анна.

— Всю пенсію ей передалъ.

— Вообразите!.. Ахъ!.. Вотъ ужь именная доброта!.. Какое счастье для простой женщины!.. Творецъ заступа сиротамъ!.. Имъ Богъ за это заплатитъ!.. съ обычными всплескиваніями рукъ вперебой восторженно говорили сестры.

Борзовъ видимо начинавшій успокоиваться и проявлять нѣкоторое самообладаніе на послѣднюю рѣчь одной изъ хозяекъ замѣтилъ:

— Онъ померъ.

Благочестивыя сестры, словно по командѣ, разомъ перекрестились, и изъ ихъ устъ посыпались восклицанія:

— Ахъ, жалость!.. Царство небесное, мѣсто покойное!.. Этакій благородный господинъ!.. Божья воля!.. Какая рѣдкая доброта!.. Имъ на томъ свѣтѣ за все воздастся. Душенька ихняя теперь въ полномъ спокойствіи!..

Умилительное настроеніе хозяекъ почти совсѣмъ успокоило Борзова. Взглядъ его утратилъ свою свирѣпость, глаза сдѣлались уже и добродушно мигали, рука тряслась меньше, и онъ довольно свободно отправилъ въ ротъ три или четыре ложки варенья; потомъ взялъ чашку съ остывшимъ чаемъ, поднесъ ко рту, сдѣлалъ нѣсколько глотковъ и пролилъ при этомъ на свой сюртукъ не особенно много. Поставивъ чашку на блюдце, онъ отеръ рукою намоченные усы, тихонько потрубилъ, потомъ уставился тусклыми, ничего не выражающими глазами на среднюю сестру и долго глядѣлъ на нее. Александра не выдержала этого взгляда, скоро потупилась и почему-то покраснѣла. Борзовъ потрубилъ еще, посмотрѣлъ не долго, но упорно на младшую Анну и съ нѣкоторою торжественностью проговорилъ:

— Я то же думаю сдѣлать.

Сестры сначала озадачились, нѣсколько времени удивленно переглядывались, но потомъ нерѣшительно заговорили:

— Конечно, доброе дѣло... Это именно, что... Господь Батюшка видитъ... А ужь для души-то какъ хорошо!.. Благодѣтельность завсегда свыше взыскивается...

Борзовъ видимо размягчался, и подъ его опущенными усами шевельнулось что-то похожее на улыбку; глаза мирно прищурились; онъ допилъ чай и сказалъ:

— Теперь мнѣ только къ владыкѣ сходить...

Сестры посмотрѣли на него широко открытыми глазами, разинули рты и отъ недоумѣнія не проронили ни одного зву-

ка. А Борзовъ, ковыряя въ жестянкѣ монпасье, съ солиднымъ спокойствіемъ продолжалъ:

— Дабы испросить благословеніе...

У сестеръ глаза и рты раскрылись еще шире. А Борзовъ, переваливая языкомъ душисто-кислую конфекту, говорилъ дѣловымъ тономъ:

— Потому мои теперь такіе годы, попы вѣнчать не захотятъ...

Сестры переглянулись уже почти съ ужасомъ, и ихъ поблѣднѣвшія лица вытянулись, чего жилецъ нисколько не замѣтилъ и въ томъ же тонѣ продолжалъ:

— И рябое рыло попъ прогналъ, а онъ шаркнулъ къ владыкѣ... Тотъ попамъ носъ-то и утеръ!.. Ха, ха, ха!..

Слушательницы его, затаивъ дыханіе, сидѣли неподвижно. Борзовъ опять уставился на среднюю сестру, съ особенною удалью громко что-то протрубилъ и твердо отчетливо сказалъ ей:

— Вотъ вы и выходите за меня замужъ!

Гроза разразившаяся на чистомъ безоблачномъ небѣ не такъ ошеломила Макбета, какъ эта фраза трехъ сестеръ: средняя сначала вскрикнула такъ, словно ее кольнули ножомъ, потомъ сейчасъ же залилась слезами и выскочила въ другую комнату; старшая и меньшая не то ахнули, не то взвизгнули, опрометью послѣдовали за ней и захлопнули за собой двери. Виновникъ этого чрезвычайнаго эфекта остался на мѣстѣ. Какъ имъ было истолковано это бѣгство, не извѣстно, но наружно онъ былъ спокоенъ, трубилъ, ѣлъ варенье и иногда поглядывалъ на затворенную дверь сосѣдней комнаты, въ которой слышались то вопли, то всхлипыванья, то торопливый разговоръ, то бѣготня. Продолжалось это такъ долго что Борзовъ доѣлъ варенье и почти опустошилъ коробку съ монпансье; наконецъ онъ крякнулъ, повернулъ голову къ затворенной двери и громко произнесъ:

— Что же вы тамъ?..

Движеніе за дверью притихло, но отвѣта никакого не послѣдовало. Борзовъ, выдержавъ нѣкоторую паузу, повторил тотъ же вопросъ, и ему отвѣтили тѣмъ же молчаніемъ. Он попробовалъ отворить дверь, но она оказалась запертою. Старый воинъ постоялъ, потрубилъ и побрелъ въ свою комнату вслухъ разсуждая про себя:

— Одурѣли отъ радости!.. Не ждали такого счастья... И пусть ихъ очухаются... Пойду отдохну.

Когда шумъ шаговъ его затихъ, дверь, за которой скрывались сестры, тихонько пріотворилась, и изъ-за нея осторожно высунулась голова Глафиры; быстро и неслышно она прошмыгнула въ кухню и сейчасъ же вернулась съ ковшомъ воды.

— Выпей, Шура, водицы!.. Выпей, ради Бога!.. говорила она блѣдной, заплаканной сестрѣ сидѣвшей на кровати и поддерживаемой слѣва Анетой. Шура трясущимися губами прильнула къ ковшу и сдѣлала нѣсколько глотковъ.

— Успокойся, душенька, приди въ себя, говорила Анета, гладя Шуру по головѣ.

— Они шутятъ, а ты въ сурьезъ принимаешь, успокоивала ее Глафира, садясь справа.—Вѣдь они завсегда шутники были...

Шура нѣсколько разъ судорожно вскрикнула, громко икнула и заговорила прерывающимся, спазматическимъ голосомъ:

— Я даже никогда воображенія не имѣла... Меня сразу въ дрожь вдарило... И за всю нашу добродѣтель... вдругъ такая насмѣшка!.. Мы ухаживали, мы всячески ублажали...

— Успокойся, ангелочекъ! говорила Глафира.—Повѣрь что они это безо всякой насмѣшки, отъ чистаго сердца...

— Что̀ я должна думать? не слушая ее и обтирая пальцами носъ, продолжала Шура.—Мы живемъ какъ самыя благочестивыя... и вдругъ!.. Мы себя на столько соблюдаемъ что даже... при папашѣ съ мамашей... Когда мнѣ шелъ всего двадцатый годъ...

— Хочешь гофманскихъ капель, Шурочка? перебила ее Анета.

— Когда шелъ двадцатый годъ... не слыхавъ сестры, съ волненіемъ продолжала та,—и когда Иванъ Николаичъ съ предложеніемъ пришелъ... Я три дня проплакала... и не согласилась... Мнѣ всего двадцатый годъ шелъ... Иванъ Николаичъ былъ на линіи столначальника... А пить онъ началъ послѣ...

— Ну, что вспоминать? Его Господь давно прибралъ, говорила Глафира.—Ты теперь-то взойди въ себя...

Въ этомъ тонѣ разговоры сестеръ шли очень долго; а такъ какъ Шура все не могла успокоиться и часто принималась плакать, то Глафира рѣшила спрыснуть ее съ уголька. Подмигнувъ Аннѣ, она незамѣтно взяла ковшъ и вышла въ кухню. Тамъ она достала изъ печки уголь, съ шептаньемъ какихъ-то словъ положила его въ ковшъ и, осторожно пряча его сзади, возвратилась къ сестрамъ. Незамѣтно для Шуры она набрала

въ ротъ воды и прыснула ей прямо въ глаза. Шура вздрогнула и замотала было головою, но Анна крѣпко взяла ее одною рукой за подбородокъ, другой за темя и держала до тѣхъ поръ, пока Глафира дважды повторила свой цѣлительный маневръ. Спазматическія всхлипыванья Шуры прекратились.

— Христосъ съ тобой, ангелочекъ, говорила Анета, обтирая ея мокрое лицо полотенцемъ.

— Прилягъ, душенька, успокойся, поправляя подушку, сказала Глафира.

Шура покорно улеглась, раза три глубоко вздохнула и закрыла глаза. Глафира и Анета погрозили другъ дружкѣ пальцами, на цыпочкахъ вышли изъ комнаты и безшумно стали прибирать чайную посуду.

А виновникъ переполоха сидѣлъ у себя за столомъ и въ увеличительное стекло въ своей истрепанной книгѣ читалъ вслухъ: „мечталъ ли ты что жилище твое будетъ убѣжищемъ пришельца чуждаго, что народы тобой пробужденные увидятъ“...

Онъ перевернулъ страницу и не замѣчая того что нѣсколько листовъ были вырваны глубокомысленно продолжалъ:

„Тѣсные предѣлы сихъ записокъ не позволяютъ войти въ подробное обсужденіе нѣмецкой словесности“...

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Садовскій.

„ВЪ МОИСЕЙСКУЮ ГУБЕРНІЮ!“ *).

(РАЗКАЗЪ ОЧЕВИДЦА).

I.

Праздника не было никакого, на дворѣ стоялъ свѣтлый рабочій день, а жители села Долгаго и не думали выѣзжать въ поле.

Да у многихъ изъ нихъ не было ни поля, ни дома, такъ какъ они уже управились повыпродать все свое „жительство“, собираясь въ Моисейскую губернію. Они шумно толпились у двора своего односельца Прохора Ѳомича, по прозванію Шугай. Съ озабоченнымъ видомъ, но безтолково кричали тамъ „старики“, перебивая другъ друга. Большинство казалось выпивши.

Главная масса стояла разбившись на отдѣльныя кучки, но кое-гдѣ народушко уже и поразсѣлся кружками. И тамъ, на платочкахъ и тряпочкахъ разостланныхъ по зеленой травѣ, передъ ними виднѣлись пестрыя полубутылочки и закаменѣвшіе бублики. Православные опоражнивали грязные стаканчики и пережевывали присоленыя корочки съ такимъ страдальческимъ видомъ, словно все это они дѣлали по непріятной для нихъ обязанности.

Изъ переулковъ и прямо по огородамъ то и дѣло подходили пѣшіе, или показывались верховые и телѣги биткомъ набитыя бородочами въ синихъ армякахъ, или въ черныхъ свитахъ.

*) Во многихъ мѣстахъ Енисейскую губернію называютъ Моисейскою губерніей, какъ бы сочетая имя Моисея уведшаго народъ Божій въ землю обѣтованную съ именемъ земли которую русскій народъ разсматриваетъ какъ землю обѣтованную, текущую млекомъ и медомъ.

Какъ-то, само-собою, пріѣзжіе направлялись къ шинку, въ виду коего они и привязывали своихъ разномастыхъ лошадокъ за плетни и ракиты. Затѣмъ, отпустивъ черезсѣдельникъ и подбросивъ охапку сѣна, они торжественно подходили къ народушку и высоко поднимая свои шапки-скворешники здоровались.

— А вы чьихъ будете? откудаго? покровительственно опрашивали прихмелѣвшіе голоса.

— Дроняевскіе, Субботинскіе... со Скорятинскихъ дворовъ, изъ Легестаева! наперебой отвѣтствовали вновь прибывшіе.

— Что жь, на сходцы записываться въ Моисейскую губернію? сочувственно допытывались нѣкоторые.

— Да, то же самое! рѣшительно и въ одинъ голосъ подтверждали другіе.

— Такъ и слѣдоваетъ! одабривалъ ихъ небольшаго роста старикъ въ зимней шапкѣ и валенкахъ, стоявшій на самой припекѣ.

Лицо его переполненное застоявшеюся кровью какъ-то странно оттѣнялось его шершатой, словно молью подъѣденной бородкой. Широко разставивъ ноги, онъ пытливо и недовѣрчиво всматривался въ подходившихъ своими, какъ у рыбы, крошечными и красноватыми глазами, совершенно лишенными рѣсницъ и бровей. Замѣтно было что этотъ старикашка на своемъ вѣку видывалъ виды и бывалъ въ разныхъ переплетахъ. А потому теперь онъ заблаговременно старался убѣдиться чтò за люди подходили къ нему, и главное, не подосланы ли они сюда господами или полиціей? Такъ какъ и онъ, Иванъ Селедкинъ, будучи родственникомъ Шугая, вмѣстѣ съ нимъ „записывалъ на сходцы“ желающихъ, то-есть, онъ безо всякаго съ своей стороны обязательства и безо всякихъ росписокъ „обиралъ у народа деньги“: по три, по пять и по десять рублей, называя ихъ какими-то „задатками“.

По селу Долгому Иванъ Селедкинъ, по уличному „Зычь“, состоялъ главнымъ запѣвалою и самымъ рьянымъ проповѣдникомъ необходимости переселенія, такъ какъ въ этой „завирухѣ“ широко охватившей всю окрестность онъ имѣлъ большую для себя пользу. „Лапти плесть, однова въ день ѣсть!“ подчасъ любилъ твердить онъ злорадно и хитро посмѣиваясь себѣ въ бороду. А потому онъ давно уже отлынивалъ отъ суровой мужицкой работы и всему предпочиталъ „умственность“, отъ которой онъ и богатѣлъ не по днямъ, а по часамъ.

Какимъ образомъ Зычъ мирилъ эту „умственность“ ничѣмъ не отличавшуюся отъ самаго возмутительнаго жестокосердія обмана и даже грабежа своего же брата о Христѣ съ ученіемъ Христа о любви къ брату понять было не легко. Но какъ бы то ни было, а Зычъ въ селѣ Долгомъ почитался за перваго христіанина, почему его всегда и выбирали въ церковные старосты, такъ какъ всѣ признавали что это человѣкъ богобоязный и „хорошо старается проти церкви“. Даже и по околотку говорили что „Зычъ настоящій даже христіанинъ и потому на что-нибудь *эдакое* онъ не пойдетъ“. И дѣйствительно, Зычъ былъ примѣрный христіанинъ. Впродолженіе года онъ говѣлъ во всѣ посты, причемъ „припшался“, иногда ставилъ мѣстнымъ образамъ и по копѣечной свѣчкѣ, а по пятницамъ и по середамъ вмѣсто коровьяго онъ ѣлъ конопное масло и никогда не зѣвалъ чтобы не закрестить рта. По его словамъ и именно за эту добрую жисть Господь и пославъ ему счастіе, благодаря которому ему и удалось поскупить за безцѣнокъ всю земельку у своихъ близкихъ и дальнихъ сродственниковъ, поставить рушку, вѣтрякъ. Теперь же, благодаря все той же умственности, онъ „понацѣплялъ“ себѣ земельки и у сходцевъ, не говоря уже о лошадяхъ, ведерныхъ коровокъ и разнаго рода хозяйственнаго скарба который просто задаромъ попалъ въ его цѣпкія руки изъ убогаго хозяйства его же родственниковъ, старинныхъ друзьевъ-пріятелей. Причемъ онъ хорошо сознавалъ что всѣ они идутъ къ вѣрной гибели и именно черезъ его лукавое коварство имъ называемое умственностію.

— То жь братуха, и здѣсь жить не при чемъ! съ горькимъ вздохомъ проговорилъ Зычъ, странно приподнимая вверхъ шершатыя брови, и насторожился.—Ну, а „тамъ“ то сказываютъ: земелька свободная. Да и оброковъ съ нею нѣту никакихъ.

Здѣсь умѣстно замѣтить что весьма часто употребляемое излюбленное народомъ слово „тамъ“ и принимаемое за всѣмъ понятное и вполнѣ точное географическое опредѣленіе, по желанію говорившихъ, одинаково могло относиться и къ сѣверо-западному, и къ Усурійскому краю, и къ Архангельскимъ тундрамъ, и къ Закавказскимъ степямъ.

Магическое слово „тамъ“ понималось слушателями какъ синонимъ „широкой земли“, „вольной земли“ или Моздовки, той нѣкогда привольной степи въ окрестностяхъ города этого же имени что̀ поэтическимъ воображеніемъ народа теперь продолжена до самыхъ отдаленныхъ береговъ Великаго океана.

— Любую десятину луга, добавилъ Зычъ,—бери, вишь, по четыре копѣйки мѣдью!

— О-охъ, братцы, не брехня ли все это? робко пробасилъ высокій, сухощавый, очень смуглолицый старикъ Конъ, старовѣръ изъ села Дроняева, и запахнувъ свою длинную черную свиту, онъ пытливо навелъ на разкащика свои умные каріе глаза.

Несмотря на его простое одѣяніе, всѣ относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, такъ какъ Конъ былъ одинъ изъ первыхъ богачей изо всего уѣзда.

— Все это дюже что-то хорошо! добавилъ онъ, недовѣрчиво мотнувъ своею двухцвѣтною, какъ у Водолея, узкою и длинною бородой. — Помните, тогда то же самое, вывернулся какой-то въ Батумъ накликалъ! Набралъ задатка да и нырнулъ незнамо куды. Я мекаю что если это точно было отъ царя, то тогда бы и манифестъ читали по церквамъ какъ и должно. Да и начальство бы наше все бы знало объ этомъ. А то это дѣло творится что-то оченно глухо, по клѣтямъ да по закутамъ!

— Да глупая же твоя голова! со внезапною яростью перебилъ его Зычъ и какъ-то бокомъ шагнулъ впередъ.—Сейчасъ совсѣмъ даже иная статья! Батумъ вонъ куды, на полудни, къ старому Русалиму. А Моисейская губернія на зимній восходъ. Опять же сейчасъ и само начальство встряло и даже проходныя свидѣтельства печатованныя выдаютъ. А здѣсь только записываются по охотѣ, потому что нашъ Прохоръ Ѳомичъ самъ собирается „туда“ посмотрѣть земельку. Ну, вотъ ему, то-есть, нѣкоторые и даютъ довѣрность и деньги подаютъ на проѣздъ. Вотъ стало-быть онъ и „записываетъ“: кто сколько далъ и кому сколько желательно тамъ земельки заполучить... Огуломъ-то, вѣдаешь, дешевле...

Какъ опытный міроглотъ, Зычъ давно постигъ всю выгоду рекламы опирающейся на авторитетъ высоконравственной и въ данномъ случаѣ обыкновенно отсутствующей какой-либо таинственной личности свершающей свое общественное служеніе той или иной идеи, которая лишь однимъ кончикомъ соприкасается къ земнымъ интересамъ.

— Да еще и такъ, другъ, можно сказать, учительно добавилъ онъ, вперивъ свои рыбьи глаза въ опаснаго для него скептика,—это дѣло не сильно, а вольно. Вѣдь и про черта сказываютъ что его силомъ въ рай волокли, такъ вѣдь и то онъ не ищелъ: кричитъ что ему и въ аду хорошо!..

Нѣкоторые неохотно захихикали.

— А вотъ опять, забасилъ Дроняевскій старовѣръ по неподвижному, почти деревянному лицу котораго прошла едва замѣтная усмѣшка,—на той недѣлѣ мимо нашей мельницы прошелъ странникъ со стараго Русалима и онъ сказывалъ что будумчи тамъ никакъ жить нельзя. Вотъ уже три года что по той сторонѣ дождя не было. Трава, вишь, вся выгорѣла и даже звѣрья поразбѣжались. Только на томъ странничкѣ даже и печати Русалимскія имѣются, и по рукамъ, и по ногамъ, на груди, словно про себя почтительно добавилъ старовѣръ.

— Ну, да ужь будетъ тебѣ чепуху протачивать! остепенялъ его Зычъ.—Вѣдь тебѣ же толкомъ сказано что то особь статья... А въ Моисейскую губернію по машинѣ везутъ изъ десятой копѣйки, а водою даромъ везутъ, и слушекъ мыкается, еще и приварочекъ даютъ казенный, только чтобы сухари твои были. Такъ-то, дружокъ. Потомъ, того, кажному изъ казнѣ полагается пара лошадей и корова, тридцать рубликовъ на обиходы и по пятнадцать десятинъ земли пахатной, бери гдѣ хочешь. Вотъ, значитъ, ты и долженъ понять, съ торжествующею улыбкой заключилъ старикъ.—А попусту вякать не слѣдъ, укоризненно добавилъ онъ.—Потому тебѣ-то можетъ и тутъ хорошо жить, вотъ ты и мудришь, а намъ-то ужь не вмоготу... Народушко, видишь, ужо совсѣмъ выбился изъ силъ-мочи: отруби палецъ, и кровь не капнетъ! Такъ-то старичекъ почтенный...

— Чтò и говорить! хоромъ подтвердили близь стоявшіе мужики. — Здѣсь жить никакъ нельзя! Потому земля у насъ малая, земля наша черезполосная, навозить ее неурочно, а безъ навоза она не родитъ.

— Да вотъ къ примѣру сказать, саркастически выкрикивалъ молодой малый,—за мною считается шесть десятинъ, а она въ девятнадцати кускахъ! Прямо надо говорить, вся моя земля въ трутъ разбита, по всему бѣлу-свѣту поразметана; тутъ загонъ, а за двѣнадцать верстъ другой... А иной загонъ такой что его и пахать нельзя, соха-то хоть и пройдетъ, а борона-то ужо по чужой бороздѣ елозитъ!

— Нонче побираться куда выгоднѣе чѣмъ работать. Право слово... Мнѣ, Тимоѳей Ильичъ... Кунацкій... можъ знаешь Пронюшкиныхъ. Ну, онъ мнѣ хвалился вчерась: лучше этого рукомесла я, говоритъ, и не привидывалъ!..

Нѣкоторые принужденно засмѣялись, переглянувшись другъ съ другомъ.

— И это худо-бѣдно, сказывалъ мнѣ Тимоша, если за недѣлю я добуду восемь серебра... а то выпадетъ времечко что я и по четырнадцати рубликовъ набирывалъ. Да прямо съ ними домой и бѣгу рысякомъ, да вотъ какую питру заведу со своею старухой, куды дѣться! Тутъ у насъ и водочка, и ветчинка съ огурчикомъ, и булочки пашаничныя, все даже какъ и должно. Покубыряемся себѣ такъ-то денька три-четыре, да и опять въ походъ. А пойдико-сь наймись, попробуй, такъ дороже пяти рублей на мѣсяцъ никто и не дастъ. Ну, съ какой же неволи пойду я мориться да свои плечи вихлять на чужой работѣ? А тутъ-то я воленъ себѣ, хочу хожу, хочу на лавочкѣ сижу. И не будь въ моемъ мѣшечкѣ одной дырочки, я бы и вашу-то деревню всю бы прокормилъ своимъ хлѣбушкомъ, даромъ что я не присѣваю. А то жалится, Богъ-то мнѣ дастъ денежку, а чертъ-то подъ нею сверлитъ дырочку! Съ этого-то, объясняетъ, въ моемъ мѣшечку ничего и не держится.

— Оказія да и только, что̀ подѣлалось, хоть бы и съ этимъ Тимохою! раздумчивато промолвилъ кунацкій староста.—Вѣдь пока ихній дворъ не дѣлился, они у насъ были первые жители, а теперь Тимохѣ и сумочки своей повѣсить негдѣ, лаптишекъ и тѣхъ некуда бросить на печку посушить осеннимъ дѣломъ.

— А кто ему виноватъ! грубо переспросилъ Савелъ, рыжій мужикъ славившійся по селу какъ прибаутникъ.— Все это отъ его же дуровъ приключилося. Я даже самъ видѣлъ какъ онъ эти „катышки" раздѣлывалъ. И вѣрь Богу, въ то воскресеніе онъ бы и послѣднія картошки пропилъ да, спасибо, баба его ему ходу не дала.

— Ну, это же какъ могло случиться? съ нѣкоторымъ удивленіемъ освѣдомилось нѣсколько бородъ.

— Опять же черезъ нашу Аринушку, пояснилъ Савелъ ухмыляясь.— Она какъ-то вымотнулась изъ-за угла и оглядѣла эту оказію. Заразъ подбѣжала она къ ихней хатѣ и крикнула въ дверь: „кума Ѳедориха, миленькая же ты моя бабочка, а вѣдь муженекъ-то твой похоже не съ проста ума въ погребицу полѣзъ. Вѣдь у него и мѣшокъ подъ мышкою зажматъ, во-о какой здоровенецій, туда похоже и сатану можно засадить... Чуть ли онъ на отдѣлъ хочетъ тебя оголодить да пропить послѣднія картошки. Пьянищій, пьянищій полѣзъ онъ туда и бурчитъ что-то..." Ѳедорихѣ некогда приступочекъ искать, прямо и сигнула съ печки на земь. Подкралась изъ навѣса къ погребицѣ, перегнулась туда потихонечку черезъ лазъ и вытащила

изъ дыры лѣсенку наружу. А тамъ попросила тетку Арину, да и притащили волокомъ борону и накрыли той-то бороною лазъ, прямо клевцами книзу наладили. А сверху еще накатили улей пустой да два колеса телѣжныхъ. Я даже, признаться, изнарочно остановился поглядѣть на это патишествіе. Прямо надо говорить: и смѣхъ, и горе! И откуда только такая мудрость берется у нашихъ бабъ, удивленіе! А Тимоха-то мой съ пьяныхъ глазъ ничего этого и не видитъ, сидитъ къ нимъ спиною и набираетъ себѣ картошечки въ мѣшокъ.

— Ну, а бабы его и окутали тѣмъ временемъ, сочувственно посмѣивались слушатели.

— Да такъ и окутали, нехотя подтвердилъ разкащикъ.— Бѣдный мужикъ что ни что дѣлалъ, даже и честью у нихъ просился наружу, и то никакъ бабъ не обманетъ. А потомъ, конечно, онъ и ругаться взялся. А баба и себѣ стала его путрить непріятными словами. Да еще вдобавокъ взяла да середь бороны и усѣлась на соломѣ и съ хворостиною даже. Ильинычъ взялся было въ нее картошками пошвыривать, опять же таки толку не нашелъ! Потому что картошка попадетъ по боронѣ и отскочитъ отъ клевцовъ на обратное, ему же и расквасить носъ до крови. Вѣдь чистыя бѣды, да и только. А тамъ видитъ, старуха-то его ужо и на всю ночь обночлежилась. Тожь, натащила себѣ соломы на борону, да и легла на бочекъ какъ и должно. И чуть мало что, прямо стебаетъ хворостиною на-отмашь!..

Съ плохо скрываемымъ одобреніемъ мужики покатывались со смѣха и нахваливали бабью премудрость.

— Чтожь, Тимоха-то и взаправду переночевалъ въ той-то ямѣ! допытывались ребята.

— Да такъ и переночевалъ! сурово подтверждалъ Савелъ надъ которымъ, какъ то многимъ было извѣстно, и его баба не разъ „уродничала“ такимъ же манеромъ.—Послѣ-то, какъ счелся съ дѣлами, добавилъ онъ,— и Тимоха взялся свою бабу одабривать что она взумѣла его остепенить. И съ того времени онъ себѣ окрѣпился и одумался, цѣлую недѣлю даже и водочки не пилъ: умылся себѣ и виски себѣ причесалъ даже... А потомъ того, его опять какъ-то растревожили виномъ, онъ и закурилъ хуже прежняго.

— Да, да! не безъ уваженія замѣтилъ Зычъ,—вчера и онъ былъ тутъ .. Тожь „записывался“ въ Моисейскую губернію и денегъ подалъ пятерикъ. Пойду, сказывалъ, на широкія

земли, а тутъ мнѣ жить не при чемъ... Хай ее дѣтки возьмутъ и жизть эту!..

II.

Помимо Зыча, по селу Долгому, у Шугая имѣлись и другіе „подлокотники“ которые такъ или иначе состояли участниками въ дѣлѣ выселенія въ Моисейскую губернію. Такимъ былъ и Андрюшка-Бурдастый, здоровый верзило, давно отбившійся отъ рукъ и бродившій по разнымъ Варнополямъ, Бердянкамъ, Таганрогамъ, гдѣ по его розказнямъ онъ на день бралъ по семь съ полтиною, но откуда онъ всегда возвращался разутый и раздѣтый и нерѣдко по этапу.

Окруженный непролазною толпой, онъ и теперь ораторствовалъ вблизи шинка.

Давно наторѣвшій въ зубоскальствѣ, онъ обладалъ и своего рода краснорѣчіемъ. Къ тому же онъ давно постигъ психологію толпы и зналъ когда что̀ и какъ сказать, а слѣдовательно и могъ верховодить толпою и направлять ея ужасную стихійную силу по своему желанію. Въ этого рода искусствѣ онъ убѣдился во время извѣстнаго „жидотрепанія“ въ Одессѣ, въ уличныхъ безпорядкахъ въ Балтѣ, при разгромѣ Юзовскаго завода по случаю холеры, и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, куда онъ шлялся въ чаяніи легкой и скорой наживы. И во всѣхъ этихъ случаяхъ именно онъ, Бурдастый, являлся коноводомъ толпы, да и на самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ право почитаться за выразителя и за представителя уличной толпы, что̀ по существу своему состоитъ изъ отбросовъ городскаго и сельскаго населенія. Всегда растерзанный, теперь Андрюха принарядился въ новую ситцевую рубаху, еще гремѣвшую на немъ своими твердыми складками, и въ картузѣ со сверкающимъ козырькомъ, не говоря уже о новыхъ сапоѓахъ „съ бутылками“ и со сборками, какъ въ перепелиной дудкѣ. Все это, какъ говорили, ему пожертвовалъ Шугай за то что Бурдастый „гонитъ свое дѣло подъ орѣхъ, за то что Андрюха ужь оченно хорошо обиваетъ дурь съ добрыхъ людей.“ Именно благодаря такимъ краснобаямъ Шугай по селу Долгому, а другіе „живоглоты“ по другимъ сосѣднимъ селеніямъ и могли, разыгрывая роль благодѣтелей, „обирать денежки“ съ безчисленнаго множества желающихъ записаться на сходцы.

Но помимо поживы, дѣятельность Бурдастаго доставляла ему и душевную отраду. Какъ малый не глупый и очень наблю-

дательный, онъ не могъ не видѣть того довѣрія и того жаднаго вниманія съ какимъ разинувши ротъ слушала его, потеряннаго забулдыгу, эта черная сплошная масса бородатыхъ и хозяйственныхъ мужиковъ, и все это вниманіе весьма льстило его самолюбію. Вотъ почему онъ съ такою глубокою ненавистію смотрѣлъ на своего неподатливаго опонента, все того же „Дроняевскаго сталовѣра“ который, шатаясь отъ одной толпы къ другой, повсюду посѣвалъ сѣмена сомнѣнія и разнорѣчія, наконецъ и съ нимъ занялся.

Непріятно блѣдное, безбородое и безусое лицо Андрюхи теперь казалось зеленымъ и подергивалось мелкими судорогами, ноздри его расширились, а бѣлесоватые глаза тускло засвѣтились бѣшенствомъ.

— Да за чтò же такъ, продолжалъ разсуждать Конъ, топыря передъ собою большіе коричневые пальцы, очевидно, на всѣ лады старавшійся уяснить себѣ вопросъ столь для него интересный и важный, — за чтò такъ разомъ открылась мужикамъ такая милость великая? Чтò такое хорошее мы съ тобою сдѣлали? А? за чтò намъ взялись даромъ пихать въ руки: и деньги, и коровъ, и лошадей, и землю даромъ даютъ? Чтò именно приключилось на бѣломъ свѣтѣ?.. Ей же Богу, мудрено что-то!

— Да толкушка же ты безпонятная! перебилъ его хмельный Андрюха, — али ты не слышишь? Тебѣ же сказываютъ что отъ вышняго начальства бумага пришла чтобы, то-есть, безпримѣнно идти туда, на забранныя земли. А не хочешь добромъ, силомъ погонятъ. Потому здѣсь ужо жить нельзя никакимъ манеромъ. Народушко даже сильно пріумножился и климантъ перемѣнился, съ того и земелька перестала у насъ рожать!

— Какъ это народушко пріумножился? насмѣшливо переспросилъ Конъ. — А по нашему заколотку даже и хлѣба убирать некому? Къ примѣру чтò и уродилъ Господь, и то на земь сыпется. Какіе были, и тѣ поразбѣглись, только что въ косы ударили по всѣмъ экономіямъ, да и отъ нашего брата мужичковъ, отъ хлѣбныхъ мужиковъ, всѣ работники поразошлись! Харчи, дескать, не хороши! Хозяинъ денегъ не платитъ!.. Эту басню, какъ водится, они въ первую голову притачиваютъ. За твою же хлѣбъ-соль онъ же тебя и страмитъ и безславитъ, у тебя же деньги забралъ, кругомъ тебя разорилъ, обманулъ, а на тебя же вину кладетъ! Ну, чтò тутъ прикажешь дѣлать, говорилъ хозяйственный старикъ въ крайнемъ недоумѣніи, хлопая руками о полы свиты... — Вѣдь теперь ужо и бабы не найдешь въ работницы, хлѣба спечь

некому изъ готовой мучицы. Побираться ходятъ хороводомъ, а въ работницы не идутъ, ей же Богу правда! завѣрялъ старовѣръ.—По нашей округѣ прикащики бѣгаютъ, бѣгаютъ верхами, да на бѣговыхъ дрожкахъ, за народомъ, нѣту ни косарей, нѣтъ ни вязальщицъ, словно ихъ мгла поѣла, прости Господи! Народа даже и совсѣмъ нѣту. А ужь объ мастеровыхъ и толковать нечего... Сапоги чинить и то въ городъ бѣги, потому у насъ по деревнямъ нѣту ни сапожника, ни столяра, ни кузнеца, ни садовника, прямо таки нѣту никого, хоть изъ-за моря выписывай, либо въ губернію ѣзжай за ними.

— Видать, другъ, что ты обаполо господъ дурь околачиваешь, вотъ ты и наводишь эдакую стрылябію! грубо захохоталъ Бурдастый...—Ишь, онъ что̀ знаетъ... народу ему мало! Да ты, умная голова, пріѣзжай по нашему Крутому, да глянь на Верхорадскіе дворы... Такъ тамъ въ семи дворахъ девяносто человѣкъ ребятишекъ, едва выговорилъ Андрюха, хватаясь за животики.—А ему все мало! Вотъ, слѣдовательно, нашей земли имъ и на квасъ не хватитъ, не только что на хлѣбъ. А, конечно, вамъ, міроѣдамъ, что̀ большими присѣвами завелися, да господишкамъ или попамъ и тутъ хорошо жить. Зачѣмъ вамъ въ Моисейскую идти?.. Съ того-то и вы, и духовные насъ и задерживаете тута для своей прибыли. Потому что безъ насъ вамъ будетъ плохо.

— Андрюха, не бреши! за самой спиной оратора неожиданно раздался повелительный и какой-то неестественно могучій басъ, отъ котораго, казалось, земля вздрогнула подъ его подошвами. И тотчасъ же надъ толпою вознеслася исполинская фигура мѣстнаго попомаря Амфитеатрова съ жестяною купелью на плечѣ и съ узломъ въ рукахъ, гдѣ лежали ризы, книги и другія принадлежности для требы. Лишь на краткій мигъ онъ спѣшилъ зайти въ шинокъ по огородамъ, сокративъ дорогу въ сосѣднюю деревушку, куда священникъ уже уѣхалъ на крестины.—Ну, другъ, насмѣшливо добавилъ пономарь, широко осклабившись,—ты поешь хорошо, только жаль что не въ клѣткѣ сидишь. А похоже тебѣ и этого не миновать, потому что попосту народъ разстраивать не слѣдуетъ... И коли, Андрюха, не хочется тебѣ работать, да земельку пахать, ты бы занялся инымъ дѣломъ. А то ишь онъ вскружился, да взбѣгался, словно третьячка у которой въ хвостѣ завелся „бѣгунъ-волосъ“ [1]). Да

[1]) По увѣренію народа нѣкоторые лошади и особенно матки по третьему году, третьячки, имѣютъ особый волосъ который производитъ зудъ: желая спастись отъ коего, онѣ бѣгутъ иногда за сто верстъ все по прямому направленію.

и духовныхъ ты понапрасну дергаешь! Вѣдь мы не виноваты что ты разсырничалъ болѣе тридцати десятинъ земли по своей владѣнной записи... А теперь-то, конечно, у васъ на шесть братьевъ двѣ десятины осталось. Картохъ и тѣхъ посадить негдѣ. Ты, дружокъ, хоть и иди отсюдаго съ Богомъ, отъ тебя словно отъ козла никому пользы нѣтъ... А духовнымъ еще и лучше будетъ, коли такіе сойдутъ. Потому что народу хоть и поменѣетъ, а доходъ будетъ тотъ же и хлопотъ меньше. Ну, какая, спросить, съ тебя прибыль хотя бы и нашему приходу? Когда вашъ дворъ не дѣлился, вы жили хорошо и даже душокъ имѣли. Отъ васъ духовенству шла и новинка, и птичка, и копѣечка, все какъ и должно. А теперь изъ вашего двора стало шесть дворовъ, и никто копѣечки не подаетъ, а хлѣбушка и у самихъ нѣту! Напримѣръ, идешь вмѣстѣ съ попомъ Христа славить, али на престольный праздничекъ, а не то такъ съ крестомъ, никто отъ вашихъ новыхъ дворовъ и зернушка не вынесетъ. Да и сами вы въ церковь не ходите! А твой младшій братъ Кирюха даже и совсѣмъ позабылъ Бога. Попъ хочетъ его сызнова перекрещивать. Я какъ-то взялся его усовѣщевать: „Кирюха, батюшка обижается что ты въ церкву не ходишь!“ а онъ прямо и задалъ меня съ головою: „нешто, спрашиваетъ, завтра церкву будутъ ломать?“ Къ тому же вы и хатки такія нагородили что въ ней нельзя ни стать, ни сѣсть. Намеднись батюшка вошелъ къ Мишуткѣ Савонину съ иконами, да на попу ризы и загорѣлися. А все потому что повернуться негдѣ. Все это отъ вашего дѣлежа происходитъ, бабамъ своимъ подражаете! Двѣ невѣстки одной печки не подѣлятъ, строй, кричатъ, особливую хату! У насъ, вишь, двѣ махотки (кринки) столкнулись въ печкѣ!..

И пономарь такъ смѣшно искривилъ свое обширное бородатое лицо, представляя не въ мѣру строптивую юную невѣстку, что всѣ невольно расхохотались.

— Вотъ, слѣдовательно, Андрюша, ты и скажи мнѣ, къ чему нуженъ ты господамъ у которыхъ ты никогда не работалъ, или бы нашимъ духовнымъ? Ну, спросить тебя: что̀ ты на храмъ Божій подаешь? Или дьячку за причастный стихъ что кладешь на тарелочку? Либо денежку эдакую съ ноготокъ, либо трехкопѣечникъ съ тарелку ростомъ: еще царство Сибирское на ней выбито и даже съ конями... Ну, что̀ ты прикажешь съ нею дѣлать? Нешто кто ногу сломаетъ, такъ ею кости растирать хорошо, благо что чистой мѣди, добавилъ пономарь и вошелъ во вновь открытое заведеніе при общемъ грохотѣ толпы.

Неожиданное вмѣшательство Амфитеатрова, какъ говорится, весьма понизило акціи Андрюшкины. А вскорѣ затѣмъ его авторитету былъ нанесенъ и окончательный ударъ. Желая похвалиться познаніями которыя, благодаря его обученію въ сельской школѣ, онъ почерпнулъ „изъ печатованной книжки", онъ какъ-то сболтнулъ что „тамъ" вѣчная зима и такіе снѣга что люди ѣздятъ на собакахъ. И извѣстіе это одинаково переполошило какъ тѣхъ что̀ оставались по домамъ, такъ и собиравшихся на сходцы. А потому разомъ поднялся невообразимый шумъ и гамъ, среди коего по адресу Андрюшки слышались самая отборная ругня и злыя насмѣшки. Новымъ настроеніемъ толпы особенно старалась воспользоваться сѣрая достаточно засаленная и потрепанная казинетовая поддевка, еще и ранѣе досаждавшая Бурдастому своими замѣчаніями, слишкомъ уже консервативными. То былъ одинъ изъ мѣстныхъ шинкарей державшій также красную и черную лавочки, мѣщанинъ сосѣдняго города Баклушкинъ.

Не желая выпускать изъ села „сvово покупателя", онъ всячески тормозилъ переселенческій вопросъ, при чемъ даже и умышленно ронялъ Бурдастаго въ глазахъ его почитателей.

Пользуясь негодованіемъ публики, Баклушкинъ и со своей стороны принялся яростно насѣдать на своего противника.

— Теперича, пронзительно выкрикивалъ онъ, размахивая руками и обращаясь то къ тому, то къ другому,—кажется всякому видно что онъ человѣкъ невиріятный и что онъ ужо изо всѣхъ резонтовъ вышелъ!

— Вѣстимо брешетъ! шумѣла толпа,—похоже и во всемъ онъ такъ-то людей морочитъ.

Видя что въ народѣ все болѣе проникаетъ недовольство Бурдастымъ, Баклушкинъ торжествовалъ. Это было замѣтно и по хищной улыбочкѣ его зеленоватыхъ глазъ, и по его особенному поглаживанію бѣлесоватой жиденькой бородки. Человѣкъ онъ былъ далеко не глупый, но чрезмѣрно корыстный. Деньги для него составляли цѣль жизни. Да и степень его уваженія людей опредѣлялась степенью ихъ богатства или бѣдности. И знавшіе Баклушкина еще издали могли бы узнать кѣмъ онъ повстрѣчался на улицѣ, глядя на то какъ высо онъ приподнималъ свой обширный ваточный картузъ. Такъ, л дямъ очень достаточнымъ онъ его срывалъ быстро и по вс можности выше, при чемъ и самъ изгибался въ петелечку. наоборотъ, при видѣ бѣдняка онъ какъ-то особенно откид вался назадъ, выпячивалъ впередъ свою дѣтскую грудь и ш

зрительно, такъ сказать „подбородкомъ", смотрѣлъ на своего собесѣдника. Словомъ, въ окрестности никто лучше Баклушкина не зналъ семейныхъ и особенно денежныхъ обстоятельствъ всѣхъ и каждаго. Потому-то, завидя подходившаго къ нему „дронявскаго сталовѣра богача", Баклушкинъ очень высоко сорвалъ свой картузъ, пригнулся къ землѣ и даже выбѣжалъ ему навстрѣчу, протянувъ руку словно подъ благословеніе. На все это дроняевскій богачъ отвѣтилъ милостивою улыбкою, слегка приподнявъ свою шапку-скворешницу и шумно прикрылъ протянутую руку своею мозолистою коричневою ладонью.

— Здоровьеце ваше? любезно освѣдомился торгашъ.

— Благодаримъ покорнѣйше! отвѣтствовалъ тотъ, запахивая свиту.—Я сюда изнарочно пріѣхалъ глянуть, да и послушать, чтò такое тутъ дѣлается? и правда ли все это? Потому и меня беретъ охота въ Моисейскую губернію ѣхать, добавилъ онъ не то въ шутку, не то и взаправду.

— И чтò вы, батюшка! съ изумленіемъ воскликнулъ торгашъ, всплеснувъ руками.—Вѣдь это, извините меня пожалуйста, только одни шалыганы туды собираются, то-есть, малодушные люди... А хорошихъ людей когда и по суду туды ссылаютъ, такъ и то они норовятъ вернуться...

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ. Я хочу идти туды, твердилъ Конъ.—Вотъ уберусь съ хлѣбомъ, все пораспродамъ, да и поѣду. Тутъ даже и баба моя... тожь себѣ увязалась, потому сама-то она родомъ изъ села Долгаго...

— Какъ, и Аксинья Матвѣвна туда? невѣря своимъ ушамъ переспросилъ Баклушкинъ, хорошо знавшій что независимо отъ „богачества" мужа и Аксинья Матвѣвна была тысячница и наслѣдница отца, очень извѣстнаго однодворца, бывшаго даже и членомъ уѣздной управы. Къ тому же онъ зналъ что старуха уже нѣсколько лѣтъ никуда не ходитъ и даже въ церковь не ѣздитъ, такъ какъ боится что ее обокрадутъ. А потому она постоянно лежала на своемъ крашеномъ сундукѣ прикрытомъ войлокомъ и подушками.

— И она тутъ! удостовѣрилъ его Конъ.—Сейчасъ она у .чихи сидитъ чай пьетъ...

Еще не разъ Баклушкинъ, и теперь уже вмѣстѣ съ мѣст-ми ретроградами, пытался остепенить и отговорить сходцевъ .таваться на родныхъ мѣстахъ, но общій шумъ и гамъ иновились лишь еще громче, ожесточеннѣе, по временамъ эеходили въ личную перебранку.

Но какъ ни отговаривали добрые люди долговскихъ и сосѣднихъ мужиковъ не ходить „туда“, однако значительная половина села поднялась на сходцы, безо всякаго сожалѣнія бросая свои поистинѣ прекрасныя мѣста. А глядя на нихъ, словно большіе верхи застоявшіеся въ весеннее половодье, туда же стали надуваться, а потомъ и идти сосѣднія села и деревни. И наконецъ переселенческая лихорадка стала быстро охватывать и всю округу.

Но болѣе всего она усилилась послѣ того какъ и Дроняевскій старовѣръ, самъ богачъ Конъ, вмѣстѣ со своею женой, Аксиньей Матвѣевной, и со всѣмъ своимъ родомъ-племенемъ тоже тронулся въ Моисейскую губернію. Послѣ этого ни Баклушкину, ни другимъ мѣстнымъ ретроградамъ не было возможности останавливать спѣшившихъ на сходцы, утверждая что будто бы туда идетъ народъ малодушный, одна бѣднота и босота.

— Ну, а Конъ Дроняевскій, тоже отъ бѣдноты, что ли, идетъ туда? насмѣшливо освѣдомлялись въ такомъ случаѣ у спорщиковъ и какъ-то торжественно ухмылялись.

Вѣдь и дѣйствительно Конъ не имѣвшій никакихъ долговъ могъ назваться человѣкомъ прямо-таки богатымъ. Помимо 200 десятинъ дворянской земли въ одномъ особнякѣ, онъ имѣлъ водяную мельницу, фруктовый садъ, много овецъ, лошадей и всякаго рода „продовольствіе“. Къ тому же и онъ и жена имѣли и порядочныя деньги.

III.

Раннимъ весеннимъ утромъ громадный обозъ переселенцевъ со скрипомъ сталъ вытягиваться изъ села Долгаго, за околицею котораго на обширной паринѣ подходившей къ выгону онъ и отаборился. Лошадей хотя и не выпрягли, но всетаки задали имъ корма. Въ виду долгой остановки въ разныхъ мѣстахъ развели и огни надъ коими высоко и красиво поднимался кудрявый дымъ. Народъ повсюду запестрѣлся. Среди невѣроятнаго шума и гама особенно выдѣлялся закатистый плачъ и крикъ дѣтей, число которыхъ поистинѣ было поразительно. Безчисленное множество будокъ обшитыхъ холстомъ и рядниною, концы коихъ свѣшивались и торжественно вѣяли по вѣтру, забѣлѣвшись на значительномъ пространствѣ, разомъ со-

общили этой мирной простой окрестности какой-то странный видъ. Казалось что то лагерь крестоносцевъ ведомыхъ какимъ-либо Вальтеромъ Голякомъ, или другимъ фанатикомъ извѣстной мысли, расположился по пути своего слѣдованія въ землю обѣтованную, куда сердца и этихъ русскихъ крестоносцевъ рвались не менѣе пламенно.

И какъ бы въ довершеніе этого сходства на становище показалась и духовная процесія сверкавшая золотыми ризами. Съ красными развѣвающимися хоругвями и съ образами она вышла изъ церкви неподалеку стоявшей середь выгона. Въ виду особенной важности событія службу отправляли возможно торжественнѣе. При молебствіи присутствовало рѣшительно все село. По окончаніи службы престарѣлый сѣденькій священникъ почти всѣхъ отцовъ семейства одѣлилъ образками съ изображеніемъ св. угодника во имя коего былъ созданъ храмъ. Благословляя крестомъ этотъ рой тружениковъ отлетавшій теперь изъ роднаго улья, онъ увѣщевалъ ихъ и въ далекой сторонѣ блюсти вѣру отцовъ своихъ и быть добрыми христіанами.

Послѣ этого вся масса народа направилась на погостъ прощаться съ родителями, то-есть, вообще со всѣми покойниками своего рода-племени. И трудно себѣ представить то потрясающее впечатлѣніе какимъ охватился народъ не только навсегда уходившій изъ своего роднаго села, но и остававшійся дома. Отжившіе старцы, юноши, бабы, дѣти и старухи съ воплями безконечнаго отчаянія всплескивали руками и падали на землю. Многіе терзали свои волосы и заводили голосъ, выкрикивая душу разрывающія причитанія, и ѣли землю съ могилъ. Подъ воздѣйствіемъ этого душевнаго восторга вся толпа подхватила и тоже „завела голоса“ и по покойникамъ, и по живымъ друзьямъ и родственникамъ, съ коими предстояла тоже вѣчная разлука.

И такимъ образомъ „прощаніе“ сходцевъ вышло дѣйствительно торжественнымъ. Повсюду обнимались, плакали, кланялись другъ другу „большимъ поклономъ“ и цѣловались. Послѣ „земнаго поклона“ родителямъ, родной землѣ и всему міру-народу, обозъ пошелъ въ дорогу, оглашая окрестность шумомъ и крикомъ, и плачемъ дѣтей.

Неожиданный выходъ такого множества людей не замедлилъ отразиться на обширной окрестности. Разомъ и во многихъ хозяйствахъ обнаружился самый пагубный недостатокъ не только въ рабочихъ рукахъ и въ мастеровыхъ, но даже и

дѣтяхъ-подросткахъ столь необходимыхъ на бакшахъ, въ садахъ и въ огородахъ, гдѣ они постоянно пололи, сажали разные овощи и выполняли множество мелкихъ работъ и дававшихъ имъ и ихъ семьямъ порядочныя деньги. Къ тому же и оставшіеся дома видимо не хотѣли ходить на заработки. Они съ какимъ-то презрительнымъ озлобленіемъ смотрѣли на прикащиковъ и разнаго рода людей посланныхъ изъ сосѣднихъ экономій за косарями и вязальщиками и вообще за „народомъ". Еще недавно покорные, усердные и довольные рабочіе теперь стали заносчиво отказываться отъ работъ и спокойно „сидѣли дома".

Несмотря на развалъ рабочей поры, когда по выраженію хозяйственныхъ людей „одинъ день годъ кормитъ" человѣка, многіе „парадемшись" ходили по селу, или спали себѣ въ холодкѣ подъ ракитами вблизи своихъ дворовъ, поигрывали на гармоніи и попивали водочку. Словомъ, повсюду, казалось, наступило блаженное времечко какого-то безконечнаго свѣтлаго праздника и то благорастворение воздуха, при которомъ не требовались никакія заботы о грозящей зимѣ, ни вообще заботы о будущемъ. И глядя на этотъ избытокъ веселія и довольства, невольно думалось что сказочная добрая фея высыпала свой чудный рогъ изобилія именно надъ этою мѣстностью.

И здѣсь, конечно, всего удивительнѣе было то что само населеніе столь быстро шедшее къ добровольному нищенству было проникнуто непоколебимою увѣренностью что это еще только цвѣточки ихъ законнаго счастія, а само блаженство должно для нихъ наступить съ текущею весной, когда наконецъ-то придутъ отъ „туда" ихъ ходоки съ полною кошницей самыхъ вѣрныхъ и отрадныхъ новостей касательно вольной земли. Вѣдь стоитъ только „записаться" у Шугая въ селѣ Долгомъ, или у Мотыля въ селѣ Стручахъ, и счастіе навсегда обезпечено; сейчасъ же „выходитъ бумага", а тамъ нарѣзается особнякъ безъ числа и безъ мѣры луговъ и лѣса, помимо пятнадцати десятинъ земли на каждую душу. Проѣздъ „туда" конечно даровой, податей нѣтъ, солдатчины нѣтъ, а на пути въ трехъ городахъ всякому домохозяину отпускается по 30 рублей на подмогу и т. д. Ну, стоитъ ли въ виду этого идти на работу и получать по полтинѣ бабѣ, или по одному рублю на день косарю? Стоитъ ли особенно торговаться, продавая землю, хату, лошадей, коровъ, гусей и другіе разные пустяки? Какъ дешево ни продавай, а всетаки вырученныхъ за нихъ денегъ хватитъ до весны. А большаго для „сходцевъ" и не требуется.

Въ виду этого масса будущихъ переселенцевъ буквально за ничто по возможности скорѣе принялась продавать все свое имущество, а затѣмъ немедленно пропивать всю эту выручку въ веселой компаніи. А рядомъ съ этимъ искусственнымъ обнищаніемъ крестьянъ шло быстрое разореніе и тѣхъ обширныхъ помѣщичьихъ экономій кои издавна служили мѣстомъ крупныхъ и постоянныхъ заработковъ для мѣстнаго населенія.

Масса полей осталась не убранными и даже не обсѣянными. О безчисленныхъ болѣе мелкихъ убыткахъ и разореніяхъ и говорить нечего.

И вдругъ по окрестности прошелъ слухъ что „сходцы ворочаются домой“, что ворочаются они потому что „тамъ жить нельзя“... И мигомъ вся декорація перемѣнилась. Общее веселіе смѣнилось горемъ, смѣхъ слезами, радужныя надежды неописуемымъ отчаяніемъ. Люди еще вчера не только отказывались идти на работу, но и глумившіеся надъ посланцами и ихъ хозяевами сами побѣжали искать хоть какой-нибудь работы и въ виду скорой зимы стали наниматься въ какую-угодно должность и за всякую цѣну. Многіе принялись даже трунить сами надъ собою, но и это веселіе было наигранное. Очевидно и они были подавлены смущеніемъ и какимъ-то особеннымъ стыдомъ который какъ бы мѣшалъ имъ глядѣть прямо въ глаза болѣе благоразумной части кореннаго населенія, что̀ по прежнему продолжала сидѣть у моря и ждать погоды.

Сходцы дѣйствительно возвратились. На ригѣ у помѣщика села Долгаго во время обѣденнаго отдыха о нихъ разказываютъ „страсти“. Мужики мрачно ихъ слушаютъ и странно смѣются. Главная разкащица шустрая бабенка Аксинья Коростелиха.

— Милыя жь вы мои бабочки! И не чаяли же мы и на Русь выдраться. И что̀ только мы бѣды-горя видѣли черезъ эту Моисейскую губернію, и не выговоришь. А ужь особливо какъ мы поѣхали весною съ аржаными сухарями, такъ съ тѣми же сухарями и домой вернулися осенью. Чисто всѣ зубы постерли ими... Да и пить ихнюю воду нельзя, чужая вода сердита, сейчасъ за животъ ухватитъ... Ѣхали, ѣхали мы туда по машинѣ, даже меня одурь взяла. Въ пасажиркѣ-то хорошо сидѣть, а вѣдь насъ запихнули въ товарные по 50 человѣкъ. Ну, и нельзя тебѣ ни встать, ни лечь. Чистыя бѣды. Сперва-то показалося ничего себѣ... и деревни по сторонамъ видать, и храмы Божіи... а то ужо все это стало прекращаться и от-

ходить вонъ куда... А тамъ ужо и совсѣмъ не стало видно церквей, а пошелъ дремучій лѣсъ и престрашенный. Однако этого еще ничего!.. И мы все еще себѣ сидимъ тихо-смирно. Глядь, машина сперва пристановилась, а тамъ и пошла куда-то подъ землю... Горы, вишь, какія-то подошли чтò проти Сибири стоятъ. А кума Өедориха подскочила къ двери, глянула туды-сюды да и заголосила... „Пропали мы, кричитъ, ужо и неба не стало видно!“ Тутъ насъ ужасть и побила. Какъ взгалдѣлися наши бабы, словно индюшки, да и давай мужиковъ за бороды ловить... Такъ вòтъ, кричатъ, куда вы насъ завели. Стало быть намъ на бѣломъ свѣтѣ мѣста не хватило, такъ вы насъ подъ землю живыхъ тащите. Хвалиться нечего, и я тоже раза съ два отвернула свово по скуламъ, добавила Аксютка и разомъ задумалась.

— Ну, ты-то съ чего бунтовать взялась? Съ какихъ крайностевъ? насмѣшливо вмѣшался мрачный малый, до обѣда оправлявшій солому на ометѣ.

— А съ такихъ крайностевъ, азартно вскрикнула Аксютка,—что не смѣй моихъ нарядовъ продавать. ...А то вишь какіе взбушкались не вѣсть куда идти, да и разорили своихъ бабъ на отдѣлъ... Двѣ коровы было, продали, три сундука нарядовъ было, продали, хату то же самое, задурно пошла, земельку позагнали въ чужія руки, въ аренду... Зеленя Господь уродилъ, по семь рублей за десятину замочили, а теперь нѣтъ ничего. Зима подходитъ, изволь радоваться, ни хатки нѣту тебѣ, ни хлѣба, и всѣ мы разуты и раздѣты... а вѣдь насъ семья одиннадцать душъ!.. Вотъ за это и отвернула... Да васъ, проклятыхъ, еще и не такъ надо бить... Коли бы вы не пьянствовали, да не лодарничали, и тутъ бы жили хорошо... А то ишь они какіе, норовятъ сами отъ себя убѣчь!.. Господами хотѣли подѣлаться. Не пойдемъ на поденщину! Мы сами такъ-то будемъ жить... да еще и лучше... Тамъ изъ десятаго пирога, готовый хлѣбушко достаютъ изъ печи...

— Это васъ, неудальныхъ, бить надо! хохоталъ малый.— Черезъ васъ, черезъ бабъ, только народъ даромъ взбулгачился!.. Съ половины дороги вернулись, а Моисейскую губернію клянутъ!.. Эхъ вы, страмницы, и немножечко и недоѣхали. А тамъ, сказываютъ, и есть самый рай... Тутъ умереть, а тамъ отжить!.. Съ весны мы всѣмъ дворомъ пойдемъ... потому здѣсь жить не при чемъ...

— Пойди, пойди! Тогда увидишь рай! расхохоталась пьстрая бабенка.—Поумнѣе тебя были и то толковъ не дали...

Туды много идутъ, а оттуда и того болѣе... Только не всякій силу имѣетъ вернуться на родимую сторонку... Много, много нашего брата кое-гдѣ остается, да и гаснетъ... А все черезъ такихъ-то вотъ, какъ ты!.. Тоже умная голова обыскалася, тремъ свиньямъ корму не раздѣлитъ, а туды же законъ расписываетъ... Тамъ, ежели ты хочешь знать, ужо на собакахъ ѣздятъ!.. И люди ихніе сатанѣ приклоняются. Прямо подхватитъ стегно баранье, да совсѣмъ сырое и чавкаетъ себѣ на доброе здоровьеце... Опять же и комарь крещеному человѣку ходу не даетъ... Тамъ этого комаря несусвѣтная сила! Прямо изъ хаты не дастъ тебѣ выдти. А сперва осмолился дегтемъ, коли угодно. Прямо смазываютъ другъ дружку и нахоливаютъ помазками... Окунетъ квачъ въ боченокъ съ дегтемъ, да и подавай морду себѣ перекрашивать, даже и руки по самые локти вымажетъ дегтемъ... Да такъ и ходятъ въ родѣ антихристовъ... Коли хочешь, Алдоха, и ты къ нимъ пристань.

— Ну что, Васютка, и ваши вернулись? спрашивали мужики высокаго испитаго малаго въ казинетовой поддевченкѣ и въ новыхъ онучкахъ.

— Пришли! подтвердилъ Васютка.—Потому тамъ жить никакими средствами нельзя. Мы-то хоть и не доѣхали... А все одно тамошніе говорятъ... оттуда вертаются и тѣ что̀ лѣтъ по шесть тамъ прожили... Нельзя, сказываютъ, жить... Хлѣбушко родится урочливо: когда много, когда нѣтъ ничего. Земля холодная, зимы лютыя безмѣрно. Вотъ ты и пойми... А что нѣкоторые прочіе нахваливаютъ Моисейскую губернію, это одна брехня... Мы съ хохломъ ворочалися оттуда, онъ намъ тоже эту басню разказывалъ. Стало быть зять его (богатый былъ казакъ съ Полтавской губерніи) взялъ тоже да и ушелъ туда. Продалъ земельку, садикъ, отару овецъ, пчелъ цѣльную пасѣку и уѣхалъ съ женою и съ дѣтьми... Потомъ, того, и пишетъ: такъ и такъ, батюшко, иди къ намъ... Все свое жительство продавай, а сюда какъ ни можно переѣзжай скорѣе... Разъ отписалъ, въ другой и въ третій. Хохолъ мой и задумался. Стало быть, думаетъ, и въ самомъ дѣлѣ тамъ хорошо. Поѣду, говоритъ, туда. Только продавать онъ ничего не сталъ, а взялъ да и поѣхалъ туда налегкѣ, только посмотрѣть, какъ и что... Пріѣхалъ... Нашелъ то село, гдѣ его зятекъ обнаслѣдился, спрашиваетъ: „Гдѣ тутъ усадьба Гаврилы Романыча Студенцова". Никто не знаетъ. „У насъ, отвѣчаютъ, такого и нѣту совсѣмъ." „Какъ такъ?" „Да такъ, говорятъ, нѣту и не было"! Да спасибо старикъ какой

то встрялъ, да и молвитъ: „охъ, не Басамыгу ли нашего это ищутъ? Вѣдь его тоже Гаврикомъ зовутъ...“ Онъ-то его и направилъ куды надо; во онъ куда за село, въ лѣсъ, на большую поляну... Приходитъ мой хохолъ, видитъ дымъ поднимается изъ оврага. Похоже кто-то огонь палитъ. Онъ туда смотритъ и глазамъ не вѣритъ: въ оврагѣ печура выкопана, а проти печуры костеръ горитъ, и его зятечекъ одинъ одинешенекъ сидитъ, руки на огню грѣетъ. Смотритъ на тестя и хохочетъ... Ну, что, батюшка, плохо, скажешь, я живу? Небось и у тебя нѣту такой просторной хоромины. Оврагъ этотъ именно что преотличный, только и осталось что его запотолочить, а стѣны ужь давно готовы. Тутъ хохолъ и ударился о земь. Да ты, отвѣчаетъ, писалъ что у тебя табуны коней и гурты коровъ ходятъ... И то, батюшка, чистая правда... Вонъ погляди... и коровы ходятъ, и кони, потому я ужь давно состою пастухомъ... только чужіе гурты стерегу. Ну, тутъ-то онъ и покаялся что все это онъ нарочно писалъ, думалъ „поровнять“ съ собою и своего тестя... А въ тожь число онъ надѣялся и на то что онъ можетъ и подмогнетъ ему оправиться... И онъ сказывалъ что по той сторонѣ многіе такъ дѣлаютъ...

IV.

Не мало лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ ушли „на сходцы“ переселенцы изъ села Долгаго вмѣстѣ съ Дроняевскимъ старовѣромъ и другими мѣстными богачами, и о нихъ носилась молва что они живутъ тамъ какъ въ царствѣ небесномъ. Конечно, у всѣхъ у нихъ дома вынесены во-о какіе, двухэтажные, крыты жестью, каждый о четырехъ трубахъ, у каждаго по сту головъ скота рогатаго, опричь лошадей, отъ пашаницы ломятся закрома, сѣновъ и топлива дѣвать некуды. И этого рода золотая сказка смущала душевное спокойствіе весьма многихъ обывателей обширной округи, такъ какъ всякому изъ нихъ хотѣлось скорѣе измѣнить суровую будничную обстановку своей жизни на болѣе легкую и пріятную. Каждый день и ночь мечталъ объ отрадѣ-прохладѣ. Но вотъ снова настала поздняя, непогожая осень съ ея зазимками, при которыхъ нельзя было и шага ступить со двора, такъ какъ ноябрь не любитъ ни колоса, ни полоза. Снѣжная метель смѣнялась

проливнымъ дождемъ, дождь крупами и невыносимо рѣзкимъ вѣтромъ жалобно и злобно голосившимъ въ каждую щель жилья.

Въ ожиданіи наступающаго престольнаго праздника Долговскіе мужики хлопотали „обаполо дворовъ“ или сидѣли кучками и толковали все о той же Моисейской губерніи и о такихъ счастливцахъ какъ богачъ Конъ и его товарищи давно уже обрѣтшіе счастіе жизни, благодаря своему уму и рѣшимости.

— Да, съ весны мы пойдемъ туда же въ Моисейскую губернію! рѣшительно заявляли многіе степенные бородатые мужики, покуривая трубочки и все съ большимъ любопытствомъ всматриваясь въ нищенку, что уже давно тащилася серединою сельской улицы, едва, едва вытаскивая свои разбитые лаптишки изъ глубокой грязи перемѣшанной со снѣгомъ. Изможденное тѣло ея, казалось, совсѣмъ лишилося силъ и еслибы не длинная клюка на которую она опиралась, старуха давно бы упала подъ яростнымъ напоромъ леденящаго вѣтра что трепалъ всѣ ея лохмотья, разные лоскуточки замѣнявшіе ей одежду. Мертвенно желтое и маленькое лицо ея одновременно выражало и крайнюю степень физическихъ страданій, и какойто дѣтскій душевный восторгъ. Казалось, она сама не вѣрила своимъ глазамъ что не далеко отъ нея, середи просторнаго выгона, дѣйствительно высится бѣлокаменный храмъ села Долгаго. Судорожно всплеснула она своими худенькими руками и роняя восторженныя слезы упала на колѣна прямо въ грязь среди улицы. Она принялась широко креститься и бить земные поклоны на золотой крестъ церкви.

Глядя на странную нищенку, недоумѣвающій народъ отовсюду сталъ сходиться къ ней и окружилъ ее густою толпой.

— Что это ты по грязи валяешься? спросилъ ее Иванъ Селедкинъ, какъ-то особенно всматриваясь въ старушенку.— Пойдемъ, мать моя, въ хату, обогрѣйся у меня и осушись. Да откелева тебя Богъ несетъ и чья ты будешь?

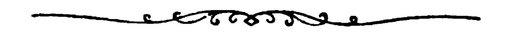
— Охъ, батюшка ты мой Иванъ Вахрамѣевичъ, отозвалась нищенка,—много благодарны мы за твои рѣчи... Вѣдь я жена Кона Дроняевскаго... сама я и есть богачиха-тысячница. А черезъ тебя, Вахрамѣичъ, я и пропадаю теперя... Послушалися мы твоихъ рѣчей про Моисейскую губернію. Да съ того и погубили свои души. Недаромъ пословица говорится что отъ добра добра не ищутъ. И чего намъ было отъ Бога желать? Нѣтъ, давай еще того больше. Вотъ и прогнѣвили нашего Создателя милосерднаго. По дѣламъ нашимъ, именно что по

нашимъ дѣламъ праведно караетъ Онъ насъ грѣшниковъ, и залившись слезами старуха пала головою на руки погрязшія въ холодной грязи и судорожно билась своимъ изможденнымъ тѣломъ едва прикрытымъ лохмотьями.

Толпа словно окаменѣла отъ этой неожиданной встрѣчи. Бабы, всплеснувъ руками, качали головами, а мужики съ недоумѣніемъ переглядывались между собою. Задніе, не вѣря своимъ ушамъ, все болѣе напирали и вытягивали шеи чтобы хоть однимъ глазкомъ глянуть на „богачиху сталовѣрку“. Народъ, все болѣе тѣснясь вокругъ поднявшейся Аксиньи Матвѣвны, тронулся вслѣдъ за нею, направляясь ко двору Зыча.

Многіе были замѣтно смущены и шли молча, понуря головы. Но были и такіе чтò смѣялись надъ этими бабьими сказками и громко кричали что съ весны и они безпримѣнно пойдутъ въ Моисейскую губернію!

Ростиславъ Марковъ.

ГОРБУНЪ

РАЗКАЗЪ ИЗЪ РИМСКОЙ ЖИЗНИ

Антона Андреа.

Да, да, у дяди Магно была своя забота! Положимъ, его часовой магазинъ на Навонской площади шелъ недурно, его оба сына были добрые парни и самъ онъ еще крѣпко стоялъ на ногахъ, а всетаки... для покойной, счастливой старости ему недоставало многаго. По праву и обычаю дѣло когда-нибудь должно было перейти къ старшему сыну, а старшимъ къ несчастію приходился Марко Горбатый. Самъ по себѣ онъ былъ бы ничего: голова свѣтлая, характеръ, несмотря на вспыльчивость, обходительный, сердце самое нѣжное, особенно къ младшему брату Арриго, но никакой усидчивости, никакихъ способностей къ часовому мастерству! Онъ готовъ былъ болтаться цѣлый Божій день, бродить по виллѣ Боргезе или по садамъ Памфили, особенно когда зацвѣтутъ анемоны, и читать старыя книги. Этимъ способомъ онъ научился узнавать цвѣты и растенія и набилъ себѣ голову стихами великаго поэта Торквато, портретъ котораго онъ видѣлъ у монаховъ монастыря св. Онуфрія.

Нерѣдко всѣ сосѣди сходились на Навонскую площадь и слушали его какъ настоящаго декламатора. Онъ говорилъ имъ наизусть удивительныя вещи изъ „Освобожденнаго Іерусалима" о благочестивомъ крестоносцѣ Готфридѣ, о рыцарѣ Танкредѣ и прекрасной амазонкѣ Клориндѣ, о прелестной чаровницѣ Армидѣ и горячемъ бойцѣ Роландѣ. Дядя Магно только головою качалъ на это:

— Голодное искусство!

Тогда Марко принялся за работу; онъ сталъ работать въ саду монастырской братіи. Конечно, на тяжелый трудъ онъ не

годился со своимъ искалѣченнымъ тѣльцемъ, но всетаки зарабатывалъ кое-какую поденную плату которой хватало на его личныя нужды.

— Жаль! говорили сосѣди.—Теперь онъ сдѣлался садовникомъ. Ему бы лучше быть настоящимъ „recitatore" (декламаторомъ); на то ему Господь Богъ далъ и память и языкъ.

Правою рукой часовщика былъ его второй сынъ, Арриго, красавецъ юноша, прямой и стройный какъ пальма, и съ такимъ смуглымъ и прекраснымъ лицомъ что всѣ дѣвушки въ околоткѣ съ ума сходили по немъ. Но у этого была своя загвоздка: онъ слылъ „чудакомъ", потому что избѣгалъ женщинъ и относился гораздо участливѣе къ старымъ часамъ чѣмъ къ молодымъ дѣвушкамъ наводнявшимъ лавку.

— Вотъ что̀, сынокъ, озабоченно говорилъ ему дядя Магно: — пока ты мнѣ не приведешь въ домъ жены которая держала бы въ порядкѣ весь хламъ, какъ это дѣлала твоя покойная мать, до тѣхъ поръ я не успокоюсь.

— Что ты не возьмешь въ помощники Марко? усмѣхаясь отвѣчалъ юноша.—Тотъ тебѣ живо приведетъ жену: онъ каждый день влюбляется въ другую, не говоря уже обо всѣхъ красавицахъ которыми кишитъ его „Іерусалимъ". Мнѣ не надо жены. По мнѣ всѣ онѣ глупы и пусты.

Этотъ разговоръ происходилъ въ одно воскресенье послѣ обѣда. Арриго поправилъ бантъ своего голубаго галстука и покрѣпче перевязалъ свой пестрый сорентинскій поясъ, концы котораго задорно выглядывали изъ-подъ его короткой куртки. Онъ сговорился съ нѣсколькими товарищами идти играть въ шары близь крѣпости св. Ангела.

Его горбатый братъ ковылялъ по комнатѣ, живо размахивая руками; широкое лѣтнее платье болталось на немъ какъ на вѣшалкѣ. Въ немъ прекрасный полъ находилъ самаго горячаго защитника. Онъ боготворилъ красоту въ какомъ бы видѣ ни встрѣчалъ ее: онъ преклонялся передъ мадонной церкви Santa Maria del Trastevere, передъ Венерой Капитолійской, передъ красавицей Армидой въ заколдованномъ саду своего возлюбленнаго Торквато и... передъ смуглою Филомелой тамъ, на Яникулѣ, съ которой онъ видался ежедневно по дорогѣ въ монастырь св. Онуфрія.

Два года тому назадъ онъ увидалъ ее въ первый разъ подъ фиговымъ деревомъ у стѣны ея хижины. Она держала на колѣнахъ маленькаго козленка, мать котораго тутъ же щипала траву. Въ то время Филомела ходила еще въ короткой юбочкѣ,

босикомъ, и въ своей безсознательной невинности смѣло выставляла плечики изъ-подъ ворота бѣлой шитой сорочки.

Онъ заговорилъ съ ней, но козленокъ занималъ ее больше чѣмъ онъ, и она не дала ему отвѣта. Однако, когда онъ хотѣлъ уже идти дальше, она остановила его.

— Мальчикъ! Посмотри на моего козленка! Не правда ли, какая прелесть?

Она назвала его „мальчикомъ“, а онъ былъ уже молодымъ человѣкомъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ, дѣвочка?

Дѣвочка?! Вотъ попался-то онъ! Не выпуская козленка изъ рукъ, она вскочила и стала рядомъ съ нимъ чтобы показать ему что она цѣлою головой выше его.

— Когда поспѣютъ маслины, мнѣ минетъ четырнадцать лѣтъ. Мама въ мои годы была уже замужемъ. Мнѣ она велитъ подождать до пятнадцати, или даже до шестнадцати лѣтъ, но дальше ни одного дня! А ты? Сколько тебѣ лѣтъ, мальчикъ?

— Я уже не мальчикъ; я только пересталъ расти изъ-за горба.

— Быть не можетъ! Ты шутишь?

— Право нѣтъ, мнѣ въ Антоніевъ день минуло двадцать три года. У меня есть братъ на полтора года моложе меня.

— Такой же маленькій?

— Что ты! Гораздо выше тебя.

Она, не смущаясь, смотрѣла на него своими блестящими глазами и, наконецъ, разсудительно проговорила:

— Нѣкоторые люди растутъ до двадцати пяти лѣтъ. Это мнѣ сказала бабушка. Матерь Божія! Чего чего она не знаетъ?! Ты бы только послушалъ: она говоритъ что горбатаго надо постучать по горбу, что это приноситъ счастіе. Можно?

И она дотронулась до него своими смуглыми пальчиками, въ то время какъ козленокъ барахтался у нея на другой рукѣ.

Марко зналъ это повѣріе и приходилъ въ бѣшенство когда это дѣлали чужіе люди; одного мальчишку онъ чуть не задушилъ изъ-за этого, но это ласковое, прелестное дитя! Ему казалось что ея прикосновеніе будетъ ему благословеніемъ.

— Ты идешь со мною? спросилъ Арриго брата.

Горбатый схватился за шляпу.

— Да, если тебѣ не непріятно. Только до желѣзнаго моста! Я хотѣлъ заглянуть на старуху Кекку: ее, бѣднягу, опять прихватилъ ревматизмъ.

Арриго пристально посмотрѣлъ на брата.

чувства собственнаго достоинства, можно было бы возстановить прежнія отношенія. Въ этомъ случаѣ большую изобрѣтательность проявилъ Гремиславскій: онъ подозвалъ къ себѣ проходившаго мимо мальчишку-разнощика съ крыжовникомъ. Прежде чѣмъ приступить къ покупкѣ, онъ принялся разспрашивать мальчишку какой онъ губерніи, есть ли у него отецъ съ матерью, чѣмъ они въ деревнѣ занимаются и проч. Очевидно Гремиславскій вызывалъ большое уваженіе къ своей особѣ, такъ какъ малолѣтній торгашъ своимъ крѣпкимъ владимірскимъ говоромъ покорно отвѣчалъ на всѣ праздные вопросы. Удовлетворивъ свое любопытство, баринъ, наконецъ, купилъ фунтъ ягодъ за четыре копѣйки. Получивъ съ пятачка копѣйку сдачи, онъ показалъ мальчишкѣ на сидѣвшато въ отдаленіи Борзова и сказалъ:

— Ступай вонъ къ тому барину и скажи что у тебя крыжовникъ очень хорошъ, что я его хвалилъ... Понимаешь?.. Онъ охотникъ до ягодъ, онъ у тебя сейчасъ купитъ. Скажи что я твой крыжовникъ очень похвалилъ.

Мальчишка внимательно его выслушалъ, поднялъ лотокъ на голову и зашагалъ къ Борзову. Гремиславскій выбиралъ изъ свертка по ягодкѣ и искоса поглядывалъ то на своего врага, то на разнощика который остановился передъ Борзовымъ и, широко улыбаясь, бойко произнесъ:

— Кружовникъ, господинъ, очення хорошъ!

— Чтò? строго насупливая брови, спросилъ его тотъ.

Мальчишка немного оробѣлъ и заговорилъ въ болѣе умѣренномъ тонѣ:

— Меня, вонъ, тотъ баринъ послалъ; „скажи, говоритъ, что я у тебя кружовникъ хорошій купилъ“.

Борзовъ метнулъ взоромъ въ сторону своего врага съ самымъ невиннымъ видомъ высасывавшаго изъ ягодъ сердцевину и выплевывавшаго кожуру, потомъ съ прежнею строгостью обратился къ мальчишкѣ:

— Почемъ?

— Какъ съ нихъ бралъ четыре копѣйки, такъ все одно и съ васъ.

— Свѣшай мнѣ одинъ фунтъ, продолжая смотрѣть въ сторону Гремиславскаго, сказалъ Борзовъ.

Мальчишка опустилъ лотокъ на скамейку, вытащилъ сзади изъ-за кушака бумажный мѣшокъ и отвѣсилъ фунтъ ягодъ; покупатель досталъ изъ жилетнаго кармана пятачекъ, отдалъ его торговцу и гордо сказалъ:

— Сдачи не надо!

— Спасибо, сказалъ мальчишка, взялъ лотокъ и ушелъ.

Оба „подснѣжника“ медленно ѣли крыжовникъ, исподтишка посматривали другъ на друга, но ни одинъ не трогался съ мѣста. Когда ягодъ было съѣдено ужь больше половины, Гремиславскій пріостановился, почавкалъ что-то губами, съ трудомъ поднялся на ноги, нерѣшительно потоптался около скамейки и, наконецъ, тихо поплелся по тому направленію гдѣ сидѣлъ Борзовъ. Тотъ все время наблюдалъ за его движеніями, но показать этого не хотѣлъ и наклонился надъ мѣшкомъ съ ягодами. Когда изъ-подъ опущеннаго козырька фуражки онъ увидалъ что знакомыя ноги уже были противъ него, старикъ точно невзначай поднялъ голову и, какъ ни въ чемъ не бывало, обратился къ Гремиславскому:

— А вѣдь крыжовничекъ-то хорошъ!

— Удивительный! протянулъ тотъ и сейчасъ же опустился рядомъ съ недавнимъ врагомъ на скамейку.—Совершенно подобенъ синему винограду... Жалѣю что не купилъ еще.

— Отъ него вреда нѣтъ, не глядя на собесѣдника и высасывая ягоду за ягодой, говорилъ Борзовъ,—его можно много... Вотъ малина тяжела... Отъ малиноваго зерна несвареніе бываетъ...

Произошло минутное молчаніе; оба чувствовали взаимную неловкость и продолжали ѣсть крыжовникъ; первымъ началъ Борзовъ:

— Въ Бесарабіи много винограду, да при насъ еще зеленый былъ; а въ Венгріи поспѣлъ, да мы до него не дошли... За то сливы мы тогда очень много съѣли.

— А крыжовнику у нихъ нѣтъ?

— Не помню. У покойницы Клеопатры, какъ ее по батюшкѣ-то?

— Вы про которую?

— Ну, вотъ, про которую!.. Вы должны ее помнить, она еще дочь несчастливо выдала за почтамскаго, рыжій такой...

— О-о! Это вы про Клеопатру Семеновну, про Пороконцеву?

— Такъ вотъ у ней въ саду росъ крыжовникъ заграничный... Ну, право, съ хорошую сливу ростомъ будетъ и весь въ иголкахъ, точно ежъ!.. Ха... ха... ха!..

— Ха, ха, ха! разсмѣялся и Гремиславскій забавному сравненію.—Ежъ!.. Какъ же его ѣсть, этого ежа-то?

— Нельзя ѣсть, весь ротъ изъязвить; онъ только для по-

тѣхи существовалъ... Она бывало шутитъ: „Не хотите ли крыжовничку?“ А онъ весь какъ ежъ!.. Ха, ха, ха!

Посмѣялись еще и доѣли ягоды.

— Вы не замѣчаете что нынче какъ будто паритъ? началъ Гремиславскій.—Какъ бы гроза не собралась...

— Не будетъ, поднявъ голову кверху и посмотрѣвъ на небо, авторитетно отвѣтилъ Борзовъ.—Передъ грозою у меня всегда въ ногѣ ломъ стоитъ.

— И я не зря говорю, и у меня тоже лѣвую ногу помазживаетъ.

— Ну, ваша нога и моя большая разница! горделиво возразилъ Борзовъ. — Моя нога прострѣленная, она всякую перемѣну чувствуетъ.

— Стрѣленная-то она дѣйствительно должна чувствовать, подтвердилъ Гремиславскій, стараясь быть благоразумнымъ и не раздражать своего собесѣдника противорѣчіями.

— А кромѣ того у меня еще колъ, не безъ достоинства замѣтилъ Борзовъ.

— Что̀ вы говорите? не разслышавъ его, спросилъ Гремиславскій.

— Колъ, говорю, у меня въ поясницѣ стоитъ, вразумительно отвѣтилъ Борзовъ.—Давно ужь онъ, послѣ похода засѣлъ.... Онъ все смирно сидитъ, а чуть что̀, сейчасъ даетъ себя знать!

— Я это знаю, согласился Гремиславскій,—у меня у самого былъ такой колъ, да мнѣ его лекарь Иванъ Ѳедоровичъ банками вывелъ...

— Ну, моего вывесть нельзя, не то съ грустью, не то съ гордостью промолвилъ Борзовъ,—моего кола клещами не вытянешь.

Наступило короткое молчаніе; Гремиславскій, словоохотливый больше своего собесѣдника, торопливо подыскивалъ въ умѣ новую тему для пріятельской бесѣды и, наконецъ, придавъ предварительно своему лицу умильное выраженіе, произнесъ:

— Не знаю, гдѣ бы мнѣ найти эту книжку...

— Какую?

— Заглавія-то я не помню, только очень хорошая книжка.. Матерія идетъ объ одной мусульманской дѣвицѣ... не помню какъ ее зовутъ, имя мудреное... Ужь очень хорошо описанъ Кавказъ, сраженія тамъ, геройства всякія...

— Не знаю этой книжки. Я про военное много читалъ.. У меня дивная была книга „Походы Суворова“, я ее кажды-

день читалъ... Пропала куда-то, никакъ найти не могу. Должно-быть укралъ кто-нибудь.

— Великій былъ Суворовъ полководецъ! съ чувствомъ произнесъ Гремиславскій.

— Объ этомъ не вамъ судить...

— Почему же? съ сдержанною обидчивостью произнесъ тотъ.—Героевъ своего отечества всякій обязанъ уважать. Я патріотъ, всѣхъ героевъ уважаю. Вотъ, напримѣръ, былъ Сперанскій...

— Кто-о-о? презрительно сморщивъ лицо, протянулъ Борзовъ.

— Сперанскій, изобразитель Свода законовъ, вразумительнымъ тономъ пояснилъ Гремиславскій.

— Подъячій! отрѣзалъ Борзовъ.

Гремиславскій безпокойно повернулся на скамейкѣ, нервно откашлялся и въ значительно повышенномъ тонѣ, что̀ у него служило несомнѣннымъ признакомъ раздраженія, возразилъ:

— Не подъячій, а министръ, государственный мужъ, свѣтильникъ мудрости, украшеніе...

— Мало ли ихъ было, чернильныхъ кутейниковъ! фыркнувъ, перебилъ тотъ.

— Что̀ такое за глупое слово кутейники, уже приближаясь къ писку, возгласилъ Гремиславскій.—Существуютъ люди изъ духовнаго званія... Я самъ...

— Бросьте, бросьте! слегка помахивая рукой, перебилъ Борзовъ.—Отъ этого разговора добра не ждать.

Гремиславскій, стараясь заглушить поднимавшееся въ немъ волненіе, усиленно пыхтѣлъ нѣсколько времени и, наконецъ, съ передышками произнесъ:

— Изо всего можно исторію сдѣлать... ежели задѣвать уважаемыя сословія...

— Я военный человѣкъ, горячо заговорилъ Борзовъ,—я не могу генералисимуса Александра Васильевича ставить на одну доску съ приказной строкой.

Гремиславскій опять сдѣлалъ безпокойное движеніе, опять опыхтѣлъ, но благоразуміе взяло верхъ, и онъ отъ возраженій удержался, но въ собесѣдникѣ его видимо зашевелился червякъ раздражительности и придирчивости. Съ трясущеюся головой, съ подпрыгивающею нижнею челюстью онъ продолжалъ вызывающимъ тономъ заступаться за Суворова и приписывать ему такія дѣянія какихъ геніальный фельдмаршалъ никогда и не совершалъ.

— Суворовъ былъ гроза! молонья! отрывисто бросалъ онъ. — Орелъ.. Прилетѣлъ и растерзалъ!.. Онъ Бонапарта за виски отодралъ!.. Шелепами накормилъ!.. Пуля дура, штыкъ молодецъ!.. Выше облаковъ ходилъ!.. При самой императрицѣ пѣтухомъ пѣлъ!.. Гофъ-кригс-рату въ рыло плюнулъ!..

Онъ закашлялся. Подъ напоромъ воинственныхъ, восторженныхъ рѣчей Гремиславскій притихъ и покорно ждалъ когда тотъ откашляется. Когда долгая процедура отхаркиканія кончилась, и изъ старческой груди на дорожку бульвара вылетѣлъ большой кусокъ мокроты, Борзовъ нѣсколько времени тяжело дышалъ и потомъ тихимъ голосомъ прерывисто произнесъ:

— Меня нельзя растраивать... Какъ можно задѣвать?... Мнѣ отъ разстройства вредъ... Я за Суворова на ножи пойду!..

Гремиславскій должно быть почувствовалъ жалость къ задохшемуся старику и не только воздержался отъ возраженій, но поспѣшилъ успокоительнымъ тономъ произнесть:

— Да вѣдь я понимаю, какъ дорогъ для васъ Суворовъ...

— То-то! буркнулъ военный и обтеръ синимъ ситцевымъ платкомъ мокрые усы.

Посидѣли нѣсколько времени молча и мирно разошлись по домамъ съ тѣмъ чтобы, свершивъ послѣобѣденный отдыхъ, сойтись снова.

Прошло недѣли три хотя и не безъ стычекъ, но до ссоры не доходило. Столкновенія возникали главнымъ образомъ на почвѣ взаимнаго неразумѣнія и экскурсій въ невѣдомыя области знаній. Такъ, однажды Гремиславскій сообщилъ что слышалъ отъ какого-то хозяйскаго племянника будто изобрѣтены пушки изъ которыхъ будутъ стрѣлять посредствомъ электричества. Борзовъ не только отрицалъ возможность такой стрѣльбы, но и самое электричество почиталъ мошенническою выдумкой; онъ утверждалъ что стрѣлять можно только порохомъ и что всѣ плутовскія выдумки клонятся къ тому чтобы погубить Россію. Когда Гремиславскій въ отпоръ вздумалъ сказать что опыты надъ новымъ изобрѣтеніемъ дѣлались въ присутствіи какихъ-то нѣмецкихъ принцевъ и другихъ высокопоставленныхъ особъ, то Борзовъ пришелъ въ полное негодованіе и объявилъ что всѣ высокопоставленныя нѣмецкія особы жиды, и что если Гремиславскій будетъ распространять злонамѣренные слухи, такъ онъ его станетъ считать измѣнникомъ. Гремиславскій струсилъ и замолчалъ. Другой разъ онъ, разказывая какое-то происшествіе, упомянулъ имя своего знакомаго Роха Викентьевича. Борзовъ сейчасъ же его оборвалъ и объ-

явилъ что такого имени не существуетъ. Первый пробовалъ растолковать опоненту что у католиковъ есть св. Рохъ, но опонентъ не внималъ никакимъ доводамъ и увѣрялъ что этого знакомаго звали Прохоръ. Пререканія были готовы перейти въ ссору, но она была устранена благоразуміемъ Гремиславскаго, уступившаго упрямцу и согласившагося что Рохъ и Прохоръ одно и то же. Въ третій разъ яблокомъ раздора явился было страусъ. Почему эта почтенная птица взбрела на умъ Гремиславскому, неизвѣстно; но онъ съ увлеченіемъ принялся разказывать о качествахъ и образѣ жизни огромнаго пернатаго. Старый воинъ пресѣкъ повѣствованіе и объявилъ что страусы живутъ не въ пустыняхъ, а на крышахъ домовъ и что въ Бесарабіи онъ ихъ видѣлъ великое множество. Возникъ жесточайшій споръ съ пискомъ, кашлемъ, плеваніемъ, но кончился къ обоюдному удовольствію тѣмъ что видѣнные въ Бесарабіи страусы оказались аистами.

Однажды они въ послѣобѣденное время засѣдали на своей скамейкѣ. Борзовъ былъ задумчивъ и сосредоточенъ и задумчиво трубилъ губами; очевидно въ немъ шевелилась какая-то мысль. Довольно долгое молчаніе онъ прервалъ неожиданнымъ вопросомъ:

— До какихъ лѣтъ вѣнчаютъ?

— Кого? въ свою очередь спросилъ Гремиславскій.

— Кого, кого! передразнилъ тотъ. —Разумѣется, людей!..

— На что̀ это понадобилось знать?

— Это не ваше дѣло, вы отвѣтьте.

— Въ консисторіи знаютъ... Насъ съ вами, я думаю, ни одинъ попъ вѣнчать не станетъ!

Гремиславскій благодушно разсмѣялся, а Борзовъ насупился и опять затрубилъ. Послѣ небольшаго молчанія онъ искоса посмотрѣлъ на широкое лицо своего сосѣда и спросилъ:

— Вы не помните, сколько было лѣтъ Ильѣ Марковичу, когда онъ женился въ послѣдній разъ?

— Про котораго вы говорите?

— Про котораго, про котораго! опять раздраженно передразнилъ его Борзовъ.—Ну, Илья Марковичъ... Какъ вы не знаете?.. Онъ служилъ прежде въ этой... Какъ ее?.. Ну, чортъ съ ней совсѣмъ!.. Еще у его жены было шляпное заведеніе...

— Шляпное заведеніе? стараясь припомнить, переспросилъ Гремиславскій,—когда я жилъ въ домѣ Волкова, тамъ мадамъ Зоя шляпки дѣлала...

— Вовсе я васъ не про Зою спрашиваю!.. Удивляться

надо вашей памяти!.. Какъ вы это не помните Илью Маркыча? Сколько разъ вмѣстѣ бывали... у этого... Какъ его?.. Ну, у приказнаго... что ли?.. Въ думѣ онъ служилъ... Ахъ, какая у васъ память скверная!..

— Нѣтъ, я все довольно хорошо помню... началъ было Гремиславскій.

— Скверная, скверная память! рѣзко перебилъ его Борзовъ.—И какъ это вы съ такой памятью существуете?

Гремиславскій сейчасъ же обидчиво надулъ губы и хотѣлъ было что-то возразить, но тотъ продолжалъ:

— Вѣдь это курамъ на смѣхъ, забыть Илью Маркыча!.. Рябое рыло, въ зеленой шинели ходилъ...

— Рябое рыло въ зеленой шинели? громко воскликнулъ Гремиславскій.—Ну, такъ я вамъ скажу что сами-то вы ничего не помните, а еще другихъ язвите.

— Нельзя не язвить, когда вы...

— Да вы очувствуйтесь! горячо и съ достоинствомъ перебилъ его Гремиславскій.—Развѣ рябое рыло въ зеленой шинели Илья Маркычъ? Вѣдь это Василій Прохоровичъ!

— Ну, Маркычъ, Прохорычъ, чортъ ихъ возьми!.. Не все равно?.. не теряя достоинства и не желая смущаться, рѣзко возразилъ Борзовъ.—Я у васъ спрашиваю...

— Н-н-нѣтъ, извините! ехидно поджимая губы, опять перебилъ его Гремиславскій.—Вы меня за живое задѣли!.. Память мою поруганію предали!..

— Ну, что̀ тутъ удивительнаго?.. Ну, спуталъ... оправдывался Борзовъ.—И я путаю, и вы путаете... Теперь вы знаете о комъ я хотѣлъ сказать... Сколько лѣтъ было этому рябому Прохорычу, когда онъ послѣдній разъ женился?

Удовлетворенный его сознаніемъ, Гремиславскій погрозилъ ему пальцемъ и уже безгнѣвно произнесъ:

— Спорить то вы больно горячи!.. Вамъ угодно знать, когда Василій Прохорычъ женился на Матренѣ... Или ее не Матреной звали?.. Вру, вру? На Прасковьѣ!.. Нѣтъ, вѣрно, на Матренѣ, вотъ только какъ ее по отчеству-то?..

— Да мнѣ нѣтъ никакой надобности...

— Погодите, погодите, не мѣшайте!..

Гремиславскій, зажмуривъ глаза, шепотомъ перебиралъ пр себя разныя женскія имена, потомъ вдругъ воспрянулъ, дл чего-то хлопнулъ себя по ногѣ и торжественно объявилъ:

— Степанида Герасимовна! Вотъ какъ ее звали!..

— Да хоть бы чортомъ ее звали, мнѣ все равно! съ не

довольною гримасой перебилъ Борзовъ.— Я хочу знать сколько ему было лѣтъ?

— Старъ былъ, очень старъ!.. Еле ноги таскалъ... Я помню, какъ онъ тогда хлопоталъ, ко владыкѣ ѣздилъ.

— Ѣздилъ? насупивъ брови, спросилъ Борзовъ.—Къ самому владыкѣ?

— Къ самому. Іереемъ у насъ тогда былъ отецъ Минервинъ... Вру, вру, Минервинъ ушелъ на покой, священствовалъ тогда отецъ Конфидентовъ... Весельчакъ былъ!.. Вотъ это самое рябое рыло, Прохорычъ, явился къ нему, такъ и такъ... Батюшка сначала его къ зеркалу подвелъ, а потомъ говоритъ: „изыдите, вы одержимы бѣсами!" А Прохорычъ, не будь плохъ, кинулся къ владыкѣ, палъ ему въ ноги и вымолилъ.

— А всетаки онъ осчастливилъ эту Прасковью? задумчиво спросилъ Борзовъ.

— Степаниду Герасимовну, поправилъ его Гремиславскій.

— Все равно; я васъ спрашиваю, осчастливилъ онъ ее, или нѣтъ?

— Въ какомъ смыслѣ?

— Въ смыслѣ пенсіона.

— Это вѣрно. Онъ такъ и владыкѣ объяснилъ что изъ-за пенсіи женится. Владыка только и разрѣшилъ потому что пенсія, а то бы ни-ни! И Степаниду собой онъ не долго безпокоилъ, не больше мѣсяца съ ней прожилъ, собрался въ баню, шинель надѣлъ свою зеленую, вдругъ грохнулся...

— Ну, пускай его! брезгливо махнувъ рукою, сказалъ Борзовъ.—А пенсію Прасковья получила?

— Какъ же! Только, кажется, не полную... Да вамъ что̀ вздумалось про все это спрашивать?

Борзовъ зашевелилъ усами, меланхолически потрубилъ и глухо буркнулъ:

— Я самъ думаю въ бракъ вступить.

— Что̀ вы сказали? не вѣря своимъ ушамъ, спросилъ Гремиславскій.

— Жениться намѣренъ! уже громко и отважно выпалилъ тотъ.

— Кто намѣренъ? Ничего не понимая, продолжалъ спрашивать Гремиславскій.

Борзовъ безпокойно завозился, испустилъ губами короткій трубный звукъ и потомъ, нагнувшись къ уху сосѣда, вразумительно, отчеканивая каждое слово, произнесъ:

— Я намѣренъ вступить въ бракъ.

— Владыко милостивый! всплеснулъ руками и откачнувшись на спинку скамейки визгливо воскликнулъ Гремиславскій.—Не пришелъ ли конецъ свѣту?

Онъ разразился мелкимъ, разсыпистымъ смѣхомъ.

— Перестаньте! строго и серіозно замѣтилъ ему Борзовъ.—Тутъ смѣяться нечему!..

— Нельзя...не могу... удержаться!.. пищалъ Гремиславскій, отирая пальцами текущія отъ хохота слезы.—Ой, батюшки!.. Ой, родимые!.. Со мной что-нибудь сдѣлается!.. Ой, въ бока закололо!..

— Перестаньте! еще строже и рѣзче замѣтилъ ему Борзовъ.—Я съ вами разговариваю солидно, по-дружески.

Но тотъ захваченный припадкомъ хохота ничего не могъ сказать, а только пищалъ и тыкалъ пальцемъ по направленію къ лицу своего собесѣдника. Борзовъ гнѣвно сверкнулъ на него глазами, съ усиленною торопливостью поднялся на ноги и, стуча палкой о дорожку, хриплымъ, задыхающимся голосомъ крикнулъ:

— Замолчите!.. Цыцъ!.. Оскорбленія не потерплю!.. На барьеръ поставлю!..

Но Гремиславскій не понималъ ужаса этихъ словъ, съ хохотомъ и кашлемъ онъ махалъ на него руками и плаксиво повторялъ:

— Вотъ такъ женишокъ!.. Вотъ такъ молодой!..

Борзовъ съ негодованіемъ плюнулъ и, круто повернувшись, зашагалъ отъ него прочь такъ скоро, какъ только позволяли его слабыя ноги. Отойдя шаговъ съ десять, онъ остановился, обернулся къ продолжавшему хохотать Гремиславскому, поднялъ кверху палку и прокричалъ:

— Не смѣйте со мной больше кланяться!.. Кончено знакомство!..

Но Гремиславскій, повалившись въ изнеможеніи на скамейку, продолжалъ хохотать и вмѣсто словъ произносилъ визгливые звуки. Мимо проходила какая-то толстая женщина съ узломъ за плечами; она долго глядѣла на одержимаго припадкомъ хохота старика, сначала со страхомъ, потомъ съ недоумѣніемъ и, наконецъ, сама расхохоталась, причемъ ея большой животъ трепеталъ и подпрыгивалъ какъ резиновый мячъ.

Борзовъ возвращался домой страшно разстроенный. Онъ задыхался и бормоталъ про себя отрывочныя, несвязныя слова. Сойдя съ бульвара и повернувъ въ свой переулокъ, онъ нѣ-

сколько разъ останавливался, повертывался назадъ и грозилъ палкою уже невидимому врагу. Распаленный гнѣвомъ, онъ прошелъ мимо своего дома и замѣтилъ это только тогда, когда снова остановился чтобы погрозить палкою по направленію къ бульвару: это обстоятельство его до нѣкоторой степени отрезвило; онъ постоялъ на мѣстѣ, отдышался и уже болѣе степенною походкой направился къ своему обиталищу. Когда онъ проходилъ по двору, къ низенькому, покосившемуся крылечку, одностворчатая дверь обитая потрескавшеюся клеенкой предупредительно отворилась, и за ней показалась фигура младшей изъ хозяекъ. Жилецъ пристально посмотрѣлъ на нее исподлобья, что-то прошепталъ про себя и прошелъ въ свою комнату. Она была въ одно окно на которомъ стояло нѣсколько большихъ пузырьковъ съ разноцвѣтными жидкостями и рюмка. Единственнымъ украшеніемъ этой кельи служилъ криво повѣшенный на стѣнѣ небольшой, потемнѣвшій масляный портретъ безъ рамы изображавшій мущину съ очень длиннымъ лицомъ въ военномъ мундирѣ Павловскаго времени. Съ одной стороны довольно опрятная простая деревянная кровать, съ другой столъ на которомъ лежала потрепанная замасленная книга; сбоку отъ стола на стѣнѣ тикали дешевенькіе, засиженные мухами часы; передъ столомъ и у окна стояло два мягкихъ кресла очень старыхъ, изъ нихъ одно было обито зеленою клеенкой, а другое ситцемъ съ крупнымъ узоромъ. Въ одномъ углу надъ скважиной въ полу стояла открытая мышеловка уже нѣсколько мѣсяцевъ терпѣливо и тщетно ждавшая посѣщенія мыши.

Войдя въ свой апартаментъ Борзовъ бросилъ на кроватъ палку, подошелъ къ окну, взялъ дрожавшею рукой пузырекъ съ темно-красною жидкостью, осторожно налилъ полрюмки, выпилъ и не снимая фуражки опустился въ кресло. Онъ коротко, прерывисто дышалъ и долго сидѣлъ неподвижно, какъ истуканъ, смотря въ одну точку. Изъ этого положенія его вызвалъ легкій стукъ въ дверь. Не повертывая головы, онъ скосилъ глаза къ двери и отрывисто произнесъ:

— Можно.

Дверь немного пріотворилась, и въ нее просунулась голова второй сестры.

— Чайку не прикажите ли? У насъ самоваръ поданъ, съ умильною улыбкой проговорила она.

Борзовъ уставился на нее упорнымъ, тусклымъ взглядомъ и не мѣняя выраженія лица спросилъ:

— Съ чѣмъ?

— Сестрица Глашинька монпансе купила.

— Кислое? Продолжалъ по-прежнему глядѣть на нее и опять послѣ длинной паузы спросилъ онъ.

— Очень хорошее монпансе, даже рѣшительно всѣхъ сортовъ, съ дѣтскою восторженностью отвѣтила хозяйка.—Вамъ сюда подать прикажите или къ намъ пожалуете?

Онъ подумалъ, пощелкалъ нижнею челюстью и отрывисто, громко объявилъ:

— Иду самъ.

Онъ съ какимъ-то особеннымъ ухорствомъ всталъ на ноги, но сейчасъ же шатнулся въ сторону и чтобы не упасть долженъ былъ придержаться за столъ; найдя надлежащій балансъ, онъ двинулся впередъ. Хозяйка бѣжала впереди и съ восторгомъ возвѣщала сестрамъ:

— Сами идутъ, сами идутъ!

Встрѣченный хозяйками съ благоговѣйнымъ почетомъ и предупредительностью, онъ усѣлся въ большое кресло заботливо пододвинутое младшею сестрой, откинулся на спинку и съ серіознымъ, почти съ свирѣпымъ видомъ долго переводилъ глаза, то на какую-нибудь изъ хозяекъ, то на ярко вычищенный самоваръ, то на жестяную коробочку съ разноцвѣтнымъ монпансье, то на большую чашку съ жидкимъ чаемъ. Сестры сидѣли со скромно поджатыми губами и вопросительно поглядывали или на жильца, или одна на другую. Эта нѣмая сцена длилась довольно долго, наконецъ, Борзовъ набралъ въ себя духу, значительно крякнулъ, насупилъ брови и произнесъ:

— Опять разругался.

Всѣ три сестры, словно по командѣ, ахнули, всплеснули руками и застыли въ этомъ положеніи, точно съ нихъ снимали фотографію. Всѣ онѣ очень хорошо знали, о комъ шла рѣчь. Первая изъ своей позы вышла старшая сестра и, съ состраданіемъ смотря на жильца, мягко проговорила:

— И охота вамъ продолжать знакомство съ такимъ непріятнымъ господиномъ!.. Сколько вы черезъ нихъ имѣете себѣ разстройства.

— Ужь именно, что... поддержала вторая.

— У нихъ завсегда такой непріятный характеръ... добавила третья.

— Я больше съ нимъ не стану разговаривать и на бульваръ перестану ходить... Чортъ съ нимъ! рѣзко и раздражительно отвѣтилъ жилецъ.

Сестры заговорили:

— Конечно!.. Что вамъ за охота себя разстраивать...

— При вашемъ здоровьѣ...

— И при ихнемъ тяжеломъ характерѣ...

— Я съ нимъ завелъ серіозную матерію, перебилъ ихъ жилецъ, — я думалъ что онъ будетъ со мной разговаривать какъ слѣдуетъ... а онъ вдругъ меня на смѣхъ... Чортъ!..

Жилецъ злобно фыркнулъ, закорузлымъ ногтемъ дрожащаго пальца выковырнулъ изъ жестянки самую большую, окрашенную въ разные цвѣта конфекту и принялся ее сосать. Хозяйки съ умилительнымъ состраданіемъ смотрѣли какъ онъ переваливалъ ее языкомъ съ одной стороны на другую и чавкалъ губами. Когда для нихъ стало очевидно что процесъ сосанія приходитъ къ концу, старшая рѣшилась нарушить молчаніе и спросила:

— Какой же промежду васъ вышелъ разговоръ?

Борзовъ, прежде чѣмъ отвѣтить, крякнулъ, при чемъ получился звукъ подобный короткому бреху, недососанный тонкій кусокъ монпансье выскочилъ изо рта и упалъ на срединѣ стола. Сидѣвшая напротивъ младшая сестра сейчасъ же подцѣпила обсосокъ ложечкой и бросила въ полоскательную чашку.

— Я завелъ матерію объ жизни, серіозно со строгимъ лицомъ началъ жилецъ,—какъ долженъ поступить благородный человѣкъ... Говорю ему: „я имѣю за свои заслуги большую пенсію... и ежели меня пристигнетъ конецъ“...

— Что вы, что вы!.. Господи!.. Можно ли это?!. разомъ воскликнули сестры и по своему обычаю всплеснули руками.

Жилецъ видимо былъ доволенъ произведеннымъ имъ эфектомъ и съ горделивымъ достоинствомъ продолжалъ:

— Я человѣкъ военный, я слыхалъ какъ пули-то свистятъ!.. Ого-го!..

— Еще бы!... Какихъ страстей не навидались. Въ разныхъ земляхъ бывали! Всякихъ враговъ и супостатовъ видѣли!... вперебой проговорили сестры.

— Пуля меня не убила, а умирать когда-нибудь придется, въ прежнемъ тонѣ резонерствовалъ жилецъ, залѣзая ложкою въ блюдечко съ какимъ-то чернымъ вареньемъ покрытымъ сизымъ налетомъ.—Помру, и пенсія пропала... Что тутъ хорошаго?

Онъ остановился и переводилъ взглядъ съ одной сестры на другую, которыя въ свою очередь упорно смотрѣли на него; опять лизнулъ съ ложки варенья и продолжалъ:

— Я говорю что могу осчастливить... Какъ другіе!.. Помните этого... Рябаго?.. Ну, который въ зеленой шинели ходилъ?.. А?

Сестры пожали плечами и недоумѣвающе переглянулись.

Жилецъ подцѣпилъ еще на ложку варенья и опять заговорилъ непонятныя для его слушательницъ слова:

— Какое такое рябое рыло?.. Дуракъ!.. Шляпочница... Ну, была шляпочница Зоя, чтожь изъ этого!.. Матрена, Прасковья, все равно... Онъ осчастливилъ!.. У всякаго своя память... Хотите я сейчасъ могу разказать, какъ мы во Фраштахъ стояли?

Онъ откинулся назадъ и обвелъ слушательницъ побѣдоносным взглядомъ. Тѣ молчали. Онъ попыхтѣлъ, почавкалъ губами, потрубилъ и, протянувъ дрожащую руку къ жестянкѣ съ монпансье, принялся отковыривать пальцемъ слипшіяся конфекты. Младшая хозяйка поспѣшила оказать ему помощь и ножомъ отдѣлила нѣсколько штукъ. Борзовъ сопѣлъ и сосалъ нѣсколько времени молча, потомъ вдругъ ударилъ по столу рукою и возгласилъ:

— Какъ смѣла эта чернильница смѣяться надъ моимъ благородствомъ?

Хозяйки пришли въ движеніе, произнесли какія-то междометія, испустили нѣсколько вздоховъ, но заговорить не рѣшались и ждали пока жилецъ успокоится. Но Борзовъ продолжалъ пыхтѣть, трубить и грозно поводилъ очами; послѣ довольно продолжительнаго томительнаго молчанія, насупивъ брови, онъ спросилъ:

— Вы его помните?

— Кого-съ? почти одновременно спросили всѣ три сестры.

— Ну, вотъ этого... рябое рыло?

Сестры вопросительно переглянулись и слегка пожали плечами; старшая, Глафира, собралась кое-какъ съ духомъ и не смѣло спросила:

— Кто же они были, эти самые рябые-съ?

— Какъ, кто? строго произнесъ Борзовъ.—Приказный онъ былъ, служилъ гдѣ-то... Чортъ его знаетъ!.. Въ зеленой шинели ходилъ.

— Что же они сдѣлали-съ? отважилась спросить вторая сестра, Александра...

— Осчастливилъ Матрену... самую простую женщину... или Прасковью?.. Нѣтъ, Матрену!.. Шляпки потомъ она дѣлала...

— Скажите, какіе добродѣтельные! воскликнула Глафира.

— Чѣмъ же они ее такъ? спросила Анна.

— Всю пенсію ей передалъ.

— Вообразите!.. Ахъ!.. Вотъ ужь именная доброта!.. Какое счастье для простой женщины!.. Творецъ-заступа сиротамъ!.. Имъ Богъ за это заплатитъ!.. съ обычными всплескиваніями рукъ вперебой восторженно говорили сестры.

Борзовъ видимо начинавшій успокоиваться и проявлять нѣкоторое самообладаніе на послѣднюю рѣчь одной изъ хозяекъ замѣтилъ:

— Онъ померъ.

Благочестивыя сестры, словно по командѣ, разомъ перекрестились, и изъ ихъ устъ посыпались восклицанія:

— Ахъ, жалость!.. Царство небесное, мѣсто покойное!.. Этакій благородный господинъ!.. Божья воля!.. Какая рѣдкая доброта!.. Имъ на томъ свѣтѣ за все воздастся. Душенька ихняя теперь въ полномъ спокойствіи!..

Умилительное настроеніе хозяекъ почти совсѣмъ успокоило Борзова. Взглядъ его утратилъ свою свирѣпость, глаза сдѣлались уже и добродушно мигали, рука тряслась меньше, и онъ довольно свободно отправилъ въ ротъ три или четыре ложки варенья; потомъ взялъ чашку съ остывшимъ чаемъ, поднесъ ко рту, сдѣлалъ нѣсколько глотковъ и пролилъ при этомъ на свой сюртукъ не особенно много. Поставивъ чашку на блюдце, онъ отеръ рукою намоченные усы, тихонько потрубилъ, потомъ уставился тусклыми, ничего не выражающими глазами на среднюю сестру и долго глядѣлъ на нее. Александра не выдержала этого взгляда, скоро потупилась и почему-то покраснѣла. Борзовъ потрубилъ еще, посмотрѣлъ не долго, но упорно на младшую Анну и съ нѣкоторою торжественностью проговорилъ:

— Я то же думаю сдѣлать.

Сестры сначала озадачились, нѣсколько времени удивленно переглядывались, но потомъ нерѣшительно заговорили:

— Конечно, доброе дѣло... Это именно, что... Господь Батюшка видитъ... А ужь для души-то какъ хорошо!.. Благодѣтельность завсегда свыше взыскивается...

Борзовъ видимо размягчался, и подъ его опущенными усами шевельнулось что-то похожее на улыбку; глаза мирно прищурились; онъ допилъ чай и сказалъ:

— Теперь мнѣ только къ владыкѣ сходить...

Сестры посмотрѣли на него широко открытыми глазами, разинули рты и отъ недоумѣнія не проронили ни одного зву-

ка. А Борзовъ, ковыряя въ жестянкѣ монпасье, съ солиднымъ спокойствіемъ продолжалъ:

— Дабы испросить благословеніе...

У сестеръ глаза и рты раскрылись еще шире. А Борзовъ, переваливая языкомъ душисто-кислую конфекту, говорилъ дѣловымъ тономъ:

— Потому мои теперь такіе годы, попы вѣнчать не захотятъ..-

Сестры переглянулись уже почти съ ужасомъ, и ихъ поблѣднѣвшія лица вытянулись, чего жилецъ нисколько не замѣтилъ и въ томъ же тонѣ продолжалъ:

— И рябое рыло попъ прогналъ, а онъ шаркнулъ къ владыкѣ... Тотъ попамъ носъ-то и утеръ!.. Ха, ха, ха!..

Слушательницы его, затаивъ дыханіе, сидѣли неподвижно. Борзовъ опять уставился на среднюю сестру, съ особенною удалью громко что-то протрубилъ и твердо отчетливо сказалъ ей:

— Вотъ вы и выходите за меня замужъ!

Гроза разразившаяся на чистомъ безоблачномъ небѣ не такъ ошеломила Макбета, какъ эта фраза трехъ сестеръ: средняя сначала вскрикнула такъ, словно ее кольнули ножомъ, потомъ сейчасъ же залилась слезами и выскочила въ другую комнату; старшая и меньшая не то ахнули, не то взвизгнули, опрометью послѣдовали за ней и захлопнули за собой двери. Виновникъ этого чрезвычайнаго эфекта остался на мѣстѣ. Какъ имъ было истолковано это бѣгство, не извѣстно, но наружно онъ былъ спокоенъ, трубилъ, ѣлъ варенье и иногда поглядывалъ на затворенную дверь сосѣдней комнаты, въ которой слышались то вопли, то всхлипыванья, то торопливый разговоръ, то бѣготня. Продолжалось это такъ долго что Борзовъ доѣлъ варенье и почти опустошилъ коробку съ монпансье; наконецъ онъ крякнулъ, повернулъ голову къ затворенной двери и громко произнесъ:

— Что же вы тамъ?..

Движеніе за дверью притихло, но отвѣта никакого не послѣдовало. Борзовъ, выдержавъ нѣкоторую паузу, повторилъ тотъ же вопросъ, и ему отвѣтили тѣмъ же молчаніемъ. Онъ попробовалъ отворить дверь, но она оказалась запертою. Старый воинъ постоялъ, потрубилъ и побрелъ въ свою комнату вслухъ разсуждая про себя:

— Одурѣли отъ радости!.. Не ждали такого счастья... Пусть ихъ очухаются... Пойду отдохну.

Когда шумъ шаговъ его затихъ, дверь, за которой скрывались сестры, тихонько пріотворилась, и изъ-за нея осторожно высунулась голова Глафиры; быстро и неслышно она прошмыгнула въ кухню и сейчасъ же вернулась съ ковшомъ воды.

— Выпей, Шура, водицы!.. Выпей, ради Бога!.. говорила она блѣдной, заплаканной сестрѣ сидѣвшей на кровати и поддерживаемой слѣва Анетой. Шура трясущимися губами прильнула къ ковшу и сдѣлала нѣсколько глотковъ.

— Успокойся, душенька, приди въ себя, говорила Анета, гладя Шуру по головѣ.

— Они шутятъ, а ты въ сурьезъ принимаешь, успокоивала ее Глафира, садясь справа.—Вѣдь они завсегда шутники были...

Шура нѣсколько разъ судорожно вскрикнула, громко икнула и заговорила прерывающимся, спазматическимъ голосомъ:

— Я даже никогда воображенія не имѣла... Меня сразу въ дрожь вдарило... И за всю нашу добродѣтель... вдругъ такая насмѣшка!.. Мы ухаживали, мы всячески ублажали...

— Успокойся, ангелочекъ! говорила Глафира.—Повѣрь что они это безо всякой насмѣшки, отъ чистаго сердца...

— Чтò я должна думать? не слушая ее и обтирая пальцами носъ, продолжала Шура.—Мы живемъ какъ самыя благочестивыя... и вдругъ!.. Мы себя на столько соблюдаемъ что даже... при папашѣ съ мамашей... Когда мнѣ шелъ всего двадцатый годъ...

— Хочешь гофманскихъ капель, Шурочка? перебила ее Анета.

— Когда шелъ двадцатый годъ... не слыхавъ сестры, съ волненіемъ продолжала та,—и когда Иванъ Николаичъ съ предложеніемъ пришелъ... Я три дня проплакала... и не согласилась... Мнѣ всего двадцатый годъ шелъ... Иванъ Николаичъ былъ на линіи столначальника... А пить онъ началъ послѣ...

— Ну, что вспоминать? Его Господь давно прибралъ, говорила Глафира.—Ты теперь-то взойди въ себя...

Въ этомъ тонѣ разговоры сестеръ шли очень долго; а такъ какъ Шура все не могла успокоиться и часто принималась плакать, то Глафира рѣшила спрыснуть ее съ уголька. Подмигнувъ Аннѣ, она незамѣтно взяла ковшъ и вышла въ кухню. Тамъ она достала изъ печки уголь, съ шептаньемъ какихъ-то словъ положила его въ ковшъ и, осторожно пряча его сзади, возвратилась къ сестрамъ. Незамѣтно для Шуры она набрала

въ ротъ воды и прыснула ей прямо въ глаза. Шура вздрогнула и замотала было головою, но Анна крѣпко взяла ее одною рукой за подбородокъ, другой за темя и держала до тѣхъ поръ, пока Глафира дважды повторила свой цѣлительный маневръ. Спазматическія всхлипыванья Шуры прекратились.

— Христосъ съ тобой, ангелочекъ, говорила Анета, обтирая ея мокрое лицо полотенцемъ.

— Прилягъ, душенька, успокойся, поправляя подушку, сказала Глафира.

Шура покорно улеглась, раза три глубоко вздохнула и закрыла глаза. Глафира и Анета погрозили другъ дружкѣ пальцами, на цыпочкахъ вышли изъ комнаты и безшумно стали прибирать чайную посуду.

А виновникъ переполоха сидѣлъ у себя за столомъ и въ увеличительное стекло въ своей истрепанной книгѣ читалъ вслухъ: „мечталъ ли ты что жилище твое будетъ убѣжищемъ пришельца чуждаго, что народы тобой пробужденные увидятъ"...

Онъ перевернулъ страницу и не замѣчая того что нѣсколько листовъ были вырваны глубокомысленно продолжалъ:

„Тѣсные предѣлы сихъ записокъ не позволяютъ войти въ подробное обсужденіе нѣмецкой словесности"...

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Садовскій.

„ВЪ МОИСЕЙСКУЮ ГУБЕРНІЮ!“ *).

(РАЗКАЗЪ ОЧЕВИДЦА).

I.

Праздника не было никакого, на дворѣ стоялъ свѣтлый рабочій день, а жители села Долгаго и не думали выѣзжать въ поле.

Да у многихъ изъ нихъ не было ни поля, ни дома, такъ какъ они уже управились повыпродать все свое „жительство“, собираясь въ Моисейскую губернію. Они шумно толпились у двора своего односельца Прохора Ѳомича, по прозванію Шугай. Съ озабоченнымъ видомъ, но безтолково кричали тамъ „старики“, перебивая другъ друга. Большинство казалось выпивши.

Главная масса стояла разбившись на отдѣльныя кучки, но кое-гдѣ народушко уже и поразсѣлся кружками. И тамъ, на платочкахъ и тряпочкахъ разостланныхъ по зеленой травѣ, передъ ними виднѣлись пестрыя полубутылочки и закаменѣвшіе бублики. Православные опоражнивали грязные стаканчики и пережевывали присоленыя корочки съ такимъ страдальческимъ видомъ, словно все это они дѣлали по непріятной для нихъ обязанности.

Изъ переулковъ и прямо по огородамъ то и дѣло подходили пѣшіе, или показывались верховые и телѣги биткомъ набитыя бородочами въ синихъ армякахъ, или въ черныхъ свитахъ.

---

*) Во многихъ мѣстахъ Енисейскую губернію называютъ Моисейскою губерніей, какъ бы сочетая имя Моисея уведшаго народъ Божій въ землю обѣтованную съ именемъ земли которую русскій народъ разсматриваетъ какъ землю обѣтованную, текущую млекомъ и медомъ.

Какъ-то, само-собою, пріѣзжіе направлялись къ шинку, въ виду коего они и привязывали своихъ разномастыхъ лошадокъ за плетни и ракиты. Затѣмъ, отпустивъ черезсѣдельникъ и подбросивъ охапку сѣна, они торжественно подходили къ народушку и высоко поднимая свои шапки-скворешники здоровались.

— А вы чьихъ будете? откудаго? покровительственно опрашивали прихмелѣвшіе голоса.

— Дроняевскіе, Субботинскіе... со Скорятинскихъ дворовъ, изъ Легестаева! наперебой отвѣтствовали вновь прибывшіе.

— Что жь, на сходцы записываться въ Моисейскую губернію? сочувственно допытывались нѣкоторые.

— Да, то же самое! рѣшительно и въ одинъ голосъ подтверждали другіе.

— Такъ и слѣдоваетъ! одабривалъ ихъ небольшаго роста старикъ въ зимней шапкѣ и валенкахъ, стоявшій на самой припекѣ.

Лицо его переполненное застоявшеюся кровью какъ-то странно оттѣнялось его шершатой, словно молью подъѣденной бородкой. Широко разставивъ ноги, онъ пытливо и недовѣрчиво всматривался въ подходившихъ своими, какъ у рыбы, крошечными и красноватыми глазами, совершенно лишенными рѣсницъ и бровей. Замѣтно было что этотъ старикашка на своемъ вѣку видывалъ виды и бывалъ въ разныхъ переплетахъ. А потому теперь онъ заблаговременно старался убѣдиться что̀ за люди подходили къ нему, и главное, не подосланы ли они сюда господами или полиціей? Такъ какъ и онъ, Иванъ Селедкинъ, будучи родственникомъ Шугая, вмѣстѣ съ нимъ „записывалъ на сходцы“ желающихъ, то-есть, онъ безо всякаго съ своей стороны обязательства и безо всякихъ росписокъ „обиралъ у народа деньги“: по три, по пять и по десять рублей, называя ихъ какими-то „задатками“.

По селу Долгому Иванъ Селедкинъ, по уличному „Зычъ“, состоялъ главнымъ запѣвалою и самымъ рьянымъ проповѣдникомъ необходимости переселенія, такъ какъ въ этой „завирухѣ“ широко охватившей всю окрестность онъ имѣлъ большую для себя пользу. „Лапти плесть, однова въ день ѣсть!“ подчасъ любилъ твердить онъ злорадно и хитро посмѣиваясь себѣ въ бороду. А потому онъ давно уже отлынивалъ отъ суровой мужицкой работы и всему предпочиталъ „умственность“, отъ которой онъ и богатѣлъ не по днямъ, а по часамъ.

Какимъ образомъ Зычъ мирилъ эту „умственность“ ничѣмъ не отличавшуюся отъ самаго возмутительнаго жестокосердія обмана и даже грабежа своего же брата о Христѣ съ ученіемъ Христа о любви къ брату понять было не легко. Но какъ бы то ни было, а Зычъ въ селѣ Долгомъ почитался за перваго христіанина, почему его всегда и выбирали въ церковные старосты, такъ какъ всѣ признавали что это человѣкъ богобоязный и „хорошо старается проти церкви“. Даже и по околотку говорили что „Зычъ настоящій даже христіанинъ и потому на что-нибудь *эдакое* онъ не пойдетъ“. И дѣйствительно, Зычъ былъ примѣрный христіанинъ. Впродолженіе года онъ говѣлъ во всѣ посты, причемъ „припшался“, иногда ставилъ мѣстнымъ образамъ и по копѣечной свѣчкѣ, а по пятницамъ и по середамъ вмѣсто коровьяго онъ ѣлъ конопное масло и никогда не зѣвалъ чтобы не закрестить рта. По его словамъ и именно за эту добрую жисть Господь и послалъ ему счастіе, благодаря которому ему и удалось поскупить за безцѣнокъ всю земельку у своихъ близкихъ и дальнихъ сродственниковъ, поставить рушку, вѣтрякъ. Теперь же, благодаря все той же умственности, онъ „понацѣплялъ“ себѣ земельки и у сходцевъ, не говоря уже о лошадяхъ, ведерныхъ коровокъ и разнаго рода хозяйственнаго скарба который просто задаромъ попалъ въ его цѣпкія руки изъ убогаго хозяйства его же родственниковъ, старинныхъ друзьевъ-пріятелей. Причемъ онъ хорошо сознавалъ что всѣ они идутъ къ вѣрной гибели и именно черезъ его лукавое коварство имъ называемое умственностію.

— То жь братуха, и здѣсь жить не при чемъ! съ горькимъ вздохомъ проговорилъ Зычъ, странно приподнимая вверхъ шершатыя брови, и насторожился.—Ну, а „тамъ“ то сказываютъ: земелька свободная. Да и оброковъ съ нею нѣту никакихъ.

Здѣсь умѣстно замѣтить что весьма часто употребляемое излюбленное народомъ слово „тамъ“ и принимаемое за всѣмъ понятное и вполнѣ точное географическое опредѣленіе, по желанію говорившихъ, одинаково могло относиться и къ сѣверо-западному, и къ Усурійскому краю, и къ Архангельскимъ тундрамъ, и къ Закавказскимъ степямъ.

Магическое слово „тамъ“ понималось слушателями какъ синонимъ „широкой земли“, „вольной земли“ или Моздовки, той нѣкогда привольной степи въ окрестностяхъ города этого же имени что̀ поэтическимъ воображеніемъ народа теперь продолжена до самыхъ отдаленныхъ береговъ Великаго океана.

— Любую десятину луга, добавилъ Зычъ,—бери, вишь, по четыре копѣйки мѣдью!

— О-охъ, братцы, не брехня ли все это? робко пробасилъ высокій, сухощавый, очень смуглолицый старикъ Конъ, старовѣръ изъ села Дроняева, и запахнувъ свою длинную черную свиту, онъ пытливо навелъ на разкащика свои умные каріе глаза.

Несмотря на его простое одѣяніе, всѣ относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, такъ какъ Конъ былъ одинъ изъ первыхъ богачей изо всего уѣзда.

— Все это дюже что-то хорошо! добавилъ онъ, недовѣрчиво мотнувъ своею двухцвѣтною, какъ у Водолея, узкою и длинною бородой. — Помните, тогда то же самое, вывернулся какой-то въ Батумъ накликалъ! Набралъ задатка да и нырнулъ незнамо куды. Я мекаю что если это точно было отъ царя, то тогда бы и манифестъ читали по церквамъ какъ и должно. Да и начальство бы наше все бы знало объ этомъ. А то это дѣло творится что-то оченно глухо, по клѣтямъ да по закутамъ!

— Да глупая же твоя голова! со внезапною яростью перебилъ его Зычъ и какъ-то бокомъ шагнулъ впередъ.—Сейчасъ совсѣмъ даже иная статья! Батумъ вонъ куды, на полудни, къ старому Русалиму. А Моисейская губернія на зимній восходъ. Опять же сейчасъ и само начальство встряло и даже проходныя свидѣтельства печатованныя выдаютъ. А здѣсь только записываются по охотѣ, потому что нашъ Прохоръ Ѳомичъ самъ собирается „туда“ посмотрѣть земельку. Ну, вотъ ему, то-есть, нѣкоторые и даютъ довѣрность и деньги подаютъ на проѣздъ. Вотъ стало-быть онъ и „записываетъ“: кто сколько далъ и кому сколько желательно тамъ земельки заполучить... Огуломъ-то, вѣдаешь, дешевле...

Какъ опытный міроглотъ, Зычъ давно постигъ всю выгоду рекламы опирающейся на авторитетъ высоконравственной и въ данномъ случаѣ обыкновенно отсутствующей какой-либо таинственной личности свершающей свое общественное служеніе той или иной идеи, которая лишь однимъ кончикомъ соприкасается къ земнымъ интересамъ.

— Да еще и такъ, другъ, можно сказать, учительно добавилъ онъ, вперивъ свои рыбьи глаза въ опаснаго для него скептика,—это дѣло не сильно, а вольно. Вѣдь и про черта сказываютъ что его силомъ въ рай волокли, такъ вѣдь и то онъ не ищелъ: кричитъ что ему и въ аду хорошо!..

Нѣкоторые неохотно захихикали.

— А вотъ опять, забасилъ Дроняевскій старовѣръ по неподвижному, почти деревянному лицу котораго прошла едва замѣтная усмѣшка,—на той недѣлѣ мимо нашей мельницы прошелъ странникъ со стараго Русалима и онъ сказывалъ что будумчи тамъ никакъ жить нельзя. Вотъ уже три года что по той сторонѣ дождя не было. Трава, вишь, вся выгорѣла и даже звѣрья поразбѣжались. Только на томъ странничкѣ даже и печати Русалимскія имѣются, и по рукамъ, и по ногамъ, на груди, словно про себя почтительно добавилъ старовѣръ.

— Ну, да ужь будетъ тебѣ чепуху протачивать! остепенялъ его Зычъ.—Вѣдь тебѣ же толкомъ сказано что то особь статья... А въ Моисейскую губернію по машинѣ везутъ изъ десятой копѣйки, а водою даромъ везутъ, и слушекъ мыкается, еще и приварочекъ даютъ казенный, только чтобы сухари твои были. Такъ-то, дружокъ. Потомъ, того, кажному изъ казнѣ полагается пара лошадей и корова, тридцать рубликовъ на обиходы и по пятнадцать десятинъ земли пахатной, бери гдѣ хочешь. Вотъ, значитъ, ты и долженъ понять, съ торжествующею улыбкой заключилъ старикъ.—А попусту вякать не слѣдъ, укоризненно добавилъ онъ.—Потому тебѣ-то можетъ и тутъ хорошо жить, вотъ ты и мудришь, а намъ-то ужь не вмоготу... Народушко, видишь, ужо совсѣмъ выбился изъ силъ-мочи: отруби палецъ, и кровь не капнетъ! Такъ-то старичекъ почтенный...

— Чтò и говорить! хоромъ подтвердили близь стоявшіе мужики. — Здѣсь жить никакъ нельзя! Потому земля у насъ малая, земля наша черезполосная, навозить ее неурочно, а безъ навоза она не родитъ.

— Да вотъ къ примѣру сказать, саркастически выкрикивалъ молодой малый,—за мною считается шесть десятинъ, а она въ девятнадцати кускахъ! Прямо надо говорить, вся моя земля въ трутъ разбита, по всему бѣлу-свѣту поразметана; тутъ загонъ, а за двѣнадцать верстъ другой... А иной загонъ такой что его и пахать нельзя, соха-то хоть и пройдетъ, а борона-то ужо по чужой бороздѣ елозитъ!

— Нонче побираться куда выгоднѣе чѣмъ работать. Право слово... Мнѣ, Тимоѳей Ильичъ... Кунацкій... можъ знаешь Пронюшкиныхъ. Ну, онъ мнѣ хвалился вчерась: лучше этого рукомесла я, говоритъ, и не привидывалъ!..

Нѣкоторые принужденно засмѣялись, переглянувшись другъ съ другомъ.

— И это худо-бѣдно, сказывалъ мнѣ Тимоша, если за недѣлю я добуду восемь серебра... а то выпадетъ времечко что я и по четырнадцати рубликовъ набирывалъ. Да прямо съ ними домой и бѣгу рысякомъ, да вотъ какую питру заведу со своею старухой, куды дѣться! Тутъ у насъ и водочка, и ветчинка съ огурчикомъ, и булочки пашаничныя, все даже какъ и должно. Покубыряемся себѣ такъ-то денька три-четыре, да и опять въ походъ. А пойдико-сь наймись, попробуй, такъ дороже пяти рублей на мѣсяцъ никто и не дастъ. Ну, съ какой же неволи пойду я мориться да свои плечи вихлять на чужой работѣ? А тутъ-то я воленъ себѣ, хочу хожу, хочу на лавочкѣ сижу. И не будь въ моемъ мѣшечкѣ одной дырочки, я бы и вашу-то деревню всю бы прокормилъ своимъ хлѣбушкомъ, даромъ что я не присѣваю. А то жалится, Богъ-то мнѣ дастъ денежку, а чертъ-то подъ нею сверлитъ дырочку! Съ этого-то, объясняетъ, въ моемъ мѣшечку ничего и не держится.

— Оказія да и только, что̀ подѣлалось, хоть бы и съ этимъ Тимохою! раздумчивато промолвилъ кунацкій староста.—Вѣдь пока ихній дворъ не дѣлился, они у насъ были первые жители, а теперь Тимохѣ и сумочки своей повѣсить негдѣ, лаптишекъ и тѣхъ некуда бросить на печку посушить осеннимъ дѣломъ.

— А кто ему виноватъ! грубо переспросилъ Савелъ, рыжій мужикъ славившійся по селу какъ прибаутникъ.—Все это отъ его же дуровъ приключилося. Я даже самъ видѣлъ какъ онъ эти „катышки“ раздѣлывалъ. И вѣрь Богу, въ то воскресеніе онъ бы и послѣднія картошки пропилъ да, спасибо, ба̀ба его ему ходу не дала.

— Ну, это же какъ могло случиться? съ нѣкоторымъ удивленіемъ освѣдомилось нѣсколько бородъ.

— Опять же черезъ нашу Аринушку, пояснилъ Савелъ ухмыляясь.—Она какъ-то вымотнулась изъ-за угла и оглядѣла эту оказію. Заразъ подбѣжала она къ ихней хатѣ и крикнула въ дверь: „кума Ѳедориха, миленькая же ты моя бабочка, а вѣдь муженекъ-то твой похоже не съ проста ума въ погребицу полѣзъ. Вѣдь у него и мѣшокъ подъ мышкою зажматъ, во-о какой здоровенещій, туда похоже и сатану можно засадить... Чуть ли онъ на отдѣлъ хочетъ тебя оголодить да пропить послѣднія картошки. Пьянищій, пьянищій полѣзъ онъ туда и бурчитъ что-то...“ Ѳедорихѣ некогда приступочекъ искать, прямо и сигнула съ печки на земь. Подкралась изъ навѣса къ погребицѣ, перегнулась туда потихонечку черезъ лазъ и вытащила

изъ дыры лѣсенку наружу. А тамъ попросила тетку Арину, да и притащили волокомъ борону и накрыли той-то бороною лазъ, прямо клевцами книзу наладили. А сверху еще накатили улей пустой да два колеса телѣжныхъ. Я даже, признаться, изнарочно остановился поглядѣть на это патишествіе. Прямо надо говорить: и смѣхъ, и горе! И откуда только такая мудрость берется у нашихъ бабъ, удивленіе! А Тимоха-то мой съ пьяныхъ глазъ ничего этого и не видитъ, сидитъ къ нимъ спиною и набираетъ себѣ картошечки въ мѣшокъ.

— Ну, а бабы его и окутали тѣмъ временемъ, сочувственно посмѣивались слушатели.

— Да такъ и окутали, нехотя подтвердилъ разкащикъ.— Бѣдный мужикъ что ни что дѣлалъ, даже и честью у нихъ просился наружу, и то никакъ бабъ не обманетъ. А потомъ, конечно, онъ и ругаться взялся. А баба и себѣ стала его путрить непріятными словами. Да еще вдобавокъ взяла да середь бороны и усѣлась на соломѣ и съ хворостиною даже. Ильинычъ взялся было въ нее картошками пошвыривать, опять же таки толку не нашелъ! Потому что картошка попадетъ по боронѣ и отскочитъ отъ клевцовъ на обратное, ему же и раскваситъ носъ до крови. Вѣдь чистыя бѣды, да и только. А тамъ видитъ, старуха-то его ужо и на всю ночь обночлежилась. Тожь, натащила себѣ соломы на борону, да и легла на бочекъ какъ и должно. И чуть мало что, прямо стебаетъ хворостиною на-отмашь!..

Съ плохо скрываемымъ одобреніемъ мужики покатывались со смѣха и нахваливали бабью премудрость.

— Чтожь, Тимоха-то и взаправду переночевалъ въ той-то ямѣ! допытывались ребята.

— Да такъ и переночевалъ! сурово подтверждалъ Савелъ надъ которымъ, какъ то многимъ было извѣстно, и его баба не разъ „уродничала" такимъ же манеромъ.—Послѣ-то, какъ счелся съ дѣлами, добавилъ онъ,— и Тимоха взялся свою бабу одабривать что она взумѣла его остепенить. И съ того времени онъ себѣ окрѣпился и одумался, цѣлую недѣлю даже и водочки не пилъ: умылся себѣ и виски себѣ причесалъ даже... А потомъ того, его опять какъ-то растревожили виномъ, онъ и закурилъ хуже прежняго.

— Да, да! не безъ уваженія замѣтилъ Зычъ,—вчера и онъ былъ тутъ .. Тожь „записывался" въ Моисейскую губернію и денегъ подалъ пятерикъ. Пойду, сказывалъ, на широкія

земли, а тутъ мнѣ жить не при чемъ... Хай ее дѣтки возьмутъ и жизть эту!..

II.

Помимо Зыча, по селу Долгому, у Шугая имѣлись и другіе „подлокотники“ которые такъ или иначе состояли участниками въ дѣлѣ выселенія въ Моисейскую губернію. Такимъ былъ и Андрюшка-Бурдастый, здоровый верзило, давно отбившійся отъ рукъ и бродившій по разнымъ Варнополямъ, Бердянкамъ, Таганрогамъ, гдѣ по его розказнямъ онъ на день бралъ по семь съ полтиною, но откуда онъ всегда возвращался разутый и раздѣтый и нерѣдко по этапу.

Окруженный непролазною толпой, онъ и теперь ораторствовалъ вблизи шинка.

Давно наторѣвшій въ зубоскальствѣ, онъ обладалъ и своего рода краснорѣчіемъ. Къ тому же онъ давно постигъ психологію толпы и зналъ когда что̀ и какъ сказать, а слѣдовательно и могъ верховодить толпою и направлять ея ужасную стихійную силу по своему желанію. Въ этого рода искусствѣ онъ убѣдился во время извѣстнаго „жидотрепанія“ въ Одессѣ, въ уличныхъ безпорядкахъ въ Балтѣ, при разгромѣ Юзовскаго завода по случаю холеры, и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, куда онъ шлялся въ чаяніи легкой и скорой наживы. И во всѣхъ этихъ случаяхъ именно онъ, Бурдастый, являлся коноводомъ толпы, да и на самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ право почитаться за выразителя и за представителя уличной толпы, что̀ по существу своему состоитъ изъ отбросовъ городскаго и сельскаго населенія. Всегда растерзанный, теперь Андрюха принарядился въ новую ситцевую рубаху, еще гремѣвшую на немъ своими твердыми складками, и въ картузѣ со сверкающимъ козырькомъ, не говоря уже о новыхъ сапогахъ „съ бутылками“ и со сборками, какъ въ перепелиной дудкѣ. Все это, какъ говорили, ему пожертвовалъ Шугай за то что Бурдастый „гонитъ свое дѣло подъ орѣхъ, за то что Андрюха ужь оченно хорошо обиваетъ дурь съ добрыхъ людей.“ Именно благодаря такимъ краснобаямъ Шугай по селу Долгому, а другіе „живоглоты“ по другимъ сосѣднимъ селеніямъ и могли, разыгрывая роль благодѣтелей, „обирать денежки“ съ безчисленнаго множества желающихъ записаться на сходцы.

Но помимо поживы, дѣятельность Бурдастаго доставляла ему и душевную отраду. Какъ малый не глупый и очень наблю-

дательный, онъ не могъ не видѣть того довѣрія и того жаднаго вниманія съ какимъ разинувши ротъ слушала его, потеряннаго забулдыгу, эта черная сплошная масса бородатыхъ и хозяйственныхъ мужиковъ, и все это вниманіе весьма льстило его самолюбію. Вотъ почему онъ съ такою глубокою ненавистію смотрѣлъ на своего неподатливаго опонента, все того же „Дроняевскаго сталовѣра“ который, шатаясь отъ одной толпы къ другой, повсюду посѣвалъ сѣмена сомнѣнія и разнорѣчія, наконецъ и съ нимъ занялся.

Непріятно блѣдное, безбородое и безусое лицо Андрюхи теперь казалось зеленымъ и подергивалось мелкими судорогами, ноздри его расширились, а бѣлесоватые глаза тускло засвѣтились бѣшенствомъ.

— Да за чтò же такъ, продолжалъ разсуждать Конъ, топыря передъ собою большіе коричневые пальцы, очевидно, на всѣ лады старавшійся уяснить себѣ вопросъ столь для него интересный и важный,—за чтò такъ разомъ открылась мужикамъ такая милость великая? Чтò такое хорошее мы съ тобою сдѣлали? А? за чтò намъ взялись даромъ пихать въ руки: и деньги, и коровъ, и лошадей, и землю даромъ даютъ? Чтò именно приключилось на бѣломъ свѣтѣ?.. Ей же Богу, мудрено что-то!

— Да толкушка же ты безпонятная! перебилъ его хмельный Андрюха,—али ты не слышишь? Тебѣ же сказываютъ что отъ вышняго начальства бумага пришла чтобы, то-есть, безпримѣнно идти туда, на забранныя земли. А не хочешь добромъ, силомъ погонятъ. Потому здѣсь ужо жить нельзя никакимъ манеромъ. Народушко даже сильно пріумножился и климантъ перемѣнился, съ того и земелька перестала у насъ рожать!

— Какъ это народушко пріумножился? насмѣшливо переспросилъ Конъ. — А по нашему заколотку даже и хлѣба убирать некому? Къ примѣру чтò и уродилъ Господь, и то на земь сыпется. Какіе были, и тѣ поразбѣглись, только что въ косы ударили по всѣмъ экономіямъ, да и отъ нашего брата мужичковъ, отъ хлѣбныхъ мужиковъ, всѣ работники поразошлись! Харчи, дескать, не хороши! Хозяинъ денегъ не платитъ!.. Эту басню, какъ водится, они въ ервую голову притачиваютъ. За твою же хлѣбъ-соль онъ же ɜбя и страмитъ и безславитъ, у тебя же деньги забралъ, кругомъ тебя разорилъ, обманулъ, а на тебя же вину кладетъ! Ну, чтò тутъ прикажешь дѣлать, говорилъ хозяйственный стаıкъ въ крайнемъ недоумѣніи, хлопая руками о полы свиты...— ɜдь теперь ужо и бабы не найдешь въ работницы, хлѣба спечь

некому изъ готовой мучицы. Побираться ходятъ хороводомъ, а въ работницы не идутъ, ей же Богу правда! завѣрялъ староверъ.—По нашей округѣ прикащики бѣгаютъ, бѣгаютъ верхами, да на бѣговыхъ дрожкахъ, за народомъ, нѣту ни косарей, нѣтъ ни вязальщицъ, словно ихъ мгла поѣла, прости Господи! Народа даже и совсѣмъ нѣту. А ужь объ мастеровыхъ и толковать нечего... Сапоги чинить и то въ городъ бѣги, потому у насъ по деревнямъ нѣту ни сапожника, ни столяра, ни кузнеца, ни садовника, прямо таки нѣту никого, хоть изъ-за моря выписывай, либо въ губернію ѣзжай за ними.

— Видать, другъ, что ты обаполо господъ дурь околачиваешь, вотъ ты и наводишь эдакую стрылябію! грубо захохоталъ Бурдастый...—Ишь, онъ что̀ знаетъ... народу ему мало! Да ты, умная голова, пріѣзжай по нашему Крутому, да глянь на Верхорадскіе дворы... Такъ тамъ въ семи дворахъ девяносто человѣкъ ребятишекъ, едва выговорилъ Андрюха, хватаясь за животики.—А ему все мало! Вотъ, слѣдовательно, нашей земли имъ и на квасъ не хватитъ, не только что на хлѣбъ. А, конечно, вамъ, міроѣдамъ, что̀ большими присѣвами завелися, да господишкамъ или попамъ и тутъ хорошо жить. Зачѣмъ вамъ въ Моисейскую идти?.. Съ того-то и вы, и духовные насъ и задерживаете тута для своей прибыли. Потому что безъ насъ вамъ будетъ плохо.

— Андрюха, не бреши! за самой спиной оратора неожиданно раздался повелительный и какой-то неестественно могучій басъ, отъ котораго, казалось, земля вздрогнула подъ его подошвами. И тотчасъ же надъ толпою вознеслася исполинская фигура мѣстнаго пономаря Амфитеатрова съ жестяною купелью на плечѣ и съ узломъ въ рукахъ, гдѣ лежали ризы, книги и другія принадлежности для требы. Лишь на краткій мигъ онъ спѣшилъ зайти въ шинокъ по огородамъ, сократив дорогу въ сосѣднюю деревушку, куда священникъ уже уѣхалъ на крестины.—Ну, другъ, насмѣшливо добавилъ пономарь, широко осклабившись,—ты поешь хорошо, только жаль что не въ клѣткѣ сидишь. А похоже тебѣ и этого не миновать, потому что попосту народъ разстраивать не слѣдуетъ... И коли, Андрюха, не хочется тебѣ работать, да земельку пахать, ты бы занялся инымъ дѣломъ. А то ишь онъ вскружился, да взбѣгался, словно третьячка у которой въ хвостѣ завелся „бѣгунъ-волосъ“ [1]). Да

[1]) По увѣренію народа нѣкоторые лошади и особенно матки по третьему году, третьячки, имѣютъ особый волосъ который производитъ зудъ: желая спастись отъ коего, онѣ бѣгутъ иногда за сто верстъ все по прямому направленію.

и духовныхъ ты понапрасну дергаешь! Вѣдь мы не виноваты что ты разсырничалъ болѣе тридцати десятинъ земли по своей владѣнной записи... А теперь-то, конечно, у васъ на шесть братьевъ двѣ десятины осталось. Картохъ и тѣхъ посадить негдѣ. Ты, дружокъ, хоть и иди отсюдаго съ Богомъ, отъ тебя словно отъ козла никому пользы нѣтъ... А духовнымъ еще и лучше будетъ, коли такіе сойдутъ. Потому что народу хоть и поменѣетъ, а доходъ будетъ тотъ же и хлопотъ меньше. Ну, какая, спросить, съ тебя прибыль хотя бы и нашему приходу? Когда вашъ дворъ не дѣлился, вы жили хорошо и даже душокъ имѣли. Отъ васъ духовенству шла и новинка, и птичка, и копѣечка, все какъ и должно. А теперь изъ вашего двора стало шесть дворовъ, и никто копѣечки не подастъ, а хлѣбушка и у самихъ нѣту! Напримѣръ, идешь вмѣстѣ съ попомъ Христа славить, али на престольный праздничекъ, а не то такъ съ крестомъ, никто отъ вашихъ новыхъ дворовъ и зернушка не вынесетъ. Да и сами вы въ церковь не ходите! А твой младшій братъ Кирюха даже и совсѣмъ позабылъ Бога. Попъ хочетъ его сызнова перекрещивать. Я какъ-то взялся его усовѣщевать: „Кирюха, батюшка обижается что ты въ церкву не ходишь!“ а онъ прямо и задалъ меня съ головою: „нешто, спрашиваетъ, завтра церкву будутъ ломать?“ Къ тому же вы и хатки такія нагородили что въ ней нельзя ни стать, ни сѣсть. Намеднись батюшка вошелъ къ Мишуткѣ Савонину съ иконами, да на попу ризы и загорѣлися. А все потому что повернуться негдѣ. Все это отъ вашего дѣлежа происходитъ, бабамъ своимъ подражаете! Двѣ невѣстки одной печки не подѣлятъ, строй, кричатъ, особливую хату! У насъ, вишь, двѣ махотки (кринки) столкнулись въ печкѣ!..

И пономарь такъ смѣшно искривилъ свое обширное бородатое лицо, представляя не въ мѣру строптивую юную невѣстку, что всѣ невольно расхохотались.

— Вотъ, слѣдовательно, Андрюша, ты и скажи мнѣ, къ чему нуженъ ты господамъ у которыхъ ты никогда не работалъ, или бы нашимъ духовнымъ? Ну, спросить тебя: что̀ ты на храмъ Божій подаешь? Или дьячку за причастный стихъ что кладешь на тарелочку? Либо денежку эдакую съ ноготокъ, либо трехкопѣечникъ съ тарелку ростомъ: еще царство Сибирское на ней выбито и даже съ конями... Ну, что̀ ты прикажешь съ нею дѣлать? Нешто кто ногу сломаетъ, такъ ею кости растирать хорошо, благо что чистой мѣди, добавилъ пономарь и вошелъ во вновь открытое заведеніе при общемъ грохотѣ толпы.

Неожиданное вмѣшательство Амфитеатрова, какъ говорится, весьма понизило акціи Андрюшкины. А вскорѣ затѣмъ его авторитету былъ нанесенъ и окончательный ударъ. Желая похвалиться познаніями которыя, благодаря его обученію въ сельской школѣ, онъ почерпнулъ „изъ печатованной книжки“, онъ какъ-то сболтнулъ что „тамъ“ вѣчная зима и такіе снѣга что люди ѣздятъ на собакахъ. И извѣстіе это одинаково переполошило какъ тѣхъ что̀ оставались по домамъ, такъ и собиравшихся на сходцы. А потому разомъ поднялся невообразимый шумъ и гамъ, среди коего по адресу Андрюшки слышались самая отборная ругня и злыя насмѣшки. Новымъ настроеніемъ толпы особенно старалась воспользоваться сѣрая достаточно засаленная и потрепанная казинетовая поддевка, еще и ранѣе досаждавшая Бурдастому своими замѣчаніями, слишкомъ уже консервативными. То былъ одинъ изъ мѣстныхъ шинкарей державшій также красную и черную лавочки, мѣщанинъ сосѣдняго города Баклушкинъ.

Не желая выпускать изъ села „свово покупателя“, онъ всячески тормозилъ переселенческій вопросъ, при чемъ даже и умышленно ронялъ Бурдастаго въ глазахъ его почитателей.

Пользуясь негодованіемъ публики, Баклушкинъ и со своей стороны принялся яростно насѣдать на своего противника.

— Теперича, пронзительно выкрикивалъ онъ, размахивая руками и обращаясь то къ тому, то къ другому,—кажется всякому видно что онъ человѣкъ невиріятный и что онъ ужо изо всѣхъ резонтовъ вышелъ!

— Вѣстимо брешетъ! шумѣла толпа,—похоже и во всемъ онъ такъ-то людей морочитъ.

Видя что въ народѣ все болѣе проникаетъ недовольство Бурдастымъ, Баклушкинъ торжествовалъ. Это было замѣтно и по хищной улыбочкѣ его зеленоватыхъ глазъ, и по его особенному поглаживанію бѣлесоватой жиденькой бородки. Человѣкъ онъ былъ далеко не глупый, но чрезмѣрно корыстный. Деньги для него составляли цѣль жизни. Да и степень его уваженія людей опредѣлялась степенью ихъ богатства или бѣдности. И знавшіе Баклушкина еще издали могли бы узнать кѣмъ онъ повстрѣчался на улицѣ, глядя на то какъ высо онъ приподнималъ свой обширный ваточный картузъ. Такъ, л дямъ очень достаточнымъ онъ его срывалъ быстро и по во можности выше, при чемъ и самъ изгибался въ петелечку. наоборотъ, при видѣ бѣдняка онъ какъ-то особенно откид вался назадъ, выпячивалъ впередъ свою дѣтскую грудь и г

зрительно, такъ сказать „подбородкомъ", смотрѣлъ на своего собесѣдника. Словомъ, въ окрестности никто лучше Баклушкина не зналъ семейныхъ и особенно денежныхъ обстоятельствъ всѣхъ и каждаго. Потому-то, завидя подходившаго къ нему „дронявскаго сталовѣра богача", Баклушкинъ очень высоко сорвалъ свой картузъ, пригнулся къ землѣ и даже выбѣжалъ ему навстрѣчу, протянувъ руку словно подъ благословеніе. На все это дроняевскій богачъ отвѣтилъ милостивою улыбкою, слегка приподнявъ свою шапку-скворешницу и шумно прикрылъ протянутую руку своею мозолистою коричневою ладонью.

— Здоровьеце ваше? любезно освѣдомился торгашъ.

— Благодаримъ покорнѣйше! отвѣтствовалъ тотъ, запахивая свиту.—Я сюда изнарочно пріѣхалъ глянуть, да и послушать, что̀ такое тутъ дѣлается? и правда ли все это? Потому и меня беретъ охота въ Моисейскую губернію ѣхать, добавилъ онъ не то въ шутку, не то и взаправду.

— И что̀ вы, батюшка! съ изумленіемъ воскликнулъ торгашъ, всплеснувъ руками.—Вѣдь это, извините меня пожалуйста, только одни шалыганы туды собираются, то-есть, малодушные люди... А хорошихъ людей когда и по суду туды ссылаютъ, такъ и то они норовятъ вернуться...

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ. Я хочу идти туды, твердилъ Конъ.—Вотъ уберусь съ хлѣбомъ, все пораспродамъ, да и поѣду. Тутъ даже и баба моя... тожь себѣ увязалась, потому сама-то она родомъ изъ села Долгаго...

— Какъ, и Аксинья Матвѣвна туда? невѣря своимъ ушамъ переспросилъ Баклушкинъ, хорошо знавшій что независимо отъ „богачества" мужа и Аксинья Матвѣвна была тысячница и наслѣдница отца, очень извѣстнаго однодворца, бывшаго даже и членомъ уѣздной управы. Къ тому же онъ зналъ что старуха уже нѣсколько лѣтъ никуда не ходитъ и даже въ церковь не ѣздитъ, такъ какъ боится что ее обокрадутъ. А потому она постоянно лежала на своемъ крашеномъ сундукѣ прикрытомъ войлокомъ и подушками.

— И она тутъ! удостовѣрилъ его Конъ.—Сейчасъ она у ячихи сидитъ чай пьетъ...

Еще не разъ Баклушкинъ, и теперь уже вмѣстѣ съ мѣст-ми ретроградами, пытался остепенить и отговорить сходцевъ гаваться на родныхъ мѣстахъ, но общій шумъ и гамъ ановились лишь еще громче, ожесточеннѣе, по временамъ)еходили въ личную перебранку.

Но какъ ни отговаривали добрые люди долговскихъ и сосѣднихъ мужиковъ не ходить „туда“, однако значительная половина села поднялась на сходцы, безо всякаго сожалѣнія бросая свои поистинѣ прекрасныя мѣста. А глядя на нихъ, словно большіе верхи застоявшіеся въ весеннее половодье, туда же стали надуваться, а потомъ и идти сосѣднія села и деревни. И наконецъ переселенческая лихорадка стала быстро охватывать и всю округу.

Но болѣе всего она усилилась послѣ того какъ и Дроняевскій старовѣръ, самъ богачъ Конъ, вмѣстѣ со своею женой, Аксиньей Матвѣевной, и со всѣмъ своимъ родомъ-племенемъ тоже тронулся въ Моисейскую губернію. Послѣ этого ни Баклушкину, ни другимъ мѣстнымъ ретроградамъ не было возможности останавливать спѣшившихъ на сходцы, утверждая что будто бы туда идетъ народъ малодушный, одна бѣднота и босота.

— Ну, а Конъ Дроняевскій, тоже отъ бѣдноты, что ли, идетъ туда? насмѣшливо освѣдомлялись въ такомъ случаѣ у спорщиковъ и какъ-то торжественно ухмылялись.

Вѣдь и дѣйствительно Конъ не имѣвшій никакихъ долговъ могъ назваться человѣкомъ прямо-таки богатымъ. Помимо 200 десятинъ дворянской земли въ одномъ особнякѣ, онъ имѣлъ водяную мельницу, фруктовый садъ, много овецъ, лошадей и всякаго рода „продовольствіе“. Къ тому же и онъ и жена имѣли и порядочныя деньги.

III.

Раннимъ весеннимъ утромъ громадный обозъ переселенцевъ со скрипомъ сталъ вытягиваться изъ села Долгаго, за околицею котораго на обширной паринѣ подходившей къ выгону онъ и отаборился. Лошадей хотя и не выпрягли, но всетаки задали имъ корма. Въ виду долгой остановки въ разныхъ мѣстахъ развели и огни надъ коими высоко и красиво под нимался кудрявый дымъ. Народъ повсюду запестрѣлся. Сре невѣроятнаго шума и гама особенно выдѣлялся закатист плачъ и крикъ дѣтей, число которыхъ поистинѣ было пораз тельно. Безчисленное множество будокъ обшитыхъ холстомъ рядниною, концы коихъ свѣшивались и торжественно вѣяли п вѣтру, забѣлѣвшись на значительномъ пространствѣ, разомъ с

общили этой мирной простой окрестности какой-то странный видъ. Казалось что то лагерь крестоносцевъ ведомыхъ какимъ-либо Вальтеромъ Голякомъ, или другимъ фанатикомъ извѣстной мысли, расположился по пути своего слѣдованія въ землю обѣтованную, куда сердца и этихъ русскихъ крестоносцевъ рвались не менѣе пламенно.

И какъ бы въ довершеніе этого сходства на становище показалась и духовная процесія сверкавшая золотыми ризами. Съ красными развѣвающимися хоругвями и съ образами она вышла изъ церкви неподалеку стоявшей середь выгона. Въ виду особенной важности событія службу отправляли возможно торжественнѣе. При молебствіи присутствовало рѣшительно все село. По окончаніи службы престарѣлый сѣденькій священникъ почти всѣхъ отцовъ семейства одѣлилъ образками съ изображеніемъ св. угодника во имя коего былъ созданъ храмъ. Благословляя крестомъ этотъ рой тружениковъ отлетавшій теперь изъ роднаго улья, онъ увѣщевалъ ихъ и въ далекой сторонѣ блюсти вѣру отцовъ своихъ и быть добрыми христіанами.

Послѣ этого вся масса народа направилась на погостъ прощаться съ родителями, то-есть, вообще со всѣми покойниками своего рода-племени. И трудно себѣ представить то потрясающее впечатлѣніе какимъ охватился народъ не только навсегда уходившій изъ своего роднаго села, но и остававшійся дома. Отжившіе старцы, юноши, бабы, дѣти и старухи съ воплями безконечнаго отчаянія всплескивали руками и падали на землю. Многіе терзали свои волосы и заводили голосъ, выкрикивая душу разрывающія причитанія, и ѣли землю съ могилъ. Подъ воздѣйствіемъ этого душевнаго восторга вся толпа подхватила и тоже „завела голоса“ и по покойникамъ, и по живымъ друзьямъ и родственникамъ, съ коими предстояла тоже вѣчная разлука.

И такимъ образомъ „прощаніе“ сходцевъ вышло дѣйствительно торжественнымъ. Повсюду обнимались, плакали, кланялись другъ другу „большимъ поклономъ“ и цѣловались. Послѣ „земнаго поклона“ родителямъ, родной землѣ и всему міру-народу, обозъ пошелъ въ дорогу, оглашая окрестность шумомъ и крикомъ, и плачемъ дѣтей.

Неожиданный выходъ такого множества людей не замедлилъ отразиться на обширной окрестности. Разомъ и во многихъ хозяйствахъ обнаружился самый пагубный недостатокъ не только въ рабочихъ рукахъ и въ мастеровыхъ, но даже и

дѣтяхъ-подросткахъ столь необходимыхъ на бакшахъ, въ садахъ и въ огородахъ, гдѣ они постоянно пололи, сажали разные овощи и выполняли множество мелкихъ работъ и дававшихъ имъ и ихъ семьямъ порядочныя деньги. Къ тому же и оставшіеся дома видимо не хотѣли ходить на заработки. Они съ какимъ-то презрительнымъ озлобленіемъ смотрѣли на прикащиковъ и разнаго рода людей посланныхъ изъ сосѣднихъ экономій за косарями и вязальщиками и вообще за „народомъ". Еще недавно покорные, усердные и довольные рабочіе теперь стали заносчиво отказываться отъ работъ и спокойно „сидѣли дома".

Несмотря на развалъ рабочей поры, когда по выраженію хозяйственныхъ людей „одинъ день годъ кормитъ" человѣка, многіе „парадемшись" ходили по селу, или спали себѣ въ холодкѣ подъ ракитами вблизи своихъ дворовъ, поигрывали на гармоніи и попивали водочку. Словомъ, повсюду, казалось, наступило блаженное времечко какого-то безконечнаго свѣтлаго праздника и то благорастворение воздуха, при которомъ не требовались никакія заботы о грозящей зимѣ, ни вообще заботы о будущемъ. И глядя на этотъ избытокъ веселія и довольства, невольно думалось что сказочная добрая фея высыпала свой чудный рогъ изобилія именно надъ этою мѣстностью.

И здѣсь, конечно, всего удивительнѣе было то что само населеніе столь быстро шедшее къ добровольному нищенству было проникнуто непоколебимою увѣренностью что это еще только цвѣточки ихъ законнаго счастія, а само блаженство должно для нихъ наступить съ текущею весной, когда наконецъ-то придутъ отъ „туда" ихъ ходоки съ полною кошницей самыхъ вѣрныхъ и отрадныхъ новостей касательно вольной земли. Вѣдь стоитъ только „записаться" у Шугая въ селѣ Долгомъ, или у Мотыля въ селѣ Стручахъ, и счастіе навсегда обезпечено; сейчасъ же „выходитъ бумага", а тамъ нарѣзается особнякъ безъ числа и безъ мѣры луговъ и лѣса, помимо пятнадцати десятинъ земли на каждую душу. Проѣздъ „туда" конечно даровой, податей нѣтъ, солдатчины нѣтъ, а на пути въ трехъ городахъ всякому домохозяину отпускается по 30 рублей на подмогу и т. д. Ну, стоитъ ли въ виду этого идти н работу и получать по полтинѣ бабѣ, или по одному рублю н день косарю? Стоитъ ли особенно торговаться, продавая землк хату, лошадей, коровъ, гусей и другіе разные пустяки? Как дешево ни продавай, а всетаки вырученныхъ за нихъ денег хватитъ до весны. А большаго для „сходцевъ" и не требуется

Въ виду этого масса будущихъ переселенцевъ буквально за ничто по возможности скорѣе принялась продавать все свое имущество, а затѣмъ немедленно пропивать всю эту выручку въ веселой компаніи. А рядомъ съ этимъ искусственнымъ обнищаніемъ крестьянъ шло быстрое разореніе и тѣхъ обширныхъ помѣщичьихъ экономій кои издавна служили мѣстомъ крупныхъ и постоянныхъ заработковъ для мѣстнаго населенія.

Масса полей осталась не убранными и даже не обсѣянными. О безчисленныхъ болѣе мелкихъ убыткахъ и разореніяхъ и говорить нечего.

И вдругъ по окрестности прошелъ слухъ что „сходцы ворочаются домой", что ворочаются они потому что „тамъ жить нельзя"... И мигомъ вся декорація перемѣнилась. Общее веселіе смѣнилось горемъ, смѣхъ слезами, радужныя надежды неописуемымъ отчаяніемъ. Люди еще вчера не только отказывались идти на работу, но и глумившіеся надъ посланцами и ихъ хозяевами сами побѣжали искать хоть какой-нибудь работы и въ виду скорой зимы стали наниматься въ какую-угодно должность и за всякую цѣну. Многіе принялись даже трунить сами надъ собою, но и это веселіе было наигранное. Очевидно и они были подавлены смущеніемъ и какимъ-то особеннымъ стыдомъ который какъ бы мѣшалъ имъ глядѣть прямо въ глаза болѣе благоразумной части кореннаго населенія, что̀ по прежнему продолжала сидѣть у моря и ждать погоды.

Сходцы дѣйствительно возвратились. На ригѣ у помѣщика села Долгаго во время обѣденнаго отдыха о нихъ разказываютъ „страсти". Мужики мрачно ихъ слушаютъ и странно смѣются. Главная разкащица шустрая бабенка Аксинья Коростелиха.

— Милыя жь вы мои бабочки! И не чаяли же мы и на Русь выдраться. И что̀ только мы бѣды-горя видѣли черезъ эту Моисейскую губернію, и не выговоришь. А ужь особливо какъ мы поѣхали весною съ аржаными сухарями, такъ съ тѣми же сухарями и домой вернулися осенью. Чисто всѣ зубы постерли ими... Да и пить ихнюю воду нельзя, чужая вода сердита, сейчасъ за животъ ухватитъ... Ѣхали, ѣхали мы туда по машинѣ, даже меня одурь взяла. Въ пасажиркѣ-то хорошо сидѣть, а вѣдь насъ запихнули въ товарные по 50 человѣкъ. Ну, и нельзя тебѣ ни встать, ни лечь. Чистыя бѣды. Сперва-то показалося ничего себѣ... и деревни по сторонамъ видать, и храмы Божіи... а то ужо все это стало прекращаться и от-

ходить вонъ куда... А тамъ ужо и совсѣмъ не стало видно церквей, а пошелъ дремучій лѣсъ и престрашенный. Однако этого еще ничего!.. И мы все еще себѣ сидимъ тихо-смирно. Глядь, машина сперва пристановилась, а тамъ и пошла куда-то подъ землю... Горы, вишь, какія-то подошли что̀ проти Сибири стоятъ. А кума Ѳедориха подскочила къ двери, глянула туды-сюды да и заголосила... „Пропали мы, кричитъ, ужо и неба не стало видно!“ Тутъ насъ ужасть и побила. Какъ взгалдѣлися наши бабы, словно индюшки, да и давай мужиковъ за бороды ловить... Такъ во̀тъ, кричатъ, куда вы насъ завели. Стало быть намъ на бѣломъ свѣтѣ мѣста не хватило, такъ вы насъ подъ землю живыхъ тащите. Хвалиться нечего, и я тоже раза съ два отвернула свово по скуламъ, добавила Аксютка и разомъ задумалась.

— Ну, ты-то съ чего бунтовать взялась? Съ какихъ крайностевъ? насмѣшливо вмѣшался мрачный малый, до обѣда оправлявшій солому на ометѣ.

— А съ такихъ крайностевъ, азартно вскрикнула Аксютка,—что не смѣй моихъ нарядовъ продавать. ...А то вишь какіе взбушкались не вѣсть куда идти, да и разорили своихъ бабъ на отдѣлъ... Двѣ коровы было, продали, три сундука нарядовъ было, продали, хату то же самое, задурно пошла, земельку позагнали въ чужія руки, въ аренду... Зеленя Господь уродилъ, по семь рублей за десятину замочили, а теперь нѣтъ ничего. Зима подходитъ, изволь радоваться, ни хатки нѣту тебѣ, ни хлѣба, и всѣ мы разуты и раздѣты... а вѣдь насъ семья одиннадцать душъ!.. Вотъ за это и отвернула... Да васъ, проклятыхъ, еще и не такъ надо бить... Коли бы вы не пьянствовали, да не лодарничали, и тутъ бы жили хорошо... А то ишь они какіе, норовятъ сами отъ себя убѣчь!.. Господами хотѣли подѣлаться. Не пойдемъ на поденщину! Мы сами такъ-то будемъ жить... да еще и лучше... Тамъ изъ десятаго пирога, готовый хлѣбушко достаютъ изъ печи...

— Это васъ, неудальныхъ, бить надо! хохоталъ малый.— Черезъ васъ, черезъ бабъ, только народъ даромъ взбулгачился!.. Съ половины дороги вернулись, а Моисейскую губернію клянутъ!.. Эхъ вы, страмницы, и немножечко и не доѣхали. А тамъ, сказываютъ, и есть самый рай... Тутъ умереть, а тамъ отжить!.. Съ весны мы всѣмъ дворомъ пойдемъ... потому здѣсь жить не при чемъ...

— Пойди, пойди! Тогда увидишь рай! расхохоталась шустрая бабенка.—Поумнѣе тебя были и то толковъ не дали...

Туды много идутъ, а оттуда и того болѣе... Только не всякій силу имѣетъ вернуться на родимую сторонку... Много, много нашего брата кое-гдѣ остается, да и гаснетъ... А все черезъ такихъ-то вотъ, какъ ты!.. Тоже умная голова обыскалася, тремъ свиньямъ корму не раздѣлитъ, а туды же законъ расписываетъ... Тамъ, ежели ты хочешь знать, ужо на собакахъ ѣздятъ!.. И люди ихніе сатанѣ приклоняются. Прямо подхватитъ стегно баранье, да совсѣмъ сырое и чавкаетъ себѣ на доброе здоровьеце... Опять же и комарь крещеному человѣку ходу не даетъ... Тамъ этого комаря несусвѣтная сила! Прямо изъ хаты не дастъ тебѣ выдти. А сперва осмолился дегтемъ, коли угодно. Прямо смазываютъ другъ дружку и нахоливаютъ помазками... Окунетъ квачъ въ боченокъ съ дегтемъ, да и подавай морду себѣ перекрашивать, даже и руки по самые локти вымажетъ дегтемъ... Да такъ и ходятъ въ родѣ антихристовъ... Коли хочешь, Алдоха, и ты къ нимъ пристань.

— Ну что, Васютка, и ваши вернулись? спрашивали мужики высокаго испитаго малаго въ казинетовой поддевченкѣ и въ новыхъ онучкахъ.

— Пришли! подтвердилъ Васютка.—Потому тамъ жить никакими средствами нельзя. Мы-то хоть и не доѣхали... А все одно тамошніе говорятъ... оттуда вертаются и тѣ что̀ лѣтъ по шесть тамъ прожили... Нельзя, сказываютъ, жить... Хлѣбушко родится урочливо: когда много, когда нѣтъ ничего. Земля холодная, зимы лютыя безмѣрно. Вотъ ты и пойми... А что нѣкоторые прочіе нахваливаютъ Моисейскую губернію, это одна брехня... Мы съ хохломъ ворочалися оттуда, онъ намъ тоже эту басню разказывалъ. Стало быть зять его (богатый былъ казакъ съ Полтавской губерніи) взялъ тоже да и ушелъ туда. Продалъ земельку, садикъ, отару овецъ, пчелъ цѣльную пасѣку и уѣхалъ съ женою и съ дѣтьми... Потомъ, того, и пишетъ: такъ и такъ, батюшко, иди къ намъ... Все свое жительство продавай, а сюда какъ ни можно переѣзжай скорѣе... Разъ отписалъ, въ другой и въ третій. Хохолъ мой и задумался. Стало быть, думаетъ, и въ самомъ дѣлѣ тамъ хорошо. Поѣду, говоритъ, туда. Только продавать онъ ничего не сталъ, а взялъ да и поѣхалъ туда налегкѣ, только посмотрѣть, какъ и что... Пріѣхалъ... Нашелъ то село, гдѣ его зятекъ обнаслѣдился, спрашиваетъ: „Гдѣ тутъ усадьба Гаврилы Романыча Студенцова“. Никто не знаетъ. „У насъ, отвѣчаютъ, такого и нѣту совсѣмъ.“ „Какъ такъ?“ „Да такъ, говорятъ, нѣту и не было“! Да спасибо старикъ какой

то встрялъ, да и молвитъ: „охъ, не Басамыгу ли нашего это ищутъ? Вѣдь его тоже Гаврикомъ зовутъ...“ Онъ-то его и направилъ куды надо; во онъ куда за село, въ лѣсъ, на большую поляну... Приходитъ мой хохолъ, видитъ дымъ поднимается изъ оврага. Похоже кто-то огонь палитъ. Онъ туда смотритъ и глазамъ не вѣритъ: въ оврагѣ печура выкопана, а проти печуры костеръ горитъ, и его зятечекъ одинъ одинешенекъ сидитъ, руки на огню грѣетъ. Смотритъ на тестя и хохочетъ... Ну, что, батюшка, плохо, скажешь, я живу? Небось и у тебя нѣту такой просторной хоромины. Оврагъ этотъ именно что преотличный, только и осталось что его запотолочить, а стѣны ужь давно готовы. Тутъ хохолъ и ударился о земь. Да ты, отвѣчаетъ, писалъ что у тебя табуны коней и гурты коровъ ходятъ... И то, батюшка, чистая правда... Вонъ погляди... и коровы ходятъ, и кони, потому я ужь давно состою пастухомъ... только чужіе гурты стерегу. Ну, тутъ-то онъ и покаялся что все это онъ нарочно писалъ, думалъ „поровнять“ съ собою и своего тестя... А въ тожь число онъ надѣялся и на то что онъ можетъ и подмогнетъ ему оправиться... И онъ сказывалъ что по той сторонѣ многіе такъ дѣлаютъ...

IV.

Не мало лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ ушли „на сходцы“ переселенцы изъ села Долгаго вмѣстѣ съ Дроняевскимъ старовѣромъ и другими мѣстными богачами, и о нихъ носилась молва что они живутъ тамъ какъ въ царствѣ небесномъ. Конечно, у всѣхъ у нихъ дома вынесены во-о какіе, двухэтажные, крыты жестью, каждый о четырехъ трубахъ, у каждаго по сту головъ скота рогатаго, опричь лошадей, отъ пашаницы ломятся закрома, сѣновъ и топлива дѣвать некуды. И этого рода золотая сказка смущала душевное спокойствіе весьма многихъ обывателей обширной округи, такъ какъ всякому изъ нихъ хотѣлось скорѣе измѣнить суровую будничную обстановку своей жизни на болѣе легкую и пріятную. Каждый день и ночь мечталъ объ отрадѣ-прохладѣ. Но вотъ снова настала поздняя, непогожая осень съ ея зазимками, при которыхъ нельзя было и шага ступить со двора, такъ какъ ноябрь не любитъ ни колоса, ни полоза. Снѣжная метель смѣнялась

проливнымъ дождемъ, дождь крупами и невыносимо рѣзкимъ вѣтромъ жалобно и злобно голосившимъ въ каждую щель жилья.

Въ ожиданіи наступающаго престольнаго праздника Долговскіе мужики хлопотали „обаполо дворовъ“ или сидѣли кучками и толковали все о той же Моисейской губерніи и о такихъ счастливцахъ какъ богачъ Конъ и его товарищи давно уже обрѣтшіе счастіе жизни, благодаря своему уму и рѣшимости.

— Да, съ весны мы пойдемъ туда же въ Моисейскую губернію! рѣшительно заявляли многіе степенные бородатые мужики, покуривая трубочки и все съ большимъ любопытствомъ всматриваясь въ нищенку, что̀ уже давно тащилася серединою сельской улицы, едва, едва вытаскивая свои разбитые лаптишки изъ глубокой грязи перемѣшанной со снѣгомъ. Изможденное тѣло ея, казалось, совсѣмъ лишилося силъ и еслибы не длинная клюка на которую она опиралась, старуха давно бы упала подъ яростнымъ напоромъ леденящаго вѣтра что̀ трепалъ всѣ ея лохмотья, разные лоскуточки замѣнявшіе ей одежду. Мертвенно желтое и маленькое лицо ея одновременно выражало и крайнюю степень физическихъ страданій, и какой-то дѣтскій душевный восторгъ. Казалось, она сама не вѣрила своимъ глазамъ что не далеко отъ нея, середи просторнаго выгона, дѣйствительно высится бѣлокаменный храмъ села Долгаго. Судорожно всплеснула она своими худенькими руками и роняя восторженныя слезы упала на колѣна прямо въ грязь среди улицы. Она принялась широко креститься и бить земные поклоны на золотой крестъ церкви.

Глядя на странную нищенку, недоумѣвающій народъ отовсюду сталъ сходиться къ ней и окружилъ ее густою толпой.

— Что̀ это ты по грязи валяешься? спросилъ ее Иванъ Селедкинъ, какъ-то особенно всматриваясь въ старушенку.— Пойдемъ, мать моя, въ хату, обогрѣйся у меня и осушись. Да откелева тебя Богъ несетъ и чья ты будешь?

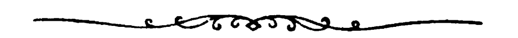
— Охъ, батюшка ты мой Иванъ Вахрамѣевичъ, отозвалась нищенка,—много благодарны мы за твои рѣчи... Вѣдь я жена Кона Дроняевскаго... сама я и есть богачиха-тысячница. А черезъ тебя, Вахрамѣичъ, я и пропадаю теперя... Послушалися мы твоихъ рѣчей про Моисейскую губернію. Да съ того и погубили свои души. Недаромъ пословица говорится что отъ добра добра не ищутъ. И чего намъ было отъ Бога желать? Нѣтъ, давай еще того больше. Вотъ и прогнѣвили нашего Создателя милосерднаго. По дѣламъ нашимъ, именно что по

нашимъ дѣламъ праведно караетъ Онъ насъ грѣшниковъ, и залившись слезами старуха пала головою на руки погрязшія въ холодной грязи и судорожно билась своимъ изможденнымъ тѣломъ едва прикрытымъ лохмотьями.

Толпа словно окаменѣла отъ этой неожиданной встрѣчи. Бабы, всплеснувъ руками, качали головами, а мужики съ недоумѣніемъ переглядывались между собою. Задніе, не вѣря своимъ ушамъ, все болѣе напирали и вытягивали шеи чтобы хоть однимъ глазкомъ глянуть на „богачиху сталовѣрку“. Народъ, все болѣе тѣснясь вокругъ поднявшейся Аксиньи Матвѣвны, тронулся вслѣдъ за нею, направляясь ко двору Зыча.

Многіе были замѣтно смущены и шли молча, понуря головы. Но были и такіе что̀ смѣялись надъ этими бабьими сказками и громко кричали что съ весны и они безпримѣнно пойдутъ въ Моисейскую губернію!

Ростиславъ Марковъ.

ГОРБУНЪ

РАЗКАЗЪ ИЗЪ РИМСКОЙ ЖИЗНИ

Антона Андреа.

Да, да, у дяди Магно была своя забота! Положимъ, его часовой магазинъ на Навонской площади шелъ недурно, его оба сына были добрые парни и самъ онъ еще крѣпко стоялъ на ногахъ, а всетаки... для покойной, счастливой старости ему недоставало многаго. По праву и обычаю дѣло когда-нибудь должно было перейти къ старшему сыну, а старшимъ къ несчастію приходился Марко Горбатый. Самъ по себѣ онъ былъ бы ничего: голова свѣтлая, характеръ, несмотря на вспыльчивость, обходительный, сердце самое нѣжное, особенно къ младшему брату Арриго, но никакой усидчивости, никакихъ способностей къ часовому мастерству! Онъ готовъ былъ болтаться цѣлый Божій день, бродить по виллѣ Боргезе или по садамъ Памфили, особенно когда зацвѣтутъ анемоны, и читать старыя книги. Этимъ способомъ онъ научился узнавать цвѣты и растенія и набилъ себѣ голову стихами великаго поэта Торквато, портретъ котораго онъ видѣлъ у монаховъ монастыря св. Онуфрія.

Нерѣдко всѣ сосѣди сходились на Навонскую площадь и слушали его какъ настоящаго декламатора. Онъ говорилъ имъ наизусть удивительныя вещи изъ „Освобожденнаго Іерусалима“ о благочестивомъ крестоносцѣ Готфридѣ, о рыцарѣ Танкредѣ и прекрасной амазонкѣ Клориндѣ, о прелестной чаровницѣ Армидѣ и горячемъ бойцѣ Роландѣ. Дядя Магно только головою качалъ на это:

— Голодное искусство!

Тогда Марко принялся за работу; онъ сталъ работать въ саду монастырской братіи. Конечно, на тяжелый трудъ онъ не

годился со своимъ искалѣченнымъ тѣльцемъ, но всетаки зарабатывалъ кое-какую поденную плату которой хватало на его личныя нужды.

— Жаль! говорили сосѣди.—Теперь онъ сдѣлался садовникомъ. Ему бы лучше быть настоящимъ „recitatore“ (декламаторомъ); на то ему Господь Богъ далъ и память и языкъ.

Правою рукой часовщика былъ его второй сынъ, Арриго, красавецъ юноша, прямой и стройный какъ пальма, и съ такимъ смуглымъ и прекраснымъ лицомъ что всѣ дѣвушки въ околоткѣ съ ума сходили по немъ. Но у этого была своя загвоздка: онъ слылъ „чудакомъ“, потому что избѣгалъ женщинъ и относился гораздо участливѣе къ старымъ часамъ чѣмъ къ молодымъ дѣвушкамъ наводнявшимъ лавку.

— Вотъ что̀, сынокъ, озабоченно говорилъ ему дядя Магно: — пока ты мнѣ не приведешь въ домъ жены которая держала бы въ порядкѣ весь хламъ, какъ это дѣлала твоя покойная мать, до тѣхъ поръ я не успокоюсь.

— Что ты не возьмешь въ помощники Марко? усмѣхаясь отвѣчалъ юноша.—Тотъ тебѣ живо приведетъ жену: онъ каждый день влюбляется въ другую, не говоря уже обо всѣхъ красавицахъ которыми кишитъ его „Іерусалимъ“. Мнѣ не надо жены. По мнѣ всѣ онѣ глупы и пусты.

Этотъ разговоръ происходилъ въ одно воскресенье послѣ обѣда. Арриго поправилъ бантъ своего голубаго галстука и покрѣпче перевязалъ свой пестрый сорентинскій поясъ, концы котораго задорно выглядывали изъ-подъ его короткой куртки. Онъ сговорился съ нѣсколькими товарищами идти играть въ шары близь крѣпости св. Ангела.

Его горбатый братъ ковылялъ по комнатѣ, живо размахивая руками; широкое лѣтнее платье болталось на немъ какъ на вѣшалкѣ. Въ немъ прекрасный полъ находилъ самаго горячаго защитника. Онъ боготворилъ красоту въ какомъ бы видѣ ни встрѣчалъ ее: онъ преклонялся передъ мадонной церкви Santa Maria del Trastevere, передъ Венерой Капитолійской, передъ красавицей Армидой въ заколдованномъ саду своего возлюбленнаго Торквато и... передъ смуглою Филомелой тамъ, на Яникулѣ, съ которой онъ видался ежедневно по дорогѣ въ монастырь св. Онуфрія.

Два года тому назадъ онъ увидалъ ее въ первый разъ подъ фиговымъ деревомъ у стѣны ея хижины. Она держала на колѣнахъ маленькаго козленка, мать котораго тутъ же щипала траву. Въ то время Филомела ходила еще въ короткой юбочкѣ,

босикомъ, и въ своей безсознательной невинности смѣло выставляла плечики изъ-подъ ворота бѣлой шитой сорочки.

Онъ заговорилъ съ ней, но козленокъ занималъ ее больше чѣмъ онъ, и она не дала ему отвѣта. Однако, когда онъ хотѣлъ уже идти дальше, она остановила его.

— Мальчикъ! Посмотри на моего козленка! Не правда ли, какая прелесть?

Она назвала его „мальчикомъ“, а онъ былъ уже молодымъ человѣкомъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ, дѣвочка?

Дѣвочка?! Вотъ попался-то онъ! Не выпуская козленка изъ рукъ, она вскочила и стала рядомъ съ нимъ чтобы показать ему что она цѣлою головой выше его.

— Когда поспѣютъ маслины, мнѣ минетъ четырнадцать лѣтъ. Мама въ мои годы была уже замужемъ. Мнѣ она велитъ подождать до пятнадцати, или даже до шестнадцати лѣтъ, но дальше ни одного дня! А ты? Сколько тебѣ лѣтъ, мальчикъ?

— Я уже не мальчикъ; я только пересталъ расти изъ-за горба.

— Быть не можетъ! Ты шутишь?

— Право нѣтъ, мнѣ въ Антоніевъ день минуло двадцать три года. У меня есть братъ на полтора года моложе меня.

— Такой же маленькій?

— Что ты! Гораздо выше тебя.

Она, не смущаясь, смотрѣла на него своими блестящими глазами и, наконецъ, разсудительно проговорила:

— Нѣкоторые люди растутъ до двадцати пяти лѣтъ. Это мнѣ сказала бабушка. Матерь Божія! Чего чего она не знаетъ?! Ты бы только послушалъ: она говоритъ что горбатаго надо постучать по горбу, что это приноситъ счастіе. Можно?

И она дотронулась до него своими смуглыми пальчиками, въ то время какъ козленокъ барахтался у нея на другой рукѣ.

Марко зналъ это повѣріе и приходилъ въ бѣшенство когда это дѣлали чужіе люди; одного мальчишку онъ чуть не задушилъ изъ-за этого, но это ласковое, прелестное дитя! Ему казалось что ея прикосновеніе будетъ ему благословеніемъ.

— Ты идешь со мною? спросилъ Арриго брата.

Горбатый схватился за шляпу.

— Да, если тебѣ не непріятно. Только до желѣзнаго моста! Я хотѣлъ заглянуть на старуху Кекку: ее, бѣднягу, опять прихватилъ ревматизмъ.

Арриго пристально посмотрѣлъ на брата.

— Вотъ какъ? Да! вѣдь тамъ эта дѣвочка...

— Ты думаешь, Филомела? Матерь Божія! Да она никому зла не дѣлаетъ. По доброму и тебѣ не мѣшало бы навѣстить старуху.

Красавецъ Арриго сдѣлалъ гримасу и презрительно сдвинулъ шапку на затылокъ.

На порогѣ съ сигарой въ зубахъ стоялъ старикъ Магно и смотрѣлъ вслѣдъ уходившимъ сыновьямъ. Съ самодовольною улыбкой глядѣлъ онъ, какъ взоры всей площади были устремлены на нихъ. Да, да! одинъ былъ красавецъ, другой умница, но что̀ въ томъ проку для него, бѣднаго старика, если ему всетаки некому передать работу?

Послѣ того какъ маленькій горбунъ перешелъ желѣзный мостъ, дорога повела его въ гору черезъ все Трастевере, между зеленыхъ фигъ и оливъ, на Яникулъ, на склонѣ котораго виднѣлся домикъ Филомелы съ плоскою крышей и обвитымъ зеленью окошечкомъ. Здѣсь Марко остановился и оглянулся назадъ: передъ нимъ разстилался Римъ со своими церквами и дворцами, съ новымъ бульваромъ и старымъ желтымъ Тибромъ. Мраморные храмы и колонны блестѣли на солнцѣ, и сверкающая золотомъ рѣка орошала своими изгибами мрачныя сѣрыя стѣны домовъ и поросшія зеленью развалины.

Глаза горбуна заблестѣли: какъ прекрасенъ былъ его Римъ и какъ онъ любилъ его! Прекрасенъ и весь Божій міръ, но всего прекраснѣе казалась ему Филомела подъ фиговымъ деревомъ, и ее онъ любилъ больше всего на свѣтѣ.

Филомела сидѣла въ своемъ воскресномъ платьѣ съ коралловыми бусами на шеѣ и смотрѣла на солнечный день. Ея мысли довольно близко подходили къ мыслямъ горбуна, но только были мечтательнѣе и туманнѣе. Теперь ей было шестнадцать лѣтъ. Ея плечи скромно прятались подъ бѣлоснѣжною рубашкой, шелковый платокъ прикрывалъ шею и грудь, а по воскресеньямъ она надѣвала даже чулки и башмаки.

— Теперь тебѣ пора замужъ, сказала ей бабушка.—Знаешь башмачника у Сикстинскаго моста въ Трастевере, который вотъ уже въ пятый разъ заново чинитъ мнѣ мои старые башмаки? Онъ согласенъ взять тебя съ двумя стами лиръ приданаго. Старый мошенникъ! Я заставила его сбавить сто лиръ Онъ, конечно, уже не молодъ, но за то знаетъ свѣтъ и людей и сумѣетъ прокормить жену. Что̀ ты скажешь на это, Filomela mia?

— Ахъ, бабушка! Онъ косо̀тъ!

— Только на одинъ глазъ, дитя.

— И говорятъ, онъ билъ свою первую жену.

— Въ трезвомъ видѣ никогда! Порядочная жена съ самаго начала отучаетъ мужа отъ пьянства и потомъ никогда не видитъ побоевъ.

Филомела задумалась. Дѣвушка *должна* выйти замужъ; ей больше нечего дѣлать на свѣтѣ. Бабушка давно растолковала ей это. Разумѣется, безъ стараго пьянаго башмачника жизнь казалась ей пріятнѣе. Какъ весело жилось ей до сихъ поръ! Ей доставляло радость все: сборъ фигъ, тѣнистыя маслины по склону холма, ея козочка, горбунъ Марко который такъ хорошо умѣлъ болтать, а больше всего обѣдня въ храмѣ св. Петра куда ее недавно свела бабушка. Что за чудесная церковь! Точно дворецъ изъ золота и мрамора съ дивными картинами и нѣмыми прекрасными людьми, которые плачутъ на могилахъ, несмотря на то что сдѣланы изъ блестящаго камня. Всѣ алтари залиты огнями и окружены ангелами и святыми. Вездѣ носится сладкій запахъ ладана. А главный алтарь съ его вѣнкомъ негасимыхъ лампадъ освѣщающихъ тамъ внизу склонившуюся въ молитвѣ бѣлую фигуру въ папской мантіи... Матерь Божія, какъ все это прекрасно! А тутъ этотъ старый башмачникъ нависъ черною тѣнью надъ ея невинною радостію!

„Да еще косоглазый!“ грустно думаетъ она. „Онъ непремѣнно будетъ бить меня. И какъ я, глупенькая дѣвочка, отучу его отъ того, отъ чего не могла его отучить его первая жена которая была гораздо старше и умнѣе меня?“

Но синее небо заглядывало дѣвушкѣ прямо въ сердце, и мрачныя мысли ея разлетѣлись.

— Бабушка, миленькая, я посижу на дворѣ! Сегодня горбунъ хотѣлъ взять меня къ вечернѣ въ монастырь. Ахъ, какъ свѣтитъ солнце!

— А ты всетаки подумай о башмачникѣ! крикнула ей вслѣдъ старуха.—Послѣзавтра онъ придетъ за отвѣтомъ. И знай: когда дѣвушка съ перваго раза скажетъ „нѣтъ“, то она такъ и не выйдетъ замужъ. Лучше ужъ поручи это дѣло мнѣ! Я отвѣчу „да“, какъ подобаетъ разумной, опытной женщинѣ.

Послѣ того Филомела усѣлась на дворѣ подъ фиговымъ деревомъ и стала смотрѣть на солнечный день. Она не замѣтила прихода горбуна.

— Felice giorno, Filomela bella! любезно произнесъ онъ, восхищенный ея красотою.

Она не тронулась съ мѣста и только взглянула на него своими дѣтскими глазами которые, казалось, продолжали о чемъ-то грезить. Душа ея была не здѣсь, а витала гдѣ-то бѣлою голубкой въ голубой безконечности.

„Такъ, навѣрно, волшебница Армида околдовывала храбрыхъ рыцарей!“ подумалъ Марко и спросилъ чтобы самому не подпасть подъ власть плѣнительныхъ чаръ:

— Какъ здоровье бабушки?

— Такъ себѣ. Она съѣла почти цѣлую тарелку макаронъ. А ломота все еще не прошла.

— Это горбунъ пришелъ? раздался изъ комнаты пронзительный голосъ бабушки. Марко заглянулъ къ ней въ окно; онъ былъ такъ малъ что голова его какъ разъ приходилась на подоконникѣ.

— Если позволите, бабушка, я возьму Филомелу къ вечернѣ. Мы и за васъ прочтемъ Ave Maria.

— Хорошо. Да кстати поговори ты съ этою дурочкой о башмачникѣ, поучи ее уму разуму!

Филомела вошла въ комнату за своимъ пестрымъ платочкомъ. Горбунъ все еще стоялъ у окна. Дѣвушка остановилась. Безъ смѣшнаго придатка своего искалѣченнаго тѣльца онъ казался ей благороднымъ и красивымъ.

— Ты славный! сказала она и чуть дотронулась ручкою до его щеки. Ему показалось что теплый весенній дождь окатилъ его съ ногъ до головы. Онъ боялся пошевельнуться. „Надо стоять смирно чтобы ни одна частица этого благословенія не пропала“, думалъ онъ.

Филомела позвала его, и онъ поплылъ за ней точно на какихъ-то воздушныхъ облакахъ.

— Скорѣй! щебетала она.—Ты ползешь какъ улитка. И что ты все молчишь? Неужели тебѣ нечего разказать мнѣ?

Марко сталъ подыскивать слова: ни одно не казалось ему достаточно хорошимъ и прекраснымъ для выраженія того что̀ бы онъ сказалъ ей. Наконецъ онъ началъ съ самаго обыкновеннаго вопроса.

— Вотъ что, Филомела: что̀ такое бабушка сказала про башмачника?

— Ахъ, подумай какая потѣха! Онъ косоглазый и годится мнѣ въ отцы. И онъ ужь *былъ* женатъ; онъ какъ-то разъ ударилъ жену ногою, оттого она и умерла.

— Да тебѣ-то какое дѣло до этого?

Она засмѣялась.—Ахъ, Матерь Божія, какъ ты глупъ, Марко! Вѣдь я же должна выйти за него замужъ.

Какъ будто горячее желѣзо обожгло сердце несчастнаго горбуна; чьи-то хищные когти сдавили ему горло; это была ревность.

— Я... убью... этого негодяя! прошипѣлъ онъ задыхаясь.

Филомела обернулась къ нему, и ея дѣтское личико поблѣднѣло отъ испуга. Неужели эти искаженныя, страшныя черты были чертами лица ея друга? Онѣ скорѣе принадлежали какому-то дикому звѣрю.

— Dio mio! воскликнула она въ ужасѣ.—И ты кажется такой же какъ башмачникъ: и ты можешь убить человѣка когда выпьешь лишнее!

Марко опомнился... Онъ подавилъ въ себѣ гнѣвъ, но съ безумною болью охватившею всѣ его члены онъ ничего не могъ подѣлать.

— Постой немножко... Мнѣ что-то вступило въ ноги... точно лихорадка...

Губы его посинѣли, дрожа и задыхаясь бросился онъ въ траву у дороги; еще минута, и онъ потерялъ бы сознаніе.

Въ Филомелѣ заговорило состраданіе.

— Вѣдь я же ничего тебѣ не сдѣлала? довѣрчиво начала она.—А ты сейчасъ ужъ и кидаешься на человѣка! Поневолѣ страшно станетъ. Что̀ съ тобой случилось?

— Ахъ! ты... я... я не переживу твоей свадьбы съ башмачникомъ!

— О-о... только-то? Ахъ, какъ ты глупъ, Марко! Ну, такъ отговори бабушку! Я буду рада если она оставитъ меня въ покоѣ и не будетъ приставать ко мнѣ съ этимъ страшилищемъ. Лучше ужъ вовсе остаться безъ мужа чѣмъ получить такого.

Марко схватилъ ее за обѣ руки и устремивъ на ея улыбающееся личико взоръ полный невыразимой муки проговорилъ:

— Хочешь меня въ мужья, Filomela mia? Я по крайней мѣрѣ сочувствую твоей юности, потому что самъ молодъ. Ахъ, amor mio, тебѣ будетъ хорошо у меня! Я буду носить тебя на рукахъ.

— Полно, полно! Ты шутишь, Марко!

— Вовсе нѣтъ, Filomela mia bella! Я сынъ купца, у тебя будетъ свой домъ, продолжалъ онъ все настойчивѣе, — я накуплю тебѣ красивыхъ платьевъ, поведу тебя гулять на Корсо...

— И я буду носить шляпу какъ какая-нибудь синьора? съ восхищеннымъ недоумѣніемъ спросила она.

— Конечно! и перчатки и зонтикъ. Вѣдь сынъ часовщика Магно на Навонской площади партія получше стараго башмачника съ Сикстинскаго моста.

Это ее убѣдило.

— Ну, что же? Я пожалуй согласна, съ улыбкой проговорила она. — Я скажу бабушкѣ что ты меня берешь и что для меня ты лучше башмачника.

Старая Кекка всплеснула руками надъ головой.

— Горбунъ хочетъ жениться? Ну, ну! нечего сказать, дѣла́! Но партія, правда, блестящая. И потомъ горбъ въ семьѣ приноситъ счастіе; запомни это, внучка. Еслибы горбунъ не вертѣлся въ нашемъ домѣ, не миновать бы тебѣ башмачника. Слава Царицѣ Небесной что все такъ случилось!

Весь слѣдующій день Филомела ходила какъ въ сладкомъ снѣ. Она будетъ носить шляпу и перчатки, узкія, длинныя перчатки, какъ знатныя дамы на Корсо. А когда она пойдетъ къ обѣднѣ въ храмъ св. Петра, то ей будетъ не зачѣмъ повязываться платочкомъ, и всѣ дѣвушки станутъ указывать на нее и шептать: „Смотрите! вотъ стоитъ Филомела, внучка старой Кекки! Она стала синьорою и теперь ходитъ въ шляпѣ...“

Старикъ Магно пережилъ многое на своемъ вѣку, и *его* сообщеніе старшаго сына не вывело изъ его невозмутимаго спокойствія.

— Собираешься жениться? Ну, что жь, я ничего не имѣю противъ этого. Невѣста твоя, вѣроятно, не Богъ знаетъ что, figlio mio? то-есть, это я говорю насчетъ твоего горба...

— Она внучка старой Кекки съ Яникула, отвѣчалъ Марко.— Красивая, скромная дѣвушка.

И при этомъ сердце его стучало такъ, какъ будто хотѣло пробить грудь насквозь.

— Изъ нищенской семьи...

— Ого! Она получаетъ сто лиръ деньгами, а поле за хижиной, фиговыя и масличныя деревья, садъ и три козы достанутся ей послѣ смерти бабушки. Я думаю, отецъ, что Арриг[о] можетъ разъ навсегда принять отъ тебя магазинъ, а ты мн[ѣ] лучше выдѣли мою часть деньгами. Я прикуплю клочекъ земл[и] и открою садовое заведеніе.

Арриго работавшій за столикомъ въ лавкѣ вышелъ на крыльцо. Онъ все слышалъ черезъ отворенную дверь.

— Не сердись на меня, братъ, добродушно сказалъ онъ,—

но я никогда но ожидалъ отъ тебя такой глупости. Какъ ты думаешь, почему беретъ тебя дѣвушка?

— Потому что... я могу хорошо содержать ее и потому что я и вообще не противенъ ей, несмотря на мой горбъ.

Улыбка сожалѣнія играла на губахъ младшаго брата. Онъ не хотѣлъ сказать брату въ лицо что его онъ жалѣетъ, а дѣвушку согласившуюся стать женой такого калѣки презираетъ.

Въ слѣдующее воскресенье къ вечеру Арриго возвращался съ Пинчіо, куда онъ пошелъ нарочно чтобы избѣжать посѣщенія старой Кекки и ея внучки. Цѣлый день его что-то мучило и безпокоило. Можетъ быть глупость брата? Онъ самъ не зналъ что̀. Въ это время въ церкви св. Троицы, что̀ наверху Испанской лѣстницы, благочестивыя сестры св. Сердца Іисусова пѣли вечерню. При этомъ онѣ оставались невидимы для народа, и голоса ихъ доносились сверху какъ ангельское пѣніе. Повинуясь какому-то смутному внушенію Арриго вошелъ въ церковь; она была такъ полна что онъ долженъ былъ остановиться у входа.

— Ora pro nobis! лились сверху сладкіе голоса монахинь.

Въ церкви царилъ торжественный полумракъ. На главномъ алтарѣ горѣли свѣчи въ высокихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ. Воздухъ былъ душенъ отъ ладана. У Арриго выступилъ потъ на лбу, но тѣснота была такъ велика что онъ не могъ обмахнуться платкомъ для освѣженія.

Не далеко отъ него стояли на колѣнахъ старуха и молодая дѣвушка. Взоръ юноши равнодушно скользнулъ по нимъ, но потомъ снова вернулся и со смущеннымъ изумленіемъ остановился на дѣвушкѣ. Ея головка покрытая широкимъ плоскимъ головнымъ уборомъ была опущена. Темные кудрявые волосы падали изъ-подъ платка на нѣжныя молодыя щечки. Она глядѣла въ молитвенникъ, но очевидно ничего не читала, а слушала стройное пѣніе монахинь; это было видно по ея свѣтлой улыбкѣ.

Вдругъ Арриго вздрогнулъ. Рядомъ съ дѣвушкою стоялъ на колѣнахъ еще кто-то едва замѣтный въ толпѣ... его братъ Марко! Неужели же это дитя дало слово несчастному горбуну? А было похоже на то! Старуха съ пергаментнымъ лицомъ что-то очень хитро смотрѣла на обоихъ. Чувство отвращенія охватило Арриго. Ему хотѣлось поколотить старуху и плюнуть на дѣвушку, но... онъ не могъ: эта дѣвочка съ тихою просвѣтленною улыбкой была похожа на ангела чистоты и невинности.

Жара стала для него невыносимою. Онъ уйдетъ, уйдетъ сейчасъ же прежде чѣмъ его замѣтитъ братъ.

Но на улицѣ при лучахъ заходящаго солнца онъ упрямо остановился. Станетъ онъ бѣжать отъ дѣвчонки которую презираетъ!

Въ церкви прозвучало послѣднее аминь. Шумно повалилъ народъ; толпа тѣснила и кружила карлика Марко, а передъ нимъ шла кудрявая дѣвушка съ дѣтскимъ улыбающимся личикомъ. Теперь ея глаза уже не были опущены, а, напротивъ, ясно и радостно смотрѣли на все кругомъ черезъ голову бабушки, черезъ толпу, и наконецъ невинно встрѣтились съ враждебнымъ взоромъ юноши прислонившагося къ периламъ лѣстницы. Вдругъ она опустила глаза, и на лицѣ ея показалось выраженіе сильнаго испуга. Она схватила старуху за руку.

— Бабушка! Тамъ стоитъ человѣкъ и дѣлаетъ на насъ злые глаза. Матерь Божія! какой красавецъ!

Въ это время горбунъ пробилъ себѣ дорогу и задыхаясь подошелъ къ нимъ. Онъ сдѣлалъ знакъ молодой дѣвушкѣ.

— Подожди минутку, Филомела! Я вижу тамъ моего брата Арриго. Извините, бабушка!

Онъ торопливо заковылялъ сквозь рѣдѣющую толпу, горя желаніемъ познакомить свою Филомелу съ братомъ, но когда онъ дошелъ до Испанской лѣстницы, Арриго тамъ уже не было. Онъ вернулся въ большомъ огорченіи.

— Онъ ушелъ. Вѣрно онъ не видалъ насъ.

— Кто? Тотъ человѣкъ который стоялъ у перилъ?

— Конечно. Это и былъ мой Арриго.

— Онъ вѣрно очень злой? прошептала дѣвушка.

Марко громко разсмѣялся надъ ней.

— Кто? Арриго? добрѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ.

На возвратномъ пути Филомела была задумчива, и ея дѣтская душа была чѣмъ-то смущена. Куда дѣвались блескъ неба и красота яснаго осенняго дня?! Сумерки простирали свои темныя крылья надъ Римомъ; послѣдній блескъ зари погасъ.

— Посмотри какъ чудно закатился день! сказалъ счастливый Марко, идя рядомъ съ любимою дѣвушкой. Но Филомела ничего не видала. Темные, сердитые глаза завладѣли ею. Они чудились ей вездѣ, куда бы она ни поглядѣла.

— Вотъ что, Марко, ни съ того ни съ сего спросила она,— у твоего брата не дурной глазъ?

— Что за вздоръ, голубка! Чтò тебѣ въ голову пришло? У такого славнаго, веселаго парня и вдругъ дурной глазъ! Онъ просто чудакъ и не любитъ женщинъ, не въ обиду тебѣ будь сказано, Filomela mia!

Вечеромъ, ложась спать, молодая дѣвушка думала не о богатствѣ и счастливой долѣ ждавшей ее какъ жену Марко; не шляпы съ цвѣтами и перьями, не перчатки и длинныя платья снились ей, а все тѣ же черные глаза на разсерженномъ юношескомъ лицѣ.

— Матерь Божія! молилась она въ своей невинности.—Помоги мнѣ, бѣдной дѣвушкѣ! Онъ околдовалъ, сглазилъ меня. Я все время думаю о немъ, и мнѣ такъ страшно и такъ чудно̀. Я готова плакать о томъ что онъ посмотрѣлъ на меня, и въ то же время рада... да, пресвятая Матерь Іисусова, рада!..

— Что̀ такое случилось съ Арриго?

Этотъ вопросъ не разъ и тщетно задавалъ себѣ старикъ Магно.

— Figlio mio, я въ жизни моей не помню чтобы ты когда-нибудь сидѣлъ такъ пасмурно и повѣся носъ. Ты бродишь по комнатѣ какъ сѣдая бѣда. Скажи лучше просто что̀ у тебя въ головѣ. Я и придумать не могу.

Отецъ и сынъ сидѣли вмѣстѣ въ мастерской среди тикающихъ часовъ. Арриго низко склонился надъ своимъ столикомъ, и старикъ не замѣтилъ краски вспыхнувшей на его щекахъ.

— Ровно ничего! съ досадой отвѣтилъ онъ.—Развѣ только одно: меня сердитъ глупая выходка нашего Марко.

— Да? А я думалъ, тебѣ все равно. Впрочемъ, знаешь, я тебѣ скажу, Филомела славное созданіе. Просто милочка! Ты самъ увидишь. Per Bacco! Вотъ еслибы *ты* привелъ мнѣ въ домъ такую пѣвчую пташку, да завели бы вы мнѣ пару или тройку внучатъ, то я сейчасъ же подарилъ бы вамъ мастерскую и усѣлся бы старымъ дѣдушкой въ кресло. Право, Арриго, мальчикъ мой, сдѣлай ты мнѣ эту радость! Отыщи себѣ жену, гдѣ и какую хочешь, пусть только она будетъ молода и красива.

Это было уже черезъ край! Съ громкимъ проклятіемъ вскочилъ Арриго и далъ зарокъ ни за что̀ никогда не брать жены. Теперь меньше чѣмъ когда-либо! И къ чему вообще созданы женщины? Онѣ вносятъ въ жизнь только вражду и безпорядокъ. Тщеславныя, слабыя, лживыя созданія! Нѣтъ, спасибо! Онъ не дастъ ни одной изъ нихъ сѣсть себѣ на шею!

— Сынокъ, не грѣши! Твоя покойница мать тоже была женщина.

— Разумѣется, отецъ! О ней я и не говорю, о нашей св.

Мадоннѣ и того меньше, а всетаки, видитъ Богъ, мнѣ лучше бы не родиться на свѣтъ.

Голосъ его дрогнулъ, лицо поблѣднѣло, но онъ не хотѣлъ выдавать своего волненія. Торопливо нахлобучилъ онъ шапку на непокорныя кудри и бурей выбѣжалъ изъ комнаты.

На свѣжемъ воздухѣ и среди чужаго народа онъ какъ будто успокоился, но всетаки онъ чувствовалъ что его гонитъ какой-то злой духъ. На мосту св. Ангела на него повѣялъ прохладный вѣтерокъ, и онъ пошелъ тише. „Впередъ, думалъ онъ; все равно куда, только впередъ". Такъ онъ случайно забрелъ на площадь св. Петра, гдѣ плескъ фонтана вывелъ его изъ задумчивости. Вотъ куда онъ попалъ? Здѣсь по крайней мѣрѣ не слышно уличнаго шума, и тѣ два три человѣка, которые пройдутъ по площади, теряются въ необъятномъ просторѣ собора, папскаго дворца и исполинскихъ колонадъ.

„Въ храмѣ еще тише и свѣжѣе", подумалъ Арриго. „Тамъ можно отдохнуть и разобраться въ мысляхъ, не попадаясь никому на глаза".

Едва онъ успѣлъ войти на лѣстницу, какъ боковая дверь хлопнула и изъ нея навстрѣчу ему вышла дѣвушка. На ея молодомъ лицѣ свѣтилось еще благоговѣніе молитвы, но дневной свѣтъ былъ такъ рѣзко ярокъ что она остановилась и зажмурила глаза. Вдругъ она снова открыла ихъ; на нее смотрѣло прекрасное, блѣдное лицо „колдуна". И ей некуда бѣжать! Она стояла какъ вкопанная и дала ему подойти совсѣмъ близко.

— Вѣдь ты Филомела, невѣста моего брата Марко?

При первомъ звукѣ его голоса страхъ дѣвушки исчезъ. Она никогда не думала что онъ можетъ говорить какъ другіе люди.

— Ma si, конечно! А ты Арриго. Я тебя сейчасъ же узнала. Отчего ты не любишь дѣвушекъ?

— Не все ли тебѣ равно?

— Нѣтъ, потому что ты всегда смотришь на меня злыми глазами.

— А что же мнѣ благодарить тебя, что ли, за то что ты поймала моего брата несмотря на его ростъ и горбъ? грубо бросилъ онъ ей въ отвѣтъ.

— Ахъ, св. Мадонна! ты говоришь такъ, какъ будто мы сами себѣ выбираемъ мужей. Вотъ-то досталось бы тебѣ отъ бабушки! У Марко хорошее лицо и онъ умѣетъ хорошо разказывать. А еслибы ты видѣлъ стараго башмачника съ Сик-

стинскаго моста который вѣчно пьянъ и одну жену уже успѣлъ уморить, то ты понялъ бы, почему я охотнѣе беру твоего брата чѣмъ его.

Филомела вздохнула и довѣрчиво поглядѣла въ сердитое лицо Арриго.

— Я тебѣ говорю что мы, дѣвушки, настоящія мученицы. Чуть только мы надѣнемъ длинную юбку и начнемъ немножко радоваться на Божій міръ, какъ сейчасъ же намъ на шею сваливается драчунъ-мужъ и полдюжины ребятъ. Ужь я просила, просила бабушку чтобы она дала мнѣ погулять еще два годочка, нѣтъ! она говоритъ что мнѣ уже пора.

Они вмѣстѣ сошли съ лѣстницы и повернули къ берегу Тибра. Лицо Арриго приняло мягкое и грустное выраженіе. Филомела наглядѣться на него не могла, такъ онъ ей нравился! А ростъ-то его! Онъ былъ на полъ-головы выше ея и прямъ какъ пальма.

— Такъ Марко тебѣ милѣе башмачника? тихо спросилъ онъ, не сводя глазъ съ кончиковъ своихъ сапогъ.

— Конечно. Но сначала мнѣ было очень смѣшно: я думала что горбатый человѣкъ не такой какъ всѣ. Но бабушка мнѣ сказала: не будь дурочкой, Филомела! Такой партіи тебѣ во всю жизнь не видать.

— Значитъ... то-есть, я хочу сказать что ты всетаки любишь моего брата?

Задавъ этотъ вопросъ, Арриго въ первый разъ взглянулъ дѣвушкѣ прямо въ глаза. Въ его взорѣ сверкнула молнія, которая ослѣпила ее, какъ недавно солнце при выходѣ изъ собора. Эта молнія проникла ей не только въ глаза, а глубоко, глубоко въ душу; ей показалось что какая-то завѣса упала съ ея сердца, и оно озарилось яркимъ лучомъ свѣта.

Какою глупенькою и дерзкою дѣвочкой она вела себя, какимъ ребенкомъ! Дѣвичій стыдъ охватилъ ее, сердце ея стучало, щеки горѣли, и она трепетала отъ этого внезапнаго и блаженнаго пробужденія.

Любитъ ли она? Кого? Пресвятая Дѣва! Этого бѣднаго, маленькаго, добренькаго горбуна? Она вспомнила какъ онъ разъ обнялъ ее и хотѣлъ поцѣловать, но она оттолкнула его и страшно разсердилась. „Пожалуйста не начинай этихъ глупостей! сказала она. Я терпѣть не могу этого. Убирайся! Ты противный, я тебя видѣть не могу!“ И Марко долженъ былъ долго просить и молить, прежде чѣмъ она стала опять

по прежнему довѣрчива и ласкова къ нему. Съ тѣхъ поръ онъ никогда не позволялъ себѣ ничего подобнаго.

— Ну? нетерпѣливо переспросилъ Арриго.—Говори прямо! Ты любишь его, не правда ли?

— Ахъ, что ты! и она скромно потупила глаза.—Я ни о чемъ такомъ и не думала.

Онъ вздохнулъ такъ, какъ будто у него гора свалилась съ плечъ.

Послѣ этого они пошли молча и, наконецъ, дошли до тропинки ведшей въ хижину Кекки. Здѣсь они остановились въ какомъ-то смущеніи. Ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ взглянуть на другаго.

— Addio! прошептала наконецъ Филомела.

Юноша вздрогнулъ. О чемъ онъ думалъ и отчего такъ робко стучало его сердце?

— Ты уходишь? Addio!.. Но, знаешь ли, я иду навстрѣчу брату въ монастырь. Ты не пойдешь со мной?

Она не видала, какъ боязливо скользилъ по ней его взоръ, потому что сама опустила глаза. Ей было чего-то стыдно.

Какое счастье что горбунъ далеко! Его-то она меньше всѣхъ хотѣла бы видѣть въ эту минуту. И за него она должна выйти замужъ? Какъ дала она себя уговорить?!

Она не хочетъ замужъ, совсѣмъ не хочетъ. Ей ужасно и подумать объ этомъ.

Глотая слезы она закрыла фартукомъ зардѣвшееся отъ стыда лицо.

— Нѣтъ... я пойду домой. Скажи своему брату чтобы онъ больше не приходилъ! Я не люблю его... никого... и тебя также. Пресвятая Дѣва! Я боюсь... боюсь! И какъ испуганная козочка Филомела бросилась черезъ поле домой.

. . . .

Старый Магно забросилъ свои часы, предоставилъ имъ лежать и идти какъ угодно, и весь ушелъ въ свои тяжелыя думы: его заботили сыновья и заботили день ото дня больше. Ихъ дружбѣ и согласію пришелъ конецъ. Они ссорились изъ-за каждой мелочи и придирались къ каждому слову другъ друга, особенно горбунъ Марко. Онъ положительно былъ виноватъ больше брата. Такое раздражительное и нервное созданьице! Довольно было мухѣ пролетѣть мимо его носа чтобы привести его въ ярость.

— Слушай, Марко! Чего ты злишься? Что̀ съ тобою дѣлается? Ты съ каждымъ днемъ становишься хуже. Или ты

можетъ быть поссорился со своею Филомелой? Потерпи! Все это пройдетъ и уладится.

Отъ этихъ словъ цѣлый вулканъ гнѣва заклокоталъ въ груди горбуна. Краска вспыхнула на его впалыхъ щекахъ, и глаза его загорѣлись злобнымъ огнемъ.

— Самъ дьяволъ вселился въ Филомелу, или кто-то набилъ ей голову какимъ-то вздоромъ. Желалъ бы я знать кто; я разорвалъ бы его своими руками.

Вечеромъ пришла бабушка Кекка и прожужжала всѣмъ уши своими жалобами.

Эта несчастная Филомела совсѣмъ съ ума сошла; ее сглазилъ кто-то: теперь она не хочетъ ни горбуна, ни башмачника, и какъ бы вы думали почему? потому что она терпѣть не можетъ мущинъ!

— Скажите пожалуйста, дядюшка Магно, на что̀ это похоже? Ужь, кажется, я ли не старалась воспитывать и учить сиротку! Она еще изъ пеленокъ не вышла, какъ я уже толковала ей: „Филоменина, милочка, приличная дѣвушка должна такъ или иначе выйти замужъ и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше; самый плохой мужъ лучше никакого“. А тутъ вдругъ такая блестящая партія, какъ сынъ купца Магно съ Навонской площади, и она упрямится! Ужь я билась, билась, ничего не беретъ! Ахъ, св. Маргарита Кортонская, я просто задыхаюсь отъ злости и горя!

И бѣдная старуха въ изнеможеніи бросилась на стулъ. Переведя духъ она напала на несчастнаго жениха:

— Ну, чего ты стоишь бѣлѣе холста? Ты бы долженъ не зѣвать, а хорошенько поработать языкомъ. Неужели такой умный парень, какъ ты, не можешь уговорить глупой дѣвчонки?

— Да вѣдь она меня въ домъ не впускаетъ! простоналъ Марко, и старуха уныло кивнула головою.

— Правда твоя, бѣдняжка! Она сидитъ цѣлый день у окна и, кажется, скоро просмотритъ дыру въ небѣ, а чуть только заслышитъ чьи-нибудь шаги, хотя бы сосѣдской собаки, такъ сейчасъ прыгъ къ двери и щелкнетъ задвижкою! Нѣтъ, какъ хотите, а ее сглазили.

Дядя Магно какъ-то весь съежился и спряталъ голову въ плечи.

— Въ такомъ случаѣ нечего съ ней и дѣлать, сказалъ онъ.

— Какъ нечего? заволновалась бабушка.—Я женщина опытная, дядюшка Магно, а вы человѣкъ уважаемый. Я запру

Филомелу на ключъ, вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе и придете ко мнѣ, и мы съ вами вмѣстѣ отчитаемъ ее хорошенько. Въ два языка легче говорить.

— Нѣтъ, бабушка, нѣтъ, я въ такія дѣла не мѣшаюсь. Если ваша Филомела хочетъ моего Марко, прекрасно! Я ничего не имѣю противъ этого; а не хочетъ, не надо. Марко можетъ искать себѣ другую невѣсту, или вовсе не жениться.

Горбунъ сидѣлъ за столомъ, опустивъ голову на руки. Вдругъ ему пришла въ голову блестящая мысль. Филомела спросила его, не колдунъ ли Арриго. А что, если онъ въ самомъ дѣлѣ обладаетъ силою подчинять людей своей волѣ? Не согласится ли онъ испробовать эту силу надъ его непокорною возлюбленной? Положимъ они ссорились всѣ эти дни, но добрые братья не должны обращать вниманіе на такіе пустяки.

— Это правда, кто-нибудь долженъ поговорить съ нею, сказалъ онъ хриплымъ отъ волненія голосомъ,—но только не вы, бабушка, и не отецъ, на ваши слова она не обратитъ вниманія, а ты, Арриго, ты!

— Оставь меня въ покоѣ! сердито отозвался Арриго.

Но Марко присталъ къ нему.—Братъ, сжалься! Ты не знаешь какъ я страдаю. Ты не знаешь любви. Я не переживу этого... Скажи ей это, братъ! Поговори за меня!

Арриго старался стряхнуть съ плеча руку брата, но напрасно. Горбунъ судорожно вцѣпился въ него и продолжалъ умолять его. Наконецъ Арриго въ изнеможеніи сдался.

— Хорошо, я попробую! Но дай мнѣ срокъ до завтра; я долженъ обдумать что̀ сказать.

При этомъ глубокая складка легла у него на лбу, и взоръ его сверкнулъ мрачною рѣшимостью. „Такъ или иначе", думалъ онъ, „а этой мукѣ надо положить конецъ".

На слѣдующее утро, уходя на работу въ монастырь, Марко молча подалъ руку брату. Тотъ понялъ его нѣмую просьбу.

— Когда ты вечеромъ пойдешь домой, то можешь самъ зайти къ ней за отвѣтомъ, сказалъ онъ.

Надъ Римомъ вѣяло тяжкое, влажное дыханіе сирокко. Небо было ровнаго, тусклаго сѣраго цвѣта и, казалось, грозило придавить землю. Къ обѣду на минуту пробилось солнышко, но не справилось съ тучами. Онѣ поглощали весь его блескъ, и оно смотрѣло тусклымъ, погасающимъ краснымъ шаромъ.

Вяло и задумчиво шелъ Арриго черезъ Сикстинскій мостъ къ Яникулу. Онъ вбиралъ въ себя разслабляющій воздухъ,

какъ какой-то ядъ. Этотъ ядъ проникалъ въ его платье, въ его члены. Арриго казалось что онъ идетъ на какое-то преступленіе.

Онъ долженъ былъ уговорить „дѣвочку“ на всю жизнь связать себя съ горбуномъ; она *должна* была быть принесена въ жертву калѣкѣ. Правда, этотъ калѣка его братъ и добрый человѣкъ, но что̀ изъ этого? А впрочемъ... кто знаетъ, въ какія руки попадетъ иначе Филомела? Старуха все равно не дастъ ей покоя, а бѣдный Марко... Нѣтъ, дѣлать нечего, будь что̀ будетъ! Надо взяться за дѣло брата.

А между тѣмъ скорбь грызла его душу и тайный голосъ шепталъ ему: „лицемѣръ... лжецъ... зачѣмъ жертвовать ею? Развѣ она одна не стоитъ васъ всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ?“

Старуха Кекка пошла за покупками въ Трастевере. Для Филомелы настала минутка покоя. Она сидѣла у окна и глядѣла на сѣрое небо. „Будетъ ли когда-нибудь опять свѣтло на свѣтѣ?“ думала она.

Вдругъ послышались шаги... вялые, боязливые... Дѣвушка вздрогнула. Яркою краской зардѣлось ея блѣдное личико. Это не Марко и не бабушка! Это другой... тотъ, кого она ждала все время. Дверь можно оставить открытою! Онъ остановился у окна и смотрѣлъ на дѣвушку какимъ-то отсутствующимъ взоромъ.

— Это ты? прошептала она и улыбнулась.

Но онъ бросилъ на нее одинъ изъ своихъ прежнихъ злыхъ взглядовъ.

— Я хотѣлъ поговорить съ тобою о моемъ братѣ.

— Я такъ и думала. Входи! Бабушки нѣтъ дома.

Она вышла къ нему навстрѣчу съ робкимъ дѣтскимъ смущеніемъ на огорченномъ личикѣ; въ рукѣ у нея было кольцо которое ей подарилъ горбунъ.

— Бабушка не соглашается вернуть его твоему брату, прошептала она.—Не сдѣлаешь ли ты этого для меня? Я тебя *очень* прошу.

Трогательное довѣріе звучало въ ея дрожащемъ голосѣ, но юноша не поддался его обаянію.

— Нѣтъ! рѣзко отвѣчалъ онъ.—Если ты его взяла, такъ должна и хранить. Когда дѣвушка дастъ слово жениху, а потомъ отказывается отъ него, то это называется нарушеніемъ вѣрности.

— Vergine Maria! вскричала она.—*Я не могу.* Неужели и ты пришелъ мучить меня?

— Онъ изъ-за тебя сталъ больнымъ и несчастнымъ.

— А я? Я по твоему осталась свѣжа и весела? Я цѣлыя ночи плачу и молюсь, но меня не пожалѣетъ ни одна душа; я должна идти замужъ во что бы то ни стало. Возьми... возьми кольцо, или я брошу его въ Тибръ. Я говорю тебѣ что не люблю твоего брата. Я была глупа, я ничего не понимала. Я не хочу выходить замужъ, я боюсь мущинъ.

Рыдая закрыла она лицо фартукомъ и забилась въ самый уголъ комнаты.

Онъ хотѣлъ начать браниться, сердиться, осыпать ее упреками, но ничего этого не вышло. Вмѣсто того невидимая рука влекла его къ ней, и сердце его было полно великаго, нѣжнаго состраданія.

Она услыхала что онъ подходитъ къ ней.

— Иди! иди прочь! съ отчаяніемъ вскричала она.

— Ты и меня боишься?

„Что это? Его ли это голосъ, или сладкій вѣтерокъ?“ Филомела робко выглянула изъ-подъ фартука. Взоры ихъ встрѣтились. Обоимъ показалось что солнце выглянуло изъ-за тучъ и залило ихъ розовымъ блескомъ.

— И меня? тихо переспросилъ Арриго.

— Ахъ, нѣтъ! Тебя нѣтъ!

— Филомела!

— Ты опять хочешь строить злые глаза? печально перебила она.—Пойми ты, я не могу. Цѣлую ночь я не сплю и твержу себѣ: „Онъ тебя терпѣть не можетъ. Онъ не любитъ дѣвушекъ вообще, а тебя въ особенности. Ты не смѣешь думать о немъ, ты должна прятаться отъ него“. Ничего не помогаетъ! Пресвятая Дѣва Марія! Ты точно сглазилъ меня!

Онъ стоялъ совсѣмъ близко отъ нея. Мечтательная, скорбная улыбка скользила по его губамъ, и его стройная фигура склонилась надъ дѣвушкой.

— Ты ошибаешься, Филомела. Это... не сглазъ... это другое!

— Другое? Что же такое?

— Любовь, моя бѣдная, милая Филомела! Та же любовь которая сушитъ и меня!

— Тебя, Арриго мой? Матерь Божія, какое счастіе!

— Ты рада, дитя? А я готовъ умереть съ горя... здѣсь, у твоихъ ногъ... Вѣдь я не могу жениться на тебѣ, не погубивъ брата!

Онъ упалъ передъ ней на колѣна и рыдая закрылъ лицо

руками. Но дѣвушка обвила его шею руками и гладила его по кудрявой головѣ въ порывѣ неизвѣданнаго блаженства.

— Ты не долженъ плакать, amor mio! Встань, встань сейчасъ! Это грѣхъ: ты стоишь передо мною на колѣнахъ точно передъ Мадонной. Ахъ, но какъ хорошо что мы любимъ другъ друга! Я такъ рада, такъ рада, и никого въ свѣтѣ не люблю такъ какъ тебя! Но я скажу тебѣ одно: если ты будешь опять дѣлать мнѣ злые глаза и требовать чтобы я шла замужъ за твоего брата, то я брошусь въ Тибръ сегодня же!

Она подняла его съ колѣнъ и улыбаясь протянула ему свое личико. Онъ обвилъ ее руками и губы ихъ встрѣтились въ первомъ поцѣлуѣ.

Время близилось къ вечернѣ. Въ саду монастыря св. Онуфрія Марко срѣзалъ спѣлыя грозди винограда перекидывавшагося гирляндами съ дерева на дерево.

Братъ Томазо вынесъ изъ монастырской кухни кружку вина съ водой и поставилъ ее на скамью подъ „Тассовымъ дубомъ“, гдѣ обыкновенно съѣдалъ свой скромный полдникъ горбунъ.

— На слѣдующей недѣлѣ можно будетъ начать сборъ винограда, братъ Томазо, сказалъ Марко, подходя къ монаху.

— Тѣмъ лучше, сынъ мой! Но чтò съ тобой? Ты не похожъ на веселаго работника. Горе у тебя какое, или просто непріятности?

— Меня должно быть продулъ сирокко... да и дома у меня нелады.

Марко сдѣлалъ большой глотокъ изъ кружки. Отъ волненія и ожиданія ему нездоровилось весь день. Когда онъ отнялъ кружку отъ губъ, ознобъ пробѣжалъ по его тѣлу и губы его посинѣли.

— Съ тѣхъ поръ что ты связался съ этою женитьбой, figlio mio, ты мнѣ вообще не нравишься, продолжалъ добродушно монахъ.—Отецъ пріоръ говоритъ что ты голову потерялъ, что такой человѣкъ какъ ты созданъ Господомъ Богомъ для монастыря, а не для брака.

— Потому что у меня горбъ? рѣзко спросилъ Марко.

— И по этому и по другому, Марко! Ты долженъ бы служить одной Пресвятой Дѣвѣ и забыть обо всѣхъ остальныхъ женщинахъ. Вспомни своего любимаго поэта, сынъ, нашего великаго Торквато! Какъ только онъ запутался въ женской любви, а любилъ онъ очень знатную даму, такъ и погибъ. Душевный миръ покинулъ его. Онъ искалъ убѣжища въ нашемъ орденѣ, но, къ сожалѣнію, поздно. Земная любовь убила его. Ebbene! за то любовь небесная дала ему вѣчную жизнь.

Горбунъ бросилъ мрачный взглядъ на келью гдѣ Торквато со своими великими мыслями нашелъ себѣ послѣднее убѣжище. Окно стояло раствореннымъ. Въ кельѣ были посѣтители, какіе-то проѣзжіе иностранцы. На выбѣленной стѣнѣ виднѣлся портретъ великаго поэта въ человѣческій ростъ. Марко вздрогнулъ. Онъ часто видалъ этотъ портретъ, но сегодня онъ казался ему какимъ-то живымъ призракомъ.

— Братъ Томазо, мнѣ нехорошо, сказалъ онъ;—у меня лихорадка. Можетъ быть вы и правы: любовь терзаетъ и мучитъ, но она творитъ чудеса. Я не вѣрю что поэтъ бѣжалъ въ монастырь *отъ нея*. Она, правда, убиваетъ, эта грѣшная, земная, сладкая любовь, но чудо ея въ томъ что человѣкъ и умирая благословляетъ ее.

— Сынъ мой, ты говоришь какъ глупецъ, а дрожишь какъ больной. Не позвать ли мнѣ отца пріора?

Горбунъ махнулъ рукою.

— Это пройдетъ, братъ Томазо, только, если позволите, я бы лучше пошелъ домой.

Марко всталъ со скамьи. Лицо его напоминало призрачное, мертвенно-блѣдное лицо поэта въ кельѣ. Братъ Томазо испугался его вида.

— Иди, сынъ мой, иди, ради Бога, но помни что у насъ ты всегда найдешь миръ и покой.

Подобно тому какъ великій поэтъ бѣжалъ изъ міра, такъ теперь бѣжалъ Марко изъ монастыря. Тишина и одиночество были ему нестерпимы сегодня. Къ тому же эта тоска по Филомелѣ, эти муки неизвѣстности!..

Между тѣмъ погода разгулялась. Розовый блескъ заходящаго солнца лежалъ на домикѣ бабушки Кекки. У дороги паслась коза. Завидѣвъ Марко, она радостно заблеяла, привѣтствуя въ немъ стараго знакомаго.

— Тише, козочка, тише! Я не хочу чтобы въ домѣ знали о моемъ приходѣ. Онъ погладилъ мимоходомъ козу и спрятался за дерево. На склонѣ холма зашумѣли отъ вѣтра оливы. Послѣднія облака сбѣжали съ яснаго неба.

Бѣдный горбунъ тяжело и часто дышалъ. Ему было неудобно въ его засадѣ. „Побывалъ ли здѣсь Арриго? Навѣрно еще нѣтъ!“ Вокругъ дома царила почти торжественная тишина. Прижимаясь къ стѣнѣ, прокрался Марко къ окну. Неужели Филомелы нѣтъ дома? Господи, куда ему тогда дѣваться со своею тоской!? Нѣтъ, въ домѣ кто-то есть... онъ слышитъ голоса. Неужели это голосъ Арриго? Никогда не слыхалъ онъ

у него такихъ мягкихъ, нѣжныхъ звуковъ. Ну, если Филомела не сдастся на *этотъ* голосъ, то значитъ у нея нѣтъ сердца...

„Она что-то отвѣчаетъ... смѣется своимъ дѣтскимъ, серебристымъ смѣхомъ“... У Марко сердце въ груди перевернулось.

— Филомела, amor mio! говорилъ Арриго.

И дѣвушка, прижимаясь къ его груди, отвѣчала:

— Арриго, мой ненаглядный, я могу любить одного тебя.

Вдругъ въ окнѣ вынырнуло искаженное, нечеловѣческое лицо. Филомела громко вскрикнула и еще крѣпче прижалась къ своему возлюбленному.

— Вотъ онъ! Спаси меня отъ него!

— Кто? и Арриго бросился къ окну, но дѣвушка не пускала его, и онъ долженъ былъ протащить ее за собою.

— Твой братъ Марко!

Юноша поблѣднѣлъ какъ смерть, но скоро опомнился и, взявъ дѣвушку за руку, сказалъ ей:

— Пусть онъ узнаетъ все. Иначе нельзя. Мы долго выдерживали и боролись со своею любовью... Онъ долженъ это понять. А если не пойметъ, ebbene! я здѣсь, и не отступлю даже передъ роднымъ братомъ.

Подъ фиговымъ деревомъ лежалъ горбунъ; все тѣло его сводили судороги, на губахъ стояла пѣна. Но теперь припадокъ сталъ проходить, и его душилъ гнѣвъ.

— Ножъ мой! Гдѣ мой ножъ? кричалъ онъ.—Слава тебѣ Господи, вотъ онъ! Онъ схватилъ его дрожащею рукой и сталъ зубами открывать его. Въ это время послышался скрипъ двери.

„Это они... измѣнники, убійцы!.. Они зовутъ его? Въ самомъ дѣлѣ! Въ своей слѣпотѣ они сами зовутъ мстителя“.

Держа раскрытый ножъ въ рукѣ, Марко ползъ подъ заборомъ. Онъ увидалъ ихъ обоихъ. Филомела стояла рядомъ съ его братомъ и со слезами говорила:

— Арриго! не ходи! останься! Онъ караулитъ тебя гдѣнибудь... Ну, такъ я пойду съ тобою! Я скажу этому убійцѣ что его ножъ сначала пройдетъ черезъ *мое* тѣло, а потомъ уже коснется тебя.

Несчастный горбунъ подъ заборомъ вздрогнулъ. Ножъ выпалъ изъ его руки. Она назвала его убійцей? Да, это молодое невинное существо сразу поняло его. Онъ носилъ въ себѣ душу убійцы, онъ родился убійцей. То бѣшенство которое такъ часто овладѣвало имъ было не что̀ иное какъ ядовитое дыханіе убійцы. Ужасъ охватилъ его; ему стало страшно себя самого. Если ужь онъ непремѣнно долженъ убить

кого-нибудь, то почему не начать съ того преступника который жилъ въ его собственной груди? Нѣтъ! то-то и ужасно что онъ жаждалъ крови *брата!*

Теперь люди при видѣ его говорятъ: „Вотъ горбунъ!“ а тогда будутъ говорить: „Вотъ братоубійца!“

Марко вскочилъ и ногою вонзилъ ножъ въ сырую землю, а потомъ бросился безъ оглядки черезъ поле внизъ къ городу. Въ ушахъ его стоялъ дикій шумъ. Чтò это? Кровь стучитъ, или оливы шелестятъ отъ вѣтра и говорятъ всему свѣту: „Вотъ бѣжитъ братоубійца“!

Наконецъ уличный шумъ заглушилъ этотъ ужасный шепотъ. Марко остановился и перевелъ духъ. Онъ очутился на Корсо кишѣвшемъ народомъ, потому что былъ часъ прогулки. Потокъ людей увлекъ его за собою, и стоявшій кругомъ гулъ былъ похожъ на гулъ Тибра во время бури. На одну минуту ему стало легче, но потомъ его снова охватила та же мука. Боясь упасть, онъ бросился въ первую попавшуюся боковую улицу и, передохнувъ немного, съ трудомъ потащился дальше; шумъ сталъ мало-по-малу стихать, и улица становилась все пустыннѣе и нелюдимѣе.

Между тѣмъ наступилъ уже вечеръ. Сумерки цѣлебнымъ бальзамомъ ложились на измученную душу Марко. Ему казалось что ночныя тѣни открываютъ ему безконечность и зовутъ его погрузиться въ нее со всею его скорбью и ненавистью.

Онъ опять остановился и прислушался. Снова шумъ и шелестъ, но уже не страшный... точно пѣвучій голосъ вѣтра въ безконечномъ пространствѣ убаюкивалъ бѣдную, ничтожную землю. Какія-то свѣтлыя точки засверкали одна за другой... ихъ и не счесть... Ужь не звѣзды ли упали съ неба отъ страшнаго потрясенія въ душѣ Марко? Вдругъ что-то огромное, серебристо-бѣлое выросло передъ нимъ въ мягкомъ сумракѣ и съ пѣніемъ и звономъ бросилось въ темную, блестящую воду...

Марко опомнился. Онъ стоялъ передъ Fontana di Trevi, гдѣ вода бьетъ изъ скалы и плещется вокругъ стараго Океана въ его гигантской колесницѣ. Сколько разъ стоялъ онъ здѣсь и любовался на эти женскія фигуры нечеловѣческаго роста и красоты! Неужели та которая держала рогъ изобилія была похожа на маленькую, юную Филомелу?

Его снова охватила лихорадка и онъ побѣжалъ дальше, желая спастись отъ воспоминаній въ самомъ густомъ мракѣ ночи. Но они не отставали, они впились въ его грудь и жгли огнемъ его бѣдное истерзанное сердце. Ахъ! а та безконеч-

ность въ которую онъ хотѣлъ устремиться не имѣла границъ и разстилалась передъ нимъ все шире и шире!

Задыхаясь, весь въ поту, онъ, наконецъ, остановился. Прохладное, свѣжее дыханіе вѣяло ему въ лицо... и снова что-то шумѣло глухо и таинственно. Это не толпа на Корсо... не вода фонтана... а живой, журчащій Тибръ.

Тихо и незамѣтно простерла ночь свое покрывало надъ Римомъ, а тамъ, на другомъ берегу, возвышался колоссъ который стерегъ его сонъ, старый замокъ св. Ангела. Марко вступилъ на мостъ. Облокотясь на каменныя перила смотрѣлъ онъ внизъ по теченію рѣки въ волнахъ которой отражался красный кругъ восходящаго мѣсяца. Чѣмъ выше онъ поднимался, тѣмъ свѣтлѣе становилось кругомъ, и, наконецъ, изъ темноты явственно выступилъ Римъ, царь городовъ земныхъ, во всей своей древней, вѣчной красотѣ. Свѣтъ и мерцаніе разлились въ воздухѣ.

Марко опустилъ усталый блуждающій взоръ и сталъ смотрѣть не на восходящій мѣсяцъ и дремлющій Римъ, а на свѣтъ и блескъ воды. Да, онъ понялъ! Это отраженіе неба и звѣздъ. Какъ близко оно отъ него! Если онъ теперь скажетъ: „разступись!“ то Тибръ долженъ будетъ послушаться, потому что во всемъ блескѣ и сверканіи оживлявшемъ ночь не спитъ только онъ одинъ, онъ, бѣдный маленькій горбатый карликъ и въ то же время царь всей безмолвной прекрасной безконечности.

Еслибы теперь его увидѣла Филомела! Бѣдная, глупенькая дѣвочка когда-то сдѣлала ему больно, давно, давно... Онъ и забылъ объ этомъ среди безконечности; онъ помнилъ только одно: свѣтомъ ея темныхъ глазъ онъ когда-то упивался, какъ теперь отраженіемъ звѣздъ въ темной рѣкѣ, а личико ея улыбалось ему изъ-подъ черныхъ кудрей, какъ этотъ мѣсяцъ на ночномъ небѣ. Все остальное: дикую боль, ненависть, ярость, страшный голосъ называвшій его братоубійцей, все это онъ видѣлъ во снѣ въ какую-то тяжкую минуту, иначе міръ безконечности не могъ бы коснуться его и кроткая ночь не стала бы ласкать его чело.

Какъ хорошо ему стало! Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ онъ положилъ бы голову къ кому-нибудь на колѣна! Не къ Филомелѣ, нѣтъ! Она слишкомъ мала и нѣжна для его неизмѣримой скорби, и не къ отцу и даже не къ Арриго котораго онъ всегда такъ любилъ. Никто изъ нихъ не пойметъ его. Нѣтъ, онъ сложилъ бы свою тоску къ ногамъ многостра-

дальной Матери Божіей, или въ лоно темной ночи, или въ волны Тибра мягко плескавшіяся внизу, у подножія моста.

Онъ поднялся на цыпочки и заглянулъ черезъ перила. Блескъ, журчаніе и шумъ неслись снизу, какъ небесная музыка, а прозрачная глубина сверкала и искрилась все ярче и ярче. Тибръ раскрывалъ свои широкія объятія. „Иди ко мнѣ, бѣдный горбунъ, иди, усталый сынъ!“ звалъ онъ его. И весь воздухъ звенѣлъ сладкими шепчущими голосами: „Иди! иди!“

Онъ переступилъ порогъ безконечности, и всѣ страданія остались гдѣ-то далеко позади...

Дома его ждали до поздней ночи, но Марко не вернулся. Филомела, сидя въ креслѣ стараго Магно, плакала до тѣхъ поръ, пока не заснула.

— Poverina! бѣдная дѣвочка! шепталъ старикъ.—Тише, Арриго, не разбуди ея!

А Арриго сидѣлъ и смотрѣлъ на нее съ нѣжною печалью. Какъ прелестна она въ слезахъ о своей невольной винѣ! Она дремала, и ему казалось что ангелы оберегаютъ ея сонъ. Любовь сдѣлала ребенка женщиною, а скорбь возвысила и облагородила молодую душу.

На слѣдующій день къ полудню Тибръ тихо вынесъ бѣднаго горбуна на берегъ. Услыхавъ о случившемся, монахи св. Онуфрія послали двухъ братьевъ за тѣломъ несчастнаго.

— Пусть! покорно сказалъ старый Магно;—у святыхъ братьевъ ему было всегда лучше чѣмъ дома.

Такъ случилось что бѣдный горбунъ раздѣлилъ послѣднюю судьбу своего великаго поэта. Недалеко отъ Тассова дуба положили его на вѣчный покой, а братъ Томазо посадилъ виноградную лозу на его могилѣ.

Черезъ годъ въ церкви св. Онуфрія Арриго и Филомела обмѣнялись клятвою вѣрности, и священникъ благословилъ новобрачныхъ.

Дядя Магно вѣжливо велъ подъ руку „мать невѣсты“, то-есть, въ данномъ случаѣ бабушку Кекку. На церковной паперти она подтолкнула его локтемъ.

— Посмотрите, сватушка, на нашихъ дѣтокъ! Есть ли во всемъ Римѣ другая такая же парочка? И неужели вы думаете что все это кончилось бы такъ счастливо, еслибы Филомела сначала не познакомилась съ вашимъ бѣднымъ Марко. Я тогда же сразу сказала ей: „*Этого* держи крѣпче! Горбъ приноситъ счастье!“

ПИСЬМА Н. Н. СТРАХОВА КЪ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОМУ.

I [1]).

Постойте, постойте, безцѣнный Николай Яковлевичъ! Вы такъ торопитесь что васъ не догнать. Вы не читали и не хотите читать моей книги, а спорить хотите. Вы не опровергли ни одного моего вывода, а говорите такъ какъ будто всѣ они ложны. Вы ставите себя въ слишкомъ выгодное положеніе, приписываете себѣ право осуждать, не разбирая дѣла и не выслушивая подсудимаго. Кто затыкаетъ уши, для того никакая рѣчь не можетъ быть убѣдительна.

Давайте пофилософствуемъ. Вы начали сами. Вы неправильно обвиняете меня что я человѣкопоклонникъ, признаю das Werden, den Geist, діалектическій процесъ и проч. и проч. Ни о чемъ *подобномъ въ Китаѣ нѣтъ* ни одного слова. Въ томъ-то и штука что *ученіе* Гегеля, надъ которымъ вы такъ ругаетесь, и *метода* Гегеля двѣ вещи различныя, и что если возможно отдѣлиться отъ ученія, то отъ методы невозможно. Что-нибудь изъ двухъ: или эта метода, или голый эмпиризмъ; все среднее есть незаконная помѣсь, уродство, недомысліе.

Логическіе пріемы Гегеля проникли повсюду, во всѣ науки, во всѣ литературы, въ газеты и въ дѣтскія книжки. Они есть и въ вашей „Россіи и Европѣ“, они тотъ воздухъ которымъ мы дышимъ. Хорошо ли ругаться надъ ними, употребляя ихъ на каждой страницѣ?

Ученіе Гегеля другое дѣло. Вы знаете что оно имѣетъ тысячу видовъ, что оно служитъ опорою самымъ противоположнымъ взгля-

---

[1]) Письмо это не помѣчено, но оно писано въ іюнѣ 1873 г., такъ какъ, судя по его содержанію, представляетъ продолженіе спора о книгѣ Н. Н. Страхова „Міръ какъ цѣлое“, вышедшей первымъ изданіемъ въ концѣ 1872 г. На это время указываютъ также упоминаніе о редактированіи Достоевскимъ *Гражданина*, что̀ было въ 1873 г., и справка относительно „Россіи и Европы“ по 1 мая этого же года.

дамъ. Эта неопредѣленность погубила его. Моя книга одинъ изъ тысячи видовъ, по моему самый чистый, самый простой и притомъ такой который *не рѣшаетъ вопроса, а задаетъ его.*

Вы упрекаете меня выводами, но въ моихъ выводахъ нѣтъ ничего ни нелѣпаго, ни даже особеннаго. О вашихъ *маленькихъ атомахъ* я не буду говорить; мудрено вамъ будетъ присудить меня къ сожженію на кострѣ за ихъ отрицаніе. Но далѣе: я вовсе не обоготворяю человѣка, а говорю только что онъ хотя и жалкая вещь, но самое сложное и центральное явленіе. Конечно, для васъ какая-нибудь Acacia или Cryptomeria выше человѣка, но тамъ или здѣсь, а мы находимъ предѣлъ своего познанія, *за который разумомъ выйти не можемъ.* Человѣкъ чувствуетъ что онъ жалкая вещь и желалъ бы найти другой міръ, что-нибудь получше ума; но всѣ усилія ума отъ начала міра не подвинули его ни на шагъ въ этомъ направленіи. Вмѣсто того чтобы давать мнѣ 500 палокъ, укажите мнѣ лучше выходъ, если знаете. Гегель обоготворилъ человѣка; я вовсе его не обоготворяю и только показываю въ чемъ вся штука: въ невозможности умомъ перескочить эту границу. Вы вѣруете въ жителей планетъ, увѣряю васъ что это чистое идолопоклонство. Нужно вѣрить въ Бога и Его ангеловъ, предъ которыми дрянь всѣ планетные жители, такъ что и думать о нихъ не стоитъ. Но всѣ нынче стали космолатры (вотъ вамъ за антрополатрію), поклоняются воображаемымъ существамъ, забывая объ истинныхъ чистыхъ духахъ. Своимъ разсужденіемъ я только это и хотѣлъ сказать, что мы напрасно тѣшимъ свое воображеніе, что слѣдуетъ восхищаться не *міромъ*, а искать чего-нибудь выше. *Въ мірѣ нѣтъ ничего чудеснѣе того что мы знаемъ*, и *человѣкъ не ниже никакого мірскаго существа*, а такъ какъ человѣкъ дрянь, а міръ хорошъ лишь на столько, на сколько обладаетъ криптомеріями и акаціями, чудеснѣе въ немъ ничего нѣтъ, то и не слѣдуетъ предаваться мечтаніямъ *въ этомъ направленіи.*

Уже давно, безцѣнный Николай Яковлевичъ, я не поклонникъ Гегеля; но, ей Богу, прогрессъ человѣчества будетъ очень плохъ, если подобные умы будутъ презираться и забываться. Я питаю величайшее презрѣніе къ Дарвину, Миллю и другимъ подобнымъ любимцамъ нынѣшняго времени. Какъ въ прошломъ столѣтіи Французы забыли своего Декарта и Нѣмцы своего Лейбница и стали увлекаться англійскою философіей, такъ и нынче континентальная Европа устала сама думать, и въ ней распространяются англійскіе взгляды, народа тупѣйшаго. Вы замѣтили какъ-то что Англичане лишены изящнаго вкуса; точно такъ они лишены всякаго философскаго таланта.

Въ заключеніе скажу что вполнѣ оправдаться мнѣ трудно; въ книгѣ, дѣйствительно, есть слѣды пантеизма. Но...

11 іюня. Очень мало страницъ которыя я хотѣлъ бы передѣлать, и я это исполню если доживу до втораго изданія [2]).

Когда Богъ создавалъ міръ, то Онъ дѣлалъ это по порядку совершенства существъ: сперва растенія, потомъ водныхъ животныхъ, потомъ птицъ, наконецъ сухопутныхъ. И каждый разъ Онъ одобрялъ Свое твореніе, находилъ его достойнымъ похвалы. Наконецъ, человѣка Онъ создалъ по своему образу и подобію и тогда нашелъ что все *очень хорошо* (гл. I, ст. 31). Этого Моисеева ученія я вполнѣ держусь и если желаю подняться на другую точку зрѣнія, то вовсе не отвергая столь очевидныя истины...

Мнѣ, впрочемъ, очень пріятно что моя книга задѣла васъ за живое, до того что вы даже предпочитаете ей матеріализмъ. Такъ какъ я увѣренъ что вы заблуждаетесь, то начинаю очень дорожить своими немногими мыслями, истина которыхъ для меня несомнѣнна... Вы корите меня всякою гегелевщиной такою какой у меня вовсе нѣтъ. Между тѣмъ мнѣ интересно было бы узнать ваше сужденіе и даже просто яснѣе понять что̀ васъ такъ гнѣваетъ. Ругайтесь сколько хотите, но сперва прочитайте; увѣряю васъ что это есть истинная метода и единственная. Вы предпочитаете работать въ вашемъ саду, чѣмъ читать мою книгу и писать ко мнѣ письма; для васъ можетъ быть это дѣйствительно отлично, да для меня-то скверно, для меня никакой пользы нѣтъ, а одно неудовольствіе. Завидный вы человѣкъ! До того счастливый что не имѣете ни свободнаго времени, ни надлежащаго терпѣнія... Собирались написать ко мнѣ длинное письмо, такъ напишите, вотъ будете голубчикъ, и буду любить васъ всею душой.

Но полно философствовать. Долженъ сообщить вамъ разныя новости. Дня три назадъ уѣхали Григорьевы въ Ревель. Рука еще въ лубкахъ, но докторъ Чербышевичъ при мнѣ увѣрялъ что дѣло идетъ отлично... Просили очень вамъ кланяться. Пришлю вамъ новую книжку Василія Васильевича [3]) *Хивинскія письма*.

Градовскіе уѣхали уже недѣли двѣ назадъ. И отъ Александра Дмитріевича [4]) пришлю книжку *Національный вопросъ*. Главная мысль (въ статьѣ о славянофилахъ, его публичныя лекціи) ваша, Николай Яковлевичъ, но онъ радуется какъ собственному открытію и постаілъ своимъ долгомъ избѣгать *гніенія Запада*, почему и не рѣшился юмянуть о *культурныхъ типахъ*, такъ какъ отживаніе типовъ явиось бы непремѣнно, а Градовскій лавируетъ и не хочетъ раздра-

[2]) Второе изданіе „Міра какъ цѣлое“ вышло въ 1892 г. въ исправленномъ идѣ.

[3]) Григорьевъ, извѣстный оріенталистъ.

[4]) Градовскій, професоръ и публицистъ.

жать публику. Ну, да вы увидите. Я упомянутъ въ книгѣ на 305 страницѣ въ качествѣ *одного изъ друзей* автора; казалось бы очень лестно, а мнѣ лучше бы хотѣлось быть упомянутымъ въ качествѣ посторонняго. Впрочемъ, еще утѣшительно быть авторомъ котораго хоть друзья читаютъ, и то горькая доля! Меня и друзья перестаютъ читать, вы первый!

Мещерскій тоже уѣхалъ къ моему удовольствію. Достоевскій одинъ заправляетъ дѣломъ [5]) и, кажется, много ему выпадетъ на долю непріятностей. Охота была соваться въ такое дѣло! Судя по разказамъ, онъ принялъ на себя редакторство впопыхахъ, не подумавши, а мысль объ этомъ подалъ Майковъ. Ну, счастье Мещерскому! Понять невозможно чѣмъ онъ могъ заслужить такое большое усердіе.

Кашпиревъ все лежитъ съ переломленною ногою, теперь десять недѣль и столько же предстоитъ впереди. Несмотря на то, думаютъ ѣхать въ деревню въ началѣ іюля. Княжна Вѣра Сергѣевна (которую вы должны помнить, да, вѣрно, не помните) выходитъ замужъ за Мамчича (этого совсѣмъ не знаете), свадьба будетъ въ іюлѣ, въ деревнѣ, гдѣ они теперь.

Майковъ уѣхалъ на дачу въ Ямбургъ чтобы удить въ рѣкѣ Лугѣ; Полонскій не надолго въ Италію лечить свою ногу которая все у него болитъ. Моя нога, представьте, до сихъ поръ иногда отзывается. Но только недѣли три какъ я вполнѣ пересталъ чувствовать слабость и ужасно былъ радъ возможности долго гулять. Проклятая класическая реформа! Пріятеля у котораго стояли мои книги сгоняютъ съ мѣста за подозрѣніе въ несочувствіи класицизму. Теперь не знаю какъ быть. Хочется нанять квартиру и зажить постояннымъ жителемъ Петербурга. А на мѣстѣ [6]) я все еще не утвержденъ!

Вотъ вамъ справка: съ 1 мая 1872 по 1 мая 1873 года разошлось „Россіи и Европы“ 83 экземпляра, такъ что нужно продать еще 75 или около для того чтобы изданіе окупить. Плохо васъ продаютъ, Николай Яковлевичъ, а не то чтобы васъ плохо покупали. Такъ мнѣ кажется.

У Л. Н. Толстаго уѣхавшаго теперь въ Самару опять бѣды: умерла племянница и опять быкъ забодалъ пастуха. Онъ дивится что такой необыкновенный случай у него повторился два раза. Съ восторгомъ извѣщаетъ что пишется и уже много готово, только не то что̀ я вамъ разказывалъ, а что-то другое, не историческое...

Іюнь здѣсь стоитъ недурной, но часто здѣшняя природа показывается и въ своей ужасающей мрачности, вечера иногда имѣютъ

[5]) Редактированіемъ *Гражданина*.

[6]) Въ Императорской публичной библіотекѣ, гдѣ какъ и въ ученомъ комитетѣ Н. Н. Страховъ началъ службу съ 1873 г.

такой грустный видъ что и сказать нельзя. Новый паркъ на Адмиралтейской площади уже зеленѣетъ и сдѣлалъ очень пріятною алею Адмиралтейскаго бульвара. Отъ меня близко. Было три дня жаркихъ, такъ что я одурѣлъ и принялъ твердое намѣреніе переѣхать на дачу. Поѣхалъ къ знакомому который предлагалъ мнѣ комнату; что же? Вечеромъ сырость, тоска и комары, днемъ страшная духота подъ тоненькою и низкою крышей, а если дождь, каплетъ съ потолка. Я плюнулъ и остаюсь въ городѣ.

Прощайте, безцѣнный Николай Яковлевичъ, ругайтесь сколько угодно, но пишите непремѣнно...[7]) Вашъ всею душею *Н. Страховъ*.

II.

Очень виноватъ передъ вами, безцѣнный Николай Яковлевичъ, и предъ Ольгой Александровной что такъ долго не писалъ. Но, наконецъ, накопилось такъ много новостей и совѣсть такъ меня замучила что сегодня, въ Крещеніе, я не поѣхалъ въ гости, засѣлъ и пишу къ вамъ. Новости вотъ какія: Василій Васильевичъ получилъ звѣзду, Каэтанъ Андреевичъ другую, Александръ Дмитріевичъ генеральскій чинъ (изъ лицея). А всетаки скучно. Александръ Дмитріевичъ какъ-то объяснялъ это тѣмъ что васъ нѣтъ, я съ этимъ совершенно согласенъ и нѣтъ-нѣтъ да и принимаюсь вспоминать васъ. . Каэтанъ Андреевичъ, слава Богу, поправляется... Понедѣльники у Василія Васильевича бываютъ ужасно людные, такого множества народа я у него не видывалъ и съ умиленіемъ вспоминалъ прежніе дни когда были вы да еще три четыре человѣка. Тогда было веселѣе. Теперь собирается все восточный факультетъ (Василій Васильевичъ недавно выбранъ въ деканы)... Ближайшій другъ Николаевскій (помните-ли?).

Литература моя идетъ плохо. Постоянно пишу въ *Гражданинъ*, но никто меня не хвалитъ и не поощряетъ. Никто изъ пріятелей не читаетъ *Гражданина*. Наконецъ, Василій Васильевичъ и Александръ Дмитріевичъ просили принести имъ мои статьи. Прочитали, не понравилось; Александръ Дмитріевичъ сказалъ даже что у меня пропалъ талантъ и что для поправленія дѣла мнѣ нужно бросить *Гражданинъ*.

Да вообще *Гражданинъ* не читается ни университетомъ, ни литераторами, ни тою компаніею которая собирается по субботамъ у Ивана Петровича Корнилова. Между тѣмъ подписка хороша: $2^1/_2$ тысячи навѣрно будетъ. Но несчастный Достоевскій совсѣмъ изму-

[7]) Обычные въ каждомъ письмѣ поклоны и пожеланія.

чился. Я его очень цѣню и многое ему прощаю, но при его теперешней раздражительности просто избѣгаю съ нимъ видѣться.

Кн. Мещерскій пожинаетъ лавры. Везетъ ему удивительно. Мало того что Майковъ въ него влюбился, и Достоевскій пошелъ къ нему въ работники. Теперь ему удался сборникъ, *Складчина*, въ пользу Самарцевъ. Это его затѣя. Онъ снаскока успѣлъ соединить литераторовъ и самъ попалъ не только въ ихъ избранную компанію, но и выбранъ *казначеемъ*. Наконецъ, вчера Буренинъ похвалилъ его романъ *Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ*. Вы не понимаете что̀ значитъ похвала Буренина, но увѣряю васъ что это счастіе безмѣрное.

Зато я по службѣ дѣлаю успѣхи. Я вижу теперь что стоитъ получить одно мѣсто, другія мѣста такъ и полѣзутъ. Старшій библіотекарь Публичной Библіотеки есть, видите-ли, лицо почтенное, на которое можно положиться; это не какой-то литераторъ Страховъ. Предложили мнѣ сперва быть редакторомъ *Славянскаго Сборника* издаваемаго съ нынѣшняго года Славянскимъ комитетомъ. Скрѣпя сердце, я взялся, потому что ужь очень этого хотѣлось и Бычкову, и Корнилову, да и деньги обѣщаютъ. И представьте насмѣшку судьбы, я поѣхалъ къ Ламанскому просить статьи! Сбылось предвѣщаніе которое когда-то сочинили вы съ Александромъ Дмитріевичемъ. Сборникъ будетъ, конечно, ученъ, очень сухъ и очень плохъ.

Затѣмъ пріѣхалъ ко мнѣ въ библіотеку самъ А. И. Георгіевскій и предложилъ мнѣ мѣсто въ Ученомъ Комитетѣ, разбирать учебники по естественнымъ наукамъ, 1000 р. въ годъ. Я...согласился. Если бы не долги, не братъ [8]), не дороговизна квартиры, я бы отказался. Не знаю что̀ будетъ, такъ какъ вотъ двѣ недѣли Георгіевскій молчитъ. Но во всякомъ случаѣ я надѣюсь, безцѣнный Николай Яковлевичъ, въ февралѣ выслать вамъ 145 р. Вотъ вамъ доказательство моего трудолюбія и хорошаго поведенія. Къ концу года, надѣюсь, у меня будетъ своя квартира и не будетъ долговъ.

Съ Мануиломъ Александровичемъ мы все больше и больше дружимся. Жду его изъ Вологды черезъ два три дня. Прошлое полугодіе онъ почти не занимался, но... много читалъ легкаго. Теперь, бѣдняжка, пріѣдетъ сюда на тяжкій трудъ: готовиться къ экзаменамъ. Самъ я почти все время не въ духѣ: мучитъ меня темнота, и я часто вспоминаю крымское солнце. Пишется плохо, зато читаю запоемъ. Вотъ кстати: Майеръ открывшій *сохраненіе силы* и превращеніе движенія въ теплоту отзывается съ величайшею похвалой о книгѣ *Гирна*, которую мы съ вами читали.

1874 г. 6 января С.-Петерб.

---

[8]) Петръ Николаевичъ Страховъ.

III [9]).

Съ искреннѣйшею благодарностью посылаю вамъ, безцѣнный Николай Яковлевичъ, сто рублей; такъ какъ англійская книжка стоитъ пять рублей 50 коп., то за мною остается около 40 руб. на которые я исполню ваши комисіи, а чтò останется, вышлю. Это уже *четвертый* долгъ который я уплачиваю съ августа (первые три долга были поменьше и требовали скорѣе уплаты). Радуетъ это меня необыкновенно. Какого лучше доказательства что и при жалованіи по библіотекѣ я могу порядочно поживать? А тутъ даютъ мнѣ еще мѣсто въ 1000 р., члена Ученаго Комитета при Министерствѣ Н. Просвѣщенія; заживу отлично и приму видъ самаго почтеннаго и основательнаго чоловѣка... Но библіотека будетъ мнѣ точкою опоры, а также и литература.

Успѣлъ въ то же время и помочь Самарцамъ, то-есть, написалъ статью для *Складчины*. Если и не напечатаютъ, то это будетъ чудесно, значитъ, нашлись статьи которыя гораздо лучше моей. Затѣмъ скажу вамъ что нынѣшняя литература, наконецъ, начинаетъ возбуждать во мнѣ злобу, да и все наше современное искусство, живопись, музыка и проч. Въ ней, очевидно, господствуетъ духъ великорусскаго мужика. Чистые мужики, да еще костромскіе: Некрасовъ, Островскій, Писемскій, Потѣхинъ (всѣ изъ Костромы); а къ нимъ примыкаютъ и Достоевскій, и Салтыковъ, и композиторъ Мусоргскій (недавно съ огромнѣйшимъ успѣхомъ шла его опера *Борисъ Годуновъ*), и живописецъ Рѣпинъ и т. д. и т. д. Настоящее искусство у насъ заведено Татарами (Державинъ), Неграми (Пушкинъ), Хохлами (Гоголь), а изъ великороссовъ жители Украины (Толстой, Тургеневъ). Но теперь чисто великорусскій элементъ беретъ верхъ и грозитъ все затопить. Великороссы не имѣютъ дара къ искусству и философіи: это практическій, прозаическій народъ. Имъ не нравится „Россія и Европа“ (Вы, вѣдь, отчасти Малороссъ, а можетъ быть и совсѣмъ?), а глумленіе Щедрина надъ русскимъ народомъ и русскою исторіей имъ по душѣ.

Негодное племя! Они портятъ все сами въ себѣ; на все способны, но ничему не отдаются всею душой и ничего не могутъ создать. Все за чтò они берутся тотчасъ у нихъ опошляется и доводится до гадости. Они погубятъ наше искусство. Я встрѣчалъ у образованныхъ и тончайше развитыхъ людей такіе примѣры гру-

[9]) Письмо это не помѣчено; но оно, очевидно, должно слѣдовать за предыдущимъ непосредственно и писано осенью 1874 г.

бости, отсутствія изящества, отсутствія пониманія духовныхъ вещей что ужасался. И при этомъ безтолковѣйшій энтузіазмъ который вѣчно вспыхиваетъ и никогда не горитъ ровно и долго.

Мысль о значеніи сѣвернаго великорусскаго элемента въ нашей литературѣ была слегка высказана Ап. Григорьевымъ который самъ былъ удивительнымъ типомъ москвича по грубости чувства изящнаго, по энтузіазму и неустойчивости.

Однако, прощайте. Пишу къ вамъ въ библіотекѣ, гдѣ вообще пишу свои письма, къ ущербу казенной службѣ. Но я исправный библіотекарь, повѣрьте, Николай Яковлевичъ.

О Николаѣ Петровичѣ я вамъ не писалъ потому, что все попрежнему и по благополучному. Перемѣны ни малѣйшей, въ чемъ и состоитъ истинное счастье. Я у него обѣдаю разъ или два въ недѣлю, онъ мнѣ читаетъ переводы изъ Мицкевича и изрѣдка споритъ о жителяхъ планетъ.

Буду посылать книги, напишу вамъ еще, а теперь всѣмъ сердцемъ желаю вамъ и Ольгѣ Александровнѣ..

P. S. Мануилъ Александровичъ здравствуетъ и ведетъ себя изрядно.

IV.

Сколько разъ, многоуважаемый Николай Яковлевичъ, я находилъ великую отраду въ томъ что принадлежу къ народу, въ будущность котораго нельзя не вѣрить, и къ государству которое незыблемо-крѣпко держится духомъ этого народа. Еслибы не эта вѣра, то могъ ли бы я при нынѣшнихъ обстоятельствахъ спокойно читать свои книги и продолжать свои размышленія, не виляя языкомъ съ утра до вечера, какъ это дѣлаютъ многіе вокругъ меня? Я не читаю газетъ, не дѣлаю напрасныхъ догадокъ, не браню и не хвалю, а терпѣливо и спокойно жду пока совершится то что̀ отъ меня не зависитъ, въ чемъ не могу и не умѣю дѣйствовать. Но очень грустно и тяжело видѣть такой упадокъ русскаго духа, такое странное безлюдье, такое низкое настроеніе умовъ и душъ, разумѣется вверху, а не внизу. Одна надежда—Государь и Наслѣдникъ: Они по-русски чувствуютъ, по-русски страдаютъ. Миролюбіе Государя и Его рыцарское отношеніе къ коварнымъ и злоумышляющимъ европейцамъ мнѣ нравятся и можетъ быть и до конца на нашей сторонѣ будутъ и благородство, и милосердіе, и побѣда.

Усердно благодарю васъ за приглашеніе; но у меня столько набралось разныхъ визитовъ что я съ сожалѣніемъ долженъ отказаться

отъ этой мысли. Нынѣшнее лѣто буду кочевать по Россіи: думаю побывать въ Бузулукскомъ уѣздѣ и пить кумысъ въ новомъ имѣніи у Л. Н. Толстаго. Къ Фету тоже поѣду въ новое имѣніе подъ Курскомъ. Впрочемъ, все это только планы; но еслибы и можно было выгадать время, будетъ уже поздно. Надѣюсь когда-нибудь прогостить у васъ мѣсяца два сряду.

Получили ли вы мою брошюрку? Смотрите, не кидайте подъ столъ изъ пренебреженія къ философіи вообще и къ моей въ особенности, а прочтите съ начала до конца и уже потомъ ругайтесь. Я самъ очень доволенъ этою книжкой [10]) и получилъ нѣсколько похвалъ очень меня удовлетворившихъ.

Если надумаете писать, то до половины августа всего лучше адресуйте въ Тулу на имя Л. Н. Толстаго.

Жалѣю очень о *Р. Мірѣ*. Какъ это можно, имѣя 10.000 подписчиковъ, уронить газету! Теперь она конечно хуже, но вѣроятно лучше удовлетворяетъ читателей, и посмотрите, пожалуй, пойдетъ. Если напишете что-нибудь, совѣтую вамъ прямо послать въ *Новое Время*. Тамъ напечатаютъ съ радостію. Да Суворинъ, вѣдь, порядочный человѣкъ и съ нимъ пріятно имѣть дѣло. А вамъ нечего церемониться, вамъ нужно заявлять свое мнѣніе.

Николай Петровичъ и Надежда Павловна уѣхали давно и благополучно. Василія Васильевича видѣлъ недавно, и показалось мнѣ что онъ опустился. Впрочемъ, это было на желѣзной дорогѣ въ Гатчинѣ, и духота была страшная...

PS. Завтра ѣду въ Ясную.

1878 г. 15 іюня.

V.

Начнемъ-те съ дѣла, дорогой Николай Яковлевичъ. Отвѣтъ „Обществу“ нужно писать на имя секретаря Николая Петровича Аксакова (Москва, Столешниковъ переулокъ, д. Никифорова). За дипломъ слѣдуетъ уплатить 10 руб., да еще слѣдуетъ приложить членскій взносъ 10 руб.; тогда вы получите въ награду всѣ изданія Общества, вещи очень хорошія, пѣсни и проч. Я только сегодня отправляю этотъ членскій взносъ и считаю большимъ невѣжествомъ что не отвѣчалъ до сихъ поръ... Мы выбраны еще въ 1876 г. [11]).

Не знаю почему такъ приходится, но я обыкновенно принимаюсь за письма тогда, когда бываю въ самомъ дурномъ духѣ. Не потому

[10]) „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи“.

[11]) Въ засѣданіи 23 декабря въ дѣйствительные члены „Общества любителей россійской словесности“ при Московскомъ университетѣ.

ли что тогда живѣе чувствуешь и свои обязанности и свое одиночество? Но вы, я знаю, не охотникъ до подобныхъ соображеній. Вы написали мнѣ и Николаю Петровичу пребольшія письма о Славянахъ и Дарвинѣ. Мы ихъ читали съ величайшимъ вниманіемъ и удовольствіемъ, но едва ли въ силахъ отплатить вамъ равною мѣрой. Вмѣсто того чтобы отвѣчать вамъ по пунктамъ, скажу лишь что вы совершенно правы съ политической точки зрѣнія, но что на эту точку никакъ не можетъ стать Толстой, выходя изъ *своей* точки. Тутъ есть противорѣчіе, разрѣшить которое я не берусь, но которое живо чувствую въ себѣ самомъ. Я безмѣрно удивляюсь Толстому что онъ съ непоколебимою стойкостью держится взгляда внушаемаго ему самою его натурой, самымъ его геніемъ, притомъ взгляда трудно уловимаго, не имѣющаго установившихся формъ, не вкладывающагося въ готовыя выраженія. Какъ критикъ я въ большомъ восхищеніи отъ такого глубоко-оригинальнаго явленія; какъ человѣкъ я чувствую въ себѣ тѣ струны которыя беретъ Толстой и люблю его всею душею. Вы называете это фатализмомъ, квіэтизмомъ, культомъ ежедневности [12]) (такъ?); но это не то; вмѣсто того чтобы браниться, попробуйте точнѣе формуловать то что̀ хочетъ сказать Толстой и что̀ сказать ему самому такъ ужасно трудно, и вы убѣдитесь что тутъ отражаются если не всѣ, то навѣрно наилучшія стороны нашего народнаго характера. Вы, напримѣръ, очень ошибаетесь, говоря что онъ идеализуетъ Александра! Дня три назадъ нашъ Сентъ-Илеръ (у насъ есть такой зоологъ и педагогъ) даже съ большимъ жаромъ доказывалъ мнѣ что Толстой величайшій изъ нашихъ нигилистовъ, что онъ, напримѣръ, представилъ въ смѣшномъ видѣ чувство преданности къ государю. Въ сущности и это неправда; онъ представилъ эти чувства въ ихъ *истинномъ* видѣ, такъ что вы не знаете умиляться, или смѣяться. Это не только юморъ, это что-то выше всякаго юмора, какое-то разоблаченіе души во всемъ ея ничтожествѣ и вмѣстѣ красотѣ. Толстой пишетъ очень ярко; попробуйте же проводить черту между тѣмъ что̀ онъ считаетъ дурнымъ и тѣмъ что̀ считаетъ хорошимъ; эта черта всегда вѣрна безупречно, вездѣ имѣетъ надлежащее направленіе. Чего же больше? Что̀ можетъ быть выше? Односторонность его очевидна; я указывалъ ее въ своей восторженной статьѣ, и лично мнѣ слѣдовало бы сокрушаться, потому что онъ не только не пробовалъ исправиться, а даже еще глубже ушелъ въ свою односторонность. Но онъ будетъ правъ, пока вы не найдете какимъ путемъ онъ съ своей точки зрѣнія можетъ перейти на вашу, и притомъ такъ чтобы, какъ училъ Гегель, въ новомъ взглядѣ *сохранилась* вся правда его нынѣшнихъ воззрѣній.

[12]) Сперва было написано „Современности“.

Я увѣренъ что духомъ высказывающимся у Толстаго хранится и живетъ Россія, что отъ этого духа зависятъ, главнымъ образомъ, и тѣ чудеса самоотверженія и *смирнаго героизма*, которыми мы одолѣемъ Европу и всѣхъ нашихъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Вы правы: наши политическія неудачи породили въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ безпорядки, общій упадокъ довѣрія и энергіи. Это какъ-то слышится въ воздухѣ, и признаюсь, отъ этого прескверно живется. Сообщу вамъ о недавней баталіи въ Академіи Наукъ. Нѣмцы хотѣли сдѣлать адъюнктомъ по санскриту нѣкотораго Ш. почти вовсе неизвѣстнаго, но зато племянника академику NN. Вл. Ламанскій написалъ презлую статью въ *Новомъ Времени*, и племянникъ сегодня провалился.

На дняхъ мы праздновали у Каэтана Андреевича его выборъ на 4-е пятилѣтіе въ университетѣ. Былъ и Василій Васильевичъ, нынче очень бодрый и веселый, и Ольга Васильевна...

Я послалъ вамъ 3-й томъ Виганда; надѣюсь, я не ошибаюсь что первые два у васъ есть. Неизвѣстный вамъ авторъ о борьбѣ за существованіе въ астрономіи есть вѣроятно Prel, котораго я просилъ выписать и пришлю какъ только получу.

Музыкой я нынче очень насладился. *Лоэнгринъ*, опера Вагнера, часто давалась въ эту зиму и подъ конецъ была исполнена превосходно. Это великія произведенія свидѣтельствующія о великихъ духовныхъ силахъ Нѣмцевъ. И на нѣкоторыхъ книгахъ мнѣ пришлось убѣдиться что этотъ духъ могучъ какъ и прежде и стоитъ своей славы.

...Лѣтомъ я доѣду до Кременчуга, но дальше не придется спуститься; на слѣдующее лѣто я непремѣнно поѣду въ Константинополь и заѣду къ вамъ...

1879 г. 4 мая. Спб.

VI.

Изъ Москвы въ Петербургъ мы ѣхали 31 августа вмѣстѣ съ Петромъ Петровичемъ, и тутъ я получилъ о васъ извѣстія. Оказывается что у васъ все по прежнему достойно зависти, и ваша милая семья благоденствуетъ, и садъ надъ моремъ красуется, конечно, все лучше и лучше съ каждымъ годомъ. Особенно я завидую не японскимъ растеніямъ которыя вы акклиматизуете, а вашему свѣту и духу.

Нынѣшнимъ лѣтомъ я доѣзжалъ до Кременчуга и сдѣлалъ отттуда прогулку до Кіева: никогда такъ я не любовался этимъ солн-

цемъ и никогда меня такъ не томилъ здѣшній мракъ. Какъ нарочно сентябрь стоитъ прекрасный по увѣренію здѣшнихъ жителей, а я не могу безъ досады видѣть эти тускло-желтоватые лучи которые здѣсь называются солнечнымъ свѣтомъ. Мои сожители Стахѣевы провели три мѣсяца, май—іюль, возлѣ Алушты и не нахвалятся. И мужъ и жена поздоровѣли; Стахѣева всѣ три мѣсяца ни раза не испытывала головной боли, и эта боль вернулась на послѣдней станціи подъ Петербургомъ. Такъ какъ болѣзнь очень ихъ мучитъ, то рѣшили они завести себѣ осѣдлость гдѣ-нибудь въ Крыму и проводить тамъ не менѣе полугода... Рекомендую ихъ вамъ въ сосѣди, очень милые люди, а если поздоровѣютъ, еще лучше станутъ.

Теперь разкажу вамъ мои странствія. Въ Кременчугѣ я... провелъ мѣсяцъ, а потомъ пустился въ обратный путь и по дорогѣ гостилъ у Фета, у Толстаго и у Голохвастова. Стихи Фета вы прочтете въ *Русской Рѣчи* (а каковы драмы? ужасъ!). Толстаго я нашелъ на этотъ разъ въ отличномъ духѣ. Съ какою живостію онъ увлекается своими мыслями! Такъ горячо ищутъ истины только молодые люди, и могу положительно сказать что онъ въ самомъ разцвѣтѣ своихъ силъ. Всякіе планы онъ оставилъ, ничего не пишетъ, но работаетъ ужасно много. Однажды онъ повелъ меня съ собою и показалъ что̀ онъ дѣлаетъ между прочимъ. Онъ выходитъ на шосе (четверть версты отъ дома) и сейчасъ же находитъ на немъ богомолокъ и богомольцевъ. Съ ними начинаются разговоры, и если попадутся хорошіе экземпляры и самъ онъ въ духѣ, онъ выслушиваетъ удивительные разказы. Верстахъ въ двухъ есть небольшіе поселки и тамъ есть два постоялые двора для богомольцевъ (содержатся не изъ выгоды, а для спасенія души). Мы зашли въ одинъ изъ нихъ. Человѣкъ восемь разнаго народа, старики, бабы, и дѣлаютъ что̀ кому нужно: кто ужинаетъ, кто Богу молится, кто отдыхаетъ. Кто-нибудь непремѣнно говоритъ, разказываетъ, толкуетъ, и послушать очень любопытно. Толстаго кромѣ религіозности, которой онъ очень преданъ (онъ и посты соблюдаетъ, и въ церковь ходитъ по воскресеньямъ), занимаетъ еще языкъ. Онъ сталъ удивительно чувствовать красоту народнаго языка, и каждый день дѣлаетъ открытія новыхъ словъ и оборотовъ, каждый день все больше бранитъ нашъ литературный языкъ, называя его не русскимъ, а *испанскимъ*. Все это, я увѣренъ, дастъ богатые плоды. Были мы съ нимъ также на волостномъ судѣ, часа три слушали, и я вынесъ оттуда величайшее уваженіе къ этому дѣлу, тогда какъ изъ суда надъ Засуличъ вынесъ глубокое омерзѣніе.

Главная тема мыслей Толстаго, если не ошибаюсь, противоположность между старою Русью и новою, европейскою. Онъ повторяетъ

какъ новое много такого что сказали славянофилы, но онъ это такъ проживетъ и пойметъ какъ никто.

Я собираюсь для *Русской Рѣчи* написать объ „Аннѣ Карениной“ небольшую статейку. Редакторъ больно плохъ, нечего грѣха таить.

Къ моему горю не могу вамъ дать извѣстій о Васильѣ Васильевичѣ. Знаю только что онъ жилъ въ Гатчинѣ на *своей* дачѣ и работалъ подобно вамъ въ *своемъ* саду.

О повѣшеніяхъ, о соціалистахъ, о новыхъ правилахъ для студентовъ, о Гуркѣ, Бисмаркѣ и Рудневой-Кошеваровой, обо всемъ этомъ слишкомъ долго говорить и странно, я слышалъ о такихъ вещахъ безпрерывные разговоры вездѣ, въ Кременчугѣ, въ Кіевѣ, въ Воскресенскѣ, а здѣсь, попавши въ библіотеку и въ Ученый Комитетъ, я вдругъ чувствую что очутился въ уединенномъ и тихомъ пристанищѣ: весь шумъ замолкъ.

Кстати, я видѣлъ антропологическую выставку и убѣдился что нынче шарлатанятъ и торгуютъ наукою не хуже чѣмъ разными другими вещами...

23 сентября 1879 г. Спб.

VII.

Очень, очень виноватъ передъ вами, многоуважаемый Николай Яковлевичъ. Письмо ваше насчетъ покупки земли Стахѣевымъ я получилъ исправно; но отвѣчать на него сейчасъ нельзя было, потому что Стахѣевъ все колебался и ждалъ извѣстій отъ своего пріятеля живущаго въ Крыму и собирающагося вмѣстѣ съ нимъ купить землю. Дѣло это, кажется, и до сихъ поръ не доведено до конца, и самъ Стахѣевъ, наконецъ, уѣхалъ въ Крымъ, гдѣ вѣроятно и устроитъ свою покупку и, можетъ быть, даже заѣдетъ къ вамъ. Между тѣмъ черезъ Николая Петровича я получалъ о васъ очень подробныя извѣстія и поклоны; всегда просилъ его и вамъ кланяться, а теперь вообще усердно благодарю васъ за память и очень прошу извиненія за молчаніе. Кутерьма тутъ у насъ, какъ вы знаете, большая; напримѣръ, одна смѣна Толстаго заставляетъ такъ работать головы и языки что весело смотрѣть и слушать. Впрочемъ, напрасно я сказалъ головы; головы у насъ не работаютъ. Горестно подумать что за это двадцатипятилѣтіе у насъ ничего твердаго не сложилось, а продолжается и растетъ въ умахъ та же смута, то же шатаніе. Професоръ Модестовъ написалъ что Русскіе вообще мало способны къ филологіи. За это и за подобныя мнѣнія его лишили мѣста; въ бумагѣ которую по этому случаю была прислана митро-

политу (дѣло было въ Духовной Академіи) и которую Модестовъ хранитъ, какъ драгоцѣнный документъ, сказано что профессоръ клевещетъ на свой народъ, ибо-де молодые люди посылаемые въ Китай и Японію *очень скоро и легко научаются по китайски и японски*. Такъ-то у насъ понимается наука!

Кстати, у Каэтана Андреевича я встрѣтилъ Японца который очень порядочно говорилъ по-русски и разказывалъ какъ онъ выучился. Представьте, онъ употребилъ на это только 14 мѣсяцевъ; первыя же книги которыя онъ сталъ читать по-русски были Бокль, Дреперъ, Спенсеръ и т. п. въ русскихъ переводахъ. Молодой человѣкъ едва похожій на человѣка показался мнѣ очень способнымъ и энергичнымъ. А его стремленіе къ просвѣщенію, презрительные отзывы о Китаѣ, разказы объ японскомъ университетѣ, выборъ книгъ и пр. и пр. живо напомнили мнѣ любезное отечество. Въ настоящую минуту нельзя не ожидать что нашъ класицизмъ поколеблется. Вчера мы являлись къ Толстому чтобы проститься, и онъ торжественно объявилъ что Государь обѣщалъ не измѣнять системы. Я думаю, официально она и не будетъ измѣнена, но будутъ придуманы побочныя постановленія и разрѣшенія которыя значительно ее подорвутъ. Такъ что *послѣдній камень къ преобразованію Петра* (такъ говорилъ Катковъ) едвали улежитъ на мѣстѣ. И подѣломъ! Нельзя любовь къ наукѣ пробудить одними приказаніями.

Василія Васильевича я вижу довольно часто; у него мы разговлялись, мы, то-есть, Николай Петровичъ въ своей славѣ, Ратынскій съ новою Владимірскою звѣздой, князь Цертелевъ, докторъ Чербишевичъ и еще два три лица мнѣ незнакомыхъ. Это было уже послѣ отставки Василія Васильевича и потому очень пріятно было что его прежніе сослуживцы обнаружили свое къ нему расположеніе. А самъ Василій Васильевичъ немножко пріунылъ; ему не дали ни мѣста, ни отличія, а только денежную награду и пенсію. Досадно видѣть какъ на другихъ сыплются мѣста и почести, а человѣкъ съ такими достоинствами не можетъ удовлетворить своего честолюбія. Оставшись безъ дѣла, Василій Васильевичъ думаетъ переѣхать въ Гатчину и звалъ меня осенью, то-есть, въ сентябрѣ, гостить къ себѣ. Да еще хочетъ взяться за ученые труды, и добрѣйшій Каэтанъ Андреевичъ пророчитъ что для насъ Василій Васильевичъ станетъ лучше, что онъ сброситъ съ себя дурное вліяніе которое производила на него служба.

Моя служба не подвигается. Къ Новому году меня представляли изъ библіотеки къ Аннѣ 2-й степени, но, по счастію для меня, Толстой отказалъ. Это все затѣялъ Аѳанасій Ѳедоровичъ. Онъ добрѣйшій человѣкъ, и я его душевно люблю.

Хотѣлъ было послать вамъ стражу Ознобишина, но сколько ни искалъ, не могъ найти; Галаховъ исключилъ это стихотвореніе изъ своей хрестоматіи. Но я найду и пришлю вамъ, дѣло, вѣдь, не къ спѣху. Пріятно мнѣ было слышать что Геккеля называете болваномъ, таковъ онъ и есть. А о Поповѣ Лазарѣ не могу вамъ ничего сказать, я его не читалъ; знаю только что онъ очень высокаго о себѣ мнѣнія, пишетъ напыщенно, но въ какомъ духѣ, не разобралъ.

4 мая 1880 г. Спб.

VIII.

Вотъ уже недѣля, дорогой Николай Яковлевичъ, какъ я вернулся въ Петербургъ и нашелъ у себя ваше письмо съ любезнымъ приглашеніемъ въ Мшатку. Очень все это грустно; я уѣхалъ слишкомъ рано, 23 мая, и слишкомъ рано вернулся: стояли жары невыносимыя; и все время моей прогулки мнѣ нездоровилось, да и теперь нездоровится. Что̀ мнѣ повредило, не могу сказать; но жаръ такъ дурно на меня дѣйствовалъ что у меня не было и предположенія проѣхать въ Крымъ. Я едва добрался до Глухова чтобы посмотрѣть своего внука... Вообще, если судить по тому что я видѣлъ и слышалъ, то лѣто было очень занимательно. Я много гостилъ у Л. Н. Толстаго, ѣздилъ на Пушкинское торжество въ Москву, въ Глуховѣ видѣлъ родныхъ, да погостилъ еще у Фета. Но болѣзнь все испортила, то-есть, попортила. Пушкинское торжество было очень восторженно и доставило много минутъ очень радостныхъ. Читали ли вы рѣчь Достоевскаго? (она въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*). Эта рѣчь имѣла успѣхъ неизобразимый, когда была произнесена, а теперь возбуждаетъ противъ себя величайшую вражду западниковъ, которые вдругъ опомнились и стараются поправить дѣло всякимъ злорѣчіемъ. „Смирись, гордый человѣкъ! Потрудись, праздный человѣкъ!“ Еслибы вы слышали, какъ были произнесены эти слова!

Да и вообще заварился такой восторгъ, такой энтузіазмъ что его нельзя разказать. Я ждалъ этого и нарочно для этого поѣхалъ; дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія. И спасибо Достоевско- онъ спасъ честь русской литературы, а то ничего, кромѣ глупо-й, не было бы говорено. Тургеневъ несъ легкомысленный и вред-й вздоръ отъ котораго я опять на него разсердился. И какъ же былъ радъ, когда, послѣ рѣчи Достоевскаго, онъ повѣсилъ голову уже не ходилъ такимъ балованнымъ и счастливымъ старичкомъ, - первые два дня. Его чуть не носили на рукахъ; вообще, по-

требность преклоняться и восторгаться въ людяхъ очень велика, и за неимѣніемъ настоящаго предмета обращается на...

По этому случаю перехожу къ Л. Н. Толстому.

Въ Ясной Полянѣ, какъ всегда, идетъ сильнѣйшая умственная работа. Мы съ вами, вѣроятно, не сойдемся въ оцѣнкѣ этой работы; но я удивляюсь и покоряюсь ей такъ что мнѣ даже тяжело. Толстой, идя своимъ неизмѣннымъ путемъ, пришелъ къ религіозному настроенію; оно отчасти выразилось въ концѣ „Анны Карениной". Идеалъ христіанина понятъ имъ удивительно, и странно, какъ мы проходимъ мимо Евангелія, не видя самаго прямаго его смысла. Онъ углубился въ изученіе евангельскаго текста, немногое объяснилъ въ немъ съ поразительною простотой и тонкостью. Очень боюсь что по непривычкѣ излагать отвлеченныя мысли и вообще писать прозу, онъ не успѣетъ изложить своихъ разсужденій кратко и ясно; но содержаніе книги которую онъ составитъ истинно великолѣпно.

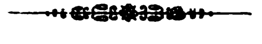
Въ моей чудесной библіотекѣ есть первое и второе изданіе Principia въ подлинникѣ, а третье, къ сожалѣнію, только въ переводѣ извѣстной вамъ маркизы Du Chastelet. Мѣсто же которое вамъ нужно находится въ третьемъ изданіи и гласитъ: „Метафизическая необходимость, будучи всегда и вездѣ одинакова, не можетъ произвести никакого разнообразія; разнообразіе господствующее во всемъ, смотря по временамъ и мѣстамъ, можетъ происходить только отъ воли и мудрости существа существующаго необходимо". Если вамъ нужны подлинныя слова по латыни, то я найду ихъ и выпишу; а такъ какъ достать книгу въ библіотекѣ требуетъ времени, то я предпочелъ пока послать вамъ переводъ.

Простите, если мое письмо нескладно и вяло: я самъ прихожу въ негодованіе отъ своей нескладности и вялости. На слѣдующее лѣто очень меня манитъ проѣхать въ Константинополь; нужно припасти денегъ, выѣхать попозже, въ августѣ, и на обратномъ пути увидѣть, наконецъ, и Мшатку съ ея дорогими обитателями...

5 августа 1880 г. Спб.

(До слѣдующей книги.)

Сообщилъ **И. Матченко.**

КУЛЬТУРА МѢСТНЫХЪ РАСТЕНІЙ

ПОСВЯЩАЕТСЯ

графинѣ Екатеринѣ Павловнѣ Шереметевой.

Прекрасны при тщательномъ уходѣ наши сѣверные цвѣтники съ ихъ свѣжимъ газономъ, яркими узорными клумбами, полутропическими группами лиственныхъ растеній, волшебно быстро разрастающимися и зацвѣтающими подъ лучами почти беззакатнаго солнца. Роскошно выступаетъ этотъ первый планъ на задумчивомъ фонѣ березовыхъ рощъ и темныхъ еловыхъ лѣсовъ, на туманной, синѣющей дали полей и луговъ.

Но едва ли не привлекательнѣе наши старинные, полузапущенные парки съ ихъ тѣнистыми дорожками и затѣйными лужайками. Тутъ къ несравненной красѣ старыхъ деревьевъ присоединяется прелесть безчисленныхъ травъ, папоротниковъ и мховъ никогда не появляющихся на почвѣ обработанной недавно, между молодыми древесными насажденіями, на газонахъ подвергаемыхъ безпрестанной стрижкѣ. Всѣ эти уроженцы естественныхъ старыхъ лѣсовъ и лѣсныхъ лужаекъ, а между ними встрѣчаются самые изящные, самые своеобразные представители нашей сѣверной флоры нуждаются въ вѣковой лѣсной напрѣли, зимою въ защитѣ густаго покрова изъ сухихъ листьевъ, лѣтомъ въ лѣсномъ безвѣтріи, влагѣ и умѣренномъ свѣтѣ и теплѣ. Вѣтеръ и птицы безпрестанно заносятъ въ наши сады ихъ сѣмена. Но прочно приживаются они близъ нашихъ жилищъ лишь когда наши посадки начинаютъ принимать характеръ стараго лѣса.

Лѣтъ тридцать тому назадъ я посадилъ въ лѣску, въ нашемъ саду, кустикъ душистой фіалки (Viola mirabilis). Производилъ онъ ежегодно по 2, 3 цвѣтка и оставался одинокимъ. Но года четыре тому назадъ въ первыхъ числахъ мая я зашелъ въ этотъ лѣсокъ, и а меня повѣяло упоительнымъ запахомъ. Я взглянулъ подъ ноги:

вся почва была покрыта цвѣтущими фіалками, и съ каждымъ годомъ число ихъ возрастаетъ. За эти тридцать лѣтъ характеръ лѣска значительно измѣнился, приближаясь къ характеру стараго лѣса (посаженъ онъ лѣтъ семьдесятъ тому назадъ). Однако мнѣ еще не удалось заставить въ немъ размножаться другую нашу душистую фіалку, болѣе прихотливую и рѣдкую Viola umbrosa.

Точно также добился я размноженія въ нашемъ саду и паркѣ розоваго волчья лыка (Daphne mezereum), нѣжно-синей перелѣски (Hepatica triloba) и бѣлаго анемона (Anemone nemorosa). Сочетаніе этихъ трехъ растеній цвѣтущихъ одновременно самою раннею весной прелестно. Отлично размножаются въ паркахъ уже старыхъ разныя вѣчнозеленыя грушанки. Изъ нихъ Pyrola umbellata растеніе въ нашей флорѣ единственное по блеску своихъ листьевъ напоминающихъ кустарники южные; Pyrola uniflora красуется крупнымъ попыклымъ душистымъ цвѣткомъ. Пышно одѣваетъ почву подъ старыми елеями Asperula odorata (Waldmeister), развивающая при высыханіи сильнѣйшій запахъ когда-то модныхъ духовъ new mown hay; прекрасно приживается вѣчно-зеленый копытень (Asarum europaeum) и граціозная Linnaea borealis. Послѣдняя достигаетъ полной красоты, когда ея ползучіе стебли могутъ подниматься по гніющему пню одѣтому мхомъ.

Полагаю что имѣя въ своемъ распоряженіи старинный обширный паркъ расположенный на мѣстности гористой, или только волнистой, возможно собрать въ немъ всѣ растенія данной мѣстности, цвѣтущія и высшія тайнобрачныя. Большинство растеній луговыхъ прекрасно приживается на обыкновенной садовой землѣ и можетъ быть расположено на грядкахъ въ порядкѣ систематическомъ. Травянистыя растенія болѣе прихотливыя, каковы генціаны, большинство орхидей, всѣ растенія чужеядныя нашли бы мѣсто на лужайкахъ парка защищенныхъ отъ вѣтра. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нашихъ орхидей далеко не прихотливы, напримѣръ, столь богатая разновидностями Orchis maculata и душистая Platanthera bifolia. Послѣдняя даже прекрасно переноситъ выгонку. Пересаженная въ горшокъ и помѣщенная въ обыкновенную фруктовую оранжерею, она цвѣтетъ въ мартѣ и по сильному своему аромату, по изяществу своего стройнаго цвѣтоваго колоса можетъ сдѣлаться серіознымъ соперникомъ ландыша.

Большинство же растеній лѣсныхъ и всѣ папоротники для разв[illegible] роскошнаго безусловно требуютъ посадки въ обстановку лѣсную, [illegible] возможности близкую къ обстановкѣ природной. Тутъ они не тол[illegible] привольно растутъ, но быстро размножаются, образуя тѣ живописн[illegible] сочетанія которыя составляютъ прелесть нетронутой лѣсной почвы.

Наличность прудовъ или рѣчки даетъ полную возможность раз[illegible] дить всѣ растенія водныя и болотныя, создать необходимый нѣко[illegible]

рымъ растеніямъ мокрый лужокъ если таковой не устроенъ самою природой.

Всего затруднительнѣе культура растеній нашихъ торфяныхъ болотъ, къ коимъ относятся столь интересные кустарники какъ баганъ, голубика, клюква, обѣ андромеды и почти единственное наше насѣкомоѣдное растеніе, росянка Drosera rotundifolia. Помню восторгъ проживающихъ въ моей школѣ Японцевъ и прочихъ ребятъ, когда это растеніе бережно перенесенное съ пластомъ болотнаго мха и помѣщенное въ плоскомъ сосудѣ на моемъ окнѣ соблаговолило передъ нашими глазами изловить нѣсколько неосторожныхъ мошекъ. Не считаю невозможнымъ ради этихъ растеній устроить на топкомъ мѣстѣ настоящее торфяное болотце.

Собранная на ограниченномъ всегда доступномъ пространствѣ такая колекція дикорастущихъ растеній данной мѣстности имѣла бы великое значеніе, художественное и научное. Она была бы кладомъ для пейзажиста. Она послужила бы неоцѣненнымъ пособіемъ начинающему ботанику, позволяя ему провѣрять свои опредѣленія, знакомиться съ растеніями родной флоры во всѣхъ стадіяхъ ихъ развитія, а не только въ болѣе или менѣе случайный моментъ ихъ нахожденія, во время дальнихъ экскурсій. Изслѣдователю болѣе зрѣлому такая колекція доставляла бы неисчерпаемый матеріалъ для работъ микроскопическихъ, для біологическихъ наблюденій и опытовъ. Отношенія растеній между собою и съ міромъ животныхъ, способы ихъ распространенія, вліяніе на нихъ явленій метеорологическихъ могутъ быть основательно изучены лишь при наличности постоянно доступнаго матеріала, живаго и обильнаго.

Особую сторону дѣла и въ высшей степени важную составляла бы культура разновидностей безпрестанно возникающихъ между нашими дикорастущими растеніями и обыкновенно оставляемыхъ безъ вниманія за отсутствіемъ въ нихъ какихъ-либо качествъ полезныхъ или орнаментальныхъ. Только посредствомъ культуры можетъ быть опредѣлена степень постоянства этихъ разновидностей представляющихъ высокій интересъ теоретическій. Такъ, напримѣръ, столь красивая ольха съ разрѣзными листьями непремѣнно была бы сочтена за отдѣльный видъ, еслибы не было извѣстно ея происхожденіе отъ ...ки найденной гр. Н. П. Панинымъ въ Дугинскихъ лѣсахъ, тща...но имъ посаженной, затѣмъ размноженной. Экземпляръ впослѣд...и сообщенный садовому заведенію Регеля, родоначальникъ всѣхъ ...обныхъ ольхъ въ нашихъ паркахъ.

...ъ прямой связи съ культурою растеній дикорастущихъ находятся ...юденія надъ одичаніемъ растеній садовыхъ. Нѣтъ почти ста...о сада въ коемъ прочно не водворились бы маргаритки, разные

орлики (Aguilegia), зонтичная гвоздика (Dianthus barbatus), Hesperis matronalis и т. д. Весьма склонны къ одичанію фіалка по преимуществу душистая (Viola odorata) и барвинокъ (Vinca minor). На мѣстѣ давно уничтоженныхъ садовъ я встрѣчалъ травянистую бузину (Sambucus ebulus). Въ Татевѣ альпійская незабудка (Myosotis alpestris) давно одичавшая подъ Москвою распространилась далеко за предѣлы сада и парка и, конечно, навсегда останется принадлежностію нашей флоры.

Любопытныя также отношенія насѣкомыхъ къ нашимъ садовымъ растеніямъ. Такъ, пчелка-обойщикъ Megahite рѣшительно предпочитаетъ цвѣтки шарлаховые и глубоко карминные (эти окраски въ лепесткахъ нашихъ дикорастущихъ растеній абсолютно отсутствуютъ) болѣе скромному отечественному матеріалу. Она постоянно портитъ мои пеларгоніи Scarlet, вырѣзая изъ ихъ лепестковъ правильные кружки для украшенія своего жилища. Изъ пеларгоніевъ Fancy она вырѣзаетъ бархатный глазокъ верхнихъ лепестковъ. Прощаю ей сіи согрѣшенія ради ея эстетическихъ наклонностей.

Многое подобное творится въ нашихъ садахъ и теплицахъ. Но, конечно, прежде всего желательно поглубже вникнуть въ естественное хозяйство нашихъ луговъ и лѣсовъ, въ многообразныя гармоніи связывающія между собою ихъ коренныхъ жителей. А для этого необходимо постоянно имѣть передъ глазами, подъ руками представителей нашей мѣстной флоры и фауны. Особенно подъ старость чувствуется потребность приближать къ себѣ этихъ давнишнихъ друзей. Нужны молодыя силы чтобы ежегодно посѣщать ихъ въ ихъ сокровенныхъ жилищахъ и тамъ переживать радости перваго съ ними знакомства, въ далекіе дни ранняго дѣтства. Поэтому давно стараюсь о переселеніи ихъ въ нашъ старѣющій вмѣстѣ со мною садъ.

За кормилицами своими, растеніями, сама собою слѣдуетъ летучая семья насѣкомыхъ. Но и тутъ подчасъ приходится помогать природѣ. Такъ, напримѣръ, нашего свѣтлячка, эту мало подвижную самку летучаго жучка, приходится переносить въ тѣнистые и влажные закоулки парковъ чтобы надѣлить ихъ и этимъ таинственнымъ украшеніемъ. Никому, кажется, еще не приходило въ голову распространять на сѣверѣ красу лѣтнихъ ночей въ средней Европѣ, свѣтлячка летучаго. Пожалуй и это возможно.

Нуждаются въ помощи и водвореніи въ нашихъ рѣчкахъ и пр дахъ не только рыбы, но и разнообразные слизняки съ изящны раковинами. Особенно желательно населеніе ихъ своеобразнымъ] комъ Apus cancriformis, этою красою прѣсноводныхъ акваріевъ, в крешающимъ передъ нами формы давно отжившія. Желательно имѣ подъ руками и нашихъ слизняковъ лѣсныхъ съ ихъ прелестны

миніатюрными скорлупками, разныя Helix, Bulimus, Clausieia. Приводятъ онѣ въ восторгъ дѣтей, которыя умѣютъ отыскивать ихъ подъ сводами сказочныхъ лѣсовъ, образуемыхъ мхами и населенныхъ миріадами крохотныхъ чудовищъ.

Быстро мѣняется окружающій насъ міръ какъ физическій, такъ и нравственный. На моей памяти три четверти нашего захолустнаго края были заняты сплошными лѣсами. Нынѣ клочокъ нетронутаго лѣса, рѣчной берегъ сохранившій первобытную свою растительность становится рѣдкостью. Еще рѣже становятся семьи не покинувшія своихъ родовыхъ гнѣздъ, дорожащія остатками прежней природы, преданіями прежняго быта. Будемъ же мы, послѣдніе изъ могиканъ, стараться о сохраненіи, о возстановленіи еще уцѣлѣвшаго остатка природныхъ красотъ и духовныхъ завѣтовъ ради будущихъ болѣе разумныхъ поколѣній.

С. Рачинскій.

Татево.
14 авг. 99 г.

Изъ Гейне.

1.

Сидя въ рощѣ побѣлѣвшей
Слышишь вѣтра вой суровый,
Видишь какъ по небу ходятъ
Тучъ туманные покровы...

Точно вымерла природа!
Лѣсъ и лугъ глядятъ уныло,
И въ душѣ зима и въ мірѣ,
Сердце льдомъ въ груди застыло.

Вдругъ тебя осыплютъ съ вѣтокъ
Хлопья бѣлыя; сердито
Мыслишь ты что снѣжной пылью
Голова твоя покрыта,

Но въ счастливомъ изумленьѣ
Ты глядишь: не снѣгъ пушистый
На тебя шаля слетаетъ,
А цвѣты весны душистой!

Мигъ волшебный, сладкій трепетъ!
Средь зимы весна смѣется,
Снѣгъ цвѣтами сталъ, а сердце...
Сердце вновь любовью бьется!

2.

Въ красавицу розу влюбленъ мотылекъ
И вьется порхая надъ ней,
Надъ нимъ же порхаетъ сіяющій лучъ,
Любовно даря его лаской своей.

А розѣ красоткѣ, скажите, кто милъ?
Кто слышалъ объ этомъ когда?
Соловушко ль громкій ее побѣдилъ,
Иль въ небѣ вечернемъ нѣмая звѣзда?

Не знаю я право кто розу увлекъ,
Но мнѣ вы всѣ милы друзья!
Люблю я и лучъ, и тебя, мотылекъ,
И розы, и звѣзды, и пѣснь соловья.

3.

Гулъ стоитъ! Поютъ всѣ гнѣзда,
Вторитъ роща вешнимъ звономъ,
Кто жь у этого оркестра
Дирижеръ въ лѣсу зеленомъ?

Та ли сѣрая пичужка
Что такъ важно тамъ киваетъ?
Иль сухой педантъ кукушка
Строго тактъ имъ отбиваетъ?

Иль тотъ аистъ что шагаетъ
Мѣрно ноги поднимая,
Будто имъ однимъ ведется
Вся симфонія лѣсная?

Нѣтъ! во мнѣ, въ груди горячей,
Въ сердцѣ бьющемъ жаркой кровью
Дирижеръ стучитъ... и чуть ли
Не зовутъ его любовью!

4.

«Что ночью весенней скитаешься ты?
Вѣдь ты мнѣ съ ума посводилъ всѣ цвѣты:
Испуганно жмутся фіалки,
На розахъ отъ краски не видно лица,
А чашечки лилій, блѣднѣй мертвеца,
Трепещутъ безпомощно-жалки!»

«Ахъ, мѣсяцъ! не зналъ я что племя цвѣтовъ
Такъ скромно, и самъ повиниться готовъ:
Я въ тяжкомъ проступкѣ попался!
Но могъ ли я думать что розы въ саду
Подслушивать будутъ, какъ въ сладкомъ чаду
Со звѣздами я разболтался?»

Ольга Вейссъ.

ДРЕВНѢЙШІЙ ХРИСТІАНСКІЙ ПАМЯТНИКЪ ВЪ КИТАѢ.

Въ послѣдніе мѣсяцы вслѣдствіе хода политическихъ событій нерѣдко говорятъ о древней западной столицѣ Китая, городѣ Синанфу. Для христіанскаго историка этотъ городъ памятенъ тѣмъ что въ немъ въ VII вѣкѣ основалась и подъ покровительствомъ династіи Тань развилась и изъ него распространилась далѣе въ Китаѣ и вѣроятно въ Монголіи христіанская несторіанская община и что доселѣ въ стѣнѣ запустѣлаго и полуразрушеннаго будійскаго монастыря близъ этого города стояла и стоитъ, если не снесли ее послѣднія событія, плита съ обширною и во многихъ отношеніяхъ замѣчательною христіанскою надписью 781 г. излагающею исторію тогдашняго китайскаго христіанства, древнѣйшій христіанскій памятникъ въ Китаѣ.

Гонимые въ Сиріи монофизитами въ концѣ V вѣка, несторіане нашли себѣ сначала спокойное убѣжище во владѣніяхъ Персидской монархіи, но враги ихъ въ свою очередь подверглись преслѣдованіямъ православныхъ, искали убѣжища въ предѣлахъ Персіи и, усилившись здѣсь, возобновили гоненія на несторіанъ. Послѣдніе потянулись тогда далѣе на востокъ и принесли свое христіанство въ Туркестанъ, Монголію, Китай до береговъ Тихаго Океана.

Въ высокой степени поучительно свидѣтельство документальныхъ актовъ нашей надписи и указовъ династіи Тань о впечатлѣніи которое производилось въ Китаѣ VII вѣка христіанствомъ, когда его принесъ въ далекую страну одинокій пришлецъ безъ резерва пушекъ, одѣтый въ *одну* броню: „высокую добродѣтель“.

Когда сирійскій проповѣдникъ А-lo-pen (Альбинъ) принесъ Св. Писаніе въ Синанфу, то „по переводѣ книгъ въ дворцовой библіотекѣ были вопросы о вѣрѣ во внутреннихъ покояхъ дворца. Глубоко изученное признано правымъ и истиннымъ; повелѣно передавать и учить“.

Императорскій указъ 638 года говоритъ объ ученіи А-lo-pen и христіанскомъ Св. Писаніи: „оно глубоко, достопочтенно, отрѣшено отъ міра, главное стремленіе его достичь совершенства. Писанія просты

и безъ расплывчивости". Эта характеристика поразительна, если вспомнимъ что она сдѣлана въ Китаѣ въ VII вѣкѣ, въ высоко официальномъ актѣ и, надо ли повторять, безо всякаго внѣшняго принужденія.

По предписанію указа изъ коего взяты вышеприведенныя слова, христіанскій храмъ былъ воздвигнутъ въ столицѣ, въ кварталѣ „мира и правосудія", и затѣмъ начали строиться храмы въ разныхъ частяхъ страны.

Надпись въ Синанфу разказываетъ о началѣ христіанства въ Китаѣ въ 635 году и о дальнѣйшихъ судьбахъ его тамъ по 781 годъ при неизмѣнно благосклонной къ нему династіи Тань имѣвшей постоянною столицею Синанфу. Хроники сирскія, арабскія и китайскія сообщаютъ извѣстія о средне-азіятскомъ несторіанствѣ дальше вплоть до XIV вѣка включительно. Западные путешественники XII—XIV вѣковъ (въ числѣ ихъ: Марко Поло, Рубруквисъ, Плано Карпини) видали несторіанъ въ Средней Азіи и разказываютъ о нихъ. Ихъ религія имѣла тогда нѣкоторое распространеніе и среди тюркскихъ племенъ: такъ у племени Кераитовъ, подъ владычествомъ Ванкъ-хановъ, или „царей Іоанновъ", господствовало несторіанство, а ханы монгольскіе и монгольская знать брали себѣ изъ этого племени женъ-христіанокъ, воспитывали своихъ дѣтей отъ нихъ въ христіанствѣ и сами оказывали почитаніе праздникамъ и святынямъ христіанскимъ; при дворахъ хановъ жили несторіане - учители Св. Писанія.

Но въ XIV вѣкѣ пролетѣла надъ Средней Азіей гроза Тамерлана, и тамошнее христіанство было смыто съ лица земли. Смѣнились вѣка, и самая память о среднеазіятскихъ христіанахъ замерла [1]).

Какъ степныя рѣки Средней Азіи, сирское несторіанство тамъ затерялось въ пескахъ, изсякло, не донеся волны своей до сліянія съ общимъ моремъ церковнаго христіанства. И какъ отъ степныхъ рѣкъ остаются, постепенно высыхая, заводи, такъ, повидимому, въ глухихъ уголкахъ Китая долго еще кое-гдѣ случайно держалось, постепенно вымирая, христіанство: въ XVIII вѣкѣ привезены были въ Парижъ изъ Китая два сирскіе листка Св. Писанія, говорили о крестахъ видѣнныхъ въ Китаѣ, и есть неясное свѣдѣніе что еще въ началѣ нынѣшняго вѣка одинъ старикъ разказывалъ мисіонерамъ

---

[1]) Въ прошломъ вѣкѣ іезуиты-мисіонеры, замѣчая сходство нѣкоторыхъ обрядовъ у китайскихъ будистовъ съ христіанскими обрядами, объясняли это (Гобиль) наущеніемъ діавола. Въ 1840—1850 годахъ Мюнхенскій професоръ Нейманъ, возражая противъ подлинности надписи въ Синанфу, писалъ что нигдѣ нѣтъ свѣдѣній о несторіанствѣ въ Средней Азіи.

что въ его мѣстности семей тридцать христіане и молятся по сирскимъ книгамъ.

Свѣточъ Христова ученія не могъ впродолженіе вѣковъ свѣтить безплодно. Этотъ свѣтъ зажженный на Дальнемъ Востокѣ не могъ быть безплоденъ прежде всего въ личной внутренней жизни тамошнихъ христіанъ. Гдѣ призывается съ вѣрой имя Христово, гдѣ читается Слово Его, тамъ души озаряются невечернимъ свѣтомъ, и врачуются сердечныя язвы. Мы видѣли впечатлѣніе произведенное проповѣдью евангелія въ Китаѣ въ VII вѣкѣ; намѣтили пребывающую силу этого впечатлѣнія въ дальнѣйшихъ судьбахъ средне-азіятскаго христіанства. Въ XII вѣкѣ святой посланецъ святаго короля Людовика IX, Рубруквисъ, съ сокрушеніемъ говоритъ о невѣжествѣ средне-азіятскихъ несторіанъ и съ умиленіемъ объ ихъ вѣрѣ и желаніи учиться. И въ самомъ концѣ исторической жизни этого далекаго христіанства, на надгробныхъ сирскихъ надписяхъ XIV вѣка въ нынѣ русскомъ Семирѣчіи не фразою звучатъ эпитафіи „славныхъ проповѣдниковъ озарившихъ свѣтомъ всѣ церкви“ и не фразою звучитъ въ дополненіи къ одной краткой, простой и прячущейся по краю камня надписи: „могила Паджакъ“ (женское имя), восклицаніе начертанное на лучшемъ мѣстѣ, вокругъ креста: „Цѣль жизни Іисусъ Искупитель нашъ!“

Внѣшнимъ культурнымъ памятникомъ пребыванія Сирійцевъ въ Средней Азіи остались съ одной стороны азбуки развившіяся изъ сирскаго письма: уйгурская, монгольская, манжуская; съ другой, можетъ быть, нѣкоторыя черты обрядности въ китайскомъ будизмѣ.

Въ двухъ мѣстахъ открыты и археологическіе памятники средне-азіятскаго несторіанства: наша надпись VIII вѣка найденная въ Синанфу въ 1625 году и два обширныя несторіанскія кладбища XIII—XIV вѣковъ въ русской Семирѣченской области открытыя въ 1880 годахъ и введшія изученіе несторіанскихъ древностей въ кругъ русской археологической науки [2]). Не останавливаясь здѣсь на семирѣченскихъ памятникахъ, обратимся къ собственному предмету нашей статьи, надписи въ Синанфу.

---

[2]) Одно изъ Семирѣченскихъ несторіанскихъ кладбищъ у Пишпека, ...гое у Токмака; въ каждомъ до 3000 намогильныхъ камней, почти всѣ ... изображеніемъ креста и надписями (большею частію сирскія, отчасти ...кскія; очень немногія арабскія безъ креста). На мѣстѣ главнымъ дѣяте...ъ по изученію этихъ памятниковъ былъ Н. Н. Пантусовъ; въ Петер...гѣ надписи изслѣдованы: Д. А. Хвольсономъ и (тюркскія) В. В. Радло...мъ (Мемуары Акад. Наукъ, съ 1890 г.); въ Москвѣ: М. В. Никольскимъ, ...цкимъ и (тюркскія) Ѳ. Е. Коршемъ („Древности Восточныя“ Моск. Археол. ...щества, т. I).

Въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія католическіе мисіонеры въ Китаѣ извѣстили богословскій и ученый міръ Европы о поразительной находкѣ: въ 1625 году въ Синанфу (прежде, подъ именемъ Чаньнянъ, западная столица Китая) городскіе землекопы наткнулись на каменную плиту съ обширною надписью. Вверху надписи было крестообразное украшеніе; затѣмъ по китайски слѣдовали: свѣдѣнія о „пресвѣтлой та-цинской вѣрѣ", о ея появленіи въ Китаѣ въ 635 г. (если считать по нашей эрѣ) и распространеніи здѣсь; далѣе шли стихи объ этихъ событіяхъ, наконецъ, дата воздвиженія плиты (781 годъ) и подписи; съ боковъ и снизу надписи шли какія-то невѣдомыя Китайцамъ письма. Мисіонеры, ознакомившись съ надписью, признали въ та-цинской вѣрѣ христіанство, а странныя письмена оказались сирскими. По распоряженію властей, плита съ благоговѣніемъ была перенесена въ ближній будійскій монастырь. Нынѣ монастырь этотъ не существуетъ, но надпись цѣла, вдѣланная въ одну изъ сохранившихся стѣнъ его.

Китай класическая страна археологіи; мѣстная археологія и археографія излюбленный, необходимый и прекрасно и полно разработанный предметъ китайской учености. Когда вѣсть о находкѣ распространилась, то и ученые, и просто любознательные люди стали пріѣзжать въ Синанфу для ознакомленія съ новымъ оригинальнымъ памятникомъ. Съ тѣхъ поръ и доселѣ въ Китаѣ всегда можно было достать эстампажи надписи (ихъ нѣсколько тогда же были присланы мисіонерами въ Европу), памятникъ неоднократно издавался, изучался и коментировался Китайцами. Лучшее изданіе вышло въ началѣ нынѣшняго вѣка въ книгѣ Кин-ши-цуй-пенъ „Собраніе надписей" (династіи Тань): здѣсь изданъ текстъ и собрано все что̀ говорится о надписи въ выдающихся китайскихъ произведеніяхъ XVIII вѣка [3]).

Въ Европѣ Кирхеръ издалъ сначала латинскій переводъ надписи (Prodromus coptus 1636), а потомъ очень плохо текстъ (China illustrata 1667), а знаменитый сиріологъ Ассемани изслѣдовалъ и коментировалъ сирскую часть надписи. Въ прошломъ вѣкѣ надпись во французскомъ переводѣ Виделу напечатана у Herbelot, въ его Bibliothèque Orientale. Но вообще послѣ Ассемани въ теченіе двухъ вѣковъ такъ мало изучали надпись что находили возможнымъ даже сомнѣваться въ подлинности ея. Въ прошломъ вѣкѣ отрицалъ подлинность надписи Вольтеръ [4]), въ нынѣшнемъ (до 1850 годовъ): Стан. Жюльенъ,

[3]) Книга эта есть въ Румянцовской Библіотекѣ въ Москвѣ, въ собраніи Скачкова.

[4]) Вольтеръ съ характерной для него легкомысленностью въ предметахъ требующихъ спеціальнаго знанія сражалъ защитниковъ надписи свидѣтельствомъ сирской части ея, то-есть, той именно части которая еще въ XVII вѣкѣ

недобросовѣстный соперникъ Потье на поприщѣ синологіи; молодой и неосмотрительный мюнхенскій професоръ Нейманъ и Ренанъ [5]). Въ виду этого спора и интереса представляемаго памятникомъ Американское Восточное Общество обратилось въ 1852 г. къ американскимъ мисіонерамъ въ Китаѣ и къ другимъ свѣдущимъ лицамъ за новыми свѣдѣніями о надписи. Въ результатѣ явилась присылка нѣсколькихъ новыхъ эстампажей и замѣчательная работа Уайли (Wylie), заключавшая въ себѣ текстъ, тщательный переводъ и прекрасное научное изслѣдованіе: Уайли съ одной стороны съ глубокимъ знаніемъ китайской литературы передалъ западному міру данныя добытыя Китайцами, а съ другой далъ свой отличный разборъ надписи свидѣтельствующій о большихъ познаніяхъ, блестящемъ дарованіи и большой внимательности въ работѣ.

Во Франціи доводы Уайли популяризовалъ Потье введшій ихъ въ свое прекрасное изслѣдованіе надписи [6]). Благодаря трудамъ этихъ двухъ изслѣдователей, подлинность надписи съ 1850 годовъ стала общепризнанною.

Среди Русскихъ извѣстнѣйшіе наши синологи архимандритъ Іакинѳъ и Васильевъ были заняты иными предметами изслѣдованій которые болѣе настоятельно поглотили вниманіе ихъ, и о несторіанской надписи ими, сколько мы знаемъ, ничего не написано. Но З. Ѳ. Леонтьевскій въ 1834 г. издалъ переводъ китайской части надписи по копіи вывезенной имъ изъ Китая (его переводъ доведенъ лишь до стиховъ). Въ *Трудахъ Пекинской Миссіи* помѣщена посмертная статья Цвѣткова о надписи. Статья эта не лишена интереса, но слишкомъ популярна и повидимому не успѣла быть обработанною.

была въ Европѣ изслѣдована и признана подлинною и достовѣрною такимъ великимъ сиріологомъ какъ Ассемани: тамъ дата приведена по лѣтосчисленію отъ кончины Александра Македонскаго: ясно, говоритъ Вольтеръ, что такое нелѣпое лѣтосчисленіе не могло нигдѣ употребляться. Между тѣмъ за сто лѣтъ до Вольтера издана была монументальная Bibliotheka Orientalis Ассемани и современники фернейскаго отшельника, бенедектинцы, составители великолѣпнаго труда: L'art de vérifier les chiffres, знали что эра отъ кончины Александра, то-есть, отъ начала самостоятельнаго существованія Сиріи подъ властью Селевкидовъ есть принятая и постоянная сирская эра.

[5]) Въ 1888 г. престарѣлый уже Ренанъ говорилъ намъ что его роль въ спорѣ не была понята: онъ хотѣлъ только указать на вѣскость (въ то время) нѣкоторыхъ аргументовъ отрицателей; самъ же не рѣшалъ вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону. Но это позднѣйшее объясненіе мало подходитъ ко всему тону прежняго изложенія.

[6]) Pauthier, L'inscription Syro-chinoise de Si-ngan-fou, въ концѣ 1850-хъ годовъ. Статья Wylie помѣщена въ „Журналѣ Американскаго Восточнаго Общества“ 1853 г.

Замѣчательный современный нашъ синологъ, архимандритъ Палладій, напечаталъ въ *Восточномъ Сборникѣ* въ 1877 г. сводъ свѣдѣній о христіанствѣ въ Китаѣ изъ китайскихъ источниковъ. Трудъ этотъ весьма интересенъ и даетъ много совершенно новаго. Въ немъ между прочимъ передано и содержаніе нашего памятника и приведены оправдывающія его китайскія свидѣтельства.

Но полнаго перевода надписи или спеціальнаго изслѣдованія по ней ни отцомъ Палладіемъ, ни кѣмъ-либо другимъ изъ нашихъ синологовъ доселѣ, сколько мы знаемъ, исполнено не было. Въ китайскомъ книжномъ собраніи Скачкова нынѣ принадлежащемъ Московскому Румянцовскому музею есть три тома изъ упомянутаго собранія надписей династіи Тань и среди ихъ наша надпись; при текстѣ сдѣланы карандашомъ отмѣтки и переводъ по-русски отдѣльныхъ словъ указывающія что Скачковъ прочелъ надпись, хотя, къ сожалѣнію, среди его изданій нѣтъ труда относящагося къ ней (Скачковъ, какъ извѣстно, посвящалъ свои работы вопросамъ промышленныхъ сношеній съ Китаемъ).

Между тѣмъ надпись изъ Синанфу представляетъ собою памятникъ столь интересный и столь оригинальный что ознакомиться съ нимъ не лишнее и читателю-неспеціалисту.

Въ виду этого мы рѣшаемся предложить русскимъ читателямъ переводъ надписи сдѣланный нами по переводамъ латинскимъ: Семедо и Бойма (XVII в.); французскимъ: епископа Виделу (XVIII в.) и Потье; англійскимъ: Бридгмана и Уайли и русскому Леонтьевскаго. Въ мѣрѣ доступной не синологу мы сличили эти переводы и съ китайскимъ оригиналомъ по изданію китайскому (въ собраніи надписей династіи Тань), и по изданію Потье, и по прекрасному эстампажу XVII вѣка хранящемуся въ парижской Національной библіотекѣ (который служилъ и для Потье оригиналомъ).

Въ верху надписи вырѣзанъ фигурный крестъ одного изъ обычныхъ въ Сиріи рисунковъ: раструбами, съ тремя кружками на каждой оконечности. Эту форму креста мы встрѣчаемъ и на памятникахъ V вѣка въ Сиріи, и на несторіанскихъ могилахъ XIV вѣка в Семирѣчіи. Подъ крестомъ идетъ въ девяти крупныхъ знакахъ з главіе надписи, затѣмъ самая надпись въ 28 длинныхъ строкахъ, по бокамъ и внизу ея подписи и сирская приписка.

Общій видъ надписи вдѣланной въ стѣну изображенъ у A. William son въ Journey in North China, London, 1870.

†

Памятникъ возвѣщенія и распространенія въ Срединномъ Царствѣ Сирской Пресвѣтлой вѣры.

Похвала съ введеніемъ на возвѣщеніе и распространеніе въ Срединномъ Царствѣ Сирской Пресвѣтлой вѣры составленная священникомъ Сирской церкви Кинь-Цин'емъ.

О! вѣчно-Сущій, Невещественный, Недоступный чувствамъ, Который прежде первыхъ и безначаленъ, разуменъ и безтѣлесенъ, послѣ послѣднихъ и непостижимъ, Который изъ бездны (небытія) могуче произвелъ созданіе, Которому поклоняются сонмы духовнѣйшихъ святыхъ, дивное Лицо нашей Тройческой Единицы, вѣчный и истинный Господь нашъ, Alôhâ [7]), избралъ знакъ креста ┼ для опредѣленія четырехъ странъ свѣта, привелъ въ движеніе перворожденное дуновеніе и произвелъ два начала: темная пустота преобразилась, и явилось небо и земля, солнце и луна полетѣли вокругъ, и сдѣлались день и ночь.

Творецъ, совершивъ весь міръ, восхотѣлъ создать человѣка, отличилъ его превосходствомъ, приказалъ властвовать надъ претворенными морями. Природа человѣка была первоначально чистою, простою и не гордою. Великое, безстрастное сердце не имѣло желаній и вожделѣній. Но сатана ввелъ сѣмена лжи чтобъ помутить чистоту начала; зло, разъ проникнувъ, росло, и природа человѣка помрачилась и стала порочной. Множество сектъ, тѣснясь, переплетаясь, споря другъ съ другомъ, соткали сѣть законовъ. Иные указывали на вещественное какъ на основу для вѣры, другіе брали бездну и потопляли въ ней два начала; иные съ молитвами приносили жертвы чтобы привлекать богатства; иные выставлялись обманчивою добродѣтелью. Мудрствуя, они приходили и уходили; подъ вліяніемъ предъидущихъ не переставали метаться душевныя движенія. Пустыя мудрствованія не приводили ни къ чему: перетоплялись, сжимались, переворачивались, изсыхали; накопляя мракъ, теряли путь; надолго запутали возвращеніе.

Тогда наша Тройческая Единица удѣлила Лице въ свѣтлѣйшаго и честнѣйшаго Мессію [8]). Скрывая и тая Свое величіе, совершенно [illegible] человѣкъ выступилъ Онъ въ міръ. Духи на небѣ возвѣстили [illegible]сть. Дѣва родила Святаго въ Сиріи. Свѣтлѣйшее созвѣздіе воз[illegible]ило счастіе. Персы увидѣли свѣтъ чтобы принести дары. Испол-

---

[7]) Сирское имя Божества=еврейск. Elôhim.

[8]) Мишихо—сирская форма.

нился возвѣщенный 24-мя святыми [9]) ветхій завѣтъ. Управились семья и царства великимъ ученіемъ.

Онъ установилъ чистый догматъ Тройческаго Единства не какъ новый догматъ. Возбудилъ добрые нравы истинною вѣрой. Устроилъ мѣры восьми предѣловъ [10]). Очищая прахъ, какъ въ огнѣ металъ, совершилъ истину. Отверзъ дверь трехъ правилъ [11]). Открылъ жизнь, попралъ смерть; воздвигъ свѣтлѣйшее солнце для разсѣянія царствъ мрака. Ложь демонская съ тѣхъ поръ познана и затруднена. Привелъ въ движеніе ладью милосердія, къ достиженію свѣтлыхъ обителей. Души заключенныя могли съ тѣхъ поръ, переправившись, достигать сего предѣла. Вознесся къ зениту Истины. Въ оставшихся 27 писаніяхъ [12]) продолжена первоначальная проповѣдь для освобожденія умовъ.

Дверь Закона [13]) есть водное крещеніе очищающее, воздвигающее въ красотѣ, убѣляющее внутренно. Символомъ пріяли знакъ креста + простирающійся къ четыремъ свѣтиламъ [14]). Для призыванія людей безъ принужденія ударяютъ въ дерево [15]), зовутъ къ благоговѣнію, милости, милосердію. Совершаютъ богослуженіе лицомъ къ востоку, взирая на путь славы живущихъ. Сохраняютъ бороду, ибо внѣшность соблюдаютъ обычную; брѣютъ маковку, ибо отъ внутреннихъ страстей отрѣшаются [16]). У нихъ нѣтъ рабовъ: равными считаютъ знатныхъ и незнатныхъ между людьми. Не собираютъ богатствъ и запасовъ: учатъ дѣлить остатокъ съ бѣдными. Постятся чтобы смирить знаніе и сдѣлать его совершеннымъ. Бодрствуютъ (ночью) чтобы, провѣряя себя въ тиши, укрѣпиться. Семь разъ въ день творятъ славословія въ великую помощь живымъ и умершимъ [17]). Въ первый изъ семи дней приносятъ безкровную жертву. Очищая сердца, возвращаютъ къ простотѣ. По истинѣ вѣчный Законъ дивенъ и трудно

---

[9]) Ветхозавѣтные писатели.

[10]) Слова неясныя; по мнѣнію нѣкоторыхъ переводчиковъ, указаніе на заповѣди блаженства.

[11]) „Нынѣ же пребываютъ три сія: вѣра, надежда, любы".

[12]) Новый Завѣтъ.

[13]) Словомъ „Законъ" здѣсь и далѣе обозначается религія христіанская (несторіанская).

[14]) О крестной смерти Спасителя среднеазіятскія несторіане избѣгали говорить предъ невѣрующими (Рубруквисъ и др.).

[15]) Нынѣшнему звону колоколовъ соотвѣтствовалъ въ старину уда[...]ь доску (било).

[16]) Обычай тонзуры Ассемани указываетъ у кашгарскихъ несторіа[...]

[17]) Обычай семикратной въ теченіе дня молитвы донынѣ соблюдае[...] у несторіанъ. См., напр., статью отца Титова о присоединеніи сиро-нестор[...]ь къ православію въ „Трудахъ Кіевск. Дух. Ак.", 1900 г.

наименовать его. Дѣлами и богослуженіемъ онъ свѣтло сіяетъ: должно называть его Пресвѣтлою вѣрой.

Законъ помимо государей не прославляется. Государи помимо закона не возвеличиваются. Законъ совокупно съ государями какъ грамота запечатлѣнная, прекрасно озаряетъ землю.

Въ сверкающее время Тай-сун'я, украшеннаго государя, просвѣщеннаго, милосердаго къ людямъ, былъ въ Сирской странѣ высокодобродѣтельный A-lô-pên [18]). Взирая на голубыя облака и неся истинное Писаніе, смотря на направленіе вѣтровъ во избѣжаніе опасностей путешествія, въ 9-ый годъ чинь-куанъ [19]) онъ прибылъ въ Чань-Нянъ [20]). Императоръ приказалъ первому министру князю Фань-Гюень-лин'ю съ большимъ конвоемъ встрѣтить его въ западномъ предмѣстіи. По переводѣ книгъ въ дворцовой библіотекѣ были вопросы о вѣрѣ во внутреннихъ покояхъ дворца. Глубоко изученное признано правымъ и истиннымъ. Повелѣно передавать и учить. Въ 12-й годъ чинь-каунъ, осенью, въ седьмую луну, императорскій указъ говоритъ:

„Для закона нѣтъ неизмѣннаго имени. Для святости нѣтъ неизмѣнной сущности. Смотря по странамъ предлагаются религіи; въ тиши утѣшаютъ множество жителей. Высокодобродѣтельный A-lo-pên изъ Сирской страны, вводя издалека Святое Писаніе и изображенія, пришелъ предложить свое ученіе въ столицу, излагая его основанія. Оно глубоко, достопочтенно, отрѣшено отъ міра; главное стремленіе его достичь совершенства. Писанія просты и безъ расплывчивости. При правильномъ ученіи да забываются сѣти лжи. Оно помогаетъ природѣ, благодѣтельно людямъ. Прилично распространить его въ Имперіи. Начальники столицы да построятъ въ кварталѣ Мира и Правосудія сирскій храмъ и да соберутъ туда 21 священника. Когда угасла сила достопочтенной династіи Чеу, голубая колесница удалилась къ западу [21]): при блескѣ власти великой семьи Тань возвращается въ лучахъ дуновеніе вѣющее къ востоку“ [22]).

---

18) Альбинъ?

19) 635 по Р. Х.

20) Древнее названіе Синанфу.

21) Колесница увезшая (на голубыхъ быкахъ) Лао-цэ, великаго вѣроучителя и предка династіи Тань (около 550 г. до Р. Х).

22) Китайскіе коментаторы о нашей надписи приводятъ этотъ указъ по сборнику указовъ династіи Тань, составленному въ X вѣкѣ. Тамъ A-lo-pen названъ выходцемъ изъ Персіи. Разнорѣчіе нашего памятника объясняется указомъ 724 года, гдѣ сообщается что доселѣ ошибочно считали происхожденіе Пресвѣтлой вѣры персидскимъ и повелѣвается именовать ее впередъ сирскою Пресвѣтлою вѣрой.

Приказано властямъ взять вѣрный портретъ императора и помѣстить въ стѣнахъ храма. Небесное величіе лика (на портретѣ) было прекрасно для взгляда: герой простиралъ блескъ на послѣдователей Пресвѣтлой вѣры. Распространеніе счастія отъ святыхъ слѣдовъ навѣки разольетъ свѣтъ, куда только проникнетъ Законъ.

По „Описанію западныхъ странъ“ и по книгѣ историковъ Хан'овъ и Вей'евъ, царство Сирское [23]) на югѣ замыкается Коралловымъ моремъ; съ сѣвера доходитъ до горъ со всѣми драгоцѣнными камнями; съ запада обращено къ предѣламъ отшельниковъ [24]) и къ цвѣтущимъ лѣсамъ; съ востока къ долгимъ вѣтрамъ и стоячей водѣ [25]). Эта земля производитъ огнеупорное дерево, душистый живительный бальзамъ, камни свѣтлые какъ луна, камни блестящіе ночью. Тамъ не нападаютъ, не крадутъ; люди благополучны и мирны; почитается лишь Пресвѣтлый законъ. Лишь добродѣтельный государь поставляется во власти. Земля велика, широка, обширна; науки блестяще цвѣтутъ.

Као-цунь, великій, императоръ, слѣдуя предкамъ, оплодотворилъ начинаніе доблестнаго предшественника и во всѣхъ областяхъ намѣтилъ храмы Пресвѣтлой вѣры. По прежнему вознося А-ло-пен'а, далъ ему санъ Охранителя Царства, Господина Великаго Закона. Законъ разлился по десяти путямъ [26]), царство стало богатымъ, великимъ, прекраснымъ. Церквами снабдились многіе [27]) города; семьи, въ Пресвѣтлой вѣрѣ, обильно блаженствовали.

Въ годъ Шинь-ли [28]) сыны Буды, пользуясь силою, превознесли уста при Восточномъ дворѣ, гдѣ царскій домъ назвался Чеу [29]).

Въ концѣ лѣтъ сень-тень [30]) низшіе ученые весьма насмѣялись, унизили въ западной области Као. Однако были: глава священниковъ

Китайцы же отыскали въ описаніи Чань-Няна (Синанфу) XII в. свѣдѣніе о тогдашнемъ христіанскомъ храмѣ въ кварталѣ Мира и Правосудія о построеніи его въ силу указа 638 г.

[23]) „Та-цинъ“—Восточная Римская Имперія, а въ частности Сирія.

[24]) Ѳиваида?

[25]) Мертвое море?

[26]) Главные пути Китая.

[27]) Буквально: „сто“.

[28]) 699 по Р. Х.

[29]) Императрица (изъ рода Ву) заключила молодаго императора во внутренніе покои дворца, захватила престолъ для своего племянника, удалилась съ нимъ на востокъ, въ Ло-янь, и дала новооснованной династіи старое имя Чеу. Любимцемъ ея былъ молодой будійскій священникъ, и будисты преобладали въ ея время. Узурпаторъ царствовалъ съ 690 по 705 г.

[30]) Около 713 года.

Лô-хâнъ, добродѣтельнѣйшій Ки-ли, также знатные ученики изъ страны золота [31]), отвергшіеся міра, высокіе іереи; сообща порвали они сѣти мрака и вновь связали разорванное.

Благочестивѣйшій императоръ Хюен-цунь [32]) приказалъ пяти родственникамъ, князьямъ Нинь-куе и другихъ мѣстъ поселиться во дворцѣ Блаженства [33]), поднять, возставить алтари, дворы, кровлю Закона, грозившую упасть, и приказалъ болѣе возвысить. Камни Закона расшатались отъ времени и снова утверждены.

Въ началѣ года Тьен-Пао приказалъ главнокомандующему Као-ли-се отнести пять изображеній священныхъ лицъ [34]) въ церковь чтобы помѣстить ихъ въ мирѣ. Приказалъ дать сто кусковъ шелка, принести въ даръ красивыя картины: владыки изображены на нихъ безъ грозныхъ бородъ, при лукахъ и оружіи; лучи солнца, простираясь, ярко освѣщали небесные лики.

На третій годъ изъ царства Сирскаго священникъ Кихо, смотря на звѣзды и на солнце, пришелъ къ августѣйшему двору. Императоръ приказалъ священникамъ Лô-хâну, Полуну и другимъ, всего семи, совершать съ добродѣтельнѣйшимъ Кихо во Дворцѣ Блаженства должныя богослуженія. Внутри храма на дощечкахъ и съ фронтона помѣщена императорская надпись съ дракономъ [35]): вставленные сюда драгоцѣнные камни переливались какъ летящая ласточка; блескъ освѣщалъ розовыя облака: такъ лучи разума наполнили обширную пустоту и, восходя, пристыжали солнце въ его бѣгѣ.

Дары благоволенія сравнимы съ возвышенными вершинами южныхъ горъ; преизобильныя благодѣянія равняются глубинѣ восточнаго моря. Законъ долженъ встрѣчать согласіе въ жизни, и согласующееся можетъ быть именуемо. Великіе государи не бываютъ бездѣятельны, и дѣла ихъ могутъ быть возвѣщаемы.

Просвѣщенный императоръ Су-цунь [36]) возстановилъ въ Лин-ву и западныхъ княжествахъ храмы Свѣтлой вѣры. Поддержана прежняя доброта, и явилось счастіе и блаженство; снизошла великая радость и утвердилось императорское правленіе.

Таи-цунь, императоръ воинственный и просвѣщенный [37]), расши-

---

[31]) Гдѣ-то на западъ отъ Китая; вѣроятно, Бактріана, столицей коей былъ тогда городъ Балхъ, гдѣ извѣстна несторіанская епархія.

[32]) 713—755 гг.

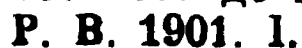
[33]) Въ предмѣстіи Синанфу. Князья эти: 4 родныхъ брата и одинъ двоюродный.

[34]) Пять предшествовавшихъ императоровъ изъ дома Тань.

[35]) Императорскій гербъ.

[36]) 756—762 и по Р. Х.

[37]) 763—779 до Р. Х.

рилъ дѣятельность святыхъ, благопріятствуя углубленію въ молитву. Въ день рожденія онъ ежегодно даровалъ душистый ѳиміамъ для богослуженія, посылалъ императорскія яства для чести народа Пресвѣтлой вѣры. Такъ небо щедро сыплетъ благо всему живущему; государь, воплощеніе добродѣтели, преодолѣваетъ вредныя вліянія.

Нашъ священный, божественный, просвѣщенный и воинственный императоръ-устроитель [38]) распространилъ восемь правилъ для смѣщенія и назначенія [39]), чтобъ выдвигать стоящихъ вдали, явилъ девять разрядовъ [40]), лишь возобновляя Пресвѣтлыя постановленія. Исправленіемъ проникъ въ глубочайшее основаніе человѣческаго разума; молитвой вознесъ сердце; достигъ вершины разумности и смиренія; распространилъ спокойствіе и сотворилъ другимъ какъ себѣ; въ величайшемъ милосердіи помогъ всѣмъ удрученнымъ.

Кто распростеръ милость благодѣяній на столькихъ людей, того великому пути мы хотимъ послѣдовать. Почерпая (изъ его примѣра), направляя за нимъ шагъ, мы будемъ постепенно восходить.

Еслибы возможно было дождю и вѣтрамъ приходить въ пору, поднебесная покоилась бы; еслибы люди могли направлять себя по разуму, природа могла бы быть чистой, живые преизобиловать, мертвые блаженствовать. Признавая жизнь отраженіемъ душевныхъ движеній, которыя, вырываясь наружу, осуществляются воочію, мы, послѣдователи Пресвѣтлой вѣры, должны усиленно стараться осуществлять ея благія ученія.

Великій благодѣтель, вельможа въ златотканомъ черно-красномъ уборѣ, императорскій кравчій, избранный помощникъ воеводы Сѣверной области, императорскій начальникъ дворцовыхъ смотровъ пожалованный черно-красною одеждой, священникъ И-ссе возжелалъ согласія и возлюбилъ дѣлать добро. Онъ услышалъ о прилежномъ преуспѣяніи Закона и пришелъ издалека, изъ города „Царскій домъ“ [41]), въ Срединное царство. Знаніемъ онъ превосходитъ три поколѣнія; дарованія его простираются до десяти совершенствъ. Сначала онъ служилъ въ военной стражѣ при Красныхъ сѣняхъ, потомъ записанъ въ царскія войска. Когда князь Куо-Цеу-и императорскій секретарь и правитель Фенян'а началъ войну въ Сѣверной провинціи, Су-цунь [42]) послалъ И-ссе сопровождать шестидесятилѣтняго. Хотя

---

[38]) Кіень-Чунь.

[39]) Восемь основныхъ правилъ управленія, установленныя первыми законодателями Китая.

[40]) Разряды законовъ, по философіи китайскаго права.

[41]) Вѣроятно Раджа-грха въ Индіи.

[42]) Упомянутый уже императоръ 756—762 гг.

онъ считался близкимъ человѣкомъ, свободнымъ для частныхъ занятій, онъ никогда ради досуга не отставалъ отъ похода; былъ когтями и зубами князя, сдѣланъ былъ ухомъ и глазомъ войска. Раздавалъ доходъ и пожалованія. Никогда не собиралъ для семьи. Поднесъ богатые дары изъ хрусталя, отказался отъ ковровъ тканыхъ золотомъ и волосомъ. То чтилъ по прежнему древніе храмы; то возвеличивалъ обители (Пресвѣтлаго) Закона, воздавая имъ почетъ и пристраивая боковыя помѣщенія, крылья дома, точно у разноцвѣтнаго фазана на полетѣ. Соревнуя послѣдователямъ Пресвѣтлой, служа милосердію, онъ раздавалъ милостыню. Ежегодно собиралъ священниковъ и учениковъ четырехъ церквей. Съ почтеніемъ служилъ имъ и доставлялъ все нужное пятьдесятъ дней. Кто приходилъ голодный, кормилъ его; кто терпѣлъ холодъ, приходили и одѣвалъ ихъ; кто болѣлъ, лечилъ и воздвигалъ ихъ; кто умиралъ, погребалъ и успокоивалъ ихъ. У лучшихъ послѣдователей Буды никогда не слыхано о такомъ добрѣ.

Ученые Пресвѣтлой, въ бѣлыхъ одеждахъ, нынѣ озираясь на всѣхъ этихъ мужей, пожелали вырѣзать несокрушимый волнами каменный памятникъ чтобы восхвалить благія и прекрасныя заслуги ихъ.

Надпись гласитъ [43]):

Истинный Господь безначаленъ, неизмѣненъ, невозмутимъ, самобытенъ,
Начало, Творецъ, Создатель, сотворившій небо и землю.
Отдѣливъ Лицо явился въ міръ, спасая безъ границъ.
Солнце восходитъ, тьма уничтожается; все свидѣтельствуетъ глубину истины.

***

Могучій, державный императоръ превзошелъ справедливостью всѣхъ прежнихъ царей.
Пользуясь случаемъ, уничтожилъ смуты; сила неба распространилась, сила земли расширилась.
Свѣтлая, чистая, Пресвѣтлая вѣра обновила проповѣдью наше царство Тань.
Приказалъ перевести Св. Писаніе, воздвигъ церкви, подвигнулся для живыхъ и мертвыхъ корабль перевозящій.
Всевозможное счастье отовсюду выступило, всѣ царства умирились.

---

[43]) Слѣдуютъ стихи въ коихъ каждыя 4—5 смежныхъ строкъ кончаются одну риему.

***

Као-цунь слѣдовалъ предкамъ, опять поддержалъ домà чистоты;
Дворцы мира явились, разсыпая лучи; кругомъ наполнили они Срединныя земли.
Истинное ученіе открыто, возвѣщено и проявлено; вознесены честью владыки Закона.
Люди возымѣли счастье и миръ; настало время безъ бѣдствій и золъ.

***

Кюен-Цинь провозглашенный императоромъ направилъ себя къ истинѣ и правдѣ.
Императорскія объявленія возсіяли на таблицахъ, произведенья Высочайшаго письма блистали, отражая свѣтъ;
Изображенія императоровъ сіяли драгоцѣнными камнями, досточтимыя во всѣхъ земляхъ.
Всѣ блюли обязанность, всѣ радовались, люди блаженствовали.

***

Су-цунь пришелъ затѣмъ. Небесное величіе направляло императорскую колесницу.
Солнце святости распространило блескъ, дуновенье счастья прогнало ночь.
Счастье вернулось императорскому дому, прогнанъ зловѣщій воздухъ; навсегда возблагодарили.
Остановилъ напоръ бушующихъ, умирилъ народъ, умирилъ нашу Имперію.

***

Таи-цунь благочестивый, справедливый, добродѣтелью соединилъ небо и землю.
Благодѣяніями открылъ живущимъ изобиліе, при помощи прекраснаго плодородія во всемъ.
Ѳиміамъ прилагалъ къ воздаянію за заслуги; милость къ творенію милостыни.
Съ долины восходящаго солнца снизошло величіе; пещеры луны перестали скрывать его [44]).

***

Кіень-чунь овладѣлъ властью, соблюдалъ свѣтлую добродѣтель.
Воинской доблестью умирилъ четыре моря; гражданственностью прославился во всѣхъ странахъ,

---

44) „Долина восходящаго солнца“=востокъ; „пещеры луны“=западъ, выраженія принятыя въ поэзіи.

Освѣщая потаенное, проникаетъ тайны людей, какъ въ зеркалѣ видя образъ вещей.
По шести направленіямъ [45]) распространился блескъ его,
Всѣ варвары взяли его за образецъ.

***

О! Единый, широчайшій Законъ! Лишь онъ раскрываетъ тайны!
О! Вынужденные именовать его, приходимъ къ Тройческой Единицѣ!
О! Владыки могутъ дѣйствовать, слуги могутъ слѣдовать!
О! Воздвигается великій памятникъ, восхваляется высшее счастье!

Во второй годъ великаго Кьен-чуня изъ династіи Тань, когда годъ былъ въ созвѣздіи весны, въ седьмой день мѣсяца таи-тсу, праздничный день великаго Яо-санъ, помѣщенъ, воздвигнутъ камень.

Въ то время владыка Закона Нинь-шу управлялъ паству Пресвѣтлой вѣры восточныхъ земель.

Первый секретарь двора, ученый начальникъ области Тан-Чеу, третій послѣ военачальника, Лиу-Сьеу-йенъ написалъ.

Асистентъ, исправитель и изслѣдователь, предсѣдатель Совѣта Вѣроисповѣданій пожалованный черно-красною одеждой, блюститель храмовъ, священникъ И-ли.

(Сирская часть):

Во дни отца отцовъ, господина моего Ханан-Іисуса, Каѳолическаго патріарха, и Адама священника, хорепископа и папы Китая, въ годъ 1092 греческой эры [46]), господинъ мой Индбузидъ, священникъ и хорепископъ Кумдана, города царскаго, сынъ блаженной памяти Милиса священника изъ Балха, города въ Туркестанѣ, воздвигъ эту каменную доску съ надписаніемъ на ней спасенія пришедшаго черезъ Искупителя нашего, и обѣтованіе отцевъ нашихъ къ царямъ Китая.

(*По китайски:*) священникъ Линь-Пао.

(*По сирски*) Адамъ діаконъ, сынъ Индбузида хорепископа; Мар-Сергій священникъ и хорепископъ.

(*По китайски:*) исправитель и изслѣдователь помогавшій при здвиженіи памятника, священникъ Хинь-Тунь.

(*По сирски:*) Себаръ-Іисусъ священникъ; Гавріилъ священникъ, хидіаконъ и настоятель церкви Кумданской и Саргской.

С. Слуцкій.

---

[45]) Къ небу, въ землю и въ 4 стороны.
[46]) Отъ кончины Александра Македонскаго=781 по Р. Х.

У Днѣпра.

I.

Исконной силою горда,
Безсмѣнной стражей терпѣливой
Угрюмыхъ скалъ стоитъ гряда
У водъ мятежнаго залива.

Своею грузною стопой
Онѣ въ пучинѣ потонули
И, плотно сплоченной толпой,
Заливъ, какъ плѣнника, замкнули.

Иныя выдались впередъ,
Своимъ челомъ надъ нимъ нависли
И смотрятъ зорко въ бездну водъ,
Какъ будто ихъ читая мысли.

Какъ мечъ, когда онъ обнаженъ,
Заливъ сверкаетъ блескомъ злобнымъ;
Безсилья гнетомъ раздраженъ,
Онъ стонетъ голосомъ загробнымъ.

Сѣдыхъ вѣковъ года бѣгутъ,
А онъ въ плѣну твердыни страждетъ,
И, тѣсный свой кляня прiютъ,
Простора, воли тщетно жаждетъ.

Слѣпымъ отчаяньемъ дыша,
На небо смотритъ онъ сурово,
Томясь какъ бурная душа
Въ оковахъ мiра ей чужаго...

Петръ Быковъ.

С. Мануйловка.

ЛУИ ПАСТЭРЪ.

(Критико-біографическій очеркъ).

Есть люди дѣятельность которыхъ такъ глубоко затрогиваетъ общечеловѣческіе интересы, такъ благотворно отзывается на нуждахъ каждаго, безъ различія племени и народности, что имена ихъ какъ бы перестаютъ быть украшеніемъ и славою отдѣльной, родной имъ націи, становятся достояніемъ всего человѣческаго рода, и съ ничтожныхъ сравнительно скрижалей національной памяти переносятся благодарнымъ человѣчествомъ на обширныя страницы міровой лѣтописи. Среди великихъ людей дѣйствовавшихъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ въ продолженіе истекающаго столѣтія нѣтъ никого, кто бы имѣлъ такое неоспоримое право на эту вѣчную всеобщую признательность, какъ доблестный сынъ Франціи, Луи Пастэръ. Имя этого „благодѣтеля человѣчества" еще при жизни его было извѣстно не однимъ только ученымъ и образованнымъ людямъ: оно переходило изъ устъ въ уста въ средѣ людей малограмотныхъ, вызывая въ каждомъ чувство благодарности и надежды. Это былъ человѣкъ посланный на служеніе страждущему человѣчеству, и къ нему съ одинаково беззавѣтнымъ довѣріемъ приходили и представители западныхъ просвѣщенныхъ народовъ, и бѣдный людъ изъ темныхъ уголковъ нашей Смоленской губерніи.

Луи Пастэръ, членъ немногочисленной семьи состоявшей кромѣ его всего изъ трехъ сестеръ, родился 27 декабря 1822 года въ аленькомъ французскомъ городкѣ Dôle, гдѣ отецъ его занимался кромнымъ ремесломъ кожевника. Низкое происхожденіе, бѣдная, удовая жизнь которая велась въ родительскомъ домѣ, какъ калось бы, все это должно было померкнуть въ глазахъ Пастэра ередъ блескомъ достигнутой имъ впослѣдствіи славы! Но этотъ гей былъ на столько же человѣкъ сердца, на сколько и человѣкъ наи, и хотя его привязанности, какъ и его открытія, простирались

до послѣднихъ границъ человѣчества, но они не въ силахъ были хотя бы сколько-нибудь уменьшить его сыновнюю почтительность. Не только въ глубокихъ тайникахъ своей благородной души хранилъ онъ до конца жизни благодарную память о нѣжно любившемъ его отцѣ, но и въ торжественныхъ собраніяхъ, среди шумныхъ овацій и обращенныхъ къ нему восторженныхъ привѣтствій, передъ лицомъ знаменитыхъ ученыхъ, равно какъ и передъ вступающей въ жизнь молодежью, Пастэръ не упускалъ случая чтобы не заявить о своей горячей признательности къ тому для кого въ продолженіе 30-ти лѣтъ своей жизни онъ былъ предметомъ постоянной и чрезвычайной заботливости. Эта любовь безсмертнаго сына какъ бы обезсмертила и самого отца, и потому не лишнимъ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ и о немъ.

Жанъ-Жозефъ Пастэръ былъ человѣкъ не общительнаго меланхолическаго характера и не быстраго ума, разсудительный, въ чемъ представлялъ полную противоположность женѣ надѣленной богатымъ воображеніемъ и пылкимъ характеромъ. Благодаря высокимъ качествамъ своего ума и сердца, онъ умѣлъ судить о вещахъ болѣе здраво, чѣмъ это можно было бы ожидать отъ человѣка его положенія: онъ не ошибался, говоря что не мѣсто возвышаетъ человѣка, а человѣкъ украшаетъ свое званіе. Ведя тяжелую, трудовую жизнь, родители Пастэра ставили себѣ цѣлію не одно только добываніе хлѣба насущнаго; ими руководили и другія, болѣе благородныя побужденія дать дѣтямъ возможно лучшее воспитаніе; ко всему примѣшивались возвышенныя чувства, и матеріальная жизнь какъ бы озарялась жизнью моральной. Духъ которымъ проникнутъ былъ отецъ и который онъ старался передать своимъ дѣтямъ ясно сказался въ одномъ изъ сохранившихся его писемъ къ сыну пожелавшему употреблять немногіе свободные отъ занятій часы на преподаваніе физики въ пансіонѣ г. Барбэ когда-то оказавшаго ему услугу. „Я очень радъ“, писалъ ему отецъ, „что ты даешь уроки у г. Барбэ... Онъ такъ былъ добръ къ намъ что мнѣ очень хотѣлось чтобы ты былъ въ состояніи доказать ему свою признательность. Будь же всегда услужливъ къ нему. Ты обязанъ это дѣлать не ради одного себя, но и ради другихъ. Это побудитъ его отнестись такъ же, какъ он[illegible] отнесся къ тебѣ, и къ другимъ прилежнымъ молодымъ людямъ, буд[illegible]ность которыхъ безъ него пострадала бы“. Такъ великодушіе, са[illegible] пожертвованіе, забота о другихъ, даже незнакомыхъ людяхъ, [illegible] стоили никакого усилія ни отцу, ни сыну: они были имъ вро[illegible] сродны. Выросши въ ту эпоху, когда отъ грамотнаго человѣка т[illegible]бовалось лишь умѣніе прочесть правительственныя распоряженія [illegible] все остальное считалось не стоющимъ вниманія, Жозефъ Паст[illegible]

былъ плохо образованъ, къ тому же рано оставшись безъ родителей, мальчикъ-сирота долженъ былъ спѣшить заработывать себѣ хлѣбъ, а для того учиться кожевенному ремеслу которымъ занимались его отецъ и дѣдъ. Но до послѣднихъ дней жизни онъ не переставалъ горевать о недостаточности своего образованія. У него была страсть къ пріобрѣтенію знаній. Когда Луи поступилъ въ начальную школу, отецъ каждый вечеръ репетировалъ съ нимъ уроки столько же для того чтобы помочь сыну, сколько и для того чтобы пополнить пробѣлы въ собственномъ знаніи. Когда же сынъ поступилъ въ высшее парижское училище, роли перемѣнились; прежній ученикъ превратился въ учителя и съ неизмѣнною сыновнею почтительностію и самою утонченною деликатностью сталъ давать указанія отцу требовавшему у него иногда совѣта, иногда цѣлой програмы занятій. „Я часто заставалъ отца“, пишетъ Луи Пастэръ, „за изученіемъ граматикъ, съ перомъ въ рукахъ дѣлающаго сравненія и коментаріи для того чтобы въ 40—50 лѣтъ научиться тому что помѣшали ему узнать несчастныя обстоятельства первыхъ лѣтъ его жизни“. Онъ много читалъ, но любимыми его книгами были тѣ которыя напоминали ему событія великой эпохи Наполеона I; когда-то съ честію служилъ онъ этому императору на полѣ битвы и навсегда сохранилъ къ нему чувство глубокаго благоговѣнія; блестящія побѣды, новыя идеи равенства были хотя и мимолетнымъ, но ослѣпительнымъ видѣніемъ въ глазахъ Жозефа Пастэра, и не легко ему было перенести паденіе этого генія вернувшее его къ бѣдности и уничиженію, заставившее его испытать мученія оскорбленнаго патріотизма и личнаго самолюбія. Но онъ бодро перенесъ этотъ ударъ, вернулся въ родной городъ, усердно принялся за свое тяжелое ремесло и весь предался заботѣ о семьѣ, гдѣ какъ его, такъ и всеобщимъ любимцемъ былъ Луи. „Всего трогательнѣе въ привязанности ко мнѣ моего отца“, писалъ впослѣдствіи Луи Пастэръ, „было то что къ ней никогда не примѣшивалось чувство честолюбія... Въ связи съ моимъ возможнымъ повышеніемъ ему всегда представлялся тотъ трудъ который оно за собою влекло, а за нимъ мое здоровье могущее отъ него пострадать. Между тѣмъ, насколько я его знаю и какъ я теперь его понимаю, нѣкоторые успѣхи моей ученой карьеры должны были возбуждать въ немъ живое чувство гордости, доставлять ему глубокую радость. Вѣдь это былъ его сынъ носившій его имя. Это было дитя которому онъ давалъ наставленія и совѣты“. Если до послѣднихъ дней жизни Луи Пастэръ не могъ безъ волненія вспоминать объ отцѣ и родительскомъ домѣ, то легко себѣ представить, какую нѣжную привязанность питалъ онъ къ родной семьѣ въ былые годы. Первая разлука съ близкими оказалась совершенно не по силамъ чувстви-

тельному юношѣ: отправившись для поступленія въ высшее училище въ Парижъ, столь обольстительный для всякаго провинціала, Луи Пастэръ, не смотря на свою страсть къ труду и пріобрѣтенію знаній, такъ былъ подавленъ тоскою что нашли нужнымъ извѣстить родителей о нравственномъ состояніи ихъ сына грозившемъ перейти въ болѣзнь, и отцу тотчасъ же пришлось взять его обратно. Когда вскорѣ затѣмъ, благодаря упорной надъ собою работѣ, Пастэру удалось развить въ себѣ силу воли и твердо предаться научнымъ занятіямъ въ École normale, онъ и семья постоянно поддерживали между собою самыя близкія сношенія, разказывая другъ другу малѣйшія подробности обыденной жизни: отецъ разказывалъ сыну о болѣе или менѣе удачной продажѣ своихъ товаровъ, сынъ старался найти въ новыхъ методахъ индустріи какое-нибудь средство для облегченія тяжелаго ремесла отца. Потеря матери уже въ зрѣлые годы жизни причинила Пастэру такую глубокую скорбь что въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль онъ не могъ предаваться умственному труду, проводя время въ слезахъ и упорномъ молчаніи. Съ почтительностію сына въ этомъ нѣжномъ сердцѣ соединилась заботливость брата. Любя науку и понимая ея значеніе, онъ убѣждалъ сестеръ усердно трудиться надъ пріобрѣтеніемъ знаній, предлагалъ платить за одну изъ нихъ въ пансіонъ еще въ то время, когда его собственныя средства были почти ничтожны, постоянно давалъ совѣты родителямъ насчетъ того какъ должно быть поставлено дѣло ихъ обученія: въ этомъ вопросѣ за нимъ давно было признано право голоса. Желая быть полезнымъ семьѣ, онъ не собирался жениться въ молодыхъ лѣтахъ, но намѣренъ былъ взять къ себѣ одну изъ сестеръ которыя страстно къ этому стремились. Однако, судьба распорядилась иначе, и 26-ти лѣтъ онъ сталъ мужемъ дочери ректора страсбургскаго университета, гдѣ самъ занималъ каѳедру химіи. Отношенія его къ женѣ и дѣтямъ носили тотъ же характеръ нѣжной сердечности, какимъ было запечатлѣно его отношеніе къ родительской семьѣ. Надо при этомъ отдать справедливость m-me Пастэръ, умѣвшей понимать и любить своего геніальнаго мужа: она была его сотрудницей и довѣреннымъ лицомъ, заботливо оберегала его здоровіе которое онъ самъ такъ мало щадилъ, и вблизи домашняго очага великій ученый всегда находилъ то поощреніе и отраду безъ которыхъ предстоявшая ему на ученомъ поприщѣ борьба быть можетъ подорвала бы его настойчивость и ослабила бы его геній. Дѣти всегда были предметомъ его особенной нѣжности. „Когда я подхожу къ ребенку", говорилъ Пастэръ, „онъ возбуждаетъ во мнѣ два чувства: чувство нѣжности къ его теперешнему положенію и чувство уваженія передъ тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ стать впослѣдствіи". Когда заболѣла его маленькая двухлѣт-

няя дочка, онъ, вернувшись отъ своей ежедневной утомительной работы въ лабораторіи, просиживалъ цѣлыя ночи у колыбели страдающаго ребенка. Занятія, по его собственнымъ словамъ, служили ему единственнымъ отвлеченіемъ отъ тяжелой скорби причиненной ему кончиною другой его дочери. Такъ въ продолженіе всей его жизни трудъ и умственная дѣятельность перемѣшивались у него съ нѣжными движеніями сердца.

Сдѣлавъ это отступленіе для того чтобы представить насколько возможно законченный образъ Пастэра-семьянина, вернемся опять къ его біографіи. Вскорѣ послѣ рожденія послѣдняго ребенка родители Пастэра переѣхали изъ Dule сначала въ Marnoz, а затѣмъ въ маленькій городокъ Арбуа, гдѣ Жозефъ Пастэръ снялъ кожевню. Здѣсь Луи сталъ ходить въ начальную школу. Онъ былъ моложе всѣхъ своихъ сверстниковъ. Нельзя сказать чтобы эти первые годы ученія были блестящи. Въ колегіи, куда затѣмъ перешелъ мальчикъ, онъ принадлежалъ къ числу среднихъ учениковъ, безъ особеннаго труда получалъ награды, съ увлеченіемъ пріобрѣталъ граматики и словари и съ гордостію выставлялъ на первой ихъ страницѣ свое имя. Въ праздничные дни онъ безъ сожалѣнія бросалъ занятія и бѣжалъ играть или удить рыбу съ товарищами; единственное развлеченіе отъ котораго онъ неизмѣнно уклонялся была охота изъ ружья: видъ раненой птицы былъ для него невыносимъ. Въ 12—13 лѣтъ мальчикъ выказывалъ склонность и несомнѣнныя, вѣроятно наслѣдственныя отъ отца, способности только къ рисованію, такъ что жители городка прозвали его „артистомъ", но такая слава мало удовлетворяла отца Луи заботившагося больше о научныхъ чѣмъ о художественныхъ успѣхахъ сына. Въ домашней жизни мальчикъ мало видѣлъ разнообразія, такъ какъ Пастэры жили уединенно. Для заурядныхъ посѣтителей двери ихъ дома были закрыты, но они съ удовольствіемъ принимали тѣхъ, кто былъ достоинъ любви и уваженія за выдающіяся качества ума и сердца. Однимъ изъ такихъ друзей дома былъ директоръ колегіи въ Арбуа, г. Романэ, къ которому Луи питалъ какое-то восторженное чувство уваженія и признательности и который имѣлъ рѣшающее вліяніе на судьбу будущаго ученаго. Онъ первый призналъ въ ребенкѣ божественную искру, хотя тотъ ничѣмъ еще не выдѣлялся: онъ былъ крайне разсудителенъ, высказывалъ только то въ чемъ былъ вполнѣ увѣренъ, проявлялъ качества того же сильнаго и простаго характера, какимъ отличались его земляки, жители Арбуа, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ богато надѣленъ воображеніемъ, вѣроятно, переданнымъ ему матерью.

Романэ, философъ и педагогъ, старался развивать основныя

черты этого характера, осмотрительность и восторженность, и ученикъ съ блестящими отъ восторга глазами слушалъ этого наставника заманчиво рисовавшаго передъ нимъ перспективу высшаго образованія въ лучшей парижской школѣ. Но отецъ, зная чувствительное сердце сына, долго не рѣшался отпустить его за 100 верстъ отъ родительскаго дома. Онъ былъ правъ: мальчика, какъ мы видѣли, скоро пришлось взять изъ Парижа обратно. По возвращеніи въ Арбуа, Луи, не оставляя своего любимаго занятія, рисованія, сталъ больше чѣмъ прежде интересоваться ученіемъ. Новые успѣхи въ наукахъ и новые совѣты Романэ пробудили честолюбіе и стремленіе къ высшему образованію, но такъ какъ вторичная поѣздка въ Парижъ казалась рискомъ, то было рѣшено что Луи предварительно поступитъ въ колегію сосѣдняго города Безансона, куда отецъ по базарнымъ днямъ пріѣзжалъ продавать свои кожи.

Не блестящіе успѣхи въ наукахъ (Пастэръ очень посредственно выдержалъ первый экзаменъ на бакалавра), но высокія нравственныя качества доставили ему мѣсто сверхштатнаго учителя въ Безансонской колегіи и такимъ образомъ, самъ проходя высшій курсъ математическихъ наукъ, онъ былъ лекторомъ для своихъ болѣе юныхъ товарищей. Новыя обязанности не были для него бременемъ; ему повиновались охотно; съ его простымъ, серіознымъ характеромъ и уваженіемъ къ человѣческому достоинству ему легко было поддерживать авторитетъ. Въ то время онъ былъ уже зрѣлъ не по лѣтамъ, главную цѣль человѣческой жизни видѣлъ въ самоусовершенствованіи, любилъ читать, но читалъ только книги высокаго содержанія. Страстно любя науку, Пастэръ и впослѣдствіи, подобно другимъ ученымъ, никогда не относился презрительно къ литературѣ. Нерѣдко люди предполагавшіе что онъ всецѣло погруженъ въ одни свои химическія изслѣдованія бывали поражены его мѣткимъ сужденіемъ о какомъ-либо новомъ литературномъ произведеніи. Ко всякому писателю достойному этого имени онъ питалъ истинное уваженіе, такъ какъ съ самымъ высокимъ понятіемъ о литературѣ у него соединялось представленіе объ ея вліяніи на общество. „Для науки въ крайнемъ случаѣ можетъ быть достаточно одного ума; но въ литературѣ совмѣстно дѣйствуютъ умъ и сердце; этимъ-то и объясняется тайна ея болѣе могущественнаго вліянія на направле[illegible] умовъ“. Онъ удивлялся людямъ умѣющимъ входить въ общеніе душою толпы; преклонялся передъ ихъ способами дѣйствій, рѣча или книгами; при своей необычайной искренности онъ не подозр валъ что бываетъ професіональное искусство. Мало было прои веденій которымъ бы онъ не придавалъ никакого значенія. По св ей добросовѣстности онъ не зналъ что̀ значитъ *пробѣжать* книг

онъ всякую *изучалъ*, причемъ, произнося свое одобреніе или критику, руководствовался исключительно интересами истины. Когда одинъ малоизвѣстный ему литераторъ выступилъ съ довольно низменнымъ произведеніемъ, онъ не задумался послать ему письмо такого содержанія: „Извините меня за откровенность. Истинные друзья часто причиняютъ намъ досаду. Не думаете-ли вы что нашей странѣ существенно необходимо указывать юношеству новые пути которые открыли бы ему горизонты, гдѣ виднѣется серіозный трудъ, нравственность, поэзія, нѣкоторая божественная идея, наша таинственная судьба и величіе отечества?.. Литература способна произвести глубокія и прочныя измѣненія въ ходѣ идей общихъ всѣмъ народамъ."

Второй экзаменъ на бакалавра математическихъ наукъ былъ еще менѣе блистателенъ чѣмъ первый, причемъ тотъ кому суждено было впослѣдствіи сдѣлать величайшія открытія въ области химіи получилъ по этому предмету лишь средній балъ. Для завершенія курса наукъ оставались теперь только одна поѣздка въ Парижъ и поступленіе тамъ въ высшую школу. На этотъ разъ разлука не пугала ни родителей, ни сына: изъ прежняго, до излишества чувствительнаго мальчика, Луи превратился въ молодаго человѣка съ твердымъ духомъ и непоколебимою жаждой знаній; работа надъ собою привела къ желаннымъ результатамъ, и на письмо родителей высказывавшихъ опасенія какъ бы суета парижской жизни не оказала дурнаго вліянія на юношу онъ съ гордостію могъ отвѣтить что Парижъ губитъ „лишь людей съ *слабою волей*". Поступивъ въ лицей St. Louis (на первый годъ Пастэръ рѣшилъ отказаться отъ École normale, куда былъ принятъ довольно низко, пятнадцатымъ изъ двадцати двухъ), онъ сталъ вести самую скромную, трудовую жизнь. Средства его были такъ невелики что онъ считалъ роскошью купить на 2 франка сукна чтобы покрыть имъ письменный столъ, гдѣ, по его словамъ, были щели и дыры мѣшавшія ему писать. Кромѣ слушанія лекцій въ лицеѣ, добровольныя занятія въ библіотекѣ, чтеніе литературныхъ произведеній, занятія философіею съ другомъ Шанюи, а главнымъ образомъ посѣщеніе въ Сорбонѣ лекцій знаменитаго химика Дюма не оставляли Пастэру почти ни минуты свободнаго времени. Много лѣтъ спустя, стоя уже на верху своей славы и отвѣчая на привѣтственную рѣчь своего бывшаго профессора, старика Дюма, явившагося во главѣ делегаціи ученыхъ обществъ чтобы выразить великому ученому чувство всеобщей признательности за его благодѣтельныя открытія, Пастэръ съ глубокимъ волненіемъ и съ тѣмъ же юношескимъ энтузіазмомъ описывалъ впечатлѣнія сорбонскихъ лекцій. „Мой дорогой учитель", говорилъ онъ

прерывающимся голосомъ, „прошло уже сорокъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ счастіе васъ узнать и какъ вы научили меня любить науку и славу Я пріѣхалъ тогда изъ провинціи. Послѣ каждой вашей лекціи я выходилъ изъ Сорбоны въ восторгѣ часто тронутый до слезъ. Съ этой минуты вашъ професорскій талантъ, ваши безсмертные труды, вашъ благородный характеръ внушили мнѣ удивленіе которое росло по мѣрѣ того какъ созрѣвалъ мой умъ". Отношенія Пастёра къ этому ученому въ продолженіе всей его жизни еще свидѣтельствуютъ объ одной прекрасной чертѣ его характера, почтительной признательности къ своимъ наставникамъ.

Когда въ 1882 г., становясь членомъ академіи наукъ и выбравъ однимъ изъ своихъ воспреемниковъ Дюма, Пастёръ съ рукописью своей вступительной рѣчи въ карманѣ звонилъ у его подъѣзда, онъ гораздо болѣе былъ похожъ на ученика чѣмъ на товарища этого знаменитаго химика. Дюма лучше чѣмъ кто-либо знавшій цѣну ученыхъ заслугъ Пастёра умѣлъ цѣнить въ немъ эту скромность и простоту, любить въ немъ не только ученаго, но и человѣка: не было ни одного важнаго событія въ жизни Пастёра или его семьи на которое бы ни отозвался и, такъ сказать, не благословилъ Дюма.

Въ концѣ 1843 года Пастёръ выдержалъ экзаменъ въ лицеѣ и былъ принятъ четвертымъ въ École normale куда поспѣшилъ явиться за нѣсколько дней до съѣзда учениковъ. Какъ въ родномъ домѣ все озарялось лучемъ идеала, такъ въ École normale царили чувства и идеи способныя создавать полезныхъ дѣятелей; отецъ былъ очень доволенъ духомъ этого заведенія, но безпрестанно высказывалъ опасенія за здоровье сына переутомлявшаго себя непосильною работой. Въ эту эпоху своей жизни Пастёръ былъ простъ, серіозенъ, почти робокъ, но подъ наружной его сдержанностью таилось пламя энтузіазма. Отъ этого времени сохранилось первое свидѣтельство о томъ глубокомъ уваженіи которое онъ воздавалъ великимъ людямъ прошлаго и которымъ съ годами онъ проникался все сильнѣе и сильнѣе. „Полезно напоминать государствамъ которыя это забываютъ", говаривалъ онъ, „что они обязаны своею вѣковою жизнью исключительно генію или мужеству нѣкоторыхъ изъ ихъ сыновъ". Въ культѣ знаменитыхъ соотечественниковъ онъ видѣлъ тайну національнаго могущества и потому возводилъ его въ принципъ національнаго воспитанія. „Послѣ тѣхъ чья жизнь была лучомъ свѣта мы должны собирать для назиданія потомства все до малѣйшаго слова, до самаго ничтожнаго поступка могущаго обнаружить движенія ихъ великой души".

Жажда знанія, любовь къ труду, настойчивость въ научныхъ

изслѣдованіяхъ росли съ каждымъ днемъ. „Впередъ!“ было его лозунгомъ обусловленнымъ не страстью честолюбія, а ненасытною любознательностію. Но такъ какъ любимыя его занятія въ лабораторіи отвлекали его отъ занятій теоріей, то онъ и здѣсь не давалъ блестящихъ отвѣтовъ на экзаменахъ, и какъ многіе тогда изъ его сверстниковъ пророчили себѣ болѣе славную будущность чѣмъ этому скромному труженику! За то химическія изслѣдованія производившіяся Пастэромъ уже начинали привлекать къ нему вниманіе людей науки, на него уже начинали возлагать надежды, и когда по выходѣ его изъ École normale министръ народнаго просвѣщенія собирался назначить его преподавателемъ физики въ одинъ изъ провинціальныхъ лицеевъ, ученый Баларъ прославившійся еще въ молодости открытіемъ брома ходатайствовалъ о томъ чтобы Пастэру дозволено было остаться въ Парижѣ до окончанія докторской диссертаціи.

Тогдашнія лабораторіи были не что иное, какъ погреба или конуры въ которыя иногда съ трудомъ можно было проникнуть, да и такимъ помѣщеніемъ правительство баловало далеко не всякаго ученаго. Но Пастэръ предпочиталъ лабораторію любой каѳедрѣ въ лицеѣ или даже въ университетѣ: здѣсь онъ могъ всецѣло предаваться своему труду. Однако, ни его личное пожеланіе, ни покровительство друзей не могли его избавить отъ необходимости принять вскорѣ назначеніе на каѳедру физики въ Дижонскомъ лицеѣ. Доброжелатели Пастэра видѣли въ этомъ назначеніи униженіе для даровитаго юноши, упрекали правительство въ неумѣніи цѣнить способности человѣка сдѣлавшаго бы честь любому университету. Но самъ Пастэръ былъ далекъ отъ горделивой мысли о своемъ превосходствѣ: смиренно и добросовѣстно принялся онъ за преподавательскую дѣятельность, тщательно готовясь къ каждому уроку. Все же друзьямъ удалось добиться его перевода на каѳедру химіи въ Страсбургскій университетъ, гдѣ, какъ было выше упомянуто, онъ вскорѣ женился

Въ 1854 году Пастэръ былъ назначенъ професоромъ и деканомъ во вновь открытый медицинскій факультетъ въ Лилѣ. Здѣсь его лекціи по химіи пріобрѣли ему громкую извѣстность: превосходное изложеніе, ...ойная послѣдовательность мыслей, точность выраженій увлекали ...шателей; эскизы этихъ лекцій сохранились въ рукописяхъ и мо...ъ дать понятіе объ ихъ содержаніи, но кто передастъ его оживленіе, взглядъ, выразительность жестовъ? Благодаря Пастэру фа...ьтетъ въ Лилѣ скоро могъ соперничать съ самыми цвѣтущими ...культетами, и можно было быть вполнѣ покойнымъ за его будущ...ть, а между тѣмъ alma mater Пастэра, École normale, приходила въ большій и большій упадокъ. Пастэръ сохранялъ слишкомъ

глубокую признательность къ этому заведенію чтобы оставаться равнодушнымъ зрителемъ его паденія: онъ подалъ прошеніе о переводѣ изъ Лиля въ высшую Парижскую школу. Его просьба была уважена. Хотя и здѣсь лабораторія была на чердакѣ пустовавшемъ, потому что онъ былъ негоденъ для житья, и хотя для занятій въ ней не давалось никакого помощника, даже мальчика, но препятствія не могли поколебать бодрости Пастэра; разъ онъ сказалъ „travaillons“, „laboremus“ (это были его любимыя слова), всякое затрудненіе сглаживалось, и онъ всходилъ по лѣстницѣ ведшей въ эту псевдо-лабораторію съ военнымъ мужествомъ, какъ истинный сынъ стараго солдата.

Кромѣ професорской дѣятельности на Пастэра возложили на этотъ разъ еще и административную, поручивъ ему наблюденіе надъ экономическимъ и гигіеническимъ режимомъ школы. И тутъ друзья Пастэра негодовали на порученіе ему обязанностей отнимавшихъ у него время отъ великаго служенія чистой наукѣ, но для него не существовало раздѣленія на болѣе и менѣе важное, разъ дѣло касалось порученныхъ ему воспитанниковъ. Среди своихъ научныхъ занятій Пастэръ въ полномъ смыслѣ слова управлялъ École normale. Не говоря уже объ его заботливости о физическомъ благосостояніи учениковъ, его нравственное вліяніе на нихъ было такъ сильно что онъ пробуждалъ въ нихъ не только вкусъ, но страсть къ ученію; онъ каждому указывалъ его путь, пробуждалъ его способности. Если кого-либо изъ его бывшихъ слушателей постигало разочарованіе въ тотъ періодъ молодости когда ко всему относишься довѣрчиво, Пастэръ оказывалъ ему могущественную поддержку; онъ являлся для каждаго мудрымъ совѣтникомъ научавшимъ не придавать слишкомъ большаго значенія обстоятельствамъ обыденной жизни. Поэтому онъ внушалъ своимъ ученикамъ какую-то особенную, такъ сказать, исключительную привязанность въ которой соединялись и удивленіе, и благодарность, и горячее желаніе посвятить всего себя на служеніе ему; онъ возвышалъ умъ и сердце всякаго, кто только входилъ съ нимъ въ сношеніе. Семья, ученики, всѣ слѣдили съ участіемъ за развитіемъ его идей, раздѣляли его надежды, охотно отрекались отъ своей личной жизни ради успѣховъ его изслѣдованій. Для своихъ послѣдователей въ области науки онъ былъ истиннымъ вождемъ, он устранялъ отъ нихъ малѣйшія препятствія, не допускалъ ихъ сбиваться или натыкаться на какія-либо подводныя скалы, стар привлечь къ нимъ не только вниманіе, но и расположеніе л Власть его, когда онъ давалъ ее чувствовать, никогда не был жела, такъ какъ всегда была безкорыстна. Работа всегда могла оп дать въ глазахъ Пастэра отказъ пріѣхать по его вызову или с его сотрудникомъ, но когда его ученикъ Raubin извѣстилъ

достигнутомъ имъ успѣхѣ въ химическихъ изслѣдованіяхъ, Пастэръ не задумался тотчасъ же покинуть свою лабораторію чтобы своими глазами убѣдиться въ благопріятныхъ результатахъ его труда. Удачная работа ученика привела его въ восторгъ, и имя Raubin долго не сходило съ его языка.

Въ 1865 году Пастэру пришлось покинуть École normale, такъ какъ вслѣдствіе происшедшихъ тамъ политическихъ, хотя и довольно невинныхъ, манифистацій рѣшено было перемѣнить составъ начальствующихъ лицъ. Въ виду того что эти школьные безпорядки были намѣренно раздуты и ложно истолкованы, министръ народнаго просвѣщенія, желая быть справедливымъ къ бывшимъ наставникамъ, предложилъ Пастэру мѣсто инспектора высшихъ учебныхъ заведеній, думая что такое назначеніе дастъ ему возможность продолжать свои ученыя изслѣдованія. Указъ министра почти уже былъ подписанъ, какъ кандидатомъ на это мѣсто выступилъ професоръ химіи Баляръ. 31-го іюля Пастэръ послалъ министру слѣдующее почтительное заявленіе: „Я долженъ увѣдомить ваше высокопревосходительство что двадцать лѣтъ тому назадъ, при моемъ выходѣ изъ École normale я получилъ мѣсто въ этомъ заведеніи, благодаря г. Баляру который былъ тамъ однимъ изъ начальствующихъ лицъ. Признательный ученикъ не можетъ вступать въ конкуренцію съ уважаемымъ учителемъ, особенно когда дѣло идетъ о такой службѣ гдѣ лѣта и заслуги должны имѣть большой вѣсъ". Министръ долженъ былъ уступить настоятельному желанію „ученика".

Съ этихъ поръ Пастэръ уже не поступалъ болѣе на государственную службу, занимаясь исключительно своими научными трудами. Въ 1882 году онъ былъ избранъ въ члены французской академіи. Между тѣмъ какъ другіе кандидаты, дѣлая визиты избирателямъ, стараются привлечь ихъ голоса на свою сторону, Пастэръ говорилъ лишь нѣкоторымъ изъ академиковъ: „Никогда въ жизни я не думалъ о великой чести вступить во французскую академію. Мнѣ оказали крайнюю любезность, сказавъ: выступите кандидатомъ, вы будете избраны. Какъ не позволить увлечь себя на этотъ путь который прославитъ науку и моихъ близкихъ?" Такой же скромностью дышатъ и первыя слова о вступительной рѣчи обращенной къ членамъ академіи: „Въ тотъ моментъ какъ я являюсь передъ этимъ знаменитымъ собраніемъ", говорилъ онъ, „я чувствую вновь то же волненіе которое охватило меня въ тотъ день когда я добивался вашего визита. Меня вновь охватываетъ чувство моего недостоинства, и я былъ бы смущенъ своимъ теперешнимъ положеніемъ еслибы я не долженъ былъ отнести къ самой наукѣ ту, такъ сказать, безличную честь которую вы мнѣ оказываете". Только одинъ изъ членовъ академіи не пожелалъ

принять у себя Пастэра: это былъ Александръ Дюма. „Я запрещаю ему“, говорилъ Дюма, „пріѣзжать ко мнѣ: я самъ пойду его благодарить за то что онъ пожелалъ быть однимъ изъ нашихъ“. Впослѣдствіи во время предсмертной болѣзни Пастэра тотъ же Дюма въ сопровожденіи одной изъ своихъ дочерей вошелъ къ больному, котораго никогда не называлъ иначе какъ „нашъ дорогой, великій Пастэръ“, съ букетомъ розъ въ рукѣ чтобы привѣтствовать его съ новымъ годомъ, пожелать ему счастія. Въ продолженіе 12 лѣтъ встрѣчаясь по четвергамъ на засѣданіяхъ французской академіи, Пастэръ и Дюма питали другъ къ другу чувства глубокой симпатіи, и это послѣднее посѣщеніе Дюма было для Пастэра, по его собственнымъ словамъ, лучомъ солнца озарившимъ мрачные дни его недуга.

Оставляя на время въ сторонѣ болѣе подробное описаніе вступленія Пастэра во французскую академію для того чтобы потомъ съ большею полнотой охарактеризовать міровоззрѣнія этого великаго ученаго и столь же великаго человѣка, мы должны теперь перейти къ разказу о послѣднихъ печальныхъ годахъ его благотворной жизни. Вслѣдствіе сильныхъ волненій и непосильной работы здоровье Пастэра пошатнулось. Перерывистость пульса и другіе симптомы указывали на то что сердце было не въ порядкѣ. Доктора предписали ему молочный режимъ. Сначала они не рѣшились присовѣтовать ему полный отдыхъ, но когда наступили осенніе холода, имъ удалось убѣдить его имѣть мужество оторваться отъ своихъ ученыхъ занятій, лечиться и даже подумать объ отъѣздѣ на югъ. Великій любитель наукъ, Рафаэль Бишофсгеймъ, предложилъ тогда Пастэру свою виллу въ Бордигерѣ, какъ раньше онъ предоставлялъ ее въ распоряженіе италіянской королевы, С. Клэръ Девиль и Гамбеты. Эта вилла находилась на границѣ Франціи и на берегу Средиземнаго моря среди необыкновенно живописной мѣстности. Въ концѣ ноября Пастэръ согласился дать себѣ отдыхъ на нѣсколько недѣль и въ сопровожденіи своей семьи, зятя и двухъ внуковъ направился въ Ниццу, а оттуда на виллу Бишофсгеймъ, гдѣ подъ вліяніемъ теплаго солнца и благодатнаго климата его здоровіе стало замѣтно укрѣпляться. Но и здѣсь не удавалось его близкимъ обезпечить ему полное спокойствіе духа. Въ Парижской медицинской академіи пр тивники Пастэра возбудили ожесточенныя пренія по поводу мним недѣйствительности того способа который былъ примѣненъ имъ д предупрежденія бѣшенства у тѣхъ кто имѣлъ несчастіе быть ук шеннымъ бѣшеною собакой. Отголоски этихъ ожесточенныхъ де товъ доносились и до Бордигеры; Пастэръ съ лихорадочнымъ нете пѣніемъ ожидалъ каждаго курьера; каждое утро собирался онъ ѣха въ Парижъ чтобы отвѣчать на нападки. Онъ получалъ анонимн

письма, оскорбительныя статьи, все что только могутъ изобрѣсти ненависть и зависть. Онъ начиналъ узнавать дурныя стороны человѣческой природы. „Я не предполагалъ что у меня такъ много враговъ", съ грустью говорилъ онъ. Но у него больше, гораздо больше было друзей умѣло и горячо защищавшихъ его правоту во время его отсутствія, и академія почти въ полномъ своемъ составѣ высказалась за Пастэра. По окончаніи этихъ дебатовъ больной въ продолженіе нѣскольких дней наслаждался полнымъ спокойствіемъ, съ живымъ интересомъ изучая планы изготовлявшіеся для постройки института его имени. Мысль его была всегда далека отъ Бордигеры; казалось, онъ жилъ тамъ въ изгнаніи. Здѣсь вскорѣ посѣтилъ его принцъ Наполеонъ путешествовавшій инкогнито подъ именемъ графа Монкальери.

23-го февраля на разсвѣтѣ сильное землетрясеніе навело ужасъ на жителей этой благословенной страны. Два сильные удара смѣнились слабыми непрерывными сотрясеніями. Такъ какъ дальнѣйшее житье въ виллѣ сильно поврежденной землетрясеніемъ становилось опаснымъ, то Пастэръ съ семьей немедленно выѣхалъ на лошадяхъ (такъ какъ движеніе поѣздовъ должно было прекратиться) въ пограничный городъ Вэнтимиль, откуда рѣшено было ѣхать въ родной Пастэра Арбуа.

Нѣсколько недѣль проведенныхъ въ Арбуа могли дать Пастэру иллюзію полнаго выздоровленія. Его возвращеніе въ Парижъ было встрѣчено изъявленіями самаго глубокаго уваженія и благоговѣнія: лучшіе изъ его товарищей по академіи понимали значеніе той потери которую понесла бы Франція съ кончиной Пастэра.

Въ первыхъ числахъ іюля Пастэръ дѣлалъ академіи наукъ докладъ о томъ что англійская комисія, которой было поручено провѣрить его методы предотвращенія бѣшенства, по долгомъ и тщательномъ изслѣдованіи нашла ихъ вполнѣ дѣйствительными. Такимъ образомъ сами собою должны были бы рушиться всѣ высказанныя раньше противорѣчія, но, не смотря на то, не далѣе какъ черезъ недѣлю пренія по этому поводу разыгрались бы съ новою силой, еслибы вновь друзья Пастэра, и главнымъ образомъ Шарко, не заглушили ихъ своимъ авторитетнымъ голосомъ.

Академія наукъ предложила Пастэру принять на себя званіе ея пожизненнаго секретаря, которое до тѣхъ поръ носилъ одинъ изъ его умершихъ друзей. Въ этомъ случаѣ вновь сказалась необычайная деликатность великаго человѣка: онъ согласился принять предложенную ему честь только тогда, когда удостовѣрился что Бертело, его собратъ по академіи, ни въ какомъ случаѣ не приметъ на себя этой должности. Но Пастэру не долго пришлось исполнять возложен-

выя на него обязанности. 23-го октября, въ воскресенье утромъ, онъ хотѣлъ сказать что-то женѣ, но языкъ не повиновался ему: у него него сдѣлался параличъ. Къ вечеру онъ снова получилъ способность говорить, и на другой день никто изъ постороннихъ не могъ замѣтить того что̀ съ нимъ произошло. Но въ слѣдующую субботу ударъ повторился, и съ этихъ поръ онъ уже не могъ свободно владѣть языкомъ. Въ январѣ 1888 г. онъ долженъ былъ сложить съ себя обязанности секретаря. 14-го ноября того-же года Пастэръ имѣлъ утѣшеніе присутствовать на торжественномъ открытіи института его имени. На старости лѣтъ ему удалось быть свидѣтелемъ того, какъ устранялись съ пути его преемниковъ тѣ матеріальныя затрудненія съ которыми такъ много пришлось ему самому бороться: обширныя лабораторіи его института такъ мало походили на лабораторію-чердакъ въ École normale! Вопреки старческому обычаю хвалить прошлое, онъ былъ полонъ восторженной вѣры въ будущее. „Вы увидите, какъ современемъ все это разрастется", говорилъ онъ по поводу своихъ открытій. Въ ноябрѣ 1889 года, не смотря на плохое состояніе своего здоровія, Пастэръ собрался ѣхать въ Алэ, гдѣ воздвигали статую химику Дюма. Напрасно многіе изъ его товарищей по академіи старались отговорить его отъ этой длинной и утомительной поѣздки. „Я живъ, значитъ, ѣду", отвѣчалъ онъ и у подножія статуи съ глубокою благодарностію и уваженіемъ говорилъ онъ о своемъ „дорогомъ учителѣ". 27 декабря 1892 года французская академія наукъ торжественно отпраздновала 70-тилѣтній юбилей Пастэра. Сожалѣнія о глубокой старости дѣлавшей его неспособнымъ къ труду смягчались у него утѣшительнымъ сознаніемъ что дѣло его жизни росло съ каждымъ днемъ и что на его мѣстѣ становились другіе одушевленные его геніемъ и продолжали начатыя имъ изысканія. Недолго, однако, довелось ему быть свидѣтелемъ новыхъ успѣховъ. 1-го ноября 1894 года, въ то время, какъ онъ собирался по обыкновенію навѣстить своихъ внуковъ, онъ почувствовалъ сильный приступъ уреміи. Его перенесли на постель, и въ продолженіе четырехъ часовъ онъ былъ почти въ безсознательномъ состояніи. Ночью положеніе больнаго нѣсколько улучшилось; онъ могъ говорить, просилъ чтобы его не оставляли. Казалось, непосредственная опасность минова... все же былъ поводъ къ сильной тревогѣ. У постели Па... организовалось ночное дежурство преданныхъ ему лицъ. Съ ве... до часа ночи и съ часа до утра два человѣка, одинъ членъ его с... другой его ученикъ, просиживали въ его комнатѣ. Среди ночи жен... стэра обыкновенно приходила замѣнить того или другаго. Утром... внуковъ пробирались къ постели больнаго дѣда. Старшая, ... лѣтняя дѣвочка, съ трудомъ сдерживая свое волненіе, ...

развлекать его разговоромъ. Маленькій восьмилѣтній внукъ взбирался на его постель, цѣловалъ его, долго вглядывался въ лицо этого дорогаго человѣка всегда находившаго силу ему улыбнуться. Въ концѣ декабря стали надѣяться на благополучный исходъ болѣзни. Состояніе здоровія Пастёра стало улучшаться настолько что въ концѣ апрѣля онъ могъ принимать бывшихъ учениковъ École normale которые праздновали столѣтіе своего заведенія. Онъ сидѣлъ въ креслѣ въ одной изъ пріемныхъ комнатъ своего института. Длинною вереницей проходили мимо него эти питомцы высшей Парижской школы; каждаго провожалъ онъ ласковымъ словомъ или улыбкою благодарности.

Несмотря на грусть являющуюся слѣдствіемъ упадка силъ, нравственная энергія Пастёра нисколько не ослабѣвала. Ни одна жалоба не вырвалась изъ его устъ, онъ даже избѣгалъ говорить о своемъ здоровьѣ. У входа въ институтъ подъ сѣнію цвѣтущихъ каштановъ раскинутъ былъ шатеръ гдѣ онъ проводилъ нѣсколько часовъ среди дня. Часто друзья приходили туда побесѣдовать съ нимъ. „Какъ идутъ ваши занятія? Что̀ вы теперь дѣлаете?" спрашивалъ онъ ихъ и повторялъ то что̀ такъ часто говорилъ въ продолженіе всей своей жизни: „Надо работать!" 13 іюня Пастёръ переѣхалъ изъ Парижа въ Вильнёвъ-л'Этанъ. Съ каждымъ днемъ силы его слабѣли, онъ съ трудомъ могъ сдѣлать нѣсколько шаговъ. Параличъ усиливался. Въ послѣднихъ числахъ сентября онъ уже не могъ подняться съ постели.

„27 сентября, когда, наклонясь надъ его постелью, кто-то предложилъ ему чашку молока, „Я не могу больше", сказалъ онъ уныло. Его взглядъ принялъ выраженіе неизъяснимой покорности, доброты, прощальнаго привѣта. Его голова упала на подушку; онъ заснулъ. Послѣ этого обманчиваго покоя, вдругъ появилось короткое, прерывистое дыханіе: началась агонія. Въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ, весь разбитый параличемъ, онъ лежалъ неподвижно съ закрытыми глазами. Одна его рука была въ рукѣ m-me Пастёръ или одного изъ близкихъ, другая держала распятіе. Въ этой комнатѣ которая простотою своего убранства напоминала келью, онъ тихо скончался 28 сентября 1895 года, среди своей семьи и учениковъ, 4 ч. 40 м. пополудни".

(До слѣдующей книги)

А. М.

I.

Скажи, возможно ли страдать
Когда природа такъ прекрасна
И небо звѣздное такъ ясно
Что трудно взоры оторвать?

О, нѣтъ! Въ подобное мгновенье
Земныя страсти далеко,
И благодатное забвенье
Объемлетъ душу глубоко.

II.

Послѣдніе замерли звуки
И пѣсня замолкла въ тиши,
И радость, и грезы, и муки
Со дна пробуждая души.

Все стихло, а я еще внемлю,
Все пѣсня мнѣ ваша слышна...
И грустно спускаться на землю
Изъ царства волшебнаго сна!

Е. Варженевская.

Церковно-общественные вопросы въ эпоху Александра II.

1855—1870.

I.

Проявленіе среди высшаго духовенства и свѣтскихъ передовыхъ людей сознанія необходимости церковныхъ преобразованій.

Съ воцареніемъ императора Александра II въ русскомъ обществѣ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ которое оно испытывало отъ тяжелой крымской войны пробудилось, какъ извѣстно, стремленіе къ улучшенію всего адмистративнаго и общественнаго строя. Наши передовые люди не упускали при этомъ изъ вида и сферу церковныхъ дѣлъ подпавшихъ за длинный періодъ господства крѣпостнаго права также рутинѣ и застою и требовавшихъ, быть можетъ, болѣе чѣмъ всѣ другія общественныя дѣла неотложнаго преобразованія.

Вотъ что̀, между прочимъ, писалъ въ 1855 году П. А. Валуевъ въ своей „Думѣ Русскаго“:

Много ли искренности и много ли христіанской истины въ новѣйшемъ направленіи данномъ дѣламъ вѣры, въ мѣрахъ къ возсоединенію раскольниковъ и въ отношеніи къ иновѣрнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ? Развѣ прочныя начала Евангельскаго ученія утратили витающую въ нихъ божественную силу? Развѣ вѣротерпимость тождественна съ безвѣріемъ? Развѣ намъ дозволено смотрѣть на религіозныя вѣрованія, какъ на политическое орудіе, и произвольно употреблять или стараться употребить ихъ для достиженія политическихъ цѣлей? Лѣтописи христіанскаго міра свидѣтельствуютъ что при подобныхъ усиліяхъ сокрушается премудрость премудрыхъ и опровергается разумъ разумныхъ. Святая Церковь не болѣе ли нуждается въ помощи правительства къ развитію ея внутреннихъ силъ, чѣмъ въ насильственномъ содѣйствіи къ обращенію уклонившихся, или къ возсоединенію отпавшихъ? Нынѣшній бытъ нашего духовенства соотвѣтствуетъ ли его призванію, и правильно ли смотрятъ на внутрен-

нія дѣла православной паствы тѣ самые государственные люди которые всегда готовы къ мѣрамъ строгости противъ иновѣрцевъ или раскольниковъ? О раскольникахъ сказано что ихъ религіозная жизнь заключается въ „буквѣ и недухѣ" (1855). Кажется что иногда Православная Церковь тяготѣетъ надъ ними „буквою и недухомъ". Быть можетъ что еслибы наши пастыри нѣсколько болѣе полагались на вышнюю силу вѣчныхъ истинъ ими проповѣдуемыхъ и нѣсколько менѣе вѣровали въ пользу содѣйствія мірскихъ полицій, то ихъ жатва была бы обильнѣе.

Также искренне желалъ освѣжающей реформы въ церковныхъ дѣлахъ И. С. Аксаковъ, хотя еще въ то время (въ 1856 году) его пожеланія не были обличены въ твердо-выработанныя положенія, какъ это произошло позднѣе, именно въ шестидесятыхъ годахъ. Такъ, въ письмѣ къ родителямъ, отъ 17 сентября 1856 года, Аксаковъ, между прочимъ, писалъ:

Я вообще того убѣжденія что не воскреснетъ ни русскій, ни славянскій міръ, не обрѣтетъ цѣльности и свободы, пока не совершится внутренней реформы въ самой Церкви, пока Церковь будетъ пребывать въ такой мертвенности, которая не есть дѣло случая, а законный плодъ какого-нибудь органическаго недостатка..... Право, мы стóимъ того чтобы Богъ открылъ истину Православія Западу, а восточный міръ не давшій плода бросилъ въ огонь! Я хочу сказать что поклоненіе до-петровской Руси и слово „православіе" возбуждаютъ недоразумѣніе мѣшающее распространенію истины. Разумѣется, цензура всему мѣшаетъ. Невольно припомнишь слова митрополита Платона: „ври, раскольникъ, и молчи, православный". [1]).

Еще въ разгаръ Севастопольской войны Кошелевъ писалъ 9 іюля 1855 года Погодину:

Мнѣ кажется что передъ нами стоитъ врагъ опаснѣе всѣхъ соединенныхъ англо-франко и сардо-турокъ, это ложь которая овладѣла всѣмъ и всѣми. И церковь, и государство, и всѣ сословія, и каждый изъ насъ въ отдѣльности волею или неволею ему служатъ. Противъ этого врага намъ нужно всячески бороться... Я уговаривалъ Хомякова написать о лжи церковной. [2]).

Въ докладной запискѣ министру Народнаго Просвѣщенія написанной въ 1858 году М. Н. Катковъ, между прочимъ, говорилъ:

Нельзя безъ грусти видѣть, какъ въ русской мысли постепенно усиливается равнодушіе къ интересомъ религіи. Это слѣдствіе тѣхъ преградъ которыми хотятъ насильственно отдѣлять высшіе интере-- отъ живой мысли и живаго слова образованнаго русскаго общества Вотъ почему въ литературѣ нашей замѣчается совершенное отсут ствіе религіознаго направленія. Гдѣ возможно повторять только ка зенныя и стереотипныя фразы, тамъ теряется довѣріе къ религіозному чувству, тамъ всякій поневолѣ совѣстится выражать его, и рус скій писатель никогда не посмѣетъ говорить публикѣ тономъ тако- религіознаго убѣжденія какимъ могутъ говорить писатели других

странъ, гдѣ нѣтъ специальной духовной цензуры. Эта насильственная недоступность въ которую поставлены у насъ всѣ интересы религіи и Церкви есть главная причина того безплодія которымъ поражена русская мысль и все наше образованіе; она же, съ другой стороны, есть корень многихъ печальныхъ явленій въ нашей внѣшней церковной организаціи и жалкаго положенія большей части нашего духовенства. Неужели намъ суждено всегда обманывать себя и хитросплетенною ложью пышныхъ офиціальныхъ фразъ убаюкивать нашу совѣсть и заглушать голосъ вопіющихъ потребностей? Въ такомъ великомъ дѣлѣ мы не должны ограничивать горизонтъ нашъ настоящимъ поколѣніемъ, и съ грустью должны мы сознаться что будущность нашего отечества не обѣщаетъ добра, если продлится эта система отчужденія мысли, этотъ ревнивый и недоброжелательный контроль надъ нею. Не добромъ помянутъ насъ потомки наши, вникая въ причины глубокаго упадка религіознаго чувства и высшихъ нравственныхъ интересовъ въ народѣ, чѣмъ грозитъ намъ не очень далекая будущность Россіи [3]).

Чувствуя живѣйшимъ образомъ потребность вывести церковныя дѣла изъ мертвеннаго состоянія, свѣтскіе образованные люди, не будучи богословами и канонистами, только въ общихъ чертахъ могли представлять себѣ объемъ и значеніе той реформы которую предстояло сдѣлать въ этой области. Поэтому весьма важно узнать: въ какомъ видѣ представлялись необходимость такой реформы и возможность ея осуществленія лицамъ высшей духовной іерархіи того времени, а также свѣтскимъ писателямъ сдѣлавшимся извѣстными въ богословской литературѣ. Въ этомъ отношеніи мы на первомъ планѣ должны поставить замѣчательную переписку извѣстнаго писателя по богословскимъ и церковнымъ вопросамъ А. Н. Муравьева съ Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ относительно необходимости преобразованій въ церковномъ строѣ и управленіи.

Протопресвитеръ В. Б. Бажановъ, при письмѣ отъ 12 октября 1856 года, съ дозволенія государыни императрицы Маріи Александровны и согласно желанію митрополита Филарета, препроводилъ къ нему пространную записку о состояніи Православной Церкви въ Россіи составленную А. Н. Муравьевымъ и посланную имъ къ оберъ-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому. Самъ авторъ этой записки говоритъ что въ ней онъ представилъ мрачную картину внут-[illegible]го неустройства Православной Церкви и свою критику онъ на-[illegible]тъ съ указанія на неудовлетворительное положеніе нашихъ [illegible]денниковъ которые, удостоиваясь священническаго сана въ юномъ [illegible]астѣ, вскорѣ по окончаніи семинарскаго курса, представлялись людьми совершенно неопытными въ отправленіи богослуженія, [illegible]одушными къ совершенію таинствъ и смотрящими на свой санъ [illegible]какъ на цѣль своей жизни, а какъ на средство къ существованію.

А между тѣмъ, замѣчаетъ А. Н. Муравьевъ, съ вопросомъ о нормальномъ положеніи нашего духовенства тѣсно связанъ вопросъ о нравственномъ благосостояніи народа, на котораго тяжело дѣйствуютъ и равнодушіе пастырей къ отправленію ими своихъ важныхъ обязанностей и небрежное и неумѣлое отправленіе ими богослуженія.

Въ самой системѣ семинарскаго воспитанія и образованія авторъ усматривалъ крупные недостатки выражающіеся главнымъ образомъ въ отсутствіи ближайшаго попеченія надъ этими учебными заведеніями со стороны епископовъ и въ формальномъ и сухомъ отношеніи семинарскаго начальства къ своимъ воспитанникамъ, которые въ большинствѣ случаевъ выходятъ изъ училища безъ теплой вѣры и безъ разумѣнія высоты ожидающаго ихъ званія.

Указавъ на такое невысокое нравственное состояніе большинства нашего духовенства, на скудость матеріальныхъ его средствъ и на вредъ проистекающій отъ закрытія церквей и сокращенія причтовъ съ цѣлію поднятія матеріальнаго благосостоянія духовенства, А. Н. Муравьевъ высказываетъ мнѣніе что жалованье отъ правительства нарушило бы патріархальныя отношенія между пастырями и паствою и дало бы поводъ раскольникамъ укорять православныхъ священниковъ въ чиновничествѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ подвергаетъ критикѣ и существующій строй управленія церковными имуществами и доходами, причемъ, указавъ на злоупотребленія консисторій и благочинныхъ облагавшихъ церкви оброкомъ въ свою пользу, особенно нападаетъ на направленіе которое получаютъ свѣчные доходы въ церквахъ идущіе исключительно на духовно-учебныя нужды. Авторъ обращаетъ вниманіе на ропотъ народа жертвующаго свои деньги на нужды церкви и видящаго что эти деньги употребляются на иныя цѣли, а также и на то что причты и церковные старосты не имѣющіе возможности удовлетворять нужды церкви на кошельковые сборы принуждены входить между собой въ тайныя сдѣлки для сокрытія части свѣчнаго сбора и для показанія невѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ сборѣ епархіальному начальству.

Далѣе авторъ останавливаетъ вниманіе на малолюдствѣ въ составѣ нашихъ архіереевъ по сравненію съ обширностью епархій, на частыя перемѣщенія архіереевъ изъ одной епархіи въ другую, что не можетъ не отразиться вредно на отношеніи ихъ къ паствѣ и тивно правиламъ перваго вселенскаго собора, на долгія отлучки изъ епархій для засѣданій въ Св. Синодѣ, на бѣдность ихъ со жанія сравнительно съ богатыми окладами нѣкоторыхъ высш лицъ духовенства иновѣрнаго и свѣтскихъ чиновниковъ духовн вѣдомства и, наконецъ, на отсутствіе между ними общеній, ст благодѣтельныхъ для правильнаго хода церковныхъ дѣлъ.

Указывая на неблагопріятныя послѣдствія такого одиночества въ своей епархіи архіереевъ, авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ что

самый кругъ понятій, обращаясь постоянно въ одной и той же рамѣ консисторскихъ дѣлъ, невольнымъ образомъ можетъ стѣсниться у архіереевъ; вмѣсто того чтобы проникать дѣятельно въ нужды церковныя, они облекаются какъ бронею въ консисторскія формы и становятся недоступными, кромѣ какъ для своихъ присныхъ или для нѣсколькихъ почетныхъ лицъ въ губерніи, съ которыми, разумѣется, и разговоры свѣтскіе.

Для упроченія взаимнаго общенія между архіереями А. Н. Муравьевъ указывалъ на необходимость архіерейскихъ съѣздовъ.

Въ прежнія времена церкви, замѣчалъ онъ, были ежегодно двукратныя собранія областныхъ епископовъ, собственно для нѣкоторыхъ предметовъ дисциплины или благочинія церковнаго, потому что для догматовъ и противъ ересей созывались помѣстные и вселенскіе соборы. Хотя Святѣйшій Синодъ и замѣняетъ у насъ постоянный соборъ, но онъ обремененъ текущими дѣлами и все изъ него истекающее облечено формальностью закона, которая не можетъ быть усвоена всѣмъ маловажнымъ случаямъ жизни церковной. Мы видимъ и въ гражданскихъ дѣлахъ многообразные комитеты, которые безпрестанно собираются для разсужденія о какой-либо правительственной мѣрѣ, при непрестающемъ однако дѣйствованіи правительственныхъ мѣстъ облеченныхъ властію. У кого же лучше, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могли бы найти себѣ совѣтъ и рѣшеніе на многіе случайные вопросы по епархіи молодые епископы, если не у ближайшихъ старшихъ архіепископовъ, или у первенствующихъ членовъ, которые, по своему постоянному присутствію въ Святѣйшемъ Синодѣ, могутъ яснѣе видѣть направленіе дѣлъ? А новопосвященные архіереи иногда на всю жизнь остаются безъ совѣта, потому что не могутъ найти его у своихъ подчиненныхъ.

Въ заключеніи А. Н. Муравьевъ говоритъ о пагубномъ равнодушіи нашего высшаго свѣтскаго и духовнаго общества къ расколу и добавляетъ что

страшно подумать что когда-нибудь изъ подъ сѣни господствующей православной церкви внезапно возникнутъ многоглавныя общества, облеченныя именемъ христіанскимъ, одни еще подобящіяся своими обрядами Православію, другія же совершенно ему чуждыя и напитанныя всѣми ужасами нечестія [4].

Весьма важно, конечно, знать какъ отнесся къ мыслямъ и предположеніямъ высказаннымъ въ этой запискѣ митрополитъ Филаретъ, причемъ необходимо замѣтить что при сопоставленіи текста этой записки, напечатанной въ *Русскомъ Архивѣ*, съ выдержками изъ ея приведенными въ октябрьскомъ письмѣ 1856 года митрополита

Филарета къ протопресвитеру Бажанову, оказывается что записка эта напечатана въ сокращенномъ видѣ [5]).

Митрополитъ Филаретъ, разбирая приведенные выше доводы А. Н. Муравьева съ которымъ онъ былъ въ постоянномъ умственномъ общеніи [6]), замѣчалъ что въ чужихъ дѣлахъ легко усматривать то что требовало бы улучшеній, но не такъ легко указывать средства улучшенія. „Обличайте, но не преувеличивайте", мудро предостерегаетъ знаменитый іерархъ отъ увлеченія критикой.

Мы приведемъ только нѣкоторыя выдержки изъ указаннаго письма митрополита Филарета и остановимъ вниманіе, главнымъ образомъ, на соображеніяхъ его о способахъ улучшенія въ высшемъ церковномъ управленіи, для устраненія неустройства въ церковныхъ дѣлахъ которое онъ признавалъ съ своей стороны.

Записка говоритъ (замѣчалъ митрополитъ въ своемъ письмѣ) что положеніе муллъ въ Турціи и Персіи лучше нежели православныхъ священниковъ въ Россіи. На что̀ далеко смотрѣть въ Турцію и Персію? Положеніе муллъ и въ Россіи лучше обезпечено нежели православныхъ священниковъ. Въ такомъ положеніи изволь духовенство искать духа жизни, котораго требуетъ записка... Записка говоритъ что сословіе духовенства обратилось въ мертвую касту, а обязанности его въ ремесло. Нельзя отрицать что нѣкоторое число людей низшаго духовенства находится на сей низкой нравственной степени. Но такъ говорить о дѣлахъ сословія, не значитъ ли хотѣть однимъ ударомъ срубить всѣ головы, безъ разбора, которая правая или виноватая... Записка говоритъ что у насъ Церкви не будетъ, пока воспитаніе духовенства, его содержаніе и вся дѣятельность останется на попеченіи и подъ прямою указкою правительства. Не очень трудна эта премудрость которая осуждаетъ что̀ хочетъ, не принимая труда сказать, почему осуждаетъ и чѣмъ замѣнить осуждаемое. Что же будетъ если воспитаніе духовенства не останется на попеченіи правительства? Будетъ ли оно безъ попеченія правительства удобнѣе и совершеннѣе? Содержаніе духовенства будетъ ли удовлетворительнѣе если не останется на попеченіи правительства.

Далѣе, однако, митрополитъ Филаретъ признаетъ вѣскость и правильность нѣкоторыхъ доводовъ автора записки.

Что̀ говоритъ записка о взаимномъ согласіи и споспѣшествованіи Церковной и государственной власти въ Россіи въ прежнія времена и о усердной дѣятельности духовенства въ пользу государства, то, истинѣ, достойно вниманія... Записка говоритъ что Церковь б сильна противодѣйствовать расколу. Горькое слово; но въ немъ е правда.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію предложенныхъ А. Н. М равьевымъ мѣръ врачеванія недостатковъ церковной жизни, митро литъ Филаретъ замѣчаетъ:

сколь строги до избытка и широки обвиненія на духовное вѣдомство изложенныя въ запискѣ, столь же предлагаемыя ею, наконецъ, требованія благонамѣренны и умѣренны какъ въ отношеніи къ Церкви, такъ и въ отношеніи къ правительству. Предположеніе созвать помѣстный соборъ принадлежитъ къ древнему характеру церковнаго управленія и можетъ принести пользу если будетъ приведено въ исполненіе искусно и вѣрно.

Далѣе митрополитъ Филаретъ развиваетъ свои замѣчательныя мысли о созывѣ собора который, по его мнѣнію, составляется по древнему обычаю для совѣщанія о дѣлахъ церковныхъ къ вящему благоустройству духовенства и паствы.

Въ древней Церкви (пишетъ митрополитъ) къ удобству стройности и единству дѣйствованія на соборѣ приготовляли постоянныя отношенія епископовъ епархій или городовъ къ областному митрополиту или архіепископу, на основаніи 34 правила апостольскаго. Въ Россійской Церкви сего нѣтъ. Духовный регламентъ видѣлъ нужду въ таковыхъ сношеніяхъ для совѣтовъ и разрѣшенія недоумѣній епископовъ, но предписалъ только совѣтоваться съ сосѣдними епископами, что не обязательно и неблагонадежно. Прежде по собственному сознанію нужды, епархіальные преосвященные входили въ довѣренныя совѣщательныя сношенія съ старѣйшими и опытнѣйшими и преимущественно съ первенствующими членами Св. Синода; но съ нѣкотораго времени такія сношенія уменьшились по причинамъ которыя излагать здѣсь неумѣстно. Въ Бозѣ почившій императоръ Александръ I имѣлъ мысль соединить по нѣскольку епархій въ округи, имѣющіе одного старѣйшаго епископа къ которому епархіальные въ трудныхъ случаяхъ обращались бы для совѣта и который имѣлъ бы надъ ними наблюденіе и давалъ совѣты къ разрѣшенію недоумѣній и къ исправленію открывающихся погрѣшностей и безпорядковъ. По высочайшему повелѣнію составленный о семъ учрежденіи краткій проектъ оставленъ былъ на пути въ Таганрогъ и не имѣлъ дальнѣйшаго движенія. О потребности такого учрежденія нужно разсудить на предлагаемомъ соборѣ, или даже и прежде его; потому что новый неопытный начальникъ епархіи (поелику немногіе пріобрѣтаютъ предварительныя свѣдѣнія о епархіальномъ управленіи, проходя должность викарія), не имѣя старшаго и опытнаго совѣтника, подвергается опасности или, дѣйствуя на удачу, впасть въ ошибки унижающія его въ глазахъ подчиненныхъ и вредныя, или подвергнуться излишнему вліянію опытныхъ членовъ консисторіи и секретаря.

Такъ рѣшительно и авторитетно былъ поставленъ въ самомъ началѣ царствованія императора Александра II вопросъ о необходимости созыва помѣстнаго собора для упорядоченія высшаго церковнаго управленія и для улучшенія всего церковно-общественнаго строя.

Въ слѣдующемъ 1857 году А. Н. Муравьевъ возбудилъ вопросъ первостепенной важности, а именно: „о стѣснительномъ положеніи

синодальнаго дѣйствованія". Имъ были составлены двѣ записки: „О вліяніи свѣтской власти на дѣла церковныя" и „Нѣкоторыя предположенія для возстановленія прежняго порядка въ управленіи церковномъ". Записки эти были одобрены митрополитомъ Григоріемъ и протопресвитеромъ Бажановымъ и также вручены оберъ-прокурору Св. Синода А. П. Толстому.

Въ первой запискѣ А. Н. Муравьевъ, утверждая что въ послѣднее двадцатилѣтіе (1837—1857 годы) отношенія оберъ-прокурора къ Св. Синоду совершенно измѣнились, замѣчалъ что

лице сіе (то-есть, оберъ-прокуроръ) изъ обыкновеннаго охранителя гражданскихъ законовъ (какіе поставлены были, со временъ Петра Великаго, при каждомъ колегіальномъ управленіи) сдѣлалось болѣе чѣмъ министромъ, хотя и безъ сего громкаго титула. По мнѣнію автора, власть оберъ-прокурора представляется троякою: во-первыхъ она „предначертательная" (initiative), потому что все, большею частію, дѣлается по его предложеніямъ, какъ только дѣло выступаетъ изъ общаго порядка; во-вторыхъ „совѣщательная" (consultative); ибо, несмотря на мнѣніе единодушно высказанное всѣми членами Синода, никто изъ нихъ не можетъ приложить руки къ своему мнѣнію, доколѣ оберъ-прокуроръ не напишетъ сбоку на протоколѣ „читалъ"; и наконецъ „исполнительная" (executive), ибо, несмотря на подпись членовъ, не приводится въ исполненіе ихъ рѣшеніе, доколѣ не подпишетъ онъ „исполнить", и тогда еще, по его произволу, можетъ безотчетно долгое время пролежать протоколъ. Итакъ, два таинственныя слова: „читалъ" и „исполнить", безъ всякаго даже имени, рѣшаютъ дѣла церковныя, самыя важныя, какъ и самыя обыкновенныя. Какой патріархъ пользовался столь неограниченною властію?

Обращаясь къ ближайшему историческому прошлому, А. Н. Муравьевъ видѣлъ въ учрежденіи министерства духовныхъ дѣлъ, соединеннаго съ просвѣщеніемъ народнымъ, первое нарушеніе регламента Петра Великаго, ибо оно подчинило Синодъ свѣтскому вліянію министра. Но власть оберъ-прокурора приняла чрезвычайные размѣры при уничтоженіи комисіи духовныхъ училищъ, уже во время управленія графа Протасова, ибо тогда не только всѣ дѣла комисіи перешли въ Синодъ, но при ономъ образовались два особыя управленія, весьма обширныя: духовно-учебное и хозяйственное, а изъ бывшаго отдѣленія православныхъ дѣлъ составилась обширная к[ан]целярія и все сіе съ директорами и вице-директорами, по обра[зцу] дипартаментовъ министерскихъ: такимъ образомъ устроилось оп[ять] полное министерство, хотя и безъ имени, но съ гораздо больш[ими] правами и преимуществами нежели первое, ибо уже потрясе[но] было то нравственное вліяніе, которымъ искони пользовался С[в.] Синодъ.

Указывая, далѣе, на ненормальность подчиненія духовныхъ академій (ректоромъ которыхъ иногда является и епископъ) и семинарій свѣтской власти, на неправильное сосредоточиваніе различныхъ церковныхъ капиталовъ въ рукахъ оберъ-прокурора и на вредъ подчиненія синодальной канцеляріи свѣтскому чиновнику, Муравьевъ усматривалъ особенное нарушеніе церковнаго начала въ учрежденіи „консультаціи“ при оберъ-прокурорѣ. Именно, онъ писалъ:

явились еще одно новое лицо и новая инстанція въ дѣлопроизводствѣ синодальномъ, по примѣру министерства юстиціи, хотя, казалось бы, нельзя примѣнять свѣтскаго порядка дѣлъ къ духовнымъ: это юрисконсультъ при оберъ-прокурорѣ и консультація составленная изъ директоровъ различныхъ управленій и канцелярій. Что же предлагается къ обсужденію сей консультаціи? Мнѣнія Св. Синода наиболѣе по дѣламъ брачнымъ (которыя собственно подлежатъ суду епископскому на основаніи соборныхъ правилъ) въ тѣхъ случаяхъ, когда поступали на нихъ жалобы къ государю. Прежде нежели испросить пересмотръ синодальнаго рѣшенія, консультація должна была представить оберъ-прокурору свое мнѣніе: слѣдуетъ ли о томъ докладывать, то-есть въ иныхъ словахъ, право или неправо судили члены Св. Синода? Не есть ли это нарушеніе всякаго церковнаго начала? И что же послѣ сего значитъ мнѣніе синода?

Далѣе въ своей запискѣ Муравьевъ сѣтовалъ на чрезмѣрное количество свѣтскихъ чиновниковъ при синодальномъ управленіи и въ канцеляріи оберъ-прокурора, содержаніе которыхъ большею частію отнесено было на счетъ свѣчного сбора, каковой грошами собирается и, можно сказать, похищается у убогихъ церквей. Затѣмъ онъ указывалъ на властное распоряженіе оберъ-прокурора свѣтскими секретарями консисторій въ ущербъ архіерейской власти и на умаленіе вліянія Синода въ отношеніи всеобщаго управленія Церковью подпавшаго свѣтскому руководству; при этомъ авторъ объяснялъ что члены синода обсуждаютъ только предлагаемыя дѣла, остаются въ невѣдѣніи объ исполненіи ихъ рѣшеній и лишены прежде бывшаго при пріѣздѣ или отъѣздѣ изъ столицы общенія съ Царемъ, такъ какъ обычай этотъ прекратился, и оберъ-прокуроръ заслонилъ своимъ лицомъ всѣхъ іерарховъ.

Но самое тяжкое, и можно сказать, догматическое нарушеніе правъ собственно іерархическихъ обнаружилось, по мнѣнію автора, въ перемѣщеніи архіереевъ съ каѳедры на каѳедру мимо Св. Синода. Опираясь на постановленія перваго и втораго вселенскаго собора, А. Н. Муравьевъ утверждалъ что по практикѣ церковной перемѣщеніе архіереевъ допускалось только по крайней необходимости и во всякомъ случаѣ должно совершаться не иначе какъ іерархическою властію и соборною молитвою. Не болѣе пятнадцати лѣтъ

(то-есть, въ началѣ сороковыхъ годовъ) и совершенно нечаянно, замѣчаетъ авторъ, это право перемѣщенія перешло изъ подъ іерархическаго вліянія на произволъ оберъ-прокурора и окончательно подчинило ему епархіальныхъ архіереевъ.

Такое положеніе дѣлъ, по мнѣнію А. Н. Муравьева, чрезвычайно опасно для будущаго. Оно роняетъ достоинство Св. Синода, поставляя рядомъ съ нимъ особую свѣтскую власть отъ которой все зависитъ что только есть наиболѣе важнаго въ церкви. Внутри отечества еще болѣе усилится расколъ и будетъ имѣть противъ насъ оружіе, а съ Востокомъ можетъ произойти совершенный разрывъ, потому что тамъ и теперь жалуются на свѣтское преобладаніе въ нашей Церкви, котораго опасаются и для себя.

Въ заключеніе авторъ, заявляя что нынѣшній оберъ-прокуроръ уже вовсе не то лицо которое поставлено было Петромъ Великимъ при учрежденіи Синода только для наблюденія чтобы правительство духовное не выходило изъ предѣловъ гражданскихъ законовъ, замѣчалъ что необычайная оберъ-прокурорская власть, въ нынѣшнихъ вновь созданныхъ ея размѣрахъ, не опредѣлена и не ограничена никакою инструкціею, а между тѣмъ она касается самыхъ жизненныхъ вопросовъ Православія.

„Господь да охранитъ святую Церковь свою и поддержитъ ее въ обстоятельствахъ трудныхъ", такъ кончаетъ Муравьевъ свою первую изъ названныхъ записокъ.

Во второй своей запискѣ: „Нѣкоторыя предположенія для возстановленія прежняго порядка въ управленіи церковномъ", А. Н. Муравьевъ такимъ образомъ очерчиваетъ предѣлы власти оберъ-прокурора Св. Синода: онъ есть только посредникъ между правительствомъ духовнымъ и гражданскими властями и око царское за наблюденіемъ законовъ, а не какая-либо особая правительственная власть; и потому всѣ его дѣйствія должны быть совершенно покрыты личностью Святѣйшаго Синода поставленнаго во главѣ россійской церкви, послѣ патріаршества. Сообразно съ этимъ взглядомъ, авторъ полагалъ: 1) что оберъ-прокурору не подобаетъ ставить, послѣ уже подписи членовъ Синода, слово „исполнить"; 2) для большаго успѣха въ дѣлопроизводствѣ необходимо имѣть въ пр... ствіи Св. Синода настольный реестръ всѣхъ поступающихъ дѣлъ ... рѣшенныхъ, доколѣ еще они не исполнены; 3) каждый изъ чл... Синода долженъ имѣть право входить съ предложеніями въ Си... какъ это и прежде бывало (но съ нѣкотораго времени опу... такъ какъ въ колегіальномъ управленіи это есть выраженіе ... ства членовъ между собою.

Для возвращенія къ первобытному единству управлені...

необходимо сдѣлать, по мнѣнію автора, слѣдующія измѣненія: а) упразднить должность начальника синодальной канцеляріи; б) духовное образованіе подчинить опять прямо Св. Синоду, безъ посредничества директоровъ и оберъ-прокурора; в) уничтожить консультацію при оберъ-прокурорѣ роняющую достоинство Синода, съ оставленіемъ юрисконсульта для синодскихъ дѣлъ; г) сократить штатъ слишкомъ обширнаго персонала свѣтскихъ чиновниковъ. Однимъ словомъ, устроить все, какъ это было прежде въ Синодѣ, болѣе 130 лѣтъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію А. Н. Муравьева, очистится древнее колегіальное управленіе отъ позднѣйшихъ министерскихъ формъ которыя только нарушаютъ порядокъ дѣлопроизводства.

Далѣе авторъ записки излагаетъ еще нѣсколько соображеній относительно упорядоченія церковнаго управленія. Такъ, секретарь консисторіи долженъ войти въ первобытное свое положеніе при архіереѣ и назначаться съ его согласія, будучи въ полной отъ него зависимости, хотя и подъ вѣдѣніемъ оберъ-прокурора, какъ прямаго начальника всѣхъ свѣтскихъ чиновниковъ. Перемѣщеніе архіереевъ съ епархіи на епархію, какъ дѣло прямо соборное, должно необходимо возвратиться къ первобытному порядку, то-есть, чтобы два или три кандидата избираемые въ присутствіи синода были представляемы государю императору для утвержденія одного изъ нихъ. Такимъ же правиломъ должно руководствоваться и при вызовѣ архіереевъ для засѣданія въ Синодѣ, потому что соборнымъ разсужденіемъ должны быть вызываемы члены опытные, а не такіе только которые восполняютъ собою число засѣдающихъ. Каждый вновь посвященный архіерей, равно какъ вновь пріѣзжающіе и отъѣзжающіе въ свои епархіи, должны, какъ всегда было по древнему порядку, представляться государю императору, а на другой день Пасхи, послѣ литургіи во дворцѣ, пусть всѣ члены Синода опять христосуются съ государемъ, потому что, по недавно вкравшемуся обычаю, только они одни лишены сего духовнаго съ нимъ общенія. Необходимо умножить число епархіальныхъ архіереевъ и ихъ викаріевъ, потому что Церковь россійская терпитъ отъ ихъ недостатка въ своемъ благоустройствѣ.

Всѣ свои предположенія о преобразованіи высшаго церковнаго ..равленія А. Н. Муравьевъ сообщилъ также митрополиту Фила..у.

Какъ видно изъ писемъ митрополита Филарета къ А. Н. Мура..эву, отъ 18 марта и 8 апрѣля 1857 года, митрополитъ находилъ ..о инструкцію оберъ-прокурора Св. Синода писать дѣло сомнитель..е и что въ духовномъ регламентѣ такая инструкція имѣется подъ ..брикой: „должность оберъ-прокурора". Относительно же измѣненія

порядка избранія архіереевъ Московскій святитель соглашался съ тѣмъ предположеніемъ что архіерейское избраніе должно быть возвращено къ апостольскому образцу, чтобы всегда было два кандидата. Въ заключеніи своего письма, отъ 8 апрѣля 1857 года, митрополитъ Филаретъ высказывалъ слѣдующую грустную истину обращающую на себя тѣмъ больше вниманія что она сознавалась даже такимъ вліятельнымъ лицомъ какимъ былъ знаменитый архипастырь, а именно, онъ писалъ:

Тогда какъ враждующіе противъ православной Церкви пролагаютъ себѣ и явные, и тайные пути, преданнымъ ей то предстоятъ преграды, то не дается довольно свѣта, то не достаетъ единства и стройнаго движенія къ истинно-полезному и спасительному [7]).

Также грустно звучитъ отвѣтъ Филарета на письмо епископа Камчатскаго Иннокентія, отъ 19 ноября 1857 года. Въ этомъ отвѣтѣ митрополитъ, между прочимъ, пишетъ:

открывать и обличать недостатки легче нежели исправлять. Несчастіе нашего времени то что количество погрѣшностей и неосторожностей, накопленное не однимъ уже вѣкомъ, едва ли не превышаетъ силы и средства исправленія [8]).

Ознакомившись съ перепиской Муравьева съ митрополитомъ Филаретомъ, мы замѣтимъ что вопросъ о преобразованіи церковнаго управленія несомнѣнно занималъ тогда высшія духовныя сферы. По мѣрѣ обнародованія писемъ, записокъ и біографическихъ очерковъ лицъ принадлежавшихъ къ составу высшаго духовенства, все яснѣе становятся участіе нѣкоторыхъ выдающихся іерарховъ того времени въ общемъ стремленіи къ реформамъ охватившемъ наше общество въ началѣ царствованія императора Александра II и недовольство его существовавшими тогда порядками въ духовномъ вѣдомствѣ и вообще въ церковно-общественныхъ дѣлахъ.

Изъ переписки знаменитаго епископа Камчатскаго Иннокентія (впослѣдствіи митрополита Московскаго) съ тѣмъ же А. Н. Муравьевымъ усматривается что преосвященный Иннокентій, замѣчая безпорядки и неустройства въ нашей Церкви, развивалъ свои взгляды на необходимость коренныхъ въ ней преобразованій. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ что А. Н. Муравьевъ, составляя свои приведенныя выше записки, вдохновлялся многими мыслями преосвященнаго Иннокентія [9]).

Такъ, изъ этихъ писемъ видно что Камчатскій архипастырь извѣстный также своимъ человѣколюбивымъ взглядомъ на расколъ находилъ, между прочимъ, что избраніе пастырей только изъ духовенства, а не изъ всѣхъ сословій несогласно съ уставами Церкви

а равно и посвященіе ихъ моложе 30 лѣтъ, что воспитаніе духовенства совершенно неудовлетворительно и не можетъ такъ оставаться, а положеніе духовныхъ училищъ весьма плохое, что понятіе о надзорѣ за паствою у насъ совершенно потеряно и что необходимо слѣдуетъ возвысить званіе дьячка, какъ чтеца слова Божія. Считая необходимымъ открытіе въ Россіи какъ можно болѣе епархій и умноженіе числа архіереевъ (а въ крайнемъ случаѣ викаріевъ), преосвященный Иннокентій съ особенною грустію подмѣчалъ умаленіе архіерейской власти. „Нынѣ архіереи въ городахъ нужны почти только для торжественнаго служенія въ извѣстные дни, не болѣе", писалъ онъ 2 октября 1856 года. Нѣсколько позднѣе, въ письмѣ къ оберъ-прокурору Ахматову, отъ 6 марта 1864 года, преосвященный Иннокентій замѣчалъ:

что архіерей безъ дозволенія чиновника не можетъ окрестить язычника; я думаю что и самъ отецъ протоіерей Васильевъ Парижскій (извѣстный настоятель русской церкви въ Парижѣ) затруднится защищать это положеніе.

Слѣдя съ живымъ участіемъ за духовною литературой и журналистикой того времени, тогда только что возрождавшейся, преосвященный Иннокентій съ особенною любовію отзывался о трудахъ молодаго Гилярова-Платонова, и на архипастыря особенно сильное впечатлѣніе произвела извѣстная обличительная книга священника І. Беллюстина „Описаніе сельскаго духовенства", о значеніи которой для нашего общества мы будемъ говорить ниже. Преосвященный Иннокентій находилъ въ этой книгѣ „правды много", и въ письмѣ своемъ къ Н. Д. Свербееву, отъ 11 декабря 1858 года, между прочимъ, писалъ:

Вы опасаетесь послать эту книгу митрополиту Филарету. Напрасно. Пошлите, если можно. Пусть онъ увидитъ что я правду говорилъ ему о нашемъ духовенствѣ, которую онъ едва ли отъ кого слышалъ.

Недовольство преосвященнаго Иннокентія синодальными порядками также весьма ярко выражается въ его письмахъ, и онъ особенно много надеждъ возлагалъ на митрополита Григорія который въ качествѣ первенствующаго члена Синода могъ, по мнѣнію епископа Иннокентія, возстановить древнее значеніе Синода.

Самыя лучшія и необходимѣйшія для блага Церкви предложенія не пріемлются........ писалъ епископъ Иннокентій 17 ноября 1855 года А. Н. Муравьеву. Не я одинъ вижу неустройства и безпорядки въ нашей Церкви, это видятъ даже члены Св. Синода, но ничего не исходитъ. Быть можетъ, по крайней мѣрѣ я сильно уповаю того при нынѣшнемъ государѣ и нынѣшнемъ предсѣдателѣ, ахъ! нѣтъ,

виноватъ, у васъ вѣдь его уже давно нѣтъ, при нынѣшнемъ первоприсутствующемъ (митрополитѣ Григоріи) много и многое устроится къ лучшему" [10]).

Такой же подавленный тонъ замѣчается въ письмахъ другаго знаменитаго іерарха того времени, именно Кіевскаго митрополита Арсенія (Москвина), когда онъ своему пріятелю архіепископу Костромскому Платону описывалъ синодальные порядки, подневольное положеніе архіереевъ и ихъ подобострастіе и лишнюю покорность свѣтской власти.[11]) Письма эти относятся къ шестидесятымъ годамъ, когда поднятъ былъ вопросъ объ улучшеніи быта духовенства и о переустройствѣ церковно-приходской жизни, а потому мы приведемъ сужденія о нихъ ниже. Здѣсь же, основываясь на словахъ митрополита Филарета, упомянемъ что также видный іерархъ описываемой эпохи, именно епископъ Вятскій Агаѳангелъ (Соловьевъ), будучи въ концѣ пятидесятыхъ годовъ викаріемъ въ С.-Петербургѣ, занимался, между прочимъ, поправкой проекта извѣстнаго ревнителя Православія П. Н. Батюшкова о замѣнѣ при церквахъ посвященныхъ причетниковъ наемными людьми. Во время же своего служенія въ шестидесятыхъ годахъ въ Вяткѣ преосвященный Агаѳангелъ составилъ проектъ въ формѣ всеподданнѣйшаго письма къ государю императору о неудовлетворительности и о преобразованіи синодальнаго управленія, подобный, какъ указываетъ тотъ же митрополитъ Филаретъ, проекту епископа Енисейскаго Никодима (Казанцева) [12]).

Дальнѣйшее раскрытіе и обнародованіе архивовъ почившихъ іерарховъ начала царствованія императора Александра II, конечно, дозволитъ, на основаніи этихъ лучшихъ данныхъ, будущему историку представить въ болѣе совершенномъ видѣ участіе высшаго духовенства въ преобразованіяхъ того времени, но и сообщаемыя въ этой главѣ отрывочныя объ этомъ свѣдѣнія достаточно убѣждаютъ въ томъ, какъ глубоко сочувствовали дѣлу реформы во всемъ церковномъ управленіи нѣкоторые высшіе іерархи описываемой эпохи.

II.

Возбужденіе вопроса въ литературѣ и журналистикѣ о преобразованіи церковно-общественныхъ дѣлахъ. Проявленіе сочувствія въ свѣтскомъ о[бщ]ествѣ къ участи духовенства.

Въ самомъ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ г[о]довъ весьма много писалось о положеніи русскаго духовенства и свѣтскихъ, и въ духовныхъ журналахъ, а также въ отдѣльныхъ из[-]

ніяхъ, появлявшихся преимущественно за границей, гдѣ свободнѣе можно было поднимать и обсуждать нѣкоторые щекотливые вопросы относящіеся до церковнаго управленія, строя и быта нашего духовенства. Особенно сильное впечатлѣніе произвели разоблаченія появившіяся въ книгѣ напечатанной въ 1858 году въ Лейпцигѣ, на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Описаніе сельскаго духовенства въ Россіи". Въ этой книгѣ въ яркихъ краскахъ были выставлены недостатки въ бытѣ русскаго духовенства, въ системѣ его образованія, воспитанія и управленія. Въ этихъ разоблаченіяхъ грустная правда, быть можетъ, была перемѣшана съ преувеличеніями, но преднамѣренной неправды въ этой книгѣ видѣть нельзя, ибо авторъ говоритъ: „да возстяжетъ насъ Господь на судѣ своемъ страшномъ, если мы осмѣлимся сказать хоть одно слово лжи". Коренное преобразованіе для всего духовенства авторъ считалъ необходимымъ и въ особенности въ системѣ образованія и управленія которое въ образѣ „консисторій" представлялось автору верхомъ несправедливости. Можно сказать что въ этой книгѣ затронуты были главнѣйшіе вопросы которые впослѣдствіи стали обсуждаться широко въ нашей журналистикѣ шестидесятыхъ годовъ. Всѣ надежды авторъ возлагалъ на „могучую державную руку государя" и торжественно предсказывалъ что все духовенство въ странѣ вѣчной жизни, предъ престоломъ Царя царствующихъ, крѣпкимъ голосомъ воскликнетъ имя того царя земли русской который совершитъ то чего не было сдѣлано со временъ равноапостольнаго князя Владиміра, а именно, изведетъ изъ тьмы и сѣни смертной тѣхъ которые другихъ должны вести къ пренебесному свѣту. Въ майской книжкѣ журнала *Русскій Вѣстникъ* за 1859 годъ извѣстный историкъ Погодинъ объявилъ что эта книга написана по его заказу однимъ сельскимъ священникомъ и напечатана за границей вопреки воли автора [13]).

Эти разоблаченія вызвали возраженія и въ томъ же году, то-есть, въ 1859 появился въ Берлинѣ сборникъ подъ заглавіемъ: „Русское духовенство". Въ статьяхъ этого сборника анонимные авторы, памятуя какъ всегда помѣщики и начальство опасались увеличенія власти и вліянія духовенства на народъ, старались выяснить истинную причину безсильнаго и забитаго состоянія духовенства и изобличить нападавшихъ на него писателей въ намѣренномъ преувеличеніи его недостатковъ [14]). Одна изъ статей этого сборника, а именно: „Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ „Описаніе сельскаго духовенства", была перепечатана въ апрѣльской книжкѣ, № 16, журнала: *Духовная Бесѣда* за 1859 годъ [15]).

Не только состояніе и бытъ низшаго духовенства служили темой для споровъ и обсужденій, но также подвергалось критикѣ и поло-

женіе высшаго духовенства, въ особенности по отношенію его къ государственной власти. По условіямъ нашей цензуры только въ заграничной журналистикѣ могъ возникнуть возбудившій общее вниманіе споръ между нантскимъ епископомъ Жакмэ и парижскимъ протоіереемъ Васильевымъ о значеніи высшей свѣтской власти въ дѣлахъ русской Церкви и ея помѣстнаго собора Св. Синода. Эта горячая полемика, возгорѣвшаяся въ 1861 году на страницахъ журнала *L'Union chrètienne*, касалась извѣстнаго текста присяги установленной духовнымъ регламентомъ для членовъ Св. Синода, и въ словахъ этой присяги упомянутый католическій епископъ усматривалъ зависимость нашей Церкви отъ государственной власти [16]). Ртоіерей Васильевъ въ своемъ отвѣтѣ отстаивалъ самостоятельность русской Церкви предъ государствомъ, и этотъ отвѣтъ (какъ и вся переписка) былъ переведенъ на разные европейскіе языки и, между прочимъ, разосланъ ко всѣмъ французскимъ епископамъ [17]).

Насколько дозволили цензурныя условія и у насъ свѣтскіе и духовные писатели посвящали свои статьи раскрытію подробностей быта духовенства, обнаруженію недостатковъ замѣчаемыхъ въ духовномъ сословіи, особенно въ системѣ его воспитанія, образованія и управленія. Свѣтская литература на первыхъ порахъ заговорила по большей части въ ожесточенномъ тонѣ. Въ публицистическихъ статьяхъ обращалось вниманіе на поразительную апатичность и боязливость духовенства къ общественнымъ интересамъ, на его постоянное раболѣпіе и заискиваніе предъ сильными людьми, на отсутствіе связей его, помимо требъ, съ другими сословіями, на односторонность его образованія и даже указывалось на невѣжество многихъ сельскихъ священниковъ. Усматривая потомственность въ духовномъ званіи, обусловленную наслѣдственностью мѣстъ, и полную замкнутость духовенства вслѣдствіе полученія образованія въ семинаріяхъ наполненныхъ исключительно дѣтьми священно и церковнослужителей, нѣкоторые писатели безъ стѣсненія называли духовенство кастою. Въ белетристическихъ сочиненіяхъ и воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ лицъ рисовались непригладные типы развившіеся въ духовномъ классѣ, и особенно много описаній посвящалось тяжелой бурсацкой жизни и вообще семинарскому строю страдавшему сухостью преподаванія, излишнею жестокостью начальства къ ученикамъ и бѣдностью учебныхъ средствъ и пособій [18]).

Всѣ эти нападки свѣтскихъ писателей на духовенство не оставались безъ отвѣта. Нѣкоторые представители духовнаго сослов выступили съ печатнымъ словомъ въ которомъ съ своей стороны укоряли свѣтское общество въ неуваженіи къ священному сану, въ нарушеніи правилъ и обрядовъ вѣры, въ незнаніи этихъ правилъ, въ склонности ко всему иноземному, въ скудости отпускаемыхъ средст

на нужды духовенства, а высшее свѣтское общество еще и въ томъ что оно также совершенно замкнуто для лицъ другихъ сословій, въ томъ числѣ и для духовенства, а слѣдовательно, представляетъ изъ себя въ нѣкоторомъ родѣ тоже касту [19]).

Изъ этихъ полемическихъ статей мы опустимъ тѣ въ которыхъ авторы, подъ предлогомъ нападокъ на духовенство, пытались разрушить устои вѣры и церковности, такъ какъ эта отрицательная дѣятельность явилась лишь эпизодомъ въ общемъ ходѣ нашего умственнаго движенія въ описываемую эпоху [20]). Сосредоточивъ вниманіе на статьяхъ написанныхъ безъ этихъ предвзятыхъ цѣлей, мы замѣтимъ что наиболѣе благоразумные и безпристрастные авторы въ большинствѣ случаевъ сходились въ томъ что бытъ духовенства очень тяжелъ, что образованіе его недостаточно, что его сословныя и гражданскія права не въ мѣру умалены и оно стоитъ едва ли не ниже средняго класса, что идеалъ священника въ понятіяхъ нашего общества далеко еще не выработанъ, что въ церковно-общественныхъ дѣлахъ вообще замѣчаются вялость и неустройство и, наконецъ, что важный вопросъ объ улучшеніи быта духовенства стоитъ въ непосредственной и тѣсной связи съ другими важнѣйшими общественными вопросами, въ томъ числѣ съ вопросомъ о правильной постановкѣ участія мірянъ въ церковно-общественныхъ дѣлахъ и съ вопросомъ объ упорядоченіи народнаго быта и народнаго образованія.

Въ началѣ критика у большинства не была сильна, да и защита не была особенно убѣдительна. У спорившихъ лицъ какъ бы спала повязка съ глазъ и они, увидавъ свою непригладность, начали укорять, перебраниваться и нападать другъ на друга, не имѣя достаточныхъ знаній о настоящихъ причинахъ такого непригляднаго общаго состоянія и вялости общественныхъ дѣлъ [21]). Но съ годами поверхностный и задорный характеръ полемики сталъ уступать мѣсто серіозному и трезвому обсужденію общественныхъ вопросовъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ русское общество пережило слишкомъ много радостныхъ и тревожныхъ событій которыя вызвали необычайный подъемъ духа и потребовали отъ современниковъ напряженнаго и внимательнаго къ себѣ отношенія. Припомнимъ что въ указанное время совершилось освобожденіе крестьянъ обусловленное нравственною и крупною матеріальною жертвой со стороны дворянъ-помѣщиковъ; праздновалось 8 сентября 1862 года тысячелѣтіе существованія Русскаго государства и это воспоминаніе упраздняло навсегда умѣстность ссылки на мнимую молодость Россіи; переживалась тяжелая распря съ родственнымъ по происхожденію народомъ, Поляками, указавшая на громадное значеніе православія и православнаго духовенства въ западномъ краѣ [22]), по-

реживались волненія учащейся молодежи въ обѣихъ столицахъ и въ провинціи (Казани) и смуты въ Петербургѣ отъ злонамѣренныхъ поджоговъ, явившіяся первыми симптомами серіозной болѣзни нѣкоторой части нашего общества, подорвавшей здоровое теченіе народной жизни и отражающейся своими тяжелыми послѣдствіями еще и въ настоящее время [23]). Наконецъ, въ сферѣ церковной отмѣтимъ: празднованіе 11 мая 1862 года послѣ многихъ лѣтъ забвенія въ церкви Московскаго университета памяти святыхъ первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія, и это событіе не могло не напомнить о томъ убожествѣ народнаго образованія которое замѣчается еще и понынѣ [24]); торжество открытія 13 августа 1861 года мощей св. Тихона Задонскаго, распространителя въ народѣ религіознаго просвѣщенія и облегчавшаго участь страждущихъ. Это торжество ознаменовалось многими чудесными исцѣленіями и совершилось въ Задонскѣ въ присутствіи полумиліона людей разнаго званія, пола и возраста, которые при обходѣ съ мощами около монастыря пали какъ одинъ человѣкъ, съ возженными свѣчами, на колѣна [25]).

Всѣ эти событія и происшествія волновали и умудряли наше общество которое не могло не уразумѣть что при рознѣ и враждѣ между сословіями нельзя удовлетворительно разрѣшать назрѣвавшіе великіе соціальные вопросы и что распространеніе смутъ и безпорядковъ въ обществѣ обусловливается не только дѣйствіемъ разрушителей общественнаго порядка, но и недостатками мнящихъ себя охранителями таковаго. Въ этомъ отношеніи назидательный урокъ обществу давалъ Московскій митрополитъ Филаретъ который, по поводу просьбы графа Путятина (библіотека министерства Народнаго Просвѣщенія) относительно предупрежденія императора Александра II о крайне опасномъ тогдашнемъ положеніи для государства и династіи, въ письмѣ своемъ названному графу отъ 21 сентября 1861 года, между прочимъ, поучалъ:

примѣчаю и долгъ имѣю поставлять во вниманіе себѣ и кому могу что мы много согрѣшили предъ Богомъ охлажденіемъ къ православному благочестію, въ чемъ особенно вредные примѣры подаются изъ высшихъ и образованныхъ сословій, ослабленіемъ нравственныхъ началъ въ жизни частной и общественной, въ начальствованіи, судѣ, въ области наукъ и словесности, роскоши и даже въ скудост пристрастіемъ къ чувственнымъ удовольствіямъ расслабляющимъ ховныя силы, подраженіемъ иноземному, большею частію суетно чѣмъ повреждается характеръ народа и единство народнаго дух преслѣдованіемъ частной и личной пользы преимущественно пред общею. Умножившіеся грѣхи привлекаютъ наказаніе, по реченном накажетъ тя отступленіе твое (Іер. II, 19). Средства противъ сег дѣятельное покаяніе, молитва и исправленіе. Недостатки охраните

обращаются въ оружіе разрушителей. (Собр. мнѣн. и отзыв. т. V. ч. I).

Уже въ 1861 году, наряду съ критикой и осужденіемъ, стало пробуждаться въ свѣтскомъ обществѣ нѣкоторое сочувствіе къ духовенству, къ его законнымъ потребностямъ, а также и къ запущеннымъ по неразумію церковно-общественнымъ дѣламъ. Мысль объ активномъ участіи мірянъ въ дѣлѣ улучшенія быта духовенства, а также въ церковно-общественныхъ заботахъ и предпріятіяхъ стала постепенно доходить до сознанія нашихъ общественныхъ дѣятелей которые въ знаменитомъ манифестѣ, 19 февраля 1861 года, услышали съ высоты престола обращенный къ народу призывъ на свободный трудъ являющійся залогомъ домашняго благополучія и „блага общественнаго“. Эти дѣятели не могли не усмотрѣть изъ опубликованныхъ въ то время данныхъ о ближайшемъ участіи духовенства въ устройствѣ сельскихъ народныхъ школъ [26]). Они должны были признать эти заслуги духовенства и ту выдающуюся роль которая въ этомъ важномъ дѣлѣ выпадаетъ на его долю, ибо сельское духовенство еще долго будетъ стоять во главѣ распространенія просвѣщенія по деревнямъ. Они не могли упустить изъ вида всю важность частнаго почина въ дѣлѣ поддержанія Православія въ западномъ краѣ. Даже въ разгаръ полемики по духовно-общественнымъ вопросамъ, именно въ 1859 году, когда стало извѣстнымъ что многіе приходы въ западной Россіи столь бѣдны что сами не въ состояніи удовлетворить необходимѣйшимъ потребностямъ богослуженія и храмы ихъ ветхи, то въ Петербургѣ образовалось общество для вспоможенія бѣднѣйшимъ православнымъ церквамъ и монастырямъ въ Россіи. Основательницами этого общества явились графиня Кушелева, графиня Тизенгаузенъ и Е. С. Бутурлина и въ составъ этого общества вошли преимущественно женщины. 27 марта 1859 года это общество было учреждено и принято подъ покровительство государыни императрицы Александры Ѳеодоровны, а послѣ ея кончины послѣдовавшей въ 1860 году, государыни императрицы Маріи Александровны, верховной покровительницы общества возстановленія Православія на Кавказѣ [27]). Также благотворнымъ послѣдствіемъ такого пробудившагося въ свѣтскомъ обществѣ сочувствія къ нуждамъ духовенства было оказаніе матеріальной помощи бѣднѣйшимъ его членамъ содѣйствіе къ его просвѣщенію. Москва первая стала строить дома призрѣнія для заштатныхъ священнослужителей, а затѣмъ ея примѣру слѣдовали Петербургъ и, наконецъ, провинція [28]). Упомянемъ здѣсь предсмертною заботою извѣстнаго государственнаго дѣятеля графа Н. Блудова былъ проектъ о распространеніи повсемѣстно въ Россійскихъ духовныхъ училищъ [29]). Наконецъ, что касается Москвы,

отмѣтимъ учрежденіе 22 іюня 1863 года „Общества любителей духовнаго просвѣщенія“ съ цѣлію споспѣшествовать распространенію и возвышенію въ духовенствѣ и въ другихъ классахъ народа религіозно-нравственныхъ познаній. Въ этомъ благопріятномъ для духовенства движеніи не отставала и провинція. Такъ, напримѣръ, въ Калугѣ въ 1861 году въ домѣ дворянскаго собранія устраивались музыкальные вечера, на которыхъ предлагались чтенія на духовныя темы, и выручка шла на выдачу пособій нуждающимся воспитанникамъ семинаріи [30])

Въ ежедневной печати также стали изрѣдка попадаться статьи сочувственно настроенныя къ духовенству [31]). Въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить газету И. С. Аксакова *День* въ которой помѣщались статьи посвященныя интересамъ духовнаго сословія и церковно-общественнымъ дѣламъ, а также заключавшія въ себѣ призывы къ церковной благотворительности, съ каковыми статьями мы при дальнѣйшемъ изложеніи будемъ имѣть случай познакомиться. Здѣсь же мы обратимъ вниманіе на покаянное посланіе помѣщенное за 1863 г. въ № 30 *Дня* со стороны редакціи этой газеты, ея сотрудниковъ и многихъ сочувствующихъ такому посланію лицъ. Узнавъ о стойкости въ вѣрѣ и мученичествѣ нѣкоторыхъ православныхъ священниковъ западнаго края во время польскаго мятежа, названная газета писала:

Мы виноваты предъ вами: простите насъ ... Мы, русское общество, какъ будто забыли про существованіе Бѣлоруссіи... Какіе высокіе подвиги совершало ты, бѣлорусское духовенство, бѣдное, угнетенное, сирое, лишенное всякой поддержки общественной и государственной, подвиги долготерпѣнія и мученичества.

Но кромѣ газетныхъ статей отличавшихся серіозностью направленія, стали появляться въ литературѣ и журналистикѣ труды обнаруживавшіе въ авторахъ вдумчивость и глубокое изученіе затронутаго предмета, и эти труды освѣтившіе впервые область духовныхъ интересовъ и церковно-общественнаго вѣдѣнія произвели глубокое впечатлѣніе на современниковъ и не потеряли своего значенія и въ настоящее время. Въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить духовную журналистику которая замѣтно оживилась въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, особенно съ того времени когда къ старымъ журналамъ присоединились новые журналы смѣло и безпристрастно отнесшіеся къ вопросу о духовенствѣ (*Духъ Христіанина* въ Петербургѣ, *Православное Обозрѣніе* и *Душеполезное Чтеніе* въ Москвѣ, *Духовный Вѣстникъ* въ Харьковѣ), посвятившіе свои труды выясненію различныхъ практическихъ интересовъ духо-

венства (*Руководство для сельскихъ пастырей* въ Кіевѣ), слѣдившіе съ особеннымъ вниманіемъ за церковными дѣлами (*Странникъ* въ Петербургѣ) и помѣщавшіе на своихъ страницахъ ученые труды авторовъ которые своими историческими изысканіями помогали выясненію вопросовъ занимавшихъ въ то время наше общество (*Труды Кіевской духовной академіи*) [32].

Съ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ статей мы постепенно также будемъ знакомиться при разборѣ разныхъ явленій въ области церковно-общественныхъ дѣлъ; здѣсь же приведемъ выдержку изъ статьи „О первоначальномъ народномъ обученіи“ помѣщенной въ кн. II „Приложеній къ твореніямъ св. отецъ“ за 1862 годъ. Авторъ этой статьи сумѣлъ въ сжатыхъ и ясныхъ выраженіяхъ выяснить нѣкоторыя стороны дѣйствительной причины печальнаго состоянія духовенства, о чемъ такъ много писалось и говорилось въ то время.

Въ этой статьѣ авторъ, между прочимъ, говоритъ:

Нужно разъ убѣдиться въ той истинѣ что если просвѣтительное вліяніе духовенства не являлось доселѣ въ столь полной мѣрѣ, какъ бы это желательно и какъ обнаруживается оно въ другихъ странахъ, причиною тому не какой-нибудь духовный разладъ между духовенствомъ и народомъ, а частію стѣсненное положеніе народа, и главнымъ образомъ, стѣсненное положеніе въ которое поставлено исторіей духовенство. Когда Петръ первый издалъ указъ запрещавшій монаху держать у себя въ келіи перо и чернила; когда тотъ же государь указомъ повелѣлъ чтобы духовный отецъ открывалъ уголовному слѣдователю грѣхи сказанные на исповѣди: духовенство должно было почувствовать что отселѣ государственная власть становится между имъ и народомъ, что она беретъ на себя исключительное руководство народною мыслію и старается разрушить ту связь духовныхъ отношеній, то взаимное довѣріе какое было между паствою и пастырями. Духовенство поняло что дѣйствовать своимъ духовнымъ вліяніемъ для него отселѣ небезопасно. Когда послѣдовало отнятіе церковныхъ имуществъ (не однихъ крестьянъ, но и земель) и за отнятые рубли духовенство вознаграждено было грошами; когда пріобрѣтеніе новыхъ имуществъ для Церкви намѣренно обставлено было разными затрудненіями; когда надъ оставшимися имуществами контроль все болѣе и болѣе усиливался, распоряженіе ими все болѣе и болѣе централизовалось; когда часть церковныхъ имуществъ стала употребляться даже на потребу не чисто церковную: духовенство должно было почувствовать что и у собственныхъ средствъ оно не хозяинъ, а только приставникъ; что оно не можетъ отселѣ ни задумать назначенія своимъ средствамъ, ни тѣмъ менѣе ручаться что первоначальное назначеніе устоитъ долгое время. Духовенство поняло что отселѣ властно оно безъ всякой помѣхи пригласить жертвователя развѣ только на позлащеніе церковной крыши или возведеніе ограды, безъ увѣренности, впрочемъ, что крыша и ограда навсегда сохранятъ свое назначеніе [33].

Когда духовенство видитъ что законодательство сначала можетъ быть намѣренно, а затѣмъ и безсознательно, слѣдуя старому порядку, съ обидною послѣдовательностью проводитъ такое правило: „духовное лицо православнаго исповѣданія за свое служеніе не должно быть ничѣмъ вознаграждаемо, либо должно получать вознагражденіе несравненно меньшее чѣмъ лица свѣтскія, или лица духовныя, но не православныя, стоящія на тѣхъ же самыхъ должностяхъ" [34]); къ какому заключенію должно приходить духовенство? Къ тому безъ сомнѣнія что оно есть сословіе намѣренно уничиженное на которое сама государственная власть смотритъ съ презрѣніемъ и единственно за то что оно вѣрнѣе другихъ осталось священнымъ началамъ своей родины. Какой же послѣ того ждать увѣренности или одушевленія въ дѣйствіяхъ?

Происходитъ ли духовное движеніе въ народѣ, законъ велитъ ставить сейчасъ между духовенствомъ и народомъ полицейскую власть съ обязанностью обиднаго надзора и съ обязанностью не менѣе обиднаго содѣйствія. Устраиваетъ ли само правительство среди народа школу, оно назначаетъ туда законоучителя, но въ рядъ съ другими, ставитъ его въ положеніе чиновника подвергнутаго всѣмъ мелочнымъ формальностямъ администраціи. Самую домашнюю школу, куда крестьяне и мѣщане добровольно отдаютъ дѣтей, духовное лицо принуждено таить отъ правительства: ибо законъ требуетъ чтобы о каждой школѣ былъ подаваемъ отчетъ, а отчетъ предполагаетъ ревизію и вмѣшательство. Не достаточно ли однѣхъ этихъ причинъ чтобы сдѣлать духовенство тѣмъ чѣмъ оно есть, къ сожалѣнію, теперь? А именно: сословіемъ запуганнымъ, но вмѣстѣ жаднымъ и завистливымъ, униженнымъ, но притязательнымъ, лѣнивымъ и равнодушнымъ къ своему высшему призванію, а вслѣдствіе того и не весьма безукоризненнымъ въ образѣ жизни. И однако изъ всѣхъ сословій просвѣщенныхъ наше духовенство, каково оно ни есть, есть сила наиболѣе хранительная въ государствѣ. И однако, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, духовная связь между имъ и народомъ не разорвана. Но чтобы укрѣпить эту благодѣтельную связь, нужно поднять, ободрить, поощрить духовенство.

Статья эта была замѣчена и вызвала весьма существенныя дополнительныя соображенія. Въ *Отечественныхъ Запискахъ* обращалось вниманіе на незначительность услугъ духовенства народному образованію въ до-петровскую эпоху, когда духовенству принадлежали еще церковныя имущества и оно, слѣдовательно, обладало большими матеріальными средствами, и паралельно ставились на видъ заботы объ этомъ образованіи со стороны православныхъ мірянъ которые, соединяясь на западѣ Россіи въ религіозно-просвѣтительныя братства, учреждали народныя школы, составляли буквари и граматики. Въ заключеніи высказывалось удивленіе что авторъ, защищая сельское духовенство отъ угнетеній свѣтской власти, ни слова не говоритъ о томъ угнетеніи которое оно претерпѣваетъ отъ своей же братіи, духовенства. А также высказывалось удивленіе и тому

что авторъ, при исчисленіи неблагопріятныхъ вліяній на сельское духовенство, забываетъ упомянуть о кастовомъ устройствѣ его и схоластическомъ воспитаніи, то-есть, о двухъ самыхъ главныхъ причинахъ препятствующихъ просвѣтительному вліянію его на народъ [35]).

Но что̀ всего примѣчательнѣе, такъ это обращеніе вниманія государя императора на статью „О первоначальномъ народномъ обученіи", а именнно, на слѣдующее мѣсто: „православное духовенство есть сословіе намѣренно униженное, на которое сама государственная власть смотритъ съ презрѣніемъ". Такъ какъ эта статья принадлежащая перу Н. Гилярова-Платонова появилась, какъ извѣстно, въ органѣ Московской духовной академіи, а затѣмъ перепечатана подъ заглавіемъ „Судьба русскаго народнаго образованія" въ московскомъ журналѣ *Православное Обозрѣніе* 1862 года, № 6, [36]) то спрошено было мнѣніе объ этой статьѣ митрополита Филарета. Послѣдній заявилъ въ письмѣ на имя оберъ-прокурора Ахматова, отъ 25 сентября 1862 года, что статья эта была прочитана ему въ рукописи безъ объявленія намѣренія напечатать оную, потому онъ слѣдилъ за нею не строгимъ критическимъ взоромъ и, обращая вниманіе на сущность дѣла, на порученіе духовенству первоначальнаго обученія народа, отозвался о ней одобрительно [37]). Затѣмъ, по существу запроса митрополитъ Филаретъ, признавая приведенныя выраженія неосторожными и неблаговидными, однако находилъ что по конструкціи всего замѣченнаго мѣста въ статьѣ указанныя выраженія надо понимать только какъ обезкураживающее мнѣніе духовенства о себѣ.

Еслибы, продолжалъ московскій святитель, авторъ ту же мысль облекъ въ выраженія болѣе осторожныя, какъ напримѣръ, что вознагражденіе духовнаго лица за службу меньшее, нежели свѣтскаго и православнаго, меньшее нежели неправославнаго служителя религіи, невольно располагаетъ православное духовенство видѣть себя менѣе другихъ пользующимся благоволеніемъ государственной власти: та же мысль только въ болѣе осторожныхъ выраженіяхъ не подверглась бы неблагопріятному сужденію, при безпристрастномъ воззрѣніи на дѣло. Если неблагопріятному воззрѣнію (продолжаетъ митрополитъ) подверглось и то выраженіе статьи что законодательство сначала, можетъ быть, намѣренно было менѣе внимательно къ службѣ православнаго духовенства, нежели къ службѣ свѣтскихъ лицъ и иновѣрцевъ; то это
азаніе смягченное словами „можетъ быть" относится, какъ видно
предыдущей части статьи, ко временамъ Петра Великаго, а не
настоящему времени. И такой отзывъ не будетъ тяжелъ для Петра
ликаго который, конечно, не для возвышенія духовенства пожетъ отмѣнить патріаршее достоинство и, въ пародію надъ духовеномъ и церковными обрядами, учредилъ такъ называемый „всешушій соборъ". Что касается до вознагражденія службы православо духовенства меньшаго въ сравненіи съ службою свѣтскихъ чиъ и иновѣрцевъ, это такъ очевидно изъ штатовъ жалованья раз-

ныхъ учрежденій что едва ли нужно приводить примѣры [38]). Члены православныхъ консисторій, духовныхъ правленій, благочинные проходятъ сіи должности безъ вознагражденія. Не такъ должностныя лица римскаго исповѣданія въ Россіи. Многочисленныя сего рода сличенія способны подать поводъ, конечно, не къ тому чтобы служащіе въ духовномъ вѣдомствѣ воскрилялись и поощрялись, а развѣ къ тому чтобы они чувствовали себя сравнительно униженными и менѣе пользующимися вниманіемъ власти. И въ семъ состоитъ весь смыслъ разсматриваемой статьи. Изъ сказаннаго досѣлѣ явствуетъ что разсматриваемая статья не подлежитъ обвиненію въ несправедливости или въ неблагонамѣренности, а только въ неосторожности и неблаговидности выраженій.

Въ заключеніи этого краткаго обзора литературы пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ по церковно-общественнымъ вопросамъ мы не можемъ не упомянуть о богословско-полемическихъ статьяхъ А. С. Хомякова который, по словамъ Ю. Самарина, „выяснилъ идею церкви въ логическомъ ея опредѣленіи“, понимая подъ церковью не иное что „какъ единство вѣрныхъ созидаемое взаимною любовью въ Іисусѣ Христѣ, нашемъ Спасителѣ и Богѣ“. Эта заслуга Хомякова представляется тѣмъ болѣе значительной что въ то время, по словамъ того же Самарина, подъ вліяніемъ направленія даннаго наукѣ господствовавшей за границею школою, эта наука и у насъ глядѣла на вѣру свысока, какъ на пережитую форму самосознанія, изъ которой человѣчество выбивалось на просторъ. Наше образованное общество только отчасти испытывало на себѣ вліяніе науки, получая отъ нея не начала, даже не выводы, а общее направленіе или тонъ. На эту среду гораздо сильнѣе дѣйствовали обстоятельства другаго рода и дѣйствовали хотя безсознательно, но за одно съ наукой. Во главѣ этихъ обстоятельствъ стоялъ крупный, всѣмъ бросавшійся въ глаза фактъ церковной казенщины, иначе, подчиненія вѣры внѣшнимъ для нея цѣлямъ узкаго офиціальнаго консерватизма который, подъ предлогомъ охраненія вѣры, благоволенія къ ней и благочестивой заботливости о ея нуждахъ, мнетъ и душитъ ее въ своихъ безцеремонныхъ объятіяхъ, давая чувствовать всѣмъ и каждому что онъ дорожитъ ею ради той службы которую она несетъ на него. Тогда очень естественно въ обществѣ зарождается мнѣніе что такъ тому и слѣдуетъ быть, что инаго отъ вѣры и ожидать нельзя и что, дѣйствительно, таково ея назначеніе. Это убиваетъ всякое уваженіе къ вѣрѣ.

И вотъ въ эту-то среду, на ряду съ отрицательными доктринами, попали и возвышенныя понятія А. С. Хомякова который, усматривая всю будущность въ Церкви, приглашалъ въ 1858 году, по окончаніи кровопролитной войны Россіи съ Европой, наше общество заняться

матеріалы [illegible] письмо митр. Филарета къ А. ными [illegible] 853) См. также отвѣтное письмо [illegible] годину?), напечатанное объ- то-есть, [illegible] духовенствѣ, съ указаніемъ при-

А. С. [illegible] отъ духовенства, а отъ непра- независим[illegible] печальномъ состояніи Церк- полное [illegible] преемника; рукописн. сборн. симость [illegible] поминалось также въ словѣ объ Церкви [illegible] Казани 19 февраля 1859 года, а ставителей [illegible] вліяніе на поселянъ сельскихъ правительств[illegible] (*Правосл. Собесѣдн. 1859 г.*, т. I). конечно, [illegible]: „Въ защиту русскаго духовен- Бога; [illegible]тельства (замѣчаетъ въ одномъ Церкви [illegible] было еще недавно поставлено къ было бы [illegible] лицамъ, не исключая бурми- догматическ[illegible] затруднится бросить камень осужде- пущено [illegible] имъ было отовсюду. Вся жизнь такого [illegible] крестьянъ“.

[illegible]ства въ кастовой замкнутости появились [illegible] 1862 года, и эти нападки побудили Суш- [illegible] которая появилась въ *Le Nord* 1—8 [illegible] à-t-elle fait quelque chose pour l'affran- [illegible] (составлено русскимъ и издано въ Женевѣ [illegible] дѣятельности русскаго духовенства на [illegible] сочиненій упомянемъ еще о книгѣ Га- [illegible]ической“ и отвѣтъ мірянина на эту книгу [illegible]), а также о книгѣ того же Гагарина: [illegible] и папа“ въ которой авторъ пытается дока- [illegible] сохранила своей древней независимости; см. [illegible] т. I и „Russische Studien zur Theologie und [illegible] II Heft, Münster 1857 г. Весьма интересный [illegible] духовенства выраженъ въ изданной на фран- [illegible] Гагарина: „De l'enseignement de la Theologie dans [illegible] г.; авторъ говоритъ что самымъ важнымъ вопро- [illegible] вопросъ объ образованіи и воспитаніи священни- [illegible] un clergé digne de sa haute mission, et la Russie [illegible] premiers rangs des nations chrétiennes. L'avenir de [illegible] qui sera le clergé“. Сравни также полемическія сочи- [illegible] (Полн. собр. сочин., изд. второе, т. II). См. также со- [illegible] „La tolérance et le schisme religieux en Russie“, гла- [illegible]имыхъ улучшеніяхъ въ быту православнаго духо-

[illegible]ный протестъ въ 1742 г. противъ текста синодаль- [illegible]аго митрополита Арсенія Мацѣевича который, будучи [illegible] Синода, не принялъ этой присяги и уѣхалъ въ Ростовъ. [illegible] поправка сдѣланная митрополитомъ текста этой при- [illegible] Листовича въ газетѣ *День* за 1862 г. № 25, а также [illegible] Мацѣевичѣ“ въ *Чтен. Общ. Ист. и Древн. Рос.* 1862 г.,

Филарета, т. IV, стр. 233). Также интересно высказанное митр. Филаретомъ въ письмѣ протопр. Бажанову (окт. 1857 г., ibid стр. 448) слѣдующее мнѣніе: „Петръ Великій прельстился проектомъ Лейбница о колегіяхъ, въ томъ числѣ и о духовной колегіи которую у протестанта перенялъ Петръ, но которую Провидѣніе Божіе и церковный духъ обратили въ Св. Синодъ".

[8]) „Письма преосв. Иннокентія", изд. Барсукова, книга II, стр. 195.

[9]) „Письма преосв. Иннокентія", изд. Барсукова, кн. II, № 172, 178, 185, 193, 195, 197, 202, 206, 211, 223, 224, 231, 243. Сравн. также письма преосв. Иннокентія къ А. Н. Муравьеву, напечат. въ Прибавл. къ Твор. св. отц. за 1889 годъ; письма: отъ 17 ноября 1855 г., отъ 31 янв. 1857 г., 3 февр. 1858 г., 30 марта 1858 г., 16 апр. и 17 окт. 1859 г., 19 янв. 1863 г. *Русскій Архивъ*, 1889 г. № 5 и 6.

[10]) Митрополитъ Григорій, живо и глубоко сознавая нужду въ преобразованіи духовныхъ училищъ, занялся начертаніемъ правилъ новаго для нихъ порядка и внесъ свою записку по этому предмету въ Синодъ Эта записка даже не была доложена Синоду, и самъ оберъ-прокуроръ Синода графъ А. П. Толстой взялъ на себя иниціативу сношеній съ епархіальными архіереями и ректорами семинарій по этому вопросу.

[11]) *Русскій Архивъ*, 1892 г. кн. II, стр. 200 и послѣдн. №№ 9—14, 16, 17, 20—23, 26—30, 35, 38—40.

[12]) Указанное сочиненіе епископа Агаѳангела, подъ заглавіемъ „Высшая администрація русской Церкви", сохранилось въ копіи между рукописями пожертвованными митрополитомъ Исидоромъ въ библіотеку С-Петербургской духовной академіи. Въ этомъ сочиненіи епископъ Агаѳангелъ, подобно А. Н. Муравьеву, указывалъ на полное порабощеніе Синода свѣтскою властію. (См. Сборникъ (рукоп.) изъ бумагъ митрополита Исидора, Акад. Биб. № 60.) Въ томъ же сборникѣ находится сочиненіе названнаго епископа: „Въ чемъ должно состоять высшее, вполнѣ каноническое управленіе отечественной церкви", (проектъ переустройства Св. Синода въ св. правительствующій постоянный всероссійскій соборъ). Въ этомъ-же сборникѣ находится копія съ упомянутой выше записки П. Н. Батюшкова „о сельскомъ православномъ духовенствѣ западныхъ губерній", въ которой авторъ, между прочимъ, развиваетъ свой взглядъ о необходимости учрежденія при церквахъ „приходскихъ совѣтовъ".

Письма митр. Филарета, изд. арх. тверск. Саввою, № 66, 95. См. также сужденія преосв. Никодима о синодальныхъ порядкахъ при графѣ Протасовѣ: „О Филаретѣ, митр. московск. моя память" преосв. Никодима, стр. 39, 53, 69, 88; *Чтенія Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос.* 1877 г. книга II.

ГЛАВА II.

[13]) *Русск. Вѣстн.* май, 1859 г. *Современ. лѣтоп.* стр. 44. См. замѣтки о вліяніи на общество этой книги въ *Дневникѣ* А. В. Никит...ка, т. II, стр. 99, 100, 107, а также въ письмахъ А. Муравьева къ митр. Ф...ларету: „Письма духовн. и свѣтск. лицъ", изд. Львовымъ 1900 г., стр. 2... 290, 296 и 297; изъ этихъ писемъ видно что авторомъ „Мыслей свѣтск. ч...ловѣка", напечат. въ *Духовной Бесѣдѣ* за 1859 г., былъ А. Муравь... (тоже см. стр. 332). Авторомъ „Описанія сельск. духовн. въ Россіи" бы... калязинскій священникъ Іоаннъ Степановичъ Беллюстинъ, прозванн... оберъ-прокуроромъ Св. Синода Ахматовымъ „духовнымъ Щедринымъ"; „П...

ма къ митр. Филарету", стр. 583. См. также письмо митр. Филарета къ А. Муравьеву („Письма". Кіевъ, 1869 г. стр. 547. 553). См. также отвѣтное письмо А. М. (Муравьева?) къ Мих. Петровичу (Погодину?), напечатанное объясненіе его по поводу книги о сельскомъ духовенствѣ, съ указаніемъ причинъ церковной неурядицы, зависящихъ не отъ духовенства, а отъ неправильныхъ отношеній государства къ Церкви, и о печальномъ состояніи Церкви подъ управленіемъ графа Протасова и его преемника; рукописн. сборн. митр. Исидора, № 60.

[14]) О существованіи такого опасенія упоминалось также въ словѣ объ освобожденіи крестьянъ, произнесенномъ въ Казани 19 февраля 1859 года, а именно въ немъ указывалось что духовное вліяніе на поселянъ сельскихъ пастырей встрѣчало много затрудненій (*Правосл. Собесѣдн. 1859 г.*, т. I). См. также три статьи проф. Предтеченскаго: „Въ защиту русскаго духовенства", 1863 года. „Кто взвѣситъ всѣ обстоятельства (замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ авторъ), въ какихъ духовенство было еще недавно поставлено къ помѣщикамъ и другимъ начальствующимъ лицамъ, не исключая бурмистровъ, старостъ и даже писарей, тотъ затруднится бросить камень осужденія въ приходскихъ священниковъ. Тѣсно имъ было отовсюду. Вся жизнь ихъ проходила среди запуганныхъ крестьянъ".

[15]) Обвиненія русскаго духовенства въ кастовой замкнутости появились и въ газетѣ *Le Nord*, отъ 10 мая 1862 года, и эти нападки побудили Сушкова написать защитительную статью которая появилась въ *Le Nord* 1—8 іюня 1862 г. Сочиненіе: „L'Eglise russe à-t-elle fait quelque chose pour l'affranchissement des paysans en Russie" (составлено русскимъ и издано въ Женевѣ въ 1861 г.) написано въ защиту дѣятельности русскаго духовенства на пользу народа. Изъ болѣе раннихъ сочиненій упомянемъ еще о книгѣ Гагарина: „Станетъ ли Россія католической" и отвѣтъ мірянина на эту книгу (С. Барановскаго, изд. въ Берлинѣ), а также о книгѣ того же Гагарина: „Старовѣрцы, русская церковь и папа" въ которой авторъ пытается доказать что наша церковь не сохранила своей древней независимости; см. *Правосл. Собесѣдн.* 1860 г. т. I и „Russische Studien zur Theologie und Geschichte" von Moriz Krühl, II Heft, Münster 1857 г. Весьма интересный взглядъ на значеніе русскаго духовенства выраженъ въ изданной на французскомъ языкѣ книгѣ Гагарина: „De l'enseignement de la Theologie dans l'Eglise russe", Paris, 1856 г.; авторъ говоритъ что самымъ важнымъ вопросомъ въ Россіи является вопросъ объ образованіи и воспитаніи священниковъ: „Donnez à la Russie un clergé digne de sa haute mission, et la Russie se place sans effort aux premiers rangs des nations chrétiennes. L'avenir de la Russie dépend de ce qui sera le clergé". Сравни также полемическія сочиненія А. С. Хомякова (Полн. собр. сочин., изд. второе, т. II). См. также сочиненіе Шедо-Ферроти „La tolérance et le schisme religieux en Russie", глава XVIII, „О необходимыхъ улучшеніяхъ въ быту православнаго духо-
-тва".

[16]) См. замѣчательный протестъ въ 1742 г. противъ текста синодаль-
і присяги ростовскаго митрополита Арсенія Мацѣевича который, будучи
значенъ членомъ Синода, не принялъ этой присяги и уѣхалъ въ Ростовъ.
бенно любопытна поправка сдѣланная митрополитомъ текста этой при-
и; см. статью Чистовича въ газетѣ *День* за 1862 г. № 25, а также
ло объ Арсеніи Мацѣевичѣ" въ *Чтен. Общ. Ист. и Древн. Рос.* 1862 г.,
. 2 и 3 (смѣсь).

[17]) Относительно подробностей этой полемики см. между прочимъ въ іюнѣ и августѣ книжки журн. *Правосл. Обозр.* за 1861 годъ. См. переводъ на русскій языкъ статьи изъ *Allgemeine Kirchenzeitung* (Darmstadt, 1862 г. № 82) въ журналѣ *Духовная Бесѣда* за 1863 г. т. XVII. См. замѣтки англійскихъ духовн. журналовъ въ *Христ. Чтен.*, 1863 г., № 141, ч. I, стр. 393 и № 142, ч. II, стр. 277. Отецъ Васильевъ въ мартѣ 1862 года принужденъ былъ отправить письмо къ архіеп. ліонскому Бональду· который продолжалъ утверждать о главенствѣ въ русской Церкви государя (переводъ этого письма въ іюльской и сентябрьской книжк. журн. *Странникъ* за 1862 г.). Сравни мысли А. С. Хомякова противъ главенства русскаго государя въ православной Церкви, изложенныя въ его брошюрѣ: „Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ". Полн. собр. сочин. т. II, стр. 34—37.

Потребность переносить за границу статьи полемическаго характера была въ то время такъ велика что появившаяся въ журн. *Странникъ*, янв. 1860 г., статья архимандр. Ѳеодора „О православіи въ отношеніи къ современности" была переведена на нѣмецкій языкъ и издана въ Лейпцигѣ (см. *Сынъ Отечества*, 1892 г. № 54. „обществ. дѣла").

[18]) Типы семинаристовъ и эпизоды изъ бурсацкой жизни, находящіеся въ сочиненіяхъ Нарѣжнаго (романъ „Бурсакъ"), Рѣшетникова „Между людьми", Помяловскаго „Очерки бурсы" слишкомъ хорошо извѣстны нашему обществу. Изъ мемуаровъ укажемъ на вышедшее въ Москвѣ въ 1860 году сочиненіе Измайлова „Взглядъ на собственную прошедшую жизнь". Записки Ростиславова, Добрынина, печатавшіяся въ *Русской Старинѣ*, слишкомъ извѣстны. Упомянемъ еще о томъ что, какъ видно изъ оберъ-прокурорскаго отчета за 1860 г. (стр. 56), князь Урусовъ, директоръ духовно-учебнаго управленія, производя ревизію пяти семинарій и посѣщая квартиры семинаристовъ, самъ удостовѣрился въ нищетѣ, лишеніяхъ которымъ обречены были бѣднѣйшіе изъ воспитанниковъ. Самые наставники отъ ограниченности получаемаго содержанія терпѣли бѣдность и не имѣли средствъ пользоваться всѣми учеными пособіями для усовершенствованія себя въ преподаваемыхъ ими предметахъ. О взяточничествѣ, звѣрствѣ и др. недостаткахъ смотрителей и учителей духовныхъ училищъ, см. „Описаніе сельскаго духовенства", „Первоначальное и семинарское образованіе", стр. 3—51.

[19]) Особеннаго интереса эти полемическія статьи въ настоящее время не представляютъ и мы укажемъ только на нѣкоторыя, возбудившія болѣе всего вниманія: 1) *Отечественныя Записки* 1858 года, май, „Современная хроника Россіи", 2) *Русскій Вѣстникъ* 1858 г., февраль, книжка 2-я, „Воспоминанія о Кудрявцевѣ"; 3) *Земледѣльческая Газета* 1857 г. № 39, статья Критскаго „О распространеніи грамотности между крестьянами"; 4) Та же газета за 1858 г., № 27, статья Остафьева „Два слова о распространеніи грамотности", 5) Та же газета, за тотъ же годъ, № 69, статья Чихачева „Откровенность старца"; 9) *Журналъ для землевладѣльцевъ* за 1858 г., № 10, статья Остафьева по поводу предыдущей статьи: 7) *Русскій Педагогическій Вѣстникъ* 1858 г. № 4 и 5, статья Забѣлина „Исторія жизни и воспитанія одного по[д]ячаго"; 8) *Московскія Вѣдомости* 1859 г. № 133, статья Шестакова „Педа[го]гическія письма"; 9) *Русская Газета* за 1859 г. №№ 10, 13, 14, 15, 43. [Въ] духовныхъ журналахъ печатались статьи въ защиту духовенства, такъ [на]примѣръ, въ журналѣ *Духовная Бесѣда* за 1858 г. т. XIV, № 50, появил[ась]

статья Шаврова „Духовное званіе въ Россіи". Въ томъ же журналѣ за 1859 г. т. VI, № 17, напечатана статья священника Грекова „Духовное званіе въ Россіи", голосъ сельскаго священника. Въ журналѣ *Православный Собесѣдникъ* за 1859 г. ч. 1 появилась статья: „Общество и духовенство". Смотри также статью Гилярова-Платонова: „Изъ письма въ редакцію" (напечатана въ *Журналѣ землевладѣльца*, 1868 г. № 11, смѣсь, стр. 45—48 и въ „Собраніи сочиненій" 1899 г. т. 1, стр. 242) въ которой авторъ возражаетъ противъ доводовъ вышеуказанныхъ статей Остафьева и Чихачева.

[20]) Яркимъ образцомъ такого отрицательнаго направленія въ литературѣ можетъ служить полемика журнала *Современникъ* за 1860 и 1861 годы (статьи Антоновича и Чернышевскаго) съ журналами: *Труды Кіевской Духовной Академіи* статьи Юркевича и *Русскій Вѣстникъ* (въ защиту статей послѣдняго), за тѣ же годы. См. также статью Пѣвницкаго „Нигилисты" въ *Трудахъ Кіевской Духовной Академіи*, 1862 г. т. 1, и того же автора, въ томъ же журналѣ, за 1866 г., августъ „Тяжелое нареканіе". См. еще „Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета", т. V, ч. 1, стр, 184.

[21]) Весьма характерно замѣчаніе митрополита Филарета, высказанное имъ по поводу разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ вопроса о современныхъ идеяхъ проводимыхъ въ газетахъ и журналахъ (Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета, т. IV, стр. 343, 27 августа 1858 года.) Митрополитъ Филаретъ писалъ: „многія недоразумѣнія нынѣшняго времени происходятъ отъ того что частное превращаютъ въ общее. Одинъ священникъ оказался недостойнымъ, и говорятъ что нехорошо духовенство. Редакторы одной газеты и двухъ или трехъ свѣтскихъ журналовъ издали статьи съ мыслями неблагопріятными для религіи и нравственности, и ревнители говорятъ: свѣтская литература есть языческая. Правда, зараза распространена далѣе одной газеты и трехъ журналовъ, но когда сіи только имѣются въ виду для улики, то легко виноватымъ возражать противъ обвинителей что здѣсь заключается отъ частнаго къ цѣлому и обижается благонамѣренная литература которая еще не исчезла. Надо указывать явныя вины того или другаго журнала и противопоставлять имъ точныя обличенія, тогда вѣрнѣе можно достигнуть того чтобы виноватаго уняли, а сіе можетъ быть полезно и къ укрощенію другихъ".

[22]) См. статью Кояловича „Гдѣ наши силы" въ газетѣ *День*, 1863 года, № 31.

[23]) См. „Записки и дневникъ А. В. Никитенко", т. II, стр. 327—330, а также *Сѣверную Почту* 1862 г. № 119 и *Наше Время* 1862 г. № 122; „Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета", т. V, ч. I, стр. 60, 68, 96. *Рус. біографическ. слов.*, т. I, біографія императора Александра II, стр. 564, 585.

[24]) Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 18 марта 1863 года установлено ежегодно 11 мая праздновать память св. Кирилла и Меѳодія. См. письмо оберъ-прокурора Ахматова къ митрополиту Филарету, отъ 3 апрѣля 1862 года, *Письма*, изд. Львовымъ, 1900 г., стр. 580. См. объ участіи въ этомъ дѣлѣ государыни императрицы Маріи Александровны; письмо митрополита Филарета къ оберъ-прокурору Ахматову отъ 12 апрѣля 1862 года, „Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета", т. V, ч. I, стр. 242 — 245 и 273—379.

[25]) См. приложеніе къ журналу *Странникъ*, 1862 г., май, а также „хронику" въ томъ же журналѣ за 1861 г. т. I.

[26]) До 1861 года приходскихъ школъ было очень немного, а въ началѣ 1862 года въ 48 епархіяхъ ихъ уже было болѣе 20 тысячъ съ $3^1/_2$ стами тысячъ

учащихся; см. *Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости*, 1862 г. № 18. См. *Христіанское Чтеніе* 1862 г. мартъ; также „современную хронику" журнала *Странникъ* за 1860 годъ: „содѣйствіе духовенства народному образованію". См. также книгу изд. въ 1866 году „Начальныя народныя училища и участіе въ нихъ православнаго духовенства". См. мнѣніе бывшаго министра Народнаго Просвѣщенія въ 1861 году гр. Путятина (письмо его къ митрополиту Филарету, отъ 21 іюля 1861 года; „Письма" изд. Львовымъ, 1900 г., стр. 561), а также графа Строганова (ibid, стр. 576). Наконецъ, укажемъ на книгу Благовидова „Дѣятельность русскаго духовенства въ отношеніи къ народному образованію въ царствованіе императора Александра II".

[27]) *Духовная Бесѣда*, 1859 г. т. VIII, № 41. Дѣло о построеніи церквей въ Западномъ краѣ сосредоточено съ 1857 года въ министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ у завѣдывавшаго этою постройкой П. Н. Батюшкова, съ дѣятельностью котораго по распространенію братствъ мы познакомимся ниже.

Въ 1860 году въ Петербургѣ разработывались предположенія объ учрежденіи благотворительнаго общества изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для распространенія религіозно-нравственнаго образованія между малолѣтними ремесленниками, и для достиженія этой высокой цѣли предполагалось употребить два главныхъ нравственныхъ способа; во-первыхъ, учрежденіе воскресныхъ классовъ или школъ при церквахъ: во-вторыхъ, нравственный бдительный надзоръ за точнымъ исполненіемъ благихъ мѣръ и за успѣхами христіанскаго воспитанія дѣтей, причемъ преподавателями должны быть священники приходскихъ или домовыхъ церквей, добровольно принимавшіе на себя эту обязанность. (См. *Странникъ*, 1860 г. т. II. „Хроника" и *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1859 г. №№ 12, 34 и 39).

[28]) О пожертвованіяхъ Ворошилова, Малютиной, Толстой (въ Москвѣ) Воронина, Сушинской и купечества (въ Петербургѣ) и Расторгуева (въ Харьковѣ) см. *Духъ Христіанина* 1863 г., сентябрь, „современное обозрѣніе"; *Странникъ* 1862 г. и *Духъ Христіанина* 1864 г., февраль, „извѣстія".

[29]) *Духъ Христіанина* 1864 г., февраль „извѣстія".

[30]) *Духовный Вѣстникъ* 1862 г., т. I, „лѣтоп. лист."; *Православное Обозрѣніе* 1861 г., октябрь, „замѣтки", стр. 285—286.

[31]) См., напр., *Сынъ Отечества* 1862 г.; № 35, статья А. Х.

[32]) Самымъ старымъ журналомъ было *Христіанское Чтеніе*, основанное въ Петербургѣ въ 1821 году, при С.-Петербургской духовной академіи; затѣмъ слѣдовали: *Воскресное Чтеніе* издаваемое съ 1837 года при Кіевской духовной академіи, *Приложеніе къ твореніямъ Св. отецъ*, издав. съ 1843 года при Московской духовной академіи, *Православный Собесѣдникъ*, изд. съ 1855 г при Казанской духовной академіи, и *Духовная Бесѣда* возникшая въ 1858 г. при С.-Петербурской духовной семинаріи. Весьма талантливый обзоръ духовной журналистики начала шестидесятыхъ годовъ сдѣланъ В. В. Никольскимъ въ журн. *Духъ Христ.*, сент. и ноябрь 1861 года. Въ это же время стали возникать и епархіальныя вѣдомости помѣстившія на своихъ стр цахъ въ первое время довольно много дѣльныхъ статей мѣстныхъ дѣ лей. Начало этимъ вѣдомостямъ положено было архіепископомъ Дмитрі по прогр. архіеп. Херс. Иннокентія) для Херсонской епархіи и архіепи помъ Ярославскимъ Ниломъ для Ярославской епархіи въ 1860 году. *Руководство для сельскихъ пастырей*, 1860 г. № 29: „Замѣчанія о епархіальныхъ вѣдомостей".

[33]) При двукратномъ сокращеніи числа монастырей, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, были обращены въ казармы и другія вовсе не церковныя зданія.

[34]) Нужно сравнить только: содержаніе професоровъ и учителей въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ съ содержаніемъ университетскихъ професоровъ и гимназическихъ учителей; содержаніе православныхъ духовно-учебныхъ заведеній вообще съ содержаніемъ подобныхъ заведеній католическихъ; жалованье православныхъ священниковъ при полкахъ и жалованье лютеранскихъ пасторовъ на тѣхъ же самыхъ должностяхъ. Стоитъ обратить вниманіе и на то что законоучителю вездѣ полагается жалованье меньшее чѣмъ прочимъ наставникамъ въ томъ же заведеніи и проч.

[35]) *Отечественныя Записки*, 1862 г., т. 143 „Современная хроника Россіи“.

[36]) А также и въ свѣтскомъ журналѣ *Русскій Вѣстникъ* въ № 30 „Современной Лѣтописи“.

[37]) Письмо митрополита Филарета къ оберъ-прокурору Св. Синода Ахматову, отъ 25 сентября 1862 года, „Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета,“ т. IV, ч. I, стр. 314—318. См. также письмо митрополита Филарета къ епископу Саввѣ отъ 30 марта 1862 г. слѣдующаго содержанія: „возвращаю статью о первоначальномъ обученіи народа. Простите что умедлилъ. Можете внести ее въ ваше изданіе“. „Письма митрополита Филарета“, изд. архіеп. Тверскимъ Саввою 1888 г. стр. 177. Эта статья въ нѣсколькихъ экземплярахъ была переслана митрополитомъ Филаретомъ къ оберъ-прокурору Ахматову, (ibid. стр. 129, ч. II).

[38]) Однако митрополитъ Филаретъ все таки указалъ что въ Саратовѣ на содержаніе ученика римско-католической семинаріи расходуется 75 руб. въ годъ, а въ томъ же городѣ на содержаніе ученика православной семинаріи 32 руб. Жалованья римско-католическому епископу въ Саратовѣ въ годъ, 4.480 руб., православному епископу тамъ же 700 руб.

[39]) См. т. II Полн. собр. сочин. Хомякова, стр. 399—400, 8-е письмо Пальмеру.

(До слѣдующей книги).

А. Папковъ.

СМѢСЬ.

Передовой Китаецъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ заграничная печать очень много говорила о нѣкоемъ китайскомъ генералѣ Ченъ-Ки-Тонѣ, представителѣ китайской партіи реформъ Юнаго Китая, причемъ восхваляла его до небесъ.

Между прочимъ, теперь припоминаютъ лекцію прочитанную пресловутымъ Китайцемъ въ клубѣ Сенъ-Симонъ въ іюнѣ 1886 года, на которую собрались представители печати и всевозможныхъ обществъ.

Лекторъ, оригинальный Китаецъ, назывался на самомъ дѣлѣ или заставлялъ называть себя генераломъ Ченъ-Ки-Тонъ. Говорили что онъ блестящій представитель Юнаго Китая, воспитанникъ и довѣренное лицо знаменитаго Ли-Хунъ-Чжана. Онъ хорошо говорилъ по-французски и даже, хотя, можетъ быть, и при посторонней помощи, писалъ статьи въ газетахъ и журналахъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ китайскимъ генераломъ восторгался весь Парижъ, но затѣмъ Ченъ-Ки-Тонъ былъ совершенно позабытъ.

Три главные пункта лекціи прочитанной Китайцемъ были тогда же выражены тремя словами: *Лукавство*, *Наглость*, *Угроза*.

Въ началѣ своей лекціи Китаецъ, очевидно, человѣкъ замѣчательно умный, сталъ лукаво смѣяться надъ европейцами и даже надъ самимъ собой. Онъ забавлялся надъ своею особой, надъ своимъ костюмомъ, почти извинялся передъ слушателями что носитъ косу, обладаетъ желтымъ цвѣтомъ лица, узкими глазами, словомъ, глумился надо всѣмъ китайскимъ. Онъ говорилъ что восхищается своимъ пребываніемъ въ Парижѣ, расхваливалъ портныхъ обладающихъ такимъ замѣчательнымъ вкусомъ, поваровъ онъ называлъ положительными художниками; театры, по его словамъ, это дома смѣха, что вообще всѣ парижане достойны подражанія и что мандарины были бы счастливы упасть имъ въ ноги.

Спустя нѣсколько минутъ генералъ заговорилъ въ болѣе саркастическомъ тонѣ, и въ словахъ его уже звучала иронія по отношенію къ европейцамъ. Онъ не скрывалъ отъ слушателей своего мнѣнія о томъ что хотя онъ и восхищается многимъ, но дѣлаетъ это очень осторожно, взвѣшивая все въ своемъ умѣ. По его словамъ, наша блестящая цивилизація прикрываетъ собою цѣлую бездну чванства, безразсудствъ и развращенности. Онъ сказалъ много правды въ глаза, постоянно извиняясь въ своей китайской безтактности и незнаніи

обычаевъ Европы, и слушатели, смѣясь, апплодировали китайскому лектору.

Къ концу лекціи тонъ генерала сталъ болѣе угрожающимъ. Онъ не говорилъ прямо, но обинякахи и пророчествомъ о будущемъ. Заключительныя слова его рѣчи произвели на многихъ сильное и совершенно неожиданное для нихъ впечатлѣніе.

„Вы не имѣете понятіе о Китаѣ", говорилъ генералъ Ченъ-Ки-Тонъ, „онъ слишкомъ обширенъ. Мы сами, Китайцы, не знаемъ хорошо все наше государство. Европа не имѣющая точнаго представленія о Китаѣ, плохо понимающая китайскій языкъ, дѣлаетъ большую ошибку, когда легкомысленно отзывается о Срединной имперіи и издали относится къ Китаю съ пренебреженіемъ. Китай, это громадный резервуаръ, до времени неподвижныхъ заснувшихъ силъ. Китайцы консервативный народъ, мирные земледѣльцы. Европейцы считаютъ ихъ отсталыми, а между тѣмъ они изобрѣли порохъ. Сами Китайцы считаютъ европейцевъ варварами и хитрыми. Они уже въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ стали не воинственны, они не любятъ и не желаютъ драться. Но кто знаетъ, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ увидятъ очень странныя вещи, и я долженъ сказать что желтая раса еще не высказывала своего послѣдняго слова. Когда настанетъ день, когда она немного забудетъ о Ко-фу-тзе, котораго вы почему-то называете Конфуціемъ, и то же начнетъ изучать регулярную полевую военную службу, то или она пригласитъ европейскихъ инструкторовъ, или же въ обмѣнъ за свой чай и опіумъ пріобрѣтетъ скорострѣльныя ружья, круповскія пушки, броненосцы, миноносцы, вооружитъ и двинетъ впередъ всѣ свои орды, придется считаться съ желтою расой, и счетъ будетъ продолжаться очень долгое время. Впрочемъ, поживемъ, увидимъ".

Этотъ Китаецъ говорилъ въ продолженіе цѣлаго часа, то сладкимъ, то вызывающимъ тономъ и конецъ его лекціи былъ покрытъ дружными апплодисментами присутствовавшихъ. Затѣмъ вскорѣ и самъ китайскій генералъ Ченъ-Ки-Тонъ и рѣчь его были позабыты, и только теперь вспомнили многіе что все, что онъ говорилъ, оказалось по отношеніи къ Китаю настоящимъ предсказаніемъ.

Китайское чиновничество. Недобросовѣстность китайскихъ чиновниковъ всѣхъ разрядовъ и степеней общеизвѣстна. Въ видѣ исключенія шанхайскія газеты приводятъ одного добраго мандарина заботившагося о нуждахъ ввѣреннаго ему города и не обиравшаго гражданъ, какъ это обыкновенно практикуется китайскими служилыми людьми. Взяточничество и всевозможные поборы настолько всосались въ плоть и кровь китайскихъ чиновниковъ что сослуживцы мандарина считали его человѣкомъ лишеннымъ здраваго смысла, ненормальнымъ съ китайской точки зрѣнія.

Этотъ мандаринъ въ настоящее время состоитъ губернаторомъ одного города въ провинціи Гунанъ. Онъ имѣетъ обыкновеніе при наступленіи сумерекъ разгуливать по городу переодѣтымъ въ костюмъ предсказателя чтобы свободнѣе освѣдомляться о нуждахъ городскихъ жителей. Однажды ему пришлось зайти въ домъ одной престарѣлой супружеской четы, и когда онъ предложилъ имъ сдѣлать какое-ни-

будь предсказаніе, то ему отвѣчали что охотно вопросили бы судьбу, но нечѣмъ заплатить ему за трудъ. Мандаринъ сталъ разспрашивать стариковъ которые почему-то показались ему достойными сожалѣнія и узналъ отъ нихъ что въ продолженіе многихъ лѣтъ имъ пришлось бороться съ болѣзнями, нуждой и превратностями судьбы. Разказъ стариковъ тронулъ сердце мандарина, и онъ предсказалъ имъ что скоро получатъ помощь отъ сострадательныхъ людей. На слѣдующій день онъ приказалъ своему секретарю отнести бѣднякамъ три куска холста и десять таэлей. Вечеромъ. по обыкновенію переодѣвшись въ костюмъ предсказателя, онъ отправился въ городъ и зашелъ къ двумъ старикамъ. Восторгъ ихъ былъ великъ, когда они увидали человѣка предсказавшаго имъ вчера то что превзошло даже ихъ мечты и они поторопились разказать ему о своей радости. Какой-то неизвѣстный человѣкъ, говорили старики, пришелъ къ намъ сегодня утромъ и отъ имени знатнаго мандарина передалъ намъ кусокъ холста и три таэля. Предсказатель поздравилъ чету съ полученіемъ такого щедраго дара и возвратился въ свой дворецъ. Когда же онъ увидался со своимъ секретаремъ, то сказалъ ему: „Я слышалъ что ты совершилъ сегодня очень доброе дѣло, изъ своихъ собственныхъ средствъ подарилъ одной бѣдной престарѣлой супружеской четѣ, очень нуждавшейся, кусокъ холста и три таэля. Это очень похвально и указываетъ на то что ты обладаешь добрымъ сердцемъ. Но теперь я прошу тебя сейчасъ же отнести бѣднякамъ тѣ три куска холста и тѣ десять таэлей которые я имъ назначилъ въ вспомоществованіе.“ Сконфуженный секретарь поспѣшилъ исполнить приказаніе мандарина.

Китайскіе должники. Имѣть долги въ Китаѣ представляетъ большую непріятность. Законъ неумолимъ относительно должниковъ и очень снисходителенъ къ заимодавцамъ. Законными процентами считаются 31, то-есть, почти три процента въ мѣсяцъ.

Спустя три мѣсяца послѣ истеченія срока обязательства заимодавецъ имѣетъ право привести своего должника къ мандарину который, разсмотрѣвъ долговое обязательство, если оно въ порядкѣ, приказываетъ подвергнуть должника наказанію палками. Китайскій законъ очень ясно говоритъ объ обязательствахъ, и наказаніе палками примѣняется согласно точно обозначенному тарифу.

Существуютъ три степени наказаній за неисправный платежъ по долговымъ обязательствамъ. Если должникъ не уплатитъ своего долга не превышающаго десяти таэлей спустя три мѣсяца по истеченіи срока займа, то на первый разъ онъ подвергается десяти палочнымъ ударамъ. Когда затѣмъ въ слѣдующій мѣсяцъ онъ всетаки не уплатитъ долга, то количество палочныхъ ударовъ къ которымъ онъ присуждается постепенно увеличивается и можетъ дойти до сорока.

Должникъ съ котораго заимодавецъ ищетъ сумму болѣе десяти, но не превышающую двадцати таэлей, въ первый разъ получаетъ двадцать палочныхъ ударовъ и если и дальше не будетъ платить, то наказаніе тоже постепенно увеличивается и достигаетъ пятидесяти палочныхъ ударовъ. Изъ вышеизложеннаго можно заключить что Китайцу необходимо заботиться объ уплатѣ своихъ долговъ, иначе онъ рискуетъ своею собственною шкурой.

Въѣздъ Людовика XVI въ Парижъ послѣ бѣгства въ Варенъ. Недавно графъ Грепи напечаталъ выдержки изъ писемъ своего дѣда, очевидца ужасовъ первой французской революціи. Заимствуемъ изъ нихъ два интересныхъ эпизода.

Графъ Грепи пріѣхалъ въ Парижъ 14 апрѣля 1791 года. Смущеніе причиненное Мирабо еще не прошло. Въ письмѣ къ своему отцу онъ описываетъ положеніе слѣдующимъ образомъ:

„Я прибылъ сюда въ одну изъ самыхъ интересныхъ эпохъ великой революціи которая совершенно измѣнила весь строй этого государства. Смерть Мирабо произвела такое глубокое впечатлѣніе, такъ поразила всѣ умы что не нахожу словъ описать все это. Нужно пріѣхать сюда и видѣть и слушать самому чтобы имѣть понятіе о томъ, что̀ такое былъ Мирабо. Онъ былъ и работникомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ душой этой громадной машины. Онъ ниспровергъ монархію и возвысилъ народъ. Но онъ одинъ былъ въ состояніи сдерживать этотъ народъ, не допускать его до анархіи и заставлять уважать новые конституціонные законы. Смерть Мирабо неизгладимая потеря для всѣхъ".

Другое письмо адресовано графомъ Грепи его пріятелю Ганъ, шведскому консулу въ Кадиксѣ. Онъ описываетъ въ немъ событіе котораго онъ былъ очевидцемъ, это возвращеніе въ Парижъ несчастнаго короля Людовика XVI послѣ его неудачнаго бѣгства въ Варенъ.

„Народъ выказалъ большую сдержанность при извѣстіи объ арестѣ короля и оставался спокоенъ во время его въѣзда въ Парижъ. Вообрази себѣ, любезный Ганъ, что ты присутствуешь при этомъ печальномъ актѣ печальной трагедіи. По пути слѣдованія поѣзда собралось безчисленное множество людей всѣхъ возрастовъ, отъ мала до велика. Гвардейцы ѣхавшіе впереди время отъ времени сообщали народу на какомъ разстояніи отъ столицы находится король. Наконецъ, показался Людовикъ XVI въ каретѣ подъ охраной 30 тысячъ вооруженныхъ гражданъ. На почетномъ мѣстѣ между королемъ и королевой сидѣлъ Барнавъ. На передней скамейкѣ сидѣли Петіонъ, дофинъ, mademoisele Royale и madame Elisabeth. На козлахъ находились три тѣлохранителя за которыми наблюдали нѣсколько гренадеръ національной гвардіи. За каретой слѣдовали еще гренадеры. Кортежъ замыкался нѣсколькими полевыми орудіями и каретой увѣнчанной гирляндами изъ лавровыхъ листьевъ, въ которой помѣщались лица узнавшія и арестовавшія короля. Кортежъ медленно двигался по пути по которому было разставлено не менѣе 100 тысячъ національныхъ гвардейцевъ. Народъ оставался безмолвенъ во все время въѣзда, всѣ головы оставались покрытыми. Видъ королевскаго семейства производилъ удручающее впечатлѣніе".

Папа Пій V и его муниципальный совѣтъ. Власть римскихъ первосвященниковъ въ ихъ собственной столицѣ вовсе не была такъ неограниченна, какъ обыкновенно принято думать. Нерѣдко имъ приходилось вступать въ пререканія съ общиннымъ собраніемъ, избраннымъ народомъ, которое засѣдало въ Капитоліи.

Особенно сильные конфликты между папой и собраніемъ возникли во времена Пія V. Первый по поводу извѣстнаго сорта женщинъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Curiales*, не вслѣдствіе отношеній которыя могли установиться между ними и членами римской Куріи, а только потому что онѣ подлежали спеціальной юрисдикціи этой Куріи. Такой строгій папа, какъ Пій V, не могъ допустить подобно своимъ предшественникамъ чтобы эти женщины кичились своими роскошными платьями и показывались въ нихъ не только по главнымъ улицамъ города, но даже на церковныхъ папертяхъ. Онъ порѣшилъ водворить ихъ всѣхъ вмѣстѣ въ одномъ изъ отдаленныхъ кварталовъ Рима. Но сначала нужно было выселить оттуда прежнихъ жителей и уже затѣмъ водворить тамъ галантныхъ женщинъ. Прежнихъ обитателей квартала нужно было также вознаградить за насильственное переселеніе, а этого-то и нельзя было сдѣлать безъ содѣйствія общиннаго совѣта, отъ котораго зависѣли всѣ городскіе финансы. Вслѣдствіе вышеизложеннаго папѣ пришлось обратиться къ нему. Совѣтъ былъ экстренно созванъ, но рѣшилъ отложить вопросъ на неопредѣленное время. Тогда папа которому непремѣнно хотѣлось привести свое рѣшеніе въ исполненіе приказалъ снова созвать совѣтъ которому предписалъ въ теченіе десяти дней дать ему рѣшительный отвѣтъ по поводу этого дѣла. Совѣтники однако отвѣтили папѣ что то, чтó онъ отъ нихъ требуетъ aliquantulum difficile, то-есть, неисполнимо. Узнавъ отвѣтъ совѣта, папа порѣшилъ вступить съ нимъ въ переговоры и послать своего уполномоченнаго въ засѣданіе. Совѣтники, выслушавъ папскаго делегата, не знали какое имъ принять рѣшеніе. Съ одной стороны они стѣснялись слишкомъ явно принять сторону прекрасныхъ грѣшницъ, съ другой же стороны они знали что жители кварталовъ которыхъ предполагалось выселить стали волноваться, и къ нимъ еще примкнули лавочники и торговцы которымъ отъ этой мѣры грозило разореніе. Они, наконецъ, сами порѣшили отправить къ папѣ депутацію которой было поручено указать на неудобства и даже опасность отъ проведенія его проекта въ исполненіе. Если же папа настаиваетъ на исполненіи своего проекта, то пусть онъ самъ укажетъ тотъ кварталъ, куда выселить куртизанокъ. Послѣднее было придумано очень ловко, такъ какъ въ этомъ случаѣ вся непопулярность рѣшенія падетъ на самого папу, и онъ одинъ будетъ отвѣчать за послѣдствія имъ же придуманной мѣры.

Тѣмъ временемъ Пій V, которому непремѣнно хотѣлось положить начало исполненія его проекта, распорядился изгнать изъ окрестностей Ватикана всѣхъ жившихъ тамъ куртизанокъ, не дожидаясь представленія депутаціи отъ общиннаго совѣта. Римъ заволновался, и народъ сталъ выказывать недовольство. Наконецъ, 3-го августа 1566 года, при особенно торжественной обстановкѣ состоялась аудіенція депутаціи. Когда депутаты изложили передъ Піемъ V причины отказа совѣта, онъ пришелъ въ сильный гнѣвъ. „Своимъ упорствомъ вы потакаете пороку“, сказалъ папа, „тогда какъ ваша обязанность преслѣдовать его“. Въ заключеніе онъ выразилъ свою непремѣнную волю выселить куртизанокъ въ Транстеверинскій кварталъ, за которымъ дурная репутація оставалась еще съ древнихъ временъ. Услышавъ это транстеверинскій депутатъ заявилъ что жители этого квартала

скорѣе согласятся сжечь свои дома чѣмъ пустить въ нихъ женщинъ съ сомнительною репутаціей. При подобныхъ условіяхъ трудно было придти къ какому-нибудь рѣшенію. Дѣло дошло, наконецъ, до того что папа объявилъ что если не очистятъ города отъ куртизанокъ, то онъ будетъ вынужденъ выѣхать изъ него. Дѣло все болѣе осложнялось. Къ счастію, папскій викарій Праченціо присутствовавшій при аудіенціи депутатовъ нашелъ способъ соглашенія. Онъ предложилъ изгнать наиболѣе скомпрометированныхъ куртизанокъ, а остальнымъ разрѣшить жить тамъ, гдѣ имъ заблагоразсудится.

Но непреклонный папа не могъ удовольствоваться полумѣрами. Пользуясь выговореннымъ имъ правомъ, онъ сталъ изгонять изъ города группами не только скомпрометированныхъ куртизанокъ, но всѣхъ вообще. Уже 17-го августа посланникъ его писалъ герцогу Мантуанскому что число куртизанокъ въ Римѣ значительно убавилось. Многія скрываются, а нѣкоторыя убиты ихъ кредиторами которые опасались чтобъ онѣ не скрылись съ принадлежащимъ имъ имуществомъ. Вслѣдствіе этихъ мѣръ римскіе граждане взволновались. Общинный совѣтъ созвался въ экстренное засѣданіе и протестовалъ противъ того, какъ папа понялъ соглашеніе. Возбужденіе достигло высшаго предѣла, ожидались очень серіозныя событія, когда жители квартала *Campo Marso* совершенно неожиданно предложили папѣ поселить у нихъ куртизанокъ еще оставшихся въ городѣ. Предложеніе было принято обѣими сторонами и, наконецъ, ко всеобщему удовольствію между папой и городомъ водворился миръ.

На слѣдующій годъ между папой и общиннымъ совѣтомъ снова возникло разногласіе.

Такой врагъ ереси, какъ Пій V, не могъ относиться равнодушно къ борьбѣ французскаго короля съ Гугенотами, и когда ему донесли что католическое дѣло въ опасности, что необходима быстрая помощь чтобы усилить католическія арміи, онъ рѣшилъ оказать ее. Папа сдѣлалъ распоряженіе послать королю Карлу IX 300 тысячъ экю. Но таковой суммы не оказалось въ папской казнѣ которая была истощена его предшественникомъ Піемъ IV приготовлявшимся къ войнѣ съ Турками, о которой онъ мечталъ всю жизнь. Папа рѣшился просить денегъ у своихъ подданныхъ. Сто тысячъ должно было доставить духовенство, сто тысячъ папская область, и папа былъ вполнѣ увѣренъ что Римъ дастъ остальныя сто тысячъ. Однако, его предшественникъ уже обращался къ общинному совѣту съ просьбой ссудить его 20 тысячами экю, и тотъ съ большимъ трудомъ выдалъ ихъ папѣ послѣ долгихъ переговоровъ. По поводу предложенія папы былъ созванъ совѣтъ. Пріоръ доложилъ ему желаніе папы, и совѣтники, какъ люди знающіе политику, немедленно рѣшили дать деньги, но отложили разсмотрѣніе какъ достать нужную сумму. На слѣдующій день пренія по этому поводу возобновились, долго спорили и, наконецъ, было рѣшено собрать не сто, а пятьдесятъ тысячъ. Когда папѣ сообщили о постановленіи совѣта, онъ призвалъ къ себѣ пріора и его товарища и объяснилъ имъ что если они уменьшатъ сумму которую онъ проситъ, то духовенство и папская область сдѣлаютъ то же самое по ихъ примѣру, и проектъ его помочь Франціи не осуществится. Онъ обѣщалъ при этомъ *facto pectore* что если

не всѣ деньги будутъ израсходованы, онъ возвратитъ ихъ общинѣ. Пріоръ сообщилъ совѣту разговоръ съ папой, и депутаты тронутые рѣшились дать просимую сумму. Теперь оставалось только изыскать способъ найти ее, такъ какъ доходы города были очень ограничены. Наконецъ, было постановлено возвысить ввозную пошлину на вино привозимое по рѣкѣ. Но когда папѣ донесли объ этомъ, то онъ разгнѣвался, такъ какъ пошлину пришлось бы платить и его кординаламъ, а этого нельзя было допустить. Состоялось второе засѣданіе совѣта на которомъ, наконецъ, порѣшили возвысить немного пошлину на вино и покрыть дефицитъ налогомъ на мясо.

Въ благодарность за благопріятное рѣшеніе папа пригласилъ совѣтъ присутствовать при торжественномъ *Te Deum* по случаю побѣды при Монкурѣ, и въ его присутствіи въ Латеранѣ были поставлены двадцать семь знаменъ отбитыхъ у Гугенотовъ Сфорцой, начальникомъ папскихъ войскъ посланныхъ въ помощь французскому королю.

Воспоминанія объ Альфонсѣ Додэ. По поводу недавняго открытія памятника извѣстному французскому писателю Альфонсу Додэ въ Нимѣ печать сообщаетъ нѣсколько интересныхъ воспоминаній переданныхъ другомъ дѣтства Додэ, провансальскимъ поэтомъ Фредерикомъ Мистралемъ. Оба писателя провели вмѣстѣ юношескіе годы и были очень дружны.

„Назадъ тому 37 лѣтъ“, говоритъ Мистраль, „Альфонсъ Додэ занималъ мѣсто частнаго секретаря извѣстнаго герцога де-Морни, родственника Наполеона III. Конечно, это мѣсто было исключительно почетное, но связанное съ трудными обязанностями. Разъ въ мѣсяцъ молодой Додэ отправлялся къ Морни освѣдомиться о здоровьѣ своего начальника состоявшаго въ то время президентомъ сената. Карьера Додэ началась слѣдующимъ образомъ. Между прочими первоначальными бездѣлками Додэ написалъ прелестное любовное стихотвореніе *Les Prunes* которое вскорѣ послѣ появленія въ печати весь Парижъ зналъ наизусть. Герцогъ Морни слышалъ въ одномъ салонѣ чтеніе этого произведенія которое ему такъ понравилось что онъ выразилъ желаніе чтобы авторъ его былъ ему представленъ. Додэ произвелъ пріятное впечатлѣніе на президента сената, и онъ взялъ его подъ свое покровительство. Въ то время Додэ былъ красавцемъ-юношей съ бѣлокурыми волосами ниспадавшими на плечи, черными глазами, только-что пробивающеюся бородой и вобще своею видною наружностію производилъ чарующее впечатлѣніе. При каждомъ посѣщеніи Додэ герцогъ Морни обязательно дотрогивался волнистыхъ волосъ молодаго человѣка и неизмѣнно произносилъ о, и ту же фразу: „Ну, стихотворецъ, когда же мы острижемъ эт парикъ?“ На что Додэ также неизмѣнно отвѣчалъ: „На слѣдую недѣли, ваша свѣтлость“.

У Додэ въ жилахъ текла огненная кровь. Онъ отличался осо ною живостію характера и постоянно бросался навстрѣчу всевозм нымъ приключеніямъ. Однажды мы сидѣли вечеромъ въ загородн ресторанѣ въ окрестностяхъ Авиньона. Вдругъ Додэ слышитъ зыку подъ терасой ресторана, на которой мы сидѣли. Ок

это сельскій балъ. Ни слова не говоря, онъ соскакиваетъ съ терасы и падаетъ прямо въ самую середину танцующихъ которые приняли его за нечистаго, внезапно свалившагося неизвѣстно откуда. Юношескія продѣлки Додэ въ которыхъ обыкновенно принимали участіе Мистраль и еще двое извѣстныхъ провансальскихъ поэтовъ, Пьеръ Гривола и Ансельмъ Матье, происходили преимущественно въ окрестностяхъ городовъ Авиньона и Арля. Очень часто Додэ, разгуливая съ товарищами ночью по безлюднымъ улицамъ, распѣвалъ во все горло патріотическія пѣсни своей родины. Нерѣдко случалось что трусливый трактирщикъ, опасаясь вмѣшательства полиціи, ему говорилъ что власти затѣятъ съ нимъ процесъ, онъ невозмутимо отвѣчалъ: „если когда-либо комисаръ или жандармъ станутъ дѣлать вамъ какія-нибудь непріятности, суньте имъ подъ носъ книгу посѣтителей и укажите на мою подпись. Если же это не поможетъ, то напишите мнѣ въ Парижъ, клянусь что я ихъ заставлю хорошо поплясать и отобью у нихъ охоту вмѣшиваться не въ свое дѣло.“ Въ книгахъ для посѣтителей Додэ, несмотря на то что ему выставляли на видъ неудобство писать не на общепринятомъ языкѣ, всегда расписывался за себя и за своихъ друзей по провансальски.

Іерусалимскія улицы. Улицы Іерусалима не походятъ на улицы другихъ городовъ. Это что то совершенно особенное, трудно поддающееся описанію. Онѣ узки, извилисты, пересѣчены ступенями, со множествомъ закоулковъ, иногда покрыты сводами, переполнены всевозможными отбросами и нечистотами, то свѣтлыя, то темныя отъ нависшихъ надъ ними зданій, то онѣ проходятъ подъ арками, то спускаются внизъ и имѣютъ видъ тунеля.

Въ постройкѣ домовъ, повидимому, фантазія мѣстныхъ зодчихъ не имѣла предѣла. У каждаго дома совершенно особенное расположеніе. Двери открываются на потайныя лѣстницы или на дворъ, на которыхъ въ свою очередь еще двери куда-то ведущія. Далѣе стѣны, стѣны безъ конца, между которыми бродя въ одиночествѣ часто можно заблудиться въ этомъ безконечномъ лабиринтѣ стѣнъ и закоулковъ.

Населеніе іерусалимскихъ улицъ производитъ какое-то странное впечатлѣніе своею пестротой и даже картинностію. Кого только не встрѣтишь тутъ Вотъ серіозные Турки и Арабы, кочевникъ-Бедуинъ, Армяне, Копты, Абисинцы, туземцы изъ Гуорана, женщины которыхъ въ голубыхъ юбкахъ, татуированныя, прохаживаются въ высокихъ головныхъ уборахъ, вся эта толпа смѣшивается съ рясами духовенства и мусульманскими духовными лицами въ длиннополыхъ одеждахъ и бѣлоснѣжныхъ чалмахъ. Индійскіе торговцы, дервиши, кипрскіе селяне съ усами паликаровъ. Іерусалимскіе Евреи представляютъ [illegible]бою замѣчательное разнообразіе типовъ, тутъ представители и [illegible]редставительницы всего еврейскаго міра. Морокинскія еврейки, съ [illegible]цомъ покрытымъ густымъ вуалемъ, испанскія жидовки, болѣе [illegible]азвитыя и чистоплотныя чѣмъ первыя, польскіе Евреи въ шляпахъ съ торчащими изъ-подъ нихъ отвратительными пейсами. Рядомъ съ этими болѣе или менѣе извѣстными типами попадаются персидскіе Евреи, іеменскіе Евреи съ очень чистымъ профилемъ и тончай-

шими мускулами и, наконецъ, бухарскій Еврей въ пестромъ халатѣ, мягкихъ сапогахъ и вышитой тюбетейкѣ.

Лавки, большинство съ голыми стѣнами покрытыми паутиною, ютятся подъ сводами низкихъ арокъ съ навѣсами изъ лохмотьевъ для защиты отъ палящихъ лучей палестинскаго солнца, представляютъ мало привлекательнаго. Всѣ онѣ сгрупированы по роду торговли по кварталамъ. Такъ, существуютъ улицы фруктовщиковъ, башмачниковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, суконщиковъ и мясниковъ. Особенный интересъ по разнообразію товара представляютъ фруктовщики. Цѣлыя горы дынь и арбузовъ, пирамиды виноградныхъ гроздьевъ, корзины съ громадными персиками и мѣдно-красными абрикосами, кучи томатовъ и огурцовъ разныхъ видовъ и величинъ. Несмотря на привлекательный видъ овощи безвкусны, а фрукты соблазняютъ лишь туземцевъ. На базаръ ходятъ не женщины, а мущины. Вообще прекрасный полъ рѣдко встрѣчается по улицамъ Іерусалима. Женщинъ можно увидать за прилавкомъ только въ лавкахъ гдѣ торгуютъ предметами женскаго туалета.

Торговля поддерживается преимущественно товарами еврейскаго происхожденія, съ которыми туземное производство постоянно яростно борется. Мѣстное производство составляютъ ливанскія шелковыя матеріи и шерстяныя ткани изъ Бейрута. Въ Іерусалимѣ не существуетъ оптоваго производства чего-либо, все производится кустарнымъ способомъ.

Послѣ полудня на улицахъ царитъ мертвая тишина. Передъ арабскими кофейнями расположилось нѣсколько посѣтителей молчаливо играющихъ въ шашки. Тутъ собралось все мѣстное общество въ пеструю группу. Никто изъ нихъ не занятъ чтеніемъ газетъ, такъ какъ такой не полагается. Городская газета устная, извѣстія передаются однимъ лицомъ другому и такимъ первобытнымъ способомъ обходятъ весь городъ.

Прибытіе желѣзнодорожнаго поѣзда составляетъ одно изъ выдающихся развлеченій. Желѣзная дорога проходитъ вблизи самыхъ древнихъ зубчатыхъ городскихъ стѣнъ. Желѣзнодорожное полотно видно на очень далекое разстояніе, и прибытіе поѣзда ожидается массой народа слѣдящаго за его бѣгомъ по рельсамъ. Обыкновенно собираются у Яфскихъ воротъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ уединенно стоитъ башня Давида. Большинство туземцевъ сидятъ въ двухъ арабскихъ кофейняхъ, балконы которыхъ выходятъ на дорогу, и съ нескрываемымъ любопытствомъ разглядываютъ прибывающихъ съ поѣздомъ направляющихся въ городъ.

Прибытіемъ поѣзда заканчивается день іерусалимскаго населенія. Лавки закрываются одна за другой, и вся разнородная толпа расходится по домамъ. Погонщики верблюдовъ собираютъ своихъ живо ныхъ и направляются со звономъ бубенчиковъ по окрестнымъ сел ніямъ. Каменщики, плотники, землекопы укрываются на ночь древнихъ еврейскихъ могилахъ высѣченныхъ въ скалахъ нѣсколь тысячелѣтій назадъ, гдѣ они разводятъ костры чтобы избѣжать ск пленія влажнаго воздуха въ этихъ глубокихъ колодцахъ. Больши ство іерусалимскихъ рабочихъ христіане, жители округа. Они во вращаются домой только по субботамъ чтобы пробыть воскресеніе

семейномъ кругу и затѣмъ вернуться въ понедѣльникъ въ городъ. Пища этихъ тружениковъ очень скудна, но они ею довольствуются. Огурецъ, сырые томаты, горсть маслинъ и лепешки изъ маисовой муки, въ этомъ заключается вся ихъ ѣда.

Сумерки продолжаются очень недолго, и ночь наступаетъ почти мгновенно. Улицы не освѣщаются и ходить по нимъ ночью даже не безопасно. Начиная съ восьми часовъ вечера сторожа, суданскіе Негры, которымъ торговцы поручаютъ охрану своихъ лавокъ, зажигаютъ маленькіе костры на тротуарахъ и обходятъ улицу съ огромною дубиной въ рукахъ. Время отъ времени они перекликаются и будятъ ночную тишину свистомъ. До утра городъ находится въ ихъ полномъ владѣніи. Особенность Іерусалима бродячіе собаки которыхъ тамъ кажется больше чѣмъ въ какомъ-либо турецкомъ городѣ. Онѣ бродятъ по улицамъ отдѣльными стаями; иногда между ними происходятъ битвы, и не знаешь куда скрыться отъ освирѣпѣвшихъ животныхъ, обыкновенно довольно смирныхъ, которыя въ это время готовы разорвать все что только попадется имъ на пути.

Съ восходомъ солнца суданскіе сторожа куда-то исчезаютъ, городъ понемногу просыпается, и начинается ежедневная сутолока на базарахъ ничѣмъ не отличающаяся отъ предыдущаго дня.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Современная Болгарія.

Болгарія и Болгары. Н. Овсянаго, дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго общества.—Съ картою Балканскаго полуострова.—Издано при содѣйствіи Военно-Ученаго комитета главнаго штаба. С.-Петербургъ. 1900.

Въ эпоху страстныхъ мечтаній „объ увѣнчаніи зданія“ у насъ безпрерывно раздавались горькія сѣтованія на то что „Россія до сихъ поръ еще не имѣетъ учрежденія которымъ можетъ гордиться подвластная ей Финдляндія и освобожденная ею Болгарія“. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, и на основаніи пережитаго мы можемъ уже судить о тѣхъ благахъ которыя далъ Болгарамъ „правовый порядокъ“.

Несомнѣнно, говоритъ г. Овсяный, что Тырновская конституція была слишкомъ либеральной и оказалась не по плечу болгарскому народу въ огромномъ большинствѣ даже безграмотному. Призванный къ выборамъ своихъ представителей-депутатовъ народнаго собранія онъ неминуемо долженъ былъ попасть въ руки демагоговъ, обѣщавшихъ ему чуть ли не освобожденіе отъ налоговъ. Безграничная свобода печати тоже была зломъ, такъ какъ посредствомъ ея можно было прививать вредныя идеи народу и въ особенности учащейся молодежи. Зависимость министровъ отъ партій и всѣхъ мѣстъ на государственной службѣ отъ министровъ вела къ тому что каждый министръ долженъ былъ заполнять всѣ мѣста своими партизанами, это обостряло борьбу партій и вело къ чрезмѣрному развитію чиновничества...

Скоро день выбора депутатовъ въ народное собраніе пре тился въ какую-то общественную оргію, гдѣ дается широкая своб всѣмъ низкимъ страстямъ и въ особенности личной мести и дѣло нерѣдко доходитъ до самыхъ возмутительныхъ насилій и д до убійствъ. При крайне невысокомъ умственномъ уровнѣ изб

телей посылаемые ими въ парламентъ депутаты также не отличались высокими качествами ума и сердца.

Во внутренней политикѣ, говоритъ г. Овсяный, господствуютъ жесточайшія партійныя страсти и всякаго рода интриги которыя кишатъ на востокѣ. Софія это настоящій котелъ колдуній. Кто имѣлъ случай прожить нѣсколько лѣтъ сряду въ мѣстномъ политическомъ обществѣ, тотъ всю жизнь свою будетъ чувствовать кошмаръ при воспоминаніи объ этой ядовитой кухнѣ.

Какъ же отразилась вся эта игра въ парламентаризмъ на экономической жизни болгарскаго народа? Что̀ дала ему конституція? На эти вопросы мы находимъ у г. Овсянаго нѣсколько поучительныхъ отвѣтовъ.

Какъ можно заключить, сообщаетъ авторъ, изъ описаній путешественниковъ и разказовъ современниковъ, Болгары страдали отъ своего безправія передъ мусульманами, отъ злоупотребленій турецкихъ чиновниковъ и отъ нападеній разбойничьихъ шаекъ, преимущественно черкесскихъ. Но собственно бремя налоговъ, при богатствѣ почвы и благопріятномъ климатѣ, не было тяжело для нихъ. Притомъ же вся торговля и ремесла находились въ рукахъ Болгаръ. Все это создавало извѣстный уровень благосостоянія которымъ пользовался всякій Болгаринъ. „Подневольный болгарскій полякъ“, читаемъ мы у автора цитуемой книги, „питался въ сущности гораздо лучше нашего свободнаго мужика! За столомъ у Болгарина было мясо и вино“. При такихъ условіяхъ, казалось бы, „правовый порядокъ“ долженъ былъ обезпечить мирное развитіе страны, спасти населеніе ея отъ произвола и всевозможныхъ вымогательствъ, словомъ, поднять уровень народнаго благосостоянія на недосягаемую высоту. Выселеніе Турокъ изъ Болгаріи и продажа ими земель по необыкновенно низкимъ цѣнамъ должны были еще болѣе способствовать достиженію этого.

И всѣ эти блестящія надежды не оправдались даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Вмѣсто ожидаемаго благосостоянія на долю болгарскаго народа выпали нищета и разореніе. „Прежде мясо и „винко“ вовсе не были рѣдкимъ явленіемъ за народнымъ столомъ, теперь же поселянинъ принужденъ довольствоваться черным хлѣбомъ и „чушкой“ (зеленымъ перцемъ); мясо онъ видитъ только въ [...]льшіе праздники“. Правда, на такое обѣднѣніе Болгаріи имѣли [...]іяніе нѣсколько неурожайныхъ лѣтъ, но развѣ при турецкомъ [...]сподствѣ всегда бывали урожаи? Обезцѣненіе хлѣба подъ вліяніемъ [...]зилившейся конкуренціи Америки сказалось, конечно, и на Болга[...]іи, но сваливать всю вину на сельскохозяйственный кризисъ все [...]е нѣтъ никакой возможности.

Разореніе страны должно быть приписано, главнымъ образомъ,

„правовому порядку“. Съ одной стороны мечты о національномъ величіи, съ другой желаніе многихъ лицъ стоящихъ у власти половить рыбу въ мутной водѣ, повели къ широкимъ тратамъ на желѣзныя дороги и шосейные пути, постройки большихъ зданій, украшенія городовъ и т. п. Пришлось прибѣгать ко внѣшнимъ займамъ на самыхъ тяжелыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, пришлось увеличивать налоги, подрывая платежныя силы населенія.

Главною статьею прямыхъ налоговъ въ Болгаріи, по словамъ г. Овсянаго, служитъ *десятина* ($^1/_{10}$ часть валоваго сбора съ полей). Турки отдавали сборъ ея на откупъ разнымъ лицамъ позволявшимъ себѣ при взиманіи налога всевозможныя злоупотребленія, и потому этотъ налогъ былъ особенно ненавистенъ народу. Русское окупаціонное управленіе отмѣнило его „навсегда“ и замѣнило поземельною податью. Но въ 1880 году десятинный налогъ снова былъ введенъ болгарскимъ правительствомъ съ переложеніемъ сбора натурою на деньги. Съ 1889 по 1892 годъ десятина опять собиралась натурою; затѣмъ была переложена на деньги, а въ 1899 году вновь возстановленъ сборъ натурою. Такимъ образомъ народные представители Болгаріи ничего не могли придумать лучшаго какъ возвращеніе къ самымъ ненавистнымъ порядкамъ турецкаго ига.

Что-же удивительнаго что и болгарскій народъ прибѣгаетъ къ тѣмъ-же формамъ протеста противъ взиманія этого налога, къ которымъ онъ привыкъ прибѣгать во времена турецкаго господства, то-есть, къ бунтамъ требующимъ усмиренія державнаго народа военною силою.

Перейдемъ къ государственнымъ долгамъ Болгаріи. Русское окупаціонное управленіе оставило болгарскому правительству $15^1/_2$ миліоновъ левовъ сбереженій. Однако, вскорѣ въ государственномъ бюджетѣ Болгаріи начали появляться дефициты, а затѣмъ пришлось прибѣгнуть и къ займамъ. Еще въ 1886 году сумма всѣхъ долговъ Болгаріи равнялась только 26 миліонамъ, а въ 1896 году эта цифра возвысилась уже до 161 мил. левовъ. Вотъ результаты „правоваго порядка“ о которомъ такъ страстно мечтали! Результаты, нужно сознаться, довольно поучительные.

Довольно извѣстный болгарскій журналистъ, Ризовъ, считаетъ болгарскую конституцію необходимою для установленія прочны сердечныхъ отношеній съ Россіей.

Тяготѣющая къ Россіи внѣшняя политика, говоритъ он народится въ тѣсной зависимости отъ конституціонной свободы Болгаріи. Иначе говоря: есть у насъ конституція и свобода, буде и внѣшняя политика тяготѣть къ Россіи, потому что народъ нал жить свои руссофильскіи чувства на правителей, нѣтъ у насъ г

ституцiи и свободы, внѣшняя наша политика непремѣнно будетъ тяготѣть къ Австрiи, ибо симпатiи князя находятся на сторонѣ Австрiи...

Теоретически это, пожалуй, совершенно справедливо, но на практикѣ мы видимъ что балканскiя конституцiи нисколько не мѣшаютъ самовластной и авантюристской политикѣ Милановъ, Стамбуловыхъ и т. д., не только отдаляющей эти страны отъ Россiи, но даже ставящей ихъ въ явно-враждебныя отношенiя къ ней.

Въ книгѣ г. Овсянаго, кромѣ описанiя современнаго положенiя Болгарiи, мы находимъ еще обстоятельные историческiй и географическiй обзоры этой страны, статистическiя и этнографическiя свѣдѣнiя, очеркъ положенiя литературы, науки и искусства. Особое вниманiе удѣлено авторомъ организацiи военныхъ силъ Болгарiи. Къ книгѣ приложена прекрасная карта Балканскаго полуострова. Вообще, по внѣшности, изданiе не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Враги сельскаго хозяйства.

Министерство Земледѣлiя и Государственныхъ Имуществъ.—Департаментъ Земледѣлiя.—Хлѣбный комарникъ или гесенская муха и шведская муха.—Жуки повреждающiе дерево въ складахъ Туркестанскаго края и способы ихъ уничтоженiя. Н. Н. Соколова. С.-Петербургъ. 1900.

Наряду съ такими крупными бичами русскаго сельскаго хозяйства, какъ, напримѣръ, засухи, ему вредятъ еще маленькiе враги: различные жучки, мухи и комарики ежегодно опустошающiе многiя тысячи десятинъ посѣвовъ, наносящiе сельскому хозяйству громадный ущербъ. Борьбѣ съ этими врагами сельскаго хозяйства Министерство Земледѣлiя и Государственныхъ Имуществъ отвело видное мѣсто въ своей дѣятельности. Оно командируетъ ученыхъ специалистовъ для борьбы съ этими насѣкомыми и затѣмъ дѣлится добытыми данными съ сельскими хозяевами въ небольшихъ брошюрахъ которымъ дается весьма широкое распространенiе. На нѣкоторыхъ изъ ихъ брошюръ мы уже останавливались въ свое время, теперь последняя брошюра Департамента Земледѣлiя посвящена гесенской и шведской мухамъ.

Гесенская муха вредитъ пшеницѣ, ржи, ячменю и рѣже овсу. Личинки гесенской мухи пробуравливаютъ стебель и сосутъ изъ его сокъ. Пораженный стебель или погибаетъ совсѣмъ, или-же надламывается на мѣстѣ поврежденiя, припадаетъ къ землѣ и при дальнѣйшемъ ростѣ становится колѣнчатымъ и скручивается. По-

страдавшіе стебли хотя и даютъ колосъ, но послѣдній оказывается или пустымъ, или содержитъ недостаточно развитыя зерна.

Шведская муха также повреждаетъ рожь, пшеницу, ячмень и овесъ, находится она и на кукурузѣ. Въ теченіе года, смотря по условіямъ погоды и широтѣ мѣста, бываетъ отъ двухъ до пяти поколѣній. Охотнѣе всего шведская муха кладетъ свои яйца на самыя молодыя хлѣбныя растенія, но не рѣдко личинокъ ея находятъ и на растеніяхъ болѣе взрослыхъ. Хотя шведская муха нападаетъ на различныя хлѣбныя растенія, она, повидимому, предпочитаетъ ячмень и именно тѣ сорта его которые развиваются весьма медленно и нескоро созрѣваютъ. За ячменемъ уже слѣдуетъ овесъ, рожь и пшеница; на сѣверѣ овесъ повреждается болѣе, на югѣ менѣе.

Посѣвы пораженные шведскою мухой начинаютъ желтѣть и засыхать, образуются пожелтѣвшіе, почернѣвшіе или поросшіе сорными травами участки. При изслѣдованіи еще не засохшихъ растеній, говоритъ авторъ, можно убѣдиться что не смотря на здоровый внѣшній видъ ихъ и обильное количество зеленѣющихъ листьевъ растенія эти представляютъ слѣдующую особенность: центральный листъ ихъ пожелтѣлъ и погибаетъ или уже совершенно засохъ и сгнилъ: если больное растеніе расщепить, то внутри его сердцевины и покровнаго листа, въ томъ мѣстѣ гдѣ находится бѣлый пирамидальный зачатокъ молодаго колоса, можно найти бѣловатую личинку или ложный коконъ шведской мухи, часто каналъ выгрызенный личинкой продолжается довольно далеко въ молодой колосовой стебелекъ.

Пораженіе шведскою мухой вызываетъ какъ у ячменя, такъ и у овса чрезвычайно сильное кущеніе, но побѣги пораженнаго куста отличаются весьма слабымъ развитіемъ, однако въ случаѣ избытка влаги эти тощіе побѣги выкидываютъ метелку, такъ что овесъ и ячмень при благопріятныхъ условіяхъ могутъ дать еще хорошій урожай, при условіяхъ-же неблагопріятныхъ шведская муха наноситъ весьма чувствительный уронъ. Насколько вообще великъ убытокъ земледѣлія отъ вредныхъ насѣкомыхъ авторъ доказываетъ слѣдующимъ подсчетомъ:

Высѣвая на десятину 9 пудовъ ржи, говоритъ онъ, мы бр емъ въ землю 4.680.000 зеренъ. Принимая что половина зе пропадаетъ отъ несовершенства посѣва, истребленія птицами и т. а другая половина дастъ только по два колоса съ 20 зернами, должны были бы получить урожай въ 93.600.000 зеренъ или ок 180 пудовъ. А мы получаемъ много много 80—100 пуд., осталь пропадаетъ для насъ безслѣдно, составляя, какъ показали набл нія, главнымъ образомъ пищу различныхъ вредныхъ насѣкомы

При такихъ условіяхъ найти вѣрное средство для борьбы съ вредными насѣкомыми безусловно необходимо. Въ частности по отношенію къ гесенской и шведской мухамъ борьба можетъ вестись слѣдующими средствами: 1) запашкою жнивья послѣ уборки хлѣбовъ; 2) отсрочкою посѣвовъ озимой ржи и 3) устройствомъ приманочныхъ посѣвовъ. Къ первымъ двумъ мѣрамъ авторъ брошюры относится отрицательно, третью же онъ считаетъ наиболѣе цѣлесообразною, по крайней мѣрѣ, для сѣверной части средней Россіи. Приманочные посѣвы должны, по его словамъ, служить ловушкой для вреднаго насѣкомаго, приманить его къ себѣ и отвлечь отъ нападенія на другія поля. „Своевременно и тщательно устроенный приманочный посѣвъ вполнѣ достигаетъ цѣли, и при помощи его можно скоро и вѣрно истребить вредное насѣкомое при сравнительно небольшихъ затратахъ". Подробному описанію этого способа борьбы отведено въ брошюрѣ видное мѣсто.

Жучки, комарики и мухи вредятъ не однимъ только хлѣбнымъ посѣвамъ. Въ Туркестанскомъ краѣ, напримѣръ, въ складахъ различныхъ предметовъ, принадлежащихъ артилерійскому вѣдомству, въ послѣдніе годы появились насѣкомыя которыя сильно повредили постройки и деревянные предметы хранящіеся въ этихъ складахъ. Въ Маргеланѣ были уничтожены сотни ящиковъ для зарядовъ, тамъ же пришлось заново перекрыть амбары, наконецъ, порчѣ подвергалось и дерево въ сыромъ, необработанномъ еще видѣ. Само собою понятно что эти насѣкомыя могутъ вредить постройкамъ и матеріаламъ не только военнаго вѣдомства, но и нанести вредъ мѣстному сельскому хозяйству. Такимъ образомъ, вопросъ о борьбѣ съ этими насѣкомыми получаетъ болѣе общее и важное значеніе. Описанію жучковъ портящихъ дерево въ Туркестанскомъ краѣ и средствамъ борьбы съ ними г. Соколовъ посвятилъ особую брошюру, въ которой рекомендуетъ продолжительное окуриваніе деревянныхъ предметовъ сѣрнистымъ углеродомъ и пропитываніе дерева предназначеннаго для построекъ хлористымъ цинкомъ.

Консульскія донесенія.

...нистерство Иностранныхъ Дѣлъ. Сборникъ консульскихъ донесеній. Годъ третій. Выпускъ VI. 1900. С.-Петербургъ. 1900 г.

Было время, и время сравнительно еще недавнее, когда въ сво...дной конкуренціи видѣли чуть ли не панацею ото всѣхъ экономи...скихъ бѣдъ и напастей, разчитывали что конкуренція обезпе-

чить потребителю возможность пользоваться всѣми продуктами производства по доступнымъ цѣнамъ, что она уменьшитъ черезчуръ высокіе дивиденды предпринимателей, что она будетъ содѣйствовать повышенію цѣнъ на трудъ и т. д. Однако, предприниматели слишкомъ скоро поняли всѣ невыгоды свободной конкуренціи для себя и поспѣшили сложиться въ могущественные союзы устраняющіе всякую тѣнь конкуренціи, дѣлающіе ее совершенно безвредною. Съ каждымъ днемъ эти предпринимательскіе союзы развиваются все шире, принимаютъ все болѣе грозные размѣры. Это движеніе отражающееся во всѣхъ странахъ міра, нигдѣ, однако, не достигло такихъ внушительныхъ размѣровъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

Не мудрено что она первая и обратила вниманіе на угрожающую опасность и начала искать средство для устраненія ея. Нѣкоторые штаты, какъ доноситъ 1-й секретарь нашего посольства въ Вашингтонѣ г. де-Волланъ, уже выработали законъ воспрещающій всякія соглашенія имѣющія цѣлію монополизовать извѣстную отрасль промышленности; законъ этотъ остался, однако, мертвою буквою, такъ какъ союзы, несмотря на запрещенія, всетаки продолжаютъ существовать. Наконецъ, центральное правительство Американской республики поручило разсмотрѣніе вопроса о пользѣ и вредѣ синдикатовъ особой промышленной комисіи *Industrial Commission*, которая и выпустила недавно въ свѣтъ свой отчетъ въ 1600 страницъ. Однако комисія не пришла къ окончательному рѣшенію вопроса и только въ своемъ заключеніи ограничилась указаніемъ на полезныя и вредныя стороны синдикатовъ.

Выгодныя стороны синдикатовъ, по мнѣнію комисіи, заключаются въ слѣдующемъ:

Закрывая фабрики находящіяся въ неблагопріятныхъ условіяхъ производства и сосредоточивая послѣднее въ наиболѣе выгодныхъ пунктахъ, союзы достигаютъ большаго сбереженія капитала и труда и значительнаго его удешевленія. Соперничество порождаетъ между тѣмъ совершенно непроизводительные расходы на комисіонеровъ, на публикаціи, на содержаніе излишняго состава служащихъ и рабочихъ и проч. Открывая фабрики въ наиболѣе выгодныхъ пу... тахъ производства, союзы избавляются отъ излишнихъ расходовъ перевозку товаровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они пріобрѣтаютъ возможнс пользоваться новѣйшими изобрѣтаніями и патентами.

Дальнѣйшія выгоды союзовъ комисія усматриваетъ въ томъ ч при синдикатномъ веденіи дѣла является возможность сосредоточи дѣло въ рукахъ одного директора при уменьшенномъ составѣ с жащихъ, что въ свою очередь даетъ возможность поставить во гла

предпрiятiя человѣка съ лучшими организаторскими способностями. Наконецъ, распоряженiе объединенными капиталами даетъ союзамъ значительныя преимущества передъ отдѣльными лицами въ общемъ веденiи дѣла.

Въ этихъ выгодахъ никогда и никто не сомнѣвался, но эти выгоды исключительно предпринимателей ничего общаго съ интересами населенiя не имѣютъ. Взглянемъ теперь на тѣ невыгоды которыя указываетъ промышленная комисiя въ своемъ заключенiи.

Значительное число служащихъ, говоритъ она, лишаются при образованiи синдикатовъ своего естественнаго заработка. Соперничество между крупнымъ и мелкимъ производствомъ ведетъ къ гибели послѣдняго. При этомъ болѣе сильный противникъ, не разбирая зачастую средствъ для борьбы, прибѣгаетъ иногда къ подкупу и другимъ неблаговиднымъ средствамъ. Цѣны на товары увеличиваются. „Спекуляцiя искусственно поднимаемыми цѣнностями и чрезмѣрно широкая капитализацiя“ приносятъ вредъ публикѣ. Далѣе указывается на то что неправильныя дѣйствiя желѣзнодорожныхъ компанiй оказывающихъ ничѣмъ не оправдываемыя покровительства синдикатамъ приносятъ крупный вредъ. Наконецъ, монопольный характеръ синдикатовъ вообще дѣйствуетъ вредно на характеръ промышленнаго развитiя.

Для всякаго безпристрастнаго человѣка приведенныхъ фактовъ было бы вполнѣ достаточно чтобы высказаться самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ промышленныхъ союзовъ, но комисiя не дѣлала этого, а въ этомъ можно усмотрѣть еще одну вредную сторону синдикатовъ, благодаря своимъ громаднымъ средствамъ, прiобрѣвшихъ слишкомъ сильное влiянiе не только на различныя комисiи, но и на органы законодательной и исполнительной власти въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ своемъ интересномъ донесенiи *Телефонная практика въ Швецiи* второй секретарь нашей миссiи въ Стокгольмѣ г. Меккъ даетъ нѣсколько очень интересныхъ свѣдѣнiй о положенiи телефоннаго дѣла въ Швецiи. Эта маленькая страна заброшенная на глухомъ сѣверѣ по развитiю телефонной сѣти далеко опередила всѣ наиболѣе цивилизованныя страны мiра. Въ самомъ дѣлѣ, въ Стокгольмѣ, гдѣ едва насчитывается 300.000 жителей, дѣйствуетъ 31 тысяча телефонныхъ апаратовъ, тогда какъ въ громадномъ Лондонѣ, съ 4.400.000 жителей, ихъ всего только 20.500, то-есть, въ полтора раза меньше. Вообще, въ наиболѣе крупныхъ городахъ Европы и Америки на 10.000 жителей приходится телефонныхъ апаратовъ: въ Лондонѣ 47, въ Парижѣ 71, въ Чикаго 100, въ Нью-Йоркѣ 150, въ Берлинѣ 218, въ Санъ-Франциско 485, а въ Стокгольмѣ 1.030. Го-

воря другими словами, въ столицѣ Швеціи одинъ телефонный аппаратъ приходится на 10 жителей, или изъ каждыхъ двухъ семействъ одно оказывается пользующимся телефономъ.

Въ чемъ же таится успѣхъ телефоннаго дѣла въ Швеціи? Первые телефоны появились въ странѣ въ 1880 году, когда компанія Белля получила разрѣшеніе на эксплоатацію новаго изобрѣтенія въ Стокгольмѣ. Дѣла этого предпріятія шли, однако, не блестяще; слишкомъ высокая абонементная плата (280 кронъ въ годъ) и несовершенство техническихъ приспособленій удержали публику отъ пользованія телефономъ. Просуществовавъ лѣтъ десять, компанія Белля оказалась вынужденой уступить мѣсто болѣе сильному противнику, *Всеобщей телефонной компаніи* основанной въ 1883 году. Позднѣе во всей Швеціи появилось множество мелкихъ телефонныхъ предпріятій, наконецъ, за устройство телефоновъ взялось и само шведское правительство. Послѣднему удалось поглотить мелкія предпріятія, но оно оказалось безсильнымъ въ борьбѣ со *Всеобщей компаніей*, несмотря на то что за казенный телефонъ назначается болѣе низкая плата, и онъ даетъ возможность телефонировать непосредственно не только почти во всѣ города Швеціи, но и въ Данію и Норвегію.

Это странное явленіе г. Меккъ объясняетъ совокупностью мелочей на которыя обращено большое вниманіе въ частныхъ обществахъ: быстрѣе исполняется попорченный телефонъ, разговоръ слышенъ отчетливѣе и проч.

Въ техническомъ отношеніи Швеція также много сдѣлала для усовершенствованія телефонной сѣти. Большинство проводовъ въ Швеціи двойные, что представляетъ значительныя преимущества. Съ 1891 года какъ казенный телефонъ, такъ и частные стараются замѣнить воздушные проводы подземными которые составляютъ нынѣ до $^2/_3$ общаго протяженія сѣти.

Вообще люди близко знакомые съ дѣломъ признаютъ что необыкновенно быстрое развитіе шведской телефонной сѣти всецѣло обязано заслугамъ частныхъ обществъ, свободная конкуренція которыхъ и привела къ быстрому размноженію и техническому усовершенствованію телефоновъ. Заслуги же правительства проявились въ томъ что дѣла частныхъ предпринимателей оно ничѣмъ не тормазило и лишь впослѣдствіи, когда задача о переговорахъ на да[...]нія разстоянія была удовлетворительно разрѣшена, вступила съ [...]ми въ равноправную конкуренцію. При этомъ оно твердо усво[...] себѣ взглядъ что высокая плата вредитъ дѣлу и, не колебля[...] установило самыя низкія цѣны. Нынѣ плата за пользованіе теле[...]номъ колеблется между 36 и 80 кронами въ годъ въ зависи[...] отъ представляемыхъ удобствъ и преимуществъ. Несмотря на [...]

низкую плату, телефоны все же даютъ шведскому правительству довольно крупный доходъ. Вотъ гдѣ намъ слѣдовало бы искать примѣра для себя!

Земство и народное образованіе.

А. А. Савельевъ. Очеркъ развитія народнаго образованія въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ связи съ характеристикой его положенія въ Россіи передъ введеніемъ земскихъ учрежденій. Нижній-Новгородъ. 1900.

Отчетъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ Яранскаго уѣзда, Вятской губерніи, за 1898—99 учебный годъ. Вятка. 1900.

Книжка г. Савельева появилась на свѣтъ не совсѣмъ случайно, составлена она была по порученію Нижегородскаго училищнаго совѣта для всемірной выставки въ Парижѣ съ переводомъ на французскій языкъ и съ французскою картой. „По независящимъ отъ автора причинамъ", для парижской выставки были напечатаны лишь двѣ послѣднія главы, да и то съ сокращеніями и притомъ безъ таблицъ и карты. Теперь трудъ г. Савельева является въ своемъ первоначальномъ видѣ, вполнѣ заслуживающемъ того чтобы остановиться на немъ. Посмотримъ же на тѣ результаты которыхъ достигло Нижегородское уѣздное земство за 35 лѣтъ.

Въ 1865 году въ Нижегородскомъ уѣздѣ считалось 65 земскихъ школъ; въ 1898 году количество ихъ увеличилось до 107, говоря другими словами, число ихъ возросло съ небольшимъ въ полтора раза. Между тѣмъ въ 1865 году на земскія школы тратилось 31.410 руб., а въ 1898 году расходъ этотъ слишкомъ упятерился и достигъ 159.430 рублей. Результатъ нѣсколько странный. Еще страннѣе что средняя стоимость одного учащагося возрасла за то же время съ 2 руб. 35 коп. до 8 руб. 3 коп., за то каждому сельскому жителю Нижегородскаго уѣзда приходилось расходовать на содержаніе земскихъ школъ въ 1865 году только 4 копѣйки, а въ 1898 году уже 25 копѣекъ. Вообще на народообразовательныя нужды Нижегородское земство тратило въ 1897 и 1898 году 29% своего бюджета. Цифра ...ладная; но чѣмъ же оправдывается она? Глубокимъ сознаніемъ ...одымъ пользы образованія?.

Съ этимъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности согласиться. ...самомъ дѣлѣ, каждый родитель дорожащій образованіемъ своего ...на или своей дочери непремѣнно постарается провести ихъ черезъ ...ь школьный курсъ. Поступаютъ ли такъ родители въ Нижегород...мъ уѣздѣ? На этотъ вопросъ приходится дать вполнѣ отрица...ный отвѣтъ, такъ какъ изъ статистическихъ таблицъ, приводи-

мыхъ г. Савельевымъ, видно что изъ ста учащихся въ 1897—1898 году 67 бросили школу до окончанія школьнаго курса. Если же взять въ частности дѣвочекъ, то мы увидимъ что $^5/_6$ ихъ бросаютъ школу до окончанія курса и только $^1/_6$ оканчиваетъ его. Все это, конечно, не доказываетъ чтобы нижегородское населеніе особенно сочувствовало земскимъ народообразовательнымъ стремленіямъ.

Есть другой еще болѣе вѣрный показатель отношенія крестьянскаго населенія къ народному образованію. Это размѣръ тѣхъ пособій которыя асигнуются сельскими обществами на школьныя нужды. Въ 1898 году сельскими обществами Нижегородскаго уѣзда въ помощь земству было асигновано 10.270 руб., что̀ составляетъ приблизительно 15% затратъ земства. Фактъ этотъ также не доказываетъ большаго сочувствія населенія къ широкимъ тратамъ земства въ школьномъ дѣлѣ.

На какія же средства земство благодѣтельствуетъ школами крестьянское населеніе? На этотъ вопросъ г. Савельевъ даетъ очень любопытный отвѣтъ:

По смѣтѣ на 1898 годъ весь расходъ земства, за исключеніемъ расходовъ изъ спеціальныхъ средствъ (проценты со спеціальныхъ капиталовъ и пр.), опредѣлился суммой въ 167.280 руб. 14 коп., которые покрывались суммой въ 88.806 руб. 17 коп. полученной сборами съ торговли и промысловъ (преимущественно въ Нижнемъ-Новгородѣ), разныхъ зачетовъ и остатковъ отъ предыдущихъ смѣтъ и пр., и 78.472 руб. 30 коп. полученныхъ путемъ обложенія имуществъ принадлежащихъ частнымъ лицамъ, обществамъ и казнѣ, въ равныхъ доляхъ съ оцѣночнаго рубля этихъ имуществъ. Эти 78.472 рубля съ приложеніемъ къ нимъ 3.392 руб. 68 коп., вносимыхъ въ смѣту на случай недобора или какихъ-либо экстренныхъ расходовъ, взимались съ слѣдующихъ имуществъ: съ земель частныхъ владѣльцевъ оцѣненныхъ въ суммѣ 992.709 руб. 14 коп., съ земель принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ на сумму 2.539.245 руб. 49 коп., съ земель принадлежащихъ государству въ 1.702 руб. 76 коп., съ городскихъ земель стоимостью въ 46.284 руб. 40 коп., съ разныхъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ уѣздѣ, оцѣненныхъ въ 456.981 руб. 55 коп., и съ имуществъ принадлежащихъ жителямъ въ Нижнемъ - Новгородѣ съ оцѣнкою въ 7.633.257 руб. 70 коп.

Такимъ образомъ, крестьяне Нижегородскаго уѣзда участв.. въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ въ платежѣ земскихъ налоговъ расходы на народное образованіе производимые исключительно ихъ интересахъ поглощаютъ 29% всего земскаго бюджета.

Но нижегородскому земству нельзя не отдать справедливости томъ отношеніи что оно проводитъ эту нелѣпость съ изумител.. послѣдовательностью. Существуя на счетъ города Нижняго-Н..

рода, земство, по своей щедрости, отпускаетъ ему на городскія училища 1.600 руб., да на женскія учебныя заведенія 3.000 руб. въ годъ. Какая глубокая ненормальность проглядываетъ здѣсь въ отношеніяхъ между городомъ и уѣздомъ!

Отчетъ Яранскаго земства не блещетъ такимъ краснорѣчіемъ какъ нижегородскій, нѣтъ въ немъ картъ съ названіемъ нижегородскихъ деревень на французскомъ языкѣ, но по существу онъ почти ничѣмъ не отличается отъ перваго. Въ Яранскомъ уѣздѣ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, считается 75 школъ, на нихъ уѣзднымъ земствомъ тратится 69.392 руб., а сельскими обществами только 10.256 руб., что̀ наглядно показываетъ сдержанное отношеніе крестьянъ Яранскаго уѣзда къ начинаніямъ земства въ школьномъ дѣлѣ. Это подтверждается и количествомъ учащихся бросившимъ школы до окончанія курса. Изъ статистическихъ данныхъ приводимыхъ въ *Отчетѣ* видно что въ 1898 году въ училищахъ находящихся въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія окончило курсъ 802, а выбыло до окончанія курса 1.760. Эти факты не кажутся убѣдительными для Яранскаго земства, и въ видахъ расширенія школьной сѣти оно считаетъ необходимымъ открыть 54 новыхъ училища. Бѣда одна, для открытія новыхъ училищъ нѣтъ необходимыхъ денежныхъ средствъ. Но изъ этого затрудненія Яранское уѣздное земство нашло довольно остроумный выходъ: оно на каждое новое училище дастъ со своей стороны только по 100 руб., по 250 руб. должно дать губернское земство, а Министерство Народнаго Просвѣщенія должно прибавить отъ себя еще по 350 руб., такимъ образомъ, составится сумма въ 700 руб. необходимая для содержанія училища. Такимъ образомъ, Яранскому уѣздному земству пришлось бы расходовать 5.400 руб., губернскому земству 13.500 руб., а Министерству Народнаго Просвящения по 18.900 руб. въ годъ. Видно, народнообразовательныя затѣи становятся не по карману самимъ земствамъ, и гдѣ нельзя переложить затратъ на содержаніе училищъ на частновладѣльческія земли или на города, тамъ является стремленіе переложить эти расходы на счетъ государственнаго казначейства. Этимъ достигается и другая цѣль: является возможность обойти законъ о эдѣльности земскаго обложенія не только не сокращая, но даже эличивая расходы на начальное народное образованіе. Трудно даже эдсказать до какихъ геркулесовыхъ столбовъ можетъ довести наши эмства народнообразовательная манія. А вопросъ этотъ давно уже ставляетъ серіозно задуматься.

— —— —

Островъ Ява.

В. А. Короваевъ. Поѣздка на островъ Яву (впечатлѣнія натуралиста). Кіевъ. 1900.

Русская литература о тропическихъ странахъ вообще очень небогата и книгу г. Короваева нельзя не считать цѣннымъ вкладомъ въ нее. Это отчасти и понятно: авторъ отправился на островъ Яву съ научною цѣлію, подъ тропики его влекло, главнымъ образомъ, желаніе поработать въ лабораторіи города Бейтензорга, гдѣ среди богатѣйшей тропической природы въ прекрасно поставленной лабораторіи является возможность заниматься со всѣми тѣми удобствами къ которымъ привыкъ ученый въ Европѣ. Научныя изслѣдованія поглощали большую часть времени г. Короваева, и потому въ его книгѣ отведено не такъ много мѣста посѣщеннымъ имъ странамъ и ихъ населенію, какъ этого могъ бы желать читатель. Впрочемъ, и при этихъ условіяхъ въ разсматриваемой книгѣ есть немало интереснаго.

Островъ Ява равняется по пространству приблизительно половинѣ Италіи и насчитываетъ до 25 миліоновъ жителей. Изъ этого числа только 40,000 падаетъ на долю европейцевъ, кромѣ того, считается 16.000 Арабовъ и 250.000 Китайцевъ, но все это едва составляетъ одинъ процентъ общаго числа населенія, остальные же 99% составляютъ представители малайской расы которые въ свою очередь дѣлятся на три народности: Сунданезовъ, Яванцевъ и Малайцевъ, выходцевъ съ полуострова Малакки. Но уже съ древнѣйшихъ временъ на Явѣ происходило смѣшеніе съ самыми различными чужеземными пришельцами, такъ что о чистотѣ расы не можетъ быть и рѣчи. Въ нынѣшнее время смѣшенію расъ особенно содѣйствуютъ солдаты. Каждый солдатъ голандской колоніальной арміи, говоритъ г. Короваевъ, при желаніи беретъ себѣ „яванскую жену“ которая записывается въ особую книгу, считается его законною женой, пока онъ находится въ голандскихъ колоніяхъ, и получаетъ свободный доступъ въ казарму. Дѣвочки рождающіяся отъ такихъ браковъ становятся обыкновенно впослѣдствіи также солдатскими женами, а мальчики [illegible] ступаютъ въ вольную службу. Браки, нужно сознаться, не ли[illegible] оригинальности.

Къ своимъ покорителямъ Голандцамъ, да и ко всѣмъ в[illegible] европейцамъ туземное населеніе Явы относится съ глубокимъ по[illegible] ніемъ. Въ особенности строго это соблюдается вдали отъ город[illegible] въ глуши, гдѣ личность европейца пользуется еще большимъ [illegible] ніемъ. Въ менѣе посѣщаемыхъ мѣстностяхъ до сихъ пор[illegible]

мѣръ, сохранился еще слѣдующій обычай: туземки при встрѣчѣ съ европейцемъ, еще задолго до его приближенія, садятся на краю дороги на корточки и поворачиваются къ нему спиной; этимъ онѣ хотятъ выразить что не считаютъ себя достойными служить предметомъ вниманія со стороны пріѣзжаго. Впрочемъ, эта почтительность имѣетъ и свои неудобныя стороны. Ни одинъ туземецъ не согласится глубоко оскорбить европейца, заговоривъ съ нимъ на его родномъ языкѣ, такъ что европейцу приходится прибѣгать къ мимикѣ даже въ сношеніяхъ съ тѣми изъ туземцевъ которые свободно понимаютъ голандскій языкъ и могутъ объясняться на немъ. Завидная способность Голандцевъ умѣть установить такія отношенія къ туземцамъ! По вѣроисповѣданію Явацы мусульмане, но таковыми они являются чисто номинально: имъ совершенно не свойственenъ мусульманскій фанатизмъ.

Для насъ островъ Ява представляетъ тотъ интересъ что часть его чуть-чуть не сдѣлалась однимъ изъ нашихъ владѣній. Въ восьмидесятыхъ годахъ, когда политическія осложненія на Дальнемъ Востокѣ потребовали сосредоточенія тамъ значительныхъ русскихъ военныхъ силъ, туда была послана эскадра подъ командою вице-адмирала Лисовскаго. Во время стоянки адмирала на островѣ Суматрѣ къ нему обратились съ ходатайствомъ нѣкоторые изъ представителей одного изъ крупнѣйшихъ племенъ острова о принятіи этого племени въ русское подданство. Начались переговоры и всѣ документы относящіеся къ нимъ были представлены въ наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, которое отклонило это ходатайство на томъ основаніи что мы не находимся въ войнѣ съ Голандіей. При другомъ рѣшеніи дѣла мы могли бы стать твердою ногою въ Индійскомъ океанѣ и устроить себѣ въ немъ станцію, необходимость которой все сильнѣе начинаетъ чувствоваться съ каждымъ днемъ.

Г. Короваевъ сообщаетъ много и другихъ интересныхъ подробностей о туземномъ населеніи острова Явы, но мы на нихъ останавливаться не станемъ, такъ какъ наши читатели могутъ найти всѣ эти свѣдѣнія въ обстоятельныхъ письмахъ г. Бакунина изъ Батавіи подъ названіемъ *Тропическая Голандія* печатавшихся въ *Русскомъ Вѣстникѣ* въ 1895—1898 годахъ.

Англо-Бурская война.

Англо-Бурская война и русская преса. Британца. С.-Петербургъ. 1900.

Безукоризненно изданная, вполнѣ изящная по внѣшности брошюра г. Британца смѣло можетъ быть названа крупнымъ явленіемъ

въ русской литературѣ. По крайней мѣрѣ, намъ никогда еще не приходилось видѣть на пространствѣ 60 страницъ столько лжи, инсинуацій, грязной клеветы, бездарности и жалкихъ претензій на остроуміе. Г. Британецъ задается цѣлію оправдать жестокую войну въ Южной Африкѣ; но факты слишкомъ сильно, слишкомъ краснорѣчиво говорятъ противъ Англіи, и автору остается только лгать, лгать безъ конца, что̀ онъ и дѣлаетъ на каждой строчкѣ. Голандскія республики въ Южной Африкѣ обвиняются въ рабовладѣльчествѣ, въ стремленіи подавить и заглушить свободу, въ угнетеніи „несчастныхъ“ Англичанъ, вѣрнѣе отбросовъ Англіи бросившихся въ далекій край на поиски золота. На президента Крюгера, встрѣчающаго теперь самый радушный пріемъ во всѣхъ странахъ Европы, какъ градъ сыплются укоры въ подкупности, въ жадности, въ продажности.

Но интереснѣе всего слѣдующія строки:

Симпатіи многихъ къ Бурамъ можно отнести не только къ тому что маленькій народецъ вызвалъ на кровавый бой великую державу, но и къ ненависти питаемой къ Великобританіи и основанной на невѣрныхъ историческихъ данныхъ или *на злобной зависти къ ея величію*.

Чему же, спрашивается, завидовать? „Удачному“ командованію адмирала Сеймура соединеннымъ отрядомъ при походѣ въ Пекинъ, или „блестящимъ“ подвигамъ англійскихъ генераловъ въ Южной Африкѣ?

А вотъ примѣръ остроумія г. Британца. Въ Саратовѣ явилась мысль высказать свое несочувствіе Великобританіи отказомъ отъ покупки англійскихъ товаровъ. Г. Британецъ совѣтуетъ не останавливаться на этомъ, а во-первыхъ, отказаться, не временно лишь, но и навсегда, для себя и для потомства, отъ англійской болѣзни... но сохранить въ употребленіи *англійскую соль* и *англійскую горькую*, какъ желудочныя средства... Въ прежнее время подъ картинками извѣстнаго достоинства дѣлали надпись „се левъ, а не собака“, подъ приведенными же строками слѣдовало бы сдѣлать примѣчаніе: „по мнѣнію автора, это очень остроумно“, а то никто объ этомъ не догадается. Впрочемъ, можно обойтись и безъ этого примѣчанія, такъ какъ, по присущей людямъ брезгливости, немногіе дочитаютъ брошюру г. Британца до 55 страницы на которой находятся эти перлы „остроумія“.

Библіографическія мелочи.

Вавилоняне. Романъ кн. Д. П. Голицына (Муравлина). Спб. Изданіе А. С. Суворина, 1901.

Романъ этотъ уже извѣстенъ читателямъ *Русскаго Вѣстника*, такъ какъ печатался въ прошломъ году на страницахъ журнала. Теперь онъ выпущенъ г. Суворинымъ отдѣльнымъ томикомъ въ изящномъ изданіи.

С. Н. Сигма. Петербургскіе негативы. Съ предисловіемъ И. П. Плаксы-Пискунчикова. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1901.

Книжка представляетъ собой рядъ сатирическихъ очерковъ изъ жизни петербургскаго общества и бюрократіи. Очерки написаны бойко, талантливо и не безъ знанія того свѣта который описываетъ г. Сигма, но имъ вредитъ желаніе автора быть остроумнымъ во что бы то ни стало. Вдобавокъ остроуміе это не оригинальное, а подражательное: желаніе поддѣлаться подъ Салтыкова сквозитъ въ каждой фразѣ книги, даже въ заглавіяхъ отдѣльныхъ очерковъ („Юный упразднитель“, „Ваничкина эволюція“). Но если огромный талантъ автора „Господъ Ташкентцевъ“ заставляетъ забывать о нерѣдко встрѣчающейся у него утрировкѣ комическаго, то нельзя сказать того же о его менѣе талантливыхъ подражателяхъ. Тѣмъ не менѣе книжка читается не безъ интереса.

Ал. Н. Будищевъ. Разныя понятія. Двадцать разказовъ. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1901.

Среди современной литературы съ ея шаблонно-добродѣтельными земскими врачами и учителями или же съ босяками въ сіяніи разказы Ал. Н. Будищева производятъ положительно освѣжающее впечатлѣніе своею талантливостью, искренностью и оригинальностью. Авторъ изображаетъ тѣ незамѣтныя драмы которыя ежедневно и ежечасно совершаются кругомъ насъ и о существованіи которыхъ мы догадываемся тогда только, когда „грянетъ громъ“ въ той или другой формѣ. Въ описаніи этихъ драмъ г. Будищевъ неподражаемъ. Слабѣе у него выходятъ тѣ разказы, гдѣ онъ подражаетъ, напр., Чехову, юморъ котораго ему не дается. Языкъ у г. Будищева превосходенъ, особенно хороши у него короткія, написанныя, правда, мазками, но яркими и сильными мазками, описанія природы. Кромѣ того онъ обладаетъ присущей немногимъ избраннымъ талантамъ способностью возсоздавать нѣсколькими словами необыкновенно реально цѣлую картину и притомъ вызывать въ читателѣ настроеніе соотвѣтствующее ей. Лучшіе разказы въ сборникѣ на нашъ взглядъ: „Разныя понятія“, „Агашка“, „Уродъ“, „Благодатное небо“, „Дуракъ“, „Больно“ и „На пути“.

И. В. Шелепинъ. Отечествовѣдѣніе. Пособіе (справочная книжка) при повтореніи русской исторіи. Спб. 1900.

Авторъ предназначаетъ свою книжку „для начальнаго ознакомленія съ исторіей русскаго государства отъ основанія его до нашихъ дней". Но для этой цѣли она служить не можетъ, такъ какъ по сухому конспекту, какимъ является эта книжка, съ исторіей ознакомиться нельзя. Она можетъ быть пригодна только при повтореніи пройденнаго уже курса исторіи. Курсъ исторіи изложенъ довольно полно, жаль только что авторъ иногда передаетъ за достовѣрное свѣдѣнія которыя у исторической науки находятся подъ большимъ сомнѣніемъ (напр., призваніе Варяговъ и Рюрика) или же завѣдомо искажаетъ факты, говоря, напр., что... „будучи добродушнымъ, но мало способнымъ на управленіе государствомъ, Петръ 3-й, процарствовавъ одинъ годъ, уступилъ престолъ супругѣ своей Екатеринѣ Алексѣевнѣ". Этимъ увѣреніямъ г. Шелепина не повѣритъ даже гимназистъ 3-го класса, и они могутъ только подорвать довѣріе къ искренности автора.

Ѳеодосій Савиновъ. Стихотворенія. 2-е изданіе. 1900.

Стихотворенія г. Савинова не лучше и не хуже тѣхъ которыя обыкновенно заполняютъ пустыя мѣста на страницахъ журналовъ. Та же выраженная въ приличной и гладкой формѣ гражданская скорбь, тѣ же блѣдныя, шаблонныя, „безъ настроенія", описанія природы или же перепѣвы Ал. Толстаго („Родное"), Лермонтова („Картинки старины") и даже Надсона („Жизнь", „Предъ тобою, мой другъ"). Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать что иногда, правда довольно рѣдко, у г. Савинова промелькнетъ красивый, оригинальный образъ, иногда даже встрѣтите довольно изящное цѣлое стихотвореніе, каковы, напр., „Nocturno I" и „Изъ дневника". Это служитъ доказательствомъ что нѣкоторый талантъ у г. Савинова есть и онъ могъ бы кое-что изъ себя выработать, еслибы не расплывался въ пучинѣ многописанія и не забывалъ золотаго Некрасовскаго правила:

Стихъ какъ монету чекань,
. . . .
Правилу слѣдуй упорно:
Чтобъ было тѣсно словамъ,
Мыслямъ просторно.

Валерій Брюсовъ. Tertia vigilia. Книга новыхъ стиховъ. 1897—1900. г. Книгоиздательство „Скорпіонъ" 1900.

Г. Валерій Брюсовъ принадлежитъ, какъ извѣстно, къ кру... русскихъ декадентовъ. Пять или шесть лѣтъ тому назадъ вопр... о правѣ декадентской поэзіи на существованіе былъ моднымъ и ...сторонне разбирался. Теперь этотъ вопросъ исчерпанъ и полн...

его послѣ критическихъ статей Владиміра Соловьева, Михайловскаго и др. лишнее. Замѣчу только что пренебреженіе ко внѣшней формѣ стиха является у нашихъ декадентовъ повидимому только слѣдствіемъ неумѣнія выработать ее, незнаніемъ техники стиха, по крайней мѣрѣ всякое *не*символическое стихотвореніе является у г. Валерія Брюсова удивительно топорнымъ и неуклюжимъ. За примѣрами недалеко ходить:

Ой вы, струночки-многозвончаты!
Балалаечка многознаечка!
Ужь ты спой намъ весело
Свою пѣсенку,
Спой намъ нонче ты, нонче ты, нонче ты... (стр. 38
— О послѣднемъ рязанскомъ кн. Иванѣ Ивановичѣ)

Не правда-ли, какая прелесть это: „нонче ты, нонче ты, нонче ты"...?

Или:

„Былъ вѣкъ, когда...
...панской власти высилась мечта" (стр. 40. Проблемы).

Кажется невозможно сочинить болѣе неуклюжій стихъ. Мораль та что гораздо легче настрочить цѣлый томъ набора словъ въ риѳмѣ стиховъ и заставлять читателя искать въ нихъ глубокій, сокровенный смыслъ, чѣмъ написать хоть одно мало-мальски красивое и осмысленное стихотвореніе.

Изъ историческихъ журналовъ.

Императоръ Николай I и Восточный вопросъ.—Поццо-ди-Борго и русская политика.—Петербургскій протоколъ и Лондонскій договоръ.—Наваринская побѣда.—Объявленіе войны.—Усинскіе старообрядцы.—Поиски Нипонскаго царства.—Бѣловодье.—Усинцы въ Китаѣ.—Письма іеромонаха изъ полеваго лазерета.—Красный Крестъ и госпитали Военнаго Министерства за Дунаемъ.—Друзья и враги.—Болгарское безсердечіе и корыстолюбіе.—Скобелевъ за Каспіемъ.—Отношенія Скобелева къ казакамъ и къ врагамъ.—Китайское невѣжество.—Китайскія любезности и трусливость.—Петрашевскій въ лицеѣ.—Чудачества Петрашевскаго въ министерствѣ.—„Пятницы" и фурьеризмъ.—Ермоловъ и Аракчеевъ.—Аракчеевскія заботы о населеніи.—Минкина и проклятое мѣсто.

Въ трехъ послѣднихъ книгахъ *Русской Старины* Н. К. Шильдеръ напечаталъ главу изъ исторіи царствованія императора Николая Павловича посвященную обзору событій составившихъ въ своей совокупности такъ называемый Восточный вопросъ (*Русская Старина*, октябрь, ноябрь и декабрь: „Императоръ Николай I и Восточный вопросъ").

Императоръ Александръ I, послѣ неудовлетворительнаго исхода

петербургской конференціи собранной для умиротворенія Востока объявилъ что онъ предоставляетъ себѣ полную свободу дѣйствовать какъ сочтетъ нужнымъ, помимо союзниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь приказалъ графу Несельроде спросить мнѣніе нѣкоторыхъ изъ своихъ представителей при иностранныхъ державахъ. Въ этомъ неопредѣленномъ положеніи находились восточныя дѣла, когда изъ Таганрога распространилась печальная вѣсть о кончинѣ императора Александра. Отвѣты нашихъ пословъ на циркулярное предложеніе графа Несельроде суждено было прочесть уже императору Николаю I. Самый замѣчательный изъ нихъ принадлежитъ Поццо-ди-Борго. Выражая радость по поводу временнаго разрыва Россіи съ Священнымъ союзомъ, Поццо-ди-Борго высказываетъ мнѣніе что этотъ союзъ принесъ существенную пользу для другихъ, но не для насъ. Въ заключеніи своего отвѣта онъ обращается къ тѣмъ мѣрамъ которыя Россія обязана принять для возстановленія достоинства, правъ и интересовъ попранныхъ насиліемъ Турціи. Онъ предлагаетъ представить Портѣ ультиматумъ, назначивъ самый короткій срокъ для отвѣта, а въ случаѣ отказа въ удовлетвореніи нашихъ требованій двинуть войска въ княжества и выгнать оттуда Турокъ. Поццо-ди-Борго приходитъ къ заключенію что ни одна изъ европейскихъ державъ не заинтересована достаточно и не приготовлена къ тому чтобы рѣшиться дѣйствовать противъ насъ открыто, за исключеніемъ Австріи которая приметъ дипломатическія мѣры для удержанія нашихъ войскъ отъ перехода черезъ Прутъ; можетъ быть, она приступитъ даже къ вооруженіямъ, а потому Поццо совѣтуетъ, оставивъ на Дунаѣ обсерваціонный корпусъ, быть наготовѣ на югозападной границѣ чтобы ринуться всѣми силами на Габсбургскую монархію и сразу порѣшить съ нею, прежде чѣмъ начать военныя дѣйствія противъ Турціи. Но онъ заранѣе предсказываетъ что вѣнскій кабинетъ не допуститъ до этого и ограничитъ свои враждебныя дѣйствія интригами и нравственною поддержкой или тайною помощію Турціи, что, конечно, не принесетъ Портѣ существенной пользы противъ такого врага, какъ Россія.

Взгляды Поццо-ди-Борго вполнѣ совпали съ собственнымъ убѣжденіемъ императора Николая Павловича, и онъ остановился на рѣшеніи провести рѣзкую грань между распрею Россіи съ Оттоманскою Портой и греческимъ вопросомъ. Въ то же время Кан... началъ обнаруживать склонность къ совмѣстному дѣйствію съ Р... сіею въ греческомъ вопросѣ и съ этою цѣлію отправилъ въ Ро... герцога Веллингтона, русскаго фельдмаршала и лично извѣстн... императору Николаю, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, по слу... кончины императора Александра I. Результатомъ этого посо...

явилось заключеніе петербургскаго протокола подписаннаго 23 марта 1826 года, которымъ устанавливалось соглашеніе между Англіею и Россіей съ цѣлію примиренія между Портой и Греками. Условія примиренія поставлены были слѣдующія: Порта удерживаетъ свою верховную власть надъ Греціей которая платитъ ей однажды навсегда опредѣленную дань; турецкія земли въ Мореѣ и въ Архипелагѣ отходятъ къ Грекамъ за извѣстный выкупъ; Греція должна управляться властями избранными самимъ народомъ и утвержденными Портой, но пользуется независимостію внутренняго управленія, свободою совѣсти и торговли. Этотъ протоколъ былъ первымъ дипломатическимъ актомъ совершеннымъ въ царствованіе императора Николая Павловича и получилъ чрезвычайное значеніе, такъ какъ послужилъ краеугольнымъ камнемъ освобожденія Греціи.

Въ то же время Россія предъявила Турціи ультиматумъ 24 марта 1826 года. Россія потребовала отъ Порты: 1) вывести войска изъ Молдавіи и Валахіи и возстановить тамъ порядокъ опредѣленный въ договорахъ и существовавшій до 1821 года, когда вслѣдствіе волненій въ княжествахъ она произвела одностороннія и противорѣчащія трактатамъ перемѣны; 2) немедленно освободить сербскихъ депутатовъ задержанныхъ въ Константинополѣ и даровать сербскому народу всѣ преимущества которыя выговорены въ его пользу восьмою статьей Бухарестскаго трактата и 3) отправить своихъ уполномоченныхъ къ русской границѣ для возобновленія переговоровъ веденныхъ барономъ Строгановымъ съ 1816 по 1821 годъ по поводу русско-турецкихъ отношеній и для заключенія новаго соглашенія которое положило бы прочное основаніе миру, дружбѣ и доброму сосѣдству Россіи съ Турціей.

Турція уступила требованіямъ Россіи и 1 іюля 1826 года открыты были переговоры между русскими и турецкими уполномоченными которые съѣхались въ пограничномъ городѣ Аккерманѣ. Между тѣмъ неожиданно на Востокѣ произошли такія событія которыя сдѣлали неизбѣжнымъ разрывъ Россіи съ Турціей. Въ то время какъ наша эскадра подъ начальствомъ адмирала Сенявина шла въ Средиземное море, петербургскій протоколъ преобразился въ международный договоръ заключенный между Англіею, Франціею и Россіею 24 іюня 27 года и названный Лондонскимъ. Цѣлію новаго договора было -ановить пролитіе крови и предотвратить всякаго рода бѣдствія не лучныя съ продолженіемъ порядка вещей существовавшаго тогда Востокѣ. Греціи же тогда грозили новыя бѣдствія. По достовѣр-лъ извѣстіямъ полученнымъ изъ Константинополя турецкое правильство рѣшилось просить помощи у египетскаго паши Мегметаи. Послѣдній согласился снарядить флотъ и съ войсками отпра-

вить подъ начальствомъ своего сына Ибрагима-паши въ Грецію, задавшись цѣлію истребить христіанское населеніе Мореи; исполненіе этого чудовищнаго плана обратило бы Грецію въ пустыню, и возстаніе прекратилось бы само собою. Императоръ Николай намѣренъ былъ ни въ какомъ случаѣ не допустить Турокъ до осуществленія этой варварской мѣры, и стараніями русской дипломатіи явился договоръ обезпечившій постановленія петербургскаго протокола. Австрія, оставшись вѣрною своей туркофильской политикѣ, отказалась присоединиться къ какимъ бы то ни было дипломатическимъ мѣропріятіямъ противъ Оттоманской Порты. Но три союзныя державы рѣшились, согласно договору, предложить Портѣ посредничество съ цѣлію привести ее къ соглашенію съ Греками. Въ секретныхъ статьяхъ договора постановлено было: 1) объявить Портѣ что порядокъ вещей существующій на Востокѣ уже шесть лѣтъ вынуждаетъ союзныя державы принять мѣры къ сближенію съ Греками при помощи установленія комерческихъ съ ними сношеній. 2) Если Греки или Порта откажутся отъ заключенія перемирія, то союзныя державы объявятъ отказавшейся сторонѣ или обѣимъ сторонамъ что онѣ сообща примутъ мѣры къ прекращенію этой вражды, не принимая, впрочемъ, участія во взаимныхъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ враждующихъ сторонъ. Въ этомъ смыслѣ державы пошлютъ инструкціи своимъ адмираламъ начальствующимъ надъ ихъ эскадрами въ моряхъ Леванта. 3) Если мѣры окажутся недостаточными чтобы побудить Порту принять предложенія союзныхъ державъ, или же если Греки не согласятся на постановленныя въ ихъ пользу въ договорѣ условія, то державы всетаки будутъ продолжать дѣло замиренія на основаніяхъ установленныхъ ими ко взаимному соглашенію, и поэтому онѣ уполномочиваютъ своихъ представителей въ Лондонѣ согласиться насчетъ дальнѣйшихъ мѣръ какія могутъ оказаться необходимыми.

На депешѣ извѣщавшей государя о подписаніи Лондонскаго договора императоръ Николай собственноручно написалъ: „Да будетъ тысячу разъ благословенъ Богъ, и будемъ надѣяться что все пойдетъ къ лучшему".

Прямымъ послѣдствіемъ Лондонскаго договора явилось неожиданное происшествіе: 8 октября 1827 года Турецко-египетскій флотъ былъ истребленъ въ Наваринской бухтѣ соединенными флотами трехъ союзныхъ державъ, которыми, какъ старшій, командовалъ англійс вице-адмиралъ Кодрингтонъ. Подъ его начальствомъ командова. русскою эскадрою контръ-адмиралъ графъ Гейденъ, а французск контръ-адмиралъ де-Риньи. Громадный перевѣсъ въ силахъ находи. на сторонѣ Турокъ: они располагали 65 судами при 2.106 орудіяx между тѣмъ какъ союзники могли ввести въ дѣло только 28 суд

при 1.298 орудіяхъ. Несмотря на эту несоразмѣрность въ силахъ, побѣда всетаки осталась на сторонѣ христіанскаго флота.

Впечатлѣніе произведенное въ Константинополѣ извѣстіемъ о Наваринскомъ пораженіи было весьма сильное, хотя не подняло мусульманскаго фанатизма. Послы вступили въ переговоры съ Портою и на вопросъ, намѣрена ли Турція считать „событіе въ Наваринѣ“ поводомъ къ войнѣ, получили уклончивый отвѣтъ. Наконецъ султанъ объявилъ посламъ союзныхъ державъ послѣднія уступки которыя онъ намѣренъ сдѣлать Грекамъ; обѣщаемыя милости заключались въ слѣдующемъ: не требовать съ нихъ за шесть протекшихъ лѣтъ поголовной подати которую они не заплатили; не требовать вознагражденія за понесенные убытки и со дня изъявленія покорности освободить ихъ отъ всѣхъ податей на годъ. Представители Россіи, Англіи и Франціи признали себя неудовлетворенными подобными уступками, а Порта съ своей стороны замолкла. Дипломатамъ оставался одинъ исходъ: потребовать паспорты и покинуть Константинополь, что они и сдѣлали. Нашъ посолъ графъ Рибопьеръ 5 декабря отплылъ въ Тріестъ.

Безразсудство Турокъ, однако, пошло далѣе. Султанъ не удовольствовался отъѣздомъ пословъ изъ Константинополя, но дальнѣйшими своими мѣропріятіями прямо вызвалъ Россію на войну. 8 декабря 1827 года Порта обнародовала гатти-шерифъ въ которомъ турецкое правительство указывало на Россію, какъ на своего явнаго, непримиримаго врага. По словамъ сего воззванія къ правовѣрнымъ, Россія обвинялась въ томъ что она вызвала возстаніе Грековъ; единственно по ея ухищреніямъ Англія и Франція заняли враждебное положеніе къ Портѣ; она нарочно возбудила противъ нея внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ чтобы воспрепятствовать введенію преобразованій которыя должны были возвратить Турціи прежнюю силу; наконецъ, Порта объявляла что она вовсе не обязана исполнять исторгнутый у нея Аккерманскій договоръ. На этомъ основаніи Порта признавала войну съ Россіей религіозною и призывала всѣхъ магометанъ взяться за оружіе и стать подъ ея знамена. Вслѣдъ за тѣмъ русскіе подданные были изгнаны изъ турецкихъ владѣній, Босфоръ закрылся для ›рговыхъ судовъ и начались сношенія съ Персіей съ цѣлію уговорить аха продолжать войну съ Россіей.

Россіи оставалось одно: принять вызовъ дерзко брошенный ей ,ортою. 14 апрѣля 1828 года въ Петербургѣ обнародованы были: анифестъ о войнѣ съ Турціею, декларація русскаго правительства, риказъ россійскимъ войскамъ и манифестъ о рекрутскомъ наборѣ.

***

А. С. Шерстобитовъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о заселеніи старообрядцами Усинскаго края (*Историческій Вѣстникъ*, ноябрь: „Какъ селились старообрядцы на Усѣ"). Минусинскій округъ Енисейской губерніи и въ частности Усинскій край расположенный въ долинѣ рѣки Уса издавна славились плодородіемъ своей почвы и всякими угодіями для земледѣльца. Удаленность и пустынность его лишь еще болѣе привлекали къ себѣ западносибирскихъ старообрядцевъ, воображенію которыхъ этотъ край рисовался во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчающимъ ихъ завѣтнымъ желаніямъ. Естественно что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ образовалась цѣлая партія желающихъ переселиться въ Усинскій край, и въ составъ этой партіи вошли представители старообрядчества изъ Тобольской, Томской, Пермской и Уфимской губерній. Много горя и лишеній пришлось испытать и перенести новоселамъ, прежде чѣмъ они дождались плодовъ своихъ чрезмѣрныхъ трудовъ и усилій въ дѣйствительно богатомъ краѣ. Но вскорѣ же произошло событіе огромной важности не для одной только мѣстной жизни усинскихъ поселенцевъ и вовсе не изъ области борьбы ихъ съ дѣвственною природою и ихъ новыми сосѣдями. Такимъ событіемъ была попытка усинцевъ отыскать въ Китаѣ издревле скрывавшееся тамъ общество „христіанъ" окормлявшееся священствомъ дониконовскаго поставленія.

Среди русскихъ старообрядцевъ издавна существуетъ убѣжденіе что за морями и горами, „въ восточной сторонѣ", существуетъ Нипонское царство въ которомъ нерушимо и невредимо содержится дониконовская вѣра со всѣми ея благочестивыми особенностями и обрядами. Туда, въ это царство, по разказамъ старыхъ людей, бѣжали при Никоновѣ гоненіи многіе христіане оставшіеся вѣрными древлеотеческому благочестію, вмѣстѣ съ попами и епископами. И теперь тамъ при полной свободѣ совершается богослуженіе по древнимъ ненарушеннымъ Никоновскимъ исправленіемъ обрядамъ въ многочисленныхъ сіяющихъ благолѣпіемъ церквахъ съ крестами и краснымъ звономъ колокольнымъ. Естественно что старообрядцы неоднократно дѣлали попытки къ отысканію этого счастливаго Нипонскаго царства, но всякій разъ безуспѣшно.

На ряду съ этимъ полуфантастическимъ царствомъ содержащ[illegible] нерушимо древлеотеческую вѣру среди старообрядцевъ, особенн[illegible] бирскихъ, съ 1840-хъ годовъ распространился слухъ что гдѣ-т[illegible] Китайской землѣ существуетъ такъ называемое „Бѣловодье", [illegible] также держится нерушимо древлеправославная вѣра. Слухъ э[illegible] пошелъ послѣ извѣстія о русскомъ поселеніи въ Китаѣ, которое [illegible] пятьдесятъ тому назадъ было напечатано въ одной изъ газетъ. [illegible]чаянно открылъ это поселеніе одинъ Армянинъ искавшій [illegible]

должника Татарина. Въ долгихъ поискахъ Армянинъ и доѣхалъ до русскаго поселенія не вдалекѣ отъ города Хатона, но попасть въ него онъ не могъ за отсутствіемъ переправы, однако видѣлъ русскую церковь и слышалъ звонъ колоколовъ. Вода въ рѣкѣ за которой стояло русское поселеніе была бѣлаго цвѣта, отсюда у крестьянъ Бухтарминскаго края и названіе этой таинственной мѣстности „Бѣловодье“. Для бухтарминцевъ этого извѣстія было достаточно для того чтобы зародить въ нихъ убѣжденіе что въ этомъ поселеніи, удаленномъ отъ всякаго никоніанскаго вліянія, должна сохраниться старая неиспорченная новшествами вѣра. И вотъ одинъ бухтарминскій старообрядецъ, крестьянинъ Хрисанѳъ Бобровъ, три раза предпринималъ путешествіе въ Китай для розысковъ Бѣловодья. Въ первый разъ выступила въ Китай подъ водительствомъ Боброва партія въ 27 семей. Пока шли по плодороднымъ мѣстамъ, пока взятые изъ дома запасы не истощились, все обстояло благополучно. Но наконецъ, пришлось идти по степи Гоби, и старовѣрамъ разборчивымъ до мелочности въ пищѣ пришлось ѣсть конину, даже кожу. Многіе погибли отъ голода и жажды. Въ концѣ концовъ рѣшили раздѣлиться на двѣ партіи, одна отправилась искать дорогу, другая воду. Одна партія погибла безслѣдно, а другая съ Бобровымъ воротилась. Однако эта неудача не отбила желанія у Боброва отыскать Бѣловодье. Снаряжаясь во второй разъ Бобровъ наученый опытомъ заручился проводникомъ Киргизомъ, но вслѣдствіе какихъ то недоразумѣній партія разсталась съ проводникомъ и, пространствовавъ долгое время по Китаю, опять не нашла Бѣловодья, а добралась до китайской провинціи „Турпаніи“ (вѣроятно Турфанъ), откуда чрезъ нѣсколько лѣтъ была выдворена на родину китайскими властями. Въ 1889 году неутомимый Бобровъ въ третій разъ собрался искать Бѣловодье. Передъ этими сборами прошелъ слухъ вызвавшій самые сборы что пресловутое Бѣловодье находится въ верховьяхъ Енисея въ китайскихъ предѣлахъ и что тамъ не только сохранилась старая вѣра, но есть даже полная іерархія. Но и на этотъ разъ успѣха не было: „отрядъ казаковъ воротилъ съ дороги злополучныхъ искателей древней вѣры и іерархіи“.

Эти же самые слухи о нахожденіи Бѣловодья въ верховьяхъ Ени- [illegible] вызвали и въ Усинцахъ попытки къ отысканію счастливаго края. [illegible] главѣ усинцевъ сталъ крестьянинъ Черноусовъ. Выправивъ себѣ [illegible]ремъ своимъ товарищамъ по полугодовому заграничному паспорту, [illegible] 1869 г., „за двѣ недѣли до Троицы“, Черноусовъ отправился въ [illegible]тайскія земли на поиски „русскихъ людей окормляющихся священ[illegible]омъ дониконовскаго ставленія“. Отправились путешественники [illegible]хами, взявъ съ собою достаточный запасъ провизіи и незначитель[illegible] количество товара, разнаго рода мелочи имѣющія сбытъ среди

китайскихъ инородцевъ. Послѣдній имъ нуженъ былъ потому что они скрывали истинную цѣль своего путешествія и ѣхали въ Китай подъ видомъ торговцевъ, а отчасти нуженъ былъ и для подарковъ инородцамъ въ случаѣ нужды. Переваливъ китайскую границу, путешественники направились сначала къ востоку и не доѣзжая 4 „станковъ“ до Кяхты повернули къ юго-западу по направленію къ городу Улясутаю, но до послѣдняго они также не доѣхали 3 „станковъ“ и сначала отвернули отъ него къ западу, а затѣмъ взяли на сѣверо-западъ по направленію къ Усу. „Недѣли за двѣ до Покрова“ путники вернулись домой, сдѣлавъ всего болѣе двухъ тысячъ верстъ и не найдя нигдѣ ни русскихъ людей, ни русской рѣчи.

Такимъ образомъ, путники не нашли того чего искали; тѣмъ не менѣе убѣжденіе въ томъ что гдѣ-то „въ восточной сторонѣ“ обрѣтается русскій народъ содержащій дониконовскую вѣру не только не пошатнулось отъ этого неудачнаго путешествія, но наоборотъ, еще болѣе укрѣпилось. Причиной этого послужилъ разговоръ путниковъ съ однимъ китайскимъ чиновникомъ который взялъ ихъ подъ свою защиту въ виду возможности нападенія на нихъ разбойниковъ.

Въ Китаѣ нѣтъ русскихъ людей, говорилъ зайсанъ, но старые люди сказывали что гдѣ-то въ Индѣйской землѣ на островахъ они видали ихъ. Острова эти находятся далѣе за Пекиномъ верстахъ въ 50 отъ берега. Русскіе люди живутъ на нихъ уже около 200 лѣтъ. Пришли они съ вашей земли. Много ихъ тамъ, у нихъ и попы есть и церкви съ колоколами, и молятся они крестомъ вотъ такъ же какъ и вы. Напрасно вы повернули отъ Кяхты на Улясутай. Вамъ бы надобно идти отъ Кяхты на Ургу, а отъ Урги на Пекинъ, тамъ бы уже и до острововъ добрались. Это ничего что паспорта у васъ только на полгода, тамъ по этимъ паспортамъ можно бы жить хотя десять лѣтъ. А здѣсь нигдѣ нѣтъ русскихъ людей.

Разумѣется, эти слова глубоко запали въ душу путешественниковъ и заставили ихъ пожалѣть о томъ что они раньше не встрѣтились съ доброжелательнымъ зайсаномъ и не пошли на Ургу. По этому пути они рѣшились отправиться на слѣдующій годъ, но имъ не удалось привести въ исполненіе свою мечту.

Въ настоящее время на Усѣ осталось уже немного старообрядцевъ и, очевидно, не оттуда пойдутъ слѣдующіе путники отыскивать Нипонское царство. Тѣмъ не менѣе ихъ попытка въ ряду другихъ представляетъ собою любопытное явленіе и способна вызвать и глубокія размышленія.

* * *

Послѣдняя наша война съ Турціей открыла глаза на многое, многое послѣ нея обрисовалось совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ въ

комъ казалось раньше. Продолжающія появляться въ печати записки, воспоминанія и письма очевидцевъ и участниковъ войны оказали въ этомъ отношеніи не малую услугу. Таковы же по своему значенію и матеріалы къ исторіи этой войны напечатанные въ *Историческомъ Вѣстникѣ* (сентябрь: „Въ военно-походномъ госпиталѣ. Изъ писемъ съ театра войны 1877—1878 гг.“). Они представляютъ собою выдержки изъ писемъ священника одного изъ госпиталей дѣйствовавшихъ въ Румыніи и Болгаріи. Происхожденіе писемъ отъ духовнаго лица, къ тому же нелишеннаго образованія и бывшаго ранѣе іеромонахомъ одного изъ Кіевскихъ монастырей придаетъ имъ еще болѣе интереса. Наблюдательность и критическое отношеніе автора къ окружающему дали ему возможность ко многому присмотрѣться, о многомъ сообщить подробности ускользавшія отъ вниманія другихъ. Не мало любопытнаго раскрываетъ онъ о положеніи врачебнаго дѣла въ тылу дѣйствующей арміи. Въ этомъ дѣлѣ особенно сильнымъ оказывается авторъ и по своимъ обязанностямъ на войнѣ и потому еще что до монашества онъ былъ провизоромъ. И онъ безпристрастно описываетъ безпорядки отъ которыхъ такъ страдали раненые и больные. Особенно любопытны его сопоставленія черезчуръ скромныхъ госпитатей Военнаго Министерства съ излишне роскошными лазаретами Краснаго Креста, разныхъ благотворительныхъ Обществъ и частныхъ лицъ.

Санитарныя учрежденія Краснаго Креста, говоритъ онъ, по идеѣ представляются весьма полезными. Но загляните въ любое ихъ учрежденіе... Роскошь обстановки, изобиліе въ пищѣ и питьѣ, многочисленный персоналъ и проч. Только много ли въ ихъ госпиталяхъ больныхъ и какого рода ихъ паціенты. Бѣдный солдатикъ, если бы ему Богъ благословилъ хотя три дня полежать въ госпиталѣ Краснаго Креста, напримѣръ, въ Бухарестскомъ, навѣрное пожелалъ бы лучше умереть въ немъ, чѣмъ вернуться на родину. Но, увы! двери этого рая закрыты для такихъ скромныхъ паціентовъ и не совсѣмъ по винѣ служителей рая. Послѣдніе отлично сознаютъ что ихъ учрежденія могли бы быть весьма полезными для нашихъ военно-походныхъ госпиталей, но всему мѣшаетъ стремленіе первыхъ дѣйствовать самостоятельно и независимо отъ нашихъ властей. Какой нашъ докторъ, имѣющій, положимъ, 100 раненыхъ рѣшится безъ угрызенія совѣсти выдѣлить четырехъ раненыхъ и препроводить ихъ въ лазаретъ Краснаго Креста, въ эту роскошь и комфортъ, а остальныхъ 96 человѣкъ оставить у себя въ жалкой обстановкѣ военнаго госпиталя. За что же эти четверо раненыхъ будутъ блаженствовать, а масса ихъ товарищей будутъ довольствоваться тѣмъ скуднымъ уходомъ и простою обстановкою какую правительство признало весьма достаточною!! Недаромъ, вѣдь, въ блестящемъ Бухарестскомъ госпиталѣ Краснаго Креста за все время его существованія находилось на излеченіи не болѣе 15 больныхъ! Да и

какіе это больные и какими болѣзнями они были одержимы?.. А между тѣмъ, полюбуйтесь прелестнѣйшимъ дворцомъ отведеннымъ подъ этотъ госпиталь, комфортабельнымъ помѣщеніемъ служащихъ, роскошными больничными каретами въ которыхъ госпитальный персоналъ разъѣзжаетъ по театрамъ и кафе-шантанамъ Бухареста...

Это отсутствіе единства въ дѣлѣ подачи помощи раненымъ, конечно, сказывалось весьма тяжело на послѣднихъ. Въ то время какъ одно учрежденіе располагало всѣми средствами въ избыткѣ для того чтобы облегчить страданія, Военное Министерство вынуждалось ограничиваться такимъ уходомъ который по своей недостаточности не всегда достигалъ цѣли. Автору писемъ пришлось встрѣчать въ своемъ госпиталѣ поѣздъ въ 600 раненыхъ послѣ 18 іюля. Всѣ раненые были доставлены на крестьянскихъ возахъ. „Сердце обливалось кровью, говоритъ онъ, когда мы смотрѣли на этотъ ужасный поѣздъ, гдѣ такъ мучились раненые на неудобныхъ и грязныхъ возахъ“. Правда, наши солдаты геройски переносили всѣ неудобства и не только не высказывали неудовольствія, но не избѣгали возможности снова попасть въ туже обстановку. Такъ, въ госпиталѣ въ которомъ служилъ авторъ писемъ за два мѣсяца перебывало 2,900 человѣкъ, и многіе изъ нихъ, оправившись, возвратились въ дѣйствующую армію чтобы, по собственному ихъ выраженію, „сдачи Турку дать“.

Полное разочарованіе испыталъ авторъ и при встрѣчѣ съ нашими союзниками и особенно съ тѣми за кого въ изобиліи текла русская кровь. Въ одномъ изъ писемъ онъ съ горечью замѣчаетъ что „отъ солдата до генерала вы только и слышите что не стоятъ братушки понесенныхъ трудовъ и пролитой крови нашихъ воиновъ“. Въ этомъ отзывѣ сходились всѣ безпристрастные наблюдатели тогдашнихъ отношеній, но разказы нашего автора тѣмъ любопытны что въ нихъ приведены случаи изъ собственной походной жизни его, ярко рисующіе ту разницу какую испытывали наши войска при встрѣчахъ съ нашими друзьями и съ нашими врагами. По его словамъ, „въ болгарскія уцѣлѣвшія деревни лучше и не заглядывать: братушки наши совсѣмъ не гостепріимны“.

Никакой нужды они не испытываютъ, а спросите у нихъ . нибудь, одинъ отказъ: „нѣту, братушекъ!“ Если же вы уличите во лжи и настоятельно потребуете чего нибудь, тогда услыш самую баснословную цѣну. Но ѣсть надо, и... платишь. А ме тѣмъ, вотъ вамъ интересная паралель. По тырновской дорогѣ Габрово осталось не мало турецкихъ селеній. Въ одномъ изъ н. я обратился къ Туркамъ, прося продать зерна для моей лошади чтоже? Не только ни малѣйшаго отказа я не встрѣтилъ, не все

лаемое получилъ на половину дешевле чѣмъ въ болгарскихъ селахъ... Въ лавкахъ и на базарахъ баснословная дороговизна, но только для русскихъ: тѣ же самые продукты покупаетъ Болгаринъ по цѣнамъ низкимъ до баснословности. Такая несправедливость Болгаръ заставляетъ насъ по необходимости прибѣгать къ хитрости, что совсѣмъ не въ натурѣ Русскаго. Мы стараемся прислушаться что платитъ Болгаринъ, и неожиданно приказываемъ продавцу отвѣсить себѣ тотъ же товаръ и за ту же цѣну. Правда, тутъ нерѣдко возгораются споры, иногда невольно подымается кулакъ и показывается плеть, но въ концѣ концовъ братушка уступаетъ. Не думайте, однако, что бы эта алчность Болгаръ была вызвана ихъ бѣдностію: напротивъ, это очень состоятельный народъ. Нигдѣ отъ Систова до Тырнова я не всстрѣчалъ въ болгарскихъ селахъ ни малѣйшихъ признаковъ нищенской жизни. Если мѣстами встрѣчались въ селеніяхъ разоренныя жилища, то они принадлежали Туркамъ. Но кто же ихъ разорилъ?—братушки. Нашъ дорогой воинъ считаетъ низостью разорять оставленные Турками дома, онъ говоритъ: „хорошо Турокъ сдѣлалъ что ушелъ, квартира для насъ готова".

Какъ образецъ болгарскихъ отношеній къ русскимъ солдатамъ, авторъ приводитъ цѣны продуктовъ которыя установились на болгарскихъ рынкахъ и которыя брались исключительно съ русскихъ: головка кислой капусты стоила 1 рубль, десятокъ картофеля 50 копѣекъ, одна луковица гривенникъ, пудъ овсяной или просяной соломы для корма лошади 1 рубль 25 копѣекъ и т. п.

Нѣтъ возможности подробно изложить многія другія наблюденія автора писемъ которыя открываютъ любопытныя черты изъ жизни населенія тѣхъ странъ по которымъ ему пришлось пройти, изъ быта духовенства нашихъ единовѣрцевъ, наконецъ, не лишенныя интереса новизны сообщенія его о ходѣ военныхъ дѣйствій. Необходимо отмѣтить лишь то что наблюдательный и прозорливый авторъ высказалъ вполнѣ оправдавшееся потомъ опасеніе что „администрація изъ Болгаръ принесетъ имъ больше вреда чѣмъ сами Турки".

* * *

С. А. Гунаропуло вспоминаетъ о встрѣчѣ своей со Скобелевымъ и при этомъ передаетъ свой разговоръ съ нимъ нелишенный ин..еса для характеристики героя еще въ пору его молодости, почти ..началѣ его боевой службы (*Историческій Вѣстникъ*, ноябрь: ..ъ Туркменской степи". Изъ записокъ черноморскаго офицера).

..ѣло было въ 1870 году. Авторъ воспоминаній отправился въ ..пійскую флотилію въ которой предстояло усиленное движеніе ..нныхъ судовъ по случаю прибытія нашихъ войскъ на юго-восточ.. берегъ Каспійскаго моря для развѣдокъ по Туркменской степи. ..пути къ мѣсту своего назначенія онъ прибылъ въ Баку. Явив-

шись по начальству, авторъ отправился въ общественное собраніе. Въ прилегающемъ къ нему тѣнистомъ садикѣ находился павильонъ выстроенный въ персидскомъ вкусѣ, а въ павильонѣ г. Гунаропуло засталъ незнакомое ему общество. Вниманіе его тотчасъ же привлекъ молодой ротмистръ Гродненскаго гусарскаго полка сидѣвшій за отдѣльнымъ столомъ. Стройная, очаровательная фигура, тонкіе черты лица, гордое выраженіе и благородная осанка дѣлали блестящаго гвардейца предметомъ невольнаго любопытства въ такомъ захолустьѣ гдѣ появленіе его отнюдь не могло быть обычнымъ. Ротмистръ, очевидно, понялъ причину недоумѣнія и вопросительныхъ взглядовъ своего новаго сосѣда и представился. Это былъ Скобелевъ. Онъ завѣдывалъ конницей развѣдочнаго отряда которая состояла исключительно изъ казаковъ. Разговоръ между новыми знакомыми сосредоточился на разказахъ Скобелева о впечатлѣніи какое произвелъ на него Закаспійскій край и объ отношеніяхъ его къ солдатамъ и врагамъ. Скобелевъ любилъ солдатъ и въ свою очередь не сомнѣвался въ ихъ беззавѣтной преданности.

Я убѣжденъ, говорилъ онъ, что они неподкупно рабски преданы мнѣ и избѣгаютъ подать мнѣ какой-либо поводъ къ неудовольствію, они видятъ что я близко къ своему сердцу принимаю все что касается ихъ повседневныхъ нуждъ, стараюсь предотвратить малѣйшее что можетъ отравить и безъ того ихъ невеселую, слишкомъ уже монотонную жизнь; этимъ же самымъ я облегчаю себѣ рѣшеніе моей дисциплинарной задачи. Мои казаки ведутъ себя безукоризненно, за все время моего командованія ими мнѣ пришлось двоихъ изъ нихъ только поставить не въ очередь на часы.

Заботы командира и довѣрчивая преданность казаковъ оказывались благотворными не только для нихъ самихъ, но и для мѣстнаго населенія, которому не приходилось испытывать притѣсненій и которое, цѣня благодушное расположеніе къ себѣ войскъ, не замедляло изъявить покорность.

Въ одну изъ рекогносцировокъ, разказывалъ Скобелевъ, возлѣ колодца Алатепе, уже поздно вечеромъ, мы наткнулись на враждебный намъ туркменскій аулъ: кто только могъ изъ его жителей всѣ скрылись въ степи, остались изъ нихъ одни немощные да дряхл[illegible] для казаковъ было полное раздолье, при другихъ обстоятельства[illegible] имѣя на это возможность, они бы не задумались навьючить сво[illegible] лошадей всякимъ оставшимся въ сакляхъ скарбомъ, но они этого [illegible] сдѣлали, боясь оскорбить своего старшаго есаула, какъ они меня [illegible] зываютъ. Мы расположились на бивакахъ возлѣ опустѣвшаго ау[illegible] На другой день рано утромъ къ намъ явились уполномоченные [illegible] Туркменъ покинувшихъ свой аулъ съ изъявленіемъ покорности и благодарностію за ненарушимость ихъ пожитковъ.

Этотъ случай прекрасно характеризуетъ самообладаніе Скобелева. Въ пылу отваги, не щадя своей жизни, онъ однако не забывалъ что истиннымъ украшеніемъ героя служатъ великодушіе и милосердіе ко врагамъ. Этими качествами своей души онъ безъ сомнѣнія привязывалъ къ себѣ побѣжденныхъ. Но эти же качества отнюдь не мѣшали сказаться его доблести, когда это было нужно. Даже въ разговорѣ съ г. Гунаропуло онъ не скрылъ своей мечты и общаго желанія казаковъ поскорѣе ворваться въ Хиву...

* * *

Г. М. Грулевъ напечаталъ интересныя воспоминанія свои *Изъ поѣздки въ Манчжурію* (*Историческій Вѣстникъ*, сентябрь). Его наблюденія ограничиваются исключительно сунгарійскимъ райономъ, но, благодаря чрезвычайному значенію для насъ именно этого края, они особенно интересны. Въ нихъ въ изобиліи сообщены свѣдѣнія о мѣстныхъ правахъ и обычаяхъ какъ бытовыхъ, такъ и административныхъ, а знакомство именно съ этою стороной жизни манчжурской для насъ особенно цѣнно.

Общее впечатлѣніе остающееся въ читателѣ послѣ прочтенія этихъ записокъ весьма благопріятно для насъ и вовсе невыгодно для Китайцевъ. При огромныхъ богатствахъ края, при изобиліи въ немъ вездѣ даровъ природы, китайская косность и невѣжественность до слѣпоты сдѣлали условія жизни въ немъ самыми непригляднымн. Особенно поразительна китайская невѣжественность даже среди высшихъ администраторовъ. Нѣкоторые факты изъ наблюденій г. Грулева въ этомъ отношеніи кажутся просто баснословными. Такъ, при обратномъ возвращеніи по Сунгари, по прибытіи въ Санъ-Синь, мѣстное начальство съ фудутуномъ во главѣ чествовало его торжественнымъ обѣдомъ. Во время обѣда разговоръ коснулся Японско-Китайской войны. Въ разговорѣ китайскіе собесѣдники Грулева обнаружили крайне смутное представленіе объ Японіи. Главный помощникъ фудутуна, мандаринъ съ краснымъ шарикомъ, увѣрялъ что Японцамъ помогали какіе-то „черные“ люди которые высаживались вмѣстѣ съ Японскими войсками въ Инкоу. Перейдя въ область географіи, собесѣдники стали задавать вопросы въ родѣ слѣдующихъ: А не знаете ли гдѣ государство лилипутовъ“? „Какъ далеко отъ насъ царство женщинъ“? подъ которымъ, какъ оказалось, китайскіе чиновники подразумѣвали Англію. Нѣкоторые собесѣдники просили разъяснить вопросъ вызванный разказами того же главнаго помощника фудутуна о существованіи какого-то государства въ которомъ живутъ люди съ собачьями головами, причемъ онъ увѣрялъ что

самъ видѣлъ картинку на которой изображены люди съ собачьими головами и сдѣлалъ уступку лишь въ томъ смыслѣ что такое государство несомнѣнно существуетъ, но государство маленькое, „такое маленькое что даже ученые люди не всѣ знаютъ про это государство". Все это высказывалось мандариномъ 2 класса управляющимъ обширною областью превосходящею по занимаемому пространству почти вдвоэ Италіянское королевство. Самъ фудутунъ задавалъ, между прочимъ, такіе вопросы: „какія государства находятся по сосѣдству съ вами?" „Что̀ находится послѣ всѣхъ государствъ, вода?" и т. п. Многіе изъ китайскихъ чиновниковъ въ Баянъ-Сусу, Бодунэ и др. не знали какому государству принадлежитъ Амуръ, англійскому, французскому или какому другому. Даже различать европейскія государства, хотя бы по названіямъ, могли лишь наиболѣе ученые, прочіе же наравнѣ съ массой китайскаго народа знаютъ всѣхъ европейцевъ подъ однимъ названіемъ „Янъ-Гоузы" (заморскіе черти). Одинъ чиновникъ удивился, узнавъ что г. Грулевъ съ французскими мисіонерами разговаривалъ не на русскомъ языкѣ: онъ былъ увѣренъ что всѣ „Янъ-Гоузы" говорятъ на одномъ языкѣ.

Та же косность и то же невѣжество дѣлаютъ китайскихъ чиновниковъ въ высшей степени заносчивыми и непреклонными съ вида, но въ то же время въ высшей степени покладливыми и смиряющимися предъ всякимъ совершившимся фактомъ. Сколько разъ г. Грулевъ, проѣзжая по улицамъ сунгарійскихъ городовъ, настойчиво просилъ разрѣшенія сопровождавшаго его начальника конвоя осмотрѣть казармы хотя бы полицейской команды. Ему всегда отвѣчали неизмѣнно что начальствомъ не разрѣшено, и ворота импаней при проѣздѣ быстро запирались снаружи и внутри. Наконецъ, г. Грулевъ рѣшился на крутую мѣру: прогнавъ конвой, онъ приказалъ бывшимъ съ нимъ двумъ казакамъ налечь на ворота. Начальникъ конвоя при этомъ улыбался во весь ротъ, а впослѣдствіи, въ интимномъ разговорѣ оправдывая свою настойчивость, выразился что давно такъ слѣдовало: „вѣдь не могу, разсуждалъ онъ, вводить васъ въ импань, когда на это не было разрѣшенія, а вломились въ ворота сами, это ужь не мое дѣло: не могу же воевать изъ-за этого, у вашихъ казаковъ ружья куда лучше чѣмъ у моихъ ян". То же самое случилось потомъ и съ посѣщеніемъ тюрьмы. Вообще китайскіе чиновники крайне щедр... словахъ обѣщаютъ все что̀ угодно съ заранѣе обдуманнымъ н... реніемъ не исполнить ничего изъ обѣщаннаго, хотя бы рѣчь ... пустякахъ. При этомъ въ свое оправданіе громоздятъ цѣлый во... съ китайской точки зрѣнія, хитроумныхъ, а въ сущности всегд... наивныхъ сплетеній которыми думаютъ одурачить противника. ... словное корыстолюбіе китайскихъ чиновниковъ, дѣйствительно ...

етъ предѣловъ. Одинъ смотритель таможни никакъ не могъ примириться съ мыслію что онъ ничѣмъ не поживится отъ экспедиціи г. Грулева и очень обрадовался, получивъ въ подарокъ... старые сапоги которые тутъ же на пароходѣ съ немалыми усиліями надѣлъ и щеголялъ въ нихъ съ засученными полами халата.

* * *

Академикъ К. С. Веселовскій посвятилъ двѣ прекрасныя статьи своимъ воспоминаніямъ о Царскосельскомъ лицеѣ и лицейскихъ товарищахъ (*Русская Старина*, сентябрь: *Воспоминанія о нѣкоторыхъ лицейскихъ товарищахъ* и октябрь: *Воспоминанія о Царскосельскомъ лицеѣ*). Изъ товарищей авторъ выдвигаетъ въ воспоминаніяхъ Михаила Василіевича Буташевича-Петрашевскаго и дѣлаетъ подробную его характеристику.

По словамъ академика, такъ называемое „дѣло Петрашевскаго“ выдвинуло изъ неизвѣстности человѣка вовсе нерожденнаго для того чтобы занимать какую-либо роль на исторической сценѣ. И единственно сцѣпленію особыхъ обстоятельствъ обязанъ онъ тѣмъ что сталъ своего рода извѣстностію. Судьба какъ бы сама взялась сдѣлать то о чемъ онъ всегда думалъ и чего всегда желалъ: „быть не такъ, какъ всѣ люди“. Въ лицеѣ онъ былъ курсомъ моложе Веселовскаго и изъ 20 товарищей своихъ онъ одинъ былъ выпущенъ съ чиномъ XIV класса. Полученіе этого чина при хорошихъ способностяхъ Петрашевскаго и при легкости пріобрѣтенія высшихъ чиновъ уже указывало на основной характеръ его стремленій „быть не какъ всѣ“.

Въ лицеѣ Петрашевскій отличался такими странностями что въ общемъ мнѣніи товарищей слылъ за взбалмошнаго и вздорнаго мальчишку. Онъ производилъ впечатлѣніе избалованнаго „матушкина сынка“ котораго въ дѣтствѣ слишкомъ захвалили и который привыкъ считать дозволительною всякую свою фантазію. У такихъ людей легко развивается непомѣрное самолюбіе и самонадѣянность, особенно если тѣ годы въ которыхъ человѣкъ всего сильнѣе испытываетъ на себѣ вліяніе окружающей среды протекли въ семействѣ знакомомъ съ правилами благовоспитанности. Избалованность и неговоспитанность, въ связи съ чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, выродиь у Петрашевскаго въ несчастную страсть оригинальничать коая, по словамъ нашего автора, и погубила его. Онъ всегда и вездѣ только могъ старался „не быть, какъ всѣ“. Такъ будучи чиновникомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ которомъ приливъ костюмѣ считается строго обязательнымъ, онъ ходилъ по

улицамъ въ какомъ то широкомъ плащѣ и въ шляпѣ съ самыми широкими полями, съ явнымъ намѣреніемъ обратить на себя вниманіе. Однажды какой то Французъ привезъ изъ Парижа модную шляпу въ которой верхъ тульи состоялъ не изъ круга, а изъ квадратнаго четвероугольника, какъ у уланскихъ шапокъ, и первымъ явившимся въ такой смѣшной обновкѣ на Невскомъ въ часы наибольшаго тамъ оживленія былъ не кто иной, какъ Петрашевскій. Пріятели смѣялись надъ нимъ, и это его тѣшило. Я. Т. Спѣшневъ говаривалъ ему: „Ты, дружище, дѣлаешь все возможное чтобы быть высѣчену въ полиціи, а полиція тебя презираетъ и не хочетъ тебя сѣчь. Вѣдь это какъ ты себѣ хочешь, а обидно для тебя“. Въ то время чиновники не могли носить бороды, усовъ и длинныхъ волосъ на головѣ, а Петрашевскій отрастилъ себѣ длинные волосы и съ кудрями по плечамъ явился на службу въ Министерство. Директоръ долго терпѣлъ, наконецъ, послѣ косвенныхъ указаній и совѣтовъ сдѣлалъ замѣчаніе.

— Я не только исполнилъ приказаніе вашего превосходительства, отвѣчалъ Петрашевскій, приподнимая на головѣ парикъ, — но и обрился.

Всѣ эти глупыя школьничества весьма ярко рисуютъ характеръ Петрашевскаго; къ несчастію, лишь самъ онъ не чувствовалъ какъ дѣлался чрезъ нихъ смѣшнымъ и жалкимъ. „Весь онъ, по замѣчанію Веселовскаго, былъ какимъ-то умственнымъ недоноскомъ неспособнымъ сообразовать свои поступки съ разумно-сознанною цѣлію“. Онъ много читалъ, но все прочитанное не претворялось въ его умѣ въ связное цѣлое и не шло на образованіе твердыхъ убѣжденій.

По выходѣ изъ лицея, не имѣя ни большой родни, ни пріятелей даже среди школьныхъ товарищей съ которыми у него никогда не было особаго сближенія, онъ задумалъ самъ создать вокругъ себя свое общество и уже съ 1845 года завелъ у себя „пятницы“. Но откуда взять знакомыхъ для того чтобы „пятницы“ могли состояться? Петрашевскій самъ началъ вербовать ихъ. Легко себѣ представить, что̀ такое были эти справа и слѣва, безъ разбора нахватанныя знакомства. Большею частію это были юнцы какъ и самъ хозяинъ, изъ разныхъ слоевъ общества, разныхъ профессій и званій, люди случайно встрѣченные и зазванные на чашку чая, у которыхъ только одно было общее: юность. „Въ обществѣ которое собиралось у Петрашевскаго, говоритъ Достоевскій, не было ни малѣйшей цѣло[...] ни малѣйшаго единства ни въ мысляхъ, ни въ направленіи мыс[...] Казалось, это былъ споръ который начался одинъ разъ съ т[...] чтобы никогда не кончиться. Во имя этого спора и собиралос[...] щество чтобы спорить и доспориться. Безъ споровъ у Петра[...] скаго было бы чрезвычайно скучно, потому что одни споры и [...]тиворѣчія и могли соединять этихъ разнохарактерныхъ людей“

Такому-то человѣку понравился фурьеризмъ, и пришла странная мысль распространить у насъ ученіе фурьеризма. Въ своемъ ослѣпленіи красотами фаланстеріи Петрашевскій въ роли пропагандиста фурьеризма проявилъ всю суетливость своей натуры, раскрывая прелести этой доктрины посѣтителямъ своихъ „пятницъ", заводя у себя для нихъ цѣлую специальную библіотеку для раздачи изъ нея на прочтеніе книгъ кому только можно, знакомымъ и полузнакомымъ, устроилъ 7 апрѣля 1849 года въ честь Фурье, въ день его рожденія, обѣдъ съ торжественными тостами и рѣчами. Не довольствуясь пропагандой среди „интелигенціи", Петрашевскій пробовалъ познакомить народъ съ ученіемъ фурьеризма. Собравъ однажды дворниковъ домовъ своихъ и сосѣднихъ, онъ прочиталъ имъ лекцію о фурьеризмѣ и спросилъ: „поняли, ребята?" „Поняли, сударь, поняли, какъ не понять". Довольный такимъ отвѣтомъ Петрашевскій далъ имъ по двугривенному на человѣка и пригласилъ придти въ другой разъ и привести съ собою и другихъ своихъ товарищей. Когда они снова пришли къ нему и онъ угостилъ ихъ еще болѣе длинною лекціею и отпуская далъ имъ по пятаку, они сказали: „Баринъ, это маловато будетъ; мы у вашей милости пробыли нонѣ долѣе чѣмъ въ первой, а получили меньше!" Когда потомъ у нихъ спрашивали, что̀ говорилъ имъ баринъ, они отвѣчали: „Что̀ говорилъ! Извѣстно, баринъ балуетъ; работы никакой мы у него не дѣлали, а денегъ далъ невѣсть за что̀".

О „пятницахъ" Петрашевскаго зналъ весь городъ, но зналъ такъ что о нихъ говорили не иначе, какъ смѣясь. Знала о нихъ и полиція которая не упускала ихъ изъ вида, но не находила въ нихъ ничего такого что̀ требовало бы ея вмѣшательства. Но насталъ 1848 годъ, грянула въ Парижѣ февральская революція со всѣми ея послѣдствіями, и положеніе перемѣнилось. Роль какая въ эту революцію выпала на долю комунистовъ бросила черную тѣнь и на фурьеризмъ. Распространеніе этой мирной системы казавшееся дотолѣ лишь комическою затѣей чудака получило значеніе дѣла опаснаго для государственнаго спокойствія. Безумные разговоры бывшіе у неразумныхъ посѣтителей „пятницъ" Петрашевскаго сдѣлались предметомъ ближайшаго наблюденія, а потомъ обширнаго слѣдствія и извѣстнаго подъ именемъ „дѣла Петрашевскаго". Оно кончилось 22 декабря 1849 года извѣстною сценою на Семеновскомъ плацу, и въ этотъ же день 28-ми-лѣтній виновникъ этого дѣла отправленъ на безсрочныя каторжныя работы въ рудникахъ Сибири, гдѣ и умеръ въ 1867 году.

Нельзя не согласиться съ г. Веселовскимъ что, если бы Петрашевскій жилъ въ болѣе спокойное время, онъ вѣроятно свѣковалъ бы благополучно съ незавидною репутаціей смѣшнаго, но безвреднаго

чудака, и лишь обстоятельства его времени сдѣлали его героемъ трагедіи внесшей его имя въ исторію какъ государственнаго преступника, хотя и комическаго.

* * *

Въ любопытныхъ „Воспоминаніяхъ П. А. Папкова", сообщенныхъ барономъ Б. А. Фитингофъ-Шель (*Историческій Вѣстникъ*, декабрь), заслуживаютъ вниманія нѣкоторыя мелочи изъ жизни Ермолова и Аракчеева имѣющія значеніе для біографіи знаменитыхъ дѣятелей начала XIX вѣка.

Ермоловъ пользовался большимъ обаяніемъ не только среди военныхъ, но и среди всего русскаго общества. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Ермоловъ жилъ въ Москвѣ, на Пречистенскомъ бульварѣ, въ деревянномъ домѣ съ мезониномъ. Не только солдаты, но и вообще обыватели изъ разныхъ слоевъ населенія снимали шапки, проходя мимо его дома, и на эти поклоны привѣтливо отвѣчала сѣдая голова Ермолова, если онъ случайно находился у окна.

Петербургъ былъ не по нраву Ермолову, и онъ въ немъ не показывался. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ его членомъ Государственнаго Совѣта, послѣ чего онъ долженъ былъ обязательно поѣхать въ Петербургъ. Представившись Государю, Ермоловъ присутствовалъ на одномъ засѣданіи Государственнаго Совѣта, и когда надо было подать голосъ по разсматриваемому дѣлу, онъ всталъ и сталъ искать образъ чтобы помолиться, но не найдя, сказалъ что онъ своего голоса, не помолившись, подать не можетъ, а проситъ позволенія пожертвовать образъ который онъ предназначаетъ для зала засѣданій дабы всякій могъ помолиться предъ подачей своего голоса. Послѣ этого онъ уѣхалъ въ Москву и болѣе въ Петербургъ не возвращался, а образъ заказалъ въ Москвѣ и, когда образъ былъ изготовленъ, онъ отправилъ его въ Государственный Совѣтъ.

Однажды Аракчеевъ сдѣлалъ на ученіи замѣчаніе Ермолову, командовавшему тогда батареей первой гвардейской бригады. Онъ ему сказалъ:

— Я нахожу что въ вашей батареѣ лошади содержатся очень неудовлетворительно. Знаете ли, сударь, что вся ваша репутація зависитъ отъ этого?

— Знаю, ваше сіятельство, отвѣтилъ Ермоловъ.—Къ несчастію, наша репутація часто зависитъ отъ скотовъ.

Про порядки господствовавшіе въ Грузинѣ разказываются самыя невѣроятныя подробности. Но вотъ свѣдѣнія о заботахъ Аракчеева о приростѣ населенія. Исходя изъ того соображенія что до-

ходность имѣнія зависитъ отъ количества рабочей силы которая въ свою очередь зависитъ отъ прироста населенія, Аракчеевъ утверждалъ къ новому году списокъ дѣвокъ назначенныхъ имъ къ замужеству и соотвѣтствующее количество жениховъ. Къ Великому посту тѣ и другіе должны были выучивать нѣсколько указанныхъ молитвъ. Въ назначенный срокъ ихъ экзаменовали, и тѣ которые не умѣли проговорить молитвъ, подвергались усиленной поркѣ. Если у новобрачныхъ родится не сынъ, а дочь, полагался штрафъ, то-есть порка, въ случаѣ рожденія мертваго ребенка тоже порка, а если вовсе не было новорожденнаго, то полагался тоже штрафъ, но не въ видѣ порки, а холстомъ или чѣмъ инымъ что̀ поступало въ контору. Бывали примѣры что цѣлыя деревни сплошь подвергались наказаніямъ. Мало того что населеніе подвергалось жестокимъ наказаніямъ: наказанныхъ заставляли подавать въ контору заявленія въ которыхъ они каялись въ своихъ провинностяхъ и благодарили ихъ благодѣтеля за то что онъ ихъ наставляетъ на хорошій путь. И однако же населеніе не только не увеличивалось, но уменьшалось.

Кровавая расправа съ Настасьей Минкиной, кровожадной сподвижницей Аракчеева, извѣстна. Папковъ разказывалъ слѣдующія подробноси объ этомъ случаѣ. Преслѣдуя одну изъ дворовыхъ дѣвушекъ за ея красивую наружность, Минкина выхватила однажды изъ ея рукъ раскаленные щипцы и стала ими жечь ея лицо и вырывать кусками обожженное тѣло. Дѣвушка едва могла вырваться изъ рукъ своей мучительницы и побѣжала къ своему брату который былъ поваромъ на кухнѣ. Ея братъ, увидавъ сестру въ такомъ видѣ, обезумѣлъ отъ злости, схватилъ кухонный ножъ, побѣжалъ въ домъ Минкиной и зарѣзалъ ее на мѣстѣ.

Аракчеевъ очень любилъ выставлять на видъ свое уваженіе къ матери. Когда онъ здоровался или прощался съ нею, онъ дѣлалъ сначала передъ нею земной поклонъ, а послѣ этого уже подходилъ къ рукѣ. Дѣлалъ это Аракчеевъ при постороннихъ, но дѣлалъ ли онъ наединѣ съ матерію, объ этомъ Папковъ сообщить не могъ, но сильно въ этомъ сомнѣвался.

Слава о Грузинѣ была такова что крестьяне, которымъ надо было проходить черезъ него, дѣлали обходъ верстъ на пятьдесятъ и болѣе чтобы миновать это проклятое мѣсто, какъ его называли въ народѣ.

———

Новости иностранной литературы.

Посмертные разказы Роденбаха.

Le rouet des brumes. Contes posthumes, par Georges Rodenbach. Paris. Ollendorff. 1901.

Во всѣхъ этихъ разказахъ дѣйствительно звучитъ нѣсколько монотонная, какъ жужжаніе прялки, скорбная нотка. Любовь и смерть, ихъ таинственная близость и ихъ какъ бы взаимное притяженіе другъ къ другу вотъ основной мотивъ поэзіи Роденбаха служившій вѣрнымъ отраженіемъ общаго настроенія рано умершаго поэта, постоянно томившагося предчувствіемъ близкой кончины.

„Приливъ грусти слѣдующій за порывомъ страсти“, говоритъ Роденбахъ устами одного изъ своихъ героевъ, представляетъ собою проявленіе не столько усталости, сколько особаго рода тоски овладѣвающей человѣкомъ подъ конецъ празднества и заключающей въ себѣ нѣчто психическое... Такая грусть не исключительно проявленіе инстинкта. Чаще всего она вполнѣ сознательна, даже разсудочна... И если зачастую два любящихъ существа желаютъ умереть и дѣйствительно умираютъ въ самое счастливое время своей любви, то уже это одно служитъ доказательствомъ что любовь и смерть связаны между собою чѣмъ-то родственнымъ, какъ бы подземными ходами при помощи которыхъ онѣ сообщаются между собою. Одна ведетъ къ другой. Одна изощряетъ и обостряетъ другую. Смерть, безъ сомнѣнія, является для любви могучимъ возбуждающимъ средствомъ.

Присутствіе темнаго призрака смерти придаетъ въ сознаніи писателя мрачный оттѣнокъ всякому, даже радостному, явленію жизни, и сказывается въ холодной, душу щемящей тоскѣ которая подстерегаетъ человѣка въ минуты самаго беззаботнаго веселія. Призракъ этотъ сопутствуетъ Роденбаху во всемъ его жизненномъ пути и во всемъ его творчествѣ. Такъ, въ первомъ изъ помѣщенныхъ въ сборникѣ разказовъ озаглавленномъ: „Переѣздъ съ квартиры“ авторъ разказываетъ какъ однажды въ жаркій іюльскій день онъ, перебирая вещи для укладки, перечитывалъ прежнія письма и замѣтки и по нимъ переживалъ умершее прошлое.

„Этотъ переѣздъ“, говоритъ онъ, „былъ для меня какъ бы с... въ маленькомъ видѣ, какъ бы репетиціею похоронъ“. Какъ разъ тотъ же день ему пришлось видѣть изъ окна настоящія похор... молодой дѣвушки жившей нѣсколько лѣтъ въ противоположномъ ... и его невольно поразила аналогія между этимъ окончательнымъ ... селеніемъ въ послѣднее жилище и разставаніемъ человѣка с...

стомъ гдѣ онъ покидаетъ безвозвратно ушедшую отъ него частичку своего существованія.

Въ другомъ разказѣ онъ рисуетъ бѣглыми штрихами рядъ мелькающихъ въ вечернюю пору влюбленныхъ паръ, счастливыхъ и несчастливыхъ, судя по бѣглымъ, на лету уловленнымъ признакамъ, и намѣчаетъ путь который рано или поздно долженъ будетъ неизбѣжно привести ихъ къ гибели и смерти.

Нерѣдко случается что въ борьбѣ за счастіе или хотя бы за призракъ его, которою воодушевлено все живущее на землѣ, борцамъ удается уцѣлѣть, но зато подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ гибнетъ самочувствіе, оставляя въ душѣ либо жгучую боль по невозвратной потерѣ, либо тупую покорность судьбѣ. Такова судьба героевъ въ разказахъ озаглавленныхъ: „Городъ", „Внушеніе", и нѣкоторыхъ другихъ.

Счастливыми Роденбахъ признаетъ только тѣхъ людей которые такъ или иначе умѣли отойти отъ жизни и, закрывъ глаза на ея отрицательныя стороны, создать себѣ свой отдѣльный, особенный мірокъ, но и имъ малѣйшая неосторожность грозитъ возвращеніемъ къ участи обыкновенныхъ смертныхъ. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ разказъ озаглавленный: „Любопытство". Это исторія кучера состоящаго при бюро похоронныхъ процесій. Не смотря на свое печальное ремесло, это самый жизнерадостный человѣкъ вполнѣ довольный своимъ положеніемъ. Самыми лучшими праздничными днями являются для него тѣ когда онъ, доставивъ покойника на кладбище, получаетъ отъ родственниковъ его приглашеніе участвовать въ поминкахъ. Такія празднества сравнительно часто выпадаютъ на его долю, постоянно поддерживая въ немъ веселое настроеніе. О мрачной сторонѣ смерти онъ не имѣетъ даже понятія: ему никогда не приходилось терять близкихъ людей, и непосредственный страхъ внушаемый смертью также незнакомъ ему, потому что ему ни разу не случалось видѣть покойника иначе какъ въ закрытомъ гробу. Но вотъ однажды имъ овладѣваетъ желаніе посмотрѣть какіе бываютъ мертвецы, и онъ отправляется въ Моргъ, гдѣ впервые знакомится со смертью въ самомъ неприглядномъ, неприкрашенномъ видѣ. Ужасъ охватываетъ его при видѣ выставленныхъ тамъ труповъ. Съ той поры вся веселость его исчезаетъ, и имъ овладѣваетъ такой страхъ передъ покойниками что онъ вынужденъ отказаться отъ мѣста при бюро похоронныхъ процесій.

Къ тому же разряду людей стоящихъ внѣ жизни и счастливыхъ благодаря непониманію ея отрицательныхъ сторонъ Роденбахъ причисляетъ сумашедшихъ одержимыхъ манією, на служеніи которой сосредоточиваются всѣ ихъ умственныя и душевныя силы. Въ на-

стоящемъ сборникѣ находится нѣсколько художественныхъ описаній подобныхъ патологическихъ случаевъ. Изъ числа такого рода разказовъ особенно выдѣляется по своимъ литературнымъ достоинствамъ „Любитель зеркалъ“, гдѣ изображенъ человѣкъ смотрящій на все окружающее сквозь призму тѣхъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ отраженій которыя видитъ въ безчисленномъ множествѣ окружающихъ его зеркалъ. Единственную безусловную возможность уйти отъ жизненной прозы скорбей и разочарованій Роденбахъ видитъ въ служеніи искусству. Къ числу лучшихъ разказовъ сборника принадлежитъ одинъ носящій заглавіе: „Почти волшебная сказка“ и по формѣ напоминающій собою Тургеневскія „Стихотворенія въ прозѣ“. Здѣсь разказывается о томъ какъ однажды въ большой людный городъ пришла искать себѣ прибѣжища Муза поэзіи окруженная стаею своихъ лебедей. Ей памятны еще давнія времена, когда цари раскрывали передъ нею двери своихъ дворцовъ и принимали какъ желанныхъ гостей ее и ея спутниковъ чтобы наслушаться ихъ чудныхъ пѣсенъ. Но теперь ее всюду встрѣчаютъ либо холодное равнодушіе, либо насмѣшки толпы. Ея лохмотья и жалкій видъ привлекаютъ къ ней вниманіе богатаго купца, и онъ спрашиваетъ ее, стоя у порога своей лавки:

— Ты ищешь чего-нибудь?

— Да, средствъ къ тому чтобы жить, или къ тому чтобы не умереть.

— Это всего труднѣе найти тому кто неразуменъ.

— Какъ? Чтó это значитъ?

— Да, замѣчаетъ купецъ на этотъ разъ властнымъ и презрительнымъ тономъ.—Ты даже непривлекательна. Ты понапрасну осложняешь свое существованіе, держа при себѣ стаю лебедей, чтò въ наши дни устарѣлая роскошь, даже несообразность. Развѣ я, напримѣръ, держу лебедей? Другіе жители города держатъ ихъ! И на чтò тебѣ эти птицы? Ты говоришь что они поютъ. Но многаго ли оно стòитъ, это природное пѣніе которое не подвергалось обработкѣ въ консерваторіи подобно голосамъ пѣвицъ и не можетъ даже пригодиться для оперы. Еслибы ты была одна, ты бы еще могла выйти изъ бѣды. Все же ты женщина. Къ тому же у тебя прекрасны волосы. Послушайся моего совѣта, брось своихъ лебедей. Или, чт еще лучше, извлеки изъ нихъ выгоду. Продай ихъ на убой. Их пухъ представляетъ собою значительную цѣнность. Изъ него дѣлають мягкія дорогія подушки. Онѣ даютъ чудные сны. Кто знает Можетъ быть оттого что спишь на мягкомъ лебяжьемъ пуху, сняті дивные сны и паришь взлетая высоко надъ уровнемъ дѣйствитель ности. Вотъ почему подушки для богачей дѣлаются изъ лебяжья

пуха. Продай же своихъ лебедей, и возьми за нихъ деньги вмѣсто того чтобы ждать отъ нихъ пѣнія, тѣмъ болѣе что и поютъ они только тогда, когда собираются умереть.

Услыхавъ такія рѣчи, Муза убѣгаетъ изъ шумнаго бездушнаго города и отправляется со своими спутниками въ деревню гдѣ послѣ долгаго пути приходитъ къ большому богатому замку. Она обращается къ владѣлицѣ помѣстья съ просьбою дать пріютъ ей самой и позволить лебедямъ плавать по большому чистому озеру разстилающемуся за замкомъ. Но хозяйка замка не соглашается пустить лебедей на озеро, а предлагаетъ имъ идти на маленькій грязный прудъ со всею домашнею птицей. „Чѣмъ они лучше гусей и утокъ“, говоритъ она, „тѣ даже полезны, ихъ можно ѣсть“.

Муза въ отчаяніи вновь возвращается въ пыльный городъ. Но на этотъ разъ счастіе улыбается ей. Она встрѣчаетъ юношу поэта и сразу покоряетъ его своею царственною красотой. Онъ приводитъ ее къ себѣ въ свою убогую комнату, и здѣсь любовь совершаетъ великое чудо. Присутствіе Музы наполняетъ свѣтлою радостью душу поэта, и онъ научается отъ нея всѣмъ непостижимымъ дотолѣ для него тайнамъ искусства. Когда же спадаютъ съ плечъ Музы ея лохмотья, они обращаются у ногъ ея въ чистую свѣжую воду по которой плаваютъ съ тихимъ пѣніемъ лебеди, омывая въ ней свои запыленныя крылья. И Муза говоритъ юношѣ: „Я знала что мы будемъ спасены... Всегда найдется тотъ который полюбитъ меня любовью такою чистою и безкорыстною чтобы возобновиться чуду, чтобы лохмотья мои превратились въ воду, чтобы лебеди мои жили и поэзія была безсмертною“.

Именно этотъ свой идеалъ юноши поэта поклоняющагося одной своей музѣ и забывающаго въ этой любви всю прозу жизни воплощалъ въ себѣ Роденбахъ, и это качество придаетъ его произведеніямъ такъ много грустнаго, но тѣмъ не менѣе властнаго очарованія.

Новый сборникъ критическихъ статей Рене Думика.

Etudes sur la littérature française, par René Doumic. Quatrième série. Paris. Perrin. 1901.

Въ составъ настоящаго сборника вошли критическія статьи Думика появлявшіяся за послѣдніе два года въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Изъ числа этихъ статей нѣкоторыя напечатанныя въ *Revue des deux Mondes*, какъ „La Comédie nouvelle“, „L'oeuvre du symbolisme“, „Les humoristes“, „Le bilan d'une génération“ послу-

жили матеріаломъ для библіографическихъ замѣтокъ помѣщенныхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* въ ноябрской книжкѣ 1899 и февральской и августовской 1900 года.

Среди помѣщенныхъ здѣсь статей обращаетъ на себя особенное вниманіе литературная характеристика Сарсэ, смерть котораго оставила незамѣнимый до сихъ поръ пробѣлъ во французской театральной критикѣ.

„Критика Сарсэ", говоритъ Думикъ, „характеризуется однимъ словомъ. Это была критика толпы. Предположите что публика, выйдя изъ театра, могла бы взяться за перо и написать фельетонъ: она написала бы фельетонъ Сарсэ. Ни одинъ критикъ не обладалъ такою духовною близостію съ общею массой зрителей и такимъ непосредственнымъ соприкосновеніемъ съ толпою. И эта особенность составляла его новизну и оригинальность".

Фельетоны Сарсэ могутъ, по мнѣнію Думика, дать ясное понятіе 1) о томъ чего публика требуетъ отъ театра, и 2) о томъ каково значеніе критики отражающей въ себѣ вкусы толпы.

По всему умственному и духовному складу своему Сарсэ былъ приспособленъ къ тому чтобы міровоззрѣніе его могло отождествляться съ міровоззрѣніемъ той толпы отношеніе которой къ піесѣ создаетъ успѣхъ или неуспѣхъ этой послѣдней. Во-Франціи да и вездѣ вообще театральная публика по преимуществу буржуазная. Сарсэ какъ по происхожденію, такъ и по воспитанію былъ буржуа въ полномъ смыслѣ этого слова. Одно качество у него преобладаетъ надо всѣми остальными: это здравый смыслъ. Онъ разсудителенъ, остороженъ, уравновѣшенъ и любитъ ясно отдавать себѣ отчетъ въ томъ что видитъ и слышитъ. Если ему не удастся сразу понять какое-либо явленіе, онъ начинаетъ относиться къ нему съ пренебреженіемъ. Иронія приводитъ его въ тревогу и недоумѣніе. Парадоксъ раздражаетъ его. Больше всего пользуются его сочувствіемъ общія мѣста и ходячія истины. Здравый смыслъ неизбѣжно сопряженъ съ извѣстною узкостью воззрѣній: черезчуръ ясное пониманіе однѣхъ сторонъ жизни обусловливается неспособностью къ пониманію другихъ. Здравому смыслу вообще присуща извѣстная степень вульгарности. И Сарсэ былъ вульгаренъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Чтобы у-диться въ этомъ, стоитъ только обратиться къ его оцѣнкѣ класс-ской драмы. Точка отправленія у него въ данномъ случаѣ впол-удачна: онъ задается цѣлію указать что герои трагедіи, какъ ни чужда была намъ обстановка ихъ окружающая, близки соврем-ному человѣчеству по переживаемымъ ими чувствамъ. Для дока-тельства этой мысли по существу своему совершенно вѣрной С-прибѣгаетъ къ самымъ невозможнымъ пріемамъ, приписыв-

ціямъ и Поліэвктамъ рѣчи, понятія и выраженія которыя были бы къ лицу торговцамъ въ мелочной лавочкѣ.

Эта, если можно такъ выразиться, органическая способность Сарсэ къ общенію съ толпою послужила ему основою для выработки общихъ принциповъ театральной критики. По его мнѣнію критикъ долженъ чувствовать заодно съ толпою. Этотъ свой взглядъ онъ не разъ со свойственною ему прямолинейностію излагаетъ въ своихъ произведеніяхъ.

„Театральная публика", говоритъ онъ, „имѣетъ свои прихоти и свои увлеченія, изъ которыхъ иныя кажутся намъ довольно несправедливыми. Они имѣютъ, однако, основаніе, и наша задача состоитъ въ томъ чтобы отыскать и разъяснить его. Намъ нечего бороться противъ этихъ увлеченій во имя вѣчныхъ законовъ красоты. Мы гласъ народа. Мы, критики, принадлежимъ въ общему Панургову стаду. Публика прыгаетъ, и мы за нею. Мы имѣемъ надъ нею одно только преимущество знать почему она прыгаетъ и говоримъ ей объ этомъ. Вотъ что̀ я всегда и старался дѣлать. Успѣхъ піесы опредѣляетъ основу моей критики. Не то чтобы онъ доказывалъ въ моихъ глазахъ безотносительное достоинство піесы, нѣтъ, но онъ наглядно указываетъ что между тѣмъ что̀ изображается на сценѣ и вкусомъ публики есть извѣстное скрытое соотношеніе которое любопытно выяснить. Ремесло критика состоитъ именно въ томъ чтобы растолковать публикѣ почему та или другая вещь нравится ей и какого рода соотношеніе существуетъ между піесою и нравами, понятіями и вкусами толпы. Мы устанавливаемъ по краямъ дороги верстовые столбы съ надписью: „идите, путь открытъ".

Сообразно этимъ убѣжденіямъ Сарсэ заботился въ своихъ критическихъ статьяхъ главнымъ образомъ о томъ чтобы выяснить причины успѣха или неуспѣха каждой піесы взятой въ отдѣльности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ему казалось что піеса заслуживаетъ лучшаго пріема нежели тотъ какой былъ оказанъ ей, онъ не задумывался открыто высказать свое мнѣніе: основнымъ качествомъ его была искренность. Но онъ никогда не допускалъ чтобы его собственное мнѣніе могло имѣть перевѣсъ надъ мнѣніемъ толпы: онъ опять ...лъ смотрѣть піесу и всячески старался распознать причины недоразумѣнія происшедшаго между авторомъ и публикою. Такой пріемъ ...зведенный въ принципъ принижаетъ достоинство критики, лишая ... возможности выполнить высшую ея задачу, воспитывать вкусъ ...блики и служить оружіемъ распространенія въ толпѣ общихъ идей, ... Сарсэ и не задавался этими цѣлями. Будь онъ менѣе даровитъ ... природы, его театральныя хроники могли бы обратиться въ не...средственный отголосокъ толковъ раздающихся во время антрак-

товъ въ зрительной залѣ, но отъ этой участи многихъ театральныхъ хроникеровъ спасли его природная гибкость ума, остроуміе и тонкая наблюдательность. По тому что́ онъ создалъ, онъ стоитъ выше намѣченной имъ себѣ задачи. На самомъ дѣлѣ онъ гораздо менѣе нежели самъ предполагалъ подчинялся внушеніямъ толпы, и ему нерѣдко случалось идти наперекоръ общественному мнѣнію. Природный вкусъ воспитавшійся подъ вліяніемъ основательнаго знакомства съ произведеніями класической литературы былъ ему хорошимъ совѣтчикомъ, и потому онъ рѣдко ошибался въ оцѣнкѣ новыхъ явленій. За грубою внѣшностью въ немъ крылось много чуткости. Онъ зналъ жизнь, тонко подмѣчалъ неточности въ изображеніи ея и горячо протестовалъ противъ всякой фальши, какъ бы ни прикрывалась она громкими фразами. Въ области этики у него были опредѣленныя требованія, и онъ возмущался противъ такъ называемыхъ „вольностей", признавая ихъ оскорбительными для нравственнаго чувства. Всегда хорошее расположеніе духа, усердіе къ работѣ, сила убѣжденія, все въ немъ производило впечатлѣніе здоровья. И среди драматурговъ пользовались наибольшими его симпатіями тѣ кто обладалъ могучимъ здоровымъ талантомъ. Эти свойства его имѣли особенную цѣну въ нынѣшнюю пору нравственной неустойчивости. Какъ по качествамъ, такъ и по недостаткамъ онъ могъ съ полнымъ правомъ назваться сыномъ своего народа. Онъ инстинктивно держался чисто-французскихъ традицій въ требованіяхъ предъявляемыхъ къ драматическому искусству.

Своимъ авторитетомъ онъ даже способствовалъ сохраненію этихъ традицій. Сарсэ нельзя причислить къ разряду критиковъ проповѣдующихъ новыя идеи, способствующихъ обновленію искусства или стремящихся возвысить толпу надъ нею самою и открыть ей новыя, недоступныя ей дотолѣ истины. Роль его была иная, но притомъ далеко не маловажная. Его можно сравнить съ главнымъ мастеромъ который одинъ въ мастерской знаетъ передающуюся изъ поколѣнія въ поколѣніе тайну способа производства, смотритъ за тѣмъ чтобы работа шла хорошо и оказываетъ услугу покупателямъ тѣмъ что неустанно слѣдитъ за качествомъ сбываемаго товара.

Изъ прочихъ статей помѣщенныхъ въ сборникѣ особеннымъ ин ресомъ для русскихъ читателей обладаетъ та которая посвяще подробному разбору „Воскресенія" графа Толстаго. Авторъ задает здѣсь задачею прослѣдить какъ повліяло міровоззрѣніе автора сложи шееся въ періодъ времени протекшій между „Анной Карениной" „Войной и миромъ" съ одной стороны, и „Воскресеніемъ" съ др гой, на творчество великаго писателя. Сущность высказаннаго Д микомъ по этому поводу сводится къ слѣдующему.

Всемірныя узы братства должны были бы соединять всѣхъ людей которые обязаны помогать другъ другу и облегчать одинъ другому общую тяготу жизни. Такова основа философіи гр. Толстаго связующая въ одно стройное, по мысли и духу, цѣлое всѣ его произведенія. Онъ описываетъ не для того чтобы описывать, анализуетъ жизненныя явленія отнюдь не изъ празднаго любопытства. Его нельзя причислить ни къ безстрастнымъ художникамъ которымъ жизнь человѣческая служитъ только матеріаломъ для ихъ творчества, ни къ безчеловѣчнымъ моралистамъ радующимся тому что они могутъ вывести наружу всѣ людскіе недостатки и пороки. Наоборотъ, въ его изслѣдованіяхъ человѣческой природы имъ руководитъ страстная жалость, и она-то придаетъ совершенно особое значеніе получаемымъ изъ его наблюденій выводамъ. Благодаря ей возвышается и облагороживается самый реализмъ Толстаго. Ею же проникнутъ и послѣдній его романъ. Но здѣсь можно прослѣдить въ то же время какъ постепенная работа мысли, тридцать лѣтъ посвященныхъ изученію соціальныхъ вопросовъ, да, наконецъ, и возрастъ измѣнили процесъ творчества писателя: въ этой области и замѣчается наиболѣе рѣзкое различіе между „Воскресеніемъ“ и двумя прежними романами того же автора. Тамъ хотя не могло быть сомнѣнія въ томъ куда направлены симпатіи гр. Толстаго, изображеніе дѣйствующихъ лицъ и ихъ среды обладало достаточною степенью разносторонности, и въ анализѣ чувствъ и душевныхъ движеній можно было прослѣдить безконечное множество оттѣнковъ.

Что̀ особенно ярко умѣлъ изображать Толстой въ ту пору, это ту смѣсь добра и зла которую невозможно встрѣтить въ жизни какъ безусловно хорошихъ, такъ и безусловно дурныхъ людей. Въ „Воскресеніи“ мы замѣчаемъ обратное. Авторъ руководствуется здѣсь съ начала до конца предвзятою мыслію. Съ одной стороны онъ показываетъ намъ толпу негодяевъ цѣликомъ состоящую изъ той категоріи людей которыхъ въ общежитіи принято называть порядочными, съ другой жертвъ притѣсненія, произвола и обиды. Это въ полномъ смыслѣ слова обвинительный актъ противъ всего существующаго строя и всего современнаго общества Это памфлетъ въ формѣ романа. Въ данномъ случаѣ ненависть ко всѣмъ кому живется хорошо и легко служитъ орудіемъ милосердію къ несчастнымъ и падшимъ.

Этой односторонности своего міровоззрѣнія гр. Толстой обязанъ и яркимъ колоритомъ отдѣльныхъ сценъ своего романа, и слабостью его общей концепціи. Эта послѣдняя сказалась въ невозможности закончить романъ согласно первоначальному плану бракомъ между Нехлюдовымъ и Катюшею. Художественное чутье автора за-

ставило его остановиться передъ такою развязкой. Кромѣ того въ этомъ отношеніи знаменательно еще то что наименѣе выдержанный типъ въ романѣ самъ Нехлюдовъ, въ лицѣ котораго сосредоточенъ дѣятельный протестъ противъ существующаго порядка вещей. Даже тѣ чью судьбу онъ такъ рѣшительно собирается устраивать напоминаютъ ему о томъ что общество не можетъ существовать безъ извѣстныхъ рамокъ служащихъ ему не только стѣсненіемъ, но и поддержкою. Маслова, отказываясь выйти за него замужъ, начинаетъ съ того что напоминаетъ ему о разницѣ ихъ общественныхъ положеній. Мужики которымъ онъ собирается отдать землю указываютъ ему что поступая такъ онъ дѣлаетъ не то что̀ долженъ былъ бы сдѣлать, находясь на томъ мѣстѣ на какое поставила его судьба, и т. д. Нехлюдовъ, то-есть, вѣрнѣе, авторъ внушающій ему его поступки забываетъ что всякій человѣкъ есть не только отдѣльная личность, но также частица цѣлаго называемаго обществомъ, и потому неизбѣжно долженъ находиться въ зависимости отъ этого послѣдняго. Борьба противъ общества въ томъ видѣ какъ ее проповѣдуетъ Толстой есть задача совершенно невозможная, и потому проповѣдь такой борьбы заключающаяся въ „Воскресеніи“ неизбѣжно должна была повредить художественной цѣлостности этого романа.

Кромѣ упомянутыхъ статей, сборникъ заключаетъ въ себѣ еще нѣсколько критическихъ очерковъ посвященныхъ Мишле, Бальзаку, Жоржъ Зандъ, Вольтеру, Полю Адаму, Марселю Прево и другимъ.

Религіозная фантазія Маріи Корелли.

The Master Christian, by Marie Corelli. London. Methuen. 1900.

Въ сентябрѣ 1900 года появился новый романъ извѣстной англійской писательницы Маріи Корелли озаглавленный: „The Master Christian“ и разошедшійся въ теченіе двухъ недѣль въ количествѣ 150.000 экземпляровъ. Романъ этотъ не только служилъ и служитъ темою для толковъ въ печати и обществѣ, но сдѣлался даже для нѣкоторыхъ модныхъ проповѣдниковъ темою для проповѣдей пр… носимыхъ съ церковной каѳедры. Это послѣднее обстоятельство одно само по себѣ служитъ доказательствомъ что англійская пу… ка ищетъ въ романѣ г-жи Корелли не только художественныхъ стоинствъ, но и новыхъ идей. Несомнѣнно также что новыя идеи по вкусу Англичанамъ, иначе книга не имѣла бы того колоссальн… успѣха какимъ она пользуется у соотечественниковъ автора, во… ки правилу: „никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ“. Въ ч…

тайна ея обаянія на читателей и каковы тѣ „новые горизонты“ которые ей по отзыву одного англійскаго критика суждено открыть „сердцамъ жаждущимъ истины“?

Начало дѣйствія происходитъ въ Руанѣ. Туда пріѣзжаетъ на нѣсколько дней изъ другой епархіи кардиналъ Феликсъ Бонпрэ известный своими добродѣтелями и праведною, строгою жизнію. Человѣкъ глубоко вѣрующій, высоко ставящій свое призваніе пасти чадъ духовныхъ, онъ съ сокрушеніемъ убѣждается что въ нашемъ вѣкѣ люди зовущіеся христіанами далеко не соотвѣтствуютъ идеалу людей проникнутыхъ ученіемъ Христа и скорбитъ объ этомъ. Тутъ въ шумномъ и людномъ городѣ этотъ недостатокъ современной жизни выступаетъ передъ нимъ тѣмъ болѣе ярко что онъ давно уже стоялъ внѣ близкаго общенія съ людьми, потому что собственная его епархія находится въ одномъ изъ самыхъ захолустныхъ, патріархальныхъ уголковъ Франціи. Тутъ же, при знакомствѣ съ населеніемъ Руана, ему приходится убѣдиться что молодое поколѣніе воспитанное въ школахъ откуда изгнана вѣра совсѣмъ утратило понятіе о Богѣ, а старое въ силу своего невѣжества не можетъ противостоять невѣрію и нерѣдко само невольно заражается имъ. Пастыри же церковные на чьей обязанности лежитъ духовное наставленіе чадъ церкви такъ заняты собственнымъ благополучіемъ что имъ не хватаетъ ни времени, ни охоты для выполненія ихъ прямыхъ обязанностей. Всѣ эти наблюденія наводятъ кардинала Бонпрэ на печальныя размышленія подъ вліяніемъ которыхъ онъ вечеромъ засыпая видитъ во снѣ кончину міра. Пораженный ужасомъ при видѣ этого зрѣлища онъ молитъ Бога чтобы Онъ сжалился надъ міромъ и еще разъ сошелъ на землю, гдѣ люди теперь болѣе нежели прежде подготовлены къ принятію Христа. Въ отвѣтъ на свою мольбу онъ слышитъ голосъ говорящій ему что просьба его будетъ исполнена. Кардиналъ просыпается удивленный слышаннымъ и заснуть ему болѣе не удается. Онъ сидитъ у окна, любуясь разстилающеюся передъ нимъ залитою луннымъ свѣтомъ площадью, на противоположной сторонѣ которой возвышается старинный соборъ. Вдругъ среди ночной тишины ясно раздается не то плачъ, не то жалоба. Вѣрный своему обычаю идти на помощь всякому страждущему, кардиналъ Бонпрэ идетъ на голосъ и, придя къ дверямъ собора, видитъ прижавшагося къ нимъ двѣнадцатилѣтняго мальчика поразительной красоты, который жалобно проситъ чтобы его впустили въ храмъ. На вопросы кардинала о чемъ онъ горюетъ, мальчикъ отвѣчаетъ что онъ одинъ на свѣтѣ и что ему некуда приклонить голову, потому что міръ для него пустъ.

— Я хотѣлъ, говоритъ онъ,—провести ночь въ этомъ соборѣ, но онъ оказывается запертымъ.

— Эти двери всегда заперты, отвѣчаетъ ему кардиналъ,—но я тебѣ дамъ пріютъ. Хочешь идти со мною?

— Я бы съ радостію пошелъ, говоритъ мальчикъ,—но я вижу по вашему платью что вы кардиналъ, неужели же вы захотите дать пріютъ мнѣ о которомъ вы даже не знаете откуда я пришелъ и кто я. Вѣдь я даже ничѣмъ не могу отплатить вамъ за вашу доброту ко мнѣ.

Кардиналъ ласково беретъ мальчика за руку, уводитъ его къ себѣ, помѣщаетъ его въ своей комнатѣ и уступаетъ ему свою постель.

— То что ты находишься въ бѣдѣ, одно уже даетъ тебѣ право на мою защиту, дитя мое, отвѣчаетъ онъ ребенку.

— Но вы даже не спрашиваете меня какъ меня зовутъ, говоритъ мальчикъ.

— Я не любопытенъ и предоставляю тебѣ самому сказать мнѣ о себѣ что̀ найдешь нужнымъ.

Мальчикъ пораженъ этимъ великодушіемъ.

— Да, но вы имѣете право знать мое имя, говоритъ онъ кардиналу.—Меня зовутъ Мануэль.

Видя что мальчикъ не хочетъ ничего болѣе разказывать о себѣ, кардиналъ не задаетъ ему никакихъ вопросовъ и оставляетъ его у себя, намѣреваясь никогда болѣе не разставаться съ нимъ.

Съ первыхъ же дней пребыванія Мануэля въ домѣ кардинала начанаетъ оказываться въ таинственномъ мальчикѣ какая-то непостижимая сила надо всѣми внѣшними обстоятельствами жизни. Къ кардиналу Бонпрэ приводятъ маленькаго калѣку съ просьбою помолиться объ его исцѣленіи. Мануэль присутствуетъ при молитвѣ, и мальчикъ исцѣляется.

Изъ Руана кардиналъ со своимъ воспитанникомъ отправляется въ Парижъ и тамъ пребываетъ нѣсколько времени въ домѣ своей племянницы донны Анджелы Соврани. Она представляетъ собою тотъ типъ женщины-генія къ которому г-жа Корелли имѣетъ особое пристрастіе. Анджела, дочь князя Пьетро Соврани, принадлежитъ къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Италіи и надѣлена природою всѣми возможными совершенствами. Кромѣ обаятельной внѣшности она обладаетъ самыми удивительными душевными качествами и таланто къ живописи „дѣлающимъ ее достойною соперницей Рафаэля Мурильо“. Эта удивительная дѣвушка за нѣсколько времени до то увлеклась идеями ученія именующаго себя „христіанскимъ соціали момъ“ и находится въ дѣятельной перепискѣ съ однимъ изъ вож ковъ этого ученія Италіянцемъ Джпсомъ Гранди. Ея увлеченіе м лодымъ соціалистомъ имѣетъ совершенно идеальный характеръ: о

даже не знакома съ нимъ лично, а знаетъ его только по его статьямъ, путемъ которыхъ онъ старается распространять въ народѣ свое ученіе. Предметомъ же ея привязанности является человѣкъ совершенно недостойный ея, художникъ Флоріанъ Варилло. Уже два года она считается его невѣстою, но свадьба отложена до тѣхъ поръ, пока Анджела кончитъ свою большую картину которую она пока ревниво охраняетъ отъ всякаго посторонняго взгляда. Флоріанъ Варилло ждетъ окончанія положеннаго срока тѣмъ терпѣливѣе что настоящая его жизнь вполнѣ ему по вкусу: онъ кутитъ, веселится, пишетъ стихи „подобно большинству Италіянцевъ съ такою же легкостью, съ какою ѣстъ макароны" и увлекается одною изъ своихъ натурщицъ. Послѣднее обстоятельство, разумѣется, неизвѣстно Анджелѣ которая считаетъ своего жениха образцомъ всѣхъ совершенствъ.

Въ домѣ Анджелы кардиналъ встрѣчается съ любопытными образчиками парижскаго общества: симпатичнымъ англійскимъ соціалистомъ Обрей Лей, представителемъ развращенной французской аристократіи маркизомъ Фонтенелемъ и еще болѣе развращеннымъ представителемъ католическаго духовенства абатомъ Верньо. Этотъ послѣдній совершилъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ возмутительный проступокъ. Онъ соблазнилъ молодую крестьянскую дѣвушку и бросилъ ее съ ребенкомъ на произволъ судьбы. Въ настоящее время ему грозитъ наказаніе за этотъ проступокъ. Соблазненная имъ дѣвушка умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ и передъ смертью взяла съ своего сына клятву что онъ убьетъ виновника ея позора. Абатъ Верньо знаетъ о томъ что его сынъ выслѣживаетъ его съ цѣлію убить, и въ немъ пробуждаются угрызенія совѣсти. Подъ вліяніемъ кардинала Бонпрэ и Мануэля онъ рѣшается искупить хотя отчасти сдѣланное зло публичною исповѣдью своего грѣха. Войдя на каѳедру въ Notre-Dame de Lorette куда собралась его слушать многочисленная толпа онъ приноситъ всенародное покаяніе. Едва успѣваетъ онъ кончить свою исповѣдь, какъ раздается направленный противъ него выстрѣлъ. Благодаря чудесному вмѣшательству Мануэля защитившаго его отъ пули, абатъ Верньо остается невредимъ. Полиція приводитъ къ нему преступника, котораго онъ прощаетъ признавъ его тутъ же всенародно ...имъ сыномъ, и примиренный съ нимъ уводитъ его къ себѣ домой. ...тъ оказывается что сынъ этотъ носящій фамилію матери-крестьянки есть знаменитый подъ своимъ литературнымъ псевдонимомъ ...кисъ Гранди, глава соціалистскаго движенія въ Италіи.

Изъ Парижа дѣйствіе переносится въ Римъ. Анджела Соврани ...этъ туда доканчивать свою картину, а кардиналъ Бонпрэ и абатъ ...ерньо вызываются въ римскую курію, первый для объясненія по по-

воду чуда сотвореннаго имъ въ Руанѣ, а второй чтобы отдать отчетъ о совершенномъ имъ противъ церковной дисциплины проступкѣ, за каковой признается его публичная исповѣдь въ Notre-Dame de Lorette.

Въ описаніи Рима Марія Корелли даетъ полный просторъ своей ненависти къ церкви и ея представителямъ, а потому въ этой части романа наиболѣе характерно выступаетъ тенденціозная подкладка всего произведенія. Каждый изъ кардиналовъ здѣсь изображенныхъ представляетъ собою живое олицетвореніе одного изъ семи смертныхъ грѣховъ, а нерѣдко и нѣсколькихъ взятыхъ вмѣстѣ.

Кардиналу Бонпрэ и Мануэлю самый Римъ съ безчисленными сокровищами собранными въ его храмахъ и папскихъ дворцахъ представляется мѣстомъ погибели, и всѣ разсужденія влагаемыя авторомъ въ ихъ уста во время и послѣ многочисленныхъ ихъ прогулокъ по вѣчному городу клонятся къ выясненію этой идеи. Больше того, Марія Корелли описываетъ аудіенцію у папы кардинала Бонпрэ и его воспитанника, во время которой Мануэль обращается къ главѣ римской церкви съ обличительною рѣчью, обвиняя папу въ отсутствіи живаго участія къ людямъ и приглашая его покинуть пышные чертоги Ватикана съ тѣмъ чтобы вмѣстѣ съ нимъ, Мануэлемъ, идти личнымъ трудомъ облегчать участь больныхъ и несчастныхъ. Аудіенція кончается тѣмъ что съ папою дѣлается обморокъ. Кардиналъ Бонпрэ и Мануэль возвращаются домой и тайкомъ уѣзжаютъ изъ Рима въ Англію, гдѣ надѣются найти болѣе подходящее поприще для устроенія общины на христіанскихъ демократическихъ началахъ. Вскорѣ слѣдуютъ за ними туда же ихъ друзья и единомышленники, за исключеніемъ абата Верньо который умираетъ въ Парижѣ на рукахъ сына наканунѣ того дня, когда римская курія собирается обнародовать его отлученіе отъ церкви за его всенародное покаяніе.

Для Анджелы пребываніе въ Римѣ оказывается еще болѣе богатымъ тревогами и волненіями нежели для ея дяди. Она заканчиваетъ свою картину „Пришествіе Христа“. Это огромное полотно расписанное въ томъ алегорическомъ стилѣ который старается распространить императоръ Вильгельмъ II. Середина картины занята великолѣпно написанною фигурой Спасителя окруженнаго яркимъ сіяніемъ. Внизу же и по сторонамъ надвигаются темныя тучи изображающія собою мракъ невѣжества, себялюбія и лицемѣрія, и въ этомъ тус. освѣщеніи движутся образы папъ, кардиналовъ и абатовъ влеку.. за собою въ погибель членовъ Церкви Христовой. По увѣренію М Корелли, картина эта по мысли и выполненію является наст выдающимся произведеніемъ что даетъ Анджелѣ право на п мѣсто въ ряду какъ прежнихъ, такъ и настоящихъ италі

художниковъ. Этимъ же убѣжденіемъ проникается и Флоріанъ Варилло, впервые видя твореніе своей невѣсты наканунѣ того дня, когда оно должно явиться на судъ публики. До этого времени Флоріанъ Варилло былъ убѣжденъ въ невозможности для женщины самостоятельно создать что-либо достойное вниманія, тутъ же при видѣ нагляднаго доказательства того что талантъ его невѣсты неизмѣримо выше его собственнаго, имъ овладѣваетъ безумная ревность и зависть. Онъ выхватываетъ кинжалъ и ударяетъ имъ изо всей силы Анджелу въ то время какъ она, ничего не подозрѣвая, оборачивается къ картинѣ отыскивая въ ней по его указанію какіе-то недостатки. Анджела падаетъ замертво. Варилло уходитъ незамѣченный изъ ея студіи, куда пробрался черезъ потайную дверь, и рѣшаетъ, думая что его невѣста умерла, объявить себя авторомъ ея картины и тѣмъ прославить свое имя. Анджелѣ, однако, удается оправиться и выздоровѣть, благодаря чудесному вмѣшательству Мануэля, а преступникъ гонимый страхомъ что его злодѣйство откроется бѣжитъ изъ Рима и попадаетъ въ протестантскій монастырь гдѣ кончаетъ свои дни сожженнымъ заживо при пожарѣ церкви. Анджела выздоравливаетъ и уѣзжаетъ въ Англію, а картину ея преданную проклятію папою покупаетъ американскій народъ за большую сумму денегъ. За Анджелою слѣдуетъ въ Лондонъ влюбленный въ нее Джисъ Гранди, который вскорѣ послѣ смерти ея жениха занимаетъ его мѣсто, и Обрей Лей съ женою своею Сильвіей рожденною графинею Герменштейнъ.

Первое знакомство этой пары состоялось въ Римѣ, въ пору пребыванія тамъ Анджелы и кардинала Бонпрэ. Обрей Лей пріѣзжаетъ въ вѣчный городъ съ цѣлію обратить своею проповѣдію къ христіанскому соціализму вліятельныхъ въ католическомъ мірѣ лицъ, но это ему не удается, и единственнымъ результатомъ его усилій является отреченіе отъ католицизма графини Герменштейнъ. Это отреченіе вызываетъ цѣлую бурю въ римской куріи, такъ какъ Сильвія была щедрою жертвовательницей на церковныя нужды. Начинается цѣлый рядъ интригъ имѣющихъ цѣлію вернуть заблудшую овцу къ покинутому ею стаду. Нечего и говорить, съ какимъ увлеченіемъ авторъ останавливается на самыхъ мелкихъ подробностяхъ въ своемъ описаніи происковъ римскихъ прелатовъ. Любовь, однако, побѣждаетъ, и Сильвія становится миссисъ Лей, обвѣнчавшись съ избранникомъ своего сердца сначала въ американскомъ консульствѣ въ Римѣ, а потомъ въ Лондонѣ, въ баракѣ устроенномъ Обреемъ Лей для собранія вѣрующихъ его толка. Описаніемъ этого втораго вѣнчанія Марія Корелли пользуется какъ случаемъ для того чтобы дать читателямъ понятіе о религіи будущаго въ томъ видѣ въ какомъ эта послѣдняя рисуется собственному ея пылкому воображенію. Христіанскій соціализмъ, по ея

мнѣнію, не долженъ имѣть догматовъ, кромѣ догмата непогрѣшимости личныхъ религіозныхъ убѣжденій каждаго изъ своихъ приверженцевъ, ни символовъ, кромѣ высокаго темнаго деревяннаго креста украшеннаго цвѣтами, ни священнослужителей, кромѣ лицъ добровольно берущихъ на себя обязательство выражать вслухъ за собравшуюся толпу ея мысли и чувства, ни цѣннаго имущества, за исключеніемъ произведеній искусства созданныхъ изъ матеріаловъ, которые не имѣютъ цѣны сами по себѣ. Въ качествѣ образца богослуженія по обряду новой религіи Марія Корелли приводитъ вѣнчаніе супруговъ Лей, заставляя ихъ въ высокопарныхъ выраженіяхъ давать другъ другу клятву вѣрности въ присутствіи трехъ тысячъ свидѣтелей.

Въ заключительныхъ главахъ романа описывается благотворительная дѣятельность супруговъ Лей, кардинала Боннрэ и Мануэля въ Лондонѣ. Чтобы наказать кардинала Боннрэ за непокорность папа присылаетъ ему приказъ отказаться отъ всякаго общенія съ племянницею и ея друзьями и навсегда разстаться съ Мануэлемъ. Чтобы не быть обязаннымъ повиноваться этому приказу, кардиналъ предпочитаетъ послѣдовать примѣру Сильвіи и отречься въ свою очередь отъ католической церкви, и пишетъ въ этомъ духѣ отвѣтъ папѣ. Отъ описанія послѣдствій этого письма читатели, однако, счастливо избавлены, потому что авторъ тутъ заканчиваетъ свой романъ смертью кардинала и возвращеніемъ Мануэля на небо.

Англійскій публицистъ Стэдъ характеризовалъ однажды Марію Корелли, по поводу одного изъ ея прежнихъ произведеній, какъ писательницу „съ самою неограниченною фантазіей". „The Master Christian" представляетъ собою, къ сожалѣнію, самое блестящее доказательство справедливости этого опредѣленія.

„Къ сожалѣнію" потому что здѣсь фантазія автора направлена на такія темы гдѣ всякое праздное слово приближается къ кощунству. Таковымъ, безусловно, и является романъ г-жи Корелли съ нашей православной точки зрѣнія, какъ въ основной мысли своей, такъ и во многихъ, прямо невозможныхъ для передачи подробностяхъ. Но справедливость требуетъ указать что Маріи Корелли безусловно чуждо намѣренно-легкомысленное отношеніе къ религіи и чему-либо къ ней относящемуся. Напротивъ, она, какъ показы[illegible] многія изъ прежнихъ ея произведеній, да отчасти даже и эт[illegible] ловѣкъ глубоко и искренно вѣрующій. Вина кроется тутъ не ст[illegible] въ ней самой, сколько во всей средѣ гдѣ могло явиться и [illegible] успѣхъ подобное произведеніе. Оно представляетъ собою гл[illegible] печальное знаменіе времени для нынѣшней Англіи. Тамъ, дѣй[illegible]тельно, замѣчается съ каждымъ годомъ упадокъ той искренн[illegible]

тельной любви къ людямъ которая составляетъ основу христіанства. Явленіе это заставляетъ задумываться многихъ, но въ настоящей причинѣ его, кроющейся въ себялюбіи и гордости съ дѣтства воспитываемыхъ въ сынахъ Британіи никто хочетъ сознаться. Для народной гордости является гораздо менѣе оскорбительнымъ, если эта причина отнесена будетъ къ чисто внѣшнимъ условіямъ, однимъ изъ каковыхъ и является преобладаніе формы надъ содержаніемъ въ отношеніяхъ чадъ церкви, какъ католической, такъ и протестантской, къ ихъ обязанностямъ. Этотъ недостатокъ современной жизни и старается изобразить Марія Корелли въ своемъ романѣ, но только здѣсь ему придано совершенно ложное освѣщеніе. А именно, вмѣсто того чтобы винить въ данномъ случаѣ людей не желающихъ или не могущихъ понимать обязанности христіанина, она винитъ учрежденія. А такъ какъ римско-католическая церковь какъ учрежденіе есть нѣчто несравненно болѣе устойчивое и опредѣленное нежели церковь англиканская, то понятно что главныя стрѣлы автора направлены противъ нея.

Кромѣ того, этотъ романъ Маріи Корелли представляетъ собою блестящій образецъ того, до чего можетъ дойти человѣкъ даже искренно вѣрующій когда онъ предоставленъ собственному произволу въ рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ. Здѣсь, дѣйствительно, нѣтъ границъ фантазіи, и тѣ нелѣпости до которыхъ доходитъ авторъ способны были бы не разъ вызвать насмѣшку, еслибы онѣ не соприкасались съ предметомъ, къ которому нельзя относиться иначе, какъ съ благоговѣніемъ.

Общественная и частная благотворительность.

Assistance publique et bienfaisance privée, par M. le comte d'Haussonville (*Revue des deux Mondes*, 15 Decembre 1900).

Во Франціи за послѣдніе годы ведется постоянная упорная борьба между общественною и частною благотворительностью. Борьба имѣетъ основою тотъ постоянный споръ между духовною и свѣт..о властію, между вѣрою и безвѣріемъ, который вообще служитъ ..внымъ источникомъ внутреннихъ смутъ и несогласій во француз..й жизни. Общественная благотворительность усвоила себѣ впол.. лаическій характеръ, благотворительность же частная находится ..преимуществу въ рукахъ духовенства и людей руководящихся ..помощи ближнему религіозными убѣжденіями. Политическая враж.. этихъ двухъ партій, къ сожалѣнію, была перенесена и на почву

филантропіи, гдѣ по существу своему не должна была бы имѣть мѣста, и подала поводъ къ весьма прискорбнымъ инцидентамъ въ видѣ закрытія нѣкоторыхъ благотворительныхъ учрежденій и ограниченія дѣятельности другихъ.

Эти обстоятельства побудили извѣстнаго филантропа и публициста графа Осонвиля написать настоящую статью гдѣ выясняется взаимное соотношеніе между общественною и частною благотворительностію и опредѣляется то мѣсто которое та и другая должны занимать въ жизни страны.

Осонвиль начинаетъ съ того что старается выяснить сущность той идеи которою въ принципѣ руководится благотворительность. Въ настоящее время, по словамъ автора, никто уже не отрицаетъ если не обязательства, то необходимости приходить на помощь страждущимъ. А между тѣмъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ обязательство это отрицалось на основаніи теоріи трансформизма проповѣдовавшаго что уничтоженіе слабыхъ элементовъ человѣчества есть необходимое условіе его процвѣтанія. Положеніе это выражено въ знаменитомъ изреченіи Герберта Спенсера: „Нищета неспособныхъ, гибель неосторожныхъ, уничтоженіе лѣнивыхъ и *движеніе впередъ сильныхъ отстраняющее съ пути слабыхъ* составляютъ окончательный результатъ разумнаго и благодѣтельнаго закона природы". Въ этой теоріи любопытно то что она была выработана ученымъ, которому мы обязаны сравненіемъ общества съ живымъ человѣческимъ организмомъ. Спенсеру осталось почему-то чуждымъ то соображеніе что какъ въ организмѣ отдѣльнаго человѣка, такъ и въ организмѣ общественномъ нельзя безъ вреда для цѣлаго ни отрѣзать отдѣльныя части, ни предоставлять имъ подвергаться порчѣ.

Какъ бы то ни было, теорія уничтоженія слабаго сильнымъ не получила распространенія и пала сама собою подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній.

Очень невелико въ настоящее время также число экономистовъ школы которой было присвоено Жюлемъ Симономъ наименованіе: „L'école dure", то-есть, тѣхъ кто хотѣлъ бы исключить изъ общественной организаціи всякій принципъ помощи ближнему. Наоборотъ, въ настоящее время преобладаетъ обратное теченіе и больше всего стараются о томъ чтобы возложить на общество многія изъ так[illegible] заботъ которыя было бы разумнѣе предоставить частнымъ лиц[illegible] или отдѣльнымъ небольшимъ кружкамъ. Стремленіе это возникло [illegible] почвѣ новой философско-соціальной теоріи получившей широ[illegible] распространеніе въ наши дни. Происхожденіе ея само по себѣ [illegible]служиваетъ вниманія.

Искони основою всякой благотворительности какъ обществен[illegible]

такъ и частной служилъ принципъ милосердія выработанный христіанствомъ. Съ конца прошлаго вѣка подъ вліяніемъ идей революціи сложилось понятіе будто въ самомъ терминѣ „милосердіе" заключается противорѣчіе требованіямъ гражданской морали. Поэтому слово это пытались замѣнить терминами: „филантропія" и „братство". На бѣду первая республика опошлила одинъ изъ этихъ терминовъ, а вторая окровавила другой. Слово „альтруизмъ" еще не вошло въ общее употребленіе. Поэтому придумали или, вѣрнѣе, заимствовали изъ гражданскаго законодательства новый терминъ, а именно: „солидарность". Слово это привилось въ качествѣ ходячаго термина раньше нежели выработалось ясное представленіе о выражаемомъ имъ понятіи и оно сдѣлалось боевымъ кличемъ цѣлой политической партіи. За послѣднее время была сдѣлана попытка пополнить этотъ пробѣлъ. Появилась книга Леона Буржуа озаглавленная „Солидарность" и имѣющая цѣлію выработать настоящія разумныя основы для благотворительности. Положенія Буржуа сводятся къ слѣдующему: „Человѣкъ, добровольно или нѣтъ, есть членъ общества, должникомъ котораго состоитъ съ самаго рожденія за все то что оно сдѣлало и подготовило для него. Это обязательство лежащее на каждомъ изъ членовъ общества составляетъ основу права и всѣхъ общественныхъ повинностей, въ томъ числѣ и взаимопомощи которая есть по существу своему не что̀ иное какъ уплата долга". Аргументація эта хотя и остроумна, даетъ, однако, поводъ къ цѣлому ряду возраженій. Среди нихъ самое вѣское то что общество не имѣетъ права требовать отъ человѣка уплаты займа, котораго онъ не заключалъ и по доброй волѣ быть можетъ никогда не заключилъ бы. Затѣмъ, каково бы ни было значеніе теоріи солидарности въ качествѣ основы права, изъ этой теоріи трудно вывести принципъ обязательства помогать бѣднымъ. Это понялъ и самъ авторъ книги о солидарности, и потому доказательство необходимости благотворить построено имъ на совершенно другомъ основаніи. Онъ говоритъ: „Человѣкъ не можетъ оставаться безучастнымъ наблюдателемъ соціальной драмы. Въ ней онъ является не только зрителемъ, но дѣйствующимъ лицомъ, соучастникомъ или жертвою, если развязкою драмы служатъ слезы или насиліе... Здоровью каждаго отдѣльнаго человѣка постоянно угрожаютъ болѣзни другихъ людей"... На основаніи этихъ соображеній Буржуа утверждаетъ что помогать ближнему долженъ побуждать человѣка страхъ самому сдѣлаться жертвою общественнныхъ бѣдствій. То есть, говоря иными словами, солидарность есть не что̀ иное какъ высшая форма сознательнаго эгоизма. Къ тому же и тутъ солидаристовъ легко побить ихъ собственнымъ оружіемъ, именно: всякій имѣетъ право быть эгоистомъ

на свой ладъ, не сообразуясь съ програмою солидаристовъ, и своимъ эгоизмомъ не содѣйствовать, а препятствовать общественному благополучію.

Такимъ образомъ принципы солидарности въ качествѣ стимула для того чтобы приходить на помощь ближнему оказываются совершенно непригодными къ тому чтобы замѣнить собою христіанское правило милосердія и любви къ ближнему. Христіанство и солидаризмъ сходятся лишь въ одномъ, а именно въ томъ что помощь ближнему есть долгъ, но при этомъ христіанство основываетъ это обязательство на высшей идеѣ добра, а солидаризмъ на мелкихъ, чисто утилитарныхъ соображеніяхъ.

Авторъ статьи переходитъ затѣмъ къ обсужденію вопроса о томъ въ какой формѣ должна выработаться эта помощь и отъ кого она должна исходить.

„Кому“, спрашиваетъ онъ, „должна быть вмѣнена въ обязанность эта помощь? Обществу. Я говорю обществу, а не правительству, такъ какъ общество и государство въ моихъ глазахъ вещи совершенно различныя. Правительство есть лишь одна изъ составныхъ частей общественнаго механизма, оно является, пожалуй, олицетвореніемъ общества во многихъ случаяхъ жизни, но оно не есть само общество. Установивъ это различіе, я позволяю себѣ утверждать что цивилизованное общество обязано въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходить на помощь страждущимъ. Нельзя, напримѣръ, допустить чтобы оставались безъ призрѣнія покинутый матерью грудной ребенокъ, безпріютный бѣднякъ по болѣзни лишенный возможности добыть себѣ трудомъ кровъ и пропитаніе, и т. п. О необходимости помощи тутъ не можетъ быть и спора. Спорятъ только о томъ на кого должна быть возложена обязанность помогать въ этомъ случаѣ, на общество или на частныхъ людей. Для разрѣшенія этого вопроса существуютъ двѣ діаметрально противоположныя теоріи. Согласно первой изъ нихъ забота объ организаціи помощи нуждающимся лицамъ должна быть исключительно предоставлена частной иниціативѣ, согласно второй общественной. По мнѣнію Осонвиля, торжество каждой изъ этихъ двухъ теорій, въ случаѣ еслибы одержала верхъ одна изъ нихъ, было бы сопряжено съ ущербомъ для дѣла благотворительности которое можетъ идти успѣшно то
въ томъ случаѣ, если общество и частныя лица будутъ взаимно
держивать другъ друга. Благотворительность частная отличается
костью, теплотою отношенія къ страждущимъ и способностью
мѣняться къ каждому отдѣльному случаю и лицу. Въ этомъ
шеніи у нея несомнѣнное преимущество надъ общественною б
творительностью. Но за то она гораздо болѣе подвержена

рода колебаніямъ и случайностямъ нежели эта послѣдняя. Одни страданія трогаютъ ее, другія оставляютъ безучастною. Къ тому же она имѣетъ спорадическій характеръ: временами, подъ вліяніемъ извѣстныхъ впечатлѣній, она бываетъ дѣятельною и щедрою, временами же дѣятельность ея ослабѣваетъ и щедрость уменьшается. Къ тому же и въ географическомъ отношеніи она распредѣляется неравномѣрно, проявляя излишекъ дѣятельности въ одномъ мѣстѣ и недостатокъ въ другомъ. Нищета же и страданія существуютъ повсюду и повсюду одинаково нуждаются въ помощи. Поэтому необходима правильная законная организація этой послѣдней, то-есть, такая которую можетъ дать только общество взятое въ цѣломъ.

Самымъ разумнымъ путемъ для упорядоченія общественной благотворительности было бы по мнѣнію автора статьи: 1) точное опредѣленіе извѣстныхъ категорій страждущихъ имѣющихъ право на помощь, 2) назначеніе должностныхъ лицъ или учрежденій облеченныхъ полномочіями для устройства этой помощи въ томъ или другомъ видѣ, и 3) снабженіе упомянутыхъ лицъ и учрежденій необходимыми для выполненія ихъ задачи средствами. Во французскомъ законодательствѣ существуетъ уже цѣлый рядъ постановленій въ этотъ духѣ. Таковы: законъ изданный 19 января 1811 года объ общественномъ призрѣніи покинутыхъ дѣтей, законъ 3 іюня 1838 года о призрѣніи на общественный счетъ умалишенныхъ не имѣющихъ средствъ къ жизни, законъ 7 августа 1850 года объ обязательномъ пріемѣ въ больницы больныхъ не имѣющихъ крова или пристанища, и нѣкоторые другіе.

Конгресъ общественнаго призрѣнія состоявшійся въ Парижѣ въ 1889 году выработалъ слѣдующее очень удачное опредѣленіе той задачи которую должна поставить себѣ общественная благотворительность: „Общественное призрѣніе, за неимѣніемъ другаго, должно оказываться бѣдняку временно или окончательно лишенному физической возможности добывать себѣ необходимыя для существованія средства.“ Совѣтъ общественнаго призрѣнія въ Парижѣ дополнилъ на основаніи практическихъ выводовъ эту формулу, опредѣливъ категоріи страждущихъ которые имѣютъ неотъемлемое право на помощь. Это дѣти, больные, калѣки и старики.

Всегда найдется, однако, очень много частныхъ случаевъ, когда въ помощи нуждаются люди не подходящіе ни подъ одну изъ этихъ категорій. Эти случаи представляютъ собою широкое поле дѣятельности для благотворительности частныхъ лицъ и небольшихъ кружковъ. Въ противоположность общественной такого рода частная благотворительность должна непремѣнно стремиться сохранять мѣстный характеръ и всячески избѣгать централизаціи. Только при этомъ

условіи ей удастся дѣйствовать съ полнымъ пониманіемъ тѣхъ нуждъ, которыя она призвана облегчать, и знать настоящую цѣну просьбамъ обращающихся къ ней лицъ.

Только при условіи взаимнаго содѣйствія и дружнаго согласія между собою благотворительность общественная и частная могутъ, по мнѣнію Осонвиля, достичь дѣйствительно полезныхъ результатовъ.

Книги поступившія въ редакцію „Русскаго Вѣстника" въ декабрѣ.

Стихотворенія П. Н. Петровскаго. Москва 1901 г.

Искатель Счастія, поэма Вѣщаго Баяна. Выпускъ первый, Москва 1901 г.

Отголоски жизни. А. П. Лукинъ (Скромный Наблюдатель). Томъ первый и томъ второй, Москва 1901 г.

Искусство и художественная промышленность. Годъ III № 1-й октябрь 1900 г.

Труды Я. К. Грота. III. Очерки изъ исторіи русской литературы. (1848—1893) Біографіи, характеристики и критико-библіографическія замѣтки. Изданы подъ редакціей профессора К. Я. Грота. С.-Петербургъ 1901 г.

К. Я. Гротъ. Объ изученіи Славянства. Судьба Славяновѣдѣнія и желательная постановка его преподаванія въ университетѣ и средней школѣ. С.-Петербургъ 1901 г.

Полезныя ископаемыя и минеральныя воды Кавказскаго края. Составилъ *В. Мёллеръ*, дополнилъ и исправилъ по новѣйшимъ свѣдѣніямъ *М. Денисовъ*. Съ картою. Изданіе третье Горнаго Департамента. С.-Петербургъ 1900 г.

Внѣшняя торговля по Европейской границѣ съ 1 января по 1 сентября 1900 г. Труды Статистическаго Отдѣленія Департамента Таможенныхъ Сборовъ. Изданіе Департамента Таможенныхъ Сборовъ. С.-Петербургъ 1900 г.

Методъ *Обученія грамотѣ*. Составилъ М. С. Ракитскій. С.-Петербургъ 1901 г.

О періодахъ. Темы и планы для письменныхъ работъ по русскому языку. Составилъ Н. Гіацинтовъ, четвертое изданіе, г. Зарайскъ. 1900 г.

О самозванныхъ лекаряхъ въ Болгаріи. В. Ефременкова. Перепечатано изъ журнала „Медицинская Бесѣда". Воронежъ.

Мнѣнія иностранцевъ о *Реформѣ календаря* въ Россіи. С.-Петербургъ 1900 г.

Списокъ *Сельскохозяйственныхъ обществъ* М. З. и Г. И. Департаментъ земледѣлія. С.-Петербургъ 1900 г.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Письмо изъ Лондона.

Конецъ столѣтія и паденіе англійскаго престижа.—Имперіализмъ.—Шатаніе изъ стороны въ сторону.—Руссофильство какъ послѣдняя надежда.

I.

Черезъ нѣсколько дней Англія будетъ праздновать начало XX столѣтія которое въ Россіи совпадетъ съ появленіемъ этого письма въ печати. Теперь здѣсь подводятся итоги заканчивающемуся вѣку, печатаются перечни англійскихъ успѣховъ за минувшую сотню лѣтъ и наглядно, съ помощію сравнительныхъ картъ, поучаютъ англійское юношество, показывая ему на сколько возросла англійская територія на земномъ шарѣ, отчего будто бы соотвѣтственно увеличилось и англійское могущество.

Въ самомъ дѣлѣ въ 1801 году Англія занимала лишь два маленькіе острова на западѣ Европы, довольно большую полосу земли въ Сѣверной Америкѣ (Канаду), нѣсколько прибрежныхъ мѣстностей въ Новой Голандіи какъ тогда именовался Австралійскій материкъ и незначительную часть береговой полосы Индостана. Теперь же, къ началу 1901 года, вся Австралія съ Новою Зеландіей, почти вся южная Африка, весь Индостанъ, Египетъ, значительная часть береговой полосы Восточной Африки, все это окрашено въ ту же красную краску которою покрыты и Канада, и Англія, и Ирландія, и Гибралтаръ, и острова Мальта и Кипръ. Несомнѣнно територіальныя владія Англіи страшно возрасли въ теченіе XIX столѣтія, и я едва ли ıбусь если скажу что они удесятерились, но увеличилось ли соѣтственно англійское могущество, это большой вопросъ. Ни одинъ эдъ въ теченіе минувшихъ ста лѣтъ не пролилъ столько крови ько пролили ее Англичане, но замѣчательно что проливали они не ько свою кровь, сколько чужую. Воюя съ индійскими и африканми племенами и съ туземцами Австраліи, Новой Зеландіи и Полиѣскихъ острововъ, Англичане главнымъ образомъ и утверждали за

европейцами репутацію убійцъ которая блистательно оправдалась почти поголовнымъ уничтоженіемъ цвѣтныхъ расъ тамъ, гдѣ водворялись эти безжалостные представители бѣлой расы. Почти не было года въ XIX столѣтіи который прошелъ бы для Англіи безъ войны. Если на время затихало истребленіе Англичанами Индусовъ, Австралійцевъ или африканскихъ Негровъ, то для того только чтобы дать Англіи возможность вести войну въ Европѣ, и повидимому изъ Англичанъ должна была бы выработаться воинственная народность, грозная для ея враговъ, но ничуть не бывало: Англичане и теперь такіе же плохіе воины какими они были сто лѣтъ тому назадъ. Какъ только дѣло доходитъ до столкновенія съ народами одной съ ними бѣлой расы, такъ они оказываются несостоятельными. Они могутъ драться только съ плохо вооруженными дикарями которые тысячами падаютъ отъ выстрѣловъ усовершенствованныхъ англійскихъ пушекъ и ружей.

Война съ Бурами которую XX вѣкъ унаслѣдуетъ отъ XIX доказала это самымъ блистательнымъ образомъ.

Пятьдесятъ тысячъ Буровъ съ успѣхомъ борятся съ двухсоттысячнымъ англійскимъ войскомъ. Изъ этихъ пятидесяти тысячъ теперь не осталось и половины, а двухсоттысячное войско увеличивается въ числѣ и скоро будетъ доведено до трехсоттысячнаго состава, борьба же современнаго Давида съ современнымъ Голіафомъ все продолжается и повидимому грозитъ затянуться еще надолго. Если счесть всѣ расходы которые несетъ Англія по веденію этой войны и число выбывшихъ изъ строя Англичанъ убитыми, умершими отъ ранъ и болѣзней, ранеными и больными, то окажется что каждый Буръ изъ тѣхъ двадцати пяти тысячъ которые находятся еще въ полѣ стоитъ Англіи по 3000 фунтовъ, то-есть, почти по двадцатидевяти тысячъ рублей деньгами и по два съ половиною человѣка выбывшихъ изъ строя, такъ какъ истрачено на войну Англіей около 75 миліоновъ фунтовъ, а выбыло изъ строя около $62^1/_2$ тысячъ Англичанъ. Если цифры будутъ идти все въ той же прогресіи, то до окончанія войны, которая окончится истребленіемъ послѣдняго Бура способнаго держать оружіе въ рукахъ, Англіи потребуется израсходовать еще 75 миліоновъ и пожертвовать еще $62^1/_2$ тысячами своихъ сыновъ. Немудрено что противники этой войны здѣсь, въ Л... вычисляютъ что выгоднѣе было бы для Англіи купить у к... Бура его независимость цѣной истраченныхъ на него трех... фунтовъ, по крайней мѣрѣ тогда не пришлось бы жертвова... ними погибшими и искалѣченными жизнями. Единственнымъ ... ствіемъ къ исполненію этого плана было бы только одно, ... что Буры не продаютъ своей независимости, а предпочита... рать за нее.

Какъ бы то ни было, но въ борьбѣ съ Бурами гдѣ всѣ шансы на сторонѣ Англіи, она передъ лицомъ всего міра доказала что ея могущество только кажущееся, и она отнюдь не грозна своимъ врагамъ. Кромѣ неудачъ на полѣ битвы она вынесла за это время не мало неудачъ и у себя дома. Хваленый административный механизмъ ея оказался значительно заржавѣвшимъ, устарѣлымъ и чуть было совсѣмъ не отказался работать, несмотря на общіе подмазки въ видѣ денегъ въ которыхъ отнюдь не было недостатка. Генералы оказались непредусмотрительными, главный штабъ не былъ достаточно освѣдомленъ, военное министерство не сумѣло во-время собрать достаточно людей, интендантство не заготовило припасовъ, чувствовался все время недостатокъ въ лошадяхъ, нехватало орудій, такъ что для защиты Лэдисмита пришлось снимать орудія съ военыхъ судовъ, и только одинъ отдѣлъ оказался въ исправности, отдѣлъ морской перевозки войскъ, и то, впрочемъ, правительству пришлось много переплачивать при зафрахтовкѣ судовъ, чего можно было бы избѣжать при должной осмотрительности.

Затѣмъ война же раскрыла игру нѣкоторыхъ изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей Англіи, и выяснилась такая тѣсная связь между промышленностью и торговлей съ одной стороны и административною и государственною дѣятельностью съ другой, которая едва ли терпима въ благоустроенномъ государствѣ. Я нарочно выбираю свои выраженія и избѣгаю рѣзкости чтобы не преувеличивать значеніе связей г. Чемберлэна и другихъ его товарищей съ поставщиками англійской казны. По моему мнѣнію эти связи, которыя у насъ въ Россіи погубили бы карьеру самаго выдающагося политическаго дѣятеля, въ Англіи не представляютъ ничего исключительнаго. Здѣсь онѣ свидѣтельствуютъ лишь объ извращенныхъ нравственныхъ понятіяхъ и о какихъ-то пробѣлахъ въ представленіи объ этикѣ свойственныхъ Англичанамъ какъ народу и характеристичныхъ для оцѣнки дѣятельности Англіи какъ государственнаго организма.

Эта-то государственная дѣятельность Англіи и проявилась въ настоящемъ свѣтѣ въ Трансваальской войнѣ. До Трансваальской вой... „корыстная" политика Англіи, ея „грабительскій" образъ дѣй... стали уже притчей во языцѣхъ, но такъ какъ она производила ... грабительскія операціи надъ владѣніями дикарей и вырѣзывала ...мена не имѣющія непосредственныхъ сношеній съ Европой, то ...свѣщенные западною цивилизаціей народы относились хладно...вно и къ корыстной политикѣ, и къ грабительскому образу дѣй...й. Но теперь Англичане примѣнили обычный имъ методъ къ ...ставителямъ бѣлой расы, къ народу связанному съ Европой

узами родства, общностью вѣрованій и идеаловъ, и Европа вознегодовала. Народы населяющіе ее поняли что и съ каждымъ изъ нихъ Англія не задумалась бы поступить такъ же какъ поступила съ Бурами, еслибы только обладала для этого достаточною силой, и потоки осужденій полились на Англію со всѣхъ сторонъ. Въ сущности ничего въ англійской политикѣ не измѣнилось. Какъ прежде ее направляла Остъ-Индская компанія, и въ угоду миліонерамъ-пайщикамъ англійскія войска рѣзали ни въ чемъ неповинныхъ Индусовъ и сами проливали свою кровь, такъ и теперь миліонеры Chartered Company посылали англійскихъ солдатъ рѣзать Буровъ и отнимать у нихъ золотоносныя земли. Только прежде это происходило за предѣлами цивилизованнаго міра, стоны Индусовъ не доходили до ушей европейцевъ и не мѣшали Англичанамъ притворяться христіаннѣйшимъ народомъ и удивлять Европу своею лицемѣрною гуманностью, своимъ мягкосердечіемъ даже по отношенію къ безсловеснымъ тварямъ (за жестокое обращеніе съ кошкой одного рабочаго здѣсь недавно приговорили къ трехмѣсячному тюремному заключенію) и главнымъ образомъ своею мнимою свободой, при которой всякій проходимецъ можетъ проповѣдовать необходимость политическихъ убійствъ, а бѣднякъ свободно умираетъ съ голода, если не согласенъ подвергнуться заключенію въ рабочемъ домѣ.

Когда же Англичане напали на Буровъ, то дѣло приняло совершенно иной оборотъ. У Буровъ оказались и газеты и друзья въ Европѣ которые обнаружили истину. Это уже былъ не разбойничій захватъ владѣнія дикарей которое съ натяжкой подводилось подъ понятіе res nullius, а явное и дерзкое нарушеніе международнаго права производимое исключительно ради корысти по указанію королей биржи. И Европа словно пробудилась отъ сна, она впервые поняла и по достоинству оцѣнила англійское христіанство, англійскую гуманность, мягкосердечіе и свободу которыми такъ тщеславились Англичане. Трансваальская война легла неизгладимымъ пятномъ на англійскій народъ.

Доказавъ все безсиліе Англіи въ военномъ отношеніи, доказавъ дряхлость ея административнаго механизма, эта война наглядно доказала отсутствіе въ англійскомъ народѣ яснаго представле[illegible] нравственности и понятія объ этикѣ. И если обнаружившееся ф[illegible] ческое безсиліе Англіи погубило ея престижъ какъ государства, проявленное ею безсиліе нравственное погубило престижъ ані[illegible] скаго народа. Какъ государство, такъ и народъ пользовались [illegible] стижемъ по какому-то недоразумѣнію, и продолжалось это [illegible] долгое время. Конецъ XIX столѣтія положилъ конецъ и [illegible] недоразумѣнію.

II.

Гибель англійскаго престижа сознаютъ лишь очень немногіе изъ самихъ Англичанъ, громадное же большинство ихъ ослѣплено мишурнымъ блескомъ имперіализма который изобрѣтенъ государственными дѣятелями Англіи, предусматривающими близкое разложеніе государства и желающими помѣшать этому разложенію во что бы то ни стало.

„Имперію" выдумалъ первый лордъ Биконсфильдъ который, однако, не рѣшился примѣнить этотъ терминъ къ государственному управленію всѣми великобританскими колоніями и изобрѣлъ его только для Индіи, возвелъ королеву великобританскую въ санъ императрицы Индѣйской. Преемники Биконсфильда пошли дальше, и имперіализмъ разцвѣлъ. Опасаясь возможнаго отложенія Канады и австралійскихъ колоній, они создали политическое ученіе объ единствѣ Великобританской имперіи которая объединяла бы какъ соединенныя королевства Англіи, Шотландіи и Ирландіи, такъ и имперію Индійскую и всѣ колоніи въ Австраліи, Америкѣ и Африкѣ. По ихъ мысли всѣ колоніи должны пользоваться полнѣйшимъ самоуправленіемъ, оставаясь подъ властію великобританскаго императора и сохраняя связь съ метрополіею черезъ вице-королей или губернаторовъ назначаемыхъ центральною властію и черезъ спеціальный органъ, имперскій государственный совѣтъ, который еще предстоитъ организовать. Этотъ проектъ своеобразнаго государственнаго устройства выработанный теоретиками и утопистами натолкнулся на первыхъ же порахъ на два серіозныя препятствія. Первымъ изъ нихъ было стремленіе голандской народности къ обособленію отъ народности англійской. Буры, прямые потомки Голадцевъ населяющіе южную Африку, не соглашались подчиняться даже номинальной власти Англичанъ и, вмѣсто того чтобы получить изъ англійскихъ рукъ право самоуправленія и войти въ составъ Имперіи, они потребовали полной независимости и изобрѣли свой тоже эгоистическій идеалъ: „Южная Африка для африкандеровъ". Подъ африкандерами подразумѣвались южно-африканскіе Голандцы которымъ должны были подчиняться южно-африканскіе Англичане. Это движеніе шло въ разрѣзъ съ англійскою имперіалистскою идеей и привело къ войнѣ которая въ свою очередь, какъ мы уже видѣли, привела къ гибели англійскаго престижа.

Вторымъ препятствіемъ былъ отказъ австралійскихъ колоній подчиниться рѣшающему голосу государственнаго совѣта имѣющаго засѣдать въ Лондонѣ. Это было явленіемъ того же порядка, какъ и

стремленіе африкандеровъ къ обособленію, только въ менѣе рѣзкой формѣ. Англичане колонисты на материкѣ Тихаго Океана тоже провозгласили принципъ „Австралія для Австралійцевъ". Если они и не требовали политической независимости, если они соглашались на сохраненіе связи съ центральною имперскою властью въ лицѣ назначаемыхъ этою властью губернаторовъ, то только потому что эта связь чисто номинальная: губернаторъ лишенъ даже и тѣни власти. Но какъ только вопросъ зашелъ о существенномъ ограниченіи правъ колоній, споры между которыми по проекту должны были разрѣшаться великобританскимъ государственнымъ совѣтомъ, такъ колоніи воспротивились, и знаменитый актъ о государственномъ устройствѣ Австраліи получилъ минувшимъ лѣтомъ силу закона только послѣ того какъ англійское правительство отказалось отъ своихъ притязаній на ограниченіе правъ своихъ колоній.

Англійскіе имперіалисты уступили въ этомъ пунктѣ, потому что у нихъ уже была одна война на рукахъ и не было ни силъ, ни средствъ начинать другую войну. Къ тому же они поняли что такая война сразу положила бы конецъ всѣмъ имперіалистскимъ мечтаніямъ и повела бы къ немедленному расчлененію той самой имперіи которую они такъ усердно старались упрочить. Такимъ образомъ на первыхъ же порахъ имперіализмъ постигли двѣ крупныя неудачи, изъ которыхъ одна привела къ войнѣ, а другая къ существенной уступкѣ подрывающей почти все его значеніе.

Однако, и кромѣ того, въ будущемъ ожидаютъ столько камней преткновенія что всѣ старанія его сторонниковъ должны будутъ о нихъ разбиться.

Если даже война въ Африкѣ окончится въ пользу Англіи, то на долгіе годы Англичанамъ придется содержать очень значительную постоянную армію во вновь присоединенныхъ територіяхъ, нести большія жертвы деньгами и людьми. Во все это время она будетъ лишена возможности принимать существенное участіе въ разрѣшеніи международныхъ вопросовъ, и престижъ ея павшій уже въ глазахъ другихъ народовъ падетъ и въ глазахъ ея же сыновъ населяющихъ ея колоніи. А имперіализмъ чтобы дѣйствовать на массы, чтобы имѣть успѣхъ, долженъ быть постоянно окруженъ ореоломъ величія и непобѣдимости. Затѣмъ антагонизмъ между коло... какъ, напримѣръ, между Новою Зеландіей и объединенною Ав... ліей, враждебные комерческіе интересы, конкуренція хот... между Индіей и Канадой, Канадой и опять таки Австраліей ...нуемо поведутъ къ столкновеніямъ прежде всего по вопр... таможенныхъ тарифахъ, какъ случилось уже на тарифныхъ с... ніяхъ въ Лондонѣ этой осенью, или по вопросу о присоеди...

выхъ територій, какъ это происходитъ теперь въ Тихомъ Океанѣ, гдѣ отношенія между Новою Зеландіей и Австраліей чрезвычайно обострились изъ-за острововъ Фиджи.

Какъ же поступитъ имперское правительство въ томъ случаѣ если столкновенія приведутъ къ войнѣ, если между колоніями возникнетъ вооруженная борьба?

Все это въ будущемъ предстоитъ созидаемой нынѣ Великобританской Имперіи, со всѣмъ этимъ ей придется считаться и все это поведетъ къ паденію имперіализма, прежде чѣмъ онъ успѣетъ разцвѣсть.

Впрочемъ, это уже и происходитъ на глазахъ у насъ въ настоящее время. Вызванная имперіалистическими стремленіями война съ Бурами уже лишила Великобританію того значенія которое она имѣла на международныхъ совѣтахъ. Въ Китаѣ гдѣ разрѣшается теперь одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, если не самый важный для будущности міра, Англія обречена на второстепенную роль.

Сознаніе своего безсилія вынудило ее съ самаго начала китайскаго кризиса искать себѣ союзниковъ среди державъ способныхъ активно поддерживать свои требованія штыками. Изъ объятій Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ она бросалась въ объятіе Японіи, и одно время казалось даже что состоится своеобразный тройственный союзъ между этими государствами спеціально для разрѣшенія осложненій на Дальнемъ Востокѣ.

Однако онъ не состоялся, и Англія оставалась такою же изолированною какою она была всѣ послѣдніе годы въ Европѣ, но это грозило разстройствомъ всѣхъ ея плановъ въ ущербъ ея жизненнымъ интересамъ въ Китаѣ. Тогда она бросилась въ другую сторону и попала прямо въ объятія къ самой злѣйшей своей конкуренткѣ, къ Германіи. Ей пришлось многимъ пожертвовать чтобы сохранить хотя часть того что̀ она имѣла, и въ уплату за содѣйствіе германскихъ штыковъ она поступилась своими исключительными правами на эксплоатацію Южнаго Китая. Отнынѣ германскій культуртрегеръ подъ охраной англійскаго флага будетъ ввозить свои дешевые товары въ англійскія поселенія въ Китаѣ и будетъ отбивать хлѣбъ у англійскаго промышленника.

Правительство лорда Солсбери отлично понимало что покрови-...тво иноземной конкуренціи не можетъ содѣйствовать успѣху ...йской торговли, но ему не оставалось инаго выбора; его войско ...то въ Южной Африкѣ, одно оно не въ силахъ „проучить“ Китай ...о поползновенія освободиться отъ иноземной опеки, другія же ...тельства, кромѣ германскаго, преслѣдовали, какъ оказалось, со-шенно иныя цѣли, и Англіи, волею неволею, пришлось заклю-... союзъ съ своей конкуренткой.

Однако этимъ еще не закончились блужданія англійской политики. Теперь, повидимому, она хочетъ создать противовѣсъ тому вліянію которое Германія можетъ пріобрѣсти въ Китаѣ и для этого ищетъ новыхъ союзовъ. На этотъ разъ ея выборъ падаетъ на Россію.

Руссофильство, какъ послѣдній исходъ, какъ послѣдняя надежда удержать свое падающее значеніе, подсказывается Англіи тѣмъ громаднымъ могуществомъ и тою огромною силой которыя проявила Россія во вторую половину XIX столѣтія.

Въ то время какъ значеніе Англіи падало, значеніе Россіи возрастало, и теперь фактически Россія распоряжается судьбами Азіи, такъ же какъ и въ Европѣ ничто не можетъ совершиться безъ ея позволенія. Пока еще руссофильство въ Англіи проявляется не въ правительственныхъ кругахъ, а въ опозиціонныхъ, не въ той партіи которая стоитъ у власти, а въ той которая къ власти стремится, но и это уже знаменіе времени, такъ какъ очень недавно еще и опозиціонеры, такъ же какъ и правительственные сторонники въ Англіи, были отъявленными руссофобами. Но и правительство поощряетъ всякія проявленія сочувствія по адресу Россіи и дѣйствуя черезъ своихъ чиновниковъ въ министерствѣ торговли (board of trade) подготовляетъ почву для торговаго сближенія между обоими народами.

Недавно мнѣ пришлось присутствовать на банкетѣ въ клубѣ королевскихъ ученыхъ обществъ (Royal Societies Club), гдѣ цѣлое „послѣобѣда" было посвящено рѣчамъ о возможности и необходимости англорусскаго сближенія. На этомъ банкетѣ за тостомъ въ честь королевы слѣдовалъ тостъ за Государя Императора, и русскій народный гимнъ былъ выслушанъ стоя всѣми присутствовавшими.

— Это англо-русскій Кронштадтъ, говорили нѣкоторые изъ обѣдавшихъ, намекая на первыя франко-русскія манифестаціи въ 1891 году. Одинъ изъ ораторовъ подчеркнулъ значеніе событія, заявивъ что нѣсколько лѣтъ тому назадъ подобная руссофильская манифистація была бы невозможна въ лондонскомъ клубѣ. Другой ораторъ выразилъ полную надежду на сближеніе съ Россіей на почвѣ научной и экономической, но отнесся скептически къ возможности сближенія политическаго. Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ тоже выступавшій ораторомъ оказался большимъ оптимистомъ и надѣялся нетолько на сближеніе, но даже на „дружественное со[...]шеніе" (entente cordiale), но мнѣ представляется болѣе правильн[...] мнѣніе Англичанина-скептика. Если когда-либо и возможно сближе[...] то скорѣе всего экономическое, политическое же не только н[...] вѣроятно, но съ нашей русской точки зрѣнія и нежелательно.

III.

Руссофильство проявляется, однако, не только на банкетахъ, но и въ журналистикѣ и проявляется съ бóльшею настойчивостію и съ меньшимъ скептицизмомъ.

Такъ, напримѣръ, J. W. Gambier, Дж. В. Гамбайръ помѣстилъ въ *Fortnightly Rewiew* за декабрь статью подъ заглавіемъ: *Гарантія мира, Англо-русскій союзъ.* Эта статья характерна какъ признакъ сознанія Англичанъ что безъ соглашенія съ Россіей имъ невозможно будетъ удержать въ своихъ рукахъ міровую торговлю, о чемъ они только и заботятся и чѣмъ они только и живутъ.

Торговля это единственное оправданіе и вмѣстѣ съ тѣмъ единственная цѣль существованія Великобританіи какъ государственнаго организма; отнимите торговлю, и какъ государство она перестанетъ существовать.

Авторъ статьи самъ признаетъ это положеніе, утверждая что „первою обязанностію имперіализма (англійскаго, конечно) является поддержка промышленности и торговли" и порицаетъ свое правительство за то что оно, по крайней мѣрѣ на Дальнемъ Востокѣ, нарушило эту обязанность и торговое первенство уступило Германіи.

Этого, по мнѣнію Дж. В. Гамбайра, отнюдь не слѣдовало дѣлать, такъ какъ „комерческое существованіе этой страны основано на подавленіи жизненной силы (life-blood) англійской промышленности, всѣ ея усилія прямо и косвенно направлены на то чтобы прогнать Англичанъ со всѣхъ рынковъ, ея казначейство обирается для уплаты премій благодаря которымъ ея торговцы могутъ наводнять Англію своими товарами, вырывая хлѣбъ изо рта у англійскихъ промышленниковъ, ея народъ дѣлаетъ все что только можетъ чтобы увеличить затрудненія Англіи во время войны".

Дѣйствительно, ни одинъ купецъ не уступитъ мѣсто конкуренту безъ борьбы или безъ соотвѣтствующаго вознагражденія, а Англія именно такъ и поступила по словамъ автора статьи: „Англо-германское соглашеніе односторонне, оно не открываетъ портовъ лежащихъ внутри германской сферы вліянія, потому что эти порты заарендова-
, Китая на особыхъ условіяхъ и тамъ предоставлены Германіи
ыя преимущества которыя она сохраняетъ за собой. Англійская
чка составляетъ повтореніе исторіи съ островами Самоа: Англія
отдаетъ и ничего не получаетъ".

имъ путемъ Англія утрачиваетъ рынокъ въ Китаѣ. Между
это „огромный рынокъ который черезъ нѣсколько лѣтъ, если
мѣсяцевъ, будетъ простираться отъ Балтійскаго моря до Китай-

скаго, отъ Ледовитаго Океана до границъ Индіи и Персіи. Ни одинъ изслѣдователь современныхъ событій не станетъ серіозно отрицать что Россія навѣрное подчинитъ своему господству весь сѣверный и западный Китай, включая Тибетъ и другія провинціи, китайскія только по имени. Кто станетъ ей мѣшать? Ужь конечно не Англія"...

И между тѣмъ Англія отдаетъ этотъ рынокъ Германіи. Авторъ негодуетъ по этому поводу и совѣтуетъ употребить всѣ усилія чтобы сблизиться съ Россіей. Этого сближенія требуютъ, по его мнѣнію, интересы обоихъ народовъ:

„Во всемъ мірѣ нѣтъ страны чьи комерческіе интересы были бы менѣе враждебны англійскимъ; даже больше того: нѣтъ другой страны отъ которой комерческая будущность Англіи зависѣла бы въ большей степени. Потому что нѣтъ другой страны которая находилась бы въ одинаковомъ положеніи съ Россіей, во-первыхъ, по количеству природныхъ богатствъ ожидающихъ разработки, во-вторыхъ, по недостатку капиталовъ для этой разработки и, въ третьихъ, по своему стратегическому значенію какъ единственный континентальный сосѣдъ Англіи".

Это то чѣмъ интересна Россія для Англіи, что же касается интереса Англіи для Россіи, то авторъ его видитъ главнымъ образомъ въ томъ обстоятельствѣ „что Англія единственная страна гдѣ Россія можетъ реализовать свои займы, потому что Франція сама находится наканунѣ финансоваго кризиса. Германія отказалась оказывать услуги Россіи въ этомъ отношеніи".

Мы могли бы напомнить автору что кромѣ Англіи есть еще и Америка которая съ удовольствіемъ помѣстила бы свои сбереженія въ русскихъ государственныхъ бумагахъ, еслибы это потребовалось, еслибы песимистическія предсказанія автора о Франціи оправдались, и еслибы вообще Россія склонна была продавать свою пріязнь за деньги.

Но въ этомъ-то и заключается коренная разница во взглядахъ Англичанъ съ нашими русскими взглядами. Англичане до такой степени привыкли все мѣрить на денежную мѣрку что даже самымъ просвѣщеннымъ изъ нихъ возможность заключенія русскаго займа въ Лондонѣ представляется совершенно достаточною побудительною причиною для заключенія Россіей вѣчнаго союза съ Англіей. Пра[...] въ послѣднее время и у насъ стали находиться люди мѣряющі[...] бытія тою же мѣрой, и у насъ въ нѣкоторыхъ сферахъ можно [...] шать совѣты сблизиться съ Англіей, потому что она тогда от[...] намъ свой денежный рынокъ гдѣ можно золото загребать чуть [...] лопатою. Но къ счастію это пока еще голоса единичные, огр[...] же большинство, не говорю уже о народѣ который чуждъ мерка[...]

ныхъ разчетовъ, но и дѣловыхъ кружковъ, справедливо соображаетъ что Россіи нечего входить въ сдѣлки подобныя сдѣлкѣ Исава продавшаго свое первенство за чечевичную похлебку.

Заемъ на лондонской биржѣ подъ условіемъ политическаго сближенія съ Англіей и былъ бы тою чечевичною похлебкой за которую мы продали бы свое первенство въ Азіи.

Затѣмъ авторъ на нѣсколькихъ страницахъ доказываетъ свое мнѣніе что Россія самое сильное и самое могущественное государство во всемъ мірѣ, съ которымъ сравниться можетъ только Англія „господствующая на моряхъ", и рисуетъ заманчивую картину того какъ Англія „съ соблюденіемъ собственнаго достоинства" должна сказать Россіи:

„Міръ достаточно великъ для насъ обоихъ, и наши комерческіе интересы не враждуютъ другъ съ другомъ. Англіи и ея колоніямъ требуется рынокъ который вы можете дать намъ, а мы можемъ поглотить весь сырой матеріалъ который вы можете доставить. А выше всѣхъ этихъ матеріальныхъ выгодъ стоитъ то что миліоны русскихъ солдатъ на востокѣ и англійскій флотъ на западѣ могутъ заставить народы жить въ мирѣ, а тѣхъ кто желалъ бы его нарушить мы можемъ уничтожить и замирить голодомъ".

Очевидно роль уничтожителя нарушителей мира, роль всемірнаго полицейскаго должна при такомъ соглашеніи лечь на Россію, такъ какъ Англія не имѣетъ постоянной арміи и изберетъ болѣе пріятную и прибыльную роль морскаго стража захватывающаго чужія торговыя суда. Но при такомъ „раздѣленіи труда" Россіи придется держать вдесятеро большую армію чѣмъ она держитъ теперь, а это одно уже должно заставить ее уклониться отъ предлагаемаго сближенія.

Вопросъ о „враждебности Русскихъ и Англичанъ другъ къ другу" авторъ такъ разрѣшаетъ:

Въ Англіи, говоритъ онъ, очень скоро поймутъ свою собственную выгоду отъ сближенія, а въ Россіи:

„Правительство въ теченіе одной недѣли можетъ измѣнить всѣ взгляды общества простымъ приказомъ повременной печати".

Не правда ли, какъ это просто?

Ужь одно указаніе на такой „способъ" который по мнѣнію автора [...]сское правительство можетъ употребить для измѣненія взглядовъ [...]щества на Англію свидѣтельствуетъ о той степени уваженія ко[...]рое авторъ питаетъ къ Россіи, русскому обществу и русскому [...]авительству. Со своей точки зрѣнія „достопочтеннаго англійскаго [...]ентельмена" онъ выступаетъ сторонникомъ англо-русскаго сближе[...]ія исключительно въ виду огромныхъ выгодъ которое это сближеніе

сулитъ Англіи. Ради этихъ выгодъ можно „снизойти“ до дружбы съ грубою силой олицетворяемою Россіей, точно такъ же какъ щепетильный лордъ подаетъ руку своему грубому фермеру, потому что безъ арендной платы вносимой фермеромъ благородный лордъ померъ бы съ голода. Но какъ только находится другой фермеръ готовый уплачивать бо́льшую плату, такъ первому даютъ пинька въ спину и гонятъ его вонъ. Я не вижу причины почему Россія должна принять на себя роль грубаго фермера.

Итакъ, по мнѣнію нѣкоторой части англійскаго общества, мнѣнію которое повидимому вскорѣ будетъ господствовать и въ англійскихъ правительственныхъ кружкахъ, для сохраненія англійскаго престижа на востокѣ Англіи необходимо сближеніе, если не союзъ, съ Россіей. Россіи, какъ будто, приходится разыгрывать роль соломенки за которую хватается утопающій. Положимъ соломенка эта достаточно надежная, и если утопающему удастся схватиться за нее, то онъ пожалуй и выплыветъ. Но есть-ли разчетъ спасать его?

Всѣ государства основывавшія свое могущество на торговлѣ пали или пережили свою славу и обезсилѣли. Пали Финикія, Карѳагенъ и Венеція; обезсилѣли Португалія и Голандія; распалась Ганза, этотъ союзъ свободныхъ городовъ составлявшій въ сущности товарищество нѣсколькихъ богатыхъ купеческихъ фирмъ. Почему же Великобританія, этотъ огромный торговый домъ, должна избѣжать общей участи подобныхъ ей торговыхъ домовъ нѣкогда господствовавшихъ надъ міромъ?

Странникъ.

14 (27) декабря 1900 г.
Лондонъ.

Юбилей горнаго вѣдомства.

I.

Торжественно и шумно отпраздновалъ Петербургъ, а съ нимъ и вся Россія двухсотлѣтній юбилей горнаго вѣдомства; на гробъ Царя-Преобразователя была возложена золотая медаль, было много произнесено горячихъ прочувствованныхъ рѣчей, еще больше раздавалось самыхъ прекрасныхъ пожеланій. Но „догорѣли огни...“ и отъ шумныхъ торжествъ остался одинъ только угаръ, да юбилейное изданіе: *Краткій историческій очеркъ административныхъ учрежденій горнаго вѣдомства въ Россіи 1700—1900 гг.* [1]) Изданіе это поучительно во многихъ отношеніяхъ и мы остановимся на немъ въ настоящей статьѣ.

Добываніе желѣза велось въ Россіи кустарнымъ способомъ еще до основанія Русскаго государства, но металъ получался въ крайне ограниченномъ количествѣ, и правительство было вынуждено запрещать его вывозъ за предѣлы страны. Въ XVII вѣкѣ положеніе дѣлъ, повидимому, значительно измѣнилось къ лучшему. Правда, и въ это время у насъ не было еще ни одного завода, и всѣ издѣлія выходили изъ крестьянскихъ домницъ и кузнечныхъ горновъ, но уже царь Иванъ Васильевичъ призналъ возможнымъ уничтожить запрещеніе вывозить желѣзо за границу.

Желѣзо, конечно, самый необходимый въ народной жизни металъ, но по мѣрѣ того какъ росла и крѣпла государственная жизнь въ Россіи, какъ развивалась ея торговля и промышленность, все сильнѣе и сильнѣе начинала ощущаться надобность и въ другихъ металахъ, преимущественно въ золотѣ и серебрѣ, необходимыхъ для чеканки монеты. Уже Іоаннъ III требовалъ отъ Венгерскаго короля Матеея Корвина горныхъ мастеровъ, искусныхъ въ добываніи золотой и серебряной руды и въ отдѣленіи метала отъ земли. Въ наказѣ Греку Траханіоту отправившемуся въ 1490 году посломъ къ Римскому императору было также предписано искать въ ...маніи и принимать въ русскую службу полезныхъ художниковъ ...орныхъ мастеровъ.

Въ XVII столѣтіи, по словамъ г. Лоранскаго, рудное дѣло на...лько окрѣпло уже въ Россіи что и духовные, и военные, и купцы, ...иностранцы, и другія лица пытали счастье въ рудномъ дѣлѣ. Раз...точныя работы производились частію самостоятельно Русскими ...ми, частію подъ руководствомъ приглашенныхъ правительствомъ

[1]) ...оставилъ А. М. Лоранскій. С.-Петербургъ. 1900 г.

иноземныхъ рудознатцевъ, по всему пространству тогдашнихъ владѣній Московскаго государства: по Двинѣ, Мезени, Печерѣ, Цыльмѣ, на Уралѣ, въ Сибири до Нерчинска и даже въ такихъ трудно доступныхъ въ то время мѣстностяхъ, какъ Кавказъ на Югѣ и Югорскій Шаръ на самомъ Сѣверѣ.

Послѣдній фактъ очень характеренъ: мы находили возможнымъ разработывать желѣзныя руды въ такихъ пустыняхъ, гдѣ въ наши дни, несмотря на всѣ новѣйшія техническія изобрѣтенія и усовершенствованія, промышленная жизнь совершенно замерла и застыла.

Посмотрите на обширную Сибирь съ ея неистощимыми рудными богатствами, на всемъ необозримомъ пространствѣ ея мы видимъ всего только три желѣзодѣлательныхъ завода, да и то что это за заводы? Абаканскій заводъ прежде чѣмъ попасть въ руки г. Ратькова-Рожнова влачилъ самое жалкое существованіе въ рукахъ рабочей артели, производя лишь въ самомъ ничтожномъ количествѣ мелкія желѣзныя издѣлія. Надъ Николаевскимъ заводомъ тяготѣетъ какой-то злой рокъ. Обанкротился прежній его владѣлецъ г. Бутинъ, обонкротился и новый хозяинъ г. Мамонтовъ, несмотря на хорошіе казенные заказы, а въ результатѣ заводъ стоитъ въ бездѣйствіи, кирки же и лопаты везутся въ Сибирь изъ Англіи черезъ Ледовитый океанъ. Въ Печерскомъ краѣ, не только у безлюднаго Югорскаго Шара, но и на Цыльмѣ и Печерѣ показываютъ только „бывшіе“ рудники, какъ доказательство ископаемыхъ богатствъ мѣстности. Нѣтъ, за истекшія двѣсти лѣтъ на окраинахъ мы положительно отодвинулись назадъ.

Рѣшительный толчекъ для развитія руднаго дѣла далъ императоръ Петръ I. Безпрерывныя войны его царствованія, стремленіе во что бы то ни стало создать обширный флотъ и сдѣлать Россію морскою державой, попытки насадить въ странѣ промышленность, наконецъ, вѣчная нужда въ деньгахъ, заставили его обратить серіозное вниманіе на развитіе руднаго дѣла. Первымъ шагомъ его въ этомъ направленіи было созданіе *Приказа рудокопныхъ дѣлъ*, то-есть, центральнаго высшаго горнаго управленія, вѣдущаго рудное дѣло на всемъ пространствѣ Россіи. Въ указѣ объ учрежденіи этого [illegible] каза повелѣвалось въ городахъ и уѣздахъ, по торгамъ и яр[illegible] камъ, въ торговые дни, кликать бирючамъ, не знаетъ ли кто о[illegible] ществованіи разныхъ рудъ; по полученіи же заявленія немедл[illegible] руду развѣдывать и увѣдомлять Приказъ рудокопныхъ дѣл[illegible] открытіе руды обѣщано государево жалованье, а за сокрытіе [illegible] казаніе.

Приказъ рудокопныхъ дѣлъ просуществовалъ недолго, и горное управленіе было передано въ вѣдѣніе Бергъ-Колегіи. Учрежденіе ея сопровождалось очень важнымъ для горнаго дѣла указомъ, которымъ отдѣлялось право на нѣдра земли отъ правъ на ея поверхность, и частнымъ лицамъ предоставлялось право свободнаго развѣдыванія рудъ какъ на казенныхъ, такъ и на частновладѣльческихъ земляхъ.

Изъ этого указа г. Лоранскій приводитъ слѣдующія заключительныя строки:

Тѣмъ которые изобрѣтенныя руды утаятъ и доносить объ нихъ не будутъ или другихъ въ сысканіи, устроеніи и расширеніи тѣхъ заводовъ запрещать и мѣшать будутъ, объявляется нашъ жестокій гнѣвъ, неотложное тѣлесное наказаніе и смертная казнь и лишеніе всѣхъ имѣній, яко непокорливому и презирателю нашей воли и врагу общенародной пользы, дабы могъ всякъ того страшиться.

Въ этихъ немногихъ словахъ заключается объясненіе всей горной политики великаго Петра. Государство въ данный моментъ нуждалось въ металахъ, привозъ ихъ изъ-заграницы, благодаря безпрерывнымъ войнамъ, часто дѣлался невозможнымъ, при такихъ условіяхъ всякій содѣйствовавшій уменьшенію добычи рудъ, дѣйствительно, являлся врагомъ „общенародной пользы“, какъ въ наши дни явился бы человѣкъ разрушающій рельсовые пути или телеграфы.

Теперь, черезъ двѣсти лѣтъ, снова хотятъ воскресить принципы горной свободы, отнюдь не желая считаться съ измѣнившимися условіями времени. Петръ I не зналъ покровительственно-запретительныхъ тарифовъ на металы, онъ не стремился поднять искусственно цѣны на нихъ на внутреннихъ рынкахъ. Тогда враждебно настроенные противъ реформъ люди, дѣйствительно, могли тормозить развитіе горнаго дѣла съ цѣлію поставить въ затрудненіе дѣло преобразованія Россіи. А въ наше время горная промышленность защищена высокимъ тарифомъ, она поощряется крупными казенными заказами, совершенно пренебрегая удовлетвореніемъ требованій рынка. Всю тяжесть этого покровительства выноситъ на своихъ плечахъ земледѣльческое населеніе страны, при такихъ условіяхъ отдѣленіе права на нѣдра отъ правъ на поверхность земли явилось бы созданіемъ ного преимущества въ пользу горной промышленности и въ ущербъ млелѣлію, и при томъ такого преимущества которое, кромѣ увеличнія дивиденда предпринимателей, рѣшительно не дало бы никакихъ ыгодъ странѣ.

Да и своевременно ли намъ толковать о горной свободѣ, когда и и отсутствіи ея мы уже начинаемъ жаловаться на перепроизводзо, на паденіе цѣнъ, начинаемъ мечтать объ установленіи вывозыхъ премій на чугунъ и т. д.?

Съ воцареніемъ императрицы Анны Іоанновны созданная Петромъ I Бергъ-Колегія временно соединяется съ Мануфактуръ-конторой, а затѣмъ учреждается Генералъ-Бергъ-Директоріумъ, причемъ колегіальное начало въ управленіи было уничтожено. При Елизаветѣ Петровнѣ горная администрація возстановлена въ томъ же видѣ, какъ существовала она при Петрѣ I. Но въ царствованіе Екатерины II въ положеніи горнаго дѣла произошли весьма существенныя измѣненія.

Въ 1782 г. императрица Екатерина II издала манифестъ въ которомъ объявлялось о соединеніи какъ на частныхъ, такъ и на казенныхъ земляхъ правъ на поверхность земли съ правами на ея нѣдра. Этотъ манифестъ, несомнѣнно, доказываетъ что острый недостатокъ въ металахъ ощущавшійся въ царствованіе Петра I при Екатеринѣ II уже миновалъ. Дальнѣйшія реформы ея свелись къ уничтоженію Бергъ-Колегіи и къ передачѣ горныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ. Впрочемъ, такой порядокъ просуществовалъ недолго, и уже при императорѣ Павлѣ I Бергъ-Колегія снова была возстановлена.

При императорѣ Александрѣ, вскорѣ послѣ учрежденія министерствъ, Бергъ-Колегія снова была уничтожена, но въ составѣ Министерства Финансовъ былъ образованъ сначала Горный Департаментъ, а потомъ Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, за которыми, впрочемъ, до извѣстной степени былъ сохраненъ колегіальный характеръ, такъ какъ въ составъ этого департамента входили Горный Совѣтъ и Горный Ученый Комитетъ. Съ 1874 г. горное управленіе изъ вѣдѣнія Министерства Финансовъ перешло въ вѣдѣніе Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Не ограничиваясь созданіемъ центральнаго горнаго управленія Петръ I позаботился и объ учрежденіи мѣстныхъ органовъ его. Въ Москвѣ была открыта Бергъ-контора, а въ Олонецкомъ краѣ, на Уралѣ и въ Сибири учреждены горныя начальства. Уничтоженная при Екатеринѣ II мѣстная горная администрація снова возстанавливается въ царствованіе императора Павла. Нѣсколько позже во главѣ ея на Уралѣ ставится генералъ-губернаторъ, а впослѣдствіи главный начальникъ и горное правленіе; въ Москвѣ тоже горное пра[illegible] на Алтаѣ главный начальникъ и горное правленіе, и на К[illegible] горная экспедиція. Мѣстная администрація, по словамъ г. [illegible]скаго, еще имѣвшая при генералъ-губернаторахъ нѣкоторую [illegible] съ администраціей губернской, дѣлается совершенно самостоя[illegible] и получаетъ большую власть. Такъ рѣшенія горнаго правлені[illegible] лежали обжалованію прямо въ Сенатъ, а горные началь[illegible] полными хозяевами управляемыхъ ими заводовъ и относ[illegible]

ной полиціи, которой подчинялись всѣ жители заводскихъ округовъ, пользовались правами губернаторовъ. Въ такомъ видѣ мѣстная горная администрація просуществовала до 1861 года. Въ настоящее время она приняла стройный законченный видъ, широко распространивъ свою дѣятельность по Россіи. Еслибы императоръ Петръ Великій поднялся теперь изъ гроба, то онъ, несомнѣнно, остался бы доволенъ этою администраціей, среди которой найдется не мало чисто русскихъ людей съ учеными значками русскихъ горноучебныхъ заведеній.

Но не горная промышленность существуетъ для горной администраціи, а наоборотъ. Остался ли бы доволенъ великій преобразователь Россіи достигнутыми за 200 лѣтъ успѣхами въ горномъ дѣлѣ? Оправдало ли оно тѣ широкія надежды которыя онъ возлагалъ на него? Посильному рѣшенію этихъ вопросовъ мы и посвятимъ слѣдующую главу.

II.

Какія цѣли преслѣдовалъ Петръ I, стараясь всѣми силами поощрять развитіе горнаго дѣла въ Россіи и жестоко карая всѣхъ людей ставящихъ препятствія его росту? По словамъ г. Лоранскаго, онъ поставилъ себѣ слѣдующую задачу: „Чтобы во всякой нуждѣ на потребу всему Московскому Государству всякое желѣзо надѣлать и безъ посторонняго, свейскаго, желѣза приняться было можно“. И эта цѣль, нужно сознаться, была близка къ осуществленію.

Горное дѣло, существовавшее до Петра I, главнымъ образомъ, въ Подмосковномъ районѣ и Олонецкомъ краѣ, начинаетъ прочно водворяться на Уралѣ, и въ 1700 году, то-есть, въ годъ учрежденія Приказа рудокопныхъ дѣлъ, основывается казной первый изъ нынѣ дѣйствующихъ на Уралѣ желѣзныхъ заводовъ, Невьянскій, а затѣмъ возникаютъ и другіе заводы: Каменскій, Алапаевскій и проч.

Хотя, говоритъ г. Лоранскій, при Петрѣ 1 и строились многіе казенные горные заводы, но Царь смотрѣлъ на казенное заводское ..о какъ на временное, какъ на опытъ которымъ должно заниься правительство, пока еще слаба въ странѣ частная предпріимость. И эта политика дала свои благотворные результаты. По ..дѣтельству того же автора, „Россія при Петрѣ не нуждалась бо.. въ свейскомъ желѣзѣ, и наши крѣпости, армія и флотъ снабжа..ь русскимъ желѣзомъ; мало того, въ концѣ его царствованія, Росвела уже заграничную торговлю русскимъ желѣзомъ и мѣдью“. ..тъ въ общихъ чертахъ положеніе горнаго дѣла двѣсти лѣтъ .. Судя по такому блестящему началу, смѣло можно было бы

думать что черезъ два столѣтія о свейскомъ желѣзѣ не будетъ и помина, что Россія сдѣлается крупною поставщицей на всемірный рынокъ своихъ металовъ. И всѣ эти надежды разсѣялись какъ дымъ, а печальная дѣйствительность выступила во всей своей неприглядной наготѣ.

Правда, армію, а пожалуй, и крѣпости мы снабжаемъ и сейчасъ своимъ желѣзомъ, но о полномъ удовлетвореніи имъ флота, этого любимаго дѣтища Петра, не можетъ быть и рѣчи. Просмотрите внимательно десятокъ газетъ, и вы встрѣтите въ нихъ цѣлый рядъ извѣстій о закладкѣ и спускѣ русскихъ крейсеровъ на верфяхъ Великобританіи, Франціи, Даніи и даже Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Очевидно, полное осуществленіе даже задачъ военнаго судостроенія въ данное время является для насъ невозможнымъ.

Если мы перейдемъ къ судостроенію торговому, то увидимъ еще болѣе печальную картину. Постройка морскихъ торговыхъ судовъ развилась у насъ настолько слабо, выстроенныя суда обходились такъ дорого что когда возникла мысль взять дальній каботажъ въ собственныя руки, пришлось издать постановленіе о безпошлинномъ пропускѣ въ Россію выстроенныхъ заграницей желѣзныхъ судовъ.

Но къ помощи свейскаго желѣза приходится прибѣгать не для одного только судостроенія, оно бываетъ намъ нужно рѣшительно на каждомъ шагу. Въ 1882 году Россіи недоставало 35.000,000 пудовъ чугуна, какое количество и было привезено изъ-за границы (съ переводомъ на чугунъ желѣза, стали, желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій, а также всякаго рода машинъ), въ 1894 же году привозъ иностраннаго чугуна возросъ до 47.000,000 пуд. и съ тѣхъ поръ продолжаетъ безпрерывно рости, что̀ и доказываетъ что безъ свейскаго желѣза спасенія намъ нѣтъ.

Но печальнѣе всего то что потребленіе желѣза въ народномъ быту совершенно не увеличивается, и въ этомъ отношеніи Россія до сихъ поръ занимаетъ самое послѣднее мѣсто въ ряду всѣхъ государствъ Европы. На первый взглядъ такое утвержденіе можетъ показаться голословнымъ. Но всмотримся пристальнѣе въ статистическія данныя по этому вопросу.

Въ 1898 году, читаемъ мы въ одномъ офиціальномъ издан.. выплавлено въ Россіи чугуна около 2.229,000 тоннъ, въ томъ чи на югѣ Россіи 1.008,000 тоннъ, на Уралѣ 714,000 тоннъ, въ L ствѣ Польскомъ 263,000 тоннъ, въ Подмосковномъ районѣ 181, тоннъ, въ Финляндіи 27,000 тоннъ, въ Олонецкомъ краѣ 2с тоннъ и въ Сибири 10,000 тоннъ.

---

[2]) *Россія въ концѣ XIX вѣка*, стр. 524.

Въ 1888 году выплавлено было чугуна 668,000 тоннъ, слѣдовательно, за десять лѣтъ выплавка его увеличилась въ $3^1/_2$ раза. Необходимо отмѣтить что это увеличеніе произошло, главнымъ образомъ, за счетъ развитія чугуноплавильнаго производства на югѣ Россіи.

Дѣйствительно, здѣсь оно въ эти десять лѣтъ увеличилось на 1,000%, и на Уралѣ только на 80%. Фактъ тѣмъ болѣе печальный что именно Уралъ является поставщикомъ торговыхъ сортовъ желѣза потребляемыхъ населеніемъ страны.

Чѣмъ же объясняется медленный ростъ уральской горнопромышленности? Истощеніемъ рудъ казавшихся богатыми при Петрѣ? Недостаткомъ топлива для выплавки чугуна и для переработки его въ желѣзо? Нѣтъ, на эти вопросы приходится дать отрицательный отвѣтъ.

Насколько велики рудныя богатства Урала, можно судить по тому что въ одной только горѣ Благодать запасъ руды опредѣленъ болѣе чѣмъ въ 12 миліоновъ тоннъ, а запасы руды заключающіеся въ Зигазо-Камаровскомъ мѣсторожденіи исчисляются въ сотни миліоновъ тоннъ.

Не можетъ пожаловаться Уралъ и на недостатокъ топлива. Правда, каменнаго угля тамъ нѣтъ, но за то природа щедрою рукою надѣлила его непроходимыми лѣсами. По даннымъ В. Д. Бѣлова которыя сообщались на торгово-промышленномъ съѣздѣ 1896 года въ Нижнемъ-Новгородѣ, запасъ свободныхъ лѣсовъ сѣвернаго и средняго Урала былъ опредѣленъ въ 16.000.000 десятинъ.

При самомъ осторожномъ подсчетѣ въ основаніе котораго кладется оборотъ рубки въ 100 лѣтъ, оказывается что Уралъ безъ всякаго истощенія своихъ лѣсовъ можетъ давать ежегодно до 160.000.000 пудовъ угля на которомъ можно выплавить такое же количество чугуна. Если предположить что значительное количество этого чугуна, приблизительно до 50.000.000 пудовъ, придется передѣлывать на торговые сорта желѣза, то и тогда древеснаго топлива хватитъ на ежегодную выплавку 100.000.000 чугуна. Слѣдовательно, и со стороны запаса горючаго матеріала Уралъ вполнѣ обезпеченъ. Что же, наконецъ, мѣшаетъ развитію желѣзной промышленности въ этомъ районѣ?

Отвѣтъ одинъ: отсутствіе сносныхъ путей сообщенія. Но исправленіе этого зла всецѣло находится въ нашихъ рукахъ, а мы за двѣ... лѣтъ сдѣлали очень и очень мало для устраненія его.

Въ Олонецкомъ краѣ горные заводы появились еще до Петра, ... немъ въ этой мѣстности рудное дѣло развилось въ довольно ши...ихъ размѣрахъ, а черезъ двѣсти лѣтъ въ этомъ краѣ выплавлено ...гуна только 26.000 тоннъ. Быть можетъ, хотя здѣсь мы, дѣйстви-

тельно, имѣемъ дѣло съ истощеніемъ рудъ? Нѣтъ, запасы руды здѣсь встрѣчаются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, въ видѣ огромныхъ запасовъ озерной руды желѣзнаго блеска, бураго и магнитнаго желѣзняковъ. При обиліи лѣсовъ и рабочихъ рукъ эти условія являются весьма благопріятными для развитія здѣсь желѣзной промышленности, чему способствуетъ также множество озеръ и рѣкъ облегчающихъ доставку грузовъ. А между тѣмъ желѣзная промышленность здѣсь положительно чахнетъ и сохнетъ.

Но что̀ бы сказалъ Петръ Великій еслибы онъ узналъ что, несмотря на двухсотлѣтнія старанія правительства, горное дѣло настолько еще не окрѣпло у насъ что и теперь каждый вновь возникающій заводъ старается прежде всего обезпечить себя казенными заказами по искусственно высокимъ цѣнамъ, а когда эти заказы сокращаются или плата за нихъ понижается, то у насъ наступаетъ „кризисъ"? Что̀ сказалъ бы великій преобразователь еслибы онъ узналъ что теперь, на рубежѣ XX вѣка, желѣзо составляетъ предметъ роскоши въ народномъ быту, что у крестьянъ и сейчасъ еще въ ходу деревянная борона, что онъ строитъ дома и барки, дѣлаетъ телѣги и бочки, самымъ тщательнымъ образомъ избѣгая употребленія желѣза, что во многихъ уѣздныхъ городахъ желѣзная крыша составляетъ величайшую рѣдкость?

Вѣроятно съ такимъ положеніемъ вещей императора Петра не примирилъ бы никакой, даже самый идеальный строй горной администраціи со всѣми единоличными и колегіальными управленіями, съ горными начальниками, горными исправниками и горными стражниками. Положимъ, возлагать отвѣтственность за современное положеніе горнаго дѣла на наши горныя управленія нельзя, это положеніе создалось историческимъ путемъ и подъ вліяніемъ общихъ экономическихъ условій.

Но и снимать всецѣло отвѣтственность съ горнаго вѣдомства тоже нельзя. Развѣ оно съ своей стороны не проявляло заботъ исключительно о крупной промышленности, пренебрегая интересами мелкой? Что̀ сдѣлало оно для развитія низшаго и средняго горнаго образованія? Ничего или почти ничего. Поэтому мелкимъ горнымъ предпріятіямъ рѣшительно негдѣ черпать для себя сколько-нибу… товленныхъ дѣятелей, и имъ волею неволею приходится прибѣг… услугамъ практиковъ дѣйствующихъ по прадѣдовскимъ за… Немудрено что въ ихъ рукахъ никакое дѣло не спорится.

Можно сдѣлать и еще одинъ очень серіозный упрекъ г… вѣдомству. Петръ Великій не щадилъ никакихъ усилій для от… новыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ, не щадилъ … средствъ на изслѣдованіе ихъ. Еслибы въ теченіе двух…

ныя изслѣдованія производились съ такою же послѣдовательностью и настойчивостію, то мы, несомнѣнно, имѣли бы болѣе или менѣе ясное представленіе объ ископаемыхъ богатствахъ Россіи. Но эти изслѣдованія велись урывками, въ очень узкомъ масштабѣ, а потому всѣми открытіями мы обязаны ряду болѣе или менѣе счастливыхъ случайностей. Такъ было съ криворожскими желѣзными рудами, такъ было съ грозненскими нефтяными мѣсторожденіями, такъ было въ десяткѣ другихъ подобныхъ случаевъ. Только отсутствіемъ этихъ изслѣдованій и можно объяснить себѣ такіе факты, какъ открытіе желѣзныхъ рудъ въ густонаселенной Тамбовской губерніи, рудъ болѣе тысячи лѣтъ остававшихся неизвѣстными.

Правда, въ послѣдніе годы горное вѣдомство проявило въ этомъ направленіи болѣе усиленную дѣятельность: имъ была снаряжена экспедиція въ Охотско-Камчатскій край для изслѣдованія мѣсторожденій золота, нѣсколько партій работало вдоль линіи Сибирской желѣзной дороги съ цѣлію изслѣдованія каменноугольныхъ залежей, производились развѣдки ископаемыхъ богатствъ Квантунскаго полуострова, предприняты систематическія изслѣдованія Сибирской золотопромышленности, но въ общемъ все это не измѣняетъ сказаннаго.

Мѣстные органы горнаго управленія слишкомъ завалены канцелярскою работой, горно-полицейская служба отнимаетъ у нихъ такъ много времени что его совсѣмъ не остается для живаго дѣла изслѣдованія рудоносности тѣхъ или иныхъ районовъ. Это, конечно, очень печальный фактъ, которому не было мѣста въ нашей жизни двѣсти лѣтъ назадъ.

Н. Емельяновъ.

Прошлое о современномъ.

I.

Это было въ концѣ прошлаго вѣка...

Не пугайтесь, читатель. Тѣмъ не менѣе это случилось лишь три ..ъ тому назадъ.

..оявилась въ печати едва едва приличная въ смыслѣ лите..рности, но тонко и не безъ лукавства задуманная статей.. нѣкоей дамы, либо дѣвицы, подъ заглавіемъ „Зараза“. Въ этой ..ейкѣ авторъ съ большою силой негодованія обрушивается на ..ъ мущинъ которые будто бы вносятъ ядъ нравственнаго рас..я, „заразу“ въ семьи, единственно ради удовлетворенія своей

животной похоти. Авторъ илюстрируетъ свое обвинеиіе очень яркими примѣрами дѣйствительности. Какой-то Сережа заплатилъ пріютившей его семьѣ тѣмъ что завелъ преступную интригу со всѣми тремя дѣвицами этой семьи, изъ которыхъ одна кончила жизнь самоубійствомъ, что не помѣшало ни Сережѣ, ни двумъ остальнымъ сестрамъ продолжать ту же милую игру. Другой юнецъ послѣ сытнаго и пьянаго пира увлекъ дѣвицу въ темный уголокъ сада, откуда она затѣмъ и побѣжала прямо къ рѣкѣ топиться, но, остановленная во время, впослѣдствіи до того тосковала по своей „разбитой жизни" что даже попивала ради забвенія этой тоски и т д. Авторъ „Заразы" во всѣхъ подобныхъ случаяхъ усматриваетъ вину исключительно на сторонѣ мущинъ. Ядовитыми преступниками являются только Сережи, а всѣ Лизы и Кати оказываются лишь невинными жертвами животной похоти юнаго самца.

На это отвѣтилъ г.—*ій* статейкою „При нѣкоторомъ освѣщеніи" написанной несравнимо бойчѣе „Заразы".

Въ рѣчи обоихъ молодыхъ авторовъ ясно отразилось нѣчто не дающееся никакому таланту, никакому самому совершенному искусству: личное искренно-наболѣвшее ихъ чувство, взаимное страстное озлобленіе двухъ враговъ которые жестоко и безповоротно испортили жизнь другъ другу. Но врагами этими, неумолимыми и непримиримыми, оказалась вся современная молодежь различнаго пола, оказались именно тѣ люди которые, по слову евангельскому, предназначены быть „два въ плоть едину".

Есть отъ чего смутиться! Есть надъ чѣмъ призадуматься людямъ которые умѣли понять великое явленіе времени по его малому и незначительному на видъ знаменію.

Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ и въ нѣкоторой степени участникомъ бесѣды стариковъ, одинаково взволнованныхъ вышеназванными статьями тотчасъ по ихъ появленіи. Младшему изъ насъ числится 63 года. Слѣдовательно это была истинною бесѣдой прошлаго, безвозвратно отжившаго о современномъ...

Я постарался записать ее съ возможною точностію.

Новое такъ часто и самоувѣренно судитъ о старомъ что можетъ быть не безынтересно будетъ кому-нибудь ознакомиться съ сужденіями обратнаго порядка.

II.

— Я перестаю понимать современную молодежь, говорилъ с
рикъ-писатель.—Напримѣръ, въ самомъ тонѣ, которымъ напи

„Зараза“ есть что-то прямо возмущающее и противное. Еслибы я встрѣтилъ особу, такимъ образомъ, въ такихъ выраженіяхъ защищающую невинность жертвъ Сережи, я, разумѣется, отнесся бы къ ней брезгливо, ибо фальшью, холодомъ и лукавымъ „себѣ на умѣ“ дышитъ каждое ея слово. Сквозь мягкую лапку ея показной чувствительности такъ и проступаютъ самые безпощадные, безжалостные когти. Но если притворство и хладнокровное извращеніе правды противны въ человѣкѣ, въ любомъ встрѣчномъ знакомцѣ, какъ выступить съ ними писателю? Какая для этого требуется сухость сердца, эгоистическое презрѣніе ко всѣмъ чужимъ интересамъ и какое безстыдство!

— Можетъ быть, не совсѣмъ такъ, возразилъ присяжный повѣренный.—Я не защищаю статью, но защищаю автора. Съ его стороны это очевидный вскрикъ глубокой ненависти, крайняго озлобленія. Но à la guerre, comme à la guerre. Со врагами не церемонятся и для пораженія ихъ всякое оружіе хорошо. Вѣдь и отвѣтъ юнаго писателя, автора „При нѣкоторомъ освѣщеніи“, развѣ не дышитъ такою же злобой, такимъ же страстнымъ обличеніемъ? Нельзя сомнѣваться что здѣсь съ обѣихъ сторонъ идетъ борьба безпощадная, предъявляются тяжелые счеты, существуетъ ненависть только раздуваемая животною потребностью другъ въ другѣ. Ну, а отъ избытка чувствъ, какъ извѣстно, уста глаголятъ; тѣмъ болѣе что ни застѣнчивостью, ни отсутствіемъ рѣшимости нынѣшнія дамы и дѣвицы отнюдь не страдаютъ.

— Господи? всплеснула руками старушка лѣтъ семидесяти слишкомъ, сохранившая, однако, на своемъ умномъ, одухотворенномъ мыслью лицѣ слѣды великой былой красоты.—Впервые слышу столь категорическое утвержденіе чудовищнаго факта. Мнѣ давно представлялось нѣчто подобное; но я такъ мало вращаюсь въ обществѣ, такъ далека отъ современной молодежи что считала свои наблюденія простою ошибкой, нелѣпою фантазіей деревенской отшельницы. И вотъ!.. Право, я теперь не удивляюсь, если придется еще дожить до восходовъ солнца съ запада. Почему нѣтъ, коль скоро самые основные законы природы могутъ отмѣняться? Взаимная вражда молодежи различнаго пола, Господи! Кто бы этому повѣрилъ въ мое время! Что̀ сказала бы моя покойная мать пожелавшая раздѣлить участь своего мужа-декабриста?

— Авторъ статьи „При нѣкоторомъ освѣщеніи“, конечно, далекъ отъ безстрастной объективности, сознался старый писатель.—Однако онъ несравнимо искреннѣе и въ общемъ правъ. Онъ далъ серіозный здравомысленный отпоръ попыткѣ прикрыть женское тру-ля-ля флеромъ угнетенной невинности.

— Положимъ. Но въ широкомъ распространеніи и торжествѣ каскаднаго жанра среди современныхъ дамъ и дѣвицъ огромная, подавляющая часть вины падаетъ на насъ, мущинъ. Именно мы сумѣли почтенную и вѣрную идею женской равноправности превратить въ нелѣпую проповѣдь женскаго общественнаго тожества съ мущиною, въ стремленіе къ полному совмѣстительству, смѣшенію и соперничеству съ нимъ на житейской аренѣ. Нашлись самозванные пророки которые увѣровали что машина станетъ работать въ совершенствѣ лишь въ томъ случаѣ, если всѣ ея отдѣльныя части будутъ сорваны съ мѣстъ и свалены въ одну общую кучу. Нашлись и восторженные сторонники подобнаго ученія, провозгласившіе его геніальнымъ. А за сторонницами ужь дѣло не стало. Русская дѣйствительность, какъ извѣстно, отличается рѣдкою способностью къ выработкѣ всякихъ типовъ межеумочности и психопатизма. Наши „дѣти“ изъ дѣвицъ готовы пройти не только въ темный уголокъ сада съ пылкимъ сосѣдомъ послѣ пьянаго пира, но и придушить съ предварительнымъ замысломъ и уговоромъ богатенькую старуху ради пяти сотъ рублей; явленія въ сущности совершенно однородныя по своему источнику.

— Справедливо-съ! опять вступился писатель.—Дѣйствительно, огромная вина падаетъ на насъ, мущинъ, или проповѣдниковъ безумія, или потворщиковъ этой проповѣди. Но все же пора и женщинамъ безъ прикрасъ сказать всю правду въ глаза, подставить имъ духовное зеркало, въ которомъ вмѣсто подрисованныхъ вѣкъ или бровей, масированныхъ щекъ и пестрыхъ тряпокъ отразилась бы вся непригядность ихъ внутренняго существа. Это и сдѣлалъ очень талантливо, очень убѣжденно авторъ статьи „При нѣкоторомъ освѣщеніи“.

III.

На этотъ разъ вступился врачъ, тоже глубокій старецъ, давно покинувшій свою нѣкогда блестящую практику.

— Да, наши Сережи и наши полудѣвы одинаково непригляды. Только винить-то ихъ, право, не приходится. Они естественный, избѣжный продуктъ укладовъ нашей городской (и въ особенн[illegible] столичной) жизни.

— Какъ это?

— Разсудите сами. Ихъ воспитаніе, сидячая жизнь, прянал[illegible] буждающая пища, близость къ развратной прислугѣ, улица, [illegible] театръ, примѣръ и бесѣды взрослыхъ, все, все рѣшитель[illegible]

обстановка ихъ молодой жизни вліяетъ на слишкомъ раннее возбужденіе чувственныхъ инстинктовъ. Животное въ нихъ проснулось и властно заявляетъ свои требованія. Однако обуздывать его апетиты не всегда легко и для взрослыхъ, окрѣпшихъ людей; мы же ждемъ такого подвига отъ подростковъ, сами всячески наталкивая ихъ на искушеніе. Скажите, многіе ли безспорно разумные и нравственные люди могутъ всегда поручиться хотя бы за самихъ себя въ этомъ отношеніи? Какое же право имѣемъ мы обрушиваться на нашихъ юношей?

— Пощадите, Семенъ Ивановичъ! Неужто и вы заразились модными ученіями о невмѣняемости? Нынче вѣдь можно сдѣлать даже любое преступленіе только потому что ужь очень этого захотѣлось. Афектъ, молъ! Нервное предрасположеніе. Почему же, однако, прежніе-то люди умѣли сдерживать афекты? Имѣли достаточно силы воли чтобы противиться преступнымъ или безнравственнымъ стремленіямъ?

— Потому что были здоровѣе, спокойно отвѣтилъ докторъ. — Верните лучшія условія жизни, явятся и болѣе крѣпкія особи. Вонъ наши матери или даже жены считали великою радостью и наслажденіемъ кормить своихъ младенцевъ собственною грудью. Теперь, наоборотъ, материнство считается чуть ли не несчастіемъ. Отчего же? Природа, что ли, перемѣнила свои законы? рѣки потекли вспять? или солнце начало вставать съ запада, какъ вы выразились, Наталья Петровна? Нисколько. Все на своемъ мѣстѣ. Здоровыя, нормальныя матери и теперь охотно нянчатся со своими здоровыми и нормальными дѣтьми. Только ихъ почти нѣтъ. Только наши новобрачные, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, еще до рожденія перваго ребенка лечатся, масируются, ѣздятъ на всякіе курорты, чуть-ли не прибѣгаютъ къ операторамъ. А явятся еще дѣти, и пойдетъ сплошное, безпросвѣтное страданіе.

— Но откуда взялась такая перемѣна?

Врачъ пожалъ плечами.

— Лиха бѣда была начать. А отъ хилаго и родится хилое. Мало ли у насъ, впрочемъ, появилось новыхъ условій, прямо таки губительныхъ для физическаго развитія людей. Десятки!

— Напримѣръ?

— Да вотъ хоть непремѣнное условіе вырастить ребенка къ сроку, догнать его для школы хотя бы тепличнымъ порядкомъ, тренировать его для успѣха въ призовой гонкѣ за дипломами. Неужто эта „необходимость“ мало искалѣчила и родителей и дѣтей? А размѣры современныхъ потребностей! Вѣдь они создали такую тѣсноту что въ семьяхъ боятся часто дѣторожденія, какъ нѣкой казни египетской.

Оно прямо считается не только дорогимъ или неудобнымъ, но даже смѣшнымъ и неприличнымъ. Вѣдь у насъ вся житейская обстановка приспособлена къ бездѣтнымъ или, по крайней мѣрѣ, очень малолюднымъ семьямъ. И вообще экономическая тѣснота вліяетъ какъ на сокращеніе браковъ, такъ и на затягиванье ихъ до поздняго срока. Мудрено ли что дѣвушки, не имѣвшія возможности выйти замужъ во-время, когда имъ это было нужно, становятся полудѣвами, а Сережи преуспѣваютъ и плодятся въ ихъ средѣ. Еще вопросъ даже кто на кого тутъ больше вліяетъ... Но право же, ни на этихъ полудѣвъ, ни на ихъ „обольстителей" рука не поднимается бросить камень осужденія сколько-нибудь тяжелый, тѣмъ болѣе что они сами себя жестоко наказываютъ своею взаимною враждою и взаимнымъ омерзѣніемъ. Припомните всѣ извѣстные вамъ случаи quasi-любви, женитьбы и т. д. Развѣ въ большинствѣ это не битва на жизнь и смерть между врагами?

IV

— Вотъ, господа, вступилась старушка,—припомните, сколько нападали на институты, особенно старинные, дореформенные; а вѣдь не говоря уже о благодѣтельности ихъ для сиротъ или дѣтей брошенныхъ судьбою въ плохія семейныя условія нельзя отрицать что институтское воспитаніе направляло дѣвушку на путь долга, семейныхъ привязанностей, религіи, на покорность провидѣнію и обстоятельствамъ ниспосланнымъ свыше. Если прежнія институтки уступали нынѣшнимъ гимназисткамъ и курсисткамъ въ смѣлости и предпріимчивости, зато пріученныя съ дѣтства къ дисциплинѣ, порядку и заботамъ о своихъ обязанностяхъ, онѣ были вообще скромнѣе, женственнѣе и семейнѣе ихъ.

— Можетъ быть. Но обвиняли не столько институтское воспитаніе, сколько преподаваніе дѣйствительно ужь очень, очень слабое.

— А между тѣмъ изъ институтокъ вовсе не въ рѣдкость выходили женщины высоко-просвѣщенныя. Конечно, время должно было улучшить методы преподаванія; но зато и сколько зла пр[illegible] крайнее усердіе развивать такъ называемое самостоятельное мы[illegible] анализъ. Сколько вредныхъ пропагандъ укрылось подъ этимъ фл[illegible] сколько яда критики, недовольства и разочарованія оно прол[illegible] молодыя поколѣнія, сколько преждевременныхъ для возраста [illegible] безъ разбора оно дало имъ въ руки, и сколько привело къ [illegible] вольству жизнью, къ болѣзненной нервности и даже къ душев[illegible] недугамъ кончающимся часто самоубійствомъ.

— Пожалуй, въ этомъ есть доля правды...

— А бѣготня дѣвочекъ въ школу по улицамъ? Въ теченіе долгихъ лѣтъ она создаетъ въ нихъ потребность и привычку искать дѣятельности внѣ дома. Нынѣшнюю женщину по большей части не удовлетворяетъ постоянное и ровное исполненіе скромныхъ и невидныхъ домашнихъ обязанностей. Ей нужна арена публичности, она мечтаетъ о пріобрѣтеніи правъ и полной независимости наравнѣ съ мущиною. Ей нужны клубы для обсужденія общественныхъ вопросовъ и предпріятій, ей нужны шумная и тщеславная благотворительность, забывающая завѣтъ благотворить такъ чтобы лѣвая рука не знала что творитъ правая. Для весьма многихъ .благотворительницъ это такое же развлеченіе, какъ и всякое другое, а вовсе не серіозное дѣло: это скорѣе средство или выказаться, или какъ-нибудь наполнить время похищенное у прямой обязанности. Отгого нынче семейная жизнь какъ-то разлагается, количество браковъ въ образованной средѣ замѣтно уменьшается, брачные союзы легко разрываются, а истинно счастливые браки такъ рѣдки. И всѣ знаютъ, и видятъ какъ пагубно это отзывается на общественныхъ нравахъ.

— Что такъ называемый семейный очагъ сталъ нынче для сколько-нибудь чуткаго и порядочнаго мущины чѣмъ-то въ высокой степени тошнотворнымъ или даже мучительнымъ, это святая истина въ девяносто случаяхъ изъ сотни.

— Ну, вотъ! Большою ошибкой было, создавая женскія гимназіи, не создать единовременно съ ними какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціяхъ, другаго типа заведеній болѣе полезныхъ и доступныхъ бѣднымъ классамъ общества. Но этому помѣшала болѣе всего ожесточенная борьба партій. Крайнее демократическое направленіе мечтало все уравнять, смѣшать всѣ сословія, сдѣлать высшее образованіе доступнымъ всѣмъ классамъ общества, а главное унизить тѣхъ кто жизнью поставленъ былъ выше общаго уровня. Этому всенивелирующему потоку старались противопоставить широкія програмы, большія требованія и трудности для достиженія образованія. А это отозвалось въ жизни печальными результатами. Дѣвочки бѣдныхъ классовъ воспитанныя въ гимназіи считаютъ ниже себя примѣнять свои знанія и воспитаніе въ томъ скромномъ кругу своего роднаго ...га который назначенъ имъ судьбою. Ихъ мечта ѣхать изъ про...нціи въ столицы, слушать высшіе курсы, и искусственная пропаганда необходимости для женщины такъ называемаго высшаго обра...анія поддерживаетъ ихъ въ этомъ. Если родители не имѣютъ ...дствъ тамъ содержать ихъ, онѣ часто разрываютъ съ семьею и ...вятъ на карту все свое существованіе, такъ какъ нужда, грязь ...облазны столичные, конечно, для неопытной юности гораздо опаснѣе

простоты и даже темноты провинціальной. Сколькія гибнутъ такимъ путемъ! Сколькія по неряшеству и распущенности сопровождающихъ часто нужду и грязную обстановку теряютъ даже обликъ женщины...

V.

— Разумѣется, вы правы во многомъ, очень во многомъ, замѣтилъ старушкѣ бывшій врачъ.—Однако нельзя забывать что исходною идеей для подъема женскаго научнаго образованія было стремленіе развить, подъ вліяніемъ женщины на подрастающія поколѣнія, просвѣщеніе по возможности во всѣхъ классахъ общества. Идею эту я считаю великою и правильною.

— Можетъ быть. Однако именно она-то прежде всего и утрачивается въ данномъ положеніи дѣла. Мы оказываемъ плохую услугу русской жизни, забывая что истинное просвѣщеніе заключается вовсе не въ количествѣ знаній, а въ добромъ дѣланіи и стремленіи совершенствовать себя въ кругѣ своихъ прямыхъ обязанностей. Не столько въ ученыхъ женщинахъ нуждается эта русская жизнь, сколько въ умѣніи матери, хозяйки, труженицы на разныхъ поприщахъ, собственнымъ примѣромъ и добрымъ дѣланіемъ просвѣтить и очистить всѣ темные и грязные уголки нашей общественной жизни. А странное ослѣпленіе толкаетъ женщину на соперничество съ мущинами, на такое же алчное исканіе правъ и выгодъ, которому мы же сами не можемъ сочувствовать или находить достаточное оправданіе. Если заглянуть въ благотворительныя и патріотическія школы для бѣдныхъ, находящіяся подъ покровительствомъ знатныхъ и богатыхъ дамъ, то и тамъ найдемъ мы ненужное расширеніе учебныхъ програмъ на счетъ полезныхъ практическихъ занятій, ту же мертвенную формалистику соединенную съ соперничествомъ покровительницъ желающихъ перещеголять другъ друга во всемъ внѣшнемъ. Самимъ Богомъ и природою отведена женщинѣ не узкая область отвлеченнаго знанія, а болѣе возвышенная, болѣе эстетическая область сердца и чувства. Она выше учености, политическаго представительства, чиновничества, сидѣнія за прилавкомъ или типографскимъ станк[illegible] а тѣмъ болѣе за прилавкомъ питейнымъ, куда по слухамъ ны[illegible] стремятся женщины даже съ высшимъ образованіемъ. Даже са[illegible] симпатичныя изъ женскихъ призваній, учительство и медици[illegible] становятся несимпатичными, какъ скоро начиненіе головы сухи[illegible] теоріями или рѣзаніе труповъ преобладаетъ надъ чувствами лю[illegible] и состраданія къ человѣку.

— Чувство чувствомъ, замѣтилъ врачъ,—однако нельзя же дать оперативный ножъ или сильнодѣйствующія средства въ руки неуча.

— Разумѣется, нельзя и не нужно. Но почему же знаніе должно непремѣнно, такъ сказать, омущинивать женщину? и зачѣмъ это нужно? Есть такіе уголки жизни семейной и общественной, гдѣ ничто не можетъ замѣнить нѣжной женской руки, благотворящей, утѣшающей, ободряющей, воспитывающей, сдерживающей молодыя поколѣнія, гдѣ женщина можетъ приложить свой трудъ и свою дѣятельность, не соперничая съ мущинами и давая именно то чего тѣ не могутъ дать. Но для этого нужна искренняя, а не внѣшняя религіозность, нужны твердыя нравственныя правила которыхъ именно недостаетъ нашему обществу. Высшая задача женскаго образованія вовсе не въ однихъ познаніяхъ, а въ пробужденіи воли къ добру, къ дѣятельности живой, чуждой всякой выставки, пустоты и тщеславія, въ чистотѣ мысли и жизни, однимъ словомъ, въ приближеніи къ тому идеалу христіанскаго совершенства который человѣчеству предстоитъ осуществить на землѣ. Все человѣчество, и старое и новое, не совершенно, имѣетъ свои хорошія и дурныя стороны. Истина и мудрость заключаются именно въ безпристрастіи съ какимъ мы оцѣниваемъ то и другое; но вовсе не въ безсмысленномъ упоеніи всѣмъ новымъ. У насъ же всякое вновь возникающее стремленіе общественное становится какимъ-то стаднымъ, какою-то модой или бурнымъ потокомъ увлекающимъ всѣхъ и все. Не мало уже мы за это поплатились, не мало этимъ воспользовалось все враждебное Россіи и ея успѣхамъ! Хорошо еще что насъ сдерживаютъ мудрость и здравый смыслъ нашего народа который не поддается шатаніямъ и ошибкамъ своихъ руководителей или просвѣтителей, а съ истинно христіанскимъ благоразуміемъ смотритъ на нихъ и со своимъ здравымъ русскимъ юморомъ часто надъ ними подсмѣивается [1]).

VI.

Въ уголкѣ, надъ стаканомъ чая, сидѣлъ, не проронивъ ни слова, бывшій професоръ университета, который уже болѣе тридцати лѣтъ ..у назадъ промѣнялъ ученую каѳедру и свою блестяще возраставш..ю извѣстность на смиренныя занятія и темную долю землевла..ьца хозяина средней руки.

[1]) Рѣчи старушки взяты мною цѣликомъ изъ книги, къ сожалѣнію не ..ценной въ продажу, но написанной одною изъ наиболѣе выдающихся по .., просвѣщенности и высокому нравственному складу женщинъ нашего ..зкаго прошлаго, которая скончалась лишь весьма недавно въ преклон..ъ возрастѣ.

— Позвольте и мнѣ высказать свое мнѣніе, началъ онъ съ нѣкоторою неувѣренностью.— Въ деревенскомъ одиночествѣ я, правда, не имѣлъ случая близко ознакомиться съ явленіями современной общественной жизни, но за то было много досуга для мысли... многое пришлось передумать вновь и... переоцѣнить.

— Говорите, говорите!

— Мнѣ кажется что всѣ вы очень мѣтко и правильно выяснили разныя стороны вопроса интересующаго современное общество хотя въ значительной степени, но всетаки несравнимо менѣе чѣмъ онъ того заслуживаетъ. Я безусловно присоединяюсь ко всему что̀ было здѣсь высказано вами или неизвѣстнымъ авторомъ статьи „При нѣкоторомъ освѣщеніи". Но мнѣ думается что всетаки вы остановились на полпути. Въ явленіяхъ общественной жизни не всегда достаточно назвать вещь ея настоящимъ именемъ и выяснить ея настоящее значеніе. Если дѣло идетъ о какой-либо нравственной болѣзни общества или одной изъ его группъ, то полный діагнозъ не можетъ быть поставленъ какъ слѣдуетъ, безъ раскрытія основной, первичной причины заболѣванія. А на эту причину указала до сихъ поръ, и то лишь намекомъ, мимоходомъ брошеннымъ замѣчаніемъ, одна высокоуважаемая Наталья Петровна.

— Какимъ?

— Заявленіемъ что необходимое условіе для правильнаго исполненія своихъ обязанностей женщиною, а я скажу: кѣмъ бы то ни было, есть религіозность, не внѣшняя, а искренняя. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ вліяетъ на нашу современную молодежь (обоего пола) въ наиболѣе деморализующемъ смыслѣ? Какое чувство или идея побуждаетъ юношей (и однихъ ли юношей!) такъ безоглядно топтать ногами лучшіе завѣты альтруизма, общественнаго служенія и даже простой житейской честности, которые еще недавно были святымъ святыхъ для всякой молодой совѣсти? На мой взглядъ, взглядъ человѣка прожившаго болѣе 60 лѣтъ, слѣдовательно способнаго помнить, сравнивать и сопоставлять, отвѣтъ ясенъ какъ свѣтъ дня.

— А именно?

— Наше поколѣніе чрезмѣрно дорожитъ блюденіемъ собственныхъ правъ, иногда весьма фантастическихъ, но почти совс[illegible] было объ обязанностяхъ. Современныя женщины, правда, нес[illegible] болѣе прежнихъ стремятся въ учебныя заведенія, не отст[illegible] этомъ смыслѣ передъ очень серіозными усиліями. Но, скажи[illegible] совѣсти, въ этой погонѣ за дипломами и уравненіемъ своихъ [illegible] съ мужскими что̀ стоитъ у нихъ на первомъ планѣ? Дѣйств[illegible] ли безкорыстная жажда къ просвѣщенію, или разчетъ, бахв[illegible] желаніе выдвинуться и блестѣть во что бы то ни стало

такъ другимъ? Именно выдвинуться, именно блестѣть, играть роль, обратить на себя вниманіе. Женщины утверждаютъ, будто суровая необходимость вынуждаетъ усиленно учиться тѣхъ кто по своимъ условіямъ не могутъ разчитывать на семейное благополучіе, на порядочнаго мужа и мирное существованіе въ домашнемъ кругу. Однако, во первыхъ, это сомнительный тезисъ по существу. Добрая, заботливая и трудолюбивая жена вовсе не представляетъ собою такой недоступный предметъ роскоши какимъ въ большей части случаевъ являются современныя супруги. Во вторыхъ, любая хорошая кухарка заработываетъ себѣ нынѣ хлѣбъ вдвое легче и вѣрнѣе разныхъ педагогичекъ, курсистокъ и тому подобныхъ. Почему же некрасивая и небогатая дѣвушка, во что бы то ни стало, мечтаетъ объ ученыхъ, литературныхъ и тому подобныхъ лаврахъ. Дѣло ясное. Она стремится быть на виду, срывать цвѣты наслажденія и удовлетворенія quand même, не мытьемъ, такъ катаньемъ. Въ былое время женщины самаго высокаго, обширнаго и разносторонняго просвѣщенія (по совѣсти говоря, не чета нынѣшнимъ узенькимъ quasi-спеціалисткамъ) тщательнѣйшимъ образомъ и намѣренно становились въ тѣнь; онѣ знали многое, однако лишь для удовлетворенія личной жажды знанія, но нисколько не уклонялись отъ своихъ семейныхъ и хозяйственныхъ занятій: были превосходными матерями, собственноручно готовили зимніе запасы, терпѣливо обучали прислугу, и такъ далѣе. Знаніе было ихъ личною потребностью и наслажденіемъ, но оно не мѣшало имъ исполнять свой долгъ, свой естественный жизненный трудъ, ясно предначертанный имъ ихъ природою. Даже былыя старыя дѣвы находили себѣ мирное, полезное и почтенное существованіе въ семьѣ. Кто не помнитъ тетушекъ, гувернантокъ, домоправительницъ, обожаемыхъ дѣтьми и совершенно необходимыхъ въ семьѣ, оставившихъ по себѣ неизгладимыя воспоминанія и сожалѣнія? Всѣ эти женщины тверже помнили свои обязанности чѣмъ свои права. Жизнь ихъ такимъ образомъ была не бездѣльною, не безынтересною, хотя и скромною на видъ. Полная смысла и содержанія, она давала имъ мирныя радости, много дѣла, много серіозныхъ заботъ, при чемъ самая возможность развитія опереточныхъ жанровъ въ жизни совершенно отпадала.

— Разумѣется, такъ! вставила Наталья Петровна.

- Нынче мы думаемъ только о своихъ правахъ. Если, по велѣмъ судьбы, у насъ ихъ мало наслѣдственныхъ, мы торопимся ..атить ихъ зубреніемъ, талантами, биржевою игрой, кто во что ..здъ, даже убійствами съ ограбленіемъ. Для этой цѣли все хо..ю. Но вѣдь права и права, одни права, безъ какихъ-либо обя..ностей признанныхъ, близкихъ сердцу и совѣсти, а не навязан-

ныхъ со стороны надоѣдливою необходимостью оставляютъ много свободнаго времени, много пустотъ, то-есть, скуки. Скука же, какъ извѣстно, не подавляется даже счастіемъ; она требуетъ именно наслажденій острыхъ, хотя и мелкихъ, угара, суеты чувствъ и мыслей; при чемъ, какъ всегда, эти возбуждающія средства чѣмъ чаще примѣняются, тѣмъ сильнѣе въ нихъ потребность, тѣмъ крупнѣе ихъ дозы...

— Это ясно и безспорно, призналъ писатель.

— Я говорю объ обоихъ полахъ современнаго поколѣнія. Они другъ друга стоятъ, и мужья столько же заслуживаютъ своихъ женъ, сколько жены мужей. Однако можно ли удивляться что браки становятся рѣже и объяснять это однѣми экономическими причинами, если вмѣсто жены рискуешь получить или дѣвицу тру-ла-ла, или особу примѣряющую все и всѣхъ къ своему титулу и деньгамъ, или цѣлую критику чистаго разума въ юбкѣ? Поневолѣ сбѣжишь и отъ той, и отъ другой, и отъ третьей... Но если мужья и жены получаютъ другъ друга по заслугамъ, чѣмъ виноваты бѣдныя дѣти? Чѣмъ виноваты эти „ангельскія души", какъ называетъ ихъ народъ, которыхъ воспитываютъ либо какъ заброшеннаго щенка, либо какъ боготворимую куклу.

— Откуда же, по вашему, все это на насъ свалилось? спросилъ врачъ.

— Мы пережили періодъ поразительнаго научнаго одичанія, когда пытались упразднить вѣру, величайшую изъ познавательныхъ силъ вложенныхъ въ насъ природою, замѣнивъ ее жалкимъ контролирующимъ, но отнюдь не творящимъ апаратикомъ разума. Этотъ близорукій или даже полуслѣпой апаратикъ побѣдоносно заявилъ намъ что существуетъ лишь міръ непосредственно доступный нашимъ физическимъ ощущеніямъ; все же остальное ложь и вздоръ. Прежде же всего ложь и вздоръ будто бы тѣ предчувствія которыя таятся во внутренней природѣ человѣка заложенныя въ нее въ самый моментъ созданія, а затѣмъ не только никогда ее не покидавшія, но, по мѣрѣ роста и развитія человѣчества, выросшія изъ безсознательнаго инстинкта въ цѣлое величественное зданіе вѣры. Отрицаніе этой вѣры повело, между прочимъ, къ одностороннему то... ству культа правъ надъ культомъ обязанностей со всѣми неизб... вытекающими отсюда послѣдствіями.

VII.

На минуту всѣ примолкли.

Старый писатель вдругъ вздрогнулъ.

— Знаете, даже жутко становится обо всемъ этомъ думать! воскликнулъ онъ.—Куда же мы, наконецъ, идемъ? И съ какой стати за нашу ошибку, притомъ совершенную bona fide, безъ злаго умысла, такъ жестоко должны расплатиться будущія поколѣнія?

— Почему же непремѣнно должны? спросила Наталья Петровна.— Полноте, не такъ все это страшно. И прежде были эпохи ошибокъ, эпохи умственнаго либо нравственнаго „одичанія", какъ выразился нашъ милый професоръ; но человѣчество, истина, культура, право на землѣ не погибли. Подъ сухими листьями и отжившимъ быльемъ всегда незримо пробивается свѣжая, зеленая, сочная травка, вполнѣ способная замѣнить собою всю мертвечину. Таковъ законъ милосерднаго Господа. А кромѣ того, улыбнулась Наталья Петровна,— еще вопросъ: правильно ли мы оцѣнили современность? не просто-ли брюзжимъ по стариковски?

— Не думаю! серіозно отвѣтилъ професоръ. — Но вы совершенно правы что милосердію Господа нѣтъ границъ, и что зеленая, способная къ развитію травка всегда уживается подъ покровомъ отжившей и гніющей растительности. Теперь даже уже несправедливо было бы называть эту травку вполнѣ незримою и незамѣченною. Хвала Богу, не только въ Россіи, гдѣ великому соблазну поддалась лишь извѣстная часть интелигенціи, народъ же остался глубоко вѣрующимъ, но и въ западной Европѣ недавнее ученое безуміе уже теряетъ подъ собою почву. Ошибка слишкомъ бросается въ глаза; имѣются на лицо многіе явные признаки рѣшительнаго поворота умовъ къ истинѣ. Я поэтому не сомнѣваюсь что вмѣстѣ съ ея побѣдою надъ туманами quasi-научныхъ заблужденій загорится радужная заря и нашего нравственнаго обновленія. Вспомните, господа, что песимизмъ изобрѣли тѣ же нѣмецкіе филины которые отрицаютъ вѣру. Врать, такъ ужь врать логично и послѣдовательно! Мы же, положивъ на себя крестное знаменіе, спокойно и смѣло посмотримъ на будущее.

— Аминь! Аминь! Аминь! единодушно поддержали професора собесѣдники.

Аминь! позволяетъ себѣ ото всей души присоединиться къ нимъ авторъ этихъ строкъ. Съ новымъ годомъ и съ новымъ вѣкомъ, дорогіе читатели *Русскаго Вѣстника*.

Ѳ. Ромеръ.

Русскій Клондайкъ.

I.

Открытіе золота въ Аляскѣ привлекло туда искателей счастья со всѣхъ концовъ земнаго шара. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, лучшія розсыпи Клондайка скоро оказались расхватанными, и болѣе позднимъ пришельцамъ пришлось разсыпаться по полуострову отыскивая новыя мѣсторожденія золота. Поиски эти оказались далеко не безуспѣшными и лѣтомъ 1899 г., у мыса Нома (Cope-Nome), одного изъ мысовъ въ наиболѣе узкой части Берингова пролива, были открыты богатые золотые пріиски лежащіе на глубинѣ всего нѣсколькихъ футовъ отъ поверхности земли. Не нужно было быть пророкомъ чтобы предсказать что этимъ поиски Американцевъ не окончатся, что ихъ не удержитъ узкая полоса воды отдѣляющая Америку отъ Сибири, что поиски будутъ перенесены и въ наши предѣлы. Это было тѣмъ вѣроятнѣе что еще въ 1870 году носились слухи объ открытіи Американцами золотыхъ розсыпей на нашемъ побережьѣ. Позднѣйшія изслѣдованія горнаго инженера г. Богдановича въ Камчаткѣ, въ Охотскомъ краѣ и на прилежащихъ островахъ вполнѣ подтвердили возможность нахожденія золотыхъ розсыпей и въ Анадырскомъ округѣ.

Одно время въ печати упорно носились слухи что въ этой мѣстности работало уже до 300 американскихъ хищниковъ. Насколько достовѣренъ подобный слухъ, мы судить не беремся, но если этого и не случилось еще до сихъ поръ, то нѣтъ рѣшительно никакихъ гарантій въ томъ что это не случится въ самомъ недалекомъ будущемъ. Такимъ образомъ, на первый планъ ставилась задача фактически занять этотъ край, начать въ немъ разработку ископаемыхъ богатствъ и тѣмъ воспрепятствовать появленію въ немъ иноземныхъ хищниковъ. Прежде чѣмъ говорить, какими путями можетъ быть достигнута эта цѣль, мы должны бросить хотя бѣглый взглядъ на географическое, климатическое и экономическое положеніе Анадырскаго округа [1]).

---

[1]) *Пріамурскія Вѣдомости*, №№ 356 и 358 за 1900 г. *Окраины Ро*... редакціей П. П. Семенова. С.-Петербургъ. 1900 г. *Приморская Обла*... П. Ѳ. Унтербергера. С.-Петербургъ. 1900 г.

II.

Анадырскій округъ расположенъ на сѣверѣ отъ безлюдной Камчатки, съ запада онъ граничится Якутскою областью, съ сѣвера омывается водами Ледовитаго океана, а съ востока Беринговымъ моремъ. Это въ полномъ смыслѣ мертвая пустыня населенная дикими „полунезависвмыми“ Чукчами имѣющими крайне смутное понятіе о Россіи и русской власти, судящимися по своему обычному праву даже за такія крупныя преступленія какъ убійство, разъ эти преступленія совершены внѣ предѣловъ русскихъ поселеній.

Въ общемъ климатъ Чукотскаго полуострова крайне суровъ, хотя и не до такой степени, какъ это можно было бы предположить по его полярному положенію. Лѣто коротко, холодно и дождливо, зато зима гораздо мягче чѣмъ въ болѣе южныхъ широтахъ на берегахъ Охотскаго моря. Главною причиной болѣе мягкой зимы здѣсь служитъ теплое теченіе идущее вдоль восточнаго берега Камчатки, но сѣвернѣе уклоняющееся въ сторону американскаго материка. Вотъ почему въ тѣхъ широтахъ въ которыхъ въ Америкѣ мы видимъ еще лѣса, въ Анадырскомъ краѣ лежатъ уже лишенныя всякой растительнссти тундры. Но теплое теченіе все-же сказывается и на Чукотскомъ полуостровѣ тѣмъ что бухты его очищаются ото льда въ серединѣ апрѣля, тогда какъ въ Охотскомъ морѣ онѣ въ это время года остаются еще подъ толстою ледяною корой. Настоящимъ же бичемъ анадырскаго климата являются вѣтры безпрерывно дующіе въ теченіе цѣлаго года.

Съ этими климатическими условіями приходится серіозно считаться при развитіи золотопромышленности въ краѣ. Жизнь рабочихъ затрудняется въ высшей степени, и на продолжительное пребываніе ихъ въ краѣ едва-ли можно разчитывать. Вѣроятнѣе всего что составъ рабочихъ придется обновлять довольно часто, если только всѣ они не будутъ увозиться на зиму въ болѣе южныя мѣстности.

Самое производство работъ не менѣе затруднительно, такъ какъ короткое лѣто ограничиваетъ срокъ этихъ работъ сравнительно не-
ьшимъ промежуткомъ времени. Поздняя весна и ранняя зима
ываютъ ранніе заморозки, лишая золотопромышленниковъ воз-
кности пользоваться однимъ изъ самыхъ необходимыхъ средствъ
пріисковомъ дѣлѣ, водою. Наконецъ, придется прибѣгать къ
усственному оттаиванію золотодержащихъ песковъ, а обиліемъ
лива край ни въ какомъ случаѣ похвалиться не можетъ. Правда,
немъ обнаружены залежи каменнаго угня, но онѣ совершенно

еще не изслѣдованы, а главное нельзя сказать на какомъ разстояніи отъ будущихъ золотыхъ пріисковъ онѣ находятся. Вторымъ горючимъ матеріаломъ въ краѣ является наносный лѣсъ пригоняемый морскими теченіями къ его берегамъ. Къ сожалѣнію, лѣсъ этотъ въ несравненно большемъ количествѣ находится на побережьѣ Ледовитаго океана чѣмъ Берингова моря, а доставка его оттуда почти невозможна.

Перейдемъ къ экономическимъ условіямъ края. Пути сообщенія въ немъ совершенно отсутствуютъ и движеніе производится прямо по тундрѣ на оленяхъ или на собакахъ. Такимъ образомъ, перевозить грузы придется исключительно зимою и при томъ очень небольшими количествами, что̀ до огромныхъ размѣровъ подниметъ стоимость доставки.

А между тѣмъ, везти придется почти все необходимое, такъ какъ край кромѣ рыбы, оленьяго мяса, да дичи рѣшительно ничего не производитъ. О размѣрахъ перевозочныхъ средствъ у населенія сказать что-нибудь мудрено. Офиціальныя свѣдѣнія касаются только русскаго, обрусѣлаго и полуобрусѣлаго инородческаго населенія. По этимъ свѣдѣніямъ въ 1897 году въ Анадырскомъ краѣ считалось оленей около 10.000 головъ и собакъ для ѣзды 1.320, у остальныхъ инородцевъ этихъ животныхъ несравненно больше. Къ сожалѣнію, край сильно страдаетъ отъ ящура оленей и отъ бѣшенства собакъ, рѣдко, впрочемъ, передающагося людямъ.

Сношенія морскимъ путемъ съ Анадырскимъ округомъ не представляютъ никакихъ затрудненій и путь сюда отъ Владивостока можетъ быть сдѣланъ въ двѣ недѣли. Но теперь пароходы Добровольнаго флота дѣлаютъ въ эту пустыню только одинъ рейсъ въ годъ, чѣмъ необыкновенно затрудняютъ сношенія съ нею. Впрочемъ, вопросъ объ учащеніи пароходныхъ рейсовъ давно уже поставленъ на очередь.

Является еще одинъ интересный вопросъ: можетъ ли мѣстное населеніе, русское и инородческое, дать необходимый контингентъ рабочихъ для золотыхъ промысловъ? На это разчитывать довольно трудно, такъ какъ численность русскаго населенія въ Анадырскомъ краѣ опредѣляется всего въ 59 мущинъ и 70 женщинъ; что же касается инородцѣвъ, то ихъ къ 1 января 1898 года считалось 6.050 мущинъ и 6.246 женщинъ. Но не нужно забывать, во-первыхъ, съ пріисковыми работами это населеніе вовсе не знакомо, а во-вторыхъ, что работы на пріискахъ совпадутъ съ ловомъ рыбы, отъ которого инородцы не откажутся ни для какой другой работы.

Все это показываетъ ту громадную трудность которую при[...] преодолѣть при разработкѣ золотыхъ пріисковъ въ безжизненн[...] Анадырскомъ краѣ. Говоря другими словами, золотопромышлен[...]

работы въ немъ возможны только при очень богатомъ содержаніи золота. Оправдаются ли въ этомъ отношеніи возлагаемыя на Анадырскій край надежды, покажетъ, конечно, будущее.

III.

Географическія, климатическія и экономическія условія Дальняго Сѣверо-Востока Сибири настолько своеобразны, настолько отличны отъ условій всѣхъ другихъ мѣстностей Россіи что втиснуть золотопромышленность въ рамки созданныя для нея въ Енисейской или Томской губерніи рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Къ тому же ограничить свою роль исключительно добычей золота она не можетъ, на нее въ Анадырскомъ округѣ должны упасть еще иныя задачи имѣющія общегосударственное значеніе.

Въ самомъ дѣлѣ край этотъ до сихъ поръ не является еще неразрывно и прочно связаннымъ съ Россіей. Представителями русской власти здѣсь являются начальникъ округа, его помощникъ да десятокъ казаковъ ежегодно присылаемыхъ изъ Петропавловска. Эта горсть въ 12 русскихъ людей, само собою понятно, можетъ имѣть лишь очень слабое вліяніе на двѣнадцатитысячное населеніе, въ памяти котораго еще ярко и свѣтло живутъ кровопролитныя возстанія противъ Русскихъ. Представители русской власти въ томъ числѣ, въ которомъ они находятся въ Анадырскомъ краѣ, могутъ имѣть только *нравственное* значеніе. Но и это значеніе часто подрывается ихъ безсиліемъ энергично и неуклонно провести какое-нибудь мѣропріятіе. Мы, напримѣръ, всѣми силами боремся противъ американскаго хищничества на этой окраинѣ, противъ спаиванія своихъ инородцевъ Американцами, противъ ихъ разорительной для края торговли. Часто въ этой борьбѣ перевѣсъ бываетъ на нашей сторонѣ: мы конфискуемъ хищничающія у нашихъ береговъ шхуны, мы жжемъ склады американскихъ товаровъ, но еще чаще хищники ускользаютъ отъ насъ, и мы оказываемся безсильными въ борьбѣ съ ними. Какъ отражаются на туземномъ населеніи эти неудачи? Не подрываютъ ли онѣ въ его глазахъ нашего престижа?

129 человѣкъ Русскаго населенія, мущинъ, женщинъ и дѣтей, къ тому же сосредоточенныхъ въ одномъ мѣстѣ, также сколько-нибудь замѣтнаго вліянія имѣть не могутъ даже настолько чтобы парализовать вліяніе Американцевъ, ежегодно посѣщающихъ побережья Чукотской земли. Богатые Чукчи посылаютъ своихъ дѣтей учиться въ Санъ-Франциско, бѣдные поступаютъ матросами на

американскія суда, наконецъ, тѣ и другіе ведутъ съ Американцами оживленную торговлю и даже довольно свободно объясняются по-англійски.

Всякому промышленному предпріятію которое возникнетъ въ Анадырскомъ краѣ въ силу существующихъ порядковъ придется считаться съ такими явленіями и бороться противъ нихъ. Всякому предпріятію придется заботиться о сближеніи Русскихъ съ Чукчами и объ усиленіи вліянія первыхъ на послѣднихъ, а слѣдовательно, и о прекращеніи ихъ сношеній съ Американцами.

Послѣдняя задача не очень то легка. Американцы пріучили Чукчей къ употребленію усовершенствованныхъ орудій при промыслахъ, напримѣръ, ружей Винчестера, пріучили ихъ къ мукѣ, сухарямъ и другимъ своимъ товарамъ. Теперь Чукчи не пойдутъ уже на промыселъ съ однимъ копьемъ. Значитъ, Русскому промышленному или торговому предпріятію возникшему здѣсь волею неволею придется вести съ инородцами мѣновую торговлю, снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ и получать отъ нихъ взамѣнъ продукты ихъ промысловъ: моржевые клыки, оленьи шкуры, мясо, рыбу, пушнину и т. д.

Посмотримъ теперь какое золотопромышленное предпріятіе можетъ, хотя отчасти, удовлетворить всѣмъ этимъ побочнымъ требованіямъ.

IV.

Находились люди которые совѣтовали объявить полную свободу золотаго промысла въ Анадырскомъ краѣ. Но едва-ли нужно говорить что такою свободою воспользовались бы прежде всего наши сосѣди Американцы. Они истощали бы наши розсыпи, распространяли бы англійскій языкъ среди нашихъ туземцевъ, привили бы къ нимъ кучу самыхъ несимпатичныхъ привычекъ и, наконецъ, споили бы ихъ въ конецъ.

Немногимъ лучшіе результаты получились бы, еслибы на Анадырскій край были распространены и общія законоположенія
ной золотопромышленности. Въ самомъ лучшемъ случаѣ б
сдѣлано много заявокъ, но мало пріисковъ подверглись бы д
тельной разработкѣ.

Могла взять разработку Анадырскихъ пріисковъ въ св
казна, это была бы наиболѣе выгодная форма золотопромышл
для нашего Дальняго Сѣверо-Востока, еслибы въ немъ с
вало прочное Русское населеніе или еслибы, по крайне

матическія условія Анадырскаго края допускали колонизацію его Русскими людьми въ сколько-нибудь обширныхъ размѣрахъ.

Но этого нѣтъ, золотопромышленность въ цѣляхъ колонизаціи края вестись не можетъ, а потому казну едвали можно было бы признать хорошимъ хозяиномъ этого дѣла.

Остается, слѣдовательно, только четвертая форма, созданіе крупной компаніи, напримѣръ, по образцу *Россійско-Американской компаніи* былаго времени или дѣйствующаго теперь *Товарищества Котиковаго промысла*. Мы не сторонники какихъ бы то ни было монополій, мы прекрасно знаемъ что въ дѣятельности *Россійско-Американской Компаніи* было много несимпатичныхъ сторонъ, даже явныхъ злоупотребленій. Но нельзя закрывать глаза и на хорошія стороны въ дѣятельности этой компаніи.

Ей мы, несомнѣнно, обязаны рядомъ цѣнныхъ географическихъ открытій расширившихъ владѣнія Россіи; при ней иноземные хищники не смѣли появляться въ Русскихъ предѣлахъ; она давала заработокъ туземному населенію, обезпечивая его существованіе и устанавливая прочную связь между нимъ и Русскими. Но такіе результаты могутъ быть достигнуты только въ томъ случаѣ, когда дѣятельность компаніи захватитъ не одну только золотопромышленность, а всѣ отрасли торгово-промышленной дѣятельности въ краѣ.

Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ нашло послѣдній путь наиболѣе цѣлесообразнымъ и вошло въ соглашеніе съ полковникомъ гвардіи Вонлярлярскимъ который прежде всего принялъ на себя обязательство не позже весны 1901 года снарядить экспедицію для изслѣдованія ископаемыхъ богатствъ Анадырскаго края, поставивъ во главѣ ея лицъ указанныхъ министерствомъ.

Съ началомъ разработки этихъ богатствъ г. Вонлярлярскій обязуется вносить въ казну по 3% натурою съ добытаго золота и платины и по $1/_4$ коп. съ каждаго пуда поступившаго въ продажу каменнаго угля; добыча же всѣхъ прочихъ металовъ и минераловъ подчиняется общимъ установленнымъ въ пользу казны сборамъ.

Срокъ исключительнаго права г. Вонлярлярскаго на эксплоатацію ...й мѣстности опредѣленъ всего въ 5 лѣтъ, въ теченіи которыхъ и ...жно быть выяснено, съ одной стороны, содержатъ-ли дѣйстви...ьно русскіе берега Берингова моря такія мѣсторожденія золота ...орыя потребуютъ продолжительной разработки, и съ другой, какіе ...нно отдѣльные участки г. Вонлярлярскій пожелаетъ оставить за ...бою съ тѣмъ чтобы всѣ другіе участки казна имѣла право пе...ать другимъ предпринимателямъ по собственному усмотрѣнію.

...ъ 1915 года г. Вонлярлярскій изъ арендаторовъ Анадырскаго

края долженъ будетъ перейти въ разрядъ обыкновенныхъ золотопромышленниковъ Приморской области, съ подчиненіемъ всѣмъ изданнымъ для послѣдней узаконеніямъ, но съ уплатою подесятинной подати въ размѣрѣ вдвое меньшемъ.

Далѣе, г. Вонлярлярскому предоставляется право безпошлиннаго, въ теченіе 25 лѣтъ, ввоза всѣхъ машинъ, приборовъ и матеріаловъ какіе понадобятся для развѣдокъ и разработки золота. Зато г. Вонлярлярскій не имѣетъ права приглашать новыхъ участниковъ дѣла безъ согласія министерства. Эти условія, конечно, нельзя не признать выгодными для казны. Но въ нихъ мы, къ сожалѣнію, видимъ слишкомъ мало заботъ объ обрусеніи края и объ усиленіи въ немъ русской власти. Въ самомъ дѣлѣ, г. Вонлярлярскому не ставится даже условія чтобы всѣ работы велись исключительно русскими людьми, не устанавливается даже процента въ которомъ могутъ быть допущены иностранные техники и рабочіе. Это чрезвычайно важный пробѣлъ который на практикѣ можетъ повести совсѣмъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ.

Н. Н.

Изъ текущей жизни.

Наслѣдіе XIX вѣка. — Недостатокъ офицеровъ во флотѣ и мѣры къ его устраненію.—Вопросъ объ отношеніи губернскихъ земствъ къ уѣзднымъ.—Благотворительный проектъ московскаго городскаго управленія.—Одна изъ странностей этого проекта.—Съ этого-ли слѣдовало начать? — Новый проектъ разрушенія помѣщичьихъ усадьбъ съ цѣлію оказанія трудовой помощи населенію. — „Обвинительные“ приговоры присяжныхъ. — Восточные языки и наши окраины.

Минувшее XIX столѣтіе оставило въ наслѣдство наступающему XX много важныхъ неразрѣшенныхъ задачъ. Въ заслугу послѣдней четверти минувшаго вѣка слѣдуетъ вспомнить уже то что внутреннему домостроительству посвящено было болѣе вниманія чѣмъ заботамъ объ осуществленіи идеаловъ. Державною волею Императора Александра III было предуказано направленіе законодательной дѣятельности; но, къ сожалѣнію, во многомъ предуказанія не получили еще осуществленія. Реформамъ императора Александра II никто не откажетъ въ смѣлости и широкомъ размахѣ. Послѣдующая законодательная дѣятельность призвана была къ разработкѣ того новаго положенія вещей какое создано было реформами 60-хъ годовъ.

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію что самымъ грандіознымъ

всѣхъ преобразованій XIX вѣка является дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Актъ 19 февраля 1861 года корень всѣхъ послѣдующихъ реформъ. Этимъ актомъ созданъ необходимый матеріалъ для развитія всѣхъ дальнѣйшихъ преобразовательныхъ начинаній: дарована многимъ миліонамъ населенія свобода отъ вотчинной зависимости, созданы, говоря юридическимъ языкомъ, многіе миліоны субъектовъ правъ, устранено представленіе о людяхъ-объектахъ, и признано что человѣкъ можетъ быть только субъектомъ правъ. Прежній укладъ жизни разчитанный на такой порядокъ вещей при которомъ меньшая часть населенія обладала правами свободнаго лица, а большая прозябала въ состояніи безправной массы, оказался неудовлетворяющимъ новымъ отношеніямъ: явилась сознательная потребность въ преобразованіяхъ которыя и потекли широкою рѣкой. Но по странной ироніи судьбы основная реформа намѣчена была лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, и до настоящаго времени крестьянскій вопросъ все еще ожидаетъ своего разрѣшенія и детальной разработки. Въ пылу увлеченія идеей реформы позабыто было что недостаточно освободить крестьянъ отъ тяготѣвшаго надъ ними права помѣщика, что слѣдуетъ и опредѣлить какими же правами надѣляются крестьяне, тѣми ли правами какія доступны и бывшему доселѣ свободнымъ населенію, или правами специфически свойственными крестьянству? другими словами, распространяется ли на крестьянъ общій гражданскій законъ, или же гражданскій законъ остается закономъ лишь для тѣхъ сословій которыя и прежде пользовались его опредѣленіями, а крестьянство, хотя и свободное, остается все же внѣ опредѣленій закона гражданскаго? Сначала на новый порядокъ крестьянскаго землевладѣнія смотрѣли лишь какъ на переходную ступень къ общему гражданскому порядку, и предполагалось что съ окончаніемъ выкупной операціи у насъ появится многочисленный классъ мелкихъ собственниковъ, которые будутъ владѣть своими участками, какъ владѣетъ каждый собственникъ независимо отъ принадлежности къ тому или иному сословію; затѣмъ, постепенно складывается взглядъ отражающійся въ особенности въ судебной практикѣ, по которому предоставленныя крестьянамъ на выкупъ надѣльныя земли не составляютъ ихъ собственности, а состоятъ лишь въ ...ь постоянномъ пользованіи; если такія земли даже и выкуплены, ...ѣ не утрачиваютъ своего первоначальнаго надѣльнаго характера. ... 1893 году надѣльныя земли объявлены неотчуждаемыми, воспре...енъ переходъ ихъ къ лицамъ другихъ сословій и даже къ крестья...мъ не принадлежащимъ къ данному крестьянскому обществу. Вотъ, ...ъ сказать, два полюса въ развитіи законодательства о крестьян...мъ землевладѣніи. Отправляясь отъ идеи постепеннаго превраще-

нія надѣловъ въ объекты неограниченной собственности, законодательство приходитъ къ признанію надѣла за имущество стоящее внѣ общаго гражданскаго оборота. Первоначальная идея не нуждалась въ существованіи особыхъ законодательныхъ нормъ для опредѣленія судьбы крестьянскихъ надѣловъ послѣ ихъ выкупа, ибо соотвѣтствующіе вопросы могли бы быть разрѣшаемы на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ; восторжествовавшая противоположная идея дѣлаетъ необходимою разработку законодательства о крестьянскомъ землевладѣніи, для опредѣленія правъ каждаго крестьянина на надѣлъ. Необходимость разработки законодательства о крестьянскомъ землевладѣніи сознана; Земскій Отдѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ собралъ обширный матеріалъ въ видѣ заключеній губернскихъ совѣщаній, но дальше собранія матеріаловъ дѣло не пошло. Вопросы о частныхъ правахъ крестьянъ на надѣлъ остаются по прежнему вопросами еще ожидающими своего разрѣшенія. Необходимость разрѣшенія этихъ вопросовъ авторитетно засвидѣтельствована была во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра Финансовъ въ 1899 г. Между тѣмъ судебная практика лишенная руководительныхъ указаній закона и предоставленная самой себѣ даетъ сегодня рѣшенія какъ разъ противоположныя тѣмъ, какія даны вчера, что разумѣется не обезпечиваетъ твердости и прочности крестьянскаго землевладѣнія.

Не въ лучшемъ положеніи и вопросы общаго законодательства. Вопросъ объ общемъ уложеніи имѣетъ уже двухсотлѣтнюю исторію; но и здѣсь дальше комисій и собранія матеріаловъ дѣло не пошло. Впрочемъ, въ послѣднее время выработанъ цѣлый рядъ проектовъ, но едва ли этимъ проектамъ суждено будетъ превратиться въ дѣйствующій законъ. Выработаны проекты уголовнаго уложенія, проектъ вотчиннаго устава, проектъ устава опекунскаго, проектъ 5-й книги гражданскаго уложенія „объ обязательствахъ", проектъ положенія объ авторскомъ правѣ. Комисія по пересмотру судебныхъ уставовъ оставила по себѣ слѣдъ въ видѣ проектовъ новой редакціи судебныхъ уставовъ и обширной объяснительной къ нимъ записки; но суждено ли редакціи проектовъ превратиться въ редакцію закона? Въ печати появилось еще сравнительно не много отзывовъ о результатахъ дѣятельности комисіи, но и судя по появившимся уже отзывамъ можно сказать что проекты удовлетворили развѣ большинство членовъ комисіи. Всѣ поименованные проекты страдаютъ однимъ существеннымъ недостаткомъ, половинчатостью, боязнью смѣлой и широкой реформы, отсутствіемъ новыхъ идей и преклоненіемъ предъ существующими образцами. Вотъ почему и нельзя предсказать, какъ нельзя и пожелать, чтобы всѣ эти проекты превратились въ законы. Вмѣсто того чтобы стремиться дать общіе законы для всей Импе

комисіи упражняются въ составленіи проектовъ кодексовъ которые и на будущее время сохранили бы въ силѣ существующіе нынѣ партикуляризмы. Даже такая, казалось бы, всеобъемлющая реформа, какъ реформа судоустройства и судопроизводства, отличается необычайною пестротой. При подобномъ направленіи въ разрѣшеніи поставленныхъ на очередь вопросовъ, задачи законодательства не могутъ считаться приближающимися къ своему разрѣшенію. Самый способъ созданія проектовъ въ средѣ многочисленныхъ комисій лишаетъ эти упражненія единства мысли и налагаетъ на нихъ отпечатокъ компромиса, дѣлаетъ ихъ безцвѣтными.

На этотъ путь, къ сожалѣнію, поставленъ въ послѣднее время и вопросъ о среднемъ образованіи. И по этому вопросу созывались и созываются комисіи, давшія, говорятъ, обширный матеріалъ. И здѣсь сказываются отсутствіе искренности и боязнь дать категорическое разрѣшеніе вопроса въ ту или другую сторону. Наша класическая гимназія разрушена, но подъ предлогомъ необходимости проникновенія въ духъ класическаго міра. Класическими наши гимназіи остаются только по названію, на самомъ же дѣлѣ отъ класической гимназіи остается только пустое мѣсто: чѣмъ будетъ занято это мѣсто, едва ли кто-нибудь можетъ дать отвѣтъ. Эксперименты съ среднеобразовательною школой не сулятъ ничего добраго для будущности Россіи, тѣмъ болѣе что упраздненіе средней школы неминуемо понизитъ и безъ того уже не высокій уровень нашихъ университетовъ; и теперь уже гимназіи доставляютъ университетамъ матеріалъ очень не высокой пробы: что̀ же будетъ, когда изъ пустаго мѣста именуемаго класическою гимназіей молодые люди будутъ приходить къ слушанію серіозныхъ и неудобопонятныхъ дисциплинъ? Университетамъ придется превратиться въ старшіе классы гимназій, а на усвоеніе университетскихъ курсовъ, конечно, не хватитъ времени. Въ результатѣ разрушеніе средней школы разрушитъ и университеты. Люди съ общимъ образованіемъ станутъ большою рѣдкостью, но этимъ будетъ обезпечено дальнѣйшее существованіе и процвѣтаніе комисій.

Въ послѣдней четверти минувшаго вѣка сложился взглядъ, будто бы наше время не есть время великихъ задачъ. Этотъ взглядъ совершенно ложенъ. Наше время въ такой же мѣрѣ призвано къ разрѣшенію великихъ задачъ, какъ и всякое другое время, когда создаются и выдвигаются на очередь вопросы о благосостояніи отечества. Такія задачи никогда не могутъ считаться не важными. Вопросъ лишь въ томъ, какъ разрѣшать эти задачи, стремиться ли къ дѣйствительному ихъ разрѣшенію или только дѣлать видъ что это стремленіе интересуетъ призванныхъ къ тому лицъ.

XIX вѣкъ оставилъ цѣлый рядъ крупныхъ неразрѣшенныхъ во-

просовъ. Разрѣшитъ ли ихъ наступающее столѣтіе? Правильное разрѣшеніе вопросовъ общественной жизни зависитъ отъ той степени искренности съ какою призванныя къ разрѣшенію этихъ вопросовъ лица отдаютъ свою дѣятельность на служеніе отечеству.

Лѣтъ двадцать съ небольшимъ назадъ, когда нашъ балтійскій военный флотъ имѣлъ значительно меньшій составъ чѣмъ въ настоящее время, когда судостроительная дѣятельность была довольно слаба, когда весь черноморскій броненосный флотъ исчерпывался двумя стоящими на якоряхъ *поповками*, тогда для приготовленія морскихъ офицеровъ у насъ существовали два учебныя заведенія морское училище въ Петербургѣ и морскіе юнкерскіе классы въ Николаевѣ, Херсонской губерніи.

Много воды утекло за послѣднія два-три десятилѣтія, много измѣнилось въ эти короткіе годы въ нашемъ военномъ флотѣ. Прежде всего были упразднены корпуса морской артилеріи и флотскихъ штурмановъ, такимъ образомъ обязанности штурмановъ и артилеристовъ, которыхъ подготовляло морское техническое училище въ Кронштадтѣ, перешли къ флотскимъ офицерамъ, что сразу потребовало увеличенія ихъ числа. Не посвященный въ тайны морскаго дѣла читатель, вѣроятно, подумаетъ что ближайшимъ послѣдствіемъ этой мѣры явилось открытіе третьяго морскаго учебнаго заведенія. Нѣтъ, это привело только къ закрытію морскихъ юнкерскихъ классовъ въ Николаевѣ.

Теперь, когда развилось наше судостроеніе, когда иностранныя верфи завалены заказами нашего Морскаго Министерства, когда увеличился балтійскій флотъ, когда воды Чернаго Моря бороздятъ многочисленные броненосцы, когда возрасли наши морскія силы въ Тихомъ Океанѣ, мы остаемся при одномъ петербургскомъ морскомъ училищѣ, правда, нѣсколько расширенномъ.

Послѣдствія такого порядка вещей явились далеко непривлекательныя. На-дняхъ всѣ газеты обошло слѣдующее извѣстіе:

> Недостатокъ офицеровъ во флотѣ оказался настолько великъ что Морское Министерство прикомандировало къ 18 флотскому пажу 8 офицеровъ военно-сухопутнаго вѣдомства для пригот... ихъ къ несенію морской службы и частію береговой.

Однако отъ офицеровъ военно-сухопутнаго вѣдомства во ожидать большой пользы нельзя. Прежде всего имъ придетс... съ азбуки, придется привыкать къ морю и, что еще труднѣе, себѣ духъ морской службы во многомъ отличной отъ с...

Да и вообще этотъ способъ пополненія офицеровъ флота не можетъ быть признанъ желательнымъ. Для этого есть другое, болѣе вѣрное средство: увеличеніе числа морскихъ учебныхъ заведеній. Этого, наконецъ, требуетъ даже самая простая справедливость. Почему офицеръ сухопутной арміи можетъ воспитывать своихъ дѣтей въ ближайшемъ къ его дому кадетскомъ корпусѣ, гдѣ-нибудь въ Омскѣ, Оренбургѣ или Хабаровскѣ, а офицеръ флота долженъ отправлять своихъ дѣтей непремѣнно въ Петербургъ, долженъ отрываться отъ нихъ на все время ихъ пребыванія тамъ?

Что же, однако, мѣшаетъ созданію новыхъ морскихъ учебныхъ заведеній? Недостатокъ средствъ? Но вѣдь нашлись же у насъ девяносто миліоновъ на расширеніе кораблестроенія, какъ же не найтись какимъ-нибудь грошамъ на созданіе одного или двухъ морскихъ училищъ?

Опасеніе препроизводства морскихъ офицеровъ? Но для такого опасенія едва-ли можетъ быть мѣсто. Во-первыхъ, нашъ военный флотъ быстро растетъ, а во-вторыхъ, у насъ начинаютъ являться новыя частныя пароходныя компаніи дальняго плаванія которыя никогда не откажутся воспользоваться услугами морскихъ офицеровъ. Стало-быть, объ ихъ перепроизводствѣ не можетъ быть рѣчи еще въ теченіе очень долгихъ лѣтъ.

Нѣтъ, не эти соображенія высказываются противъ увеличенія числа морскихъ офицеровъ. Есть люди безусловно честные, близко къ сердцу принимающіе интересы флота, прекрасно сознающіе недостатокъ офицеровъ въ немъ, но страшно боящіеся открытія всякаго новаго морскаго учебнаго заведенія. Почему?

Говорятъ что въ петербургскомъ морскомъ корпусѣ долгими годами создались извѣстныя традиціи которыя усвоиваются каждымъ воспитанникомъ и потомъ послѣдовательно проводятся имъ во время его служебной дѣятельности, что новое учебное заведеніе, возникшее въ другой мѣстности, при другихъ условіяхъ, можетъ пропитывать своихъ воспитанниковъ инымъ духомъ, прививать имъ иные взгляды, понятія и привычки. Вотъ чего боятся старые моряки, искренно привязанные къ флоту. Ну, а развѣ не случится того-же самаго, если ...ры флота будутъ пополняться офицерами сухопутной арміи получ...ими свое образованіе уже, конечно, не въ морскомъ корпусѣ? Да, ...онецъ, не преувеличена-ли эта боязнь? У артилеріи тоже есть ...и традиціи, однако, это нисколько не мѣшало открыть новое арти...йское училище и даже пополнять составъ артилерійскихъ офи...овъ выпускомъ ихъ изъ другихъ военныхъ училищъ. И подоб...ъ примѣровъ мы могли-бы представить довольно много. Ради ... мнимыхъ страховъ нѣтъ рѣшительно никакого основанія

отказываться отъ удовлетворенія дѣйствительныхъ интересовъ страны. Вотъ почему мы считали бы въ высшей степени желательнымъ открытіе морскихъ учебныхъ заведеній для приготовленія офицеровъ флота не только въ Севастополѣ, но и во Владивостокѣ.

Наши земскія учрежденія успѣли уже отпраздновать тридцати-пятилѣтній юбилей своей дѣятельности. Срокъ вполнѣ достаточный чтобы выяснить ихъ роль и значеніе среди другихъ органовъ мѣстнаго управленія, чтобы точно и ясно опредѣлить кругъ ихъ правъ и обязанностей. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго мы не видимъ въ дѣйствительности. Даже на вопросъ что̀ такое земство мы не можемъ дать удовлетворительнаго отвѣта.

Предсѣдатель Московской губернской земской управы г. Шиповъ въ своей брошюрѣ о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ высказываетъ мысль что земства являются *союзами*, уѣздныя жителей уѣзда, а губернскія жителей губерніи. Читая подобныя строки можно подумать что въ основу организаціи нашихъ земскихъ учрежденій положены принципы *Общественнаго договора* Ж. Ж. Русо.

И въ этомъ мы рѣшительно убѣждаемся на каждомъ шагу. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, земскія сесіи нынѣшняго года особенно богаты преніями о взаимныхъ отношеніяхъ уѣздныхъ земствъ къ губернскимъ, волнующими собранія многихъ губерній, отодвигающими на задній планъ всѣ насущные интересы земскаго хозяйства. Такимъ образомъ, ясно проглядываетъ тенденція считать земства не только учрежденіями *самоуправляющимися*, но *и самоопредѣляющими* кругъ своихъ правъ, обязанностей и взаимныхъ отношеній другъ къ другу.

Если земства считать органами мѣстнаго хозяйственнаго управленія, созданными правительствомъ для облегченія его задачъ и дѣйствующими по его предначертаніямъ, то самое возникновеніе преній о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ земствъ къ уѣзднымъ нужно признать полною нелѣпостью. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ возмож... у насъ въ уѣздныхъ казначействахъ или въ уѣздныхъ полицейс... управленіяхъ пренія объ упорядоченіи ихъ отношеній къ казен... палатамъ и губернскимъ правленіямъ? Нѣтъ, такія пренія невозм... такъ какъ кругъ дѣятельности всѣхъ этихъ учрежденій строг... граниченъ законодательнымъ путемъ и ни для какихъ недораз... мѣста не остается. Если въ Положеніи о земскихъ учрежде... есть какіе-нибудь недочеты, если въ него вкрались неточнос...

ясности въ опредѣленіи взаимныхъ отношеній губернскихъ земствъ къ уѣзднымъ, то уѣзднымъ и губернскимъ земскимъ собраніямъ слѣдовало бы не сочинять для себя конституціи, а возбудить ходатайства передъ правительствомъ о разъясненіи возникшихъ недоразумѣній. Это единственный законный, вѣрный и надежный путь для рѣшенія вопроса. Всякій другой неминуемо приведетъ къ фальши и цѣлому ряду путаницы.

Въ самомъ дѣлѣ, у насъ существуетъ только одно Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ которое и имѣетъ силу во всѣхъ губерніяхъ въ которыхъ введены въ дѣйствіе эти учрежденія. Такой порядокъ вполнѣ понятенъ и никакого инаго мы себѣ представить не можемъ. Между тѣмъ, если каждое губернское земство начнетъ рѣшать вопросъ о своихъ взаимныхъ отношеніяхъ къ земствамъ уѣзднымъ, то нетрудно предсказать что въ различныхъ губерніяхъ получатся самыя разнообразныя рѣшенія вопроса: въ однѣхъ губернскія земства совершено поглотятъ уѣздныя и обратятъ ихъ въ свои низшіе подчиненные органы; въ другихъ губернскія земства, быть-можетъ, не пойдутъ такъ далеко и ограничатся тѣмъ что удержатъ за собою только руководящую роль и право инииціативы въ наиболѣе важныхъ дѣлахъ; въ третьихъ будетъ признана равноправность между губернскими и уѣздными земствами; словомъ, вмѣсто одного положенія о земскихъ учрежденіяхъ ихъ получится цѣлыхъ 37, по числу земскихъ губерній.

При такомъ положеніи вещей само министерство Внутреннихъ Дѣлъ, прежде чѣмъ обратиться къ земству съ тѣмъ или инымъ требованіемъ, принуждено будетъ наводить справки о дѣйствующихъ земскихъ конституціяхъ чтобы опредѣлить въ вѣдѣніи уѣзднаго или губернскаго земства находится то или иное дѣло. Признаемся, болѣе нелѣпаго порядка мы себѣ и представить не можемъ.

Но всѣ эти практическія неудобства съ производимыми ими путаницей и неурядицей положительно блѣднѣютъ и отступаютъ на задній планъ передъ тою деморализаціей которая вносится въ земскія собранія подобными преніями. Тутъ губернскія и уѣздныя земскія собранія совершенно забываютъ скромный кругъ дѣятельности, отмежованный имъ закономъ, и являются не только въ роли законодательныхъ, но и учредительныхъ собраній, чего уже не допускаетъ ни одна конституціонная страна для своихъ парламентовъ.

Земства являются только органами мѣстнаго хозяйственнаго управленія, учрежденными правительствомъ въ цѣляхъ самого правительства, ничѣмъ инымъ они быть не могутъ и не должны, а разъ это такъ, то и ихъ взаимныя отношенія какъ между собою, такъ и къ другимъ органамъ управленія должны быть установлены

тѣмъ-же правительствомъ. Это азбучная истина, аксіома не требующая рѣшительно никакихъ доказательствъ. Чѣмъ скорѣе будетъ принято подобное рѣшеніе, тѣмъ, конечно, будетъ лучше. Возникшая въ земскихъ собраніяхъ агитація, съ истиннымъ смысломъ которой мы познакомимъ читателя въ одной изъ слѣдующихъ статей, прекратится сама собою, и у земствъ явится возможность приняться за рѣшеніе неотложныхъ вопросовъ земскаго хозяйства, что съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе необходимымъ.

Московское городское управленіе отличающееся большимъ пристрастіемъ къ организованной благотворительности въ послѣдніе годы часто даритъ насъ различными проектами для созданія и усиленія этой благотворительности. То имъ проектируется установленіе спеціальнаго налога въ пользу бѣдныхъ, то выпускъ больничныхъ контрамарокъ съ выигрышами, то еще что-нибудь въ этомъ родѣ. Послѣднею новинкою въ этомъ направленіи является проектъ *страхованія наемнаго труда*.

Мысль сама по себѣ очень хорошая: гораздо лучше предупреждать появленіе нищеты, чѣмъ бороться съ проявленіями ея путемъ личной или организованной благотворительности, гораздо лучше развивать въ людяхъ стремленіе къ самопомощи, чѣмъ желаніе жить на счетъ общественныхъ или частныхъ подачекъ. Но какимъ же образомъ достигнуть этого? Наука и практика жизни показали что для этого есть только одинъ вѣрный путь, страхованіе. На него и предлагаютъ Городской Думѣ вступить комисіи финансовая и о пользахъ и нуждахъ общественныхъ. Сущность выработаннаго ими проекта въ общихъ чертахъ сводится къ слѣдующимъ положеніямъ.

Обязательному страхованію подлежатъ всѣ лица обоего пола состоящія въ услуженіи или на службѣ у лица или учрежденія, или получающія плату за свой трудъ, начиная со дня исполненія имъ 16 лѣтъ до 70 лѣтъ, если получаемый ими заработокъ не превышаетъ тысячи рублей въ годъ. При этомъ не принимается въ ра живутъ-ли эти лица у хозяина или работаютъ на него на до заработку или жалованію лицъ получающихъ у хозяина ква и харчи причисляется и стоимость ихъ по особому прейсъ-ку составляемому Думой.

Размѣры страховыхъ премій дѣлятся на пять разрядовъ разно суммѣ заработка: 1) съ заработка не свыше 150

годъ 8 коп. въ недѣлю; 2) не свыше 225 р.—12 коп.; 3) не свыше 450 р.—16 коп.; 4) не свыше 600 р.—20 к.; 5) до 1000 р.—24 к.

Для того чтобы получить право на полученіе ренты въ случаѣ потери способности къ труду, необходимо сдѣлать не менѣе 500 недѣльныхъ взносовъ, а для полученія пенсіи не менѣе 1.200 взносовъ.

При соблюденіи этихъ условій застрахованное лицо пріобрѣтаетъ, въ случаѣ потери способности къ работѣ, право на полученіе ренты въ слѣдующемъ размѣрѣ: по 1 разряду 3 р. въ мѣсяцъ; по 2-му 5 руб.; по 3-му 6 руб.; по 4-му 7 руб. и по 5-му 8 руб. Что же касается пенсіи, то для полученія ея нужно достиженіе семидесятилѣтняго возраста. Самая пенсія производится въ слѣдующемъ размѣрѣ: по 1 разряду 50 руб. въ годъ; по 2-му 60 руб.; по 3-му 76 руб.; по 4-му 90 руб. и по 5-му 104 рубля. Вотъ сущность проекта. Посмотримъ на нѣкоторыя подробности его.

Прежде всего, является вопросъ: для чего комисіи тратили время на выработку его? Неужели въ самомъ дѣлѣ можно думать что трехрублевая рента или пенсія въ размѣрѣ 2 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ могутъ, при нынѣшнихъ цѣнахъ, сколько-нибудь обезпечить существованіе человѣка и дать ему возможность просуществовать безъ помощи общественной или частной благотворительности? Да вѣдь этихъ денегъ едва хватитъ на то чтобы уплатить только за самый грязный уголъ, а вѣдь нужно еще что-нибудь пить и ѣсть, нужно что-нибудь надѣть на себя, нужно имѣть копѣйку на непредвидѣнные расходы, избѣжать которыхъ не можетъ ни одинъ бѣднякъ. Гдѣ же взять на все это? Отвѣтъ одинъ: просить милостыню. Подобное страхованіе не можетъ обезпечить никого, а потому оно является совершенно б..зцѣльнымъ.

На недоумѣнія наводитъ насъ и тотъ параграфъ проектированныхъ правилъ которымъ устанавливается что рента и пенсія могутъ выдаваться только лицамъ начавшимъ уплату страховыхъ премій до наступленія 35-лѣтняго возраста. Почему это? Для того чтобы сдѣлать 500 взносовъ нужно всего съ небольшимъ 10 лѣтъ, а для производства 1.200 взносовъ потребуется менѣе 24 лѣтъ. Почему же не допустить полученію пенсіи лицъ начавшихъ уплату премій съ 56 лѣтъ, а для ..ченія ренты даже лицъ болѣе стараго возраста?

..ращаетъ на себя вниманіе еще одна несообразность думскаго ..экта. Страхователь 1 разряда, какъ мы уже сказали, уплачиваетъ ..недѣлю по 8 коп., а страхователь 5 разряда по 24 копѣйки, ..гъ, въ 3 раза больше. Отсюда, кажется, ясно слѣдуетъ что стра..ель 5 разряда пенсію и ренту долженъ получать въ размѣрѣ ..три раза большемъ чѣмъ страхователь 1 разряда. А между тѣмъ,

когда рента назначается послѣднему по 3 рубля въ мѣсяцъ, первому выдается не 9, а только 8 рублей, такимъ образомъ, 12 рублей въ годъ куда-то исчезаютъ. Еще хуже обстоитъ дѣло съ полученіемъ пенсій. Страхователь 1 разряда получаетъ въ годъ 50 рублей, страхователь 5 разряда, по разчету, долженъ получить 150 рублей, но ему будетъ платиться только 104 рубля. Здѣсь пропадаютъ уже 46 рублей или около одной трети всей пенсіи. Почему же это? Да потому что думскія комисіи считаютъ справедливымъ увеличивать выдачи плательщикамъ премій по низшимъ разрядамъ, за счетъ уменьшенія выдачъ плательщикамъ высшихъ разрядовъ. Получающій ренту въ 9 рублей въ мѣсяцъ считается настолько богатымъ человѣкомъ что можетъ одинъ рубль принудительно отдавать еще болѣе бѣднымъ, а пенсіонеръ получающій 150 рублей въ годъ настолько богатъ что съ него на бѣдныхъ можно взять 46 рублей въ годъ. Странныя понятія!

Чѣмъ дальше мы будемъ разсматривать думскій проектъ, тѣмъ ненужность его станетъ все болѣе очевидной. Составъ постоянныхъ работниковъ въ Москвѣ сравнительно не великъ, сюда идутъ люди изъ деревни временно и, сколотивъ болѣе или менѣе крупную сумму, вновь возвращаются туда; взносы этой категоріи лицъ пропадутъ для нихъ совершенно безполезно. Фабрично-заводскому рабочему нужна такая форма страхованія которая сразу обезпечивала бы его отъ несчастнаго случая, которыхъ съ нимъ можетъ произойти тысяча до уплаты 500 страховыхъ взносовъ. Остается домашняя прислуга, но она теперь живетъ на каждомъ мѣстѣ меньше недѣли, и ей сдѣлать ни одного взноса не придется. Кому же нужно такое страхованіе?

Одной только думѣ и по двумъ причинамъ, во-первыхъ, для увеличенія фондовъ предназначенныхъ для организованной благотворительности, а во-вторыхъ, для торжества принципа.

Дума желала установить принудительный благотворительный налогъ, ей это не позволили. Тогда тотъ же проектъ явился въ видѣ страховаго *съ обязательствомъ для хозяевъ уплачивать половину причитающейся преміи*. Неужели это можетъ кого-нибудь обмануть и ввести въ заблужденіе? Думаемъ что и этотъ замыселъ вы[illegible] вполнѣ достойный отпоръ.

Недуренъ благотворительный проектъ Московскихъ думск[illegible] мисій, но еще лучшій проектъ, по словамъ *Кіевлянина*, вы[illegible]

журналъ *Трудовая помощь*. При существующихъ условіяхъ, говоритъ этотъ органъ:

веденіе помѣщичьяго хозяйства оказывается въ настоящее время крайне затруднительнымъ, и вслѣдствіе этого принадлежащая дворянамъ земля рано или поздно несомнѣнно должна будетъ перейти въ руки лицъ другихъ сословій и, преимущественно, въ руки крестьянъ. Послѣдніе же по господствующему своему положенію въ деревнѣ являются не только вполнѣ естественными претендентами на землю, но, какъ обработывающіе ее не наемными, какъ это дѣлаютъ помѣщики, а собственными руками, должны безъ сомнѣнія быть признаны и настоящими надежными ея хозяевами.

Но вмѣстѣ съ землею отъ помѣщиковъ къ крестьянамъ должны перейти и усадьбы со всѣми принадлежностями, съ парками, садами и оранжереями. Всѣ эти вещи крестьянамъ не нужны. Вотъ тутъ и открывается путь „въ цѣляхъ широкой культурной работы“ для превращенія бывшихъ помѣщичьихъ усадьбъ въ общеполезныя учрежденія, въ школы различныхъ наименованій, больницы, богадѣльни, дома трудолюбія и т. д. Проектъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный!

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать что и въ настоящее время плохо охраняемыя помѣщичьи усадьбы представляютъ широкое поприще для „культурной работы“ и для „трудовой помощи“ населенію. Въ нихъ крестьянинъ растаскиваетъ заборы по доскамъ, рубитъ фруктовыя деревья себѣ на дрова и т. п. Есть отъ чего придти въ умиленіе!

Но самая настоящая „культурная работа“ должна начаться только тогда, когда помѣщикъ окончательно будетъ выкуренъ изъ своего родоваго гнѣзда, когда землевладѣльцемъ сдѣлается крестьянинъ. Какой? Общинникъ? Нѣтъ, въ его руки помѣщичьи усадьбы переходятъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Неизмѣримо чаще ихъ „глотаютъ“ Разуваевы, Колупаевы, Деруновы и другіе артисты современной деревни, имя же имъ легіонъ. Ну, а у этихъ лицъ свои понятія и о „культурной работѣ“, и о „трудовой помощи“. Можно чѣмъ угодно поручиться что купленныхъ ими усадьбъ ни подъ школы, ни подъ больницы они не отдадутъ. Колупаевы „проповѣдуютъ разбой подъ видомъ честныхъ спекуляцій“, но до общеполезныхъ учрежденій имъ не было и нѣтъ дѣла. Такъ что весь проектъ оказывается построеннымъ на пескѣ.

Съ чего *Трудовой помощи* вздумалось читать отходную надъ усскимъ помѣстнымъ землевладѣніемъ? Въ теченіе своего существованія оно пережило много тяжелыхъ затрудненій, а такихъ то проектовъ переживетъ цѣлые миліоны!

Въ нашей повременной печати говорилось очень много объ оправдательныхъ приговорахъ суда присяжныхъ, о присвоенномъ имъ себѣ правѣ помилованія преступниковъ, правѣ которое вездѣ и всегда составляло исключительную принадлежность верховной власти. Оправдывались явные преступники, оправдывались даже сознавшіеся на судѣ въ своемъ преступленіи обвиняемые. Въ такихъ случаяхъ защитники суда присяжныхъ обыкновенно старались свалить вину на неудовлетворительность предварительнаго слѣдствія, которою и объясняются слишкомъ частые оправдательные приговоры. Мы не сторонники такихъ приговоровъ, мы думаемъ что въ будущемъ кромѣ зла они ничего принести не могутъ; но мы, покрайней мѣрѣ, понимаемъ логическій смыслъ такихъ приговоровъ. Улики кажутся присяжнымъ засѣдателямъ недостаточно вѣскими, они заподозриваютъ искренность свидѣтельскихъ показаній, они не довѣряютъ сознанію обвиняемаго на судѣ и въ силу этихъ причинъ оправдываютъ его. Повторяемъ, такое явленіе до извѣстной степени понятно, хотя ему, конечно, можно несочувствовать всѣми силами души.

Но наряду съ оправдательными мы часто наталкиваемся и на „обвинительные“ приговоры поражающіе своею странностію, на приговоры которымъ нѣтъ и не можетъ быть никакого логическаго оправданія. Возьмемъ такой примѣръ: чиновникъ судится за растрату; ревизія, провѣрка денежныхъ книгъ и цѣлый рядъ другихъ обстоятельствъ точно и непреложно устанавливаютъ фактъ что растрачено не болѣе и не менѣе какъ 5.000 рублей. Что̀ дѣлать съ подобнымъ чиновникомъ?

Можно, конечно, признать въ немъ излишнюю мягкость сердца которая заставляла его бросать къ ногамъ неумолимой красавицы деньги, не отличая своихъ отъ казенныхъ, можно признать въ немъ неудержимую страсть къ тотализатору, наслѣдственную привычку жить не по средствамъ и на основаніи всего этого оправдать его, поощривъ на новыя растраты. Можно, наконецъ, признать его виновнымъ, и смотря по обстоятельствамъ дѣла, дать или не дать снисхожденіе. Кажется только и возможны эти два исхода, кажется что третьяго быть не можетъ и не должно. Однако, наши присяжные засѣдатели часто ухитряются найти именно третій исходъ: они выносят-
нику обвинительный приговоровъ, но признаютъ его винов...
растратѣ на сумму менѣе 300 рублей. Откуда взялась такая
когда о ней не было и помина ни на предварительномъ, ни
дебномъ слѣдствіи? И это явное противорѣчіе рѣшительн-
не смущаетъ, оно не отнимаетъ у вердикта присяжныхъ сп
конности.

Возьмемъ другой случай: человѣкъ покупаетъ ножъ, оттачиваетъ его и съ нимъ въ карманѣ цѣлую недѣлю караулитъ свою жертву. Убійство совершилось; убійца пойманъ; присяжные выносятъ ему обвинительный вердиктъ, но признаютъ его дѣйствующимъ въ запальчивости и раздраженіи, отвергая всякій умыселъ. И въ данномъ случаѣ мы видимъ полное противорѣчіе вердикта присяжныхъ съ обстоятельствами дѣла.

Третій случай: четыре-пять крестьянскихъ парней набрасываются съ кольями на своего сотоварища и бьютъ его, что̀ называется, не на животъ, а на смерть. Избитый найденъ въ безсознательномъ положеніи, врачебное освидѣтельствованіе показываетъ что у потерпѣвшаго переломано нѣсколько реберъ, что на черепѣ у него оказались глубокія трещины, длина и ширина которыхъ измѣрена самымъ тщательнымъ образомъ. Личность производившаго освидѣтельствованіе врача не возбуждаетъ къ себѣ ни малѣйшаго недовѣрія, на судѣ и въ голову никому не приходитъ оспаривать врачебное заключеніе что побои носили тяжкій, угрожающій жизни характеръ, но въ вердиктѣ присяжныхъ они называются легкими, безопасными, и обвиняемый приговаривается къ краткосрочному тюремному заключенію.

Изъ этихъ трехъ примѣровъ мы видимъ что присяжные засѣдатели могутъ не только признать или отвергнуть фактъ совершенія преступнаго дѣянія, но могутъ также *сочинить* новое обстоятельство уменьшающее вину подсудимаго, дающее возможность оказать ему снисхожденіе въ размѣрахъ недопускаемыхъ закономъ. Нормаленъ ли такой порядокъ? Можно ли мириться съ нимъ? Полагаемъ что нѣтъ. Останутся ли у насъ въ дѣйствіи старыя положенія о судѣ присяжныхъ, будутъ ли введены новыя, уже проектированныя, но эта ненормальность во всякомъ случаѣ должна быть устранена.

ꙥа ближнемъ и на дальнемъ Востокѣ у Россіи есть точно и ясно ..дѣленныя политическія, экономическія и культурныя задачи; но ..бы выполнить эти задачи прежде всего нужно хорошо знать міро..зрѣніе, нравы и обычаи сосѣднихъ съ нами народовъ, и для до..енія этой цѣли въ свою очередь необходимо имѣть въ доста..омъ количествѣ людей знающихъ языки этихъ странъ. Это такая ..учная истина, такая простая аксіома которая не требуетъ рѣ..гельно никакихъ доказательствъ.

Что̀ же сдѣлано у насъ для изученія языковъ сопредѣльныхъ съ нами странъ Востока? Повидимому, очень много. Въ самомъ дѣлѣ, при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ существуютъ особые курсы этихъ языковъ, въ петербургскомъ университетѣ существуетъ восточный факультетъ, въ Москвѣ существуетъ спеціальный Лазаревскій Институтъ восточныхъ языковъ. И несмотря на это, у насъ чувствуется громаднѣйшій недостатокъ въ людяхъ знающихъ эти языки, такъ какъ они почти всецѣло поглощаются дипломатическою службою.

Результаты отъ такого порядка вещей получаются крайне неутѣшительные: въ роли переводчиковъ являются, обыкновенно, туземцы кос-какъ ознакомившіеся съ русскимъ языкомъ, но умомъ и сердцемъ тяготѣющіе къ своимъ сородичамъ. Только этимъ и можно объяснить такой непонятный на первый взглядъ фактъ что мы ронно ничего не знали о готовящемся возстаніи въ Манчжуріи, когда приготовленія къ нему велись долгое время и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. По той же самой причинѣ мы ничего не знали ни о предстоящемъ нападеніи на Благовѣщенскъ, ни объ ожидаемыхъ событіяхъ въ Андижанѣ.

Но даже отбрасывая эти чрезвычайныя событія, не трудно понять какой громадный вредъ приносятъ подобные переводчики, заставляющіе представителей русскаго суда и русской администраціи смотрѣть на все ихъ глазами. Искажая умышленно или по невѣжеству показанія обвиняемыхъ и свидѣтелей, переводчики вырываютъ у судьи такое рѣшеніе которое подрываетъ авторитетъ русскаго суда въ глазахъ туземнаго населенія и заставляетъ съ недовѣріемъ относиться къ нему. Превратныя свѣдѣнія сообщаемыя русской администраціи о томъ или иномъ настроеніи туземнаго населенія могутъ заставить эту администрацію или принять совершенно безполезныя мѣры только озлобляющія населеніе, или-же, наоборотъ, отказаться отъ принятія мѣръ дѣйствительно необходимыхъ. Словомъ, вредъ получается всегда и на каждомъ шагу.

Одною изъ лучшихъ мѣръ для устраненія этого зла было созданіе во Владивостокѣ Восточнаго Института, въ основу устройства котораго былъ положенъ принципъ что студенты должны изучать немногіе восточные языки (всего два), но зато изучать и[illegible] основательно. Нельзя не признать удачною самую мысль устрои[illegible] институтъ во Владивостокѣ, гдѣ среди городскаго населенія с[illegible] много Китайцевъ, Корейцевъ и Японцевъ, сношенія съ которыми [illegible]гутъ служить прекрасною практикой для учащихся.

Теперь и туркестанская печать горячо высказывается въ пол[illegible] необходимости созданія подобнаго-же учебнаго заведенія для Т[illegible]

кестанскаго края. Мысль безусловно симпатичная и нельзя не пожелать чтобы она не осталась безплодною. Въ центральной Азіи люди знающіе мѣстные языки намъ нужны ни сколько не менѣе чѣмъ на Дальнемъ Востокѣ. Наши торговыя сношенія съ Персіей ростутъ и крѣпнутъ съ каждымъ годомъ, мы все тѣснѣе и тѣснѣе сближаемся съ Бухарой, у насъ завязываются сношенія и съ Афганистаномъ, наконецъ, въ предѣлахъ русскихъ владѣній разноплеменное инородческое населеніе настолько многочисленно что и для болѣе тѣснаго общенія съ нимъ нужны люди хорошо знакомые съ мѣстными языками.

Однако, невольно является слѣдующій вопросъ: вездѣ-ли намъ необходимы переводчики съ высшимъ образованіемъ? На этотъ вопросъ приходится дать отрицательный отвѣтъ уже потому одному что такой массы ихъ мы имѣть не можетъ. Эту мысль прекрасно понялъ главный начальникъ Квантунской области вице-адмиралъ Алексѣевъ, по инаціативѣ котораго въ городскомъ училищѣ въ Портъ-Артурѣ вводится теперь преподаваніе китайскаго языка. Проходиться онъ будетъ въ очень скромныхъ размѣрахъ, и учащіеся получатъ только самыя необходимыя въ будничной жизни знанія его. Но и такая мѣра несомнѣнно будетъ имѣть громадное значеніе въ будущемъ. Вотъ гдѣ слѣдуетъ искать подражанія и другимъ нашимъ восточнымъ окраинамъ.

